КОНТИНЕНТ

115

2003

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ

№ 115





о. Анри Мартен

Первые слухи о Междугорье дошли до нас, сколько помню, уже в начале 80-х: Пресвятая Богородица является шестерым детям где-то в Югославии, там происходят удивительные вещи...



Мария Ремизова

...Странно все-таки. Я же ее любил. И она меня, вроде, тоже. Как же мы умудрились довести все до такого абсурда?..

Подбивая итог, не греши: не верши —
Это вроде темницы;
Самый опыт души —
лишь начало души:
Не с нуля? —
с единицы.



Владимир Лапин

Вряд ли можно вообразить сейчас, каким взрывом было явление слова Владыки в той Москве, где считанные люди помнили, в какой день празднуется Рождество...



Ольга Седакова

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи
Ларисы Миллер и Геннадия Трифонова

Рассказы
Александра Кузнецова и Валерия Мухарьямова

Статьи и очерки
Дмитрия Быкова, Евгения Ермолина, Александры и Бориса Колымагиных, Марины Кудимовой и Юрия Белико-ва, Рээт Куду, Олега Павлова, Ильи Смирнова, Татьяны Сотниковой и Виктора Шендеровича

Подборку документов
Дело священника Павла Адельгейма

А также наш постоянный раздел
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА "КОНТИНЕНТА"



УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

73218 и 71682

(годовая подписка)
в красно-бело-синем каталоге «Роспечати», а также

15706

в зеленом Объединенном каталоге «Пресса России»
(адресная система подписки)

В помещении редакции «Континента» (ул. Мясницкая, 22, 3-й этаж, офис 114) ежедневно (кроме субботы и воскресенья), с 14.00 до 16.00 можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В Москве журнал «Континент» продается в книжных магазинах:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60
"БИБЛИО-ГЛОБУС" – Мясницкая ул., 6; тел. 921.63.40
"ГРАФОМАН" – 1-й Крутицкий пер., 3; тел. 276.31.18
"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97
"ЛЕТНИЙ САД" – Б.Никитская ул., 46; тел. 203.77.83
"ПИРОГИ" – Пятницкая ул., 29/8; тел. 927.55.22
"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 951.75.96
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 923.03.80
"У КЕНТАВРА" книжная лавка РГГУ – Чаянова ул., 15; тел. 250.65.46
"ФАЛАНСТЕР" – Б. Козихинский пер., 10; тел. 504.47.95
ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА – Столешников пер., 2; тел. 229.52.62

В Санкт-Петербурге
Магазины "ЛЕТНИЙ САД":

Большой Проспект ПС, 82
Невский проспект, 3
ВО, Менделеевская линия, 5
Фонтанка, 15

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

115

2003, № 1
январь — март

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адрес редакции: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(095) 924-91-51
Internet: www.magazines.russ.ru/continent/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АВЕРИНЦЕВ
Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Георгий ВЛАДИМОВ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Лариса ПИЯШЕВА
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Александр КЫРЛЕЖЕВ, Светлана ОПАРИНА,
Мария РЕМИЗОВА, Владимир СОТНИКОВ

Представители «Континента»

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Юлия АРОНС
Kaltenhoferstraße 2,
86154 AUGSBURG, BRD
☎ (821) 42-26-58

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Джулия ФИЛИППЕЛЛИ
Via Olmetto, 5
20100 MILANO, ITALIA
☎ (02) 29-00-88-87

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
217 4th ave.
GARWOOD, N.J. 07027 USA
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
26 rue de la Paroisse
78000, VERSAILLES, FRANCE
☎/fax (1) 30-21-64-37

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир ЛАПИН
Перекличка введения и эпилога. *Стихи* 9

Мария РЕМИЗОВА
Москва — Питер и обратно 18

Лариса МИЛЛЕР
В этом лучшем из миров. *Стихи* 104

Валерий МУХАРЬЯМОВ
Дорога в рай 109

Геннадий ТРИФОНОВ
Скандинавский триптих. *Стихи* 132

Александр КУЗНЕЦОВ
Ах, Митя, Митя... *Рассказ* 136

РОССИЯ И МИР НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Илья СМИРНОВ
Пророчество Троцкого 150

У книжной полки

Татьяна СОТНИКОВА
Штучные книги 178

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/ноябрь — декабрь 2002 г./ 188

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской истории и современности
в русской периодике третьего квартала 2002 г. 213

РЕЛИГИЯ

Я ДАЮ ТЕБЕ СВОЮ ЛЮБОВЬ, ПЕРЕДАВАЙ ЕЕ ДАЛЬШЕ...
О явлениях Богородицы в Междугорье 220

1. От редакции 220

2. о. Анри МАРТЕН. Междугорье 222

3. От редакции

I. Дополнительная фактическая информация 229

II. Послания Богородицы в Междугорье (*краткий обзор*) . . . 236

4. о. Анри МАРТЕН. Междугорье (*продолжение*) 276

У книжной полки

Ольга СЕДАКОВА
Сила присутствия 296

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (декабрь 2002 г. — январь 2003 г.) 303

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Дело священника Павла Адельгейма 308

ГНОЗИС

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая, историософская
и культурологическая мысль России
в русской периодике третьего квартала 2002 г. 342

ПРОЧТЕНИЕ

Олег ПАВЛОВ
Герой и злодейство 351

Ольга СЕДАКОВА
«Не смертные, таинственные чувства» (*о христианстве Пушкина*) . . 364

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Частицы боли 376

Литература — глазами писателей

Дмитрий БЫКОВ
Своя правда 391

Рээт КУДУ
Литература как опасная и грубая шутка 396

Культовые фигуры литературной ярмарки

Евгений ЕРМОЛИН
Письмо от Вовочки 402

У книжной полки

Марина КУДИМОВА, Юрий БЕЛИКОВ
Дикороссы 419

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика
Четвертый квартал 2002 г. 441

ПЕРЕКЛИЧКА ВВЕДЕНИЯ И ЭПИЛОГА

Введение

Пастух никогда не опаздывал.
Не зная о Гринвиче и даже не глядя на ходики,
Он выходил и звал за собою лобастого
Пса, не годящегося в охотники.

С этого начиналось многое,
Во всяком случае — внешне с этого:
Село как будто бы с места трогалось,
Чему-то смеялось, на что-то сетовало.

Звуки прикладывались к оконницам
И мигом упархивали с прохладных,
Просящих угомониться, опомниться,
Подумать о планах.

Строить расчеты? Но если плещется,
Если пляшется без пособия,
Если вольничается, лепечется,
То ведь и чувства — особые!

Пастух, собирающий стадо, стадо,
Любая собака — и пес лобастый
Едино угадывали, что надо
Тоже избавиться от балласта.

Они забывались, они разбрасывались
Свободной свободой собственных звуков,
Не только жили, но были вибрациями
Всей улицы — мало! — всех закоулков.

Владимир ЛАПИН — родился в 1945 г. в Москве. Автор нескольких книг для детей и поэтических сборников «Сверчок» (1993) и «Тон» (2001). Стихи Лапина печатались в журналах «Арион», «Волга», «Дружба народов», «Континент», «Новый мир». Живет в Москве.

Какая ловушка для собирателя!
Я сам вовлекся, я сам забылся,
Меня самого подмывало, тратило —
И я соглашался на это быстро.

Не заводилам и не историкам —
Здесь только созвучьям давались дали
Чистым, вечным, чудесным дольником
С его играющими пластами.

1973

* * *

Ты все о проигрыше? Не жалей!
Переиграем партию. С какого ж это хода
Пошла сплошная чушь? Эх горе-игроки —
Уже забыли все!
Давай-ка сдвинем шахматы с доски —
И колесом
Покатимся на улицу: там — робкая погода,
Ей не хватает нас, ей надо стать живей.

Прекрасно, что игра уже забыта!
Идем! За нашей дверью март почти уснул —
Скорей растормошим!
Необходимо приподнять весну
Хоть на аршин,
Хоть как-то вывести из этого тромбофлебита!

Как матерьяльно ощущение: вот мы
И вот он — наш кусок асфальта в мирозданьи!
На нас возложен труд:
Хотя бы тут
Мир должен быть отмыт!
Нелегкий труд. И мед — не нашими устами.

Что прошлое тащить из-под песка!
Теперешний порыв — не для созданья мемуаров,
Не в назидание кому-нибудь,
Чья грудь
Ничуть не сопричастна голоду бульваров
И узка.

Мы влюблены, и мы с любви не тянем
Каких-то благ. Нет, мы — любви подстать,
Любовь — сама ценна!
И — только успевай ловить, запоминать —
Наполнена она
Такими самозначимыми новостями!

1972

* * *

В прошлом все просто, все по этапам
И очевидно — по чьим стопам.
Птичьим наскоком, конским нахрапом
Мы добываем его чистоган.

С детства героям прошлых трагедий
И победителям прошлой чумы —
Скользко нам, скользко на *нашем* паркете!
Вот оно — прошлое. Вот они — мы.

1972

* * *

Коверный в запое. К тому же у нас
И солнце уже далеко не гимнаст:
Не то, что крутиться, искриться, пластаться —
В невидных огарках и то бы остаться:
А вдруг и на это судьба не подаст!

Весь купол обвис! — что ли время такое:
Гимнаст — не гимнаст, и коверный — в запое,
И даже ковер отсырел и истлел;
Лишь серое что-то на город и поле
Сползает лениво на белой метле.

Еще не зима, но предзимье — изжито;
Кому разминуться бы так, но уж им-то,
Уж им-то никак невозможно — и все ж:
Коверные расползся, гимнаст занедужил,
Октябрь замочило в безвылазной луже,
А если минутами белое кружит —
То это не больше, чем светлая ложь.

1973

* * *

Зачастили автобусы —
Да не те номера:
Те — не ходят из робости,
Не хотят на ура;

Или смотрятся в зеркальца
В настроеньи другом:
Окончательно смеркнется —
И тогда уж бегом;

Или, может, заранее
Им возьми да приснись:
Маята ожидания
Конденсирует смысл.

Хоть садись прямо на землю
И себя сочини
Не кончавшим гимназию
Городской толчеи!

Но игрой не утешиться —
Слишком ясно: игра !..
Что-то стаями держатся
Не мои номера;

Бередя ожидание,
Мостовая впотьмах
Гонит дальнее в дальнее,
Зодиак в зодиак;

Пролетают созвездия...
Мой парад бестолков:
Никакого известия
От *моих* светляков!

Ни намека (я понял бы),
Даже ни миража:
Ни землею, ни по небу
Вести из гаража!

Но неправда, не попусту
И не то, чтоб спроста
Я стою перед пропастью
В ожиданьи моста.

1973

Такая вот баллада

Любил за двоих, за двоих надеялся, верил за них обоих —
А вышло так, что и не было их, двоих-единых,
что на слабо их
Рознь подстрекала, притворщицки-слепо давала
подсказки — и, преумилившись лукаво (ей всё
нипочем-таки), чуть ли не в верность кидалась-
кидалась-кидалась и вновь принималась кидаться,
Чтоб напоследок по-хамски,
подчеркнуто-дьявольски расхохотаться.

Да, вот такая баллада... и каждое новое завтра
в дыму измочаленной были двоится :
Вдруг обнаружится, что покривлялась неправда,
а правда еще состоится?

2000

* * *

Остановись!
Впереди еще много пути:
Помедли,
Чтоб основательно обрести
Все то, что иначе станет пустой болтовней про намедни,
Или даже бесследней:
Как бы заблудится —
Да и забудется.

Просто на высь
Посмотри никак не униженно — снизу :
Мы для нее в таких тайниках
попрятаны! ей и самой томительно хочется
чувствовать: «Вижу»! — но скорость мешает
разглядывать всякую птичку — что белу, что сизу.

2001

Закат

Скоро — быстрей, чем
С города стянет последний, покуда всего лишь
тончающий солнечный пласт,
Свора бездомных собак в ожиданьи кого-то
собьется у самого входа в метро, поджимая хвосты —
а сухими костями надеясь на чудо; спасительным
встречам

Как тут не быть! — да не сбыться:
природа их требует — но и не даст.

2001

Недосказанный сказ

Голавли там ловились под мостиком:
И никто там не именовал
То, что где-то зовут колоритом (а в гости там
И художник бывал:
Не привыклось.

Привозили туда на подкорм и на выкрас
Дочь художника (в городе тво́рог —
не тво́рог, а вовсе творо́г,
Да и воздуха нет:
Съездишь, если приспичит составить какой документ,
Потолчешься, услышав куплет
О стране необъятных просторов и зове
ее бесконечных дорог, —
И домой, к голавлям).

Дочь художника выросла; где-то, с грехом пополам,
Помнит даже про тво́рог:
Чем-то он ей и дорог
В Риме или на Корсике,
Где едят только финики-персики.

2001

Автобиография

1

Сказано, назвалось,
Обозначилось так, что
И смотришь уже не сквозь —
И прозрачней воздуха пташка.

А дождик заморосил:
Знай-напевай под морось,
Что легкость — сложенье сил,
Невыносимых порознь.

2

Красоты, красоты... довольно красот!
Со смыслом ли — ? — сдуру,
Но вот их и сдуло,
А голые ветки
(Поди-заступись-докажи-опровергни)
Для пущей проверки трясет и трясет.

Ох горе-глаголы и прочая речь,
Скажите, что нет, — а и нет трясогузок,
Действительно нет: ну и сложишь строку-то
С не меньшим унынем, чем голову с плеч.

3

Любые травинка, былинка, соломина!
Про что ни пиликну — к ответу звало меня.

Да мне и дано было
Долгие лета
Расхаживать около,
Возле ответа.

Пиликнул? — подмеченный!
И трезвый как пьян ты:
Смогу ли? отвечу ли?
А есть варианты?

4

И не знал — так поймешь: где живешь — там и рад,
Не поешь — так чирикай,
Не пришлось посмотреть, как растет виноград, —
Бормочи над черникой.

Подбивая итог, не греши: не верши —
Это вроде темницы;
Самый опыт души — лишь начало души:
Не с нуля? — с единицы.

2001-2002

* * *

Остыли, согрелись, остыли:
Такие у мошек дела.
Сирень выжидала — цвести ли:
Тем временем и отцвела;

Тепло, но не жарко согрета,
Стоит, от себя заслонясь;
И тихое, скромное лето
У ней впереди и у нас.

2002

* * *

Отжил? а всё-то мне —
Были б мотивы;
Ульев бы с сотами
Для перспективы.

Лодку — рыбачить, да грядку — полоть бы;
Вечную крякву на старом болоте;

К лету бы — летнее,
К небу — земное...
Есть ли я — нет меня:
Не основное.

Молитва

Да, я совсем не елей, не отборный нектар
И не приангельский птах.
Как бы ни прямо я шел — а плутал и плутал,
Но не хочу быть в плутах.

Да, меня примутся рвать и глодать упыри:
Вытерпеть — не по плечу...
Не отпускай мне грехов: на Себя не бери:
Пытки Тебе — не хочу.

2002

* * *

Не пропадает сегодня
Из виду шмель:
Он растворяется в виде — и осень,
с его растворенье, косматей;
Будь это я, то и сам оценил бы,
насколько проник все и обнял,
С тем и нашел бы на долгое-долгое время надежную щель,
Где сохранялся бы целую зиму как нужный к весне
проявитель того, что не выяснит за зиму дятел;
Все это сделает шмель, никому не заметив
и даже не думая для куражу:
«Пересижу себе, ай да отшельник, — а там уж
природно-отлаженно сам погляжу и себя покажу»!

Желудь, конечно, по делу
Сброшен в траву —
А пролежит еще — ох!.. без витийства по поводу
смысла, с которым он рос или падал,
Цели, какой, так сказать, посвятился
(и дальше, и дальше; извечно-глубокий вопрос;
никому не закрыть эту зыбкую тему —
Но хоть прерву:
Лает щенок, и здоровая баба сгребает
опавшие листья огромной лопатой).

2002

МОСКВА — ПИТЕР И ОБРАТНО

Пятница

— Если ты такая дура, то кто, прости Господи, в этом виноват? — говорила Лиза, подбирая под себя хорошенькие ножки. — Никто кроме тебя и не виноват...

Тася напряглась от безмерной обиды, но виду не подавала, отлично понимая, что чем явственнее покажет, как сильно задели ее Лизкины слова, тем скорее сама же и проиграет. Сколько ни старалась, она никак не могла понять, за что любят таких, как Лизка... Взять хоть телефон — столько лени, столько самолюбования в этом капризном «Да-а?», когда она снимает трубку... И вообще...

Давая выход чувству, Тася вонзила себе в ладошку полированные ноготки. Постаралась не изменить выражения лица, только веки слегка опустила — будто просто устали глаза.

Лиза, впрочем, на нее и не смотрела. Истомившись от бесплодной, нескончаемой, тягучей этой беседы, она машинально следила за черными птицами и мутными облаками, которые бессюжетно и бессмысленно жили и двигались за окном.

— И зачем ты вообще с ним споришь? — не дождавшись Тасиной реплики, наконец процедила Лиза. — Пусть себе говорит, что хочет. Тебе-то что?

— То есть как — что?! — не выдержала и на этот раз, как не выдерживала никогда, своей роли Тася. — Он же всегда, во всем старается меня унизить... Как будто я какая-то последняя дрянь!

— О Боже! — искренне возмутилась Лиза. Но возмутилась вовсе не тем, чем хотелось бы Тасе, а тем, что ей, у которой есть куча дел поинтереснее и поважнее, приходится сидеть тут и вправлять мозги человеку, который все равно ничего не поймет (а если даже поймет, никогда не сможет последовать ее руководству). Тасе бесполезно втолковывать, как надо жить на этом свете, потому что она начисто, от природы лишена двух единственно надежных силков для уловления человеков — обаяния и остроумия.

Мария РЕМИЗОВА — родилась в 1960 г. в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Литературный критик, автор многих статей о современной литературе. Как прозаик дебютировала в 1995 г. в журнале «Постскриптум». Живет в Москве.

— Ну так плюнь на него совсем, — уже по-настоящему рассердилась Лиза. — Тоже мне Принц Датский! Свет на нем клином что ли сошелся?!

В глубине души она понимала, что клюет подругу в самое, может быть, больное место. Но не клюнуть не могла, потому что, хотя и была давным-давно абсолютно уверена в своем бесконечном над Тасей превосходстве, но инстинкт, глупый и злой, заставлял ее иной раз пребольно щелкнуть эту занудливую неудачницу.

— При чем тут... — застонала Тася, с ненавистью глядя на белые Лизины колготки. — Ты что ли любишь одних только умных и красивых?..

— Конечно, — отчеканила Лиза. — А зачем любить дураков и уродов?

— Он не дурак, — упрямо возразила Тася.

— Дурак, конечно, — убедительно сказала Лиза. — Разве умный человек станет так глупо вести себя с женщиной? Он или вовсе с ней не свяжется, если она ему, положим, не нужна, или уж как-то там ее под себя подстроит, чтобы она не была без конца недовольна, — если он умный-то человек...

— Да-а? — со всей возможной язвительностью выдавила Тася (вот он редчайший шанс дать Лизке по носу!). — Значит, ты под своих умных подстраиваешься?..

— А мы разве обо *мне* говорим? — отпарировала Лиза с королевской надменностью.

От зависти Тася едва не заплакала.

Лиза взглянула на нее без малейшего сочувствия. И не то чтобы она была так зла, но выносить Тасю долго не было никаких сил человеческих. Эта размазня даже в редкие минуты хорошего настроения не уставала считать собственные обиды и чужие удачи. А уж в долгие часы унылого упадка эти самые чужие успехи вонзались в Тасино сердце настоящей занозой — на фоне собственных-то промахов. Вонзались так, что выть хотелось. Она и выла.

Сейчас Лизе страшно хотелось, чтобы Тася, наконец, попрощалась и ушла. Все было обсуждено, все пересказано по нескольку раз — и то, что относилось к непосредственным Тасиным переживаниям, и то, что обсасывалось и перемалывалось из года в год... У Лизы уже давно трещала голова, болели спина и шея, а Тася все сидела, все ныла, все пила кофе.

Впрочем, Лиза, как всегда, казалась спокойной. Вечное притворство, неосознанное, а потому и не вполне достойное называться притворством, заставляло ее играть по особым правилам. Она входила в ситуацию, как актриса в роль, как купальщица в море, и перевоплощалась, менялась, сливалась... Для Таси она была чем-то вроде собственного несостоявшегося «я» — такой, какой Тася хотела бы быть, но быть никогда не могла, — и потому самой близкой, самой ценной и самой ненавистной подругой.

Тася все сидела, все нудила, все пила и пила кофе... Лиза поглядывала на часы, зная, что мука эта не вечна и часом ли раньше, часом ли позже ей все равно предстоит распрощаться с подругой и ехать в гости. Да и сидела она тут, как пришитая, вовсе не из-за Таси, а из-за собственного ее, брачным свидетельством связанного (положим, кто еще кого связал!) мужа. Он же, как назло, где-то шлялся, несмотря на то, что обговорено все было заранее — очень заранее, и потом еще раз, уже сегодня с утра.

Как звали Лизкиного мужа, забыли все, кроме, может быть, ближайших родственников, в жизни же все называли его Марля. От марли — по крайней мере, внешне — в нем, однако, ничего такого не было: был он высокий, худой и даже волосы темные, так что «Марля» скорее всего как-нибудь откололась от фамилии.

И пока в кухне сидела Тася, а Марлю носило неизвестно где, у Лизы имелось достаточно поводов злиться: давно пора ехать — и ехать вдвоем. О, эти обязательные визиты!.. Она совсем уже было решилась ехать одна и ждала лишь окончания очередной Тасиной пени, но тут зазвонил телефон.

— Ну? — холодно и недовольно процедила она. — Я ведь жду, между прочим.

— А ты не можешь одна? — спросил Марля, будто Лиза и не объясняла ему ничего ни утром, ни раньше. — Мне, знаешь, эти твои великосветские посиделки как-то совсем поперек горла.

— Я все могу, — еще холоднее отчеканила Лиза. — Могу одна. Могу и не одна. А ты не мог ли утрудиться сообщить о своих намерениях пораньше?

— Тебе, вероятно, трудно это представить, но не мог. Я, видишь ли, работал.

— Неужели у доменной печи? Или в тайге?

— Я выезжал на съемку.

— Но не в тайгу же!

— Лиз, — сказал Марля устало, и Лиза прямо увидела, какое у него в этот момент было лицо, — ты становишься дико похожа на свою маму.

И тогда Лиза повесила трубку.

* * *

Она приехала, когда все давно уже сидели за столом — что само по себе было совсем и неплохо, по крайней мере избавляло от томительного предзастольного слоняния и глупейших предзастольных же расспросов. Едва присев, Лиза произвела дислокацию и отметила, что, наклонившись чуть вправо, сможет при надобности укрыться за букетом. Пока же такой необходимости не возникало — сели давно и уже разделились на журчащие группки, отчего над столом висел гулкий шум, будто жужжали пчелы.

Справа от Лизы оказалась ее тетка Надя, младшая сестра матери — конечно же, Веры. В свое время предполагалась, видимо, еще и Любовь, но Любви почему-то не получилось, да и бабушка была отнюдь не Софья. А слева никого не оказалось — только угол стола, а за углом как раз бабушка не Софья, на короткой, но не главной стороне. Главной же стороной всегда была другая — противоположная, где сидел дедушка, на чей день рождения как раз и собрался весь этот пчелиный рой. Но на сей раз у сборища была и еще одна, гораздо более важная, но никем вслух не названная цель. Большинство гостей о ней и вовсе не подозревали, и только уже посидев за этим столом, начинали потихоньку о чем-то таком догадываться, во всяком случае что-то такое предчувствовать. Была тут некая странность, почти даже неуловимая... Смотрины — не смотрины... Одним словом, дело смахивало на совет стаи.

Лиза нашла глазами мать и издали кивнула ей. Мать хохотала над шутками своего соседа — довольно убогого и, похоже, уже изрядно пьяного старичка с орденскими планками на обвислом пиджаке. Потрудившись, Лиза вспомнила бы даже его имя, но тут взгляд ее упал на самую, наверно, поразительную здесь фигуру: не так далеко справа помещался, кем он ей там, Господи, приходится, — сын дедова брата, седьмая вода на киселе — cousin, одним словом, Женя. Личность эта была пренелепейшая. Большой и ужасно нескладный, в безобразных, каких-то допотопных квадратных очках, волосы то ли немытые, то ли уж от природы такие, а одет!.. Лиза, хотя и не ждала ничего другого, все равно потихонечку содрогнулась: из-под жуткого коричневого пиджака вылезала на горло ярко-синяя, откровенно тренировочная фуфайка с белыми полосками... Нарочно он так, что ли... Старательно потупясь и избегая смотреть через стол, Женя насупленно ковырялся в тарелке.

Интересно, кого это он не хочет видеть? Стрельнув взглядом напротив, Лиза тотчас же вычислила крашеную блондинку в красном, точно пионерский галстук, платье, с красными же клипсами в ушах, лет двадцати, не больше, с — наверняка! — наглыми, но теперь потупленными глазами. Вполоборота к ней сидел тот самый дедов брат и Женин отец, Аркадий Петрович, впрочем, на Женю совсем почти не похожий, да и выглядевший гораздо моложе собственного сына. Откинувшись на спинку своего стула и невзначай положив руку так, чтобы слегка приобнять сразу двух женщин, Аркадий Петрович беседовал (через ярко-красную девицу) с дамой, которую звали, кажется, Галина, а может, и не Галина, а вовсе Ирина. С кем и в каком родстве она состояла, Лиза и вспоминать не трудилась.

— Женя, — весело позвала Лиза, наклоняясь вперед, чтобы преодолеть разделявших их гостей. — Ты поухаживал бы за мной что ли. Вина бы вот налил...

Как же он встрепенулся, вырванный врасплох из своего шаткого уединения! Тупо поглядев на Лизку (что ли опять на таблетки посадили?), потянулся к бутылке. А тесно, пришлось вставать. Навис, махина неуклюжая, над столом, а красная в клипсах вдруг глазками — зырк, и тут он (левой рукой потянулся, вот ведь человек!) локтем в букет прямиком и въехал — звон, крик... Вода аккуратно Лизоньке на колени, а цветы — мокрым веником по лицу... Ну спасибо, ну одолжил!

— Ах, Господи, Лиза, ну! — запричитала, заколыхалась бабушка, впихивая обратно в вазу наперебой с чужими руками непослушные рассыпающиеся цветы. — Вся вымочилась? А ты, Надя?

— Нет, я ничего, — стряхивала с юбки несуществующую воду тетка. — Дай я сама.

— Найди вон лучше что-нибудь из своего переодеться, — возражала ей бабушка. — Ну что ты, Лиза, сидишь, простудишься!

Лиза, которой именно бабушка и не давала встать, исхитрилась протиснуться у нее за спиной и уже в дверях, прикидывая на себя Надины габариты, обернулась:

— Посмотри, может, есть что-нибудь на резинке, — но Надя никак не могла миновать бабушку и продолжала возиться с цветами.

В ванной Лиза натянула на себя чей-то бархатистый халат и распластала по батарее противно липнущую юбку. «Вот ведь балбес, — почти беззлобно подумала она, машинально опуская руку в карман чужого халата, — как он на свете-то живет, с Аркадием в особенности? Живет же как-то, чучело».

Сигарет в кармане, к несчастью, не оказалось. Лиза поглядела на себя в зеркало: миленькая такая барышня в халате с чужого плеча. Захватывающая картинка для другой ситуации. Открыть дверь и оказаться в совсем иных обстоятельствах: трепетная двусмысленность одеяния, юбка, которой еще сохнуть и сохнуть, некто роковой, безупречно учтивый, с дерзкими глазами — птичка в клетке... Но и клетка не заперта, выпорхнуть в такси — «От мужа, значит, к подружке?» (шофер пожилой, в кожаной кепке)... Господи, да кто же бегает от мужа в туфельках и серьгах!..

— Лиза, ты что там, уснула? — голос Нади за дверью. — Иди смотри, что тебе подойдет.

В Надиной летней цыганистой юбке Лиза вышла на кухню: обратно за стол не хотелось — тоска зеленая. И не одна она, оказывается, такая капризная: ба! — на табуреточке братик Тошенька цигарку мусолит! Вот штука какая странная, братцы Лизины. Этот, гадина, тоже — нарочно, поди — самое рванье нацепил: джинсы какие-то. Ух, фронда буржуйская, дитятко любимое, со всех сторон облизанное, зацелованное, принц Гарри, ядрена вошь.

— Что-то ты не так чтобы рано, — приветствовала братишку Лиза. — Всё барышни, небось, всё романы?

— Это ты, Лизочек, размечталась, — играя наглыми глазами, лениво отозвался Тошенька. — Барышни пущай от нас отдельно сохнут. Это тебе подобные радости в новинку, а нам тут триста шестьдесят пять дней в году — да уже девятнадцать с лишком лет — приелось, душа моя, приелось. Сплошь такая вот Содом и Гоморра. Одна радость — пирогов поесть, да и те уж обрыдли.

— Вот разнылся-то! — радостно сказала Лизка. — И чего ты тут в уголку отсиживаешься?

— Веришь ли, угла нету голову приклонить, — паясничал Антон и вдруг спросил совсем другим голосом: — Слушай, зачем там Аркадий с этой, ну, с красной такой?

— А-а, проняло! — еще радостней воскликнула Лизка. — Да ты... погоди-погоди. Выходит, взглянул-таки на собрание и сбежал? А ты, часом, с барышней-то — не знаком?

— Может, и знаком, — глядя в пол, сказал Тоша.— А что? — и уставился глаза в глаза.

— Да так просто, — Лиза пожала плечиком. — Она из студенток его что ли. Далеко ль до греха? Мне Надя шепнула, пока в шкафу копались: Аркадий сюда ее как бы на смотрины вывез. А там честным пирком и за свадебку.

— Вот как? Не поздновато ли Аркадий Петровичу?

— Тебе-то какая разница? — удивилась было Лиза. — Возьми да и спроси сам.

— Ладно тебе, — оборвал Антон, — хватит. А что, Аркадий телок себе прямо на лекциях клеит?

— Ему, мой милый, и клеить не нужно, они за ним, аки стадо за пастырем. Как засвищет соловьем и эдак заумно, проникновенно, так они прямо гнезда готовы вить и яйца откладывать.

— Ну да, ну да, я ж забыл, филологическая барышня без самца прямо вянет, — язвительно вставил Антон. — И замуж бросаются за кого Бог пошлет.

— Филологические барышни, — отпарировала Лиза, — бывают разные. И замуж выходят по-разному, *в том числе* и за кого Бог пошлет.

— Что же это вы тут сидите? — громко удивилась бабушка, внезапно возникая в дверях с грудой тарелок. — Тошенька, пойди покушай, ведь ты так и не поел ничего... — И грохнула в раковину тарелки. — Ваза-то, хорошо, не разбилась, — продолжала она. — Ее мне Лёля подарила, давно, когда Надя с Верочкой еще в школе учились...

— Какая Лёля? — зачем-то спросила Лиза.

— Господи! Ну какая Лёля? Что ты, разве Лёлю не помнишь? Из Винницы?

— Ну помню, помню, — покладисто забормотала Лиза, дивясь на саму себя.

— А что же ты, Лизочка, опять одна? — неожиданно переключилась она. — Где же этот твой, как его? — все я забываю...

— Работает, бабушка, — с совершенно вымученным вздохом проговорила Лиза, так что, будь бабушка чуть менее доверчива к жизни, ей пришлось бы заметить, что внучка ее — актриска неважная.

— По темным углам моделек обжимает, а Лизка от ревности вся позеленела, — ехидно пропел Тоша.

Бабушка от ужаса аж присела:

— Тоша, Боже мой, что ты такое говоришь!

Лизка же, сама захохотав, простонала:

— Да он же, бабушка, шутит! — и запищала вдруг тоненьким голоском: — Бабушка, бабушка, а Тошенька от слова «тошнить»?

— Не понимаю я вас, — сердито сказала бабушка. — И шуток ваших не понимаю.

— Да мы сами себя не понимаем, — примирительно сказала Лиза. — Так что и ты не старайся.

* * *

Всю дорогу в метро, пока ехала к себе на выселки, Тасю терзал, крутил, мучил вопрос, отчего так везет проклятой Лизке. Бросила небрежно: «Ну, ты домой?» — и эдак взмахом шарфа ускользнула в вагон... Домой? Домой, ха! Да, домой, домой, домой, если *это* называется домом. Домой! Лизка переехала к ним классе в шестом — когда развелись родители. И все равно умудрилась выиграть — осталась с матерью в двухкомнатной квартире. Тася с ее неразведенным, до тоски предсказуемым семейством, спала в комнате с бабушкой, тихой как мышь, но от того не менее ненавистной. Лизка же уже тогда осваивала искусство хлопать дверью — даром, что комнатка была размером с сундук.

Господи! Или правда Ты посылаешь каждому по силам его? Как обманулась Тася в тихом своем злорадстве, когда в Лизкиной квартире поселился Придурок, так звала отчима Лизка — за глаза, а в глаза никак не звала: Придурок, он Придурок и есть, какие с ним разговоры? Раскатал было губу Лизку воспитывать — в восемнадцать-то лет, да где сел, там и слез — такую кобылку не объездить! Тася как раз у Лизки сидела — а та за чайником пошла, — и слышала из кухни крики: «Ты что себе думаешь? Тебе же еще девятнадцати нету!» И Лизкин голос вдруг громко, отчетливо: «Да посмотри на себя, как ты с ним обабилась!», — и все, и больше вообще ни о чем с ними не говорила. Так и уехала.

Но ведь было же куда уезжать! Ведь не в омут же головой бросалась! Какую-то бабушку куда-то перевезли — и Лизка ключиками на пальце позвякивает, а над грудой немытых чашек роза темная в вазе торчит, и Марля недостижимый пепельницу вытряхивает в переполненное ведро.

Господи! Взгляни же на малых сих, или не Твои они дети? Удели же и им хоть толику невеликую из того, чем со щедростью одаряешь других!

Щелк-щелк — убегает бесценное Тасино время. Двадцать шесть раз уже слышала она, как поздравляли ее — с тем, как сокращается пространство не наступившего, но еще возможного будущего. Будущего — да. А настоящее, унылое свое настоящее, только ненавидеть она и умела. Странные рисовались ей картины: полумрак будуарный, шелковый струящийся халат и — дальше сердце сладко падало и ударялось глухо в упругую стенку невообразимого. В фильмах тут обычно следовала пауза, за паузой же только — кофе, тосты, отъезд в красном автомобиле — словами заполнить это пространство она не могла... Ну, поцелуй дежурный, именно так, да — один из бесконечного ряда, миллионный близнец, залог постоянства, но слов не было никаких, просто вот так изо дня в день: халат — пауза — поцелуй... Формула счастья.

По жизни же попадались Тасе малозначительные какие-то персонажи, на эпизод разве что, не на главную роль. В картину с халатом не вписывались: бодяга тянулась, будущее откладывалось на неопределенный срок. Да и те, Господи! Лизка и среди своего филологического бабья горя не знала, у нее же, Таси, даже в автодорожном (казалось бы!) не клеилось ничего, решительно ничего — если только на последнем курсе — и то по случаю, по какому-то угарному Новому году! — на кушетке со сломанной ножкой сердобольный кто-то или пьяный в дым, что почти одно и то же, разверз ей, наконец-то, ложесна или как там это зовется. И хоть кончился этот ужас — быть совсем уже *не такой*.

Ну и дальше что? Ни юбки, ни сапоги не спасали, не спасала вязальная машина, красящие шампуни, французская пудра. Тася выходила из дома во всеоружии — возвращалась побитой собакой. У нее буквально пропадало отличное, изысканнейшее, ногтями выцарапанное у жизни белье — кто его видел-то?

Что тут еще прибавить? Случалось, лысеющие женатые сослуживцы строили глазки и ей, но хмельные их приставания будили только глухую тоску. А Тот Единственный медлил. Бродил где-то в печали по ней, и пути их не пересекались. В его отсутствие Тася пробавлялась редкими и тошнотворно однообразными эпизодами с малозначительными персонажами, забыть которых было легче, чем вспомнить. А неустойчивость и непродолжительность их интереса оставалась для нее источником слез и томлений. Если они и не стоили ее любви, то неужели же она не стоила их?! Отчего они медлили умирать у ее ног в тщетной мольбе о сострадании? Вместо того они лениво скучали или — еще хуже — огрызались, натыкаясь на нее взглядом ли, слухом. Тася злилась и в злости своей не находила покоя.

Тот Единственный медлил, а жизнь все сильнее наваливалась на нее тягучим однообразием, медвежьей обусловленностью смены дней

и ночей, зим и лет, так что всякое завтра становилось миллионным близнецом и залогом постоянства как раз для не случающегося *того* поцелуя, и тогда ей не хотелось жить...

— Улица Губкина где? — раздался слюнявый вопрос, и на колени ей упала мятая заячья шапка. Подняла глаза: веревка скатанного шарфа, а выше — гадкая рожа, щека со свежей царапиной.... — Где? Улица Губкина?

— Да забери ты шапку свою от меня! — в ярости закричала Тася, заячьим мехом в живот отталкивая от себя мерзость.

— Дура! — дыхнуло на нее пьяное чудовище. — Улицу Губкина не знает!

* * *

Марля сидел дома один, точнее лежал. С Лизой они разминулись немного, вполне можно было встретиться с ней по дороге и съездить на чертов этот день рождения, но... Во-первых, он действительно устал, что бы там Лизка ни думала. Во-вторых, настроение у него было премерзкое, а видеть еще эти рожи — слуга покорный. Все эти маменьки, тетушки, улыбочки лживые, ахи, вздохи — хватит, накушались. Сплетни какие-то, глупости. «И это *он* — *мне* говорит!» — и все кивают понимающе: ну как же *он* мог такое *именно ей* брякнуть, уж кому-кому, но только не *ей*, а уж если сказал, то либо скотина и подлец — либо скрытый смысл, да нет, конечно, подлец, «я вам говорю, вы *его* еще так не знаете, как я знаю»... «Да быть не может!» — «Может, я вам говорю, может. Я еще когда вам говорила, да вы меня слушать не хотели»... И понеслась на три часа карусель: хотел — не хотел, сказал — не сказал... Родственнички Лизочкины, холера им в бок!

И эта тоже хороша — то ругается с матерью до истерики, то, пожалуйста, — со всех ног в гости. И ведь сама же после шипеть будет: достали, надоели. Не достали, значит, если ездишь, а достали — так сама уж как-нибудь решай свою жизнь, без условностей.

Решай! А ты сам? Ты свою-то решить не можешь, умный. Бред уже давно какой-то, не жизнь. Тридцатник же на подходе, а толку?! Не было, не было толку, неужели не будет? Бессмыслица такая, хоть в петлю. Собственно, почему бы и нет? Она входит, а он висит — вот прямо тут, посреди кухни. Нет, не здесь — здесь не на чем. Разве в ванной на батарее? Низкая труба, на пол ногами встанешь. Или вот так: к балкону привязать — и вниз. Господи, чушь какая, привязываться-то зачем? Впрочем, забавно: пять этажей вниз, а человек на веревке болтается! Вон снег какой — мигом облепит, не картинка — мечта: висит с балкона снеговик. Морковку в зубы и ведро. Да, и метлу. Метла штука бабья, не пойдет. Ну так ведь снежная ж *баба*. Господи, какой бред!..

Тут он понял, что не просто замерз, но трясется весь. Встал, плед на ходу кинул на плечи, тронул рукой остывший чайник, к черту чайник!

Коньяка полбутылки где-то стояло, где же? Ясное дело, в холодильник сунула, самое там ему место!

Рюмочку взял резную, любимую. В плед плотнее закутался — строят же дома, гниды, не квартира — камера пыток, концы отдать можно. Рюмочку опрокинул, повозил по столу прозрачным кружочком. Тошно жить на этом свете, господа, тошно.

Что-то за стеной там дикое грянуло — айсберг в океане какой-то с одним крылом. Погрозил им кулаком через стену, ублюдкам. Да не унимались ублюдки. Назло же им сам врубил жуткий ужас немыслимый, чтобы айсберг их вонючий потонул в этом ужасе, чтобы и духу от него не осталось! Застучали дураки в стенку. А не лезли бы ко мне со своим айсбергом! Ладно, хрен с вами, — чуть влево крутанул ручку, притушил ужас — и на том спасибо скажите, а еще раз ваш айсберг услышу, будете у меня всю ночь Paranoid'у в стенку аккомпанировать, чтоб неповадно было.

К черту, к черту, накатывает безумие, растекается по столу вязкая смурь — лужицей горькой, янтарной. Пей мил-друг, заливай тоску, подругу неразлучную, вернейшую из жен. Подкрадется сзади бесшумно, да как обоймет за шею мягкими кошачьими лапами — не вырвешься, не вздохнешь. И как ласковая кошка пойдет коготками играть: кольнет — отпустит, отпустит — кольнет. А коготочки острые, длинные, до самого сердца пробирают — знай, друг милый, какова моя любовь. И мурлычет пушистыми губами в самое ухо: что нам с тобой в жизни надо? Кто нам в жизни нужен? Прах все, тлен, суета дневная, постылая. Муравьи вон дышат, копошатся, мыши ли, крысы. Разве и ты мышь? Вон побежала, в дырочку шмыгнула — гадость ведь это. Тараканы вот тоже друг за дружкой шныряют. Раздави таракана-то, чтоб хрустнул кожаной своей скорлупой, и глянь — много ль останется? Пятнышко грязное на стене — вот и весь плод его. От тебя что ли больше останется?

Допил бутылку, другой нету. В этой жизни все так: непременно кончается — хорошее ли, плохое. Среднее не кончается, никакое. Вот этого добра вагонами вывози — не вывезешь. Изблюет Господь из уст своих... Не изблюет — изблевал. Это и есть ад: бесконечное среднее. Кто ж тебе средним велит быть? Велит! Ты мне вели быть не средним! На скалу, значит, хочешь, чтобы громы и молнии? Ладно, пускай хоть на скалу, только чтоб не карабкаться, чтоб сразу. По-тараканьи не надо. По-тараканьи и так сколько хочешь.

Чайник поставил себе, остальные конфорки впустую зажег — градусов двадцать на улице, стены поганые, тепла не держат, в окошко ветер свистит. Кто тут, в этом климате выживет?! Медведь только, да еще какое-нибудь чудище зверообразное. Француз вон под Москвой дох, и ты сдохнешь. Да все мы тут сдохнем, не расстраивайся. Полигон для естественного отбора. Чуть дал слабину — в расход. В холодах дело, дума-

ешь? Фигня. Холода что — так, внешняя форма. Этикетка для слабонервных. Типа: «Осторожно, злая собака». Собака там, за забором, а ты одной вывески испугался. И собака, брат, такая — медведя завалит, не то что человека. Человек приходит, кости сует: Шарик, Тузик, туда-суда... А Шарик-Тузик кости жрет-жрет, а потом вдруг р-раз ни с того ни с сего — и в горло.

Чайник толкнулся паром в стенку, начал плеваться, шипеть. Марля схватился голой рукой — обжегся. Выругался громко, цветисто — один, никто не слышит, никто губки не подожмет. Выругался еще раз по адресу губок поджатых, которых тут и не было вовсе. Шваркнул кружку на стол, толстую, глиняную — и руки об нее греть, и в чай дуть. А тут телефон — бреньк-бреньк, сидя хотел схватить трубку и как раз окатил себя из кружки крутым сладким кипятком (Лизина юбка к этому времени уже давно на батарее подсыхала). Послав дьявола орущему телефону, вскочил, затряс ошпаренной, ногой, отлепляя раскаленную штанину. Телефон верещал как младенец.

— Да? Что там? — зарычал.

Звонила Тася: в метро там кто-то к ней пристал. Тоже событие, твою мать! Выслушал молча, как индеец, в душе проклиная дурищу. Буркнул в ответ что-то нечленораздельное. И пошел переодеваться, а, впрочем, и спать.

* * *

Евгений Аркадьевич лежал на кровати одетый. Неудачно стояла кровать — головой к батарее. Можно было б и в другую сторону лечь, да не умел Евгений Аркадьевич о таких вещах думать. Пекло, значит, голову ему всякий день и всякую ночь с октября по средние числа мая. Днем тоже лежал он, придя с работы. Лежал — если хозяйственной нужды не было. Так заведено было в доме, матерью покойной заведено: отец, Аркадий Петрович, царил на Олимпе, смертные же олимпийцу служили.

Странный, невозможный брак случился когда-то между родителями Евгения Аркадьевича. Она была родом откуда-то с Кавказа: черные усики над губой, взгляд темный, тяжелый и сама застывшая какая-то, точно глыба — а звали Венерой. Но не зря же блистательного сибарита Аркадия в стрекозином его полете занесло на этот пруд бездонный с черной стоячей водой — почти безумная страсть горела там под тяжестью азиатских век. Венера его любила. Весь мир существовал для нее лишь постольку, поскольку в нем был Аркадий. Ему стоило лишь раз капризно скривить рот, и само воспоминание о седых горных аксакалах было навсегда изгнано в глубины подсознания. Единственной меткой исламского прошлого супруги остался плов. А плов Аркадий любил. Он любил шумное общество, вино, томных красивых женщин,

любил и умел рассказывать легкомысленные и забавные истории, вообще любил поговорить — об умном, об искусстве и философии, о предмете своем, наконец, — о Пушкине, о Толстом...

Венеру? Ну что Венеру? Ясно как день, Венеру любить ему было невозможно. Венера была ему удобна, как бывает удобен старый свитер, который никому и в голову не придет надеть при гостях. Она была ему до некоторой степени необходима.

Чтобы дом стоял прочно, в фундамент замуровывают жертву. Венера легла ему под ноги фундаментом крепчайшей горной породы; с этих пор все материальные нужды Аркадия Петровича обеспечивались Венерой. Прочие удовлетворялись на стороне.

Сын, зачатый чуть не в первую брачную ночь, ибо возможностей таких впоследствии у Венеры было немного, до такой степени оказался отражением матери, что, будь Аркадий чуть менее равнодушен к своим семейным обстоятельствам, он мог бы засомневаться в своем отцовстве. Для Венеры же это сходство, граничившее с идентичностью, означало лишь то, что Женя — не Аркадий, соответственно, на долю его оставалось лишь боковое зрение. Конечно, она любила сына, но для нее он был просто частью ее самой, следовательно, существовал лишь постольку, поскольку склонялся в обожании отца. И преклоняться перед Аркадием Петровичем было для Жени столь же естественно, как дышать. Но страсть его была иной — он любил Венеру.

Когда она умерла — это случилось лет десять назад (у нее открылся рак, умирала она тяжело и страшно, больше года; исхудавшая, с глухими ввалившимися глазами, вся покрытая багрово-синими пролежнями, она стонала и выла по ночам, кусая простыни; Аркадий спал в дальней комнате, он спал там всегда, с самого начала, а Евгений Аркадьевич — ему как раз исполнилось тридцать — грыз себе руки и плакал), тогда он, наверное, и погрузился окончательно в ту пучину безумия, которая предназначалась ему с самого рождения. Венера умерла — и захлопнулась, бесповоротно и навсегда, единственная узкая дверь, через которую он только и мог сообщаться с миром...

Евгений Аркадьевич лежал, не раздеваясь, — не было сил. Туман стоял перед ним, вязкий, мутный. Не работала в тумане голова — слова друг друга не видели, заблудились. Гул стоял, шорохи. Из-за стены смеялся красный женский голос.

«Мама! Мамочка!» — мысленно взывал он, просил защиты. Как быть ему теперь? В доме наглая поселилась, *он* привел. В гости возил, всем показывал. Его, Женю, тоже брал, хоть не хотел, не хотел Женя с ними ехать. Хитрая *она*, страшная. Как пожар *она* — не спасешься. А о*н* ей деньги дает. Олечкой называет. Что же он-то Женя, что он может?! В прачечной был вчера, плакал, как шел — простыни нес сдавать, думал: «ведь я *им* пособник!» После в наказание руку себе иголкой колол. Он

бы и отрезал ее — не жаль, но как работать? Надо машину чинить: *он* приказал, с *ней* хочет кататься. Ругается, говорит: долго копаешься. А как же можно быстро, когда слезы идут! От слез не видно почти ничего, сколько ни старайся. *Она* вчера, после прачечной, чай ему принесла — сама, Женя не просил, он остудил и в цветок вылил. Сказал, что пил.

Вот смеется *она*! Над ним смеется, над мамой. Но и он приспешничать не будет: заметил, что яблоки любит, не покупает ей яблок. Купил мандарины — съела. Видел, чистит ногтями — шкурки рыжие с белой ваткой внутри в горку сложила, играла. *Он* не станет слушать Женю... Да и как посметь?

Плохо здесь одному. Как без мамы? Не умеет он без нее. Жить не умеет. Венера была умная, все знала, а он что? — ничего. Она бы сказала, что делать и как. *Он* тоже говорит, но разве *его* поймешь! Видно, что сердится. Дубиной назвал, что шубу *ей* в гостях не подал. *Эта* же, глядя в него, зубами смеялась.

Жар наплывал на него, плечи потели. Отец с красной девкой из-за стены его мучили, из-за двух стен — в спальню ушли отцову, там копошились.

Служил он инженером на мрачном каком-то заводике, ни с кем там не дружил, умел только здороваться. Презирали его на заводике, тетки втихомолку жалели — юродивый. Начальство ценило — все сделать мог, машины чинил, телевизоры — что ни попросят. Давали ему и премии, он же все деньги нес отцу, клал в коробочку на буфете, сам же оттуда брал потом на хозяйство. Отцовых денег в коробочке не бывало.

...От батареи пекло. Сон не шел. Евгений Аркадьевич маялся на кровати ...

Суббота

— Что ж ты, Тошенька, и в университет не пойдешь? Десять часов уже... — сладко запела бабушка, появляясь в дверях.

Тоша жил в бывшей прислужьей каморке — дверь его комнаты выходила прямо в кухню. В квартире было так: первая дверь — комната средняя, где ночевали дед и бабушка, дед там работал, бабушки днем в ней не бывало; дальше, по коридору вторая дверь — большая комната, там никто не спал, разве только гости издалека; из гостиной в обе стороны двери — бывшая прабабушкина комната (туда теперь все чаще прятался отец), другая родительская, а при кухне Антонова игрушечная каморка — кушетка, тумбочка, книжные полки, даже стул не влезал.

— Не пойду-у, — простонал Антон. — Дайте выспаться хоть в субботу!

— Как же, как же, — запричитала, закудахтала бабушка. — Надо идти, занятия...

— Нет у меня занятий, — сонно врал Антон, — отменили.

— Ну вставай же, Тошенька, — танком напирала бабушка, — дедушке ведь, подумай сам, неудобно. Скажут: профессор, а внук занятия гуляет.

— Да отстаньте вы от меня! — закричал Тоша в ярости, он не столько хотел спать, сколько взбесился.

— Ну-ка хватит тут дурака валять! — зарычал вдруг из кухни отец. — Что тебе еще сорок нянек надо? Черт-те что, носятся все, как с куклой, этому же хоть кол на голове теши!

— Ты-то хоть не лезь, — вступила мама. — Все привычки от тебя. Точно так же тебе говоришь — как об стену горох.

— Я же еще виноват! — отец взъярился, шваркнул об стол газетой. — Этот оболтус головой в потолок скоро воткнется, а вы все будете ложку ему в рот совать! — и пошел в бывшую прабабушкину — запираться.

Мама же, моментально нырнув в истерику, грохнула чем-то железным и закричала то ли Тоше, то ли отцу, а, впрочем, обоим:

— Кончишь ты меня изводить? Кончишь?! Это же сумасшедший дом!

— Кто еще здесь сумасшедший? — под нос себе заворчал Антон и стал одеваться.

— Ну что ты, Надя, что ты кричишь, — замурлыкала бабушка, — тише надо, спокойнее. У всех нервы. Ребенка пожалей.

— Меня бы кто пожалел, — сердито буркнула мать и тоже пошла запираться.

— Ну завтракай, завтракай, — обхаживала бабушка Тошу, вилочки-тарелочки подносила. Тоша молчал, надувшись. — К дедушке перед уходом зайди, он тебе поручение хотел дать...

— Во-от значит, зачем ты меня будила! — язвил Антон. — Ну как же, как же, ради такого-то случая...

— Да Бог с тобой! — бабушка даже руками всплеснула. — Тебе же по дороге. Аркаша вчера забыл какую-то папку взять...

— А я здесь при чем?

— Дедушка говорит, там что-то важное, нужно сегодня обязательно кому-то отдать, а он поедет.

— Гос-споди!

— Ну что тебе — разве трудно? Все равно же по дороге.

— Ладно, но только если отец даст машину, — вдруг согласился Антон. — Что я буду, как бобик, вокруг Москвы бегать?

— Тоша...

— Бабушка!

Антон пошел к деду:

— Давай свою папку.

Николай Петрович был демократом. Одновременно он был историком. Девизом ему служили идеалы Французской революции: liberté, egalité, fraternité (так и произносил — по-французски). Он любил вести долгие беседы с какими-нибудь бедными отставными военными —

некоторые детали их рассказов порой записывал и раскладывал в особые папки. Любил пошутить с уборщицей, много лет мывшей подъезд и здоровавшейся с ним по имени-отчеству (два раза в год ее приглашали мыть окна), любил порасспросить о жизни почтальона. Он исправно читал журналы, которых выписывал множество. Над рабочим столом его висела копия леонардовской «Тайной вечери». Дед уверял, что видит в ней лишь эстетическую ценность.

Они частенько спорили с братом: Аркадий открыто проповедовал аристократизм (духа, естественно), Николай Петрович горой стоял за egalité. Впрочем, демократ он был странный — на бабушку, с которой обыкновенно обращался подчеркнуто вежливо, мог вдруг, забывшись, затопать ногами. Вериного мужа, собственного же бывшего аспиранта, после развода презирал до такой степени, что когда тот уволился с кафедры, уверял всех и каждого, будто он оказался совершенно пустым и бесплодным ученым и, не уйди сам, его бы уволили за профнепригодность. Однажды дед совершенно уже некстати объявил, что бывший зять не имеет даже музыкального слуха и может воспринимать в музыке один ритм — так и сказал: «ритм слышит, а музыку нет».

Он распекал дипломников за лень и во время сессий щедро отвешивал «неуды» нерадивым студентам. Ему трудно было понять, на что надеется абитуриент из какой-нибудь Бугульмы, если он не читал Плутарха. Внук Антон, втиснутый к нему на факультет, был для Николая Петровича наказанием. Пятью годами раньше, когда встал вопрос о строптивой, капризной Лизке, дед замахал руками и закричал: «К Аркадию ее, к Аркадию!» Как он теперь понимал, это была ошибка. Второй раз соваться к Аркадию было неприлично. Лизка вертела хвостом, но сессии сдавала. Антон безбожно гулял, и Николай Петрович с ужасом ждал скандала и исключения.

* * *

Лиза сидела на неубранной кровати и смотрела фотографии. Простыня, подушки, скомканное одеяло — все было усеяно, устелено, покрыто глянцевой россыпью серо-бело-черных прямоугольников. На нее смотрели (и не смотрели, и даже поворачивались спиной) сотни самых разных Лиз — Лиза-простушка, Лиза-кокетка, Лиза-скромница, Лиза-дама, Лиза-свой парень, Лиза-роковая красавица, Лиза читает, Лиза моет посуду, Лиза спит, Лиза делает вид что спит, Лиза веселая, Лиза сердитая, Лиза больная, Лиза в кресле, Лиза в гамаке, Лиза в автобусе, Лиза в лесу, Лиза у театра, Лиза в джинсах, Лиза в купальнике, Лиза ню, Лиза во весь рост, Лиза-лицо, Лиза-глаза, Лиза, Лиза, Лиза, Лиза...

Совсем молоденьких Лиз было больше, дальше Лизы шли волнами — провал, потом снова много — по этим пикам и провалам можно было установить хронологию их отношений с Марлей — любви и... и всего

остального — чушь, чушь из плохого романа, — только хронологию того, как ему работалось, — хронологию его кризисов и депрессий... А *это* разве не их отношения?

Они любили друг друга ужасно. Через две недели поссорились. Через день помирились. Через месяц Лиза стала иногда у него ночевать — его мама была кроткая и невзрачная, если бы у них (тогда, теперь) были дети, она бы с ними *сидела*. Еще через месяц он встретил ее, лежа на диване лицом к стене, она дико обиделась, они поссорились еще хуже, опять помирились. Через два месяца он сказал, что людей надо насильно изолировать друг от друга: все равно никакие нормальные отношения невозможны. Лиза рыдала три дня, не выходя из комнаты и не подходя к телефону. На четвертый день он приехал с пятью белыми, похожими на пирожные хризантемами, которые пахнут зимним утром и разлукой. Лизина мама с трагическим лицом впустила его в квартиру, хотела было что-то сказать и не сказала, только махнула рукой в сторону дочериной комнаты. Он вслед жесту вошел, там Лиза стояла, как натянутая струна. «Убирайся!» — «Погоди, послушай...» Тогда (словно вспоминая кино) схватила со стола глиняную сову (глупую, с вытаращенными глазами, пустую внутри — в ней держала ручки) и в голову ему — шварк! Он схватился за голову и сел, ничего не говоря, медленно. Лиза же — как в столбняке — стояла. И тут как-то не сразу, сначала не сильно — кровь из-под пальцев... Побежала, побежала — кап, кап. Лиза тогда закричала страшно. Марля встал, по-прежнему слова не говоря, вышел, заперся в ванной. Лиза же снова и снова кричала, сидя теперь на его месте, вцепившись в волосы и качаясь, как полоумная. Мать ее теперь тоже кричала и тоже как полоумная: «Лиза! Лиза! Скажи, что, что?!» Он, замотав полотенцем голову, вернулся, мягко взял за плечики Веру Николаевну: «Мы здесь минуточку...» — вывел за дверь, дверь плотно закрыл — и не впустил. Так они поженились.

Ссорились они из-за таких пустяков, что часто потом — *потом* — стыдились признаться себе и искали причин — других, серьезных. Причины же, разумеется, были. Лиза умела прощать только задним числом (потом-когда-все-хорошо), зато умудрялась поддаваться даже на тень провокации. Марля имел привычку впадать в *настроения* и тогда грубил и лежал, повернувшись спиной.

Бывали недели, когда они не сказали друг другу ни единого слова. Бывали недели, когда они вообще жили в разных местах. В такие периоды Марля пил, а Лиза встречалась с друзьями. Мирились они странно, часто тоже от пустяков — по каким-то загадочным, невыясненным законам. Лиза ненавидела мириться первой, но и такое случалось — и тогда (потом) она бывала довольна собой. С годами они научились даже понимать, что между ними нет правого и виноватого (это пока действовали законы мирного времени), но с какой-то неотвратимой не-

избежностью срывались на тех же пустяках и сладострастно мордовали друг друга.

Сейчас Марли не было. Он уехал с утра *работать*. В субботу! Вчера, вернувшись из гостей, Лиза долго пила на кухне чай, не решаясь выбрать окончательную стратегию обиды: можно было пойти спать в комнату, тогда бы они провели ночь спина к спине — как отбивающиеся от акул водолазы — и это была бы одна степень конфликта, которая могла бы при соответствующем развитии событий перейти в другую, более серьезную, или же, напротив, совершенно сойти на нет, но опять-таки при *соответствующем* развитии. А можно было остаться здесь же на кухне, на кушетке, это было бы демонстрацией (с одной стороны) и означало бы совсем другую степень конфликта — со всеми вытекающими, хотя спать в одной постели, не разговаривая, — тоже нелепость еще та (это с другой-то стороны).

Лиза решила все-таки «с одной стороны» — в конце концов, до семижды семидесяти раз. Но Марля сделал вид, что спит, так что до семижды не получилось (довольно смешная уловка между людьми, проведшими вместе триста шестьдесят пять на семь, ладно, семь откинем, то есть пять, а не семь, значит, сколько там, триста шестьдесят на семь, триста на семь, триста на семь, Господи, трижды семь! — двадцать один, двести десять, значит, и что там еще, шестьдесят на сколько? — шестьдесят, шестьдесят — на этих расчетах Лиза заснула), а утром (теперь *спала* Лиза) буркнул: «Я на работу», — и уехал.

И вот Лиза смотрела на свою жизнь в картинках и размышляла.

Ей надоели эти ссоры, вечная неустроенность, неуверенность какая-то: сегодня тишь да гладь, завтра — буря. Бурю она сама, впрочем, и порождала — но не на пустом же месте! Надоели ей *настроения*.

— Ты так о себе беспокоишься, — сказала она вслух, — ну и на здоровье. Подумаешь! И живи тогда сам с собой. Тебе не нужны люди? Прекрасно, живи без людей. Ты так мало меня ценишь, тебе тяжело со мной? Не будем навязываться. Очень хорошо. Я уеду. Ты так уверен в себе, ты так любишь свое одиночество? Будь свободен. Можешь не сомневаться, *я* у тебя свободу отнимать не стану!

Больше всего в этот момент Лиза жалела, что он ее не слышит.

* * *

Антон выполз из подъезда, позвякивая ключами. Бессознательно ссутулив плечи, нырнул в арку, — двор у них сзади глухой, каменный, почти питерский — там стояла машина. Дом был старый, старинный, без логики. За аркой зияла в стене косая нишка — там висела гранитная доска: «Всем кто жил в этом доме, ушел и не вернулся». Под доской стояла банка с засохлым букетом, теперь почти припорошенным снегом, и лежал еще теплый, сопротивляющийся снегу надкусанный

чебурек. Хмыкнув в миллионный раз в сторону двусмысленной надписи, Антон забрался в машину.

Отец давать машину не любил, иначе Тоша, может, и вовсе не стал бы ею пользоваться. Однако положение у отца было сложное: половину заплатил дед — стало быть, непонятно, чья машина, стало быть, ездил и Тоша.

Не с руки была Тоше эта поездка, ох, не с руки. Впрочем... Мог бы и отказаться в конце-то концов. Не отказался же. Точно болячку хотел ковырнуть — вот именно, болячку. Сам себе усмехаясь, по пустым сейчас, точно вымершим под этим снегом улицам катил он к Аэропорту.

Так представлял себе: будет стоять перед дверью — нерешительно, как бы сомневаясь, как бы не зная, звонить или нет. Но — не стоял. Все проиграл по дороге, все ощущения пережил, так зачем? Переложил папку под мышку и разом нажал кнопку. Он ненавидел такие звонки — переливистые. Гадость какая-то амбивалентная, ни туда, ни сюда. Честного хотелось звонка — дребезжащего, противного, но однозначного: «Сам еду!»

На пороге нарисовалась Ольга — сначала с улыбкой. Тошино появление улыбку с лица ей стерло, сразу под ней оказалось удивление. Но и удивление быстро упряталось под холодную вежливость.

— Не ждали? — ухмыльнулся кривым ртом. — Бывает, — сам заходил уже в дверь. — Дядюшка где же, Аркадий Петрович? Дома?

— Там, — чуть дрогнули губки. — Аркадий Петрович, к *вам*!

— Даже так — на «вы»? Все девушкой, Минервой...

Ничего не сказала, губки не дрогнули.

— Кто там? Антон? Заходи же! — крикнул Аркадий Петрович невидимый. — Я уже жду, мне ехать пора.

— Вот, — бухнул папку на стол. — Паны дерутся...

— Ишь ты, — широко по-барски улыбнулся Аркадий, — холоп какой, умаленье паче гордости! Кофе выпьешь? Олечка!

— А выпью, — Тоша мотнул кудрями, — с удовольствием даже выпью.

— Олечка, кофе нам, детка. В университет?

Что-то такое нашло на него, полный бред.

— Нет. Я на дачу. Надо там посмотреть... газ.

Ольга с подносом вплывала.

— Вот как? А электрички зимой ходят?

— Вы, Аркадий Петрович, точно — барин. Электрички всегда ходят: люди у нас не только в Москве живут. Впрочем, я на колесах.

Аркадий Петрович развеселился. Он играл свою роль, но и Антон был не дурак. Аркадий дураков не любил, к Тоше же благоволил, в чем-то узнавая себя.

— И — а пропо, — Тоша поднял взгляд от чашки, Ольга вот-вот хотела укрыться, — вашу м-м-м... даму могу прокатить, если угодно, — и поклонился ей будто почтительно.

— Ну, почему бы и нет? — загорелся Аркадий. Тоша в его глазах был еще не... Олечка же дома, с Евгением, кисла. — Почему бы и нет?

— Но... — Оля запнулась, — я...

— Семейное, в некотором смысле, поместье, — продолжал Антон слишком даже развязно, — родовое гнездо. Вспомним дни былой дружбы...

— Вот как? А я и не думал... Конечно, вы же знакомы, наверно?

— Ну, немного, — как бы признался Тоша, Ольга метнула в него глазами: он прихлебывал кофе.

— Как же, Оля, решай. Отдохнешь, погуляешь. Вы ненадолго?

— Да нет, так, туда и обратно. Впрочем...

— Хорошо, — бесцветно сказала Ольга. — Я соберусь.

Молча сидела в машине, отвернувшись, курила в окно. Тоша играл рулем, тоже молчал. Глупость все это. Чушь какая! Дачные ключики на всякий случай всегда вместе с машинными — после того, как отец как-то впустую провозил маму, бабушку и деда. Глупый брелок там еще болтался — обезьяна с рожей дебила, та еще вещь.

Вдруг повернулась к нему:

— Слушай, зачем тебе это надо?

— Что? — как ему кстати был этот вопрос!

— Что тебе еще от меня нужно?

— Помилуй! Мне? Это я себе голову ломаю — неужели, думаю, ей наша семья так приглянулась?

— Останови свою проклятую машину! — закричала тогда Ольга. — Какая же ты скотина! — и заплакала в перчатку.

Тоша, сволочь, не утешать ее стал, а продолжал:

— Вот, думаю, покажу ей нашу семейную ценность. Может, в этом все дело? Квартирка, конечно, у Аркадия ничего, зато сынок не подарок. Ладите, кстати? Ты Женечку-то особенно не прижимай, он существо тихое, его всякий обидеть рад. Небось, по хозяйству помогает, это он может. У бабушки на даче как крепостной, вроде Фирса.

— Не трогай меня! — лицо подняла — злое в слезах, от злости и успокоилась.

— Я тебя, моя радость, не трогаю, это ты меня... трогаешь. Другого патрона подобрать себе не могла? Не польстились?

— Нет, это фантастика! Я, значит, о тебе думать должна? Ты, значит, танком по мне, а я все буду беспокоиться, как бы там ничего такого тонкого ненароком не задеть, да?

— А ты как хотела? — ерничал Тоша. — Под звуки Мендельсона проходит торжественная процессия родственников с цветами, а некто в самом последнем ряду утирает скупую мужскую слезу кружевным платком с таинственной монограммой, после чего со стоном «А счастье было так возможно...» падает на пол и испускает дух, далее закуска и танцы...

— Ну хорошо, — сказала она вдруг совсем спокойно, — ты-то чего хочешь?

— Я? — он запнулся. И вдруг, будто заговорил другой человек, растерянно произнес: — Да если б я сам знал, чего хочу.

Белые деревья стояли, тихие-тихие. Снег сырой, вязкий, тяжелый — лежал бездвижно. Ни души, ни птицы, ни зверя. Дача под снегом спала, старая, ветхая. Калитка тонула в сугробе. Тоша прошел к ней, начерпав снега в сапоги, перелез. Ольга стояла, курила.

— Иди сюда, — позвал, — все равно не открыть. Перелезай, я помогу.

Не ответила, постояла еще, подошла.

— Подожди здесь, — вспомнив, поковылял куда-то, как гном, в раскорячку, принес лестницу, установил с ее стороны забора. — Давай.

Послушалась. Медлила, но слушалась. Руку ей подал:

— Прыгай!

На руку оперлась, прыгнула.

— Идем, я печку растоплю.

Холодно в доме было, как и положено. Печка трещала, голландка, проку пока было мало. Ольга сидела нахохлившись, забравшись с ногами на матрас. Тоша поставил чайник, нашел сахар и сушки. Но молчала, как воды в рот набрала. Только «спасибо».

Он бормотал что-то бессвязное, силился оборвать тишину — не обрывалась.

— Ну хорошо, хорошо, — закричал, — ладно! Ладно, я идиот, скотина. Слушай! Мне. Сейчас. Скажи. И всё. Я тебя отвезу, и всё. Просто скажи. Неужели — ты — его — любишь?!

Ольга зарылась головой в шубу. Молчала. Молчала. Слишком долго, он уже чувствовал, что не ответит...

— Не люблю!

Бросилась в шубу опять, вся целиком свернулась в один несчастный комок...

— Бедная, глупая... Ну, не плачь же, пожалуйста... Ну... Ну...

* * *

С утра Марля приперся на работу, открыл дверь лабораторки: там, свернувшись на драном диванчике, спал Леха.

— Утречко доброе!

Леха медленно развернулся из калачика, стрельнул по лаборатории заспанным взглядом:

— Ты, Марля? Господи. Утро что ли?

— Да день скоро.

— Ну? Погоди, а какой день-то?

— Морозный, солнечный, минус двадцать.

— Да я не про то! День, то есть? — Леха на своем диванчике аж сел от нетерпения, — в нем шевелилась какая-то мысль.

— Что тебе день-то? Ну, суббота.

— А что ж ты... Да ладно, не спрашиваю. Ох, как я вчера-то. Тут никого больше? Не было? Слушай, а день-то сегодня какой?

— Эк тебя разобрало, — Марля усмехнулся. — Суббота.

— А, да, — вспомнил Леха. — Как я вчера ослаб, видишь? Костян тут был еще, где он?

— Успокойся, да? — Марля по-грузински развел руками. — Нэт тут Костяна.

— Па-ашел ты! — Леха завозился на диванчике. — Слушай, будь другом, сгоняй в ларек, я тебе денег дам.

— Сейчас, разбежался, — Марля поковырял в сумке, раз — и поставил на стол пузырек Vodka Stolichnaya.

— От сво-олочь! — Леха аж застонал от восхищения. — Гадина!

— Иди хоть умойся, рожа, — ответил Марля. — Мурло свое неумытое водичкой холодной побрызгай.

— А пожрать принес что-нибудь? — Леха спустил ноги. — Пожрать бы.

— Пожрать нету, — честно признался Марля.

— Вот люди! — обиделся Леха. — Хоть бы хлебушка принес бы. Сходи, ну? И колбаски там. Ну сгоняй, а? Деньги есть.

— Ну куда я в холодину-то попрусь? Иди сам.

— Да кончай ты, Марля, чего сволочишься? Ты вон одетый, а я слабый, больной, — Леха усмехнулся. — Мне калорий для жизни надо. Одна что ль у тебя? Ты возьми там еще, все одно теперь застряли. Я-то думал, — он встал, пошел к двери, — просплюсь, до дому доеду. А, что теперь говорить, — махнул рукой, стал в дверях. — Ну, идешь что ли? Деньги бери, — и протянул комок мятых бумажек.

— Эх, — вставая, вздохнул Марля — с тобой разве посидишь!

В Лехе уже одно то было хорошо, что по всякому поводу у него имелось суждение — сформулированное, четкое, равное событию во всех отношениях, то есть банальное. Это вовсе не означало, что Леха всегда гармонировал с действительностью. Хотя, разумеется, до определенной степени все-таки гармонировал. Впрочем, примирялся он с ней мгновенно. Был он для Марли удобен чрезвычайно — и есть, и все равно что нет. Вот сегодня-то как раз он был совсем и не нужен. Хотя, с другой стороны, все к лучшему. Леха — это в некотором смысле определенность. Программа на целый день. Что, между прочим, тоже было в нем хорошо, в душу не лез никогда, знал: если надо, человек, приняв положенное, сам расскажет. А не расскажет — так и не надо. Не бабы.

Марля честно сходил — и хлебушка принес, и колбаски. Леха все ж таки рожу свою вспухлую ополоснул, глазищи, наконец, продрал.

— Чайничек, чайничек-то поставь! Кофеечку сначала, кофеечку, был там в баночке.

— А ты чайник-то набрал, умный? Нашел себе, понимаешь, кухарку! — Марля потряс пустым чайником. — Ходил же в сортир, набрал бы.

Но Леха сидел отрешенно, вдумчиво. Марля плюнул, сам потащился за водой. К его приходу Леха запустил по радио глупый музончик, стало уютно, как дома. Ну и был это в некотором роде дом — для Лехи-то уж во всяком случае. Жил Леха один в каком-то там Болшево то ли Балашихе, на электричке таскался, черт его знает, не всякий день и доедешь. Но доезжал: кошка у него там была, в форточку прыгала; кошку Леха любил. Про кошку рассказывал: «Иду — на дереве сидит, прыгнула ко мне — в зубах зяблик какой-то, серенький. Да. Ее добыча. Не отнимаю. Хищница».

С Лехой у Марли начиналась как бы другая жизнь, простая, хорошая, без обязательств. Никто не ждет ничего, хочешь — сидим хоть неделю, хочешь — встали и разбежались. Надо тебе — попроси, сделаю. А чего просить-то, сам что ль не можешь? Ну, допустим, мало ли что. Тогда какой разговор! Надо, так надо. Хорошо так жить, спокойно. Пленочки-то проявил, нет? Давай, ладно, я заодно со своими. Тридцатка есть до двадцатого? Давай хоть десятку. И всё. И все довольны. Жить одному, попростому. Вот так, ну хоть с кошкой. Хищница! Разве *это* хищница? Хищницы это те, двуногие и без перьев. Грызут так, аж кости трещат.

Так думал Марля, глядя в стакан. Но зазвонил телефон. Марля обрадовался — тихо внутри — и сразу же рассердился на себя, так что трубку хватать не стал.

Трубку взял Леха. Послушал, закашлялся и тут же закивал: тебя, тебя.

Опять все-таки обрадовался: неужели — сама — звонит?! Но телефон неожиданно прочирикал Таськиным голосом:

— Ой, как хорошо, что ты на работе! А мне фотографии очень нужно, сделай, а? (Тасю с утра запилила тоска, надо было *развеяться*, туда-сюда тыркнулась, но поймать никого не удалось. Лизка тоже чем-то там отговорилась, и вот Тася наудачу звонила Марле, сама уверившись в полную силу, что фотографии ей очень — срочно — нужны).

— Да ты чего, — тоскливо заныл Марля, — прямо сегодня? (А сам думал, что сегодня-то, если уж не отвертеться, может, и лучше — напустит на нее Леху — чем в людный-то день такое сокровище приглашать.)

— Господи, ну чего тебе стоит? — в унисон ему ныла Тася.

— Ладно, валяй, — сказал Марля. — Но быстренько, у меня тут тоже люди.

Леха удивленно уставился на Марлю: какие такие люди?

— Что за баба-то?

— Так одна, — Марля махнул рукой. — Навязалась на мою голову.

— Влюбилась что ль? — Леха аж слегка испугался.

— Ага, без памяти. Лизкина подружка, фотографии ей делать приспичило в субботу, — и выругался.

— Да брось ты, ей-Богу, — Леха хлопнул его по коленке, рассмеялся. — Плюнь ты, вот тоже проблемы! Отполируем, отщелкаем, не волнуйся. Подумаешь! Ну, будем здоровы, — брякнул легонько по Марлиному стакану, — кончай, старик, свою ипохондрию.

Марля хмыкнул и выпил.

* * *

— Да неужели ты-то меня не поймешь?

Лиза сидела, слушала Тошу. Взял ни с того ни с сего объявился. Лиза никого не ждала, так, бултыхалась одна в своем болотце. Марля как сгинул с утра — только его и видели. Лиза на этот раз здорово разозлилась: будь хоть мельчайшее какое событие — ладно, пускай. Может быть, списала бы со счетов: к пустякам придирается, но — ладно. Тут же выходила опять черт его знает какая вселенская тоска без объективных причин — натурально, капризы. Лизка с утра честно вспомнила позавчерашний вечер, ночь и вчерашнее утро. Нет, события не было. Вечером, ночью и утром условных сигналов непосредственного повреждения ближнего не поступало, ближний по видимости был цел и невредим. И однако же вчера вечером выставил ей дулю под нос, а ночью встретил спиной. Налицо были все признаки локальной войны, заметим, без повода (про причины обе стороны раз и навсегда уговорились молчать).

Когда к ней ввалился Тоша с дурными глазами, Лиза сначала по инерции еще чуть-чуть разозлилась — она любила растравлять свои обиды в одиночестве, — но, мигом перескочив на другой режим, приняла родственничка с томным радушием. Впрочем, в голове у нее сидела некая мысль, рядом с которой Тошино появление уже совсем ничего не значило, а, может, было даже и к лучшему.

Впрочем, Тоша к Лизке иногда захаживал. Так, без дела. Какие, к черту, у них дела? С Марлей тоже любил потрепаться, и, между прочим, даже кой-что слушал. Марля, как ни странно, что Лизкиных (Тошиных) родственников как бы слегка задевало, кое-что знал (книжки почитывал), не имея на то, вообще говоря, никаких оснований: фотограф — специальность рабочая. Но это как посмотреть, все ж таки Лизкин, как ни крути, муж — пожалуй, и творческая профессия.

В общем, видали его тут во всяких видах, так что Лиза не удивилась, подумаешь! А без звонка, так мало ли что, поди найди еще в этом городе автоматы.

Сегодня Тоша влетел как полупомешанный, кажется, он успел уже где-то выпить (или курнуть — конечно, курнуть, это Лиза поняла уже на второй-третьей минуте). Однако дело было не в этом. В нем что-то

бурлило — какой-то хаос. Антон был весь взвинчен, спутан, раздерган и не знал, что с собой делать.

— Ты одна?

— Ну одна, тебе-то какая разница? Чего вопросы дурацкие задаешь, ты что — любовник?

— Ты, Лизка, так не шути, — нырнув вбок головой (шарф разматывал), как-то хрипло промямлил Тоша. — Это ведь тонкое мастерство, может понадобиться.

— Так ты пока... упражняешься? — Лизка сделала наивное личико (про себя отметив, что задела Тошку — чем бы?).

Глупое начало куда-то потянуло, закомкало весь разговор. Шуточки пошли, словесная дребедень, пустозвонство. Лиза кофеем стала поить. А глаза Тошины дурноватые всё бегали.

И вдруг он брякнул:

— Знаешь, где я сейчас был? На даче на нашей драгоценнейшей.

— Когда это ты успел?

— Успел вот. С утра пораньше.

— Что это тебя понесло? — усмехнулась Лиза. — К корням что ли приникнуть захотел — после паноптикума?

— А! Паноптикум да, мое собранье насекомых... Маменька твоя, кстати, слышал, жаловалась: не открываешь ей тайников сердца, только — «да», «нет», никакой задушевности. Прямо по Библии.

— Что это она про мою душу вдруг вспомнила? — фыркнула Лизка. — Столько лет никакой души, а теперь душу ей подайте.

— Черствая ты, Лизочка, — покачал головой Тоша. — К тебе родители тянутся, а ты вон как. Нет, видно, не била еще тебя жизнь.

— Знаешь, это уже даже почти не смешно, — ковырнула Лиза коробку со спичками. — Прямо детское какое-то лукавство! Испанские страсти в песочнице. Знаешь, помню я один случай, так, ужасный пустяк, таких можно тысячи вспомнить, но вот для примера просто. Я тогда еще в универе училась, курсе на втором. Приезжаю к матери как-то, сидим, туда-сюда, ля-ля-тополя, и я возьми и попроси у нее денег. Понимаешь, я у нее никогда не просила, она мне сама давала иногда и шмотье всякое покупала, но просить я у нее никогда не просила. Вроде как гордая. А тут, понимаешь, приспичило. Я себя перед этим ломала-ломала, и деньги эти чертовы не так уж были нужны, то есть, как посмотреть, конечно, тогда мне казалось, что нужны позарез, ну да ладно. Одним словом, сижу как на иголках, дергаюсь, наконец, говорю: мама, так и так, мол, не дашь ли мне сорок рублей. И тут она, понимаешь, губы поджала и спрашивает: а зачем тебе, мол, деньги-то? Я говорю: книжки хочу купить — сущую правду, между прочим. И тут она мне выдает вот такой вот текст: я говорит, тебе не сберкасса, — я это ее выражение на всю жизнь запомню — ты, говорит считаешь, что со мной

можно обращаться как угодно, а потом вот так запросто приходить за деньгами. Я прямо офигела. А потом помолчала так и вдруг говорит: не знаю, кто себе может позволить по таким ценам книги покупать, я, во всяком случае, не могу, и денег у меня таких нет. Это она, понимаешь, опамятовалась, что совсем уже не в кассу брякнула, и начала задний ход давать. Ну вот, поругались мы, естественно. Проходит дня три. Звонок. Але — але. Я тебе, говорит, Лиза, сапоги купила, ты бы заехала примерила. Вот так.

— Ну и чем ты недовольна? — вальяжно развалившись, полюбопытствовал Антон. — Подумаешь, ну дали слегка по морде, потом погладили. Диалектика.

— Нет, тут не так просто, — словно лошадка, мотнула головой Лиза. — По морде, это понятно. Не в этом соль. Ее же больше всего бесит, что я не кукла с моторчиком. Она мечтает мной всю жизнь управлять, а я, понимаешь, не управляюсь. Вот тут оно все и вылезло. Попроси я у нее на сапоги, так она купила бы пальто. Вот в чем бред-то.

— Эвона что! — хохотнул Тоша. — А я грешным делом подумал, что это тебя сапоги так смутили. Было там что-то промеж либералов с революционными демократами. Нет? Ну как же, выше Шекспира!

— Сволота ты, Тошка, — вздохнула Лизка.

— Нет? А я так и понял — усмешка какого-то там сына над промотавшимся отцом. Дух духом, а, чай, сапожки-то носим? — Тоша сделал вид, что заглядывает под стол. — И тут я прекрасно тебя понимаю. И мне ужас как тяжелы объятия Майи. Короче, смотри предпоследний абзац индийского жизнеописания Йозефа Кнехта и в особенности примечание к нему в серии «XX век».

— Ладно, — с досадой перебила его Лизка, — хватит мне мораль читать, Песталоцци. Это я так, к слову сказала. Как ты на дачу-то попал?

— А вот, знаешь, послал меня дед к Аркадию с папочкой, — заговорил Антон уже с откровенно шутовскими ужимками.

— Что это он, всю династию решил послать?

Антон хрюкнул и поперхнулся.

— Глупая! С папкой — с бумагами! Да. И вот, приезжаю я к Аркадию, и открывает мне дверь... — паясничал Тоша. — Лизка! — вдруг выкрикнул он так неожиданно, что Лиза плеснула себе кофе на джинсы, и смотрел теперь, как испуганная собака. — Что же мне делать?

— Тош, не ори, — оборвала его Лиза (накурился, зараза). — Хочешь рассказывать, рассказывай без истерики.

— Что я тебе расскажу? — опять закричал Тоша. — Что?! Слушай. Короче. Мы с ней знакомы... давно. Чего ты так смотришь? Давно, с первого курса. Бухали как-то в общежитии, туда-суда, короче — было. Она из такой глуши, что я не знаю. Из села какого-то, ты понимаешь? Она про это стесняется даже сама вспоминать, не то что сказать кому...

Да, вот. Ты пойми, ну что мне было с ней делать? Она не то чтоб совсем дремучая, если по жизни взглянуть, так удивительно даже, как она там из своих медвежьих углов... Но ты пойми, Лиз, она ведь «красивée» говорила и «одновре́менно» — может, и сейчас говорит. Ты представь, я прихожу с ней домой, *туда* — Ах, наш мальчик привел девушку! Скажите, вам понравился последний концерт в Зале Чайковского? — и она там щебечет... Да ни за что на свете!

— Это так важно? — неожиданно жестко спросила Лиза.

— Ну хоть ты-то меня пойми! Ведь это же бред, абсурд, комедия нравов. Тебе-то что объяснять? Они же как совы, как вороны — в родовом гнезде. Они же только и ждут... когда Акела промахнется, — хихикнул он вдруг.

— А она?

— Что она? Она сначала не понимала. Ей-то что я мог объяснить? Не приглашал домой, вот и все. Потом, понимаешь, что-то странное стало происходить, то есть, наоборот, совершенно естественно. Лизка, я ведь даже не птичка в клетке, я рыбка в аквариуме, мне ведь даже если клетку откроют, я ведь не полечу, я ведь по полу мокрым хвостом зашлепаю. И жабрами, жабрами... Я же ведь тоже знаю, какая мне цена в базарный день... Трагический конец Ихтиандра... Серый камень высосал из нее жизнь! — заорал он вдруг, сморщив рожу, заныл и сам же захохотал: — Я дитя подземелья!

Лиза промолчала и покачала головой. Тоша утихомирился, отхлебнул из чашки остывший кофе, повертел сигарету, но курить не стал и продолжил:

— Ты что думаешь, я сам не вижу, что я — идиот? Я серьезно. Но ты понимаешь, у меня внутри уже сидит какая-то гниль. Я ненавижу эту жизнь, и я не могу жить никакой другой. Я не могу хлопнуть дверью. То есть хлопнуть-то я запросто могу, но так, для острастки. Я и сам это знаю, даже в тот момент, когда хлопаю. И все вокруг это прекрасно знают. Мы же все одной крови, — гадко ухмыльнулся он, — ты и я.

Лиза опять промолчала.

— В общем, я так бесился из-за всего этого, что стал ее ненавидеть, буквально. Так тоже бывает. Стоит, понимаешь, немым укором, как тут удержишься? В общем, изводил ее как мог. И при этом мы все время встречались, ну каждый день. И каждый день — одно и то же: слезы потоками. И так, ты понимаешь, эти слезы тоже артистически подаются — сперва она как бы мужественно крепится, на мои, значит, хамства и грубости, и вдруг так ненароком: кап! И через четверть часа опять: кап! Прямо пипетка какая-то. И так она меня этими своими пипеточными замашками достала, что я возьми да и выскажи ей все — и про себя и про нее, в общем, всю картину. И что, ты думаешь, она мне говорит: «Давай, — говорит, — уедем». Лучше бы она молчала. Этот роман-

тизм тургеневский меня взбесил, просто слов нет. «Куда, — говорю, — радость, уедем? Уж не в колхоз ли твой родимый? Не знаю, как ты, — говорю, — а я, так незаметно для себя, привык душ принимать ежедневно. И потом, — говорю, — чем прикажете занимать себя в часы, свободные от удоев»...

— Это ты плохо сказал, — задумчиво перебила Лизка, — если уж грамота так тебя волнует...

— Подожди... В общем, как говорится, рассказал все, ничего не потая... И что странно, она ничего. Покапала малость, и все по-старому. Только я уже был как отжужжавший волчок. Правда. Поплясал, пожужжал — и на бочок. В общем стало мне тошно. Короче, говорю я ей уже наотрез, дескать, напрасны ваши совершенства, их вовсе не достоин я, за сим примите, и прочая, и прочая. И ты знаешь, ее вдруг тоже будто подменили, я-то на этот раз уже всемирного потопа ожидал, — нет. Губку, знаешь, стильно так прикусила, выслушала и ушла. Красотища-а! И я себе стал жить-поживать, добра наживать... Без слез, короче, без любви... и тут! — заорал он вдруг совсем как полоумный, — передо мной! и красота! и вдохновенье! и жизнь! — он осекся, посмотрел на грозно нахмурившуюся Лизку, как бы испугался и зашипел, как змея: — В хороводе других амазонок!

— Ты умом часом не тронулся?

— А с утра мне дед эту папку свою чертову втюхал, — продолжал, не ответив, Антон. — И вваливаюсь я, прямо... как Чацкий, в эту обитель... чистых нег... — Он сделал долгую паузу и вдруг сказал: — Я бы Аркадия этого Петровича убил бы только за гадость его одну, ведь это какая ж сволочь!..

— А разве он знал? — удивилась Лиза.

— Нет, не знает Аркашка, по всему видно, не знает. Он мне сам ее, почти сам... Понимаешь, она отказывалась, а он заставлял — сам со мной на дачу отправил. Не знает. Но ты вдумайся головой, он же ее из соплей подобрал, можешь мне поверить, уж я-то как-нибудь знаю! Что он видит-то в ней тогда? Не слепой же в конце-то концов! Чем он смотрит там на нее? Или только на ощупь?

— А сам-то ты? — сузив глаза, резко сказала Лиза. — Что ж ты-то, герой-любовник?

— Да ты глухая что ли?! — искренне рассердился Тоша. — Куда я ее? К бабушке?! К дедушке?! Я румяный колобок... Да они меня скорее дустом вытравят с тараканами, чем... Я же, как волк, со всех сторон обложен, не понятно?

— Да тише ж ты, — Лиза положила ладонь на его руку, — чего ты кричишь? Прекрасно я все понимаю.

— Ты еще главного не знаешь, — забормотал Тоша, хватая ее за руку. — Там, на даче-то, ну ты представь... Представила, да? Слезы, исте-

рика, взаимные объятия... Хорошо представила? А вот теперь я скажу — после взаимных-то объятий, ну? После вселенского восторга и всеобщего примирения сердец?

— Что? — со страхом спросила Лиза, руку чуть не отдергивая.

— Ну, ну, напряги воображение!

— Если не хочешь говорить, не говори, — забормотала и Лиза, вырвав у него, наконец, свою руку и схватившись за сигареты.

— Нет, я скажу, — гадко усмехаясь, сказал Антон. — После всех этих пароксизмов и конвульсий я посадил ее в папенькину машину, а она по дороге хватала меня за руки (не забудем, что я сидел за рулем, так что мы запросто могли слететь в какую-нибудь придорожную канаву) и, истекая соплями, умоляла — я подчеркиваю это слово — умоляла отвезти ее куда угодно, только не *туда* и исключительно трогательно лепетала, что готова на все, что будет терпеть все на свете, и т.д. и т.п.. Так вот, несмотря на все эти заламывания рук, я отвез ее к брату моего деда, высадил у подъезда, поднял на лифте и оставил на резиновом коврике перед квартирой. Вот так развлекается в выходной день современная молодежь.

* * *

Стареть Аркадий Петрович стал, раскисать. Тело его барское утомилось. Сами об Олечку ноги споткнулись, захотелось усталую голову положить на молодые ее колени — и уснуть. Много Олечек было, канули те времена. Трудно теперь в хороводе вертушек-свистушек. Эту бы Олечку подушкой пуховой под голову — и спать, спать до могильной отрады, до кладбищенской ограды — старость свою покоить...

Старость ли? Седина в висок, бес в ребро. И с Олечкой еще кутнем-погуляем, там видно будет. Бог взял, Бог и дал. Олечка девочка умная, остренькая, с полувзгляда ловит. Студенточкой выбрал ее в семинаре. Снизу вверх лукаво поглядывала, слушала. Раз, другой домой пригласил — с курсовой, по делу. Приходила, робела. Тему с прицелом ей дал — книгу писал теперь о Гоголе. Гоголя, значит, копала, совместно как бы работали, помогала ему. «Мы — коллеги», — настаивал. Настоял. Не впервой. Олечка вольней стала, звонила часто сама: «Аркадий Петрович, как вы считаете...». Слушал голосок ее, сладкими грезами тешась, не торопился, умел ждать. Между тем потихоньку о жизни ее выпытывал — кто, откуда. В общежитии жила Олечка, из-за Урала откуда-то родом. Про дом не говорила — стеснялась. За курсовую «отлично» поставил. Домой к нему с цветами приехала, старый охотник силки ставить умел.

Так и пошло. Через полгода переехала к нему, кошечкой к дому приживаясь. Кофе варила, разбирала бумаги, не капризничала, не уставала, под сбивчивую диктовку брала у него, усталого, с самого невнятного черновика набело без единой ошибки, ножкой в разрезе халата

умела качать задумчиво над Бахтиным — ангел была Олечка, хотелось жениться.

Ну а что ж тут такого, почему бы и нет? Он вдовец, никому ничем не обязан, да и Олечку надо ж пристраивать — хотя можно, конечно, и так — в аспирантуру, на кафедру... Но — хотелось устойчивости.

И потом, беспокоил его Евгений. Ходит, как сыч, черными глазищами зыркает, что у него на уме? Весь в мать, ничего не поймешь. Точно туча. Вот ведь порода совиная! Венера тоже молчала всегда — но что-то там думала, себе на уме. При Венере туча нависла. Поначалу считал: девушка тихая, удобная. Вышло не так — дом, словно могила. Как было ему — живому — в могиле усидеть?! Честное слово, грех говорить, но после смерти ее прямо вздохнул по-другому.

Но Евгений! Хорошо еще легкий характер у него, у Аркадия Петровича, не то совсем с ума можно сойти. Словно не сын, словно вовсе чужой человек. Ну хоть бы что было похожее. У Николая две дурынды выросли — Наденька-Верочка — ну так видно же сразу породу. Этот же...

Олечка, умница, умело держалась, хоть Аркадий поначалу чуть-чуть и боялся. Не удивлялась ничему, с Евгением вела себя ровно, без жестов — Аркадий Петрович ценил. Евгений тихие устраивал истерики — Ольга могла и не замечать, Аркадий Петрович, однако, злился. Хотя Ольга, может, и замечала. Между прочим, даже как-то жалела что ли, слышал из-за стены: пыталась разговорить. Как же! Промычал что-то, промямлил — всё. Вот ведь накажет Господь, право слово.

Что же теперь, прикажете ради балбесова спокойствия отказаться от всего? Да и в чем проблема, скажите на милость? Кто у него что отнимает? Сам он жениться не думает (при этой мысли Аркадий Петрович аж усмехнулся), квартиру жалеет? Ну, да уж извините, квартирато все-таки Аркадия Петровича. Евгению такая и ни к чему. Ему б и чулана хватило.

Господи, пристроить бы его! Были бы тетки какие-нибудь одинокие, он бы старушке приплачивал, честное слово. Да где ж ее, тетку такую, найдешь, нет у Аркадия теток, померли давно. Разменяться? Ох, не хотелось бы. Такую квартиру, обжитую, удобную... И книги, позвольте, куда? У Аркадия библиотека, ее, простите, в современную коробочку не упрячешь — здесь три пятьдесят потолок, и в самый упор поднимаются стекленные полочки, а на них любезные други, верные слуги — коричневый Щедрин, синий матерчатый и бежевый ледериновый Пушкин, толстый синий академический Гоголь, Чехов старый зеленый, другой новый голубой... Да что говорить — невозможно переезжать! Он, в конце концов, профессор, ученый, ему нужна обстановка. Он головой работает, не руками. Это руками все равно, где махать, для творческой же работы нужна атмосфера.

Олечка чудно атмосферу эту впитывает, сама излучает — к месту, к месту пришлась. С новыми силами пишется Гоголь, чувствует Аркадий

Петрович: точно открылось второе дыхание. И пальцы тянутся к перу, перо к бумаге — нет, давно не помнит он такого прилива энергии. А главное: мысли, мысли — словно накопленное годами вдруг заработало само по себе, послушными солдатами выстраиваются идеи, образы в строгие ряды — растет монография. Ах, не в этом дело! Работается, работается...

Знает себе цену Аркадий Петрович. Он смелый, прогрессивный — и *изящный* ученый. Его слог — почти беллетристика. Сколько раз слышал он задыхающиеся признания: ваши книги, ваши лекции — дальше невразумительный словесный комок (от восторга). Приятно, но принимал с рассеянной холодностью — другого не ждал.

Да, он всегда был талантлив. Но сколько работал! Одним талантом не выедешь. Сколько он видел таких — сверкнули, мелькнули — и где теперь? Transite ad inferos? Нет, Аркадий Петрович знал цену таланту, но знал и меру труду. Его никто не упрекнет в легкой жизни: как раб галерный прикован он к столу, и сколько лет! Так может он на склоне дней получить, наконец, хоть толику покоя и радости? В первом браке нужна была ему такая жена, как Венера, чтобы встать на ноги, чтобы *наработать* себя, не отвлекаясь, не сбиваясь на бытовую кухонную мелочь. Но теперь... Решено, Олечка будет подругою старца, будет вдохновлять, помогать в работе. Опереться о ее молодое плечо, и с новыми силами... Да! Да!

На пол сбрасывал отработанные листы — кто-нибудь подберет.

* * *

Плыли за окном спящие черные деревушки с одним фонарем у разваленного сарая, плыли темные елки и хаотичная паутина безлистых, неопределимых в темноте ветвей. Вспыхивали огнями на утоптанном снегу платформ щемящие одиночеством полустанки. Взревывали грохотом встречные поезда — и опять тишина, спустя секунды снова нарушаемая перестуком колес, и снова поля, снег, деревушки...

Лиза появилась на вокзале с твердым намерением уехать любым поездом — и уехала «самолетом», спальных не было даже плацкартных. Спасибо, место ей досталось у окна, из которого, впрочем, нещадно дуло. Дуло, кстати, и по ногам, так что они совершенно окоченели уже через час. Лиза наполовину стянула сапоги, чтобы дать замерзшим ногам пространство отогреться, но они не отогревались, в плечо даже сквозь шубу сифонил вагонный сквозняк. О том, чтобы заснуть, не могло быть и речи.

Лиза попробовала было читать, но от одного вида обложки ей стало противно, она лениво полистала книжку и сунула обратно. Впереди была целая ночь, и коротать время предстояло с самой собой.

Мысль ехать в Питер пришла ей еще вчера ночью — когда пила бесконечно чаи на кухне. Во-первых, в Питере жил отец, и это решало массу проблем — жилья, забот и прочего хлеба насущного. Денег у Лизки,

конечно же, было кот наплакал — хотя она взяла с собой неоконченный переводик, глядишь, и сделает между прочим. Деньги Лизка так и зарабатывала — переводами. Во-вторых, это Лиза отлично знала, лучший способ начать новую жизнь — разом выскочить из колеи. Всякое барахтанье усугубляет тоску. Нет, только так — отрезать и сразу. Впрочем, это тоже был *вариант* — отъезд не означал окончательного разрыва (что лишнее очко в плюс). Там видно будет, поживем-увидим.

В Питере, опять же, полно знакомых, город давно обследован, обжит и освоен, стало быть, есть, чем заняться — слоняться по питерским кухням, вовлекаясь все больше и больше в болотное питерское безумие, глотая литрами спитой чай (хлеба нет! сахара нет! только военно-полевой набор: соль, мыло и спички).

— Ты помнишь Карину? — Да! — Ты помнишь Славу? — Да! — Машу? — Да! — А другую? — Да! — И лопатой, лопатой веселый питерский бред: умер, женился, сломал ногу, написал стихи, уехал в Германию, продал картины, развелся, родил ребенка, опять умер, стал депутатом, пьет, шьет, открыл кооператив, издает журнал, снялся в кино... — А что в Москве? — Да так, ничего особенного. — Поедем к Асе? Она теперь совершенно сошла с ума! — Едем! — Зайдем к Болтайцу? Он тоже сошел с ума, бросил вторую жену и стал председателем Общества охраны памятников... — Идем! — А как в Москве? — Да так, все по-старому.

Рядом храпел мужчина в черной синтетической шубе. От него шел деревянный спиртовой дух, и Лиза подумала, что поменялась бы с ним — на одну сегодняшнюю ночь, конечно, — такой безмятежностью веяло от его сна. «Кто же это глупость такую написал, — возмутилась она, — *я жить хочу, чтоб мыслить и страдать*? Да ради того, чтоб не страдать (или не мыслить — разве есть разница?) можно и от самой жизни отказаться. Неужели же можно искренне *хотеть* страдать? Врут, гады, для красоты слога!»

Пьяный рядом с ней шевельнулся, бормотнул что-то во сне, уронил голову на грудь, так что слезла на глаза дешевая меховая шапка. В окне плыла прежняя тоскливая зимняя родина.

«Сойти бы вот так с поезда, — подумала Лиза, — оказаться в деревеньке по имени, положим, Черная Грязь, ходить в валенках, завести цепную собаку, топить печь (кто бы мне дрова колол? Ну, колол бы кто-нибудь). Господи, как там, наверное, тихо! Снег, насколько хватает глаз, лес там какой-нибудь, речка подо льдом (блестит! — фыркнула на саму себя Лиза). Живут же там люди. И я бы жила. Потихоньку. Они, наверно, смотрят на нас как на больных: носимся туда-сюда мимо них: Питер — Москва, Москва — Питер, а толку? Господи, куда я еду, зачем?»

Она повернулась на неладном, нескладном сиденье, плечом задела соседа. Он заворочался, упал было головой к ней на плечо и вдруг проснулся.

— Приехали? — спросил почему-то с ужасом. — Какая станция?

— Никакая, — сказала Лиза. — Спите.

Он наклонился через нее, глянул в окно.

— Вот ведь люди, — сказал, — живут. Ничего не видят. Кроме телевизора. — И толкнул Лизку в бок.

— А вы что видите? — брякнула Лизка. — Кроме телевизора, небось, тоже не видите ничего, не так разве?

— Это почему? — обиделся он. — Почему это ничего? Я в городе живу, я все вижу.

— Ну что, например? — привязалась к нему Лизка, со зла привязалась.

— Я-то? Я все вижу, — веско ответил он. — Сама-то ты где живешь?

— В Москве.

— Вот то-то. А рассуждаешь. Человек в городе представление имеет. Вот я — работу свою сделал, деньги получил и сам себе голова. Я жене так и говорю: я тебе денег даю, всё, мы в расчете. Верно, ну? Я на себе ездить не дам, я ей не животное. У тебя муж есть?

— Ну есть, — нехотя ответила Лиза, жалея, что ввязалась в этот бред.

— Он тебе деньги дает?

— Дает, — покорно согласилась она.

— Вот так вот, а вы еще жалуетесь, — неожиданно заключил он, дохнув на Лизку перегаром.

— Спокойной ночи, — сказала она, отворачиваясь к окну.

— Вот и все вы так, бабы, — горько вдруг произнес он, — ни поговорить с вами, ничего. — Встал и пошел в тамбур — наверно, курить.

Воскресенье

Евгений Аркадьевич шел спозаранку за хлебом. Томление духа нашло на него — ни свет ни заря проснулся зачем-то, вертелся, вертелся среди простыней, сбил их в потную тяжкую кучу, дальше терпеть было невозможно, пришлось встать. Для тихости похлебал жидкого чаю — не заваривать, так меньше гремишь; кофе он вообще не пил, от кофе внутри начиналась тряска, сердце стучало, темнело в глазах — видно, с давлением было не в порядке (о чем он не помышлял).

С чаем, задумавшись, сжевал полбатона, отщипывая по крошечке, по щепотке. Скверная такая была у него привычка — голый хлеб жевал без толку, даже сытости потом не чувствовал, только тяжесть. Вообще странные отношения были у него с едой: знал и любил он полезное, обстоятельные книжки читал — «Китайская кухня» (с подробнейшим комментарием), сочинения Похлебкина (кухня, соответственно, русская, впрочем, и разная), «Вегетарианские блюда»... Тяготел, между прочим, к вегетарианству: полезно, гуманно и чисто (земля овощная — грязь бескровная, благородная). Крови он вообще-то пугался, не любил: крас-

ное, мокрое... В детстве даже боялся мясо в рот брать, плакал — потом, конечно, привык. Что-то чуялось ему там, на дне пропасти, ужас древний какой-то, может, страх смерти, может, иная напасть. Другое дело морковка-редиска — нестрашно, стерильно, вкусно. Впрочем, вкус-то он почти не различал, мог бы и бумагу жевать.

Ленивый воскресный город спал. Евгений Аркадьевич твердым шагом, в снегу скрипучим, двигался к булочной. Мысли шевелились змеиным клубком — те, что подняли утром, что душили скрученной простыней. *Эта* вчера пришла странная. То есть не видел ее, но вышел в прихожую — шуба валялась. Шуба хорошая, мягкая. Глянул — вешалка оборвалась, поднял, повесил на плечики. В ванной журчала вода, *его* дома не было. Почему-то скулила в журчащей воде, то вдруг вскрикивала и словно рот себе зажимала. Странное, странное что-то творилось. Представил русалкой себе *ее*. В волнах зеленых слезами лгала русалка, криком своим обманывала — нет, не плачут русалки. О чем им, бездушным, рыдать? Если поверишь им, захохочут в глаза, рыбьим хвостом по лицу хлопнут наотмашь — не верь, не верь русалкам. Вдруг представил себе, как входила, как вешала шубу — черное что-то под глазами стекало, мешало черное видеть, шуба на пол сползла, не до шубы ей было: в воду, в родную стихию бежала — черное гнало в воду.

Теперь по рыжему снегу Евгений шагал за белым хлебом, а русалка его догоняла. Отец приехал поздно, ничего не узнал про русалку. Мягкой кошечкой вышла к отцу — тихая, сонная. Чаем поила, мурлыкала. Когти свои даже не прячет. Красит, на показ выставляет — яркие, гладкие когти. Только черное смытое Евгений Аркадьевич заметил и через стену, а отец недогадливый все любовался своей лукавой кошкой...

Вдруг Евгений Аркадьевич споткнулся, нога скользнула в ямку. Упал, больно ударившись костью. Охнул и стал подыматься — шапка отлетела вперед. Булочная была уже рядом. Дошел, добрел, припадая на ногу. Дверь оказалась закрытой, бумажка висела: что-то там по техническим причинам. Евгений Аркадьевич удивился, не удивляясь,— что еще с утра за причины? Хромая, пошел к остановке: воскресенье, значит, надо в далекую, в самую дальнюю.

Долго ждал троллейбуса. Спали, видно, троллейбусы. На остановке мог бы задуматься: да надо ли хлеба? Нет, про такие дела не задумывался — раз вышел уже. Теперь, если бы даже пришлось через всю Москву, если бы за город на электричке, все равно бы поехал. Это спокойней, чем возвращаться, не сделав дела. Иначе мигом взбухал, рассыпался хаос — и наступал, и теснил, и брал в кольцо. Порядок — так понимал Евгений Аркадьевич — единственное оружие против хаоса. Выход за хлебом означал необходимость возвращения именно с хлебом, не с картошкой, не с постным маслом. Невозможно же, выйдя за хлебом, схватиться за утюг и начать гладить рубашки! Причины и следствия

должны выстраиваться ровными шеренгами — выстраиваться и рассчитываться на «первый-второй». И если бы какому-то первому не хватило второго, а другой второй выскочил, не дождавшись своего первого, Евгений Аркадьевич испытал бы чувство неуюта, даже паники.

Из всей физики более всего желал бы он подчиниться закону равномерного прямолинейного движения, к которому стремится всякое тело, если на это тело не действуют никакие посторонние силы, ибо оно одно дает то самое вожделенное состояние покоя, которое глупые физики отделяют словечком «или» от равномерного и прямолинейного. Но посторонние силы как раз и не дремлют, они неумолимо действуют на физическое тело Евгения Аркадьевича, стремящееся к покою равномерному и прямолинейному, и гонят, и толкают его всеми своими ньютонами куда-то в сторону, увлекают в круговерть, в хаос и безумие. А бедный Евгений Аркадьевич имеет в арсенале — что? — одну лишь жесткую последовательность действий, только и знает, что верное заклинание: «первый-второй». Так что поедет Евгений Аркадьевич за хлебом хоть на край света — да вот, к счастью, как раз и троллейбус.

* * *

Марля лежал, колупал обои. Лизки не было. Вчера он все-таки вернулся, на последнем метро, и — в пустую квартиру. Удивился слегка, даже пожал плечами: вольно же. Впрочем, он устал за этот безумный день: странное дело, не от работы устаешь, от людей. В школе читал, как делают какую-то вакцину (какую, не помнил) — загоняют лошадь в пруд, к ней пиявки присасываются, пиявок потом собирают, что-то там с ними делают, неважно. Лошадь эта почему-то запомнилась ему с детства, в приступах мизантропии любил себя сравнивать с нею, окружающих же, соответственно, мыслил пиявками.

Проснулся вдруг от тоскливого дикого сна: будто умер и его в виде черной таблетки (уголь активированный) *навечно* замуровали в стене колумбария. «Но как же, а суд? Не было же суда!» — кричал он всей своей таблеточной сущностью. «Был», — твердо сказал ему голос. «И что, теперь навсегда?» — в отчаянии завыла таблетка. «Навсегда», — сказал голос, и стало абсолютно темно.

Он в ужасе вскочил. За окнами чернело утро, Лизки рядом не было. Он зажег лампочку над головой и обвел глазами комнату. Комната была обшарпанной и тесной. В углу торчал старый увеличитель, полуприкрытый каким-то рваньем, на стульях громоздилась одежда, валялись книжки и фотокарточки, на столике стояла чашка с недопитым холодным чаем и огрызком на блюдечке, к раскрытой швейной машинке притулился какой-то темный аптечный пузырек. Под столом валялся одинокий носок, кажется, его собственный.

— Но ведь я даже ничего не успел сказать! — вслед сну оправдывался Марля, сидя и кутаясь в одеяло. «А что бы такого ты мог сказать, интересно? — тут же пронеслось в голове. — Или заслуги какие имеются?» Он застонал от тоски и пожалел, что нет Лизки. Можно было бы сейчас погасить свет, тихонько обнять ее за плечико, очень и очень осторожно перетянуть на себя краешек ее мягкого сонного покрывала и просто сладко-пресладко заснуть, забыв о темных холодных стеклах, об окончательном решении суда, о бесконечной серой стене и этой жуткой тесной ячейке... Но Лизка, как он узнал вчера из оставленной на кухонном столе клетчатой бумажки, «уехала в Питер» — в письменном виде ее высказывания бывали лаконичны, иной раз даже чересчур.

Тесная, захламленная комната, которую он в обычное время пропускал мимо сознания, теперь почти пугала его. Марля встал, задернул занавеску, отчего пропало угрожающее мрачное окно, и включил вместо него телевизор. Здесь было еще хуже — блондинка с малиновыми, опухшими, как у вампира, губами тут же напористо и нагло понесла что-то, стала навязывать ему какую-то муть. На другом канале орали и дергались какие-то бесноватые, дальше рекламировали «Дирол» без сахара, еще дальше выскочила пикающая рамка, а потом человек со среднестатистическим лицом принялся жевать и жевать до бесконечности одну и ту же тягучую фразу про экономические рычаги и региональное инвестирование... Нажав на кнопку, Марля закрыл и это окошко.

Он полез в сумку за сигаретами и наткнулся на какую-то книжицу. Ну да, разумеется, вчера в переходе он споткнулся взглядом о человечка в задрипанном пальто с плакатиком «Купите мою первую книжку». Тот мгновенно вычислил жертву и без слов сунул Марле брошюрку.

— Стихи пишете? — с тоской спросил Марля.

— Да, — грустно признался человечек.

Марля обреченно провертел несколько листочков — стихи, что и требовалось доказать, были дрянные (во всяком случае, на его вкус).

— Сколько? — вздохнул он.

Теперь стишки уныло лежали на дне сумки.

Между тем надо было что-то делать. Встать невозможно, лежать — еще невозможнее. Он вытащил злосчастную брошюрку и устало запустил ею в стену. Ударившись, книжонка раскрылась, затрепыхалась, словно бабочка, потерявшая ориентацию в пространстве, и грохнулась об пол.

Марля встал, дотащился до ванной, выбрился и умылся. С ненавистью глянул в зеркало, взял валявшуюся на полочке Лизкину помаду и размашисто вывел поперек своего отражения: «Дурак!».

Заняться было решительно нечем.

Он помолол и сварил кофе, хотя имелся и растворимый, взял кружку и поплелся опять в постель, зацепив по дороге брошенное на стуле Лизкино вязанье — какую-то бесконечную хламиду с пропастью раз-

ноцветных, тут же раскатившихся и запутавшихся клубков. Проползав на четвереньках и собрав с полу зловредных шерстяных зверьков, сунул всю эту хренотень в шкаф.

«Свободное время хорошо, только когда его нет», — подумал Марля, содрогаясь от банальности собственной мысли. Он улегся в постель и прочел две страницы какого-то актуального романа... Закрыл журнал, невесело отметив, что банальности приходят в голову не ему одному. Из-за неплотной занавески пробивался бледный свет: должно быть, где-то взошло солнце. Он погасил свет, навалил на голову подушку и закрыл глаза.

* * *

Сама не зная почему, Лиза не стала звонить ни из Москвы, ни с вокзала. Во-первых, от отцовской квартиры у нее были ключи («Я тебе рад в любое время»), во-вторых, не хотелось объясняться. Стоя теперь перед дверью, обитой черной клеенкой, она легонько вздохнула и, словно готовясь выйти на сцену, клюнула пальцем звонок. Из-за двери долго не доносилось никаких звуков, так что Лиза, чуть удивившись — в такую рань? в воскресенье? — полезла было уже за ключами, как вдруг послышались шаркающие шажки и дверь распахнулась. На пороге стояла коренастая татарочка с черной овчиной вместо волос и такими круглыми щеками, будто за каждой она хранила по яблоку.

Обе в растерянности уставились друг на друга.

— Вы к Дмитрию Ивановичу? — наконец нерешительно спросила черноволосая барышня. — А его нет.

— Где же он? — теперь уже в полную силу удивилась Лиза и, разозлившись на свою растерянность, надменно добавила: — Может быть, позволите войти?

— Но его, наверно, долго не будет, — пробормотала девица, как-то боком, не вполне загораживая проход.

— Что значит — долго? — еще высокомернее спросила Лиза и так решительно шагнула в квартиру, что татарочка отшатнулась.

Лиза закрыла за собой дверь, наслаждаясь своим мучительством, сняла шубу, повесила ее на крючок и только после этого обернулась к черноволосой захватчице:

— Так где же он?

— А вы, вероятно, Лиза, — вдруг совершенно спокойно определила захватчица, облокачиваясь на стену и скрещивая на груди руки. — Дмитрий Иванович не предупредил, что вы приедете.

— А он и не знал о своем счастье, — отпарировала Лиза. — Так где же он все-таки — с третьего-то раза?

— Поехал вчера к своей тетушке, извините, забыла, как зовут. Она болеет, просила с ней ночевать.

— Вот как?! — весело воскликнула Лизка («Сам, значит, уехал, а прелестницу дома оставил. Отлично, папенька, время проводите, поздравляю!») — Тогда позвольте пока что хотя бы чаю попить, — и, не дожидаясь ответа, двинулась в кухню.

Барышня прошла следом и, пока Лизка ставила чайник, вынула из холодильника какие-то сыр и масло. Лизка села и закурила — без спроса, стерва! Татарочка сходила куда-то за сигаретами и тоже закурила.

— Пока что в счете ведете вы, — сказала Лиза, — но вам о моем существовании, видимо, было известно. Мне же о вашем, увы, нет. С кем же, простите, имею честь? (Злобная, злобная Лизка!)

— Катя, — так же спокойно ответила татарочка.

— Очень, очень приятно, — пропела Лиза, вставая налить чай. — Будете со мной?

— Да, спасибо, — Катя усмехнулась. — А вы похожи.

— На папу?

— Нет. На то, какой я вас себе представляла. Дмитрий Иванович любит про вас рассказывать.

— Неужели? И что, например? — Лизка с опозданием прикусила язычок: надо же сморозить такую глупость!

— Да всё то же, что обычно рассказывают отцы, виноватые перед своими детьми («Ого!»), — восторги в основном.

— Так как же прикажете понимать в таком случае сходство?

— Значит, Дмитрий Иванович точен в деталях, — улыбнулась Катя.

Лизка обожглась чаем.

— Не обижайтесь, — внимательно посмотрев на Лизу, продолжала Катя. — Я совсем не отрицаю ваших достоинств. Просто вы любите производить впечатление.

— Правда, — Лизка рассмеялась. — Да ведь и вы тоже!

— Я? — задумчиво переспросила Катя. — Может быть. Только у меня реалии другие, обстоятельства. Вот вы меня здесь увидели и немножко рассердились. Ну, это нормально, — перебила она возможное Лизкино возражение. — Не в этом дело. Я же, когда поняла, кто вы, тоже рассердилась, ведь вы меня — чуть-чуть — ну, скажем, третировали, да? Так что я сейчас слегка отыгрываюсь. Только не обижайтесь.

— Катя, — сказала Лизка почти с восхищением, — вы не человек, вы героиня психологического романа. Я всегда знала, что Питер безумный город, но вы...

— А я совсем не из Питера. Я из Башкирии.

— Что ж там у вас, — спросила Лиза, — принято так? Национальные традиции?

— Что-то в этом роде, Уфа — город интеллектуалов, — спокойно сказала Катя. — А вы надолго сюда?

Ну как отвечать на такой вопрос?!

— Вы хотите спросить, долго ли я собираюсь жить в этой квартире?

Катя очень внимательно посмотрела на Лизу, потом решительно мотнула головой и сказала:

— Вы никогда не задумывались, отчего люди плохо понимают друг друга? Мне кажется, все дело в том, что мы говорим сами с собой. Хватаемся за случайные впечатления, лепим себе образ собеседника — и вперед. Почему вы так агрессивны? Вы ведь знаете обо мне еще меньше, чем я о вас. Но что-то такое подозреваете...

— И ничего я не подозреваю! — запальчиво от смущения перебила Лиза.

— Как знаете, — равнодушно пожала плечами Катя. — Только хочу вам сказать во избежание недоразумений. Дмитрий Иванович разрешил мне пожить здесь, потому что его попросил мой отец. Они когда-то дружили в университете. — Но если вам это неудобно, я сию же минуту готова ...

— Кать, — примирительно сказала Лизка, — может, уже на «ты» перейдем? Я сама знаю, что я не сахар. Но и ты не лучше. Ты всегда так или в виде исключения?

— Я по-разному, — ответила Катя.

— Очень много ума — тоже не подарок, — задумчиво проговорила Лиза.

* * *

Ольга лежала в постели, сказавшись больной: мол, простудилась. Ночью плакала тихо, без звука — Аркадий Петрович не слышал. Утром болели глаза, набрякшие веки закрывались сами собой. Промыла чаем, заваркой из ложечки. Но помогло ненадолго: только высохли терпкие цейлонские слезинки, снова начал мешать колючий песок. Носом шмыгала тоже по праву — насморк. Насморк, насморк, болит голова. Нет, шторы пусть будут как есть, света не надо.

Выпила чаю с лимоном. Есть не хотелось. В голос хотелось орать, выть, кататься по кровати. Но только выпила чаю с лимоном — и с сахаром.

Бедная, бедная девочка Оленька! Как же ты, дитя неразумное, выйти решилась в чистое поле — один на один с этим грубым, жестоким миром? Или не читали тебе, маленькой, сказок? Или песен на ночь не пели? Вот и пришел волчок тот обещанный, и хрустнули нежные ребрышки, а под ними сердечко затрепыхалось — окровавленное. Бьется сердечко: тук-тук! А зачем же ты, глупая Красная Шапочка, всю правду волку рассказала, зачем его хитрые речи слушала? Поздно теперь кричать: не придут, не услышат тебя дровосеки. Нет дровосеков в этом лесу.

А волки, они такие, жалости не знают. Закон один у них — что хочется им кушать. До тебя ли им? Сожрет, не почешется. Пищи, не пищи:

«за что? за что?» — за *то*. За то, что на дороге попалась. А не будь дурой! По волчьим законам живи, глядишь, и тебе добыча достанется. «Чтобы крепче обнять тебя...» Ты на руки, на руки смотри — когтищи-то с карандаш!

Разве не было у тебя доброй мамы, ласковой бабушки? Ах, не было. Не было! Вспоминается что-то такое вечно усталое, в телогрейке и резиновых сапогах, до сроку увядшее, неразличимое. А еще осенняя вязкая глина и картошка в мокром ведре. Обед, укутанный одеялом. Серый пучок под гребенкой: «деньги не потеряй!» Сколько там денег-то?! — двадцать копеек...

Ольга прилетела в Москву, как ошпаренная, — где угодно, что угодно, как угодно, только не там! У нее был отличный аттестат, в *тех* палестинах это несложно. К счастью, она не подозревала, что ее ожидает, иначе, наверное, не решилась бы и подойти к университетской ограде.

Сочинение Ольга написала без единой ошибки и чудом схватила четверку. На русском устном с ужасом увидела семистрочное предложение, которое предстояло «разобрать по схеме», и с отчаяния один к одному срисовала соединенные стрелками кружки и прямоугольники у соседки. Это позволило (милость Его безгранична!) проползти под колючей проволокой и здесь. На истории ей попались два скучающих аспиранта, которым, провалив первый вопрос и понимая, что все кончено, она со злости рассказала, как живут люди там, где она провела всю свою еще такую короткую жизнь. Но аспиранты совсем не рассердились, пошептались о чем-то и, воровато оглядываясь, нарисовали в экзаменационной книжке «отлично».

Это было необъяснимо, но две четверки, пятерка и аттестат почти превращали ее из замарашки в принцессу. Оставалось последнее условие: на отлично сдать английский. А вот это было абсолютно невозможно.

Она уже насмотрелась на рыдающих в коридорах мамзелек — причем некоторые плаксы были москвичками, и уже одно это должно было бы заставить их, неблагодарных, всю жизнь плясать от радости. Ольга жила в общежитии, где истомленные неизвестностью провинциалки ночи напролет изводили себя и друг друга мучительными историями поступлений и провалов, она же, заткнув уши, зубрила английский, с каждой минутой все яснее понимая, что ничего не смыслит в этом варварском языке. На экзамене с помощью выпрошенного у соседки большого мюллеровского словаря она каким-то сверхусилием преодолела тарабарщину двух ксерокопированных листочков. Экзаменаторша посетовала на ужасное произношение и узнав, что девочка училась «в деревне» (Ольга морщилась, вспоминая эту свою бьющую на жалость слезливую униженность), попросила показать в каком-то предложении subject. Ольга чуть не переспросила «что-что?», но сдержалась и, про-

кричав про себя «Господи, помоги, ну что Тебе стоит!», ткнула пальцем в какое-то слово — второе от начала, после артикля the.

— А на какое вы отделение поступаете? — с явной издевкой спросила экзаменаторша.

— На русское, — с упавшим сердцем сказала Ольга, отчетливо сознавая, что Бог уже истратил все отпущенное на нее милосердие.

— По языку или по литературе хотите специализироваться? — домогалась садистская тетка.

Ольга ответила с вызовом — назло ее проклятому английскому:

— По литературе! — и добавила с ненавистью: — Языки меня вообще мало интересуют.

Теперь уже было все равно.

— Это напрасно, — тетка взяла ее экзаменационный лист, занесла над ним ручку и зачем-то спросила:

— У вас какой аттестат?

— Нормальный. Отличный, — буркнула Ольга.

— Ну что ж, желаю удачи, — съязвила мучительница, нацарапав что-то в листке.

Сквозь наплывшие слезы Ольга ничего не могла разглядеть, схватила своего Мюллера, сумку и, не попрощавшись, выскочила за дверь. В коридоре она забилась в самый дальний угол, вытерла уже бегущие по щекам слезы и заглянула в бумажку. В графе «Иностранный язык» стояло «отлично».

* * *

Узнав вчера (точнее — нюхом учуяв), что у Лизки с Марлей опять раскардачка, Тася ощутила приятное. Что поделаешь, так она была устроена. Впрочем, Тася свято верила в закон сохранения энергии: если где-то убыло, того гляди прибудет у нее. Должно же, наконец, и ей достаться!

Господи, думала, Господи, что, если выйти сейчас в парк прогуляться (чистила, между прочим, картошку), а там — Он (герой долгожданный) гуляет с собакой, с... (колли — нет) с ротвейлером! Пусть игривый ротвейлер собьет ее с ног (снег, сугробы!), а напуганный хозяин вежливо извинится и поможет встать...

— Танечка, сумки возьми! — заныл из передней материн голос. — Курицу купила в универсаме и ножки, ты любишь. Капусты квашеной взяла, мы же не рубили. Надо бы нарубить, все некогда, все некогда. Сумки же возьми, я разденусь!

Утопив с досады нож, Тася вышла в прихожую.

— Что отец? Встал? — полным тревоги голосом спросила мама.

— Да уж, встал — во втором часу! Сидит, уткнулся в ящик...

— Ну что ты злишься? Он устал за неделю, и печень болит.

— Он устал! А я нет? И ты не устала? У меня, между прочим, тоже нервы... болят.

— Ну тише ты, Господи.

— Да? Раковину мне, может быть, самой поменять? Или ты поменяешь?!

Вырвав сумки, Тася сердито метнулась на кухню. Жизнь с гадкой усмешкой глумилась над ней.

Мать пришлепала следом. Стала копаться в сумках: курицу в морозилку, ножки в миску — таять, овощи-фрукты — в низ холодильника, молочко-творожок — по полочкам. Бухнулась на стул — устала. Вытянула ноги: болят. Женской работы не переделаешь.

Тася стояла, хищно срезая картошке глазки: картошка — и та виновата. Было, было у нее подозрение: Лизка картошку не чистит, не варит в кастрюльке тупую желтую курицу, не моет полы, тряпку руками не выжимает. То есть случалось Тасе и в Лизкином доме что-то такое съедобное видеть (и пробовать). Но! Не вязалось такое — не может Лизка покорно ублажать куриц ленивых, картошку чистить, морковь тушить...

Закончив пытать картошку, Тася мыла ее под водой в старой, не смененной раковине. Новая стояла тут же сбоку. И надо было суетиться, ругаться, за несусветные деньги волочь эту дрянь на такси, чтобы стояла вот так полгода, портила нервы!

Мать заскрипела на стуле, кряхтя поднялась.

— Сейчас сосиски поедим, а ножки на ужин оставим?

— Ну что ты спрашиваешь ерунду?! Сама же видишь: им еще три часа отмораживаться!

— Я и говорю — на ужин, — согласно кивала мать.

Да что ж это, Господи! Нет же терпения! Нарочно грохнула кастрюлей в плиту. Неужели вся жизнь так вот пройдет: ножки, сосиски? Было б *кому*, можно б и ножки... У-у-у! Без хозяина воет собака. Плачет Тася сухими слезами.

Какая была б у нее квартирка! Аккуратная, чистенькая, как коробочка от духов, без неряшества Лизкиного, но и без родительского убожества. Ведь тряпки рваной не выкинут, перегоревшую кофемолку пятнадцать лет на антресолях хранят (пригодится!). Три месяца стул с помойки стоит — весной отвезем на дачу. Соседи уже на помойку сами не ходят — зачем? В дверь позвонят: «Шкафчик возьмете? Мы новый купили». Люди новое покупают, мы старье собираем! Скоро и ведра помойные выносить не будут — весь мусор к нам. Так и надо над дверью табличку повесить: «Помойка». (От ярости «Помойку» сказала вслух.)

Мать встрепенулась:

— Что?

— Что — что?

— Что — помойка? Ведро надо вынести?

— О Господи! Не-е-е-е-ет!!!

Теперь Тася теркой мучила редьку. Ей хотелось красивых обедов, с двойными тарелками (дикирий), ложка-вилка-нож (трикирий), салатов, украшенных зеленью и маслинами, сухого вина в чешских бокалах с ирисами в стиле модерн. Отец выходил к столу в майке, чесал грудь, говорил: «Налей-ка, мать, супчика». Хлеб жевал от куска, не разламывая, хлюпал горячее с ложки. «Есть ножи!» — шипела Тася, видя, как проткнув вилкой, тянет целое в рот. «Ешь же как следует», — косясь на Тасю, с испугом вторила мать. «Я дома, не в ресторане», — огрызался отец и, взяв недовольно нож, резал кусок сразу на много.

— Ты морковки потри, вот, я почистила.

— Вижу.

Вспомнила тоже, как Лизка когда-то, ковырнув в тарелке, сказала со вздохом: «Ты нарочно столько пряностей сыпешь, чтобы кроме тебя уже никто не мог есть?» — а Марля ответил: «В пряностях, душа моя, метафизика всякого блюда. Как демиург из праха я создал этот кулинарный шедевр и наделил его душой. Почтительно опусти глаза и приступай к еде». И все с ухмылочкой! Разве Лизка ценит?

Если бы так, если бы, если бы! Может же, может случиться, что и ей, Тасе, наконец повезет?! Как бы жила она тогда — красиво, счастливо...

— Таня, картошка готова, садись обедать.

* * *

Сделав пару звонков, Лиза прилегла вздремнуть — после бессонной-то ночи... Но уже часам к четырем посеянное по телефону дало мощные всходы: Лизку вынули из-под пледа, умыли, переодели, покрасили и выманили для начала на Невский проспект — «на Климат» (станция метро «Гостиный двор»), откуда уже в компании Греты и Аси она поволоклась к Дрему (замечательная квартира на Невском же, без ванны, зато с изнывающим на овсянке громадным датским догом), где, испив фирменного питерского чая *белые ночи* (по пятому разу доливка все в ту же заварку), она узнала, что предстоят грандиозные проводы Карины («А разве ты не на них приехала?»).

Подождав, пока Дремова квартира затрещит от наплыва собирающихся на Каринины проводы, точно воронья стая с дачной березы, тусовка снялась с места и засосалась в метро. Ах, это дивное питерское метро, с кроваво-красной «Маяковской», с безумными разъезжающимися дверями (говорят, чтобы не затопило, но это, скорее всего, очередная, призванная объяснить необъяснимое, мифологема), с эскалаторами такой длины, что за время пути до первого круга ада успеваешь вспомнить всю свою жизнь!..

Прибыв на какую-то околоконечную станцию, народ, разбившись на группки, двинулся по целине — мимо бесконечного бетонного за-

бора сквозь груды застарелого строительного мусора. Но едва запахло цивилизацией и из-под последней земляной кучи показалась асфальтированная дорожка, Лиза чудом не нырнула в хищно распахнутый зев дорожного люка. Несмотря на мороз, яма почти до краев полнилась водой — и, судя по клубам поднимающегося пара, довольно горячей.

— Немало, должно быть, непогребенных трупов хранит сей колодезь, — радостно заметил молодой человек, подхвативший Лизку под спрятанный в рукаве локоть — в тот самый момент, когда она уже занесла ногу над бездной. — Ищут пожарные, ищет милиция, а тут такое вот: и объяли меня воды до души моей...

— Спасибо, — пролепетала, Лиза, в самых ярких красках представляя себе все прелести зимнего купания в люке. — Вы спасли мне не только жизнь, но и честь.

— Надо же, — удивился молодой человек, предусмотрительно не выпуская Лизкиного шубного локтя, дабы уберечь ее от новых опасностей. — Никак не предполагал, что тут таилась подобная угроза.

— А как же, — уверила Лиза, от пережитого потрясения позволяя спасителю почти нести себя, — не смерти боится герой, а позора. Отчего Пушкин на дуэли стрелялся?.. Ой! — увлекшись, она поскользнулась и теперь уже сама второй рукой уцепилась за своего неожиданного Вергилия. — Да, о чем, бишь? Глупое положение — вот что страшно. В незнакомый дом — и по пояс мокрая... А, собственно, куда мы идем? — Она вдруг резко остановилась, вырвала руку и подозрительно оглядела своего спутника.

— Лично я — в гости, — невозмутимо ответил спутник, от души потешаясь над Лизкиным испугом.

— Положим, я тоже иду в гости, — проговорила она, отступая на шаг, словно чтобы получше оглядеть его. — Хотелось бы надеяться, что в одни и те же.

— Мне такое признание тоже внушает надежды, — весело заметил спаситель (а Лизка про себя усмехнулась промашке). — Остается выяснить, куда идет каждый из нас.

— Если бы я знала, — Лизка окинула взглядом темные ряды пятиэтажек. Никого знакомого и даже незнакомого поблизости не наблюдалось («Бросили гады», — с фальшивой тоской подумала она).

— Зато я знаю, — сказал веселый Вергилий. — Пошли!

У Карины шли, конечно, не проводы — так, провожалки: кто теперь в Америку не ездит, подумаешь! Не прежние времена. Однако собрались как следует: и Болтаец, и обе Маши, и Марина, и Миротворский, и Борька с Жаннетой, и Серж, и, и, и... — все-таки Питер на редкость *маленький* город. Карина божилась, что едет в Штаты исключительно в виду обстоятельств и что через год, максимум два вернется к родным осинам. Гости ругали феминизм и американский образ жизни.

Лиза и ее таинственный спутник нашли местечко на диване, причем спутник, велев это местечко стеречь, тут же нырнул в клубы стелющегося уже по полу дыма, растворился в них и спустя несколько минут материализовался с двумя разнокалиберными бокалами.

— Если хочешь есть, поторопись, — посоветовал он, — на столе почти ничего не осталось.

— Я ела, — успокоила его Лизка. — Пусть урвут свой кусок голодные.

Тут подскочила Грета.

— А мы тебя потеряли, — радостно сообщила она. — Но мы так и думали, что тебя кто-нибудь подберет. Подобрали?

— Подобрали, подобрали, — заверил Грету Лизкин таинственный спутник. — Кстати, представь нас друг другу.

— А вы разве не знакомы? — удивилась Грета. — Как это вам удалось? Ну ладно. Влад, наш питерский поэт, учился на курсе с Ниной (Помнишь Нину? — Рябинкину? Естественно, помню). Лиза, из Москвы, — она поколебалась, чувствуя явную недостаточность характеристики, но ничего прибавить не нашлась (может быть, и к лучшему, ведь всякое уточнение — лишь дополнительная ложь). — Можете обменяться рукопожатием, — вывернулась она из почти затянувшейся паузы, — а дальше, как знаете. — И Грета, так же внезапно, как и появилась, растворилась в сизом дыму.

— Исключ-чительно приятная встреча, — проговорил нареченный, наконец-то, собственным именем Влад, театральным жестом поднося к губам Лизкину ручку.

И тут Лизка вздрогнула, внезапно ощутив на себе неизвестно откуда взявшийся жгучий взгляд черных татарских глаз.

Город Санкт-Петербург стремительно сужался в размерах.

Понедельник

Антон сидел на «сачке», тупо пялясь в пространство. Он вышел из дому, заведомо зная, что опаздывает на первую пару, — и опоздав, приземлился на батарею, где по традиции часами торчали нерадивые студенты 1-го гуманитарного корпуса. Он и сам не знал, для чего притащился в университет, правда, и дома делать было особенно нечего.

Мимо мелькали девицы в коротеньких юбчонках, в комбинезонистых шортах, в модных грубейших ботинках. Чинно вплывали в лифт лысые препы. Расплывшиеся тетки с седыми пучками одышливо переваливались, точно утки на берегу. Сердитая, с веником, приковыляла уборщица в черном халате (Тоша машинально подумал: откуда она выползает, куда потом исчезает?). Взметая клубами пыль и пепел, заполошно вскричала:

— А ну пошли отсюда, куряки, заразы, прямо в морду бы веником дать!

Резкий крик нестерпимо буровил утренние, еще полусонные мозги. Ряды убежденных прогульщиков заколыхались. Кто-то потянулся в

буфет, кто-то — на лестницу. Тоша остался на месте, точно при шмоне, показав мегере пустые руки: нет, не курю, просто сижу, убедитесь.

Проорал долгий хриплый звонок, Тоша не двигался. Внутри колыхалась муть, болото гнилое. Всякая попытка к движению вязла там. Рядом возникли какие-то девицы, зачирикали:

— Хорошо еще, я ни к чему не готовилась, прямо почувствовала! Весь вечер резалась в нарды. А, представляете, сидела б как дура над этими жанрами!

— А я-то сидела, идиотка. Ну заболел, мы-то причем?! Хоть бы аспиранта прислал!

— Как же, пришлет он! Весь семестр грозил: лично — у каждого... Гадина.

Тоша брезгливо поморщился: дуры — про сессию думают. Тухлыми куриными мозгами своими. Впрочем, тоже ведь незадача. День-два — и придется зачеты сдавать. Какие, к черту, зачеты!

Снова заверещал звонок, и поле обзора очистилось. Из-за поворота показался Пшеничников — опаздывает, козел. Заметив Тошу, изменил курс, поплыл на него:

— Загораешь?

— Ну?

Пшеничников, оттопырив задницу, взгромоздился на батарею рядом.

— Реферат написал?

— Не-а, — Тоша, поморщившись, мотнул головой.

— Что, думаешь, так проскочишь?

— Ага.

Помолчали. Пшеничников еще с минуту помаялся рядом, потом, пробормотав что-то невнятное, отвалил.

Тоша вытащил сигареты и, оглянувшись, нет ли поблизости бабки с веником — визг ее слушать сейчас было бы невыносимо, вставил сигарету в рот. Но зажечь не успел. Прямо на него двигалась Ольга.

То, что она его не видит, Тоша понял секундой позже, а еще через миг услышал, как оглушительно, после ватной паузы, бухнуло сердце. Он сделал плавный рывок по батарее налево, скрываясь в тень лестницы. Цокая каблучками (феминистской обуви не признавала), задрав нос, Ольга дотрусила до лифта и там встала к Антону спиной. Мусоля в пальцах свою незажженную сигарету, Тоша уставился в пол. Потом исподлобья кинул взгляд на Ольгу. Спину увидел. Руку увидел, давившую пальчиком кнопку.

Снова уперся в пол глазами, лифты кочуют здесь медленно-медленно. Поднял лицо — и в тот же миг Ольга обернулась. Что-то нелепое сделалось с лицом, оно словно раздулось, стало горячим. Чуть приоткрыв губы, Ольга сверлила его взглядом. Дура! Чего же ты еще ждешь от меня, чего?

Против воли, против здравого смысла вдруг улыбнулся — наверно, даже слегка виновато. Ольга вспыхнула, дернулась, кошкой метнулась в проход — к лестницам, к другому лифту, к библиотеке, к дамскому туалету, к чертовой бабушке...

Антон, приходя в себя, покомкал еще измятую сигарету, ткнул между губ и зажег. Помотал головой, утрясая в башке свистопляску. «Надо же, черт... вот ведь!»

Тут вдруг на батарее рядом с Тошей оказалась похожая на лошадку барышня. Закинув ножку на ножку, запела:

— Тони, чего ты сидишь тут (дай прикурить) скучный такой? Хочешь поедем к Карсавиной, а? Я сейчас на пару схожу, и поедем — Логинов, Васин, Савельева. Ну что ты молчишь?

Тоша меж тем сосал сигаретку. Девушка-пони надула губки, взбрыкнула ножкой и уставилась вдаль. Но долго наслаждаться притворной обидой не пришлось.

— Что же ты делаешь! — взвизгнула она вдруг, хлопая рукой у себя над коленкой. — Идиот!

— Ну извини, извини, не нарочно, — лениво промямлил Тоша, даже не удосужившись встать.

На лошадкиной стройной ноге, на матовых черных колготках расцветала явная, яркая, Тошей прожженная дырка.

* * *

Ольга, увидев Антона, едва устояла на ногах. То есть в буквальном смысле: поплыл, закачался мраморный пол, зарябило в глазах. Отлежав вчера весь день, поняла: надо вставать, иначе просто не встанет, разучится жить. Ныло, саднило внутри, такое кипело — Господи, сжалься! Ладно, *теперь* сама была виновата. Но раньше-то! Раньше за что?! Теперь-то по уши в грязи, не расхлебаешь, не отплюешься, а тогда, в чистеньком платьице? Или платила авансом?

Гадина, гадина, сволочь! Вынул же душу всю, сквозь мясорубку прогнал, сквозь миксер... Еще стоя в метро, Оля незаметно стирала слезинки. Ну почему, почему?! Хорошо, ладно, пускай обстоятельства! Пусть даже он не любил ее, пусть. Но — зачем теперь это все? В отместку? За что? За Аркадия? Вот уж нет, за Аркадия ее же и в постель уложить — больно странная месть.

Что тогда, что? Сам ведь все разорвал — да и не приближал-то никогда, если по-честному. Но разве она хоть когда-нибудь от него чего-то требовала? Разве ждала? Что бы ни делал, всегда, всегда искала ему оправдания — и находила. Почему-то жалела: задерганный, слабый, невиноватый. Он хоть раз ее пожалел?! Было такое?

Зачем же было снова *врать* (а то, что он именно врал, какие теперь сомненья)? Что за нелепейшая, необъяснимая выходка — с утра при-

летел, вытащил из дому, поволок на дачу, там... Все по отдельности было понятно, вместе — никак. Отсутствовала логика. Как после всего, что уже *было*, схватить на минутку — и тут же бросить? Если я не нужна, зачем же хватаешь? Если нужна, как же можешь опять бросить?..

Или он вообразил, что я вот так хочу с ним расквитаться — через Аркадия? Я же понятия не имела... А если б и так! Сам же меня раздавил, растоптал — и что же, я теперь должна по жизни ползти на карачках?! Аркадий здесь ни при чем. Аркадий так, совпадение. Но если ему все равно, какое это имеет значение, Аркадий или другой?

Подъезжая к университету, Ольга старалась взять себя в руки — и не могла. Слезы перекипали через край, норовили хлынуть из глаз. Она крепилась, старалась отвлечься. Но мысль, сделав круг, возвращалась на прежнее место. К счастью, по дороге встретилась девица из группы, затарахтела — и сразу, как по команде, Ольга очнулась, слезы ушли вглубь, горе свернулось на сердце лисьей безжизненной шкуркой — мордочка с зубками, на лапках коготки, а не укусит, не оцарапает, только стеклянными глазками хищно следит — знает: придет его время.

Сдав в гардероб шубку, — голову выше, ни о чем не думать — подошла к лифту. Лучше бы не оглядывалась! Хотя понимала прекрасно: рано ли, поздно ли, придется увидеться. Но дайте ж заживить, зализать раны. Дайте забиться в щелку, в нору. Отлежаться дайте...

Этот подлец — хоть бы хны — загорал на сачке!

Из чего сделаны люди, из жести, из дерева? Из камня, из тины болотной? Из резины, из пеньковой веревки, из хлебного мякиша? Из чего они сделаны, если им все нипочем?! Если можно вот так — ногой в пах, ножом в печенку, ломом по голове — и после этого преспокойно курить на батарее?! Как будто бы мир всё такой же, как был. Как будто бы ничего не случилось!

Ей бы сразу повернуться, уйти! Нет же, застыла, ждала, дура безумная. И это после всего! После того, как он ее — сам! — через вой и слезы, через чуть ли не на коленках ползание привез *обратно*, после того, как сказал «так всем будет лучше, ты же сама понимаешь, Оля» — теперь, после *всего* — ждать! Но вопреки разуму, логике вопреки ждала и теперь: а вдруг? Вдруг сейчас встанет, шагнет навстречу и скажет... — неважно что. Лишь бы не это «сама понимаешь»...

Не понимаю! *Сама* не понимаю! Убейте, зарежьте, не понимаю! Пусть бросит камень, кто понимает. Добейте же камнем — милосердия ради, скорее только, не медлите! Это месиво гадкое в приличной с виду оболочке, это жалкое *я* больше не может терпеть...

Нет же! Стояла, ждала — пока он поднимет глаза. Поднял. Смотрел. Господи, ну! И улыбнулся улыбочкой — как же, чего там, нормально же все...

Крыльями темными, юбкой широкой взмахнув, бросилась прочь. Взлетела по лестнице, люди какие-то, люди. Забежала в сортир — голубой-голубой, нырнула в кабинку. Там в унитазе кучей лежало дерьмо.

* * *

Лизка за чаем, за тортом, за пряниками болтала с папой. Он не пошел в свой музей или там архив — все-таки дочка, все-таки редкость. Обинями да экивоками Лизка намекнула, что, может быть, пробудет долго («Случилось что-нибудь?» — «Так, ничего»). Не поняла, то ли обрадовался, то ли так притворился. Спала она в комнате с Катей (как это все, черт побери, неудобно!) — ну не с отцом же ей спать. Катя с утра — темно еще было — молнией вжикнув, бумажками пошуршав, куда-то исчезла, Лиза валялась, нежилась до полудня. Папа, осторожно шмякая тапками, караулил Лизкино появление — встретились вечером накануне, посидели немножко. Лиза поздно пришла, после Кати — разминулись, наверное. Катя сразу же сказала им «спокойной ночи» и ушла. Деликатничала?

Лизу вчера провожал хмельной Влад. То есть не то чтоб всерьез провожал — а как бы увлекшись беседой. Она, конечно, не всю вечеринку просидела под его боком, скоро вспорхнула, была такова. Ей хотелось мелькать и кружиться, жужжать веселой пчелкой над дружочком цветком — третьим, пятым, седьмым. Хотелось только легкого и невесомого, только прозрачного — и никакого другого.

Кажется, Влад возникал как-то там в промежутках — точно, мелькало лицо, улетали, кружились слова. Но необязательно, так слегка — как бы и не материально. И вдруг, когда она вознамерилась уходить, совсем неожиданно возник материально — с Лизкиной шубой наизготовку. Неужели и шубу запомнил? Невероятно!

Удивившись, Лизка нырнула в шубку, задрала воротник — и из норки лисичкой поглядывала. Влад распевал ей что-то про жизнь — в меру анархическое и вполне забавное. На пересадке Лизка по-честному дала ему шанс улизнуть, назвав вслух свою станцию и понимая задним умом, как опрометчиво взгромоздила себе на шею пьяного человека.

Куда там! Сделав вид, что не может бросить женщину — ночью — в чужом городе — одну (ой-ой-ой!), Влад довел Лизку до подъезда (на глазах трезвея — значит, пьяность была наигранной), корректно против всех ожиданий, то есть зарабатывая очки, откланялся, и Лизка вернулась под отчий кров. Она, между прочим, любила легкие флирты: приятное возбуждение нервов и никаких угрызений совести.

Отец встретил ее с чрезмерно нежной заботой — почти стариковской. Он вообще любил ненароком преувеличить свой возраст. Лизку тяготила эта игрушечная сентиментальность, словно ее, взрослую, пытались уложить в детскую коляску. Но постепенно отец приходил в

себя (уставал, видно, от роли) и терроризировал Лизку все меньше и меньше. Надо было только дать ему привыкнуть, дать время, чтобы улеглось взбаламученное ее появлением чувство вины, — и он становился нормальным человеком, с которым легко, а порой и приятно поболтать за чашечкой чая.

— А мама там как? — задал он вопрос, традиционный и пустой до глухого резонанса в ушах.

— Нормально, — так же пусто и лениво ответила Лиза и вдруг оживилась, вспомнив: — Ты представляешь, Аркадий вздумал жениться!

— А почему тебя это так удивляет?

— Удивляет? Нисколько. Только барышня моложе меня и вдвое младше Жени. А так все ничего.

— Ну, это бывает, — развеселился Дмитрий Иванович. — А ты, стало быть, не одобряешь?

— Мне-то какое дело? — пожала плечами Лизка. — Я тебе сплетни рассказываю. Лучше скажи, почему бы и тебе не жениться? Вот хотя бы на умной девушке Кате, она мне понравилась.

— Да ты что, — всерьез испугался отец, — это здесь совсем ни при чем. Катя...

— Да я уже все знаю, — перебила его Лиза. — Я же шучу.

— Что ты все знаешь?

— Господи, ничего особенного. Ровно столько, чтобы ни в чем тебя не подозревать. Я просто пошутила, ну правда.

Дмитрий Иванович был явно задет. Ерунда какая! Своей бесцеремонностью Лизка напоминала ему Веру. С другой стороны, чего же и ждать, за глупости надо расплачиваться. Разве могла дочка не впитать эту изысканную Верину вульгарность? Ему стало жалко Лизку. Бедная девочка! Он мог бы воспитывать ее сам, она была бы умная, тонкая, хрустальночистая. Но он сам бросил ее в этом вертепе. На кого теперь пенять?

Тут зазвонил телефон. Дмитрий Иванович задумчиво взял трубку, послушал и передал Лизе. Звонила Ася.

Лизе было предложено на выбор ехать на день рождения к Миротворскому, просто погулять по городу со спонтанными заходами туда-сюда или придумать самой, что она хочет. Лиза выбрала день рождения.

— Да, — спохватилась вдруг Ася, — мне звонил Влад, расспрашивал о тебе. Я сказала ему, что ты серьезная и солидная дама. Что у тебя муж и все такое. Я правильно все сказала?

— Конечно, правильно, — сказала Лиза. — Особенно «все такое».

* * *

К вечеру понедельника Марля был безобразнейшим образом пьян. Пить, собственно, он начал еще с воскресенья. Промаявшись на убогой своей лежанке, он-таки встал и с последними лучами короткого

зимнего дня добежал до ларька. Загадка природы, от века неразрешимая: отчего человек не найдет иной раз денег на самонасущнейшие нужды, на хлеб, на лекарство, на цветы для возлюбленной, но даже в самых пустых карманах на выпивку всегда хоть грош да отыщется? То есть буквально. Можно обегать полгорода в поисках денег на что-нибудь нужное (ну, допустим, и не пол, и не обегать, не в этом дело) — и не достать, но если уж человек вознамерился выпить, эту прихоть дьявол всегда удовлетворит. Не найдет он денег, так непременно наткнется на какую-нибудь компанию, где его приголубят, опохмелят, утолят его жажду до мертвецкого лежания. Было бы желание. Да даже если и желания-то еще как следует нет, только смутный порыв души, сам найдется какой-нибудь томимый одиночеством Ганимед с литровой посудой, только держись. Впрочем, деньги-то как раз у Марли были.

Опять же странность изрядная — он мог бы (для собственного душевного успокоения) совершить какие-нибудь более или хотя бы чуть более разумные поступки, к примеру, позвонить в тот же Питер по отлично известному телефону, пойти на работу и действительно *поработать*, поехать, наконец, к хорошему другу и излить душу, выпив с ним, — в общем, были, были облегченные варианты. Ничего подобного между тем Марля даже и не пытался проделать, напротив, словно нарочно усугублял тоску и томление. Он как будто погружался в свой одинокий аквариум, судорожно законопачивая щели, чтобы, не дай Бог, не просочилась какая-нибудь свежая струйка. И находил во всем этом какое-то самому не понятное наслаждение.

Таким образом к вечеру понедельника он был в твердой кондиции второго дня. То есть безусловно спал, хотя сохранял способность передвигаться и на стороннего человека мог произвести впечатление просто не вполне трезвого. В действительности же он находился в глубочайшей прострации, переключив физическое тело на автопилот и нимало его не контролируя.

Звонка из прихожей он поначалу просто не услышал. Расслышал только вторую, уже более настойчивую трель, но поленился вставать, положив событиям развиваться помимо его воли. «Войдите», — с усмешкой проговорил он, находясь в настоящий момент на такой вот стадии остроумия. Однако дверь распахнулась и голос Таси равнодушно спросил:

— А чего это у вас не заперто?

Марля не удивился ни визиту, ни открытой двери. Он просто утратил на время саму способность удивляться. Поэтому он лишь довольно резко вскинул голову:

— А, это ты. Выпьешь?

Тася изобразила на лице целую гамму эмоций (совершенно впустую, потому что более неблагодарного зрителя ей едва ли бы удалось сыскать) и, смущенно хихикнув, присела на табуретку.

— Один? — спросила она очевидное.

Марля оглянулся, словно ища кого-то, и, ленясь тратить энергию на слова, кивнул.

— Поссорились? — с неуместной радостью (она считала, что ведет себя *светски*) поинтересовалась Тася.

Марля вскинул брови, будто ему предложили сложный и неоднозначный вопрос.

— Мы? — переспросил он. — Возможно. Все возможно. Возьми там... — бормотнул он после задумчивой паузы и вяло мотнул подбородком в сторону шкафчика.

Тася тем не менее уловила мысль и, не вставая, взяла себе резной стаканчик.

— Много не надо! — взвизгнула она, наблюдая разливающийся по столу поток и, подхватив стаканчик, смахнула лужу тряпкой.

Марля опрокинул в себя стопку, смерил Тасю тяжелым взглядом и вдруг приказал:

— Рассказывай.

— Что еще рассказывать? — кокетливо хохотнула Тася. — Я за фотографиями.

— За какими еще фотографиями?.. — вполне натурально удивился потерявший способность удивляться Марля.

— Ну ты что, не помнишь? — поджала губки Тася. — Мы договорились, что я в понедельник зайду.

— В понедельник? — глубокомысленно протянул Марля, так что со стороны могло показаться, что он пытается что-то вспомнить. — Ну бери.

— Где они?

Он неопределенно взмахнул рукой назад: вокруг него на диване действительно громоздились кучи какого-то бумажного хлама. Тася послушно поднялась с табуретки и, встав рядом с Марлей на коленки, принялась шарить и шуршать у него за спиной. Марля налил и выпил еще одну.

— Тут ничего нет, — досадливо оборачиваясь к нему, проговорила Тася. — Нет тут.

— Нет, — обреченно подтвердил он, покивав для убедительности головой. И вдруг, резко выкинув руку, схватил ее за локоть.

— Очумел? Больно! — вскрикнула Тася. Он держал ее руку больно и крепко.

— Почему меня никто не любит? — вдруг проникновенно спросил он и поднял глаза.

Глаза у него были серые-серые, нежные и печальные.

— Кто это тебя не любит? — опять кокетливо дернула плечиком Тася. — Уж тебя-то!

— Нет, — проговорил он, не отрывая от ее глаз щемяще-нежного взгляда. — Я... один. Ты видишь здесь кого-нибудь? — Марля сделал

было попытку оглянуться, но шея не послушалась, и он только опустил лицо. Помолчав, он снова приподнял голову и, заглядывая ей прямо в середину истомленного, истосковавшегося сердца, продолжал: — Здесь пусто. Здесь могила. Я умер. А мертвых никто не любит.

Тася высвободила из ослабшей хватки свою руку и, по-прежнему стоя рядом с ним на коленях, потянулась к его волосам.

— Ты хочешь остаться с мертвецом? — вскрикнул он дико, хватая ее теперь уже за другую руку.

Не высвобождая этой второй руки, Тася погладила его по голове.

— Успокойся, тебе надо успокоиться.

— Уйди! — заорал он вдруг. — Изыди!

Вскочил, как бешеный, и, едва не своротив стол, бросился в комнату, хлопнув дверью. Тася посидела одна, о чем-то подумала и нерешительным шагом пошла за ним.

* * *

Нашатавшись по мерзлым улицам (Ася не могла почему-то привести ее прямо в дом, требовались непременно какие-то сложные маршрутные эволюции с заходом в священные места — разные ротонды, гулкие глухие дворы, прочие питерские сумасшествия), Лиза отчего-то вдруг решительно расхотела ехать к Миротворскому снова крутиться в шумном чаду. Захотелось на кухоньку, на диванчик, в сонное царство. Ася, впрочем, и сама не рвалась в гости, у нее вообще была странная форма энергии: то ли и вправду ничего по-настоящему не хотела, то ли приучила себя не хотеть. Она и мысли свои выражала обычно как бы в сослагательном наклонении — можно сделать то-то и то-то (то есть можно и не делать).

Лизке нравилась эта тихая меланхолия, которая действовала на нее как транквилизатор, — если б ее окружали одни Аси, Лизка и сама бы, глядишь, стала ручной. Асина меланхолия, кстати, ей самой пользы приносила не много, жизнь у нее была — спасибо, не надо: мама, дочка, собака — вот и весь жизненный уровень. Муж ее давно бросил, да, по правде-то сказать, едва ли и вообще был мужем; вечно сидела она без денег, то есть в буквальном смысле до прямой нищеты, даже по питерским меркам впечатляющей, — иной раз в доме не бывало даже заварки. Лизка отдавала Асе надоевшие юбки и даже, забегая к ней в гости, притаскивала с собой не какой-нибудь легкомысленный кекс, а честный сыр или колбасу.

Так что они взяли и поехали к Асе. Мама Аси была полной противоположностью дочери — электричество било из нее фонтаном, энергии было столько, что это казалось опасным для окружающих. Дочка Асина, Поля, пошла в бабушку и в перспективе обещала стать чем-то вроде атомного взрыва — пока же это был маленький бесенок, засы-

павший под грохот обрушиваемых бабушкой тарелок, привыкший получать оплеухи вперемежку с поцелуями и считающий слезы и крик естественной формой человеческого общения.

Они вошли в этот бедлам. И тотчас же на них запрыгала, взвизгивая от счастья, собака, тотчас же запрыгала, взвизгивая от радости, Поля, тотчас же выскочила в переднюю в юбке с вырванным из бока клоком Юлия Григорьевна, шикнула страшно на Поленьку — «Дай сейчас же людям раздеться!», тут же Асе влепила: «Где же ты ходишь, долго я буду твоего ребенка воспитывать?!» — и сейчас же ненавистного ребенка к себе притянула, сзади за шейку обняла, пригнулась, поцеловала в макушку, нежно пропела: «Соскучилась, золотко мое, соскучилась, моя деточка», — и Лизе уже: «Господи, наконец-то, а я все жду, привезет мне Аська мою дорогую москвичку?» — все за одну минуту.

Лизка, войдя в этот дом, сама чуть от радости не взвизгивала — безумную Юлию со всеми ее выходками и художествами она прямо до страсти любила, а уж слушать ее могла до бесконечности, когда Юлия, мечась по кухоньке, за все хватаясь и ничего не доводя до конца, беспрерывно со стоном подсаживаясь на колченогую табуреточку покурить, отдохнуть, без умолку, с фантастическими подробностями выкладывала такие истории, просто бери и пиши, про художников и писателей, друзей своей богемной молодости, умелькнувшей, улетевшей в небытие и оттого еще более бесценной. И люди-то были — ого-го, солидные теперь люди — те, что не спились и не умерли, конечно, или, как сама Юлия, не пропали так, ни за грош, в питерской гнилой трущобе.

Сколько раз, воспользовавшись минутной паузой, Лизка ее уговаривала: «Вам бы мемуары написать, а? Это же прямо роман, эпопея!». Юлия вскидывалась, клялась, что напишет пренепременно, тут же перебивала себя, кричала на Асю, на Полю, что истерзали ее, замотали ей жизнь — «С ними напишешь! Нет, мне надо уехать, хоть на год, хоть на два, вот тогда напишу. (Что ты сидишь? Ты будешь ребенка мыть?) Ну, ты видишь? Это же прямо наказанье какое-то!».

И сейчас же немедленно усадила их к чаю, на Полю ногами затопав: «Не мешай взрослым! — и нежно вослед: — Ну иди, мой котик, порисуй, посмотри телевизор». Поля же, ничуть ее не боясь и не слушая, лезла к столу, на колени, требовала чаю, печенья и бутербродов.

Лизка сидела, блаженствовала. Это был уже настоящий, непридуманный Питер, суть и смысл безумного города. Для Лизки Юлия была его душой, символом, квинтэссенцией, если угодно. Она и сама была не вполне реальна — настоящий питерский фантом. Их судьбы были столь схожи, что Лизе иногда казалось, что ни в каком другом месте такой Юлии и не могло бы существовать — один из прекраснейших городов в мире, не пригодный к жизни, город-декорация, с кратким мигом прошлого, город-воспоминание, сумасшедшая столица несуществующей

родины — и прекрасная же, абсолютно не пригодная к жизни женщина, женщина-мемуар, женщина-монолог, произведение искусства, сумасшедший персонаж ненаписанного романа.

Возвратясь домой, Лиза хотела было, утомившись, уже нырнуть в постель, чтобы избежать разговоров — на сегодня достаточно, как вдруг (поздновато!) пробренчал телефон, и, взяв трубку, Лиза с удивлением услышала Влада. Влад сокрушался, что не встретил ее у Миротворского — дескать, за тем туда и поехал — и уверял, что им необходимо (вот как?) поговорить.

Говорить Лизка никогда не отказывалась, и они назначили встречу на завтра. И хотя в глубине души Лиза подозревала, что вступает на скользкий путь, ей отчего-то было только весело и совсем беззаботно, тем более что Марля не звонил, ни о чем не спрашивал и вообще до сих пор никак не напомнил о себе. Вскользь думая об этом, Лизка понимала, что ее догадки о формальном конце их отношений очень и очень небезосновательны.

* * *

Евгений Аркадьевич спал, спиной — потной, натруженной — пластаясь по дивану. Голова, откинувшись на подушке, задавала редкий и резкий всхрап. Всхрапнув же, вдруг просыпался, отчаянно взмаргивал, приподнимался, будто ища, что его разбудило. Снова падал в подушку — в точно то положение, чреватое небной рычащей вибрацией, точно тот же взамен получая неудобный эффект. Храпа Евгений Аркадьевич очень стыдился (подозревал, что храпит), считал за порок. Впрочем, Венера когда-то тоже, случалось, храпела (это его умиляло).

Вдруг (скрипнуло что-то?) сон оборвался. Сел, озираясь по комнате. Нет, ничего. Но сердце отчего-то стало огромным — надулось, как шар, ужасом невесомым. Понял: кто-то стоит. Ему бы руку поднять, нажать кнопку выключателя — свет мигом распугал бы, разогнал наваждение. Нет, не хотела работать рука. Так и сидел, вперяясь глазами в темноту.

За окном — звук, знакомый, нестрашный: пробежала ночная машина, промелькнул по потолку, по стене старый дружок, освещенный прямоугольник окна. Не было здесь никого! Только примстилось. Кто же вот так ночью войдет?

Но продолжал сидеть, отживая от ужаса, пробуя натянуть одеяло ослабевшей ногой. Тихо-тихо было, даже будильник не тикал. Если б Евгений Аркадьевич курил, самое время было бы ему покурить.

И тут, уж сомнений не может быть (но и быть этого не может!) — в красном атласном халате в дверь вплыла Ольга. В темноте даже цвет различил — алая, алая! Длинным взмахнув подолом, просочилась в щель, словно пожар, словно адское пламя...

— Что же ты, Женя, боишься меня?

Не отвечал, сжал губы. Глаза у нее светились. Понял вдруг — кошачьи, не человечьи глаза. Мягкая шла, текла, ногами переливаясь. Прямо к нему.

— Я молочка принесла тебе, теплого. Будешь? Попей. Молочко успокаивает. Не спится ведь тебе? Молочко — утешение. Маму-то помнишь? Как поила тебя — с ложечки. Хочешь, тебя попою?

Тут разглядел, что держит в руках подносик, а на подносике — давно забытая детская чашечка — лиса в клетчатом пиджачке катит громадный коричневый шар. Ведьма шла и улыбалась. Ласково, нежно цедила слова. Он подобрался, убираясь от красной напасти, притянул к себе ноги. Ярко-ярко светились кошачьи глаза, освещали подносик.

— Глупый, не бойся. Буду тебе как мама.

Села к нему на кровать, на колени поставила все, ложечка звякнула.

— Ну же, бери чашку, — улыбалась, набок креня головку.

— Нет, я не буду, — сдавленно, хрипло просипел он.

— Не бойся, Женечка. Ну же, раскрой ротик — я тебе с ложечки давать буду.

Зачерпнула из чашки. Губки сложила в трубочку — дула.

— Ну же, маленький, давай!

— Не хочу, не хочу! Нет!

— Не капризничай, — строго сказала. — Надо попить.

Снова полезла в лицо ложкой.

Он, закричал, оттолкнул ложку, бросился грудью в подушку, спрятал лицо. Она — ничего, ни звука.

Долго лежал неподвижно, в безмыслии. Сердце скакало галопом. Вдруг ощутил — сильной рукой подымает, поворачивает к себе. Сел, послушался. Она отпустила. Долго безмолвно глядела в глаза.

— Будь умницей, — сказала мягко, — если боишься с ложки, будем иначе.

Тут увидел, как стекает с плеча алое пламя, увидел нежную полупрозрачную грудь.

— Ну не бойся, — обратилась к нему медовой улыбкой, — иди сюда, Женя! — сладко-сладко звала, надвигалась...

— Нет! — закричал, забился, отпихивая ведьму руками, ногами — зажмурив глаза, чтобы не видеть, чтобы не видеть...

Мокрым, ледяным мазнуло вдруг по лицу. Визг услышал и хохот. Значит, довольна была — чем? Чем?

Весело крикнула:

— Что ж ты дурак такой, Женечка?

Где же отец? — промелькнуло, наконец, в голове. От удивления сами открылись глаза. Не было дикого хохота, адского пламени не было. Тихо-тихо было вокруг. Только мерно тикал будильник.

Вторник

Отупев от бессонного ночного кошмара, Тоша выполз на кухню. Под утро заснул — теперь стоял уже полдень (глупое летнее слово, не подходящее к зимней промозглой мерзости, лениво влезавшей в окно: по-настоящему надо бы — сумерки). Никаких звуков в квартире — то есть никаких человеческих звуков. Даже бабушка вдруг стала заметна — отсутствием. Тоша налил себе кофе — лень было и чайник согреть — черный-пречерный, холодный; сахар, не растворившись, осел на дне.

Выпил без радости, без удовольствия. Есть даже не думал, по-чайлд-гарольдовски. Скучно ему было жить.

Встал, послонялся... Барчонок — был бы сейчас холоп, на конюшню послал бы драть. Некого драть на конюшне, нету холопьев — что же делать теперь, когда такая тоска? Была бы хоть кошка — задушил бы кошку, мучил бы долго (всё представлял себе), свернул бы шею... Господи, Боже мой!.. «Бабушка! Ба-а-а-бушка-а-а!»

С грохотом упавшего стула вбежала бабушка Клавдия (грохот отстал, догоняя ее по пятам):

— Что?!

Увидала: цело, цело сокровище ненаглядное! Ног не чуяла под собой — обмякла, повиснув на табуретке.

— Что — ты — меня — так — пугаешь? — Задыхалась.

— Нет, ничего. — Отвернулся.

— Что ты кричал?

— Я же сказал — ничего.

И — сидит. И — ничего. Бабушка вспыхнула:

— Какой ты, Антоша, бессовестный! Что ты не можешь себе завтрак найти? Я прилегла, задремала... Посмотри на себя, ты же почти уже совсем взрослый, а бутерброда намазать не можешь. Как ты жить будешь, ума не приложу! Ведь я не вечно буду ходить за тобой, свезут в могилку, вспомнишь тогда бабушку...

Тоша сидел напротив, вертел пальцем спичечный коробок. Коробок не слушался — не хотел стоять углом. Наигравшись со спичками, поднял глаза:

— Ну?

— Что — ну? — словно огонь за подброшенное поленце схватилась бабушка. — Что — ну? Слуги, подайте дуги?

— Что ж ты поздно так спохватилась? — с ленцой, с ядовитинкой бросил Антон. — Розог подайте мальчика сечь? Ну же, давай, давай, высеки мальчика — он заплачет, прибежит прощенья просить: прости бабушка, прости дедушка, простите, что на свет появился...

— Что ты чушь-то порешь, — испугалась бабушка, — кто тебя пальцем-то когда тронул?!

— Ну, пальцем! Вы и без пальцев... умеете. — Тоша встал, снова налил из холодного чайника.

— Что ж ты холодное пьешь? — встрепенулась на знакомое бабушка. — Дай разогрею.

— Не дам, — Антон сел, — обойдемся. — Выпил глоток, посидел, рожу скривил: — Извини, что побеспокоил.

— Тошенька, ну скажи мне, что с тобой, а? — догадалась наконец. — Что ты?

— Я? — засмеялся. — Я царь, я раб, я червь, я Бог... А? Хочешь загадку? Сидит девица в темнице, кто ее раздевает, тот слезы проливает?

— Антон, — строго бабушка сказала, — когда твоему дедушке было столько лет, сколько тебе, он пошел работать в паровозную мастерскую, чтобы получить право поступать в университет.

— Советуешь... по стопам? — с невиннейшим личиком съязвил Тошенька. Бабушка бровью не повела — дрессированная.

— Он с отличием кончил гимназию, а работать пошел простым механиком...

— Механик, бабушка, — перебил Тоша, — не бывает простым. Это профессия квалифицированная. Его бы механиком — даже с отличным гимназическим аттестатом — не приняли. Версия страдает искажениями.

— А вот приняли! — горячо заспорила бабушка. — Приняли! Потому что он знал, что такое работа, потому что он умел отвечать за свое дело...

— А как он за него отвечал? — вдруг совершенно серьезным голосом спросил Антон.

— Что значит — как? — немедленно удивилась наивная бабушка. — Работал, как надо, и всё.

— И всё-о? — разочарованно протянул Антон, нарываясь. — Я-то ду-умал...

— Да, — обиженно продолжала бабушка, — отвечал. И поступил в университет. И учился, — со значением пристегнула она. — А ты... Ты же ничего не хочешь, ничего, — упрекала, вздыхая. — Ну скажи, ну чего тебе не хватает? Все есть, только учись. Дедушка...

— Питался черствым хлебом и всего добился своим трудом, — перебил окаянный. — Может, и мне — черствого хлебушка? И своим-то умом, а?

— Где у тебя ум-то? — всплеснула руками. — Где? Господи! У тебя же ума нету, нет ума!

— То есть буквально? — измывался, тешился Тошенька. — Последний в роду — идиот! Бабушка, та це ж я! — князь Мышкин, — и поклонился, подлец.

— Господи, шут, шут гороховый! — застонала бедная бабушка. — В интеллигентной семье, дедушка — профессор университета, родители, —

тут она запнулась, — уважаемые люди («Нашла формулировочку», — усмехнулся про себя Тоша). Ну в кого ты, скажи на милость, такой уродился?

— Да что ты причитаешь-то надо мной? — закурил, по-декадентски закинув ногу на ногу. — Чем я тебе не нравлюсь? Молод, — встряхнул головенкой, — собой недурен...

— Ты же не девка на выданье! — совершенно всерьез рассердилась, наконец, бабушка. — Собой он хорош! Что с тебя толку? Ночью шляется, спит до белого дня... в университет носу не кажет! («Разве?» — метнул было вверх бровки Тоша, — бабушка и не заметила.) Господи, Господи, что с тобой будет, что с тобой будет-то? Хоть бы скорей помереть, не видеть... — и поплелась себе вон.

Тоша, смежив глазки, ухмылялся ей вслед. Такая представлялась картинка: он — здесь же, на кухне — обезумев, колотит пустой трехлитровой банкой по столу (стояла для чего-то приготовленная, будто нарочно), бабушка же бубнит и бубнит неотвязное, как проклятие — как докучная муха... И пузатая осколочная бомба взрывается, разбрасывая стеклянные брызги... а он, не разжимая впившегося в горлышко кулака, продолжает с яростью идиота колотить по стеклянной каше, с каждым — ударом — все — обильнее — насыщая — ее — клюквенным — соком... Липким, соленым!

...Недаром его холеную ручку узорные шрамики теперь украшали.

* * *

Марля очнулся от ужаса. В первую секунду он даже не понял, что у него раскалывается голова. А она раскалывалась, мешая с болью, но нисколько не заглушая ужас. Наконец ужас материализовался в конкретное человеческое тело, возникшее в освещенном дверном проеме, словно силуэт в китайском театре теней, — этот силуэт ударил по глазам, и они ослепли.

Марля прикрыл ослепшие глаза рукой и понял, что жить, в принципе, больше не за чем.

Тася, как в самом идиотском из всех идиотских фильмов, стояла в его клетчатой, ей почти до колен, рубахе, положив полусогнутую тень руки на косяк. Она ждала.

Сперва он ее задушил, раздавив пальцами хрустящее кольчатое горло. Потом утопил в ванной, сладострастно наслаждаясь взрывом рвущихся к поверхности пузырей. Потом зарезал ножом с ручкой из оленьего рога и выпустил из нее теплую лужу крови, залившую грязный, месяц не мытый пол. Потом он сел и открыл глаза.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он хрипло.

— Я? — сценично удивилась Тася. — Жду, когда ты проснешься.

— Зачем?

— Что — зачем?

Марля встал, не одеваясь, будто мимо шкафа, протиснулся мимо нее и спрятался в ванной. Включил воду и полез в душ. Постояв под шипящей от ярости струей, он лег на дно ванны, и мозг его — будто сработало реле — отключился. Шумела вода, миллиметр за миллиметром с упорством альпиниста взбираясь по уступам его тела. Тела! Самого ненавистного, что у него на этот момент было. Он был себе не просто отвратителен, он стал сейчас воплощением всей мерзости, всей пошлости, которую презирал свысока всякий день своей жизни, полагая, что никогда, ни при каких обстоятельствах не провалится, не может провалиться в *эту* вонючую жижу.

И вот — извольте видеть, граф. Таковы обстоятельства, ваша светлость.

Марля вскочил, стал драть, терзать себя полотенцем. Тупо глянул в зеркало. Поперек зеркала игриво кривлялось давешнее помадное откровение. Как же хорошо было, когда он выводил это, как просто! Мир, оказывается, был тогда райски блажен и понятен. Он был плоскостью с лабиринтом из «Мурзилки»: два лыжника, лиса и зайчик, кто быстрей придет к финишу? И кубик, и две фишки, живи — не хочу. Теперь плоскость под его ногами провалилась, точно прогнивший настил, окровавленные лисичка и зайчик с поломанными лыжами со свистом падали в бесконечность. Вокруг было до омерзения пусто.

На зеркальном портрете красовались жирные черно-синие мазки под красноватыми глазами и ползли вниз уголки побелевшего рта. Хорош, красавец! Вот такой реприманд неожиданный, доигрался, додонжуанился. Жена сбежала, в постели подружка, ущербный ее дубликат, cafй soluble... Вот такой анекдотец. За-абавнейший.

А не бегай. Дома сиди, сторожи мужа. Да. На коротком поводке. На коротейшем. Он дернул головой, и воображаемый поводок хлестнул его по щеке. Мелькнула мысль: а вот теперь не повеситься ли? И следом другая: сколько бы *эта* ждала там за дверью?

«Ты даже не подлец, — сказал Марля, любуясь на свое отражение. — Ты...».

В дверь постучали.

— Будешь кофе?

«Растворимый?» — чуть было не переспросил он. Но вдруг споткнулся о порог реальности и сухо ответил:

— Я сейчас выйду.

Сухо и было вокруг — несмотря на льющуюся и льющуюся воду, — как в пустыне. В ванной висел халат — Лизкин. Усмехнулся, надел: «Подлец, но не вор». Опять усмехнулся.

Тася ждала его в кухне, уставив на столе чашечки-вазочки, свинство было заботливо убрано. Пахло сваренным кофе. Ид-диллия, мать вашу!

Молча присел, взял свою чашку (уже налитую). Молча стал пить, молча поставил на стол. Тася терпела, склоняла головку, чашечку двигала, ложечкой звякала, но — мило, *по-женски*, ему оставляла право. Понял: приживется здесь навсегда — как бездомная кошка, вылижет шкурку, вспрыгнет на кресло, свернется клубком и уснет. «Ты хоть понимаешь, гадина, — взглянул на нее, — что ты мне жизнь пустила псу под хвост!» Тася распахнула глаза навстречу: что, милый?

Марля поперхнулся от бешенства, дико закашлял. Кофе, заботливо приготовленный для него, рвал ему легкие. Мир на секунду стал снова плоским, простым. Вдруг почувствовал ручку у себя на спине — хлопала, хлопала, стараясь угадать ритм его сиплого рева. Грубо рванулся, оттолкнул от себя. С резким движением неожиданно восстановилось дыха́ние.

— Чего ты хочешь от меня?! — зарычал, захрипел.

— Почему ты кричишь? — на лицо шторкой спустилась обиженная маска, слегка надулись и задергались губки.

— Что тебе надо еще, что? — закричал на самом деле, как ребенок.

— Мне? Это мне — надо? — пискнула Тася, сморщив лицо.

— Ладно, я сам виноват, извини, — успокоился вдруг, заговорил, точно обговаривал условия сделки. — Ну, я скотина, подлец, как угодно. Можешь меня ударить, если тебе так будет легче. — Он поднял глаза. Выражения ее лица он не понял. — Теперь уже ничего не изменишь, — продолжал он, будто не сам говорил, будто слушал со стороны, сам себе удивляясь, — к сожалению. — Он усмехнулся. — И поверь, твое положение завиднее моего.

— То есть? — глаза вытаращились, стали круглые, как у совенка.

— То есть? — переспросил он. — Не понимаешь?

— Не понимаю, — ответила Тася, давясь словами.

— Не понимает она! — вдруг взорвался он. — Да для тебя же это ничего не меняет, поняла, ничего! — И чуть не завыл — от тоски, от безнадежности.

— Значит, для тебя это все... просто так? — дрожащими губами пролепетала Тася. На секунду стало ее жаль, будто в сердце укусила оса, но он тут же понял, что себя самого жальче в тысячу тысяч раз, и он зарычал уже, заорал:

— Да для меня это все, конец света, конец всего! И ты это знала, знала! Что ты стоишь тут воплощенной трагедией?! Не будет идиллии! Не будет! Думаешь, можно так, запросто — ввалиться в чужую жизнь, разломать, растоптать и потом угощать друг друга кофеечком?!

— Я? Это я... ввалиться? — слезы полились, как будто открыли шлюзы. Она рванулась в комнату, сдирая с себя на ходу идиотскую затею с рубашкой; он же наблюдал, подлейшим манером прикидывая: а ну как не обидится до конца, начнет рыдать, тянуть время? Как ее тогда в са-

мом-то деле выставить? И явится Лизка (когда-нибудь явится же!), а тут — извините, вакансий нет... Или, ежели угодно, давайте этакий треугольничек... В ногу со временем, в ногу со временем, господа!

Выскочила обратно в кухню уже одетая, стала на миг как вкопанная и вдруг закричала:

— Бог тебя накажет, Бог!

Ринулась в прихожую, обрушив там что-то с вешалки. Марля сидел неподвижно, тупо пялясь в пространство. Услышав, как хлопнула дверь, проговорил:

— Уже наказал, об этом не беспокойся.

* * *

Влад привел Лизу в огромную коммунальную квартиру, традиционную — с пыльными нафталинными бабками и шкафами, с тусклой лампочкой, которой хватало только немного разогнать мрак под потолком, с запахом протухающего белья и отсыревшей штукатурки — квартирка была что надо. Не решившись снять шубу среди музейного хлама прихожей, Лиза прижала к груди теплый пакет с купленными по дороге пончиками и шагнула вслед за Владом в лабиринт бесконечного коридора. После коридорной темени тесная Владова комнатенка в первый миг показалась светлой. И уж конечно, знакомой — тот же родной бардак, те же названия на корешках. Впрочем, можно было не сомневаться.

Лизка сбросила шубу (Влад подхватил, приткнул куда-то, Лизка отметила). Села, взглядом предложив ему позаботиться о пончиках. Он послушно выставил тарелку. Лизка вывалила румяной горочкой — ну? Влад неподвижно сидел, будто забылся.

— Гостеприимство иссякло? — поинтересовалась. — Не рано ли?

Влад очнулся. Уставился на Лизку.

— Хочешь вина?

— Красного — хочу, — согласилась Лиза, — только не портвейна.

Он засмеялся, не вставая, извлек откуда-то бутылку кагора.

— Видишь, как угадал.

— Что это у нас, евхаристия намечается? — Лизка кивнула на вино и припорошенную белым горку пончиков. — А как с остальным?

— То есть?

— Исповедь, покаяние?

Влад взглянул на нее, ничего не сказав. Лизка легонько смутилась — ненадолго, впрочем.

— Ну же?

— Что?

— Ну ты или ухаживай за мной как-нибудь, или уж заверни мне с собой парочку пончиков, да я и пойду, — фыркнула.

— Ах да, извини, — снова очнулся Влад, достал бокал для гостьи (смущенно пояснил: «Он у меня один») и стакан для себя..

— Бывает, — разухабисто сказала Лизка. — Ну-с, со свиданьицем.

Влад задумчиво отпил из стакана, снова как будто отплывая куда-то. Лизку это, наконец, разозлило. Она съела один пончик, другой, вытерла пальцы платочком (салфеток, разумеется, не было). Вытащила сигареты, сама прикурила. Влад сидел молча, потягивая вино. Лиза встала, по-музейному прошла мимо полок, потянулась к листочкам на столике — можно?

— Нет, погоди, там недоделано, — встрепенулся Влад. — Впрочем, как хочешь.

Она подняла верхний листок.

Открыть глаза. Перебирать предметы
Глазами. Сосчитать до ста.
Закрыть. Прислушаться. Узнать, что где-то
(*зачеркнуто*) паровоз (*зачеркнуто*) визг свистка.
Из форточки потянет гарью, рыбой,
Которую сгружают мужики.
Ты хочешь стать другим. Хорошим. Ты бы
Сейчас и стал. Да как-то не с руки.
И все как было. Сигареты, спички,
Будильник, фикус (*зачеркнуто*)
И за стеной к сестре-алкоголичке
Приехал брат лечиться от тоски.

Несмотря на филологическое образование, Лиза плохо разбиралась в стихах, тем более в недописанных. Но мысль о том, что можно хотеть быть хорошим и совсем никак не потворствовать этому хотению, показалась ей то ли забавной, то ли знакомой. Она положила листок, отошла от стола и выглянула в окошко. В окошке каменела уходящая в небо труба замкнутого двора, в основании ее топтали выпачканный помоями снег неопрятные вороны.

— Птицы, а живут же с нами... во всем этом, — поежившись, раздумчиво сказала окошку.

Она слышала, как подошел Влад, но не обернулась. Он тронул ее за плечо, тут же испуганно отдернув руку. Лиза не оборачивалась.

— Я, — начал он, — не знаю, как и сказать...

— Прозой, — подсказала не оглядывающаяся Лизка.

— Нет, так невозможно, — он вздохнул, снова коснулся, попятился.

Лизка сделала крутой оборот, улыбнулась как бы участливо:

— Случилось что-нибудь?

— Случилось? — усмехнулся. — Случилось. Наверное. Нет, ничего.

— Поэты такие же люди, — сказала насмешливо, — только еще загадочней и непонятнее.

Он отошел, подсел к своему стакану.

— Надо тебя как-нибудь развлекать, — сказал. — Извини, что-то не получается.

— Знаешь, когда приходят гости с маленькими детьми, хозяева стараются впихнуть им какие-нибудь безделушки, которых не очень жалко. Чтобы взрослые могли спокойно поболтать или так посидеть. Жаль, если я произвожу впечатление ребенка.

— В каком-то смысле, пожалуй, да, — брякнул вдруг Влад. — Милого, но капризного.

— Вот как? Разве я уже успела обнаружить все свои достоинства? — вздернув голову, величественно отчеканила Лизка.

— Господи, только не обижайся. Кто сказал, что это плохо? — он замялся. — Это очаровательно, — добавил он, пожалуй, грустно.

— Ладно, пустяки, — великодушно простила она, — так уж и быть, тащи свои безделушки. Развлекай меня байками, сказками, чем умеешь...

* * *

Тася свернулась клубком на кушетке — окаменев, оцепенев, одна в своей комнате. Она приехала днем (какая, к черту, работа!), заползла к себе в нору, рявкнула на мать, сунувшуюся узнать, что случилось, и пролежала так до позднего вечера — тупо, без слез обминая глазами пространство. Мать юркнула было с градусником — «Может, температурка?», Тася завизжала что-то нечленораздельное, дикое, первобытное...

В голове вертелись только смутные обрывки. Картины не складывалось. Ускользала какая-то мысль — может быть, самая главная. Вспомнилось: летом однажды ждала у метро (не важно кого). Рядом стоял молодой человек с букетом садовых ромашек. Оба томились, долго, мучительно, переминаясь с одной затекшей ноги на другую, по очереди взглядывали на часы. От асфальта толчками поднималась жара, заходящее солнце последним усилием било в глаза. Он вдруг повернулся, шагнул к ней, сунул ромашки ей в руки, буркнул: «Это вам. Извините», — и не оборачиваясь, резким броском скрылся в переходе. Тася смутилась, не найдя, что сказать, потопталась еще в нарастающей безнадежности — вокруг шмыгали беззаботные летние девушки, некоторые вертели головами в поисках тех, с кем назначено было свидание, радостно подбегали, лениво кивали, оставались дожидаться — любая из них могла быть той, кому предназначались, но не достались теплые, на глазах вянущие цветы... Почему она не пришла? Опоздала? Спутала место? Время? Раздумала? Полюбила другого?

И что это был за жест — отдать цветы другой, первой попавшейся — отчаяние, месть? Может быть, просто: ко мне не пришли, к тебе тоже, возьми вместо *нее*, дарю — вместо *него*. Что же за этим *вместо*?! Надо ли брать это *вместо*?! Или следовало закричать, затопать ногами, потому что можно только *ей* или никому, только *от него* — и ни от кого другого?!

Идиотский анекдот вспомнился — наше дело предложить, ваше отказаться. Отказаться? Да, отказаться и стоять статисткой, действующим лицом без реплики, по уверенной поступи вычисляя поднимающуюся на сцену героиню. А когда же твой спектакль? Как узнать, что он начинается? Как не прозевать, как не упустить шанса на главную роль? Или угрюмо жаться в углу, дожидаясь, пока режиссер сам не подойдет и не выведет за руку под завистливые вздохи обойденных конкуренток? А если не подойдет, не заметит? Так и стоять — всю жизнь, в темном платьице с аккуратным белым воротничком, с детской верой в счастье в глазах — и в тридцать, и в пятьдесят, и, может быть, в семьдесят?! Чего ты ждешь здесь, бабушка? — Принца, внученька, принца. Старенького какого-нибудь, вдовенького. Принцы, нешто, не стареют?

Вот тогда-то Тася и вскочила, заметалась, завыла: разве я виновата, я? Кто умеет жить без жизни? Кто согласится жить без жизни?! Он сам меня взял, сам схватил за руку! Зажмурилась — вспомнила, как он смотрел глазами бездонными... вспомнила дальше, как сон, — схватилась рукой за губы, что-то темное, теплое шевельнулось внутри... Но дальше память клубилась мучительно — нет, нет! Это не может быть! Что-то осталось еще недосказанным. Он не может так... просто... После всего!

Села каменной глыбой, долго сидела одна в темноте, платье, подол тискала, комкая, набирала заряд. Пусть! Все равно! Дело не в Лизке. Не в чужом или своем. Никогда никого не встречала она лучше, умнее, красивей его (такими словами именно). А если так, значит, имеет право, она готова была (и есть) все исполнить, значит, ошибки не было, не было лжи. С ее стороны — все правда. И значит, если уж сам он решился, — не она же заставила! — может, имеет право спросить. Взять и спросить: а как же я? Ты теперь мне *тоже* принадлежишь и за меня теперь отвечаешь... Разве не так?

Так, так! Я буду любить тебя, нежно, заботливо. Все будет, как хочешь, как пожелаешь, только люби меня, только не оставляй меня, не лишай меня жизни...

Схватилась, безумная, за телефон, он затрещал, набирая цифры, затренькал. Гудки долгие — пи-ик, пи-ик. Где же ты, ну, я не могу уже ждать!

— Да? — глухо, устало.

— Это я.

— Понял, — пауза. — Слушаю.

— Я не могу, я не смогу, — заторопилась, запуталась, — ты не... — сбилась, умолкла.

— Таня, послушай, я ничего не могу сделать. По крайней мере сейчас, — голос звучал глухо, как из колодца. — Я понимаю, тебе сейчас, наверно, нехорошо...

— Я...

— Что?

— Нет, я слушаю, слушаю.

— Мне нечего тебе сказать. Вот, — пауза. — И я ничем не смогу тебе помочь, извини.

— Но послушай, пойми, нельзя же так просто...

— Знаю. Но ничего не могу поделать.

— Но ты должен, — закричала, — должен же ты! Что-нибудь сделать! — и зарыдала.

— Я должен повеситься. Это тебя устраивает? — спокойно-спокойно.

— Может, ты хочешь, чтобы повесилась я, да? Ты этого хочешь? — кричала в истерике.

— Не повесишься. Успокойся.

— Ты думаешь, это все так — не повесишься, успокойся! И ты не можешь ничего знать! — взахлеб бормотала вперемежку с рыданиями. — Я не хочу успокаиваться. Я хочу, чтобы со мной обращались, как с человеком, а не как... как...

— Таня, ну чего ты хочешь? Чем я могу... подумай. Давай не будем мучить друг друга. Попробуй успокоиться, выпей снотворного, ляг, постарайся уснуть.

— Приезжай! Ты должен приехать.

— Нет. Невозможно.

— Почему?

— Невозможно, и все.

— Но я не могу одна!

— Можешь, — и повесил трубку.

Среда

Ольга красила ногти. Бледным мерцающим лаком. Проводила кисточкой, приподнимала руку, чуть подрагивая носиком от запаха ацетона, любовалась. Узкие длинные ногти серебрились, оживая под кисточкой, наливаясь упругой тяжестью перламутра. Ольга красила ногти для новой жизни, дав себе слово стереть из памяти — не просто вычеркнуть, — вырвать страницы, помеченные именем на букву А.

Аркадий Петрович (проклятая буква лезла, подмигивала), одетый, в светлом пиджаке — предпочитал светлые тона, игриво перекликающиеся с сединой, — подошел, клюнул губами в затылок. Ольга обернулась, улыбнулась, прикрыв глаза (что там, в глазах, даже сама не была уверена — значит, на всякий случай), пошевелила в воздухе пальчиками.

— Прихорашиваешься, mon ange?

Ольга состроила гримаску безмятежного счастья, глазки по-прежнему оставались укрыты кулисами.

— Я поехал, — продолжал Аркадий Петрович. — Не забудь, в три кафедра. Тебе говорить ничего не надо, так, если общие слова, ну сама знаешь, ежели нельзя будет. Лучше вообще ничего. Соколович будет

сводить свои счеты, ты ради Бога не встревай. Но будь обязательно, это важно. И не опаздывай.

— Ну и зачем мне там быть? — заупрямилась Оленька. — Я не сотрудник, не аспирантка. Это глупо. Еще скажет кто-нибудь: «Что вам здесь надо?» И что я тогда?

— Никто ничего не скажет. Это во-первых, — говорил, радуясь в душе, убедительно, веско. — Я тебе повторяю, надо чтоб ты постепенно входила. Надо готовить почву, я же тебе говорил. Лучше будет, если я передам тебя Соколовичу. У него смежную тему напишешь, ничего страшного. И потом, пора уже. Учись работать, покажи себя. Ты поняла?

— Поняла, поняла, — вздохнула с покорностью Оленька.

— Я знаю, ты умница, и все будет как надо, — нежно пропел Аркадий Петрович. — Только, ради Бога, не опоздай. Вот это действительно будет глупо.

— Хорошо, хорошо, — взмахнула ресничками. — Ну, до свидания.

— Да ты что ли гонишь меня? — рассмеялся Аркадий Петрович. — Впрочем, пора, ты права, — и легкой походкой порхнул, из прихожей докрикнув: — Загляни там к Евгению, ладно?

— Ладно, конечно, — ответила Ольга и услышала, как захлопнулась дверь.

Евгений Аркадьевич температурил — со вчерашнего дня. Ольга докрасила ногти, приготовила чай с медом, поставила на поднос сухарики, блюдечко с сыром, подойдя к двери Евгения, постучала ногой. То ли услышала ответ, то ли нет, ногой распахнула дверь и вошла со спокойной улыбкой.

Евгений Аркадьевич лежал, выпростав руки на одеяло, точно солдат. Смотрел на нее чудными какими-то, пристальными глазами.

— Доброе утро! Завтракать будете? Мерили температуру? — протараторила Ольга, приближаясь с подносом.

Он лежал неподвижно, расширяя глаза.

— Доброе утро, — повторила она, поеживаясь от его взгляда. — Вам нехорошо?

— Не подходи! — выдохнул он, отползая к стене.

— Что это с вами? — удивилась Ольга. — Где градусник? — поставила поднос, потянулась ладонью к Жениному лбу. — Может, врача...

— Я не хочу! — в ужасе отстраняясь, закричал он.

Снова, как ни в чем ни бывало делая шаг вперед, Ольга бодрым голосом продолжала:

— Ну не хотите врача — и не надо. Тогда хоть поешьте. Я вам чай принесла, сухари, сыра, если хотите...

Протянула поднос. Евгений судорожно дернулся, чай плеснулся из чашки — прямо ему на руки. Ольга, как фокусник, все же удержала поднос.

— Осторожнее! — досадливо вскрикнула она. — Сами же ошпаритесь, Господи. Я вам поставлю на стуле рядом, перед уходом зайду. Если надумаете врача, я позвоню.

Неодобрительно покачала головой и заструилась к дверям, переливаясь атласным халатом.

* * *

Катя захлопнула книжку и придвинула чашку, налитую Лизой, — спасибо. Дмитрий Иванович только что отбыл в музей. Лиза, испытывая непонятный прилив энергии, стала обхаживать Катю — хотелось для нее что-нибудь сделать, мелочь какую-нибудь. Лизкины маневры Катя приняла холодновато, то есть как бы не оценила. Она молча курила, демонстративно не наблюдая за Лизкой, казалась задумчивой. В другую минуту Лизку бы это царапнуло, но сегодня наоборот — потянуло на бескорыстие.

— Странный ваш город, — попробовала она ввязаться в беседу. — Правда, чудной. Сколько ни езжу, все равно чувствую — чего-то не понимаю. То есть как будто какой-то масонский орден — не принадлежишь к нему, и в глубь не пустят.

— Это банальность, — осадила ее Катя. — Самый поверхностный взгляд. Город как город, разве что с эффектной архитектурой. Ну и мифология, соответственно. Посади человека, читавшего Эдгара По, в обычный погреб, — он непременно ощутит хоть слабую тень всяких подземельных ужасов и соответствующую депрессию, а приведи туда же не испорченную литературой деревенскую бабу, она заметит только, сколько назапасили огурцов и засолили капусты.

— Ну, может быть, — согласилась Лиза миролюбиво. — Может быть, все это ерунда. Тем не менее, мне с этой мифологией расставаться не хочется. Я объявляю свой Петербург личной заповедной зоной, где законы природы слегка отклоняются от общеизвестных и существует непостижимая тайна.

— А это на здоровье, — сказала Катя. — Тем более, что человек ни за что так крепко не держится, как за иллюзии. Не помнишь, откуда притча про человека, который только для того и родился на свет, чтобы указать кому-то дорогу в селение? Хотя неважно — откуда. Только вот что бы с этим человеком было, если бы он это понял — что смысл целой его жизни — показать дорогу какому-то уроду? И стал бы он после этого вообще кому-то что-то показывать? Я думаю, назло бы не показал или вообще убил бы. А так, в свете каких-нибудь своих иллюзий, он жил себе, ел, пил, спал, любил, может быть, кого-нибудь или ненавидел. В общем провел жизнь со смыслом.

— Кать, — прервала ее Лиза, — а ты сама-то с иллюзиями живешь или как? И если нет, то как тебе удается?

— Я? — прищурилась Катя. — Разумеется, с иллюзиями. С иллюзиями, что я живу без иллюзий.

— Слушай, — перескочила вдруг на другое Лизка. — Ты наверняка знаешь такого персонажа — называется Влад.

— Знаю, — кивнула Катя, — в каком-то смысле даже неплохо.

— Чудной он слегка, правда?

— Ну, положим.

— Кажется, он вчера пытался объясниться мне в любви. Серьезно говорю. А потом испугался и так ничего и не сказал. Глупейшая ситуация.

Катя пристально на нее посмотрела.

— Ну и чего ты хочешь?

Лиза хмыкнула.

— Да так, ничего, хотела просто узнать...

— Способен ли он недвусмысленно и членораздельно выражать свои чувства? Способен.

— Да? — Лизка легонько смутилась. — Кажется, я...

Тут зазвонил телефон. Лизка задумчиво цапнула трубку.

— Лиза! Ой, Лиза! — смутно-знакомый женский голос запричитал что-то бессвязное. — Господи, у нас такая беда! Таня, Танечка, ты и представить не можешь! Вчера вечером! Бритвой, бритвой... Господи, кто же знал!

— Что с ней? — узнав наконец Тасину мать и холодея от ужаса, закричала Лиза.

— Не знаю я! Она же ничего не говорит, со мной не говорит...

— Она... жива?

— Да, слава Богу, спасли, спасли. Лиза, пожалуйста, поговори с ней, она тебе расскажет. Я тебе деньги за дорогу отдам... Ужас-то какой, Лиза, я просто с ума схожу! — и пошли всхлипы, сморкания.

— Конечно, я постараюсь, — не приходя в себя от изумления, пробормотала Лиза.

— Приезжай, Лизочка, — тараторила Тасина мама. — Ведь молчит, не говорит ничего!

— Хорошо, хорошо, — уже спокойнее пообещала Лизка. — Не волнуйтесь, сегодня же выеду. Я позвоню.

Лиза положила трубку. Несколько секунд просидела в полной растерянности: действительно чушь, учудила зануда: бритва какая-то! Повернулась к Кате, в замедленном темпе пересказала ей разговор. Та выслушала без вопросов, не перебивая.

— И что я там, для чего? Наверняка из-за какого-то опять идиота. Я-то что сделать могу?

— Но ведь поедешь?

— Куда теперь денешься? Не поехать нельзя. Но главное, чем я-то могу помочь? Совершенно ничем.

— Помочь вообще никто не может, — сказала Катя, — в этом я уже давно убедилась. Или уж сам, или никто. А ехать придется, это уж как дважды два. Кстати, ты спрашивала... Я тут плохой советчик, хотя и знаю его хорошо, даже слишком.

— Кажется, я поняла, — снова смутилась Лиза.

— Нет уж, давай внесем ясность. Влад мой муж, и здесь я нахожусь потому, что с ноября месяца мы живем раздельно.

* * *

Господи, Господи, Господи, Господи... Неужели действительный, настоящий смысл именно в том, чтобы пройдя этот чертов путь до половины... до середины... Как будто раньше не в лесу — и не в сумрачном... Нет, все-таки нет. Значит, вот она — середина. Мы созрели. Все, все, что гибелью грозит... Неужели же без этого нельзя? Неизъяснимы наслажденья, черт побери!

... Но ведь не конец же света. Тысячи людей проживают так каждый свой день, и уж будьте любезны, глазом не моргнут. Куда! Помнишь, как учил тебя шофер где-то между Воронежем и Краснодаром (какая, однако, у нас расплывчатая география!) — «если есть в квартире соседка детородного возраста, непременно следует ее (как же это он говорил?) *опростать*. Нет слова *хочу*, есть слово *надо*». Категорический императив водилы. Тогда, кажется, было смешно...

А Лизка так ни разу и не позвонила. Ни разу. Но ведь и ты не звонил... Какой уже день? Уехала она в воскресенье. Нет, в субботу. А сегодня, сегодня среда — четыре дня. Самое время позвонить. Было бы. А если сама?

Она всегда так: спросит презрительно: ну, как живешь? Услышит «нормально» — и замолчит. И молчать будет высокомерно, хотя и трубку не повесит. Моя реплика предполагается в смысле — вину признаю, обещаю исправиться. Тут бы она обрадовалась, но думала бы, я не вижу, как ей приятно, что она опять как будто права, а я перед ней точно змей во прахе!

... И ведь еще день назад мог позвонить! Мог, чего мне стоило?

Нет, действительно, если позвонит? Не по телефону же объясняться. Пусть приезжает... Так и сказать? Ладно, поеду сам. Интересно, даст она мне по роже? Шмяк ладошкой — и сквозь зубы: «С-сволочь». И глаза прищурит. «Как я тебя ненавижу». Слезы? Нет, слезы на потом. Слезы это еще пока рано. Тут опять моя реплика.

Так. Вариант первый. Крупный план, камера все наезжает, на экране — только кривая усмешка (тронула его губы. Нет: его губы дрогнули в кривой усмешке. Или: не проронив ни слова, он криво усмехнулся). Я поворачиваюсь и ухожу — допустим, в ночь. Звучит что-нибудь типа Бетховена.

Вариант второй. Потупив глаза, я молчу. (Реплики не получается.) Вот тут крик, в благоприятном случае — слезы. Мы обнимаемся и в ту же самую ночь уходим как бы вместе. Над музыкальным оформлением придется подумать отдельно.

Господи, да неужели это действительно закономерный итог и ничего, кроме пошлости, во мне нет?!

Странно все-таки. Я же ее любил. И она меня вроде тоже. Как же мы умудрились довести все до такого абсурда? Почему все так пошло, с какого момента? Что-то же должны мы были такое сделать друг другу, чтобы началась эта столетняя война, битва змеи с журавлем?

...И ведь что интересно, у меня нет даже того оправдания, что инстинкт какой-то там или что. Перед собой-то хоть врать не будем. Эта дурочка мне просто́ *как раз* подвернулась. Была же мыслишка: а что если? Взять — и перечеркнуть одним махом. С пустого листа. Я, такой-то и такой-то, беру и ставлю на зеро. Все, что накопил за тридцать лет жизни, — против нуля. Заманчиво ведь. Если выиграет ноль, можно дальше с пустым рюкзаком — хотя и без припасов, зато налегке. Вопрос в том, сможешь ли сам с пустым-то?

Ну вот и иди теперь. Самое время. Дурочку вроде как жаль, конечно, ну да ведь и сама хороша! Разве я ей что обещал? На коленях упрашивал? Любовь что ли вообразила себе, страсть роковую, тайную? Положим, я, наверно, что-то там бормотал, но разве в этом дело? Было там хоть слово про любовь до гроба, про райские кущи?

Про пекло должен ты был бормотать, про самое это место — в голос орать! Вот тогда бы было по-честному: одному, мол, скучно, так не хотится ль вам пройтится?

А Лизка, с гордыней сатанинской своей, не стерпит, нет. Ее сравни с кем-нибудь попробуй, не то что... Или уж так *стерпит*, что на всю жизнь хватит рылом благодати хлебать. Нет, каков же подонок отменный! Хоть перед собой-то ваньку не валяй, жри собственное дерьмо, других-то не впутывай. Кто музыку заказал, тот и платить изволь. Почему, ну почему я такой ублюдок, урод, идиот?! Пожалуйста, я не могу позвонить тебе сам, пожалуйста, пожалуйста, приезжай. Пусть будет все что угодно, только не эта проклятая канитель!

Или не приезжай никогда. Только позвони и скажи: я не приеду. И можешь повесить трубку. Но только чтобы я знал, чтобы не висел этот хвост, это мертвое ожидание. Ну, позвони же, а дальше уже все равно...

* * *

— Разве так можно?! — отходя от кассы, услышала Лиза задыхающийся голос, и тут же кто-то вцепился ей в рукав. Обернулась недоуменно: сзади стоял Влад и, точно боясь, что Лизка убежит, держался за ее шубу.

— Привет, — весело удивилась Лизка, — какими судьбами?

— Какими! — выдохнул тот, едва переводя дух. — Так же можно с ума свести, — глядел с укоризною.

— Да что стряслось-то? — если и переигрывая, то совсем немного, недоуменно хлопала она глазами.

— Я позвонил, твой отец сказал, что ты уехала. Я сначала не понял. Как уехала, куда? Позвонил еще раз, нарвался на Катерину. Она объяснила что ты поехала на вокзал и, если возьмешь билет, уже не вернешься. Ты... ты хотя бы могла позвонить... предупредить... что уезжаешь.

Лизка потупила веселые глазки, ногой поиграла у сумки.

— Я позвонила бы. Наверно. Когда бы купила билет. — И взмахнула, как флагом, голубой плацкартной бумажкой.

Он выдохнул, словно морж, и еще крепче сжал ее рукав .

— Я ведь мог не успеть. Представляешь? Вышел бы из дому случайно. Не успел бы доехать, ты понимаешь? Я бы не успел тебя проводить...

Лизка смутилась. Место было самое неподходящее — толчея у касс, люди. Она нагнулась за сумкой — расчетливо медлила, чтобы он успел выхватить из-под рук. Он успел. Лизка заглянула в билет, где было указано и без того известное ей время, — часа два еще оставалось — ни туда, ни сюда.

— Все-таки едешь?

— Ты знаешь, глупейшая ситуация, я вообще-то не собиралась. Просто какое-то театральное стечение обстоятельств.

Влад смотрел на нее выразительно-грустно. Их то и дело толкали, сердито чем-то тыкали в спину.

— Есть еще время?

— Два часа.

— Может, выйдем отсюда?

В темном подъезде с широкой лестницей сели на подоконник.

— Глупо как, — хмыкнула Лиза. — Точно в девятом классе.

— Может, останешься? — понуро выдавил Влад.

— Я обещала.

— А нельзя позвонить, отложить?

— Не получится.

Он соскочил с подоконника, наклонился к ней, просунул руки под ласковый лисий воротник.

— Я же тебя никогда, никогда не увижу.

— Вот тебе и на, — неуверенно пробормотала она (теряла, теряла форму). — Как прикажете понимать? — с запоздалой (как бы) иронией искала твердую почву.

Влад слегка отстранился, чуть дрожащими пальцами пробежал по ее щеке, по прядке волос над щекой.

— Хотя бы запомнить. Вот так, не шевелись. Бог мой, какие у тебя глаза...

— Глаза как глаза, — смутилась Лизка, укрывая глаза ресницами. — Ничего особенного...

— Нет, пожалуйста! Посмотри на меня.

Она взглянула вверх. Он тихонько губами тронул один встрепенувшийся глаз, следом другой. Прошептал:

— Не уезжай.

— Не могу, — в ухо ему прошелестела она. — Меня там очень ждут.

— Никто не может ждать тебя, как я.

Она почти не почувствовала поцелуя — скорее, услышала, как он прошуршал в волосах.

— Кто тебя ждет?

— Ой, это такая история, — отклонила голову Лиза. — Одна там... моя подруга, в общем... пыталась вчера покончить с собой.

— Подруга? — искренне удивился Влад.

— А что тебя удивляет?

— Да так, ничего. Спасли?

— Спасти-то спасли. Или она там сама... не слишком всерьез. Мать ее позвонила утром — как разыскала-то, ума не приложу, — просила приехать. Вот и еду, сама не знаю зачем. Но делать нечего, обещала.

— Что она, очень несчастная? — спросил Влад, все еще не отнимая рук от Лизкиной шеи.

— Несчастная. Больше всего от себя самой. Почему ты спрашиваешь?

— Да, от кого же еще, — не отвечая ей, согласился Влад и молча приклонился к ней головой.

— Я опоздаю, — через какое-то время пролепетала Лиза.

Она высвободилась и соскочила с подоконника.

— Я сейчас не могу не ехать, хотя и не хочу, — сказала она без притворства. — Но я вернусь. Скоро, честное слово. — Она оперлась ему на плечи, встала на цыпочки и дотянулась губами до его лба. Он прикрыл глаза и замер, потом встряхнул головой, точно вынырнул из глубокой воды.

— Ну пойдем. Самое главное я скажу тебе на перроне.

Четверг

Антон, что невозможно было себе представить, спозаранку сидел в читалке. Пришел прямо к открытию — встал, значит, вообще ни свет ни заря. Бабушка глазам не поверила: выполз из гнездышка в половину восьмого, без будильника, это бы слышала (слышала, между прочим, отлично, видела хуже). Да. Встал без будильника. Или она очень посудой гремела, или внук совсем не ложился, — спросить не решилась.

Книг заказал — двумя эверестами высились на библиотечном столе. Что там за день — за неделю не одолеть. Вот уж глупости! Где это видано, чтоб читать сплошняком?! Эдак-то не то что за сессию, за зачетишко жалкий ноги протянешь. Страниц сорок (первых) — это по-честному, без дураков — для уяснения стиля. В эти сорок страниц автор (скажем — как правило, чтоб никого не обидеть) для разгонки, для разогрева все уже выложит — умей ловить. Дальше — десяток, два, три — смело долой: пойдет паутина. Глянь страничку-другую — кончилось, нет? Нет — знай вперед лети, да не жмись, не пужайся, важного не пропустишь, а пропустишь — не велика беда, он еще раз сто для тебя специально повторит (а может, и для себя — не так-то уж много мыслей приходит в головы людям, чтобы что-то там ценное походя бросить), еще сорок раз прожует и до отвала накормит. Ну, пошла работа. Дальше можешь отлистывать сотнями. Там примеры пойдут, разъяснения. Тоже можно понять человека, приятно ему, какой он умный. Ты же запоминай не что, а как. Стиль — вот что главное. И тогда на экзамене ли, в курсовой, в реферате — только вспомни, как он причмокивает губами, как задирает вверх брови, как теребит пальцами нос, — само все и скажется. Дело верное, испытанное, не сомневайся.

Что есть философия? — говорение. Да притом всегда про одно и то же. Только ужимки разные. Вот эту разницу и запоминай — голос, голос на корку записывай. Смысл сам ляжет под интонацию. Фраза — хозяйка, смысл — ее нерадивый раб, не стоит внимания. С этим покончено? Следующий!

Тоша сидел, растопырив локти над книгою, утопив в ладонях виски, пальцами перебирая волосья. Глаз не подымая, корпел, словно отличник. Читальня пустела, осквернённая лишь Тошиным глухим одиночеством. Удивилась библиотечная данаида — принесло же в такую рань! Данаиду Тоша маленько знал: отрабатывала голубушка злостно проваленную летнюю сессию. Тоша, пока ждал заказанных книг, мельком пожалел малознакомую библиотечную девушку.

Сидел, сидел, долбил философию, точно алкоголик над стаканом *красного крепкого*, тупо примериваясь выпить, но опасаясь, что тут же стошнит. От философии его, черт побери, тошнило, но тем и лучше была философия. От философии наглый кусачий зверек, который жил теперь среди Тошиных внутренностей, злобно повыв, убредал в какие-то норы — между сердцем и желудком. Вылезая, он всегда сперва задевал сердце, и оно отвечало ему смертным барабанным уханьем. Тоша выучил этот звук с детства, когда его в бархатной синей курточке и белых гольфах возили в Консерваторию слушать какую-то залетную знаменитость. Знаменитость отложилась в памяти только вкусом лимонада в антракте, которым пытались затушить его ярость, зато предсмертное уханье барабана с тех пор стало в его снах спутником самой мерзкой и

неизбывной тоски. Потом зверь придавливал лапой желудок, отчего внутри разливались волны мутного отвращения.

* * *

Выскочив из поезда, Лизка, конечно, не пошла сразу к Тасе — и рано, и надо же все-таки душ и прочее. Домой тоже (на всякий случай, а вдруг Марля сачкует работу) не решилась. Понимала, встречаться придется, но... Тянула, боясь *разговора*, даже себе не признаваясь, чего же хотела на самом деле — примирения или разрыва. Отмокая в бывшей своей, ныне же только матушкиной с Придурком ванне (благо рядом с Тасиным домом, в одной же школе учились), думала, думала и ничего не могла придумать.

Глупейшая выходила история. Влад безусловно был ей симпатичен, а может, и больше того. Однако что же такое их платонический трехдневный роман? Впрочем, он не шутил, глазенки не лгали, это Лизка знала наверняка. Знала она, однако, и то, что есть обстоятельства времени, места и образа действия. И в этом смысле картина вырисовывалась неутешительная.

Что касается места, это покуда было не важно, думать об этом можно отложить на потом. А вот время — время как раз и было главной заглвоздкой. Бортовой журнал их утлого с Марлей суденышка по объему мог бы поспорить с «Войной и миром» — и спорил. И три жалкие новые странички рядом с ним, разумеется, казались смешными. С другой стороны, это был, может быть, единственный шанс отделаться малой кровью — без рвущих душу истерик, ночных звонков, без тоски, без боли — уйти легко, в новую жизнь, пусть неизвестную, зато и не отягченную багажом взаимного каннибализма. Тем более, что уже есть опыт — отрицательный; тем лучше, теперь известно, по какой дороге не надо ходить, можно начать с чистой страницы, можно попробовать еще раз пройти по доске, не свалившись и не споткнувшись, — прямо в счастливый дол, в землю обетованную, где так отрадно, так светло и где поцелуями покроют уста и очи и чело. Тем более, что «не уходи, не уходи» исполнено было достаточно убедительно... Впрочем, пора было и собираться к Таське.

Дверь открыла ее мама, зашептала что-то, замахала руками, Лизка не обратила внимания. Улыбнулась, точно доктор, уверенно, ободряюще — ничего, ничего, горчичники, капельки — и шагнула в Тасино скорбное логово.

Тася лежала в знакомой до боли позе — лицом в стенку, даже не обернулась. В свитерочке каком-то затерханном, в шерстяных огромных носках — будто и вправду болела гриппом. Лизка хозяйски двинула стул, опустилась, картинно расправив юбку.

— Привет.

От ее голоса Тася вдруг встрепенулась, села — глазами уперлась в глаза.

— Чего так смотришь, не ожидала?

— Ты зачем здесь? — прошипела змеиным голосом Тася. — Мало тебе, да? Полюбоваться пришла?

— Эвона как! — беззлобно и весело откликнулась Лизка. — Я-то тебе чем не угодила? Вот пришла узнать, как ты. Поговорить... — Она сделала сочувствующее лицо. — Ты чего разозлилась? Не хочешь, не рассказывай. Можем просто чаю попить. Как ты чувствуешь-то себя, в порядке?

Тася, которая слушала этот монолог, укутав лицо волосами, подняла голову и вперилась в Лизку долгим немигающим взглядом.

— Я не пойму, ты что — издеваешься надо мной? — вдруг очень спокойно и как-то буднично спросила она.

— Я? — по-настоящему изумилась Лиза. — Господи! Конечно, настроение у тебя должно быть не слишком... Раздражайся сколько угодно, можешь даже поорать, если хочется. Знаешь, ты сегодня какая-то странная... — Лизка сбилась, понимая, что сморозила глупость. — Я имею в виду... Впрочем, все это понятно.

— Да? — встрепенулась Тася. — Тебе все понятно? Тебе?!

— Ну, естественно, понятно, что ж я, животное?

— Так ты сюда из благородства что ли пришла? — сузив глаза, яростно выкрикнула Тася.

— Причем тут благородство? — отказалась от незаслуженного Лизка. — Просто пришла и все. Странная у нас выходит беседа.

— Еще бы не странная! — усмехнулась совершенно необъяснимая Тася. — Постой, — вдруг перебила она себя, — ты же... Когда ты приехала?

— Только что, утром.

— Почему?

— Что — почему?

— Ну приехала, ну, — досадуя на заминку, жадно подгоняла Тася.

Лизка замялась на миг — а, пустяки:

— Мама твоя позвонила. Она же с ума сходит, ты пойми.

— Ты здесь с кем-нибудь говорила?

— О чем?

— Говорила?

— Господи! Со своей мамой — когда зашла вещи оставить. А что?

Тася откинулась на подушку, руками прикрыла лоб — и глаза.

— Уходи, слышишь? Сейчас же уходи!

— Ладно, как хочешь, — сказала Лиза вставая. — Я позвоню тебе вечером. — И пошла к дверям.

— Ненавижу вас! — закричала вдруг, вскакивая на своей кушетке, Тася. — Как я вас ненавижу! Пришла такая участливая — меня жалеть! Ты себя пожалей! Да — себя! Еще неизвестно, еще неизвестно...

— Что? — вполоборота застыла Лиза. — Чего ты кричишь?

— Что я кричу? Конечно, вы хотите, чтобы я сидела тихо, как мышка, чтобы меня не было видно, пока вы тут прекрасно устраиваете свои дела!

— Ты с ума сошла? — наконец-таки тоже взбесилась Лизка. — Чего ты на меня-то орешь?

— А что ты такое, что на тебя орать нельзя?! Привыкла, что перед тобой все на цыпочках бегают. Так я тебе все скажу. Думала, что будешь торжествовать надо мной?! Ну уж нет! Хватит!

— Что ты там такое болтаешь? — нахмурившись, подступила к ней Лизка. — Я, бросив все, примчалась, как дура... потому что хотела как лучше, потому что мне было тебя жаль. А ты...

— Жаль, да? Жалеть вы умеете — когда сами же уничтожили! Вы и любите только тех, кому сделали больно!

— Кто это «мы»? — ледяным голосом отчеканила Лизка, борясь с желанием цапнуть ее за горло.

— Вы оба. Ты.

— И...?

— Так ты хочешь все знать? Спроси своего драгоценного мужа!

— Что? Что ты сказала?! — прорвалась наконец сквозь ее истерические намеки Лиза. — А ну-ка — сейчас же — немедленно — выкладывай все.

И прочно уселась на стул.

* * *

Аркадий Петрович выбирал для Ольги кольцо — весной непременно решено было жениться. Весной намечалась поездка в Италию, славно бы с Оленькой... Нет, с Оленькой не выходило. «Это все пустяки», — мурлыкалось внутри у Аркадия. Рим, Гоголь, хотелось бы Оленьку, блеснуть перед ней, рассказать, как тайно ужинал Николай Васильевич, уминал тишком maccaroni, жалуясь на каждом углу на отвращение к пище, пока в одном ресторанчике не наткнулись на него — над полной тарелкой — изумленные земляки. «Чем не Тайная вечеря классика? — засмеялся тихонько от удовольствия. — Да-с, анекдот. Писывал письма, заметим. Душа-то томилась...» Да, хотелось бы с Оленькой в Рим.

Тем временем все же колечки рассматривал, впрочем, лежала одна ерунда. Хотя, с другой стороны, можно пока и попроще, да отчего же пока? Деньги-то были — конечно, не *деньги*, так, кое-что. Но хватало. Однако причем здесь купечество? Ольга должна понимать — и понимает. Он не жалел — разумеется — денег, и для него они были лишь средство, не больше. Кстати, любил делать подарки — красивые и дорогие, либо действительно ценные — тому, естественно, кто понимает. Красивый жест ценил в себе. В жестах знал толк.

Да, но кольцо? Ручку представил себе — дивную, нежную. Умилился. Ладно!

— Это беру, — бодро сказал курносенькой продавщице. — Да, и коробочку мне.

Завтра утром надену на пальчик. Скажу: надо бы там документы какие-то, словом, ты знаешь. Она покраснеет, наверное. Глазки потупит и переспросит: что-что? Ну, не надо стыдиться. Обыкновенно, какие! Заявление что ли, не знаю, что там еще...

Господи, Боже мой! Счастье, покой, наконец, наконец. Впрочем, неплохо бы все-таки в Рим. Отчего же? В другой раз поедем. Меня все-таки знают — и ценят. В Прагу осенью точно Ольгу возьму. Ничего, все будет прекрасно.

Интересно, подумалось вдруг, совпадение странное! Первый раз только в голову пришло — ведь Венера тоже родом из тьмутаракани. Сколько было историй и поводов — нет, не бросал же ее. Да и *после* (слова «смерть» не любил, старался всегда избежать, заменял эвфемизмом) — разве единственный был вариант? Значит, судьба. Вот оно, указание! В кармане нежно ощупал коробку с кольцом.

Оленька, О-оленька! Вот где замыкается круг, здесь конечная остановка. Имя твое — все равно что кольцо, первая, главная буква — как раньше не обратил внимания? Это же знак, знак! Ах ты моя княгиня. О-ольга.

Впереди маячила «Волга», машинально отметил номер — 40-04, цифру «4» любил, считал за счастливую. «Вот, — подумалось, — кстати: две четверки, две Ольгиных буковки, это к удаче». Тут же вдруг резануло: буква-то — ноль!

Неприятно вдруг стало — от такой-то глупости — смешно, право слово. Смешно, впрочем, не было.

То ли, так ли? Правда ли знак или только обманка, мираж? Что этот ноль, случайность? подсказка? угроза? Впрочем, кольцо — тот же ноль. Экая путаница! Немедленно выбросить из головы. Чушь же в конце концов, стыдно.

Был суеверен, как классики.

* * *

Влад столкнулся с Катей у Торжковского рынка — она покупала за сумасшедшие деньги две груши (почему бы и нет, я же не всякий день, только, может быть, раз), он слонялся, метался, без цели, втаптывал в желтый крошащийся снег тоску.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась она, зная его непривычку к подобным местам.

— Здесь где-то Пушкин стрелялся, — бормотнул он первое, что попало на ум.

— Так ты непосредственно место дуэли разыскиваешь? — насмешливо обронила она. — Это не здесь, дорогуша, не обманывай себя. Эти места славны другими именами.

— Знаю, — сердито откликнулся Влад. — Тебе-то какая разница?

— Упорхнула твоя краля? — так же спокойно-насмешливо продолжала она. — Маешься, бедный?

— Кать, ну ведь тебе все равно, — раздраженно взмолился он, — зачем же...

— Мне-то? Конечно, — с готовностью согласилась Катя. — Хочешь грушу?

— Тебе бы психологом работать, знаешь, в районной поликлинике, — нагрубил он — вероятно, все с той же тоски. И тут же опомнился: — Я серьезно, Катюш. Ты ведь прирожденный психолог. У тебя все данные.

— Я прирожденный скептик, — возразила Катюша, озаряя его широкой татарской улыбкой. — И психологом мне никак невозможно, для этого дела нужен идеализм.

— Это почему же?

— Это потому, что некрасивая правда врет о человеке точно так же, как красивая ложь. Только ложь мягкая, а правда жесткая, от нее люди дуреют, как от розог. Тебя в детстве драли?

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— То-то. А если бы?

— Умнее, может быть, стал бы. Расходится твоя философия с доктором Фрейдом.

— Фрейд мне не указ, — усмехнулась Катя. — А впрочем, ничуть не расходится. Величайший был идеалист, между нами. Свято верил, что человека можно изменить — главное найти правильную тактику.

— А ты, значит, в это не веришь?

— А ты?

Влад поостерегся признаться и только пожал плечами. Тут же мог бы повиснуть не заданный вслух вопрос: что же сам не меняешься — или мало было положено сил? Он поежился уже от самой возможности вопроса. Мне не надо меняться! Я не хочу! Хочу быть таким, как есть — хорошим, плохим, каким угодно. Не надо меня редактировать! Сам, может быть, изменюсь когда-нибудь после. Только оставьте в покое, не трогайте...

— Не можешь любить — пройди мимо, — мрачно констатировал он.

— А ты все к тем же колодцам припадаешь, — вздохнула сочувственно Катя. — Недалеко, смотрю я, ушел. Жажда не мучает?

— Нет, — разозленно отрезал он. — Извини, я пойду.

— Торопишься?

— Кать, на фига эти штуки, тебе-то особенно? Что ты хочешь мне доказать? — в большом капюшоне он был похож на расстригу-монаха, которому кто-то в шутку обкромсал над коленями рясу.

— Да ничего я уже не хочу, — вздохнула Катя. Но не прощалась, чего-то ждала.

Не дождалась. Влад только молча мусолил глазами снежную кашу.

— Я не хотела тебя обидеть, — мягко, почти нежно заговорила она. — Мы с тобой редко видимся, не стоит портить... — и замолчала.

— Кашу маслом не испортишь, — по-прежнему сердито отозвался Влад. — А меню у нас, как видишь, небогатое.

— Я не хотела, правда, — совсем виновато прошептала Катя. — Само как-то вырвалось. Такие вот мы, скифы. С раскосыми и жадными. И надо же было так совпасть, прямо глупость какая-то.

— Ты о чем это? — подозрительно нахмурился он.

— Да все об этом же. Честно говоря, про такое лучше не знать.

— Лучше, хуже — какое это имеет значение? Сама же сказала, что тебе все равно.

— Сказала.

— Ну так и что? Что за приступы ревности?

Катя сняла варежку и начала ее тереть, словно счищая невидимую грязь. Не счищалось.

— Я тебе что-то должен? — наседал он. — Нет, ты скажи. Разве между нами осталось что-то нерешенное? Что ты молчишь?

— Нет, — выдохнула Катя беззвучно. — Все решено.

— Ну так для чего превращать теперь это в какой-то маразм? — Он посмотрел на нее и запнулся. — Ладно, ну что теперь делать, — тише, мягче сказал. — Пойдем, провожу тебя до дому, упадешь еще, — словно бы не было ничего, улыбнулся.

— Ну, проводи, — согласилась Катя, чуть заметным движением предложив ему плотную, туго набитую сумку — сверху окоченелыми канарейками лежали груши.

Влад не глядел на сумку, предложения не заметил. Резко шагнул вперед и пошел прямиком через трамвайную линию. Катя посмотрела ему в спину и медленно двинулась следом.

* * *

Что-то, видно, замкнулось у Лизы в сознании — стояла перед своей дверью, не вполне понимая, зачем — вообще, кажется, плохо понимая, что происходит. Не работала голова. Буквально. Ощущения — да, оставались, и главное — невероятность происходящего. То есть как будто действительно вдруг из огуречных семян появились телята. Даже хуже — из пуговиц.

Дверь отперла ключом. Марля был дома (хотя и не должен бы — по логике вещей, не о чем им разговаривать). Он сидел (чуть взъерошенный что ли какой-то) за кухонным столом и ел гречку. Поразило сильнее всего: как это — гречку? Ей представлялось, что жизнь уже кончилась.

Завидев ее, он, конечно, есть перестал, даже ложку положил (почему же не вилкой? — машинально удивилась Лиза), приподнялся (но не встал).

— Ты приехала? — даже с радостью будто.

Лиза ногой выволокла из-под стола табуретку, села не раздеваясь.

— Это правда?

— Ты имеешь в виду?.. — сразу как будто обмяк.

— Да, — холодно, строго.

Тарелка точно по центру вписалась в треугольник рук. Тарелке и говорил, не поднимая глаз на Лизку.

— Видишь, как жизнь сложилась у нас. Глупо.

— Ты, прошу прощения, шутишь? Что ж, в таком случае поздравляю, — со всем возможным презрением процедила она. — Честно признаюсь, не ожидала.

— Кто же мог ожидать, — равнодушно, как ей показалось, кивнул он тарелке.

Стучал в голове вопрос: «Как же так быстро ты умудрился вытравить меня из своей жизни?». Спросила, однако, другое:

— Ты же не любишь ее?

Казалось, он удивился вопросу, даже глаза поднял:

— Ты же знаешь, что нет.

— Но зачем же тогда, неужели только чтоб развязаться со мной? — последнее с откровенным сарказмом.

Промолчал, только дернул щекой. Вдруг предложил:

— Хочешь вина?

Ах, как недавно ей уже задавали этот вопрос!

— Нет, разумеется. Ты не ответил.

— Надо отвечать? — переспросил почти сонно. — Хорошо. Скажи мне, это — для тебя — играет какую-то роль?

Сейчас можно было разыграть двоякую карту: обидеться, раз (что она тут же и сделала — искренне) — и холодно так, свысока и навсегда припечатать: мол, конечно, *теперь* это все безразлично, однако, в познавательном смысле весьма любопытно — десять лет ты провел в стране, которая, как оказалось, так и осталась terra incognita, впрочем, можешь оставить себе фотографии. Можно было обидеться, два (это тоже она сделала моментально): ты — *мне*? — условия что ли ставишь? Не крутовато ль берешь?

И вдруг сама удивилась: вот и развязка, чего же ты ждешь? Свободна, как птица, летай — не хочу. Вдруг поняла: дикая ревность, ярость бурлили под крышкой презрения, перекипало там варево, с шипеньем плескалось наружу. Лизка вскочила, резко вильнула в ванную — высморкалась, поплескала водой на лицо. Из зеркала подмигивал помадный «дурак». Что это?

«Как, на *кого* променял?! И ему все равно? Нет, никогда не прощу! Ладно, положим, ты и сам не рад (думала: *после* написано), все равно ни за что не прощу. Хотел показать, как мало я стою, — вот, показал. Унизить меня хотел. Не получится, нет. Оставайся теперь со своими сокровищами, посмотрим, каково тебе будет!» Тут сообразила: может, не он вовсе писал, может, *она* — по вечной своей истеричной привычке. Стер бы? Нет, мазохист, непременно оставил бы — любоваться. Точно, ее выходка — по дурости видно.

Глаза заливало холодное бешенство: повеселились, любовнички, в моей (между прочим — и моей тоже) квартире! Вдруг как током ударило: хватит. Теперь уже точно. «Довольно с меня», — кажется, вслух. Выплыла, снежная королева, ни слова, ни звука, прямо в комнату, выдернула из-под шкафа большущую сумку. Не глядя, торопясь и комкая, стала запихивать в нее разное нужное (нужное?). Внутри клокотала, кипела ярость.

Марля возник на пороге. Не обернулась.

— Уходишь?..

— А ты как думал?!

— Так и думал, — сказал, будто выдохнул. — Погоди, выслушай, — слова выходили с явным усилием.

— Да? — отвечала не оборачиваясь. — И даже без предварительных условий?

— Неужели сейчас тебе так важно сведение счетов? — в его голосе послышалась досада.

— Ты, кажется, хочешь обидеться? — сказала жестко, насмешливо — как клюнула.

Он не ответил, стоял в дверях, наблюдал ее судорожные сборы. Умяв, наконец, сумку, она сделала шаг выходу.

— Разреши!

Он вдруг взялся за сумку (и тут припомнился — снова! — недавний, совершено такой же, жест на вокзале. Господи, как же так?).

— Постой, дай на минуту. Я хочу, — он замялся, не отнимая руки от сумки, не отнимала ее и Лизка, — я хочу попросить тебя. — Ой, как трудно давались слова! — В нашей жизни было ведь не одно плохое. Может быть, можно еще что-то поправить? Еще что-то спасти?

— Не поздновато ли? — дернула с силой сумку.

— Если бы ты смогла каким-то образом это... простить... я не знаю, забыть...

— Ты это всерьез? — словно отталкивая его от себя, оборонялась Лизка. — Думаешь, можно вот так, и как будто ничего не случилось? («А сама-то, сама-то? Господи, я это или не я?»)

— Я не думаю, нет, — он с гримасой тоскливого напряжения будто втолковывал что-то непонятливому ребенку. — Я только хотел ска-

зать... Если ты сможешь... как-нибудь... — он замялся надолго и с усилием проговорил, — заново. Может, мы сможем начать новую жизнь... еще раз.

Он схватил ее за плечи и встряхнул, словно куклу. Тяжеленная сумка гирей повисла у нее на руке.

— Ты слышишь меня? Это было испытание, глупое, тяжелое... Но еще не конец, понимаешь? — слова вдруг стали отрывистыми, они вылетали неправдоподобно быстро, точно во сне. — Если только ты захочешь. Я понял, ничего не кончается просто так.

— А если не захочу?

— Я этого ждал, — усмехнулся он горько. — Так я и думал. Значит, не захочешь...

— А ты?

— Что?

— Ну что ты будешь делать?

— Не знаю.

— А если захочу? («Что это я, будто торгуюсь», — с отвращением поняла она.)

Он вырвал сумку из ее рук и отбросил подальше. И медленно, с расстановкой проговорил:

— Если ты захочешь, я буду стараться, чтобы наша жизнь была совсем другой... Я не знаю, такой, какой она должна быть.

— Каким образом? — строго спросила Лиза, на самом деле почти не понимая, что и как она говорит.

— Я буду все время об этом помнить, — сказал он просто.

И тут она простодушно и горько заплакала.

Пятница

Услышав звонок, Тоша поленился тащиться в прихожую — он никого не ждал, а эти пусть сами, что он, швейцар им? Однако голос гостя заставил его встрепенуться: померещилось, нет? Сунул нос в псевдогостиную — точно, Аркадий — довольный, сияющий, вышагивал гоголем, шумно выплескивая какую-то свою новость. Дед сидел в кресле, качал головой. Бабушка метнулась на кухню: конечно же, ставить чайник. Тоша вразвалочку поплелся за нею. Спросил лениво:

— Что это он там?

— А, — бабушка с досадой махнула рукой. — Жениться надумал. И куда ему на молоденькой? Седина в висок, бес в ребро. Вот ведь неймется же людям! — и еще раз сердито махнула рукой.

— Что, окончательно? — равнодушно промямлил Тоша.

— Заявление подали, — громыхнула бабушка чайником. — Одну в могилу уже свел. Ну да эта еще покажет ему. Двадцать лет девчонке, еще наплачется с ней! Сразу видно, эта своего не упустит, — много-

значительно гримасничая, философствовала бабушка. — Посмотрим лет через пять, какая такая любовь. Он все считает, что мальчик. О сыне бы подумал, тому-то каково, когда мачеха в дочки годится. Ни о чем люди не думают, ни о чем. В наше время...

— Да Аркадий-то как раз из вашего времени, — вяло заметил Тоша.

— Ах, брось, ничего ты не понимаешь, — рассердилась и на него несчастная бабушка. — Уйди, не мешай тут...

Тоша будто того и ждал. Юркнул в свою каморку, положил на живот телефон, однако — не торопился. Шесть цифр навертел — и придавил рычажок. Малодушничал.

Снова грел телефоном живот. Дальше — решился.

— Да? — пропел Ольгин голос. — Слушаю вас.

Трубку сразу же бросил, побежал одеваться. Видеть ее — сейчас же, немедленно, пока Аркадий в доме сидит. Час у него наверняка есть — не меньше, на Женьку плевать. Не уйдет, не должна уйти, — заклинал неизвестно зачем. — Не должна...

— Куда? — курицей встрепенулась бабушка. — Носишься, как оглашенный. С ног ведь собьешь. Ох, Господи, Господи...

Это неслось уже вдогонку, Тоша не слышал — не слушал — и знать не хотел.

* * *

Лиза уютно свернулась у Марли под крылышком. Что-то он там ворковал, бормотал — важно ли, что? Не в словах было дело, это понятно, что там слова, колебания воздуха. По рукам и ногам вязало другое — острая-острая, едкая как лук, выбивающая слезы жалость. Да, не любовь, но, пожалуй, сильнее любви. Материнское чувство к несчастному, такому маленькому и слабому, доверчиво цепляющемуся за подол — ну да, ну да, все равно что обидеть ребенка. Что с тобой сделаешь, дитя непутевое, рви мне юбку, рви мне сердце — что он лепечет там, разве умеет что-то кроме «мама» и «дай»?

Ни единому слову Лизка не верила (может быть, и напрасно) — то есть умом, а сердцем, наверное, все-таки, все-таки... И еще было приятно, что он так убивается о возможной потере. Наконец-то наглядно представили ей *доказательства*... Интересно, надолго ли? Впрочем, какое теперь-то это имело значение — надолго, накоротко? «Люблю я его или нет? — думала оцепенелая Лизка. — Да ведь и это не имеет значения,— впрочем, наверно, люблю, иначе не жалела бы так».

И под мерные волны его торопливого лепета Лизка наблюдала — будто в микроскоп — как крошечный хирург с сосредоточенным лицом, в белом халате извлекает щипцами из сердца беспомощного, не способного к сопротивлению зародыша новой любви. Без наркоза. С глаз долой. Из сердца вон. Ныне отпущаеши. Иди и больше не греши. Аминь.

* * *

Ольга удивилась и не удивилась неответчивому звонку — мало ли что, телефон не сработал. Однако екнуло что-то: может быть? Эту мысль отрезала строго и сразу — нет, не может.

Утром сегодня ездили в ЗАГС, через месяц свадьба. Рада ли? Как же, смертельно! До слез.

Женя, конечно, и тут умудрился — ни «поздравляю», ни полсловечка. Тупо, набычившись, выслушал новость и отъехал, как танк за ежи, на свои тыловые позиции. Тоже вот радость терпеть рядом с собой такое сокровище, а куда его денешь? Ладно, потерпим еще, не такое терпели. Впрочем, сидит себе в комнате, его и не видно-не слышно.

Вот паучина ведь, Квазимодина. И чего высиживает в своем гнезде? Телевизора даже не смотрит. Мух что ли ловит? У них в деревне была одна бабка, малость тронутая, тоже сиднем сидела, ела годами одни провонявшие щи. Ольга как-то мимо бежала — стоит на пороге в линялом платке. «Будет тебе, — закричала на Ольгу, — будет еще на крапиву мороз», — а губы-то синие, мертвые, а глаза-то пустые, прозрачные, точно у рыбы.

Б-рр! Померла потом бабка-то. Старухи, они долго живут, потом всегда помирают, будто и не было.

Обернулась на звук. Надо же! Спохватился что ли, поздравить пришел?

Ожидала с улыбкой. Увалень, пряча за спину руки, топтался в дверях.

— Заходите же, Женя. Что вы так смотрите? — и привстала навстречу.

* * *

— Знаешь, я ехал в метро, когда тебя не было, — бредил Марля. — Вечером, поздно. Передо мной — я не сразу заметил, пьяный был, но не слишком — сидели две женщины, рядом. Они были совсем-совсем разные и при этом как будто составляли единое целое, ты меня слушаешь?

— Слушаю, да. Какой-то символ.

— Я бы хотел показать тебе фотографию, ты бы увидела.

— Я увидела. То есть, я понимаю.

Он задумался вдруг, словно забыв, о чем говорил. Лиза сидела не шелохнувшись, зябко прижав локти к бокам.

— Ты чего-нибудь хочешь? — встрепенулся он неожиданно, словно вынырнув из забытья. — Почему ты все время молчишь?

— Нет, спасибо, сейчас ничего не хочу, — почти безжизненно проговорила она. — Только, может быть, спать. Да, пожалуй, спать и ничего больше. — Она попыталась встать, голова у нее кружилась.

— Да, конечно, конечно, — он — слишком заботливо, слишком заметно — помог ей подняться. — Вот увидишь, все будет хорошо, замечательно. Проснемся, и все будет по-новому.

— Угу, — устало зевнула Лиза. — Не родись красивой, родись счастливой — вот твой символ. Или так, еще проще: умному грустно, а дураку всегда хорошо.

— Нет, я совсем не об этом. Я хотел сказать... Может быть, так: в какой-то момент уже нет разницы — умный, глупый, хороший, плохой. Они были одно целое, одной женщиной, ты понимаешь? Одновременно, и умной и глупой, и красивой и безобразной. Они никак не противоречили друг другу, наоборот, только в их единстве и возникал смысл...

— Давай пойдем спать, а то я сейчас упаду, — судорожным зевком перебила его Лиза. И улыбнулась — как ей казалось, почти что как сфинкс. А Марля смотрел на Лизку с неожиданной нежностью и впервые, может быть, видел в ней просто усталую слабую женщину.

* * *

От метро Тоша побежал, словно кто-то отсчитывал его время по секундомеру. Дворами, срезая углы — скорее, скорей. Бегун он был никакой, непривычка мстила одышкой. Ловил ртом обжигающий легкие мороз.

Гуляли какие-то дети, с санками, без санок, катались на картонках с глупейшей деревянной горы. Бабушки, важные точно пингвины, хлопали крыльями, деловитой кучкой топтались на месте. Ногами промотывал двадцать четыре что ли кадра в секунду, чтоб оживало кино. Звука, как ни странно, не слышал. Слишком громко тикали часы — мгновения убегали, постукивая.

Торопливо вскочил в хищно лязгнувшую клетку лифта, хлипкий пол заходил ходуном. Выскочив, резко нажал кнопку звонка: ну же, скорее, открой, я пришел.

* * *

— Что случилось? — недоуменно спрашивала Ольга, утыкаясь в остановившийся каменный взгляд.

Вдруг Евгений, все держа за спиною руки, молча и страшно пошел на нее.

— Что, что... вы хотите? — попятилась Ольга. Налетела, отступая, на стул, попыталась подхватить руками, на секунду глаза отвела от его одеревеневшего лица. И — в эту секунду — выметнулась из-за спины рука с разводным ключом — черным, огромным — полетел на нее, вырастая в размерах, — попыталась подставить руку — кричать не могла, не было голоса — руку отбросило, смыло ударом, пришедшимся в голову, точно по темечку — теплое, липкое, красное потекло по лицу, по шее, по груди, затопило весь мир. Последнее, что слышала, был оглушительный, словно трубный глас, словно небесный гром, настойчивый, нескончаемый, соперничающий с вечностью звонок, но *этого* гостя ей уже не суждено было увидеть.

* * *

Тоша звонил и звонил в дверь — как сумасшедший, как параноик, потом стал стучать кулаками. То ли слышались в квартире какие-то звуки, то ли нет — определить он не мог. И продолжал снова звонить, точно в этом теперь сконцентрировался для него весь смысл жизни.

* * *

А Евгений Аркадьевич сидел на корточках с гаечным ключом в руках, сосредоточенно всматриваясь в очертания красной лужи, где безропотно и совсем не сопротивляясь тонула маленькая, беспомощная теперь ведьма. Громадная багровая волна обрушилась на эту колдовавшую колдовством неживую теперь русалку и понеслась дальше, смывая на своем пути все хлипкие постройки ее волшбы. Шар земли, надувшийся огромным кровавым пузырем, летел в пространстве, гася по пути солнца и звезды. С шипением прилипали к его жирным бокам своими хвостами кометы. Мир стал липким, соленым и красным.

— Ну вот, — прошептал Евгений Аркадьевич и положил на пол гаечный ключ. Потянулся рукой и вынул из лужи круглый пластмассовый клипс. Красный. Маленький. Выпуклый. Символ ее колдовства.

* * *

А Тоша сидел теперь, прислонившись спиной к двери, и ждал. Рано или поздно она ведь должна открыться. И надо просто ждать. Только спокойно подождать. И все.

В ЭТОМ ЛУЧШЕМ ИЗ МИРОВ

лето 2002

* * *

А в этом лучшем из миров
Мы наломали столько дров,
Что стал он вовсе нежилым —
Лишь гул и грохот, смрад и дым.

И в непролазном том дыму
Помочь не в силах никому,
Не в силах совершить полёт
Бескрылый ангел слёзы льёт.

* * *

Что со мною? Я болею,
Я никак не одолею
Ненавидимое мною
Притяжение земное.
Сверху мир такой небесный
Невесомый, бестелесный,
И просторный, и летучий,
Я стою внизу под тучей,
Провожаю взглядом стаю,
Не парю и не летаю.

* * *

Господи, утешь нас, грешных,
Горемычных, безутешных,
Нас, застрявших где-то меж
Двух поверхностей, утешь.

Лариса МИЛЛЕР — родилась в Москве. Окончила Государственный институт иностранных языков. Автор книг стихов и прозы «Безымянный день» (1977), «Земля и дом» (1986), «Поговорим о странностях любви» (1989), «Стихи и проза» (1992), «В ожидании Эдипа» (1993).

Дланью тихой осторожно
Тронь, шепнув, что всё возможно,
Всё пройдёт, и тут ли, там
Полегчает скоро нам.

* * *

А по миру кружение
Есть тихое вторжение
В туманное «потом»,
Опасное скольжение
Во времени крутом,
Где даже травка режется,
В которую понежится
Однажды ты прилёг,
И на которой держится
Бесстрашный мотылёк.

* * *

Дай руку, Господи, дай руку.
Дороги все ведут в разлуку,
Ведут в разлуку прямиком,
И каждый, чем-нибудь влеком,
По ним идёт, спешит и мчится
Лишь для того, чтоб разлучиться
И с тем, и с тем, как выйдет срок,
И нету здесь иных дорог.

* * *

Столько лет на свете жили,
Столько по миру кружили —
За душою ни гроша,
Снова все вопросы в силе,
Снова мается душа
И опять чего-то хочет,
А июньский день морочит
И слепит своим лучом,
И травинкою щекочет,
И не хочет нипочём
Рассказать зачем, откуда
И надолго ль это чудо,
Что терзает и томит...
День — прозрачней изумруда,
А лукавит и темнит.

* * *

Чуть свет... Столь зыблемое «чуть»
Нам освещает влажный путь
Чуть-чуть, едва-едва...
Переболеем как-нибудь.
Ты жив, и я жива...
Чуть что, чуть вздох, чуть шаг, чуть свет...
Когда-нибудь сойдёт на нет
Всё это, а пока —
Ночного ливня влажный след,
Седые облака.

* * *

Время шло вперёд, назад,
Пронеслось из дома в сад,
Пролетело в дом из сада...
Что, не веришь? И не надо.
Время вспять бесшумно шло
И угасший миг зажгло,
А горящий погасило...
Боже, как его носило,
Как стремительно несло!
Всё смешалось — день, число.
Позабыв земные сроки,
Всё неслось в шальном потоке
Взад, вперёд и вспять и вдаль,
Больше времени не жаль,
Нет конца ни дню, ни веку,
И в одну и ту же реку,
Ту, что вечно на пути,
Можно тыщу раз войти.

* * *

И всё же, если изловчиться,
Дурное с нами не случится.
Коль встанешь там, а лучше тут,
Увидишь как они цветут —
Непрочные цветы жасмина...
А жизнь податлива, как глина,
Что хочешь из неё лепи,
А то, что вылепил, люби,
И не видать тебе дурного...
Не удалось? Попробуй снова.

* * *

В такую рань, в такую рань,
Когда едва заметна грань
Меж тьмой и светом, да и нет,
И сны, похожие на бред,
Ещё роятся и живут,
И ты ещё ни там, ни тут,
И непонятно ни аза,
В такую рань открой глаза.

* * *

А гори оно огнём!
Вот возьмём и ясным днём
Заживём на свете где-то
Без канвы и без сюжета,
Без задач и чётких тем,
Без «сперва» и без «затем»
И без цели, и без даты,
Просто где-то и когда-то.
Просто где-то на земле
То на солнце, то во мгле
Будет жить безвестный кто-то,
Потому что жить охота.

1

Задарили меня, задарили —
Вот ещё и жасмин у крыльца,
Щедро дни лепестками сорили
И на пальцах с тычинок пыльца.
Лёгок миг: лишь подуй — испарится,
Растворится в мгновенье другом...
Что творится кругом, что творится,
Погляди что творится кругом!
Кипень белая — праздник для взора,
Ветру дуть — лепесткам облетать,
Среди этого дивного сора
Всю бы жизнь нам с тобой коротать.

2

День горчит и всё же сладок,
И волшебный беспорядок
В мире солнечном царит,
Белоснежный густ осадок —
Куст жасминовый сорит.

Эти летние осадки
В пользу жизни довод шаткий.
Куст белеет у крыльца...
Миг поймав летуче-краткий,
Растворимся до конца

В этом сладостном, горчащем,
Шелестящем и шуршащем,
Ускользающем, в любом
Миге призрачном, пропащем,
Изумрудном, голубом.

* * *

Хорошо по свету шляться,
Хоть бы век не закругляться,
Жить да жить — и все дела.
Дни мои до ночи длятся,
Но и ночь, как день, бела.
Лето — сладкая морока...
На хвосте своём сорока
Принесла шальную весть,
Что остаться дольше срока
На земле возможность есть.

* * *

Дождь, который дан нам свыше,
Целый день стучит по крыше.
В луже — облако. Оно
Тоже свыше нам дано.
Лепестков опавших груда —
Всё оттуда, всё оттуда,
Ничего здесь своего,
Всё оттуда, всё Его.

ДОРОГА В РАЙ

Это наконец-то случилось, когда бабка Аксинья, сидя на низенькой крашеной скамеечке, варила у себя в сенях самогон. Она как раз стала обмазывать размоченным хлебным мякишем неплотно прилегающую крышку ведерного чугуна с булькающей брагой, и в этот момент пламя керосинки на какое-то мгновенье легло на бок и, выпрямившись, закоптило.

Старуха уже было протянула руку, чтобы подкрутить фитили... но замерла.

Ей вдруг показалось, что кто-то невидимый взмахнул перед ее лицом чем-то вроде куриного перышка, слегка задев щеку... взмахнул и затаился.

«Вот оно, — спокойно подумала она, — смертушка моя пришла».

Нет, нет, она не ощутила в ту секунду ни какой-то особенной боли в своем дряхлом сердце, ни головокружения. Этого не было. Точно.

Прислушиваясь к себе, Аксинья опустилась на колени, задула керосинку и, только теперь, привычно перекрестилась: «Господи, спаси и помилуй меня».

Держась за вбитую в стену скобу, она поднялась с пола.

И опять, как и минуту назад, старуха почувствовала на своем лице толчок воздуха. На этот раз он был более упругим, и ее старческий слух даже уловил что-то похожее на шелест крыла.

— Сейчас, сейчас, — сказала она неизвестно кому и, подняв банку с еще теплым самогоном, понесла ее в кладовку.

В маленькой кладовой, или «айтушке», как называют ее тверские карелы, хранились нехитрые бабкины запасы: несколько свежих яиц, три банки лосося, из которого она варила суп, банка огурцов в побелевшем рассоле, да в миске с водой, накрытой от мышей решетом, плавал небольшой кусок масла. Отдельно, в углу стоял бидон с керосином.

Аксинья открыла ларь, где когда-то хранила муку, и осторожно поставила туда банку. Качнула рядом стоящую бутыль: полная.

То, что произошло с ней несколько минут назад, почти ничего не изменило в дремотном сознании старухи и, уж конечно, не напугало ее.

Валерий МУХАРЬЯМОВ — родился в 1948 году в Москве. Окончил филологический факультет МОПИ. Работает вторым режиссером на киностудии. Автор пьесы «Последняя любовь», поставленной в Монреале. Первая публикация прозы — в «Континенте» № 111. Живет в Москве.

Больше того, оставив там, за взмахом невидимого крыла, заботившие ее мысли о невыкопанной картошке, подгнивших ступенях крыльца и близкой зиме, она на какое-то время почувствовала облегчение, но тут же спохватилась: хватит ли самогона, который уже много лет помогал ей выживать, для достойных, по ее мнению, похорон? И привычно переведя те же земляные и плотницкие работы в литры мутноватой жидкости, поняла: хватит.

Закрыв айтушку на замок, она повесила ключ на шею рядом с крестом и с трудом отворила обитую старым одеялом дверь в избу.

Знакомые лики святых строго и внимательно смотрели на нее из переднего угла. Подойдя к кровати и еще раз перекрестившись на образа, бабка Аксинья легла, с трудом накрыв ноги лоскутным одеялом.

В тишине громко тикали стенные ходики. Очень громко, как никогда раньше.

На кухне звякнуло блюдце. «Кошке молоко забыла налить», — подумала она и попыталась встать. Или только подумала?

А из-за кухонной занавески вышла соседка Фимка, полная, еще крепкая женщина лет на тридцать моложе Аксиньи. Ее дом со смотрящими в землю окошками стоял как раз за Аксиньиным огородом. Фимка — было ее прозвище, полученное за то, что название подмосковного города Химки, откуда она переехала, купив эту развалюху, произносила не иначе как Фимки, с детства невзлюбив букву «Х». К слову сказать, этот маленький речевой дефект несколько смягчал столь любимые ею крепкие выражения.

— Окся, подруга моя, — рявкнула Фимка, увидев, что Аксинья лежит с открытыми глазами, — что же ты, етит твою мать, разлеглась-то? В клубе без тебя и танцы не играют.

Аксинья только пошевелилась, но ничего не сказала.

— Зафворала, Окся? — кукся красное лицо, подошла к ней Фимка. — А я смотрю, брага в сеняф стоит. Форошая брага. Я уже ковшик-то выпила.

Аксинья разлепила сухие губы:

— Паше... сообщить надо... Наталья у нее гостит... Сестрам моим.

Ей казалось, что она отчетливо произносит каждое слово, но Фимка уловила только первое — «Паше...»

— Лежи, лежи, — она поправила Аксинье выбившийся из-под платка гребешок. — Догадалась я. Как увидела, что ты брагу в сеняф бросила, так и догадалась. Я уж к Юрке дядьегорову бегала. Он в ночь на станцию поефал, а на обратном их с Наташей и зафватит. Завтра днем припожалуют.

Свет от лампочки мучил Аксиньины глаза и, повернув голову к окну, она поняла, что на дворе глубокая ночь.

Паша, самая младшая из четырех сестер, жила в соседней деревне в том самом доме, где когда-то родилась и Аксинья. Виделись они не часто. И хотя Паша была намного моложе сестры (она появилась на свет, когда Аксинья уже вышла замуж), но и ей с каждым годом все тяжелей давались четыре километра, разделявшие их деревни. Вторая после Аксиньи сестра — Наталья почти каждый год приезжала из Москвы погостить в родной дом. Вот и сейчас она была там. Третья сестра — Мария приезжала редко и всегда останавливалась у Аксиньи.

«Вот бы Маша была тут, — подумала Аксинья, — со всеми попрощалась бы».

— Ты жива, Окся? — послышался Фимкин голос.

Аксинья открыла глаза. Свет не горел. В углу мерцал огонек лампады.

— Что тебе, Фима?

— Может, ты хочешь чего? — было слышно, как Фимка опустила с лежанки ноги. — Может, браги дать, а?

— Пей, — разрешила Аксинья.

Фимка зажгла на кухне свет, громыхнув крышкой, зачерпнула ковшиком брагу и шумно выпила.

— Марии-то я завтра телеграмму дам, — сказала она, опять повернув выключатель. — Бог даст, успеет.

«Нет, — хотела сказать Аксинья, — не успеет». Но только покачала в темноте головой.

А потом было утро. Ясное, ласковое утро без единой крапинки на голубом полотне неба. И только на самом его краю, над кромкой далекого поля, вытянувшись цепочкой, плыли облака.

«Ах, как хорошо, — подумала Аксинья, — какое славное утро».

Она смотрела на облака и никак не могла понять, что же они ей напоминают. Что-то давнее, когда-то поразившее ее.

«Ну же, ну», — теребила она свою память. И тут ее ушей коснулся чуть слышный звон бубенцов.

«Верблюды!» — вспомнила Аксинья. — Это белые, как облака, верблюды идут дальней кромкой поля. Ну да, как же она не узнала их сразу?

Перед ней протянулись железнодорожные пути, забитые воинскими эшелонами, один из которых только сейчас увез в жуткую неизвестность войны ее третьего сына — Колю. А Сережка, четвертый и последний сын, все дергал и дергал за материнский рукав, стараясь привлечь ее внимание.

— Мамка, смотри, да смотри же ты, — повторял он, пока она не взглянула по направлению его руки.

Там, вдоль железнодорожного полотна, позвякивая бубенцами, неторопливо шли огромные, неведомые ей животные.

— Кто это? — спросила Аксинья.

— Да ты что, мам? — кричал ей Сережка, — Это же верблюды. Из цирка. Вот здорово!

И еще запомнилось Аксинье. На привокзальной площади, среди галдящей, пляшущей и плачущей толпы стоял белый как лунь длиннобородый старик. Он крутил ручку обшарпанной шарманки, из которой звучала давняя, хорошо ей знакомая по детству мелодия «На сопках Манчжурии», и высоким голосом иногда выкрикивал: «А вот, предсказываем судьбу!..» На его плече, прячась в седых длинных волосах, сидела белая крыса, и, когда находился желающий за небольшую плату узнать свое будущее, старик щелкал языком и крыса, ловко спустившись по его рукаву на шарманку, доставала из стоявшей там коробки один из конвертиков с предсказанием.

Желающих, впрочем, было немного. Какой-то пьяненький мужичонка, прочитав выпавший ему билетик, весело кричал поверх голов в толпу: «Слышь, старуха, у меня на Покрова сердечное свидание будет. Ты-то, ты-то куда денешься?..»

Аксинья потянула Сережку за руку — «Пойдем, пойдем, сынок. Разве судьбу за деньги купишь?»

Муж Аксиньи, Василий в то время работал на станции сцепщиком, и Сережка остался с ним — помощником.

Страшно и тоскливо было Аксинье в опустевшем доме, и она старалась тяжелой колхозной работой затуманить эту щемящую боль одиночества.

Две ее сестры к тому времени уже имели свои семьи. Наталья писала из Москвы нечастые письма, а вот о Марии сведений не было. Перед самой войной муж увез ее с двумя малолетними детьми к родителям на Украину, и вскоре немцы отрезали их.

Паша работала на почте, разносила по трем соседним деревням письма и, ставшие в последнее время более частыми, похоронки.

Из ее-то дрожащих рук и взяла однажды Аксинья сразу два извещения о гибели старших сыновей. До сих пор лежат эти жуткие бумаги на дне сундука под приготовленной на смерть одеждой: «Ваш сын, старший лейтенант Макаров... Ваш сын, лейтенант Макаров...»

На станции, куда она смогла приехать только через две недели, ее ждал новый удар — с воинским эшелоном, ничего не сказав отцу, удрал на фронт Сережка.

«Хлоп» — выстрелила зенитка около станционного здания... И опять — «хлоп»... Взвыла и замолкла сирена. Аксинья сидит рядом с уронившим на стол хмельную голову плачущим мужем. На столе — початая бутыль самогона.

Где-то выругалась женщина. И опять выстрелила зенитка — «щелк».

«Ваш сын, старший лейтенант Макаров... Ваш сын, лейтенант Макаров...»

«Витя!.. Сашенька-а!..»

Аксинья открыла глаза. За окном стояло белесое, влажное утро. «Щелк» — хлопнул кнут пастуха. И опять — «щелк». Где-то рядом надрывно промычала корова. С крыльца был слышен голос Фимки:

— Лизавета, — кричала она, — етит твою мать, ты оглофла что ли?.. Пришли сваво фромоногого. Что?.. Аксинья?.. Губы красит.

«Кошку бы надо покормить», — подумала Аксинья.

Непослушной рукой она с трудом поймала детское зубное кольцо, свисавшее на старом чулке с потолочной балки, и попыталась спустить ноги... Нет, ноги не слушались. Совсем.

Некоторое время она смотрела на качавшуюся над ней, до шершавости искусанную детскими зубами игрушку, и опять закрыла глаза.

Два года назад, видя, с каким трудом каждый раз поднимается Аксинья с постели, Фимка привязала это Бог знает как сохранившееся у старухи кольцо над ее кроватью. «Так-то будет ловчее, — сказала она тогда, любуясь своей работой. — А может, и пожуешь его когда. А, подруга? Глядишь, зубы-то и прорежутся».

Что-то сильно кольнуло Аксинью в затылок. Боль пошла вниз к левой лопатке, заставив сделать несколько судорожных вздохов и, остывая, снова вернулась в голову под жидкую, седую косичку.

«Как пчела ужалила, — подумала Аксинья. — Откуда здесь пчелы?»

Затылок стал неметь, и на глазах выступили слезы.

Жарко. Воздух дрожит над колкой стерней. Аксинья стоит у края дороги, стараясь достать запутавшуюся в волосах пчелу, и слезы бегут, бегут по ее пыльным щекам, оставляя белые дорожки.

«Я устала. Я боюсь кусачих пчел, — шепчет пятилетняя Ксюша. — Маленькие девочки должны сидеть дома и нянчить сестренок, а не искать глупую потерявшуюся овечку».

Обида на взрослых и жалость к себе переполняют ее: «Плохой Боженька, совсем не жалеет меня».

Сказала — и замерла в испуге: «Разве можно ругать Бога?!»

Ксюша быстро перекрестилась и оглянулась по сторонам, ожидая немедленного Божьего гнева... Но все было по-прежнему: ошалевшие от жары слепни и пчелы носились вдоль клеверной межи, какая-то птица, раскинув крылья, неподвижно висела над прибрежным кустарником недалекой речки; а у моста, на той стороне, вправо от деревни, лаяла и лаяла, видимо, наткнувшись на ежа, чья-то собака.

«Наверное, Бог не понимает по-карельски, — успокоила себя Ксюша, — и не будет сердиться».

— Эсть, эсть, эсть! — в который раз позвала она овцу. — Эстени, эстени!

Тихо... Только птица, жалобно пискнув, взмахнула крыльями и поплыла к лесу.

— Где же она, проклятущая? — опять всхлипывает Ксюша. — Ну, ничего, спадет жара, да выгонят стадо, небось, прибьется к своим.

Спускаясь к реке, она еще издалека заметила, что на мосту кто-то есть и, пройдя несколько шагов, разглядела мужчину, который, сняв сапоги и опустив в воду ноги, сидел к ней спиной на нагретых солнцем бревнах.

«Не наш, не деревенский», — определила она.

Стоило ей ступить на мост, как большая рыжая собака, не замеченная ею сперва, подняла голову и тихо зарычала. Мужчина взял собаку за ошейник и, подтягивая лежащее рядом ружье, оглянулся. Он посмотрел на испуганную, заплаканную девчушку, и веселые искорки запрыгали в глазах на молодом бритом лице. А когда Ксюша, стараясь держаться подальше от собаки, бочком двинулась по краю моста, по-русски спросил ее:

— Ты почему плачешь, девочка? Кто тебя обидел?

Ксюша только ускорила шаги.

— Не бойся, — сказал он ей вслед, — она не ест маленьких.

Но Ксюша уже выскочила на другой берег.

За пригорком виднелись крыши родной деревни. Она отошла еще несколько шагов и, повернув к незнакомцу лицо со следами недавних слез, крикнула:

— Иди ты в...

Но не найдя подходящего русского слова, хлопнула себя ладошкой по откляченной попке и добавила по-карельски:

— Пержи!

Через мгновение Ксюша уже неслась вверх по откосу, выбивая босыми пятками фонтанчики пыли и придерживая рукой готовое вырваться от страха сердечко. И только на самом верху, откуда до деревни было рукой подать, она осмелилась обернуться. Мужчина лежал на спине, задрав к небу босые ноги, и хохотал. Около него носилась ничего не понимающая собака.

В сенях звякнула щеколда, и по грузным шагам Аксинья узнала Фимку. Было слышно, как та сбросила за дверью опорки резиновых сапог и, перешагнув высокий порог, босиком прошлепала на кухню. И сразу кот, спавший на ногах Аксиньи, тяжело спрыгнул с кровати и, качнув задранным хвостом занавеску, шмыгнул за ней.

— У-у, пришел, френ собачий, — говорила Фимка, наливая ему из принесенной банки только что надоенное молоко. — На, чтоб ты сдоф!

Аксинья пошевелила ногами и опять попыталась ухватиться за кольцо. На этот раз оно никак не хотело даваться ей в руки, а когда все-таки удалось его поймать, сил, на то, чтобы подняться, у нее уже не было.

На кухне гремела посуда, бился о стенки ведра потревоженный ковшик и вдруг послышался неожиданно тонкий голосок Фимки, выводящий незамысловатую мелодию:

Оф, я честь свою блюла-а,
Оф, гордилась е-э-ю...
А закончила она торопливой скороговоркой:
Раз профожему дала,
До сиф пор балдею!

— Фимка, дура ты, — тихо и ласково сказала Аксинья.

А та уже выглядывала из-за занавески:

— Что, Окся, что? Может, молочка парного дать?

— Нет, — чуть покачала та головой, — не хочу.

— Смотри, подруга, пофудеешь, — серьезно сказала Фимка и опять скрылась на кухне.

Аксинья какое-то время подождала взглядом на занавеске, а потом подняла глаза к фотографиям, висевшим в простенке между окнами.

На двух портретах, сделанных из любительских снимков, напряженно застыли старшие сыновья. Глядя куда-то вдаль из-под козырьков военных фуражек, они одинаково сжимали красные от обильной ретуши губы.

А чуть ниже висела фотография самой Аксиньи — восемнадцатилетней Ксюши, сидевшей в резном, вычурном кресле на фоне задника с изображением римского Колизея. Одна рука ее лежала на подлокотнике, а вторая, по воле фотографа, опиралась локотком на закинутую одна на другую ногу и слегка касалась подбородка манерно склоненной головы. При этом взгляд оставался смущенным и строгим одновременно.

Длинная снизка бус, дважды обежав тонкую шею, спадала по светлому нарядному платью до разостланной под ногами медвежьей шкуры.

На ногах Аксиньи были новые белые ботиночки с высокой шнуровкой.

— Фима, — позвала старуха.

— Чего ты, непоседа? — подошла Фимка с миской замоченного хлеба. — Давай я тебе хоть чаю согрею. А?

— Ботиночки, — сказала Аксинья, — ботиночки-то... мне Вася подарил. Знаешь ли?

Та, проследив за ее взглядом, поняла:

— Гляди-ка ты, вспомнила. — И, прежде чем выйти, просяще добавила: — Потерпи, Окся.

Какое-то время Аксинья слышала, как она, матерясь на соседского петуха, кормила с крыльца кур, а потом все стихло. Ни звука не доносилось с улицы.

«Не оглохла ли я?» — подумала старуха.

Но вот послышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то задел висевшую в сенях косу, царапнул дверь, ища в темноте дверную скобу, и в избу вбежала Лизка, дальняя родственница со стороны Василия. Она сбросила с головы теплый шерстяной платок, но раздеваться не стала, — в избе было не топлено.

— Ты не спишь? — спросила она от двери. — Сядь-ка, прошу тебя.

— Что тебе, Лизка? — с трудом подняла голову Аксинья.

— Дядю Васю вашего на станции бомбой уби-и-ло! — выпалила она, растягивая последнее слово, переходящее в плач.

Но Аксинья не закричала.

— Какой бомбой? Ты что? Там же который месяц уже немцы, — силилась она понять.

— Наши, наши бомбили, — сказала Лизка, вытирая ладонями слезы. И видя, что Аксинья не плачет, подсела к ней на кровать. — Мой-то Егор как раз там был, — уже спокойно стала рассказывать она, — старикам своим картошки отвез. Немцы его не трогали, — слава Богу, на деревяшке с Финской пришел. А тех, кто при железной дороге был, заставляли работать, да под ружьем. И дядь Васю с ними. А неделю назад налетели наши. Всю станцию подчистую снесли. Утром немцы ушли, видно, окруженья забоялись. Егор мой пошел посмотреть, да на путях-то на дядю Васю и наткнись... Ты что, теть Сень? Ты что?..

Это испуганное Лизкино «ты что?» было последним, что услышала Аксинья, впадая в тяжелый звенящий обморок.

Пойти на станцию, а это пятьдесят с лишним километров по заснеженной дороге, она не смогла, — лежала несколько дней в полузабытьи, отказываясь от еды. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы однажды запыхавшаяся Паша не принесла письмо от Сережки. Детскими каракулями он писал, что воюет под Ленинградом в составе артиллерийской бригады, передавал через мать поклоны старшим братьям и, внешне стесняясь ласковых слов, просил у нее прощения за свой побег.

В тот день Аксинья сама растопила печь и, согрев воды, вымыла пол.

А вечером зашел Егор. Он сидел на лавке, вставив между порогом и дверью свою деревянную ногу, и курил, стараясь, чтобы весь дым уходил в сени. Аксинья спокойно слушала его рассказ и только однажды задрожала губами, когда Егор, с равнодушием искалеченного солдата, стал рассказывать, как он долго искал на путях оторванную руку Василия, чтобы положить ее с ним в общую могилу у разбомбленной станции.

Помолчали. Потом, плюнув на ладонь, чтобы погасить окурок, Егор со стоном сказал:

— Да что ж она за стерва такая?

— Кто? — не поняла Аксинья.

Егор встал, отодвинул кухонную занавеску и, бросив окурок в стоявший под рукомойником таз, негромко ответил:

— Жизнь-паскуда!

«Жизнь-паскуда» — опять повторил Егор.

Аксинья вздрогнула и открыла глаза. Из кухни, где Фимка раздувала самовар, тянуло дымком. Егор все так же сидел на лавке у двери.

Приладив трубу, Фимка вышла с полным ковшиком браги.

— На-ка, взбодрись, — протянула его Егору.

Тот отпил половину, поставил ковшик возле себя и полез за папиросами.

— И-и, сдурел. А ну, фромай на крыльцо, — взвилась на него Фимка. — Аль не видишь: Аксинья на сносяф.

Егор покосился на брагу и убрал папиросы в карман.

— Дай тогда хлеба что ли, — попросил он.

Фимка отрезала кусок хлеба и, макая в банку помазок из куриных перьев, густо сдобрила его постным маслом. Посолив, дала Егору. Тот еще отхлебнул из ковшика и, вставив деревянную ногу между порогом и дверью, стал есть, по привычке наклоняясь, будто с папиросой, к дверной щели.

— Егор, — позвала Аксинья.

— Что, тетка Аксинья? — отложив хлеб, вытер руки о штаны Егор. — Чего ты?

— Доски-то в сенях, на потолке лежат, — медленно выговорила она.

Егор допил брагу и снова принялся за хлеб.

— Я говорю, доски... — опять начала Аксинья.

— Знаю. Сам, небось, туда клал, — сказал Егор, вставая.

Тяжело перешагнув порог, хлопнул дверью. Фимка вышла за ним, и было слышно, как она, ругаясь на «фромоногого», полезла наверх за досками для гроба.

В последнюю военную зиму перестали приходить письма с фронта. Как отрезало.

Однажды, Паша, разнеся почту, зашла, как обычно, к сестре. Погода в те дни стояла стылая, ветреная, и, прежде чем сесть за стол с кипящим самоваром, она долго отогревалась у хорошо протопленной с утра печки. Почти не разговаривая, пили заваренный на брусничных листьях жиденький чай. Потом, убрав со стола, Аксинья высыпала на разостланную газету ворох давно приготовленных для подушки перьев и принялась их перебирать.

Деловито стучали ходики, хотя счет времени давно уже затерялся в однообразии дней, а стрелки были предоставлены самим себе. Иногда

на кухне, срываясь с рукомойника, звонко шлепали в таз одинокие капли.

— Может, заночуешь? — спросила Аксинья.

Паша поднялась с лавки, — «Нет, пойду». Но, достав с печки наполненные теплом валенки, остановилась.

— Пуговицу, вот, надо на полушубке пришить, — сказала она виновато.

Аксинья дала ей коробку с нитками и опять принялась за работу, думая о своем.

Когда очередной порыв ветра особенно сильно толкнулся в окно и она подняла голову, Паша все еще тыкала и тыкала непослушной ниткой в игольное ушко и никак не могла попасть.

— Ты что это? — настороженно спросила Аксинья, забирая из ее дрожащих рук иголку.

Она легко вдела нитку и взяла полушубок — «Дай уж я...»

Быстро пришив пуговицу, взглянула на сестру — «Устала ты. Ночуй у меня».

— Нет, — опять отказалась Паша, — завтра обещали дрова привезти. Пойду.

Аксинья проводила ее до крыльца, и, чтобы уже не выходить в холодные сени, закрыла дверь на засов, подперев ее для верности вилами.

Вернувшись в избу, она убрала узелок с перьями и, поправив на бруске, как это всегда делал Василий, лезвие ножа, нащепала лучины для завтрашней растопки. Ложиться спать было еще рано и, надергав ниток из ветхой тряпицы, она села скручивать новый фитиль для лампады.

С некоторых пор Аксинья стала замечать, что странно изменилось ее отношение к сестре. Каждый раз, когда она видела в окно, как Паша направляется к ее дому, в душе Аксиньи поднималось глухое раздражение. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не сделать ей замечание за оставленные мокрыми валенками следы, за неплотно прикрытую дверь и даже за то, что, придя с холода и выпив стакан горячего чая, стеснялась попросить еще. А Паша, привыкшая во всем безоговорочно подчиняться старшей сестре, чувствуя ее отчуждение, терялась, становилась неловкой, чем еще больше вызывала недовольство Аксиньи. И только провожая сестру, видя, как она в больших не по размеру валенках, закинув за спину почтовую сумку, идет по пустынной дороге домой, Аксинья ощущала горячую волну жалости к этой одинокой, не ждущей никого молодой женщине.

Она боялась. Боялась по лицу Паши догадаться о новой беде, пришедшей в ее дом; боялась черной сумки, из которой та могла достать подтверждение этой беды. Она боялась и не хотела никаких новостей. «Только бы дожить до конца войны, — думала Аксинья, — а там уж... там все будет хорошо». И сейчас, когда уже ощущалось близкое осво-

бождение от этого кошмара, она была готова пожертвовать весточками от сыновей, чтобы уберечься от страшных казенных бумаг, вроде тех двух, что хранились на дне ее сундука.

В надвигающихся сумерках, Аксинья с трудом заправила фитилек и зажгла лампаду. Потрескивающий огонек выхватил из темноты угла ясные и строгие глаза Спасителя.

— Господи, — шептала она крестясь, — не оставь моих мальчиков. Вся жизнь моя в них, Господи. Убереги от дурных вестей...

Ей вспомнился недавний сон.

В центре деревни стоял вынесенный из сельсовета канцелярский стол. На столе, накрытом кумачом, — Пашина почтовая сумка. Рядом, вскинув руку в пионерском салюте, замер деревенский дурачок Ленчик. Паша била железным прутом по плужному лемеху, подвешенному на березе вместо пожарного колокола, и время от времени кричала: «А вот предскажу судьбу...» Ни души не было видно в деревне. Аксинья открыла почтовую сумку и увидела белую крысу с конвертом в зубах. «Слышь, тетка, — сказала крыса, не вынимая изо рта конверт, — будет у тебя сердечное свидание на Покрова». «Что это, Паша?» — спросила Аксинья сестру. Но та, не слыша ее, поднесла к губам свернутый из лыка пастуший рожок и заиграла «На сопках Манчжурии...».

Кто-то стукнул в окно. Аксинья отдернула занавеску, но в упавшей уже на улицу темноте ничего не увидела.

— Сестра, открой, — глухо донесся до нее через двойные рамы голос Паши.

И в сенях, больно ударившись о вилы, и дергая дрожащими руками холодный засов, обнаженным материнским сердцем она поняла: не уберегла!

— Что? — выдохнула Аксинья, распахнув дверь.

— Не подумай... — лепетала Паша. — Может быть, еще...

— Кто? — опять спросила Аксинья.

— Сережа без вести пропал.

Легли они только под утро, когда на фоне серых окон стали угадываться темные перекрестья рам. Паша лежала с открытыми глазами на уже остывшей печке, иногда взглядывая на затихшую в своей кровати сестру. Один Бог знает, чего ей стоило несколько часов назад сидеть напротив нее, пить чай, разговаривать о пустяках и в тысячный раз представлять себе, как Аксинья, увидев это письмо, задохнувшись, спросит: «Кто?» И пройдя с этой будущей и неотвратимой болью сестры чуть не треть пути до своей деревни, поняла, что такая тяжесть ей не по силам.

Сморенная усталостью, она уже стала задремывать, когда услышала, что Аксинья стонет.

— Чикко, — позвала сестру по-карельски Паша, — чикко...

— Чикко! — кто-то взял Аксинью за руку и, промокая ей платком заполненные слезами глазницы, повторил: — Чикко!

Голос был не Пашин. Аксинья с трудом подняла веки, и сквозь режущий глаза соленый туман долго и радостно узнавала Марию. Две другие сестры, обе готовые в любую минуту расплакаться и от этого ставшие еще более похожими друг на друга, стояли чуть позади.

— Слава тебе, Господи! Все здесь, — отчетливо сказала Аксинья и, уставая от радости, отвернулась к стене, успев подумать: «Теперь недолго».

Из забытья ее вывели мужские голоса. Окно, выходящее на крыльцо, было открыто. На подоконнике стояли стаканы. Сквозь ширканье Егорова рубанка доносился голос Семена Лиходея, длинного, нескладного бобыля, получившего среди баб прозвище «Пустой мужик» за всегдашнюю страсть заводить «умные» разговоры со всяким, кто готов был его слушать.

— Не-е-е-т, — говорил он, растягивая это «нет», как гармошку, — радиация, брат, — штука еще малоизученная... Я бы сказал... загадочная. Так-то! Ее с кондачка не раскусишь. Вон, ученые поймали в Чернобыле зайца с пятью ногами. А в чем причина?.. А?.. То-то! А ты говоришь — атомоход «Ленин».

По тому, как Егор, не переставая орудовать рубанком, вставлял в речь Лиходея свои неопределенные «Во-во...» или «Угу», чувствовалось, что ему решительно наплевать и на большой атомоход «Ленин» и уж тем более на диковинного зайца, пойманного учеными в Чернобыле.

— Слышь, Семен, — встрял другой голос, и по горловому свистящему хихиканью Аксинья узнала Митьку Лобова, соседа и однолетку Егора, — а может, это и не нога была вовсе? Они там хорошо глядели-то? Может, это самое что ни на есть заячье достоинство было?

— Тфу! — сплюнул Лиходей, недовольный тем, что его прервали. — Ты, Лобов, зря-то не балаболь, — сказал он наставительно, — у них там на это всякие микроскопы есть, чтобы разглядывать.

— Так я это все к чему... — не унимался тот, — а ежели туда Егора послать, в Чернобыль эту, отрастет, к примеру, у него заново нога, или заячий приросток только?

Егор бросил рубанок и, видимо, прикурив у Лиходея, (Аксинья услышала его негромкое «Дай-ка...») сказал:

— Ты бы мою ногу не цеплял, Митяй, я ее, небось, не с солдатками на печи отлежал.

И хотя, сказал он не в сердцах — равнодушно, Лобов, споткнувшись на начатом было «Дык я...», осекся.

Мужики замолчали.

«Курят» — догадалась Аксинья.

Было тихо и в избе, только мухи жужжали на солнце за занавесками.

Аксинья почувствовала какое-то неудобство: то ли холодом потянуло из окна, то ли табачный дым до нее донесся...

— Фима, — чуть слышно позвала она.

Никто не ответил.

И тут она вспомнила: Сестры! Она же недавно видела их... Да, всех троих. Ну, как же... разве не с Машей говорила она?.. Но именно то, что она разговаривала с Машей, и мешало ей поверить в реальность виденного.

«Нет, не успеет», — опять подумала она о средней сестре.

А за окном Лиходей снова завел разговор о Чернобыле.

— Я вам ответственно скажу, — говорил он, постукивая согнутым пальцем по перилам крыльца, — есть только одно средство от этой заразы...

— Во-во, — хмыкнул Егор, — только в такой, вон, посылке от нее и схоронишься. — И он ткнул молотком в доски.

— Не скажи, не скажи, — ликовал Лиходей от возникшего ощущения превосходства над собеседниками. И, начиная издалека, задал наводящий вопрос:

— Какое открытие сделали ученые аккурат после этой аварии? А?.. Ну-ка... ну-ка...

— Ты опять про зайца, что ль? — искренне не понял Лобов.

— Экий ты... — начал разочарованно Лиходей. Но, в этот момент Егор что-то буркнул не слышное из-за стука молотка, и они вдвоем засмеялись.

— Ну, будет, будет, — успокаивал смеющихся Лобов, распираемый любопытством. — Какое такое открытие-то, Семен?

— А такое, — посерьезнел Лиходей, и Аксинья представила, как он поднял вверх указательный палец, — что в один день с прилавков всю водку смели. Подчистую. Смекаешь?

— А-а-а, — протянул Лобов, но, прикинув и так и эдак, после паузы спросил:

— Ну?..

— А вот тебе и ну! — понесло Лиходея. — Народ, он, брат, му-удрый. Он из любой ситуации вывернется. Ему подсказки — чем от чего спасаться — не надо. Его хоть кувалдой по голове бей, он и тут найдет себе им-мунитет, — споткнулся Лиходей на последнем слове. — Вот так-то! А ты говоришь... Конечно, и Кремлю спасибо — разрешили водку шоферам выдавать, но ведь, опять же, не сразу.

— Неужто и шоферам давали? — не поверил Лобов. — Да ты не врешь, Сема?

Тот стукнул кулаком по перилам и ядовито так, в запале, спросил:

— А по двести грамм перед сменой, не желаешь? — и довольный произведенным эффектом, уже спокойно добавил: — В Киеве, конечно, на автобусы таблички вешали — «Извиняйте...» мол, «водитель сегодня выпимши». Ну, а то как же? Без этого нельзя.

Аксинья томилась их никчемным, хмельным разговором, слепо царапала темными ногтями одеяло. Ее едва теплившееся сознание лишь отрывочно улавливало в болтовне мужиков какой-то смысл, но по тому, что в тот или иной момент делал Егор, — пилил ли, строгал, или заколачивал гвозди, — она пыталась угадать: сколько еще осталось до завершения работы? Только это имело к ней отношение, было важным...

Что-то бесшумно лопнуло в голове Аксиньи... и когда, помигав, за окном снова зажегся солнечный свет, она услышала задержавшимся в темноте слухом только конец Фимкиной фразы, ворвавшийся в окно:

— ...вашу мать, здесь топчитесь?

— Охолонь, охолонь, — отвечал ей испуганный голос Лобова.

И, совершенно не ко времени, «Пустой мужик» Лиходей сказал:

— Поднесла бы лучше... а, Фим?

— Что? — взвилась та. — А с-под моей коровы на лопате не фочешь? Старуфа еще мается, а они «за упокой» норовят выпить. Погоди, придет время — нажретесь еще, обмылки.

Она протопала опорками по ступенькам крыльца и скоро уже раздраженно гремела чем-то в сенях. Но прежде чем Фимка вошла в избу, Аксинья услышала, как Лобов сказал:

— Задерживается бабка Окся, задерживается...

— Цыц! — прервал его Егор.

В избе, подтащив к кровати табуретку, Фимка присела рядом с Аксиньей.

— Ну как ты? — тихо спросила она.

— Холодно, Фима... Закрой... — почти одними глазами, лишь слегка помогая непослушным языком, сказала Аксинья.

Фимка встала и, убрав с подоконника стаканы, закрыла окно. Поправила занавеску. Опять подойдя к кровати, подмигнула старухе.

— Девкам твоим я баньку согрела. Намылись... — она провела ладонью по горлу, — досыть. Сейчас уж припожалуют... Ты чего грустишь, подруга... аль забыла, что сестры-то здесь?.. Все, трое.

Аксинья что-то промычала.

— Что? — наклонилась к ней Фимка.

— Счастье, какое... — почти ясно выговорила та. И повторила: «Счастье».

Глядя на соседку, долго готовила новые слова. И опять удалось — прошептала:

— Привыкла я к тебе, Фима.

А Фимка, сглотнув, поискала губами что-то в ответ, потом, прикрыв ладошкой щербатый рот, тонким голосом, каким пела недавно на кухне, сквозь пальцы сказала то, что было ясно только им, двоим:

— Эф ты, голова садовая... — и ушла за занавеску, где сморкалась и долго стучала соском рукомойника.

Аксинья же почувствовала усталость, и, прячась от беспокоившего ее сквозь занавески солнца, с трудом повернула голову к стене. Она хотела уже закрыть глаза, но висевший уже много лет у изголовья ее кровати красочный рисунок, вдруг по-новому ярко вспыхнул в закатных лучах и задержал задремывающее сознание.

Когда-то, пораженная странной фантазией художника, она выменяла этот расписанный сочными красками лист миллиметровой бумаги у ездивших по деревням старьевщиков и, наклеив его для прочности на кусок картона, сама прибила к стене большими драночными гвоздями.

Бывало, в дождливые бессонные ночи, когда налетный ветер, будто перебирая бруснику, бросал на крышу полные горсти тоскливой глухой дроби, старуха, затеплив керосиновую лампу, подолгу, с не проходившим за годы интересом, вглядывалась в изнемогающий под тяжестью диковинных плодов привольный сад, созданный чьим-то причудливым воображением.

Ах, как хотелось ей попасть туда! Стоило только пройти по хрустальному мостику, полукольцом перекинутому через неширокую речку, чтобы оказаться среди невиданных ярких цветов, где на изумрудной траве резвились стайки босоногих детей, паслись многоцветные коровы, а лохматые собаки лаяли на больших, невероятных расцветок бабочек.

В глубине сада, между колоннами заросших виноградом беседок мелькали влюбленные парочки.

Ближе к центру, на круглой поляне бил упругий фонтан, и из его каменной чаши пили голубую воду овцы, лошади, медведица с медвежатами и похожая на страуса огромная, ярко окрашенная птица.

В тени усыпанного фиолетовыми цветами кустарника дремал полосатый лев, и тонконогая, с большим выменем коза безмятежно щипала сочную траву едва ли не у самой его косматой морды.

А чуть дальше, у старых коряжистых ив, в стороне от уставленных всевозможными яствами столов водили хороводы, плясали в присядку и пели под гармоники и балалайки счастливые, беззаботные мужчины в светлых костюмах и женщины в белых платьях с кружевными зонтиками в руках.

И уж совсем далеко, дальше крутящихся каруселей и разноцветных балаганов, на зеленом холме, едва различимые из-за расстояния, стояли какие-то люди и, как казалось старухе, именно ей, Аксинье, призывно махали руками.

На огромной радуге, обнимавшей весь этот беспечальный мир, было красиво написано: «КАМУНИЗЬМ».

И опять стало уходить сознание, но не мгновенно, как в прошлый раз — в оглушающую потустороннюю темноту, а медленно, охватывая болью виски.

Фимка неслышно, на цыпочках вышла в сени, а в щель не успевшей закрыться двери протиснулся Лобов. «Зачем он здесь?» — подумала Аксинья. Не любила она Лобова. Ну просто терпеть не могла. Не любила за вечно пьяную красную морду, за хитрые щелки глаз, прятавшиеся за толстыми стеклами очков; не любила за то, что, оставшись после человеческой жатвы трех лет войны едва ли не единственным молодым парнем во всей деревне, не пропускал Митька Лобов ни одной юбки: тискал по проулкам девок, лип к солдаткам, стучал по ночам в окошко к не успевшим отплакаться вдовам. Однажды вскинулась и Аксинья на тихое поскребывание у двери. «Сережа!» — зашептала, обмирая, но, услышав свистящее хихиканье Лобова, схватилась за лежащий всегда под рукой топор: «Убью!»

И вот он стоял, протирая запотевшие с холода очки и, глядя на Аксинью близорукими глазами, улыбался.

— Чего тебе? — нетерпеливо спросила она.

— Ну, ну, охолонь, — сказал Лобов, опять пряча глаза за своими стекляшками. — Я к ней с радостью пришел, а она меня ножиком ширнуть хочет. А ведь с тебя причитается... Слышь, Аксинья?

— Что? С какой радостью... Митька? — боясь поверить в то, что пронеслось у нее в голове, первый раз назвала его по имени Аксинья. — Сережа?!

— Николай. В Москве в госпитале лежит. — И, испугавшись ее побледневшего лица, торопливо добавил:

— Да не мертвей ты. Жив он, коли в госпитале. Сегодня в сельсовет звонили, просили обеспечить...

Он еще что-то говорил о документах, якобы уже приготовленных для нее; о машине, ожидаемой из области, которая подбросит ее до станции; требовал угощения... — Аксинья почти не слышала. «Коленька ранен... Жив сынок» — вертелось у нее в голове. Она бегала по избе, хватала и вновь отбрасывала какие-то вещи, забыв о Лобове, полезла в ящик комода, где под бельем еще с «до войны» хранились у нее отложенные вот на такой случай деньги... и вдруг остановилась: «Что же это я?»

Она подошла к Лобову и, сильно тряхнув его за плечи, спросила:

— Куда его ранило? Ты мне все рассказал?

— Ну, я тебе не врач, — он оторвал от себя ее руки. — Сказали — жив, а там уж сама разбирайся. — И уходя, с ухмылкой добавил: — Должок не забудь.

Получив документы, Аксинья не стала ждать машину и пошла пешком, рассуждая: «До Толмачей семь километров, а там, если Бог даст, поймаю попутку». Но, когда с одного из взгорков уже открылась Толмачевская церковь, сзади заурчала «полуторка», и Аксинья остановилась, только сейчас осознав, как она устала.

— Ты чего же, мать, не дождалась-то? — крикнул ей, распахивая дверцу, совсем еще мальчишка-шофер. — Думала, что пешком быстрее?

Аксинья торопливо села в кабину, сказав только:

— К сыну я. В госпиталь.

— Да уж знаю, — он осторожно тронул машину, — рассказали.

У сельской конторы шофер затормозил.

— У меня тут дел часа на полтора, — предупредил он. — Ты уж не дергайся, сиди.

Но Аксинья не могла ждать. Она металась по дороге у выезда из села, изредка подбегала к чайной, где останавливались редкие машины, заглядывая в лица, спрашивала водителей. Но попутки не было. Окончательно замерзнув на холодном ветру, боясь, что мальчишка шофер вообще не поедет сегодня на станцию, и, ругая себя за то, что не осталась ждать в кабине, пока он улаживал какие-то свои дела, она, наконец, с облегчением увидела его грузовичок, сигналящий издалека фарами.

Всю дорогу до станции, согревшись в теплой кабине, Аксинья дремала. Шофер подвез ее прямо к маленькому деревянному сарайчику, где размещалась касса разбомбленной станции и, когда она протянула ему деньги, совсем по-взрослому сказал:

— Ты что, мать?.. А если бы я в госпитале лежал?.. — И, хлопнув дверцей, уехал.

С поездом ей повезло. Еще не совсем стемнело, когда она, найдя местечко на краешке нижней полки переполненного вагона, еще не веря в свою удачу, смотрела, как уплывают за окном нечастые огоньки пристанционных построек. «Только бы Наталья была дома, — в сотый раз думала она, нащупывая в кармане бумажку с адресом госпиталя, — только бы никуда не ушла».

В пятом часу утра старенький паровоз с небольшим по тем временам опозданием, уверенно найдя отведенную ему на подъездных путях ветку, остановился у столичного перрона.

— Москва! — крикнула в духоту вагона заспанная проводница.

На вокзале, с трудом найдя исправный телефон, Аксинья позвонила сестре. Наталья, к счастью, оказалась дома.

— Жди меня у входа, — обрадовано кричала она в трубку. — Сейчас прибегу. Я ведь здесь, рядом живу.

И действительно, не прошло и получаса, как Аксинья увидела спешащую к ней сестру. После радостных объятий и поцелуев (шутка ли —

с начала войны не виделись), после торопливого рассказа Аксиньи о Николае, Наталья взяла ее узелок.

— Пойдем. Ты, наверно, измучилась в дороге? Я тебя хорошим обедом накормлю.

Но Аксинья потянула узелок к себе.

— Нет. Я к сыну, в госпиталь.

Наталья, посмотрела на сестру и не стала ее уговаривать. Прочитав адрес госпиталя, сказала:

— Ладно, здесь недалеко. Вот трамваи только еще не ходят.

Побродив какое-то время по гулкому, никогда не засыпающему вокзалу, они вышли на площадь и, сев в первый утренний трамвай, поехали в Сокольники, в госпиталь.

Какая-то женщина, встретившаяся им на пустынных аллеях больничного парка, показала здание главного корпуса, в котором, как пояснила она, дают справки о раненых.

Двери долго не открывали. Наконец, на их стук вышел маленький заспанный дедок в белом грязном халате, надетом на телогрейку.

— Вы бы еще затемно пришли, — сказал он сердито, выслушав сестер. — Раньше восьми и не стучите. Мне до времени не велено пускать. — И опять закрыл дверь.

Они ходили между госпитальными корпусами, поглядывая на пустые, еще спящие окна, и Аксинья неожиданно заплакала. На встревоженный взгляд сестры, улыбаясь сквозь слезы, сказала то, что постоянно билось у нее в висках от самого дома: — Коленька мой жив.

Когда стрелки часов над входом главного корпуса приблизились к восьми, они вошли в открытые уже двери здания. Знакомый старичок, взглянув на большие карманные часы, которые он многозначительно достал из ватных штанов, кивнул им на стоящий у окна диванчик.

— Сидите здесь. Рано еще.

Госпиталь просыпался. Где-то наверху часто хлопала металлическая дверь, и громко гудел лифт. Пахло лекарствами и едой.

С улицы вошел еще один старик, одетый так же, как и первый, но в большом клеенчатом фартуке поверх халата. «Дворник» — догадалась Аксинья. Оглянувшись по сторонам, и кивнув дедку, он вышел в тамбур между дверями и стал слюнявить «козью ножку».

Между тем, лифт загудел громче, сквозь дверные глазки мелькнул свет кабины, и она остановилась на первом этаже. Стукнули внутренние решетки, и тяжелые двери открылись. Молоденькая сестричка выкатила из лифта брезентовую каталку. Ей неловко помогал стриженый наголо, со следами ожогов на голове однорукий паренек в синей больничной пижаме.

— Михалыч не приходил? — спросила сестричка деда.

Тот молча кивнул на стеклянные двери, за которыми курил старик в клеенчатом фартуке и, взглянув на каталку, перекрестился.

Аксинья больно схватила сестру за руку. Только сейчас она сумела разглядеть накрытое простыней мертвое тело.

А сестричка обратилась к своему однорукому помощнику:

— Ты иди, Вань, иди, а то завтрак пропустишь.

— Наплевать, — сказал Ваня.

Он стоял, держась за ручку каталки и, закусив губу, смотрел на расплывчатые под простыней очертания тела. Чувствовалось, что тот, кого через минуту увезет куда-то принятый Аксиньей за дворника старик в клеенчатом фартуке, был человеком далеко однорукому не чужим, — может быть, другом, а может быть, чем-то бóльшим, — тем, что уже не охватывает понятие дружбы и кем становятся чаще всего только на войне.

И когда, хлопнув дверью, откашливаясь, вошел Михалыч и, взяв из рук сестрички папку с бумагами, начал ее перелистывать, Ваня вдруг скривил пухлые мальчишеские губы и, уже не сдерживаясь, сдавленным голосом сказал:

— Э-э-х! Так и не дождался он матери.

Словно во сне, легко вырвав из рук пытавшейся ее остановить Натальи полу своего пальтишка, Аксинья, не видя устремленных на нее округлившихся глаз Вани, в несколько шагов пересекла вестибюль и, почувствовав, как напряглись под платком корни ее волос, откинула простыню...

На каталке, покрытый маской ожоговых струпьев, лежал ее сын.

Сразу же после похорон, едва вернувшись с кладбища, Аксинья стала собираться домой.

— Да поживи ты хоть неделю, — пыталась остановить ее Наталья. — Не доедешь ведь.

— Замолчи! — сорвалась на нее Аксинья. — А если Сережа придет домой?! Придет, — а мать где? В Москве гуляет?

На вокзале она обняла сестру и расплакалась, но уже не истерично, а по-доброму, как бы прося прощения. Заплакала и Наталья. Так они и стояли, обливаясь слезами до самого отхода поезда под равнодушными взглядами других пассажиров.

Через сутки, а именно столько шел поезд до ее станции вместо довоенных шести часов, Аксинья сидела на лавочке около установленного в пристанционном палисаднике грубо сколоченного деревянного креста.

— Вот, Васенька, — говорила она, обращаясь к одному из тех, кто лежал под этим крестом в еще не просевшей, мерзлой земле, — один Сереженька где-то стежку топчет. Один из четверых остался. Вишь, Коля-то, ждал свою мамку, ждал, а она, дура, и не поспела.

Аксинья подняла голову к высоким, плывшим по весеннему небу облакам:

— Не ропщу я, Господи, не ропщу! Сохрани мне Сережу! — и вдруг поняла, что не слышит собственного голоса...

С удивлением она оглянулась. На дальних подъездных путях, беззвучно обдавая себя паром и не двигаясь с места, быстро-быстро крутил колесами маневровый паровозик — будто игривый щенок сучил во сне лапами. А за Аксиньиной спиной два солдата, закинув за спину автоматы и азартно шепча что-то друг другу, играли на железной бочке в карты. И только сейчас она заметила, что какие-то люди в незнакомой истрепанной форме разбирают станционные развалины. Немцы — поняла Аксинья. Но поняла это равнодушно, не испытывая к этим жалким фигурам ненависти.

Вспомнив, что не ела больше суток, она нащупала в собранной для нее Натальей котомке краюху хлеба и, отломив кусок, стала есть. И в этот момент ее оглушил воробьиный писк. Сотня голодных птиц окружала Аксинью, неистово щебеча после минутного безмолвия и на лету подхватывая сыпавшиеся из ее рук крошки.

— Фрау, клеб, битте, — услышала она за спиной.

Веснушчатый светловолосый парень в рваной чужой форме стоял в нескольких шагах от нее, не решаясь подойти ближе.

— Клеб, — опять повторил он. — Гитлер капут.

Глаза его были с нездоровой поволокой, а беззубый рот растягивала страдальческая, угодливая улыбка.

Аксинья, забыв о хлебе, смотрела и смотрела на этого больного немецкого мальчишку, все больше проникаясь к нему чувством жалости. А тот, движимый только одним сводившим скулы желанием получить из рук этой седой фрау кусок хлеба, стал неловко притоптывать ногами, иногда чуть приседая с гримасой боли на полусогнутых, видимо, больных коленках, и, как заведенный, то выбрасывал в стороны руки, то опять упирал их в бока.

И когда Аксинья поняла, что этот солдатик пляшет или пытается по-русски плясать, выпрашивая у нее кусок хлеба, и хотела протянуть его немцу, послышался голос одного из охранников:

— Эй, Ганс, назад! Убью, сука!

Мальчишка сжался в комок и, испуганно прижав к груди уже раскрытую ладонь, шарахнулся к своим. А тот, что окрикнул его, опять закидывая за спину автомат, сказал Аксинье:

— Иди, иди, бабка. Небось, своих на войну не отдавала, коли этих гадов кормишь.

Потом она оказалась в каком-то напоминающем станционный буфет помещении, где звенели стаканы и хлопала входная дверь. И вдруг над ухом у нее кто-то крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» Аксинья хотела посмотреть, кто это крикнул, но проходивший мимо паровоз

наполнил комнату паром, и она только услышала, как голос, очень похожий на голос сестры Марии, ответил: «Ты бы сам не хворал, Ленчик».

Но вот пар немного рассеялся, и Аксинья действительно увидела стоявшую за буфетной стойкой сестру. Боясь поверить в это, она не окликала ее, наблюдая издалека за Машей, мывшей чайные стаканы. Когда вытертая насухо посуда была убрана в точно такой же, как и у Аксиньи дома, посудный шкафчик, Мария, взяв из сахарницы горсть конфет, отдала их тому, кто только что кричал про товарища Сталина и теперь тяжело сопел около входной двери.

— На-ка, — сказала она, — поешь... Ну, иди, иди с Богом.

Стукнула дверь, и вскоре у крыльца кто-то запел голосом старого деревенского дурачка Ленчика: «Броня крепка и танки наши быстры...»

— Маша, — тихонько позвала Аксинья.

Та повернулась. Не удивляясь, быстро подошла к сестре.

— Маша, — опять повторила старуха, — ты как тут?

— Да вот, видно, Бог нашептал, что встретиться надо, — взяла ее за руку Мария.

— Бог, Бог! — обрадовалась Аксинья. — Я ведь в Киев на богомолье иду.

Мария долгим взглядом посмотрела на сестру. Потом, прикрыв веки, сказала:

— Ну и ладно... ну и хорошо, — и, не открывая глаз, отвернулась. А, отойдя от кровати, толкнула оконную раму.

— Ленчик, — крикнула она на улицу, — дойди, мил человек, до церкви, скажи нашим, чтоб домой шли! И вот еще... зайди к Гусарихе... Ну да, к бабке Насте. Пусть тоже к нам идет.

В тот вечер в доме Аксиньи электричества не зажигали — сидели за столом при вздрагивающем свете нескольких свечей, потрескивающих на маленькой полочке под божницей, да за кухонной занавеской едва теплился огонек керосиновой лампы.

У самовара, на хозяйском месте сидела Наталья. Напротив — Мария и притулившаяся на самом уголке стола Паша. На лавке у плотно занавешенных окон расположились Фимка и давняя подруга Аксиньи древняя старуха Гусариха. На один глаз, заплывший бельмом, Гусариха была слепа, второй же едва различал очертания предметов только благодаря толстым линзам очков.

Когда уже в третий раз засыпали заварку, пришла задержавшаяся по хозяйству Лизавета и вместе с ней в открытую дверь проник из сеней густой запах свежеструганных досок.

Перекрестившись, Лиза постояла над лежавшей в забытьи Аксиньей и, вытирая концами платка завлажневшие глаза, села на загодя приготовленный табурет — ее ждали.

Разговор вели в полголоса, стараясь не сбиваться на карельскую речь, чтобы было понятно Фимке. Надолго задумываясь, замолкали.

На столе стояли вскрытые банки рыбных и мясных консервов, а на фанерке, исчерченной лезвием ножа, лежал нарезанный батон белого хлеба, или, как здесь говорили, — булки.

Никто почти ни чего не ел, и только Гусариха, роняя по столу кусочки колбасного фарша и рыбы, капая томатным соусом, цепляла по очереди из всех банок алюминиевой вилкой и, хотя часто ничего не доносила до рта, все жевала и жевала беззубыми деснами.

На крыльце вдруг начала скулить, иногда взлаивая и царапая дверь, Гусарихина собака. Старуха, отдернув занавеску, ткнулась лбом в черное, запотевшее стекло.

— Пошла прочь, Буза! Геть, геть! — И, повернувшись опять к столу, ворчливо добавила: — Ишь, хер какая.

Опять надолго замолчали, и в наступившей тишине чуть слышно простонала Аксинья.

— Нынче письмо от Анжелки получила, — сказала Гусариха, переливая в блюдечко дымящийся чай. — Опять замуж побегла.

— Эва! — удивилась Лизавета, хорошо знавшая старухину племянницу. — Это ж в который раз?

— Третий будто... А там, кто ее знает, — опять наливая из стакана, равнодушно ответила та. — Ей уж, дуре сорок, небось.

Паша тоже была в курсе семейных дел старухи и поэтому спросила:

— Нынешний-то — не пьет?

— Ни-ни, — старуха поправила на затылке веревочку, удерживающую очки, — Анжелка пишет, сурьезный он, представительный, а сам будто швейцар.

— Старый? — ахнула Лизавета, вспомнив однажды виденного у привокзального ресторана бородатого старика в обшитом галунами костюме. — Может, он ее за квартиру взял, с детьми-то?

— Да будет тебе, Лизка, — вмешалась Мария, — они и молодыми бывают. Работа не пыльная... Чаевые, опять же...

— Не, не за квартиру, — не слушая, продолжала Гусариха, — он ее к себе, будто, в Швейцарию ихную везет.

Фимка вдруг дернулась под столом ногами.

— И-и, ворона! Гляди, какую лужу налила, — заворчала она на старуху и, сняв передник, стала промокать им пролитый Гусарихой чай. — Ишь, сидит, поласкается! А я думаю, чтой-то мне коленки жгет?

— Стало быть, не будет теперь приезжать Анжелка? — спросила Лизавета.

Старуха пожевала губами и, пододвинув пустой стакан к Наталье, ответила:

— Нет уж, куды ей теперь.

Она нащупала на столе осколок сахара и, положив его в рот, зашепелявила:

— Давеча Лиходей рассказывал, будто есть в городу дом под железной да с казенными дровами, куды старух оформляют. И ежели туда оформисся, то будет тебе питания каждый день, селедка по праздникам. А как вечер, рубель на гостинцы дают. Что, правда? Али врет Лиходей?

— Нет, не врет, — ответила за всех Фимка, взяв у Натальи налитый для Гусарихи стакан, — есть такой. «Публичный дом» называется. Только тебя туда не возьмут, и не надейся.

— Штой-то? — обиженно повернулась к ней видящим глазом старуха.

Фимка сначала налила ей в блюдце и только после этого ответила:

— По зрению не пройдешь. Там на слепых спросу нет.

Смешливая Лизавета прыснула в ладошку. Даже Наталья засмеялась глазами.

— Парасковья, — вдруг послышался отчетливый голос Аксиньи, — подойди-ка.

Паша суетливо метнулась к кровати:

— Что, сестра, что?

За столом затихли.

— Ты самогон отливала? — строго спросила Аксинья.

Паша прижала к груди руки:

— Да разве ж можно? И не думай. Что ты, сестра...

— Дыхни, — приказала та. И после того, как Паша растерянно подула ей в лицо, Аксинья, закрывая глаза, с трудом выговорила: — Ну ладно, иди уж.

После этого долго сидели молча. Потрескивали свечи. Где-то далеко урчала машина.

И вновь толкнулась в дверь собака. Царапнула дверную скобу.

— Ах, Сережа!.. — выдохнула Аксинья... и затихла.

Сильнее затрещали свечи, запрыгав бликами по темным лицам.

— Ну вот и встренулись, — наконец сказала Гусариха, ища рукой приготовленную для зеркала накидку.

Остальные подошли к кровати. Сестры плакали.

— Вот и ушла ты, баба Окся, — сказала Лиза, глядя в сухенькое, морщинистое лицо покойной. — Где ты теперь?

А Ксюша в это время шла по хрустальному мосту, стуча каблучками ботиночек с высокой шнуровкой, а рядом, крепко держа ее за руку, семенил белобрысый мальчишка, норовя забежать вперед и задирая голову, чтобы заглянуть ей в лицо.

И бубенцы, бубенцы звенели...

СКАНДИНАВСКИЙ ТРИПТИХ

Шведский вальс

for Michael Holm & Geort Staal

Никогда у меня еще не было так, чтобы деньги водились.
Чтобы шведские спички мне были доступны вполне.
Чтоб с ладони моей чередою веселой кормились
вместе чайки и рыбы на легкой и шустрой волне.

Чтобы сам я, какой ни на есть, но богатый и смелый,
подойдя к кораблям, что стоят у причалов речных,
в берег правый влюбился бы и целовал берег левый
и не знал бы, не знал бы, не знал бы укоров ничьих.

Ни укоров не знал бы, ни мести, ни зависти темной.
И в подругах держал бы лишь тени деревьев ночных.
А в друзьях — сами знаете, я был всегда неуемный —
как в ладонях, держал бы, держал бы любимых своих.

Раздавал бы им сладости, джинсы дарил бы и куртки,
на которых рисунок по-зимнему ярок и чист.
Свитера бы дарил им для лыжной и пешей прогулки.
Да и около них был бы сам и красив и плечист.

И кружился бы в вальсе, кружился бы в снежном потоке
и по-шведски, по-шведски, по-детски бы им подражал.
Разделил бы с любимыми все их любые восторги.
И из Швеции бы никогда никуда не бежал.

Но Россия мерещится мне по утрам в этом вихре
снеговом и похожем на город, в котором живу,
и в котором когда-то мои восклицанья возникли,
по которым теперь я, теперь я, теперь я тужу.

Геннадий ТРИФОНОВ — родился в 1945 году в Ленинграде. Окончил русское отделение филологического факультета ЛГУ. Автор двух поэтических сборников, изданных в США, и двух романов, вышедших в Швеции, Англии и Финляндии, а также ряда статей по проблемам русской литературы. Печатался в журналах «Время и мы», «Аврора», «Нева», «Вопросы литературы», «Континент». Живет в Петербурге.

Как тоскую я, Господи! Как я ужасно тоскую!
Как ревную я русскую речь к скандинавской! Скажи
пару слов мне по-русски. Пошли меня. Я поцелую
тот глагол. Только с этим, прошу, не спеши, не спеши, не спеши.

Лебеди у королевского дворца

Памяти Иосифа Бродского

А этих лебедей в ледовой полынье,
заплывших жиром от обильной пищи,
еще не видел я, чтобы оне
искали клювами, как им подплыть ко мне,
пока им медленно мои ладони ищут
кусочек повкусней, что в сумке на ремне,
на самом дне ее лежит... Оне вполне
довольны, кажется, движением руки
в их сторону и громко бла́годарны
толпе гуляющих, течению реки,
случайной лодочке и череде фонарной.

Изгибами их шеи я горжусь,
тщусь им понравиться, закутавшись в туманы.
Гуляя здесь, я только тороплюсь
не пропустить, как им небесной манны
насыпет сам Господь на пирс речной, когда
оне потянутся к Нему, туристов круг раздвинув.
Тогда вдруг вспенится под ними вся вода,
дворцовые громады опрокинув.

Тогда Стокгольмский вальс услышу я сперва...
Затем услышу я, припав дыханьем к ветру,
уже произнесенные слова
о Швеции, где мягкая трава
бывает более, чем где-либо, заметна,
когда вы в Швеции. Когда вы здесь. Когда
вы здешних лебедей с руки кормить готовы,
вам кажется, что шведская вода
прозрачней вод других, теплее на пол-слова,
нежнее на один внезапный звук, полней
на целое, представьте, междометье...
Когда вы смотрите на этих лебедей,
вы дальше видите на целое столетье.
Вы — это видел я! — не сделав двух шагов,
дух не переведя, вдруг станете крылаты.

Вот так и я теперь в любви почти готов
стать потерпевшим или виноватым —
мне это все равно, пока я здесь стою —
у этой кромки льда, на этой льдинке хрупкой.
Я небо за любовь благодарю
и этих лебедей с их белой-белой грудкой.

Зима в Скандинавии

For Nils Mattsson and Jan Pettersson
from Huddinge (Stockholm)

Зима в Скандинавии слишком слаба.
Снег под ноги падать еще не обучен.
И шведские — слышишь! — ложатся слова
не на землю, нет, а на скудные тучи.

Стокгольм, как ребенок, не может заснуть,
когда от рекламных щитов возникают
веселые блики. И ветер подуть
не может как следует или не знает,
как всё это сделать, на парус ложась
и к яхте, и к яхте плечом прижимаясь.
Но этим подчеркнута с облаком связь —
и облако дышит, дрожа и терзаясь.

И дышит вода возле каменных глыб,
напавших на берег, как волки на стадо,
на эти мосты, под мостами — на рыб,
на камни под рыбами... Впрочем, не надо
все видеть в воде по колено. Смотри!
Там с левого берега, с края сухого
полощется дерево, или почти
полощется, веткою машучи... Слова
еще не придумано, чтобы сказать,
за что я люблю этот воздух в тумане,
за что я люблю эту водную гладь
и мой карандаш, и простую тетрадь,
и каплю воды в серебристом стакане.

И детский каток возле старых столбов.
И музыку, музыку, музыку в сквере.
И кофе горячий. И сэндвич в портфеле.
И птичку на ветке озябшей сирени,
с которой я тоже сорваться готов.

И в небо над городом этим вспорхнуть.
И крылышком слабым поддерживать небо.
И в небе, как водится, тихо всплакнуть.
И выбрать за облаком собственный путь,
смещаясь под ветром то вправо, то влево.

Летать над просторами дивной страны,
снегами еще не успевшей покрыться.
Огни пересчитывать с той стороны,
с которой я мог бы кому-то присниться.

Кому-то напомнить слегка о себе,
о русском глаголе крылатом, как фраза.
О нашей протяжной, как песня, зиме.
О нашей, возможно, не лучшей земле,
которая нас не любила ни разу.

А что Скандинавия? Боже ты мой!
Я медлю проститься, прося напоследок
простить мне последний визит затяжной,
мое любопытство к тому, что зимой
не холодно здесь и не надо таблеток
глотать и от боли страдать головной.
Не надо терзать свое зренье во мгле,
бояться полиции или прохожих,
стесняться богатства и бедность вполне
принять, как подарок. Доверить волне
морской всё, чем день был наполнен и прожит.

Всё это, всё это... Всё это и то.
И то, что еще не бывало ни разу.
Что будет, быть может, пока я пальто
несу на печах, как прощальную фразу.

Пока я в уютной гостиной стою,
перчатки пока в уголке примеряю,
всё может случиться, я знаю, я знаю,
пока я обратный билет проверяю
и паспорт в каком-то кармане ищу...

Но надо прощаться. Спешить отвезти
себя, свой багаж, свою душу обратно.
Но, бедная, как бы трепещет в горсти
и просит: «Прости меня, милый, прости.
Как хочешь. Как хочешь. Но т а м мне прохладно».

АХ, МИТЯ, МИТЯ...

рассказ

«Вот моя деревня...»
И.Суриков

Танька жила на собственной планетке, не тужила. Внешний мир входил в ее дом телевизором, будто выдуманный. И смотрела в него, цепенея, — где «Терминатор», где Новости — все смешалось в одну костоломку. У соседней планеты, по всему, случилось повреждение разума. Накануне показали четыре головы, привезенные с Кавказа, у голов — глаза с поволокою. Танька всю ночь потом вздрагивала и, проснувшись внезапно, смотрела испуганно в тьму, слушала храп Эдуарда, похожий на хрюканье. И так — до утра. Встала разбитая и долго в себя приходила, топталась, бесцельная, по двору.

В Танькином мирке — тишина и морозец. Был сентябрь, до вчерашнего дня — опрятный, зеленый и тучный. Но прошедшей ночью грянули первые заморозки. И теперь все растения, еще сочные, будто живые и сытые, надели поверх зелени искристое белое. В огороде кусты помидоров — хрустально-фарфоровые. Великолепие — до восхода. А потом обтечет и скукожится, в нос дохнет осеннею прелью и сыростью.

Вышла Танька на луг и протяжно томно зевнула, словно желая глотнуть нараставшую шапочку солнца. А потом целый час возилась с хозяйством — доила, поила, кормила. И вот погнала всю скотину на волю:

— Аза! Надька! Борька! Майка! — И кому-то — пинка, кому-то — корочку хлебную. — Здесь, стервы, паситесь, чтоб видно вас было.

По меркам деревни Танька считалась богачкой — пятнадцать коз и четыре барана. «А кто ж богатеть запрещает, — рассуждала она, — плодится скотинка, не аборты ж ей делать?...» Но завидущие бабы-соседки все же приклеили к ней поганую кличку: Чумазая. Правда, за дело.

Что же Танька? Плевала на неграмотных баб. Сама-то она, хлебнула в свое время городской атмосферы, наизусть знала Есенина с Блоком и когда-то даже получала по почте пару толстых журналов. Да, было, было... Танька остановилась, задумалась, глядя на зады удалившихся коз и баранов.

Александр КУЗНЕЦОВ — родился в 1963 г. в Туле. Окончил факультет журналистики МГУ. Работает в редакции газеты «Тульские известия». Автор нескольких повестей и рассказов, печатавшихся в «Октябре», «Знамени», «Континенте» и других журналах. Живет в Туле.

Но встрепенулась, развернулась уйти... как заметила: кто-то городской внизу, мимо прудика-блюдечка полушпагатами мерил серую тропочку. Вгляделась, прищурилась...

— Ба! Это же Митька... Митенька! — Затрусила было навстречу, да чуть не растеряла галоши без задников. Ноги ожгло хрустким инеем. Замерла. Потопталась, уминая галошами остатки своей скукотищи. И вновь заорала:

— Митька, что ж ты не ехал так долго? Щас барана зарежем!.. — И ее ничуть не смущало, что измаранные навозом портки на ней имели прореху по внутренней стороне — от колена до паха. Животные настороженно замерли при крике хозяйки, словно до их полушарий достигло: «Щас барана зарежем...»

У Мити, брата Татьяны, на тонком лице под выдающимся носом — улыбка, на носу давно уж немодные очки в тончайшей оправе.

Все подчеркнуто тонко: от живота и очков до портфеля в руке.

Порывисто чмокнулись.

— Что ж ты не ехал так долго?

— Работа, работа... Экологию блюдем. Все лето в Волово, в Ефремове — Красивая Меча, Непрядва, куча речушек... Анализы, пробы... По выходным на базаре. Всё торгую — колготки, курево...

Но Танька уже и не слышала, пятидесятилетняя баба, как девочка, скакала вприпрыжку:

— Щас барана зарежем! Эх-ма. А потом уголек потаскаем.

— Уголек привезли?

— Ой, Митя, только грузи, — заговорщицким тоном. Махнула рукой и прибавила шагу. — И Васька приехал. Три дня уже здесь. У себя на участке копает...

В доме Татьяны пол был прямым продолженьем двора, загаженный козами, курами, утками. Дощатый настил в доме существовал когда-то, но с годами поверху наросла толща почвы, и под черной замызганной мойкой оживали упавшие злаки — желтые нежные стебли тянулись обмануто кверху. Пахло заброшенным плесневым погребом.

За чудовищной печью налево шевелилось, потело, парило. Было там обиталище матери. А дальше во второй половине, под окном на столе — швейная машина с пощипанной куцей овчиной. Будто хозяйка отошла на минуту, оставив работу. Но чей-то заказ был заправлен в машинку еще давней зимой и остался обрастать наслоениями Танькиной жизни на все полугодие. За столом сидел облепленный поздними мухами Эдик, такой же костистый, как и супруга, с прокуренным черным обличьем. На обтянутом черепе — белесые обвисло-длинные брови и богатые баки — остатки далекой теперь уж мифической жизни.

— Ну что же, не ждали? — весело выкрикнул Митя.

Эдик хлопнул глазами. Вот уж семь лет, как сгорела крыша на их стареньком доме, чудом каким-то сам дом уцелел. Хозяин замыслил возвести кругом новые стены, расшириться, а старый домишко внутри разобрать на кирпич. За прошедшие годы шлакоблочные стены снаружи почти подтянулись под крышу, но потом что-то в Эдике кончилось, рухнуло. И теперь, присмотревшись к нему, Митя невольно подумал: «Не успеет достроить».

Эдик наконец-то узнал, улыбнулся, потянулся навстречу. Но слева в запечной каморке ворчливо и громко спросило:

— Митя... ты... что ли прие... хал? — Голос у матери раньше — в прошлую эру — был глубоким, грудным. Но теперь в горле что-то зало. Слова распадались, лопались. Говорила она то замедляясь и тихо, то метала в пространство громогласные звуки: — Митя, а... какие твои... дела? — И все эти слова выскакивали, ударялись о стены прыгали, падали...

Митя шагнул в сырые потемки, во мраке увидел силуэт на кровати, сидящий горбато и низко.

— Здравствуй, мама. — Облапил жесткие старые плечи, с содроганием чувствуя запах прокисшей мочи.

— Митя, — она вдруг понизила голос и вкрадчиво стала скрипеть: — Я вот что... хотела... спросить. — С надеждой вперед подалась. — Ты не знаешь... почем нынче... доллар?

Митя с испугу отпрянул.

— Что ты, мама, не знаю...

— Ты опять за свое? — сзади подступила Татьяна. — Не видать тебе денег. — И Митю потянула наружу.

Эдик приблизился с рукопожатием, улыбка — старый штакетник, а сзади все говорила Татьяна:

— Воображаешь, удумала. Летом Люська была, так мать ей все свои сбережения отдала — поменять на доллары. Не видать, не видать! — повторила злорадно в сторону печки. — Люська твою мелочевку давно уж пристроила.

Люська, самая старшая дочка, была в детстве любимицей матери. Люська давно проживала в Мытищах. Бухгалтер высокого класса, наживала копейку в каком-то «АО» иль «АУ»... Когда-то Танька, пока не иссяк ее самый веселый и сытый период — дальневосточный, вербованный, ссужала Люське в безвозвратные долги и триста , и пятьсот, и тысячу — весомыми, старыми.

— Отчего ж не видать? — ворчала старуха, но спорить громко боялась, потому что все-таки знала, что, увы, «не видать». Кряхтя, завозилась, поднялась и, елозя рукой по стене, показалась, согнутая надвое, Митя поспешил к ней на помощь. Хватко вцепилась в рукав. Постояла, глядя на пол, отдуваясь. Потом позвала:

— Танька... поди подвяжи... опять нутро мое выпало. — И мосластое крупное лицо — к Мите. — А ты... чего нос... воротишь? Вас... вот рожала... И выпадает поэтому.

Танька огрызнулась:

— Рожала. В тюрьму сесть боялась, вот и рожала.

В семье все знали, что обязаны своим появлением на свет товарищу Сталину, запретившему в давнем, дремучем тридцать шестом (год рождения старшего отпрыска бабушки Поли) в известном случае обращаться к хирургу. В пятьдесят пятом (только-только младшая доченька Лера омочила первый подгузник) другой именитый товарищ запрет отменил. Лера — последняя. И в этот отрезок из девятнадцати лет уместилось десять детишек. Троих уже нет.

Средняя Танька лет пятнадцать как вернулась на родину своих плодовитых родителей, навсегда поселилась в деревне. Следом тянулись другие. Настроили домиков в километре — в новом маленьком дачном поселке.

Митя с портфелем к столу. При степенном молчании Эдика тылом ладони смахнул с грязной клеенки на пол шелуху. Из портфеля на стол — бутылку прозрачной жидкости. Очарованный Эдик, сухой и надломленный, рядом — выпрямлялся, наливаясь веселостью. Баки и брови топорщились.

— Ну и как оно, Митя? — вопрошал он, степенно двигая стулом.

— Да ничего, помаленьку. Колька в пятый пошел.

— Ага, значит учится?

Эдик примостился на стуле, махру заворачивал. Пальцы — что палки. Сопел и пыхтел недовольно. Да, пальцы — не те... А когда-то — какие фрегаты, каравеллы, миноносцы, линкоры — модели — вот этими пальцами!.. Да что там. Ходила легенда, теперь уж, конечно, легенда, что один из эсминцев (мог управляться по радио) был вручен английской принцессе во время визита. Или не принцессе, а кому-то еще, но английской. Теперь же на память в деревенском недоведенном домишке, на полочке, в плексигласовом ящичке один катерок — один из всего разбомбленного флота.

Цигарка свернулась, закурил, успокоился малость, взял бутылку, повертел с любопытством, поставил на место. От пальцев на чистых стеклянных боках обозначились еле заметные блямбочки.

— Во! Хоть в криминалку сдавай...

Сизо-зеленый ядовитый дымище расползался по комнате. Митя еле дышал, привыкая. А Танька уже хлопотала: грибочки, капуста, огурчики. И, конечно, картошка — варилась, бурлила — кухонный гейзер. Электрическая плита — самодельный электрический монстр — от левого скрытого провода посылала в картошку два киловатта энергии. Спираль — пасть дракона.

Наконец все уселись. Танька плечом налегла на машинку, на недошитый тулупчик, — удобно. Разлили и выпили, и чуть-чуть закусили. И даже мамаша, баба Поля, выпила стопочку с чмоками, всхлипами. Глаза раскраснелись. Платок ее сполз, обнажая слоистый слежавшийся пепел. Стала налаживать непослушной мосластой рукой. Танька задумчиво молвила, глядя в дебри стола:

— А ведь редко так собираемся вместе. Сонька в Сибири, Юрка носа не кажет... А все вместе, не помню, не помню, когда...

Танька и сама помоталась по свету. У матушки Поли она была в нелюбимицах. А в шестнадцать, на беду, у Татьяны появился внезапный животик. Строгая мать и слушать ее не желала. Гулящую девку прогнала вместе с приплодом — лупоглазенькой Зинкой. Когда Зинка выросла в прожженную бабу, то простила все прегрешения и мамаше, и бабке. А тогда девочка-мама и девочка-дочка ютились с полгода в городе на Московском вокзале. И зарабатывала Танька тем, что отдавалась проезжим желающим дядькам за три рубля в старой теплушке, загнанной в дальний тупик. И однажды перебравший клиент платить отказался, а воткнул вредной вокзальной девчонке в живот — к счастью, коротенький — нож. Танька тогда добрела до вокзала и навзничь легла на перроне. И долго так неподвижно взирала на звезды и на фонарь, которые заливал легкий дождь вперемешку со слезами.

После больницы, сдав Зинку в детдом, она завербовалась на север и много скиталась, переезжая из тундры к Байкалу, а потом: Енисей, Курилы и Лена. Вернулась, разведенная дважды, да с тугим кошельком. Но так как она не смогла истребить из души бесшабашную суть верботы, то и деньги спустила в один скоротечный кабацкий годок (где-то тут они и сошлись с Эдуардом). Теперь баба Поля жила у Танюши, и никто не тревожил былого.

Дверь приоткрылась, и просунулся лучезарный, смеющийся лик. Человек еще весь был снаружи, а растянутый рот уже вывел — протяжно и громко, как агукаются с крошками-детками:

— Чья же задница к нам пожаловала?..

— Васька!

— Ну здравствуй, братишка...

Вслед за улыбкой в помещение вдвинулся, растопырив ручищи, брат Василий — невысокий, широкий, как будто нарочно созданный для копания огородов и таскания бревен.

— А мы оставили, оставили, а как же, — прошамкал Эдуард с углового местечка. Привстал, постоял полусогнуто, держа наготове налитую стопку, и уселся обратно.

— Вася, щас барана зарежем.

Пошумели немного и опять на минуту — затишье. Вася выпил и, не садясь, поел, протягивая через голову бабы Поли длинную руку с лож-

кой, черпая из кастрюли картошку, и бубнил набитым ртом — все про тот же излюбленный овощ:

— Просушил... пересыпал известкой и — в погреб. Не поверишь же — семьдесят полных мешков! И все на руках, на лопате. Теперь бы продать... Огород перерыл — до весны. Отпахался, пора на работу. — Был он высокоценным инструментальщиком на заводе, где дневная зарплата равнялась двум буханкам черного хлеба.

— Барана зарежешь?

— А как же. — И Вася, наметав себе в рот с хорóшую миску, ложку забросил на стол и достал сигареты — новую пачку «Пегаса». Эдик с Татьяной вздохнули. Угостились, стали нюхать, прижмурившись.

Для заклания баранов у Эдика был особый нержавеющий нож — узкий и длинный. Эдуард полагал, что таким удобней достигнуть до сердца. Но сам скотину не резал, боялся. Вот и теперь Эдик отправился в поиск — по старушкам — за главным товаром (Митя ему отсчитал на бутылку и Вася добавил).

Танька, загнав престарелого Борьку в сарай, удалилась готовить кастрюли под мясо. И баран, после стрижки обросший коротенькой шерстью, вздрагивал, будто от холода, хотя день разогрелся, сиял, в сарае парило навозом, гудела мушня.

Митя спокойно взирал на скотину, и Борька тянулся к нему, пучил глаза и пытался притронуться носом к штормовке. Но появился Василий. Митя по давнему опыту знал, чем закончится дело, отодвинулся в угол. А Вася промолвил:

— Ну че, все нормально, — утешительным тоном, словно он врач, а баран — пациент. И, постукивая блестящим ножом по левой ладони, обошел скотину, как вдруг, ухватившись за рог, повалил Борьку набок.

Митя дышать перестал. А Вася правым коленом впечатав барана в навоз, как-то в несколько ловких движений отсек ему голову — напрочь. Голова вдруг зевнула и стала моргать, будто в глаза залетели соринки. А безглавое Борькино тело неожиданно сипло проблеяло. Этот звук с пеной исторгся и стих. Митя дрожал, сотрясался — вместе с телом барана. Но потом успокоился, стал помогать. Только от запаха крови в голове словно гудел трансформатор.

Тушу подвесили к потолку, ободрали. Вася, орудуя острым ножом, приговаривал:

— Эх-ма, а помнишь, как в детстве?

— Помню.

— Помнишь, рыбок с ножками ловили в пруду?

— Помню.

— А потом в костерок и чифанили... И ничего.

— Да, есть все время хотелось.

— Мне и сейчас все время охота.

Кругом работающих сидели три Танькиных кошки — зеленоглазо, застыло, в томном голодном гипнозе. Вася в их представлении был, конечно же, богом. И наконец-то он сжалился, подбросил несколько тонких и жирных полосок с брюшины.

— Эх, времена... нам бы такого барана тогда, мы бы его рубанули в два счета...

— И сейчас рубанем, не задержится.

Солнце незаметно расположинило день. Электрический монстр вновь надувал раскаленные щеки. Что-то шкворчало, горело, стреляло. Не видно ни зги, Митя сунулся было, да в глазах защипало, только Танька проворно сновала — в плотном смрадном тумане. Митя вернулся на улицу к Васе, который сидел на длинном бревне, служившем скамейкой, и курил сигарету — удовлетворенно и чинно, как дегустатор.

Эдик, осознавая значительность случая, принес из соседней деревни два сосуда, полные слегка замутившейся радости. Радость теперь разливалась по миру. Эдик курсировал — между бревном (мог присесть — покурить) и дальше — к Татьяне, потом продвигался к столу, с места на место ставил бутылки, возвращался к бревну. И клокотал временами восторженно:

— Да скоро ты там?!. Заморила.

Но потом уже, когда началось возлияние, к Эдику вновь вернулась степенность. Если Митя пытался сказать какой-нибудь тост, Эдик морщился и выпивал с нарочитым молчанием: аккуратно прикасался губами к краю стакана, монолитно сливался с ним и наклонялся назад, шевеля кадыком и глядя, как сохнет стаканное дно. А Митя мог видеть новые краски, помимо синюшно-зеленых, на физиономии Эдика: на щеки откуда-то брызнули красные пятнышки жизни, и баки с бровями уже не топорщились вяло, а по-гусарски пушились.

Митя мусолил только вторую стопчонку, но две бутылки общими силами были прикончены. Лишь баба Поля не принимала участия. Откушав немного печеночки, она удалилась в свою почивальню. Митя, вдруг вспомнил:

— А уголь? Как же таскать будем уголь?

— Всему свое время. — Вася потряс указательным пальцем. — Щас добьем по последней, а там...

— Да, уголек хорошо... — вставила Танька улыбчиво. — А с дровами — забо-оты...

— Было бы выпить, все перетащим. — Васька смотрел на сентиментально тяжелую сникшую Таньку свысока. — Тонну, две, три?..

— Куда столько! — Танька всплеснула руками. — Электричество левое. Уголь так — на морозы.

— Со своим электричеством погорите опять.

— Ой, не кликай, не кликай. — Танька стала серьезной. Но минуту спустя тихая радость вернулась в глаза, морщинки у глаз завлажнели — то ли от пота, то ли от слезок.

Что-то бойко рассказывал Эдик, что-то о сварке и о железках, — спорили с Васькой. А Танька смотрела мимо в окошко. Уже первые черточки вывел в небе закат. Внутри нее что-то копилось, что-то тайное, нежное, и наконец прорвалось:

— Этой грусти теперь не рассыпать — звонким смехом далеких лет. Отцвела моя белая липа. Отзвенел соловьиный рассвет...

Эдик смолк, посмотрел на нее выжидательно и вдруг процедил:

— Какого ж ты бубнишь. Щас как... — И, люто оскалившись, потряс пятерней перед Танькиным носом.

Митя вступился:

— Ну-ну, Эдуард, ты не прав.

— Да что ж, я о деле, а она забубнила.

— Так, братцы, — пора за углем. — Васька поднялся, в нем водчонка совершала живительный круговорот, и весь он сиял, словно включенный в розетку.

Напротив дома через дорогу была территория школы. Длинное строение, загнутое буквой «П». В этом одноэтажном красном кирпичном здании человек пятьдесят будущих сельских трудяг получали обременительные знания. Но теперь — выходной, и Танька одна здесь хозяйничала — на правах сторожихи.

За школой, из того же красного кирпича — в землю врытая кочегарка, а рядом выше крыши троегорбая каменноугольная гора.

— Малость прихватим, а там — воскресенье, посмотрим тогда. — Танька упорно полезла на маленький черный Монблан, увязая ногами. Сверху обозрела: весь мир, и лес на холмах, и подвявшее солнце, и деревню внизу.

— Никого, — возвестила она. — Вот только Бирбисиха, кажется, у себя во дворе.

— Бирбисиха?.. Ладно. — Эдик пускал в сторону Таньки махорочный дым, но ветерок завихрял сизоватое облако к Мите. — Ладно, начнем. — Эдик бросил под ноги уже обжигающий пальцы окурочек — полсантиметра новостей из старой газеты.

Эдик на тачке, Митя и Васька с носилками. Пятьдесят метров — как под обстрелом — рывками. Танька с лопатой грузила.

Солнце еще не успело коснуться деревьев, когда Митя вдруг ощутил свое сердце. Кто-то по центру груди вбивал толстый гвоздь, такой же вбивался и под лопатку. И Митя скоро уже задыхался. А солнце садилось. И меркло, и мерклс, и под конец из всего окружения для Мити оставалась только спина Василия, широкая, сильная — за ней не угонишься. На шестой перебежке, выгрузив уголь, Митя вдруг опус-

тился на корточки — померкло совсем... И разводы, бледноты, пятнышки, пятна — все плыло, летело, валилось в потемки. Страх надвигался — душный, тяжелый. И сквозь океанскую толщу страха пробивался тихонький, глухонький голос:

— Ну ты слабак... Отдохни, отдохни, я с Таньком потаскаю.

Митя спиной привалился к чему-то. И страх окончательно стиснул. Митя дышал и сипел, пролагая дорожку в дурнотном тумане. Был и пот, и озноб в то же время. Силуэты входили и, выгрузив уголь, опять исчезали. Митя им улыбаться пытался, но улыбки не чуял. Чувствовал только сквозь ужас непослушное гулкое сердце. Куда-то оно пробивалось упрямо. И наконец приоткрылось на стук — какая-то дверца. Сквознячком потянуло. И смог немного расслабиться. Но еще долго сидел так, боясь шевельнуться, боясь потревожить неожиданно легкую парящую слабость, бессилие. Тело вдруг стало почти невесомым и бессилие — даже приятным, даже, может быть, нежным.

Потом уж, очухавшись, спросил Эдуарда:

— Разве можно так: пить и такие нагрузки?

— А как же иначе? — тот изумился. — Иначе ведь сдохнешь...

Сумерки выползали из темных углов, и Митя мог видеть ворон, или галок, — кричащая стая летела поближе к полоске заката.

В школьном дворе очень скоро появился дядя Гришаня, Татьянин сосед. Дядя Гришаня, или просто Гришаня — кому как удобно. На угольных копях был перекур.

— Здрасьте! — Все морщины на старом лице у Гришани были приветливо загнуты кверху.

— Здрасьте.

— Здорово.

Дядя Гришаня — невысокого роста, где-то в драном солдатском бушлате болталось усохшее тело. Существовал он совсем одиноко, жену схоронил, а единственный сын давно затерялся на зонах.

— Таньк, угольку не дозволишь маненько?

Танька знала, что Гришаня был совсем никудышным хозяином. В сарае его доживали свой век несколько стареньких куриц, которых Гришаня уже года два не кормил. И они, существуя на подножной диете, яиц не несли. Порубить их в похлебку Гришаня не мог — то ли жалел, то ли ленился, то ли берег на особый период. И куриные бабки, тощие, как индусы, обещали прожить сверхкуриную долгую жизнь.

— Ну зачем тебе уголь? — ехидно спросила Татьяна. — Ведь не топишь ты печку, плитку включишь и возле ней обитаешь всю зиму.

— Чего не топлю, — пробуркал померкший Гришаня. — Затоплю, коли надо.

— Давай посчитаем, — Танька загнула указательный крепкий замызганный палец. — В позапрошлом году с лесопилки спиндюрил

досок? Попрели, небось, уж в бурьяне. А три мешка комбикорма сгноил. Ну зачем он тебе? Себе что ли запаривал?.. А я ведь просила: уступи. Нет, уперся. А ночью пшеницу с комбайна когда выгребали, забыл? Где пшеница? Сгноил.

— Ой ли! — Гришаня обиделся и громко неистово, тряся головой, повторил: — Ой ли!

— Нет, не могу просто так я казенную собственность — направо-налево. — Танька встала с бревна. Рядом с ней Эдуард закивал подтверждающе:

— Ты, Петрович, как будто родился заново. В наше время никто просто так ничего не дозволит.

— А я бутылку отдам, — вдруг решительно вымолвил дядя Гришаня.

— Во с чего начинал бы! — Эдик тоже поднялся.

Григорий Петрович извлек из-под полы бутылку — давно припасенную, — но, видно, питал он надежду угольком разжиться задаром. Самогон невнятного вида. Эдуард исследовал сосуд против закатного неба: слегка поболтал, дал улечься движению.

— А что, и таскай на здоровье, — подытожил проверку.

— Только немного, немного, — встряла Татьяна, — не увлекайся тут шибко...

Гришаня ушел за тележкой, и Митя с надеждой промолвил:

— Может, хватит сегодня?

— Конечно! А как же! — подхватили и все остальные.

Погружалась планета — неуклонно и тягостно — в сизую ночь. Звезды, луна, лай собаки — все неизбежно прочертилось в пространстве в положенный час.

Вновь уселись за стол. Эдуард, разливая, был серьезен и чуток. Но не успели выпить по первой, дверь приоткрылась, тетка Бирбисиха — в платке упакована — твердым шагом к столу.

— Угольку бы, Татьяна. — Две бутылки на стол. — За меня и за Маньку-буркатую. — Кивнула на дверь. Там в проеме — еще один толстый вязаный зимний платок.

— Хорошо. — Татьяна немного задумалась. — Но условие есть: таскать только ведрами.

— А Гришаня — с тележкой...

— Ну вот! Да, с тележкой! Значит, надо. Остальные все с ведрами.

— Да где ж справедливость?

— Я же сказала!

— Ладно.

— Не ладьте, проверю.

Минут через десять явилась долговязая Груня семидесяти лет и дед Пионер (имя из паспорта), бородатый, плешивый, с седовласым пушком на висках. Ростом дед Пионер был немногим повыше пояса Груни,

шапку он скинул на входе, слегка поклонился. А потом уж, запыхавшись, бабка Шармань — приспешила. Шармань — это кличка, по известной причине. Ей Татьяна сказала:

— С тебя две бутылки...

— А что ж этак, две? — Рот беззубый разверзся: — Мы с дедом, поди ж ты, всю зиму на хворосте сидючи, а пенсия чо? А ничо. А хлебушек на чо покупать? Я давеча в автолавку сходила, и чо... — И закрылся тогда лишь, когда Эдик прикрикнул:

— Сказано: две!

И Татьяна добавила:

— А то я будто не знаю, кто у меня корыто упер — прям из-под носа, весною...

— Я?! Корыто?!. — Шармань захлебнулась. Слова клокотали, толкались на выходе, выпадая совсем невпопад: — Проверь!.. Я?!. Да чтоб ты!..

— Ступай, ступай за бутылками. — Вася проводил Шармань до двери. Плотно прикрыл за ней, но все равно донеслось приглушенно:

— Да что б ты.. Я никогда!.. Обыщи!.. Все проверь!.. — Донеслось и затихло.

Уселись, примолкли, Вася обозрел изобилие водки.

— Да-а, — протянул. Сидел неподвижно, не решаясь начать.

Эдуард потянулся заскорузлой смелой рукой:

— Ну чего ты мурку все тянешь... Давай!

Выпили, закусили и еще по одной. Лишь тогда пробрало. Разговор разрастался. Эдик вскоре бил себя в грудь:

— Всем назло за Мясновского голос отдам!..

Что-то Васька мычал, и Митя рассказывал Таньке о плохой экологии рек. А та молчала, поникнув во что-то свое, и улыбка на туманном лице рисовала печаль. И вот — вывела — плавно и тихо:

— Вечером синим, вечером лунным — был я когда-то красивым и юным... — И так до конца, заполняя случайную брешь в разговоре.

Эдик кипел, напрягался, но смолчал, налил себе стопку, выпил с размаху и вновь стал говорить о политике:

— Надо расстреливать. Раздать автоматы — и к стенке. А лучше бы вешать на фонарных столбах... — Лишь потом, будто опомнившись, вымолвил злобно: — Я те покажу «лунные ночи, синие очи»...

Митя отяжелел. Словно был он котлом, и в котел этот влили центнер бурлящего вара, в голове разместилась паровая машина — молотила поршнями, разгоняя карусель, — неслась желтая лампочка, желтые лица, бутылки, сковородка с недоеденным Борькой — неслось это все сквозь сизо-зеленое марево. Мир распадался...

Митя поднялся и выбрел на улицу. И словно омылся в пруду. Долго стоял, набираясь холодного воздуха — просто стоял и дышал, компонуя в единое целое развалившийся мир. Какие-то люди от темного

здания школы шли вереницей в деревню. Митя смотрел напряженно им вслед. Люди погружались во мрак, таяли и скоро исчезли совсем. Митя тряхнул головой: померещилось что ли? Вернулся домой.

Баба Поля выползла из запечья, поближе к народу, к столу, к сковородке, мусолила ребрышко. Эдик, нависая над ней, брызжа слюною, рычал:

— Моя фамилия Князев. Недаром! — Эдик был красен и зол. — Княжьего роду! Вот так-то вот! Съели?..

— Дубина, — возразила ехидная Танька, — княжьи холопы твои бабушки, дедушки. Поэтому — Князевы...

— Холопы?! — Эдик свирепо приблизился к ней.

Обессиленный Васька рядом мычал, улыбался и помешать мордобою не мог.

— Холопы?!

Танька пригнулась, прикрылась руками. А Эдик наотмашь, будто камень бросал, ударил сверху. Замахнулся еще раз. И Танька завыла.

Митя и сам не заметил, как подбежал и вцепился в занесенную руку. Эдик повернулся к нему, и Митя увидел перед собою лицо: глазные провалы, подведенные скулы, и баки, и брови, а в провалах — два глаза — лютые, белые. И вдруг в это лицо — самому удивительно стало — Митя отправил кулак. «Дрынь!» — словно лопнуло что-то. Но как будто не Митя ударил, а некто.

Длинные руки мелькнули, Эдуард повалился, полежал на полу, ошалело моргая, попытался подняться. Митя со страхом поспешил помогать. Кое-как перебрались к дивану, Эдик зарылся в тряпье и уснул: тяжело, отрешенно. А Митя зашел в комнатенку налево, служившую Таньке и чуланом, и спальней. Под потолком в паутине — связки грибов. В углу — телогрейки, одеяла, слежавшаяся шерсть, и кровать у стены — гора барахла, отсыревшего, прелого, кислого. Митя кинул поверх одеяло непонятного цвета, осторожно улегся.

В приоткрытую дверь светила яркая лампочка. Ногой дотянулся, прикрыл. И все сразу опять завертелось, помчалось, полетело в темную яму. Митя с испугу уселся и уставился на полосочку света. Вновь улегся, и вновь полетело, потолок наклонился. И долго так мучился. А потом его одолел сон. Впрочем, Митя так и не понял — то ли сон, то ли смерть. Провалился, исчез, растворился: и не снов, и не тьмы.

Оказалось, что все-таки сон. Очнулся, когда петухи отпели все песни. Для Мити словно переключилось что-то в пространстве: из муторной ночи перелет совершился в сияющий день.

За тонкой стеной — почти тишина, лишь говорочек время от времени, легчайший, журчащий: Танькин полубасок, да тенорок Василька. Митя поднялся и почувствовал, как в груди старательно выводило — кривую кардиограмму. И телу было будто бы сыро. Дверь открыл и

чуть-чуть не вступил занесенной ногою... У дивана подсохший черный котях размером с сардельку — вероятно, кто-то ночью покидал свою постельку, да впопыхах не донес.

На диване восседал Василек — лицо водянисто отекшее и словно во вчерашней угольной пыли, в черном налете. Но Василек теперь похмелился, и сквозь черноту и опухлость проступало сияние, весь он был переполнен странной хихикавшей радостью.

— Это кто же проснулся? — лучезарно смеялась опухлость. — Это кто ж похмелиться желает?

— Мы оставили, Митя, рюмашку. Вот, будешь? — Танюшка казалась серьезной. — Полегчает...

— Что вы, брр, что вы! — с отвращеньем отпрянул.

— Да? Не хочешь? — Танька с надеждой держалась за стопку и, когда Митя брезгливо скривился, — тогда я сама, — ловким движением опрокинула стопку в свой рот. Васька успел только мыкнуть с дивана.

Митя вышел на улицу. Напротив, в школьном дворе, торчал терриkон из угля. Накануне имел он три горба, теперь только два, да и этот остаток осел, осыпался, словно слежался. «Надо же, — Митя присвистнул. — Тонн десять, пожалуй. А старушки такие все с виду — воробушки вроде». Митя хотел отдышаться на улице, но минут через десять пришлось возвращаться, потому что в одиночестве тоска стиснула грудь и дышать совсем не давала. Примостился в углу за столом, подумал со страхом: «Щас как станет мне плохо», — и страх разросся в дикий ужас. Сидел, побледневший, стиснувший зубы и дышал через силу — не дышал, а сопел. Танька воды принести догадалась. Попил, и чуть-чуть отпустило, тогда осмотрелся.

Прибыл откуда-то Эдик, молчаливый и мрачный. Уселся напротив. Начал медленно хлеб нарезать. Под левой бровью — сизая блямба, наплыв, где-то в щелочке — маленький глазик. Митя вспомнил и вздрогнул. И Татьяна в подтверждение вывела:

— Мало ты ему врезал, надо было добавить.

Эдик зачем-то изрезал всю буханку в тонкие ломтики — машинально, наверное, и сидел теперь неподвижно, погруженный в тоску, в безысходность и еще в какие-то темные чувства. Митя с виноватой улыбкой сказал, запинаясь:

— Я и сам, вот, не знаю, как оно получилось...

Эдуард же в молчании встал, через стол перегнулся, и Митя заметил в глазах его что-то дикое, душное. Длинным узким блестящим ножом Эдуард ткнул Митю чуть повыше пупа в подведенный живот. И проделал все медленно, ровно, словно подал попросившему ложку. Нож разрезал штормовку и медленно, скользко погрузился куда-то... Митя выдохнул:

— Ух ты!.. — И вдохнуть не посмел.

Эдуард же уселся на место, разломил ломтик хлеба, стал жевать безотчетно. И что-то повисло в воздухе, готовое рухнуть — висело на ниточках. И Митя вдруг повалился со стула, и тогда уж вскочили, забегали — Танька, Васька и даже растрепанный отрезвевший испуганный Эдик. А про Митю забыли как будто.

Он лежал, онемевший, не смея вдохнуть, и смотрел, как качается нож в животе — половина снаружи (не хватило руки Эдуарда). Кое-как двумя пальцами дотянулся и выдернул. И увидел: на животе вздулся красный пузырь. Отраженное окошечко разрослось, задрожало. Пузырь толстел три секунды и лопнул. И запах — гнилостный, муторный, такого не было даже от Борьки, когда его свежевали. И тогда уже навалились и боль, и ужас.

...Через час из района прибыла «Скорая», и минутой попозже наряд на «уазе». Эдуарда и Митю разобрали по разным инстанциям. А к обеду в деревню приехала Танькина дочь.

Зинка — хитрая баба — с любопытством застыла за дверью. А внутри — говорочек:

— Жить, наверное, будет.

— Сказали, неясно.

— Так всегда говорят... Залатают. Меня ж залатали когда-то.

— Если чего не задело серьезного.

У Зинки иссякло терпение, ворвалась — шумная, свежая, бодрая.

— Ну вы о чем тут, случилось чего?

Баба Поля, Васька, Татьяна скорбно примолкли, друг на друга взглянули. Наконец Татьяна сказала сурово:

— Да вот, понимаешь ли, Митя приехал. — И вновь замолчала.

Тишина накоплялась под крышей, звенела, даже мухи примолкли, и можно было свихнуться, если б где-то на улице в дальнем углу не кудахтал петух, призывая куриное царство отведать какую-то гадость. И Татьяна заплакала, горько и жалко, сотрясаясь, сопливясь, гундося:

— На кой мне хрен все это надо?.. На кой мне надо?.. А?.. На кой мне хрен все это надо?..

Илья СМИРНОВ

ПРОРОЧЕСТВО ТРОЦКОГО

Посвящается авторам еще не написанных учебников по новейшей истории России.

В нашей разоблачительной публицистике можно встретить нелестное для Отечества сопоставление с Западом: там, если чиновника обвинили в каких-то злоупотреблениях, даже незначительных, по *«сигналу»* принимаются меры. *«Американскому президенту грозило отстранение от власти за то, что он соврал сенату, заявив, что никаких интимных дел с Моникой у него не происходило»* /Олег Лурье (1)/. А у нас самые скандальные разоблачения в прессе — глас вопиющего в пустыне.

Попробуем разобраться в причинах столь низкой эффективности популярного жанра. Почему на Западе так хорошо, а у нас и без коммунистов опять плохо? Может быть, в РФ некачественные законы? Законы на самом деле разные: есть плохие, есть хорошие, есть слово в слово списанные с западных образцов. Но нет ни одного такого, в котором было бы прописано отсутствие состава преступления в действиях граждан, схваченных за руку в момент выноса из Дома правительства 500 тысяч долларов в известной картонной упаковке (2).

А может быть, виноват *«русский менталитет»*, уходящий корнями в комедию *«Ревизор»*, Шемякин суд, Золотую Орду... и далее до нижнего палеолита?

Или наши чиновники — по сравнению с западными — некультурные и мало цивилизованные? Вот поучатся их дети в Оксфорде, — тогда и начнут строго, но справедливо судить друг друга за окурок, брошенный мимо урны в курилке Президентской администрации.

К сожалению, в самых скандальных наших делах ключевыми фигурами, как правило, оказываются не темные уголовники, а отпрыски хороших семей, получившие образование в лучших советских ВУЗах (МГУ, ЛГУ, МГИМО). С ленинских времен мы не имели такого культурного правительства, какое получили при Ельцине.

Илья СМИРНОВ — родился в 1958 г. в Москве. Историк, закончил МГПИ им. Ленина. В 80-х гг. принимал участие в работе самиздатских журналов «Зеркало», «Ухо», «Урлайт». Автор книг «Время колокольчиков: жизнь и смерть русского рока», «Прекрасный дилетант», «Либерастия». Статьи публиковались в журналах «Знание-сила», «Театр», «Интеллектуальный форум», «Русский журнал» и др. Живет в Москве.

В конечном итоге все наши изыскания увязнут в безысходности: если коррупция бессмертна и повсеместна, то кому жаловаться? Одному казнокраду на другого взяточника? *«В аморальном климате, установившемся в стране, аморально все — и политика, и экономика Нравственное состояние «политического класса» сегодня тоже ниже всякой критики, причем за редким исключением по всему политическому спектру — и левых, и правых, и центристов»* (Н.П. Шмелев — Независимая газета, 15.07.2000); *«Коррупция стала не внешним злом, но основой, стержнем всей государственно-политической системы... у нас выстроена система, в которой основные субъекты общественно-политического процесса не заинтересованы в наведении в стране порядка»* (Ю.Ю. Болдырев — Независимая газета, 28.03.2001). *«Борьба с коррупцией и преступностью в России означает не более и не менее как смену всей политической элиты»* / Дж. Кьеза — цит. по: (34)/.

Но *«мятеж не может кончиться удачей, в подобном случае его зовут иначе»*. Если коррупция стала **основой** государственной системы, это уже не коррупция в привычном (западном) понимании, а какое-то другое общественное явление. Его нельзя рассматривать в категориях уголовного права.

Так что же это за феномен? Разберемся по порядку, как говорили древние римляне, — от яйца.

1. Социальная анатомия для I курса

Здесь я должен извиниться перед читателем за то, что вынужден объяснять элементарные вещи. Если бы статья по конкретной медицинской проблеме начиналась с обстоятельных рассуждений о важности анатомии — да, уважаемые коллеги, что ни говорите, а без знания анатомии нельзя быть настоящим врачом... и т.д., и т.п., — наверное, уважаемые коллеги решили бы, что автор статьи сам нуждается в помощи специалиста. В том, что врач должен знать анатомию, и так никто не сомневается. Ее преподают на I курсе, а основы — еще в средней школе. Зачем ломиться в открытую дверь? Но представьте себе, что медицина отдана на откуп *«экстрасенсам»*, в институтах — виноват, университетах и академиях — студенты изучают *«астральные тела»* и *«биополя»*... Как вы считаете, лет через 10 такой *«реформы»* — стоило бы напомнить о научном подходе к человеческому организму? Наверное, стоило бы.

Это не полемическая гипербола, а довольно точная аналогия. Можно танцевать от того уровня образования по общественным наукам, который был доступен среднему интеллигентному человеку в СССР. При Горбачеве он нас уже не устраивал. Не устраивала схоластика, расползавшаяся порою на целые учебные курсы (*«экономика социализма»*), резали глаз *«белые пятна»* — сюжеты, закрытые для публичного обсуждения. Недостатки исправляли, печатая массовыми тиражами сочинения серьезных исследователей, особенно те, которые плохо вписывались в старые цензурные правила. Но горбачевская перестройка оказалась недолговечна. В 90-е годы под тем же вроде бы лозунгом — *«преодоления тоталитарных догм»* — организуется крестовый поход против исследовательской методологии как таковой. Направления удара можно проследить по школьным учебникам и пособиям для учителей (3). Общественные дисциплины оказались отброшены на **до-научный**, средневековый уровень.

А ученый не может изучать *«социальный организм»*, не разобравшись в его устройстве. Такое единогласие, как в настоящей, медицинской анатомии, между историками, конечно, недостижимо. Но добросовестные варианты социальной стратификации (о недобросовестных — разговор отдельный), как правило, расходятся в деталях, а не по существу, поскольку основаны не на авторском произволе, а на реалиях соответствующей эпохи, запечатленных в источниках.

Подчеркиваю кое-что из элементарного, но за 10 лет подзабытого. Социальная структура определяется объективно сложившимися отношениями власти и собственности. А власть и собственность с момента возникновения и по сию пору — две стороны одной медали. Чтобы homo sapiens признали за одним из собратьев право на материальные блага, заведомо и многократно превышающие его личную потребность, тем более — право на труд других людей, этот избранный homo должен заговорить с племенем как власть имеющий.

Не следует путать реальный социальный статус с формально-юридическим. Часто они совпадают, но не обязательно и не всегда. Княжеский тиун эпохи *«Русской правды»* мог быть холопом, но за убийство этого холопа была установлена двойная вира — 80 гривен, вдвое больше, чем за свободного человека или младшего дружинника, — сумма нереальная даже для зажиточной семьи. А.А. Зимин с полным на то основанием поместил тиунов — *«судебно-административных чиновников»* — на самый верх тогдашней иерархии (4). Вообще формирование придворной аристократии из неполноправных категорий, из всякого рода *«изгоев»*, отвергнутых собственными родовыми коллективами, и даже из рабов, — на ранних стадиях исторического развития — это скорее норма, чем исключение.

И собственность, с которой имеют дело историки, — это тоже не нотариально заверенная бумажка с печатью, а общественное отношение. Реальный собственник часто не совпадает с номинальным. Хрестоматийный и памятный любому советскому человеку пример — колхозы, на бумаге вроде бы кооперативные (т.е. принадлежащие коллективу колхозников), а по сути дела такие же государственные хозяйства, как и соседние совхозы. *«Священная и неприкосновенная частная собственность»* на средства производства — скорее мифологический образ, чем историческая реальность. Ближе всего к идеалу была, наверное, собственность феодальных баронов в эпоху раздробленности. А современный западный капиталист опутан, как Лаокоон змеями, множеством условий и регламентаций, нарушение которых немедленно ведет к разорительным судебным процессам, то есть к конфискации *«священной и неприкосновенной»*.

Для чего я уточняю тонкости, вроде бы не имеющие прямого отношения к Российской Федерации? Ведь у нас не Швейцария, и собственник может безнаказанно рубить на своем участке не только деревья без разрешения местных властей, но и людей на мелкие части.

Смысл предостережений в том, что не существует универсальной линейки, с помощью которой можно было бы легко и непринужденно определять устройство любого социального организма. Приходится каждый раз работать с конкретными источниками, и заранее трудно сказать, какая их разновидность сыграет решающую роль. Ставится проблема: как изменился в Западной Европе и США социальный статус профессиональных преступников? Если за-

ходить со стороны экономического *«базиса»*, то статистика даст очень большой разброс результатов — рост наркоторговли с начала 70-х годов то ли в 30, то ли в 50 раз. Соответственно, объективность подсчетов может быть поставлена под сомнение. Но обратившись к такой субъективной сфере, как литература и искусство, мы увидим нечто несомненное. Уголовник стал героем в полном смысле слова, причем это не повстанец-мститель, как Роб Рой или Дубровский, а обычный грабитель, торговец наркотиками, наемный убийца — самое презренное существо с точки зрения любой традиционной морали (христианской, либеральной, социалистической). Конечно, отдельно взятый х/ф *«Леон»* можно считать фактом частной биографии, но если такие *«Леоны»* штампуются косяками, в них вкладываются огромные средства, обеспечиваются массовые тиражи (учитесь, детки, *«делать жизнь с кого»*), выдвиженцы криминального агитпропа, независимо от таланта, провозглашаются выдающимися мастерами искусств и т.п. — это уже общественное явление. Им должны заниматься не столько искусствоведы, сколько историки и социологи.

2. Динамические проценты дураков и подкулачников

Было время, когда неравенство не только не скрывали, но еще и специально подчеркивали. Европейский дворянин носил шпагу, а японский — два меча, чтобы отличаться в толпе от *«подлого»* (то есть платящего подати) народа. На статус человека указывали не только все документы, с ним связанные, но также имя, одежда, прическа. За один и тот же подвиг в царской России (*«которую мы потеряли»*) разным сословиям выдавали разные награды. Чтобы кто-то, упаси Христос, не перепутал благородного человека с каким-нибудь... ну, например, с евреем-плотником.

Капитализм постепенно утверждал равенство граждан перед законом. Легитимность — уже не *«воля богов»* и не право рождения, а результат голосования, в XX веке — всенародного. По мере того как демократия превращалась в идеологию, указывать на то, что в нее явно не вписывается, становилось неудобно. Стеснительность, для политика, конечно, похвальная. Порок, которого стыдятся, все-таки лучше того, который выставляется напоказ. Но, к сожалению, политкорректность распространили на науку. А ведь социологам все-таки положено изучать не то общество, которое должно существовать с точки зрения высоких идеалов, а то, которое дано гражданам в повседневном ощущении: на работе, в поликлинике, в суде, в школе, где учится ребенок.

Интересно, что *«буржуазное»* и *«марксистско-ленинское»* обществоведение во второй половине XX века развивались буквально параллельными курсами, всячески размывая и затушевывая социальное расслоение. Естественно, у себя дома; у противника по Холодной войне неравенство и эксплуатацию, наоборот, полагалось всячески подчеркивать. Даже методики оказались одни и те же: чужое общественное устройство оценивали с точки зрения власти и собственности, а к своему прилагали новые, «более совершенные» критерии. В СССР обнаружился «класс» *«колхозного крестьянства»*. Или *«служащие»*, к которым можно было отнести и министра просвещения, и школьную секретаршу с зарплатой 90 рублей. Наконец, терминологический шедевр — *«интеллигенция»*.

Смысл слова все авторы толкуют по-своему, и, тем не менее, это непонятно что подсчитывается в процентах *«с учетом членов семей»*. Бессмысленные цифры годами перекладывали туда-сюда, а та информация, которая указывала на реальную структуру, была изъята не только из открытой печати, но даже из *«служебного пользования»*, — например, принципиально важные для советской модели данные о потребительских привилегиях. Привилегии были разных типов, ими ведали разные учреждения, множества охваченных ими лиц пересекались. Но никто (никакой «госкомитет по привилегиям») не заботился о систематизации и обобщении данных. Понятно, почему. Человек, затеявший подобное, был бы уже не чиновником, а худшим врагом Советской власти — вроде Солженицына. Но допуск к оперативной информации, возможность ее проверять и сопоставлять имели только чиновники. В результате мы так и не получили (видимо, уже не получим) точных количественных данных о советском привилегированном классе.

Специально размыв и обессмыслив критерии различий, нетрудно представить что угодно, в том числе и население, *«однородным»* и *«равноправным»*. Но так можно и заиграться. Советское руководство, в конце концов, обмануло само себя. Социология, подчиненная пропагандистским задачам, перестала служить источником реального знания не только для народных масс, но и для ЦК КПСС.

После закрытия этого ЦК (точнее, после преобразования его в Президентскую администрацию) ситуация принципиально не изменилась. Она и не могла измениться, потому что на Западе, откуда теперь велено было перенимать *«настоящую, объективную науку об обществе»*, это наука была, конечно, изощреннее по форме и эффективнее с точки зрения пропаганды, но по сути точно так же обслуживала «несуществующие» интересы правящего класса.

Смотрим специальную главу *«Равноправие граждан»* в учебнике по новому предмету — *«граждановедению»*, которое, в отличие от старого советского обществоведения, преподается не 16-летним юношам и девушкам, уже способным воспринимать пропаганду с иронией, а начиная прямо с 5-го класса:

«Ты родился и сразу получаешь абсолютно равные права со всеми... дело за тобой... развивай свои способности и таланты...»

Можешь *«выбирать любую профессию, рисовать любые картины, покупать любые квартиры (были бы деньги), зарабатывать... Бизнесмен себе не враг. Он обязательно примет способного, образованного человека. И предложит ему большую зарплату...»*

Потом следует уточнение: *«Не забудьте, что не все люди талантливы, не все от природы очень умны, а бизнесом могут заниматься только 3-4% населения. Предположим, на хорошую работу не берут, больших денег не предлагают. И в бизнес не тянет: там конкуренция, банкротства... У такого человека есть два пути. Первый: признать, что потратил школьные годы на пустяки, и найти скромное, но свое место в жизни. Второй: принять участие в борьбе за всеобщее равенство, то есть за то, чтобы «все отнять и поделить». Тогда за собственное безделье можно обижаться на весь мир»* (5).

Иными словами, *«бизнесмены»* — не общественный класс, а просто люди, которые умнее и талантливее окружающих. Опыт последнего десятилетия подтверждает это научное умозаключение самым решительным образом, не правда ли?

Можно, конечно, отреагировать на потрясающую цитату дежурным рассуждением о том, что западная наука не обязана отвечать за то, как ее поняли в *«совке»* люди, в одночасье перекрасившиеся из верных ленинцев в таких же верных фон-хайековцев. Но в том-то и дело, что автор нашего школьного учебника не сам свое *«граждановедение»* придумал. Он пересказывает более простыми (понятными пятикласснику) словами примерно то же самое, что написано о *«предпринимателях»* в американском учебнике для ВУЗов (6).

Совершенно разрушительным оказалось «усовершенствованное» представление о предмете и методах науки социологии. Теперь она, как правило, изучает не реальное общество, а «мнения» граждан по его поводу, собираемые посредством опросов и *«социологических исследований»*. Таким образом, из исследовательского арсенала произвольно с мясом вырывается отдельный (не самый точный) метод, одна разновидность источников противопоставляется всем остальным, а *«общество»* отделяется от экономики и политики.

Вот как «научно» в результате может быть решен интересующий нас вопрос: *«Наталья Тихонова в своей статье "Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе", опубликованной в журнале "Общественные науки и современность", пытается описать динамическую структуру общества, используя в качестве критерия не положение, а шансы индивидов, в значительной мере определяемые их ментальностью...»* (Новые Известия, 10.03.1998).

Примерно таким же *«динамическим»* способом при Сталине была выведена социальная категория — *«подкулачник»*. Тоже через *«ментальность»*.

3. Какой строй построили в СССР?

Раньше на этот вопрос рефлекторно отвечали: «социалистический». Теперь в статьях на самые разные темы — про диссидентов или про образовательные стандарты в школе, — везде наше недавнее прошлое определяется как **«тоталитарное»**.

«В советское время Движение (правозащитное — *И.С.*) *было готово вести и вело уважительный диалог с самой враждебной тоталитарной властью»* (Глеб Павловский — Русский журнал, 14.11.2002). *«В тоталитарной системе и в детском саду, и в вузе готовили "специалистов для народного хозяйства", которые займут заранее спланированные Госпланом ячейки (принудительное "распределение"). В иных — демократических — мирах учебные заведения удовлетворяют образовательные потребности личности»* (Дмитрий Бак — Русский журнал, 15.11.2002.). И т.п.

Откроем современный Большой Энциклопедический Словарь на букву «Т». *«Одна из форм гос-ва (тоталитарное гос-во), характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни об-ва, фактич. ликвидацией конституц. прав и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих (например, разл. формы Т. в фаш. Италии, Германии, коммунистич. режим в СССР, франкизм в Испании и др. -- с кон. 20-х гг. 20 в.).*

Сразу возникает масса вопросов. *«Коммунистич. режим в СССР»* при Брежневе уже не обеспечивал *«тотального контроля над всеми сферами жизни»*, да и не стремился к этому (как, кстати, и поздний франкизм). И в детском саду

никаких *«специалистов народного хозяйства»* принудительно не готовили. Современное определение тоталитаризма имеет в основе своей тот подход, который еще при *«коммунистич. режиме»* критиковал Рой Медведев:

«Не только у некоторых западных советологов, но и у наиболее консервативных советских историков можно встретить утверждения, что советская коммунистическая система в сущности никогда не менялась Изменяются лишь некоторые, и притом не самые главные, черты внешнего облика С этой точки зрения сталинизм является прямым и логическим продолжением ленинизма, а «хрущевизм» и «брежневизм» — лишь различными формами сталинизма Это ошибочная точка зрения» (7).

Действительно, только очень предвзятый наблюдатель может не заметить демократизации и либерализации (в хорошем смысле слова) советского общества (и государства) после смерти Сталина. Я склонен полагать, что СССР развивался в этом направлении не только при Н. С. Хрущеве, но достаточно последовательно на протяжении всех 37 лет, за исключением короткого периода, когда Ю. В. Андропов и его наследники действительно попытались реанимировать некоторые «тоталитарные» (сталинские) традиции, но не получили поддержки бюрократического аппарата.

Конечно, споры о словах — не самое продуктивное занятие, и мой учитель В. Б. Кобрин, когда к нему слишком уж приставали с вопросами: *«Так какой же все-таки строй существовал в Киевской Руси?»*, говорил: *«Давайте лучше займемся Киевской Русью!»*.

Но желательно, чтобы термины, употребляемые в науке, были, во-первых, построже определены, во-вторых, чтобы они все-таки способствовали, а не мешали ясному пониманию предмета.

В определении тоталитаризма слишком много публицистики, то есть эмоционально окрашенных оценочных суждений, — оно слишком легко из термина превращается в ярлык, который можно наклеить на «чужих» политиков, чтобы противопоставить их «своим».

В учебнике отечественной истории А. В. Скобова (далеко не худшем в наших школьных библиотеках) именно «теоретическая» глава о тоталитаризме, в которой автор пытается объяснить, что это такое, — самая слабая.

«Итогом развития советского общества в 30-е гг. стало окончательное утверждение в СССР ***нового, доселе невиданного в истории*** *общественного строя. Этот строй получил название тоталитарного. Тоталитарное государство существует не просто так (? — И.С.), а исключительно ради Великой Цели. Подчинить себе все и вся оно стремится ради того, чтобы все ресурсы, всю энергию общества сконцентрировать и направить на достижение этой цели. Все должно быть подчинено достижению Цели. Все, что может помешать ее достижению, должно быть устранено. Тоталитарная идеология всегда носит ярко выраженный мессианский, агрессивный и нетерпимый характер. Тоталитарному государству удается в значительной степени овладеть сознанием миллионов своих подданных, добиться* ***невиданной в истории*** *степени управляемости, манипулируемости обществом и человеком»* и т.д. ((8), выделено мною — *И.С.*).

Такими заклинаниями заполнены несколько страниц.

Между тем, еще в 30-е годы востоковеды предположили, что *«новое, невиданное в истории»* — может быть, и не совсем новое, а хорошо забытое старое: «дом,

который построил Джо», подозрительно напоминает монументальную архитектуру Древнего Востока, где теократии *«овладевали сознанием подданных»* эффективнее и прочнее. Не на десятилетия, а на века. Описания храмового хозяйства в трудах советских египтологов сильно смущали читателей. Если у нас действительно изобретен *«невиданный в истории»* прогрессивный строй, то почему его продовольственный базис (большое казенное поле, а вокруг маленькие приусадебные участки семей, прикрепленных к хозяйству) так похож на Древний Египет? Неудивительно, что в СССР дискуссии об *«азиатском способе производства»* были прекращены в административном порядке, а некоторые их участники, такие как К.А. Виттфогель, заработали высокое звание антисоветчиков (9).

Либеральная концепция из учебника А.В. Скобова на самом деле не опровергает сталинскую схему, а отражает ее в идеологическом зеркале: уникально хорошее становится уникально плохим, ангелы — демонами и т.д. В любом своем варианте развесистая мистика с обилием прописных букв выпадает из науки, которую, как известно, *«составляют не только факты, но и соотношения между ними, а, главное, систематизация этих соотношений с помощью сознательно упрощенной модели явления... Подобно тому, как юристы исходят из презумпции невиновности, здравый смысл должен исходить из* ***презумпции отсутствия чуда»*** (А.Б. Мигдал, выделено автором (10)). Заметьте, что целый ряд стран, по вышеприведенному определению — безупречно тоталитарных, не удостоен должного внимания со стороны теоретиков тоталитаризма: гитлеровская союзница Япония; американская союзница Саудовская Аравия и др. Почему? Не только во избежание неполиткорректных вопросов (по поводу взаимоотношений той же Саудовской Аравии с западными демократиями), но и по причинам сугубо концептуальным. Здесь не обнаруживается *«единой и единственной правящей партии — хранительницы чистоты идеи»*, и сама идея — отнюдь не новая, специально изобретенная вождями *«люмпенизированных»* масс (11), а, наоборот, традиционная, уходящая корнями в глубь веков: в Японии — синто (*«путь богов»*) с элементами буддизма; в Аравии — ханбалитский ислам в редакции Мухаммада Ибн Абд ал-Ваххаба (XVIII в.); у хорватских усташей — такой же правоверный католицизм. Между прочим, во время Второй мировой войны усташи своим демонстративным зверством раздражали даже кураторов, приставленных к ним от Третьего Рейха. Опыт Японии при Тодзио или Ирана при Хомейни помогает вписать *«тоталитаризм»* прошлого столетия в мировую историю, которая не вчера началась и не сегодня вечером закончится. Вот почему он неудобен для идеологов.

К счастью, ни в каком обществе — ни в *«открытом»*, ни в *«тоталитарном»* — им не удается законсервировать научную мысль. Развивая и систематизируя целый ряд идей, высказанных в ходе вышеупомянутой дискуссии об *«азиатском способе производства»*, профессор Ю.И. Семенов предложил для нашего недавнего прошлого такое определение, которое, с одной стороны, показывает типологическое сходство *«тоталитаризма»* с древними (даже древнейшими) формами общественного устройства, а с другой — подчеркивает принципиальное различие между ними. Ведь не одна *«восточная деспотия»* своих нукеров в космос не посылала. Ю.И. Семенов рассматривает советское общество как *«индустриально-политарное»*.

Привожу обширную цитату, чтобы читатель понял ход рассуждений. К сожалению, работы крупнейшего отечественного историка и антрополога в 90-е гг. выходят такими же самиздатовскими тиражами, какими в советское время издавали *«для специального пользования»* западных советологов, — соответственно, вероятность их где-нибудь приобрести исчезающе мала.

«Частными собственниками могут быть члены этого (господствующего — *И.С.*) *класса, взятые по отдельности. Это — персональная частная собственность. Частная собственность может быть групповой. Такова, например, акционерная собственность при капитализме. И, наконец, средствами производства (и работниками) могут владеть все члены господствующего класса, только вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Это — общеклассовая частная собственность. Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму государственной. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром.*

Описанный способ производства известен под названием азиатского. Точнее было бы назвать его ***политарным*** *(от греч. полития, политея — государство).*

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личности непосредственных производителей. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Поэтому для политарных обществ характерна практика постоянного систематического террора. Особенно жестким и массовым был террор в эпоху становления политаризма.

Все возникшие в IV-II тысячелетиях до н.э. социально-исторические организмы относились к одному и тому же типу. Господствующим в них был азиатский или древнеполитарный способ производства.

Можно дискутировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадает объективная необходимость в частной собственности, но бесспорно, что Россия в 1917 г. такого уровня не достигла С неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надежно заблокирован государством. В результате процесс классообразования пошел по иному пути возникновения общеклассовой частной собственности, выступавшей в форме государственной, и, соответственно, превращения основного состава партийно-государственного аппарата в господствующий эксплуататорский класс Этот новый политарный способ производства, имея много общего с тем, что с конца IV тысячелетия до н.э. существовал в странах Востока, в то же время значительно отличался от него. Материально-технической основой древнего политаризма было доиндустриальное сельское хозяйство. Новое политарное общество было, как и капиталистическое, индустриальным. Само развитие капиталистических отношений создало возможность появления политарного общества нового типа. В последней трети XIX в. начали возникать монополистические объединения капиталистов, которые имели тенденции к укрупнению... Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединение их в единый организм. Логическим завершением было бы появление такого монополистического объеди-

нения, в состав которого входили бы все представители господствующего класса и которое совпадало бы если не со всем государственным аппаратом, то, по крайней мере, с его верхушкой. Иначе говоря, появление индустрополитарного общества».

В конкретной ситуации России *«высокий уровень монополизации промышленного производства и государственного регулирования экономики способствовал формированию в ней политаризма не столько аграрного, сколько индустриального типа»* (12).

4. Номенклатура: чем сердце успокоится?

По главному критерию — отношению к власти и собственности — подавляющее большинство населения СССР во второй половине XX в. делилось на два класса-сословия, но это не *«рабочий класс»* и *«колхозное крестьянство»*, а 1. **бюрократия** (*«номенклатура»*, *«аппарат»*, *«класс политаристов»* по определению Ю.И. Семенова) — корпоративный собственник государственных средств производства (включая колхозы) и 2. **наемные работники** этого самого государства. За пределами основной схемы оставались специфические группы, либо отставшие от времени, либо несколько его обогнавшие. Это заключенные (близкие по статусу к рабам: срочное рабство и рабство за преступление в древности были широко распространены) и *«фарцовщики»* — полукриминальная недо-буржуазия.

Не следует смешивать бюрократию как класс с бытовым представлением о бюрократизме, которое оказало влияние на перестроечную публицистику: у нас, мол, 18 миллионов *«аппаратчиков»*! Муниципального клерка, не имевшего никаких властных полномочий и получавшего меньше, чем рабочий на заводе, никак нельзя отнести к высшему классу. Но к нему, безусловно, принадлежала верхушка *«творческой интеллигенции»*, например, академик И.Е. Тамм, каким он описан в прекрасных воспоминаниях Валерия Сойфера: *«у меня есть в банке открытый счет: правительство открыло его для нескольких физиков, и я могу брать с него, сколько хочу»* (Континент, № 113, с. 240).

В многотомной Истории России (Институт Российской истории РАН) указана такая численность *«класса управляющих»* в 70-е годы: *«500-700 тыс. человек, а вместе с членами семей — порядка 3 млн., т.е. 1,5% всего населения»* (13).

Историческую судьбу этого класса предсказал один из его основоположников — председатель Реввоенсовета, а потом изгнанник и главный *«враг народа»* Л.Д. Троцкий.

Вот как воспроизводит ход его мыслей в середине 30-х годов известный биограф Троцкого Исаак Дойчер:

*«Что касается социального баланса сталинистского государства, продолжал Троцкий, то он непрочен. Группы менеджеров не будут постоянно удовлетворяться потребительскими привилегиями. Рано или поздно они попытаются сформироваться в новый имущий класс, экспроприируя государство и становясь владельцами-акционерами трестов и концернов. "Привилегии имеют лишь половину цены, если их нельзя оставить в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс". **Превращаясь в новую буржуазию, бюрокра-***

тия, следовательно, по необходимости вступит в конфликт со сталинизмом» (выделено мною — *И.С.*).

Интересно, что книга Дойчера «*Пророк в изгнании*» («*The Prophet Outcast*», London, 1963) в русском переводе получила более обтекаемое название: «*Троцкий в изгнании*». Даже при М.С. Горбачеве Политиздат не осмелился назвать «*пророком*» человека, который на протяжении десятилетий был пугалом (и снова стал им в 90-е годы). Но и сам И. Дойчер оценивал вышеприведенное пророчество Троцкого как необоснованное: «*события опровергли гипотезу о превращении бюрократии в новый имущий класс*» (14).

Нужно было подождать еще лет 20.

Проиллюстрируем теоретические выкладки конкретным примером (15).

Дед автора этих строк руководил крупным предприятием (пароходством) в одном из областных российских городов. Вот собственность, которой он мог в 70-е годы похвастаться перед рядовыми гражданами:

1. 3-комнатная квартира в доме, где аналогичные 3 квартиры занимали его подчиненные; 2. Автомобиль — старая «*Волга*»; 3. Типовой гараж в ГСК; 4. Моторная лодка и эллинг, тоже типовой, в соответствующем товариществе; 5. Участок (6 соток) с одноэтажным деревянным домиком (веранда, комната и кухня) в садовом товариществе своего предприятия, всё — точно такое же, как у подчиненных.

Значительным достижением в конце 70-х годов стал обмен квартиры на новую, тоже 3-комнатную, но в «*элитном*» доме, где жили партийные работники и генералы. Однако попытка купить новую машину, а старую передать сыну (соответственно, моему отцу), привела к тому, что на деда написали жалобу в Народный контроль, и коллеги по обкому партии объяснили ему, что он ведет себя нескромно. Сделку аннулировали, автомобили возвратились на свои места, и дед так до конца своих дней и ездил на старой «*Волге*».

Вот что получил ответственный работник от государства, которое защищал на войне и которому потом организовал на пустом месте — буквально на пепелище — два процветающих пароходства. В конце 80-х годов в обществе широко обсуждалась «*коррупция при Брежневе*». Действительно, тот стихийный даосизм, который исповедовал Леонид Ильич — управлять так, чтобы ничего не менялось, в том числе и руководящие кадры, — способствовал разложению бюрократического аппарата, и в этом смысле Брежнев создал серьезные предпосылки для последующих «*реформ*». Но именно предпосылки. На фоне ельцинской «*Семьи*» (16) шалости брежневской дочки — детские шалости в прямом смысле слова. Советская коррупция носила скрытый (как ей и было бы положено в «*цивилизованной*» западной стране) и очаговый характер, т.е. она поражала определенные ведомства (торговля, «*популярная музыка*») и регионы, но не общество в целом. Основная масса бюрократии жила именно так, как конкретный начальник, чью имущественную декларацию мы вам только что представили.

Общаясь с иностранными коллегами, наше начальство не могли не сопоставлять свой уровень жизни с жизнью тех, кто руководил аналогичными предприятиями на Западе. Дома, машины, холодильники, возможность (или невозможность) передать все это детям. Этнографические наблюдения были безопасны для системы, пока у руля оставалось поколение, обязанное советской власти

буквально всем, выигравшее под ее знаменами величайшую в истории войну и принимавшее всерьез ее идеологические догмы. Но старых бюрократов естественно и неизбежно сменяли *«мальчики-мажоры»* из песни Юрия Шевчука:

«Им хочется, бедным, в Майами или в Париж. А Уфа, Свердловск — разве это престиж?»...

5. Средний класс и третья сила

Приглядимся внимательнее к *«подлому»* сословию — к рядовым советским гражданам. Хрущевские реформы сильно ограничили сферу распространения принудительного (рабского или крепостного) труда. Теперь и в городе, и в деревне господствовал труд наемный. Право по собственному выбору менять место работы на то, где тебе больше заплатят и создадут лучшие условия, — фундаментальное право человека, которое лежит в основе всех современных прав и свобод. Оно подрывало древние устои политархии — и неизбежно вело к росту благосостояния и самосознания трудящихся. В 60–70-е годы медленно, но верно в стране формировался своеобразный госкапитализм — и нечто вроде *«среднего класса»*.

В современной социологической литературе этот термин сплошь и рядом употребляют именно для того, чтобы фальсифицировать реальную структуру общества. Никаким классом (с точки зрения строгого определения слова «класс») *«средний класс»* не является. Но в конкретной истории мы вынуждены пользоваться, наряду со специфической терминологией, и такими обтекаемыми формулировками, как, например, «верхи» и «низы», которые применимы и к современной Франции, и к римской Галлии. Таким же образом можно выделить и промежуточные слои. Писал же Ю.Я. Перепелкин о *«средней прослойке»* древнеегипетского общества, выделяя те периоды, когда ее численность и благосостояние росли: *«вместе с ремесленниками подняли голову и другие рядовые египтяне, в том числе разные мелкие служащие. Памятники их мы встречаем на каждом шагу»* (17).

Более-менее обеспеченные и образованные слои советских трудящихся тоже *«подняли голову»*. Они сознательно ориентировались на западные потребительские (и не только потребительские) стандарты, и по целому ряду показателей разрыв между Востоком и Западом был не так уж велик. С другой стороны, уравнительные идеалы, которые советская бюрократия унаследовала от революционеров-романтиков, да так и не смогла окончательно преодолеть, способствовали у нас стиранию классовых различий между нечиновным *«средним классом»* и номенклатурой не самого высокого полета. Зачастую они отдыхали на соседних (типовых) дачах, жили в стандартных квартирах (воспетых в фильме *«Ирония судьбы»*), ездили на одних и тех же машинах, записывали на одинаковые магнитофоны одни и те же песни Высоцкого, дети их сидели рядом за партами (кстати, ситуация в истории не столь уж редкая: вспомните *«Семерых самураев»* А. Куросавы или князя Мышкина, который жил совсем не по-княжески, а как нормальный разночинец).

Целый ряд факторов, прежде всего экономических, способствовал росту оппозиционных настроений в этой среде. В.Т. Рязанов указывает на середину 70-х годов как на рубеж, с которого начинается падение темпов технического

развития — хотя по Индексу развития человеческого потенциала (синтетический показатель, применяемый ООН для сопоставления уровня развития разных стран) СССР в 1987 г. еще занимал вполне пристойное 26 место в мире (США — 19-е (18). *«Застой»* в экономике и шаманство в идеологии похоронили тот социальный оптимизм, которым были отмечены ранние героические утопии братьев Стругацких и *«коммунарские»* эксперименты С. Л. Соловейчика в педагогике. Молодежь запела *«злые песни»* (Б. Гребенщиков). Но мы должны правильно понять характер тогдашнего нонконформизма, чтобы лозунги и настроения последних лет не переносились в прошлое, в совершенно иную общественную атмосферу, и тогдашние кумиры не представали ярыми антикоммунистами, вроде нынешней В. Новодворской. На самом же деле у В. Высоцкого любимыми героями были *«Ленин и Гарибальди»*, зрители Театра на Таганке *«хохотом встречали сцену, где деятели Временного правительства высаживались на ночные горшки»* (19), Б. Гребенщиков в самиздате 80-х годов называл себя *«советским рокером»* (20). Предвыборный митинг 1989 г., один из тех, на которых формировалась *«ДемРоссия»*, — над ним развевается красное знамя, лозунг: *«Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам на деле!»* (21). До самого конца последнего советского десятилетия — до самого своего конца! — демократическое движение не было ни антисоветским, ни антисоциалистическим. Правильнее всего определить его как антиноменклатурное. Люди выражали недовольство *«буфетом, для людей закрытым»*: монополиями и привилегиями номенклатуры (особенно высшей) во всех сколько-нибудь значимых сферах, от распределения квартир до искусства, где не закон, а личный вкус конкретного первого секретаря определял для миллионов горожан, какие песни им слушать и какие книги читать. К той борьбе с привилегиями, которая развернулась в конце 80-х, впоследствии попытаются приклеить афоризм П.П. Шарикова *«все отнять и поделить»*, чтобы примитивизировать и опошлить эфемерную российскую демократию. На самом же деле требование *«Долой привилегии!»* — совершенно естественное, не случайно оно в той или иной форме повторяется во всех буржуазно-демократических революциях (французская началась именно с того, что высшим сословиям предложили заплатить налоги наравне с прочими гражданами). При этом главными идейными противниками оказывались — опять-таки совершенно естественным образом, — не романтические большевики из пьес М. Шатрова и из песен Б. Окуджавы, а новейшая генерация бюрократов, циники и взяточники, воспитанные брежневским *«застоем»* и в коммунизм верившие не больше, чем в Будду.

По-настоящему антисоветские лозунги и речи, исполненные враждебности не к конкретным правителям, а к собственной стране, впервые прозвучат на *«тусовках»* политических маргиналов (*«Памяти»*, *«Демсоюза»*, прибалтийских ветеранов СС), но будут быстро подхвачены... Кем?

Тут-то мы и подошли к главному вопросу, который ставит перед историками Перестройка 1987–1991 гг. Легальное демократическое движение в политике вызвал к жизни М.С. Горбачев, когда через партийные СМИ обратился за помощью к широкой *«общественности»*. Но в движении этом *«смешались две натуры»*: собственно демократия и то, о чем предупреждал Л.Д. Троцкий. Понятно, что речь идет о тенденциях не просто различных, но взаимоисклю-

чающих, антагонистических. Черный юмор истории заключался в том, что номенклатурная приватизация выросла из демократии как кукушонок из чужого гнезда. Б.Н. Ельцину не пришлось создавать собственной политической организации — все, что нужно, он получил в наследство от А.Д. Сахарова. Сейчас мы не будем углубляться в вопрос о том, насколько реален был демократический вариант — многоукладный *«социализм с человеческим лицом»* — и в какой именно модификации, шведской или китайской. Важно, что его подменили еще на стадии рассмотрения.

Весной 1991 г. в *«Литературной газете»* — интересная дискуссия о *«третьей силе»*.

Владимир Соколов: *«В действие вступает истинная третья сила — предприниматели. Это очень серьезные люди, у которых лишь теперь развязываются руки (раньше именно их закон беспощадно карал за инициативу). И у этих людей весьма серьезные возможности, которые* ***по ходу кризиса*** *превращаются в инструменты реальной* ***власти*** *— дать или не дать сырье, товары, деньги, теперь и продовольствие. Социалистические служаки-плановики* ***в этом сословии*** *за шесть лет изрядно вывелись, а устояли умные, изворотливые, предприимчивые. Появились куда как напористые молодые рыночники вроде Артема Тарасова, да и «промноменклатура» стала иная — возьмите того же Владимира Каданникова, генерального директора ВАЗа»* (Литературная газета, 17.04.1991, выделено мною — *И.С.*).

Читайте источники внимательно! Формулировка *«в этом сословии»* явно относится не к фермеру и не к мастеру, который тайно шил джинсы, а при Горбачеве попытался оформить это занятие через кооператив. *«Очень серьезным предпринимателям»*, вышедшим из сословия *«служак-плановиков»*, оказывается, выгоден кризис. Выгоден голод! Характерны и конкретные примеры для подражания, приведенные автором старой статьи, — в свете того, как в дальнейшем складывались биографии А.М. Тарасова и В.В. Каданникова (22).

Другой участник дискуссии в *«ЛГ»* Андрей Бунич писал примерно о том же, терминология отчасти совпадает: *«предприниматели»*, *«изворотливые»*. Но эмоциональный фон несколько иной. *«Под консерваторами ныне понимают партийно-правительственный аппарат, ВПК, армию, КГБ. Но так ли однородна эта масса? Ведь некоторую ее часть уже смело можно именовать предпринимателями. Эти люди, которые принадлежат к наиболее изворотливой и* ***коррумпированной*** *части бюрократии, всецело на стороне рыночных преобразований. Сегодня они от всей души выступают за ускоренную приватизацию, либерализацию цен, свободу торговли. Они активнее всего в тех отраслях, которые связаны с* ***легкими путями обогащения****. Очевидно, что особых умственных затрат такие комбинации не требуют.* ***Бюрократам-предпринимателям*** *хотелось бы представить их* ***конфликт с обществом*** *как борьбу с темной и тупой силой реакции. На самом деле мы видим попытки малочисленной еще группы оборотистых дельцов, опьяненных первыми успехами в рыночной стихии, оттеснить другие слои гос- и партаппарата, другие иерархические структуры, чтобы захватить* ***экономическую и политическую власть целиком»*** (Литературная газета, 5.06.1991, выделено мною — *И.С.*).

Естественно, подобную программу нельзя было провозглашать с митинговых трибун и по телевизору. Поэтому *«третья сила»* мимикрировала. Более-менее точно воспроизводила за недобитыми диссидентами их риторику, благо,

это было нетрудно, и *«тупая сила реакции»* действительно давала о себе знать. Но для *«изворотливых»* комсомольских работников обычно был характерен показной, утрированный радикализм с выдвижением требований либо невыполнимых, либо вообще бессмысленных. Чем успешнее складывалась их прежняя карьера в ЦК или, например, на кафедре *«организации и методов управления общественным производством»*, тем громче они теперь проклинали *«коммунистов»*, прекрасно — не понаслышке — зная, что к реальным механизмам власти и собственности в СССР идеи Карла Маркса имели примерно такое же отношение, как Евангелие к феодализму.

Момент истины наступил, когда все права человека (вместе с экономикой и экологией) оказались подменены: в республиках — национализмом, в Москве — вовсе уж бредовым призывом к *«независимости России»* от некоего *«Центра»*, то есть от самой себя. Единственный реальный смысл нового курса заключался в перераспределении власти и собственности от *«союзной»* бюрократической группировки к *«российской»*, от ставропольского партийного лидера М.С. Горбачева — к его свердловскому коллеге Б.Н. Ельцину, от В.С. Павлова (бывшего министра финансов в правительстве Н.И. Рыжкова) к И.С. Силаеву (бывшему заместителю того же Н.И. Рыжкова в том же самом правительстве). А чтобы люди не понимали, что перед ними разыгрывается, сцену увешали разнообразными триколорами и антикоммунистическими лозунгами, один другого радикальнее.

6. *«Захватить экономическую и политическую власть целиком...»*

Из учебников по новейшей истории можно узнать, что после окончательной победы Ельцина над Горбачевым в Российской Федерации начались *«рыночные реформы» — «переход к рынку, к легитимной частной собственности»*. Проводили их *«реформаторские силы», «на первый план выдвигалась задача достижения макроэкономической стабилизации, т.е. равновесия между платежеспособным спросом (предприятий и населения) и товарным предложением»*, а самой характерной особенностью этих *«реформ»* оказался рост цен (даже не в 5-10 раз, как *«прогнозировали реформаторы»*, а *«в 100 и более»*) (23).

Конкретные историки и экономисты могут по-разному (в зависимости от своих политических взглядов и зарплаты) оценивать эти события. Но общая схема вроде бы не вызывает сомнений. Все было именно так. Не правда ли?

Между тем, повышать цены пришлось бы в тот момент любому правительству. Б.Н. Ельцин, будучи еще в оппозиции, обличал такие замыслы со стороны Н.И. Рыжкова: *«Переход к рынку в основном за счет народа, то есть это антинародная политика. Россия не должна ее принимать»* (24).

«Дедушка российских реформ» (25) Е.Г. Ясин дал им такую характеристику: *«Три ключевых слова — это «либерализация», «приватизация», «финансовая стабилизация»* (Знание — сила, 2001, № 5, с. 60). Но те же самые *«три слова»* звучали и в коммунистическом Китае, и в либеральной Чехии, и в Хорватии, где у власти оказалось что-то вроде нашего общества *«Память»*.

А ведь у ельцинского *«перехода к рынку»* просматриваются характерные черты, действительно уникальные.

Первое — **налоговая политика**, которая началась при Е.Т. Гайдаре и целеустремленно продолжалась при его преемниках: конфискационное налогообложение отечественного производства.

Вот как она выглядела *«снизу»* — из заводской бухгалтерии. *«В 1991 г. завод отчислил в виде налогов на медицину, армию, образование и т.д. 8,6% сумм от реализации за прошлый год* (1995 г. — *И.С.*) *43,5%.»*.

Оплата неизбежных услуг **государственных** монополий: за газ в 1991 г. уплачено 6,2%, в 1995 — 23,4%.

За электричество, соответственно, 3,9 и 13,1%.

*«Любое производство предполагает самозатраты: сырье, запчасти, транспорт, ГСМ. На эти цели завод **уменьшил** расходы за 4 года на 10%, и они составили 21,1%»* (против 31,4% в 1991 г.)

С учетом этой экономии на зарплату рабочим АОЗТ «Северский завод "Кубань"» осталось: -1,5%. Минус полтора процента. (Человек труда, газета профсоюзов Кубани, 1996, № 9).

Юго-запад Москвы. НПО автоматики и приборостроения. Генеральный конструктор, Герой социалистического труда В.Л. Лапыгин: *«Налоги составляют 80 процентов. Вы не поверите, даже за спортивный комплекс на территории НПО мы отдаем арендную плату»* (За Калужской заставой, 1997, № 17).

Пожалуй, самым разорительным стал *«налог на добавленную стоимость»*, введенный 6 декабря 1991 года, почти день в день с Беловежским путчем: *«Объектами налогообложения являются обороты по реализации на территории РСФСР товаров (**кроме импортных**), выполненных работ и оказанных услуг»*. От налога освобождались *«операции, связанные с обращением валюты, денег, банкнот, а также ценных бумаг»; «видеопоказ»; «обороты казино, игровых автоматов»* (Инструкция о порядке исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость, п. 4, выделено *И.С.*) В сумму, которую платил в кассу магазина покупатель отечественной продукции, включалось несколько НДСов (см. ту же Инструкцию, п. 41-б).

А чтобы стопроцентно гарантировать *«финансовую стабилизацию»*, ноу-хау по налогообложению собственного производства дополнили **освобождением импорта** от таможенных платежей — через фиктивную *«благотворительность»*. По подсчетам Н.П. Шмелева, в год организации с гуманными названиями получали от льготного импорта *«порядка 5— 6 миллиардов долларов. Для сравнения: все расходы России на науку — 150 миллионов»* (Независимая газета, 15.07.2000). Когда Б.Н. Ельцин под давлением зарубежных кредиторов вынужден был свернуть таможенную благотворительность, казна — в которой как раз *«не хватало денег»* на детскую онкологию — компенсировала торговцам спиртным и сигаретами понесенные ими *«потери»*, более 37 триллионов рублей, *«эта сумма составляла половину запланированного секвестра»*, а *«Порядок компенсации потерь, возникших при отмене льгот по таможенным платежам»* утвердил заместитель председателя правительства А.Б. Чубайс (Максимов В. Дача льгот в особо крупных размерах. // Новая газета, 1997, № 35).

Очень интересным образом взимался подоходный налог — в России он стал **обратно прогрессивным**. Наиболее обеспеченные 15% населения в 1996 г. заплатили со своих доходов 2,1%, а остальные граждане — 6,7% от совокупного

дохода (Иванов В., Суворов А. Либеральные реформы и доходы населения // Независимая газета, 17.06.1997).

До сих пор многие всерьез рассуждают об *«ошибках реформаторов»*. Помпезный сборник *«Иное»* открывался такими наукообразными рассуждениями: *«В настоящее время, как бы странно это ни звучало, отсутствует удовлетворительный ответ на вопрос, в чем состоит* ***предмет*** *российских реформ. Для монетаристской команды реформаторов, например, в качестве такового выступала денежная масса, совокупность ее потоков и узлов, в которых она производится и потребляется. Вне рамок этого чрезвычайно узкого (хотя и важного) аспекта социальной системы реформаторы не имели никаких теоретических моделей и действовали вслепую, чисто эмпирически. В результате достигнутый ими положительный эффект был сведен на нет деструктивными процессами по другим аспектам и подсистемам общественного организма»* (26). *«Команду Гайдара»* часто представляют отвлеченными теоретиками. Коржаков — Черномырдину: *«Черномырдин прошел все ступенечки,от и до,Ельцин прошел. А эти все— студенты, аспиранты»* (27).

Стереотип очень старый и очень прилипчивый. Одна из первых финансовых афер, на которых попались люди из окружения Б.Н. Ельцина (т.н. *«дело о 140 миллиардах»*), была расценена на Съезде народных депутатов именно как проявление *«некомпетентности»* (Советская Россия, 3.04.1991, с. 3).

Но поставим простой вопрос: ельцинские министры с научными степенями по экономике — неужели они **действительно рассчитывали,** что заводы обогатят бюджет, заплатив 80- (или даже 40-процентные) налоги? А инвалиды оздоровятся спиртом *«Рояль»* — ядовитым пойлом, которое завозится цистернами неизвестно откуда?

Рассчитывали — но просчитались. Ошиблись...

Не думаю, что у нас есть основания подозревать Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса, А.П. Вавилова и др. гг. в клиническом идиотизме. Как всякие нормальные политики, они действовали в интересах своего класса — того социального слоя, который обеспечил их *«хождение во власть»*. И действовали отнюдь не *«вслепую»*, а на удивление последовательно и эффективно.

Не зря литературовед Андрей Немзер сравнивал Ельцина с Кутузовым: *«глубинная приверженность Ельцина избранному им пути свободы рифмуется с верой Кутузова в то, что Бородинское сражение окончится победой»* (Время, 5.01.2000).

Номенклатура всегда была неоднородна. Наряду с откровенными паразитами — идеологическими шаманами и комсомольскими мальчиками «чего изволите» — к ней принадлежали специалисты разных отраслей, *«та часть госаппарата, которая не ввязывалась в дележку пирога, потому что была занята работой». «В прежней иерархии они были рабочими лошадками, больше отдавали государству, чем брали у него. Эти люди имеют хозяйственный опыт, хорошую работоспособность и, что немаловажно, деловую честность. В хорошей экономической системе они, сплотившись, займут достойное место Именно на их предприятиях сосредоточены лучшие кадры, оборудование, у каждого из них свои отлаженные связи в сфере снабжения и сбыта. Почему бы им бояться рынка?»* — писал Андрей Бунич в уже знакомой статье 1991 г.

Зимой следующего, 1992 г. Дж. Кьеза стал свидетелем драматического противостояния внутри правящего класса: *«в Тольятти состоялось совещание, в котором участвовали т.н. «красные директора» и тогдашнее российское правительство в почти полном составе: и.о. премьера Егор Гайдар, министры Шохин, Нечаев, Авен. В президиуме сидели молодые, почти юные люди, только что покинувшие стены американских университетов, пропитанные рейгановско-тэтчеровским кредо, убежденные сторонники deregulation. И все зубры-директора говорили приблизительно одно и то же: мы поняли, что социализм умер... Но мы просим вас учитывать два ключевых вопроса. Первое: за нами стоят миллионы семей, которые мы не можем бросить на произвол судьбы. Второе: многие из представленных здесь предприятий могут достаточно быстро стать конкурентоспособными на мировом рынке Мы готовы закрыть то, что надо закрыть, но скажите нам, пожалуйста, что нам сохранить, на что вы хотите нацелиться, чтобы способствовать росту производства в будущем. Я помню, какая скука была написана на лицах молодых людей, сидевших в президиуме».*

Потом, пишет Дж. Кьеза, *«свободная российская печать»* обрушила потоки ругани *«на «красных директоров». Их обвиняли в «бойкотировании реформы», в том, что они были «гнездом консерваторов» и «поддерживали коммунистов»* (28). А в экономике происходило все то, что мы описывали чуть выше в связи с налогами и таможенными льготами.

Серией хорошо продуманных мер директорский корпус и профсоюзы (которые при Горбачеве начали вспоминать о своем естественном предназначении) были поставлены на колени перед *«молодыми людьми»*, не способными ни к какому полезному делу, кроме идеологической болтовни и *«обращения валюты, денег, банкнот, а также ценных бумаг»* (предпочтительно — чужих).

Через 10 лет на Экспериментальном машиностроительном заводе имени Мясищева в Жуковском — совещание по космосу. Специалисты, которые работали над *«Бураном»*, теперь будут делать аттракционы для богатых бездельников. Расстановка сил напоминает то, что наблюдал в Тольятти итальянский журналист. Но *«производственники»* разбиты и деморализованы. *«Выступающие делились на две категории: энергичные загорелые молодые люди и бледные интеллигенты предпенсионного возраста. Интеллигенты представляли тех, кто будет делать непосредственно сам «туристический аппарат». Загорелые молодцы представляли тех, кто будет делать на аппарате деньги»* («Буран в стакане воды» — Московский комсомолец, 19.03.2002).

Тех лидеров *«реальной экономики»* (потрясающий термин, не правда ли?), которые согласились играть по новым правилам, допустили к фуршету победителей. Их имена у всех на слуху. И в Большом Энциклопедическом Словаре вы найдете В.С. Черномырдина с В.Ф. Шумейко, но там нет В.З. Нечая — директора федерального ядерного центра (Челябинск-70), который застрелился, потому что не мог платить зарплату сотрудникам. Не найдется места в истории для *«красных директоров»*, отправленных в отставку оффшорными *«акционерами»*. Или просто убитых по подъездам.

Поэтому сегодня, оценивая события задним числом, легко можно прийти к выводу, что другого пути у России не было. Но в 1992 году *«реформаторы»* действовали так *«радикально»*, не считаясь ни с какими потерями для страны

и народа, именно потому, что перспектива, нарисованная Андреем Буничем, их действительно пугала.

«Производственников» закопали вместе с производством.

7. *«Мурка»* — реквием по среднему классу

Перечень уникальных *«реформ»* не исчерпывался налоговыми и таможенными.

Нельзя не вспомнить о т.н. *«финансовых пирамидах»*, которые при полном содействии всех **четырех** ветвей власти «раскулачили» 20 миллионов *«дорогих россиян»* (29).

Главной особенностью приватизации (а также *«финансовой стабилизации»* по Ясину) стал не пресловутый ваучер, а свободный допуск оффшорных компаний. Подробнее феномен оффшора рассматривается в работе автора этих строк (30). Здесь отметим главное: человек, который живет и работает в Кемерово (или в Москве, или в Лондоне), будет регистрировать свое предприятие на острове Науру только с определенной целью. Даже сугубо теоретически никакой другой цели невозможно придумать. *«Рога и копыта»*, созданные специально для того, чтобы не платить налоги, вывозить валюту за рубеж и обманывать кредиторов, — это и есть наша *«легитимная частная собственность»*.

Но особую роль в новейшей истории России сыграла *«правовая реформа»*. Диссиденты в свое время требовали от правительства соблюдения его же собственных законов. Горбачевская Перестройка вдохновлялась идеей *«правового государства»*. Но после августа 1991 г. тон газетной публицистики изменился.

«Товарищи дамы! Довожу до вашего сведения, что у нас в стране произошла революция! Пока еще, к сожалению, не буржуазная, но уже демократическая. Невозможно осуществить революцию с помощью законов и инструкций, господство которых именно и привело к ней» — ерничал Андрей Нуйкин (Московские новости, 15.09.1991). Потом Е.Т.Гайдар призывал: *«Забыв про все юридические тонкости и нюансы, покажем, что мы за новую Россию...»* (Прямой эфир. Солидарность, 1993, № 8), а Е.Г. Боннэр сравнивала Конституцию с туалетной бумагой (Независимая газета, 21.04.1993).

Согласитесь, это не уточнение нюансов, а резкое и принципиальное изменение позиции. Стоит ли удивляться тому, что к середине 90-х годов легальная юстиция оказалась практически парализована? Кажется, впервые в истории наблюдалось **обратное развитие** от писаного права к обычному — при сохранении основных институтов городской цивилизации и в мирное время (31).

Революционеры 1917 года — те самые, на которых ссылался антикоммунист А. Нуйкин, — с удовольствием отменяли старое *«буржуазное»* право. Для чего? Чтобы заменить его новым, *«пролетарским»*. Но *«реформаторы»* 90-х гг. не пошли по этому пути. Потому что в конце XX века невозможно было перед мировым сообществом легализовать законодательство раннефеодального образца — такое, по которому *«бомонд»* имеет права, а *«население»* — в основном обязанности. И борцы за *«новую Россию»* нашли остроумнейшее решение. В законе может быть написано все, что угодно. Северные надбавки, неприкосновенность личности, компенсации за плохую погоду. Но жизнь рядового граж-

данина определяется не тем, что написано, а нормами обычного права, то есть представлениями о политкорректности, которые разделяет большинство элиты. По отношению к приезжему в Москве установлен один уровень нормального (допустимого) произвола, по отношению к москвичу — другой. Право на то, чтобы тебя судили по закону (т.е. по тем актам, которыми правительство отчитывается перед иностранцами) превратилось в привилегию, как при Брежневе — право покупать товары в валютном магазине. А безнаказанные внесудебные расправы стали обратной стороной либеральной медали от ОБСЕ — «За отмену смертной казни».

Здесь мы подходим к проблеме, поставленной С.С. Говорухиным. Что такое *«Великая криминальная революция»*? Понятно, по каким соображениям министр-взяточник может поощрять другого вельможного казнокрада. *«Узнаю брата Васю»*. Но почему *«социально близкой»* оказалась обычная уголовщина? Почему статью 77 тогдашнего УК *«бандитизм»* (очень грамотно составленную) вывели из употребления именно в годы жесточайшего криминального террора? Зачем понадобились специальные радиостанции, телевизионные программы, кинофильмы, а теперь еще и сериалы (на государственном ТВ), чья основная задача — вдалбливать криминальную субкультуру в молодые мозги? Почему восторги по поводу этой продукции выражают не пьяные подростки в подъезде, а либеральная, прости господи, *«интеллигенция»*? (32)

Во-первых, то, что И.В. Кормильцев назвал *«союзом боярства и урлы против третьего сословия»* — явление интернациональное (33). В России оно приобрело особо злокачественные формы. Те, кого у нас называли *«бандитами»*, не были бандитами в общепринятом понимании, это были своего рода феодальные дружины. Номенклатурно-олигархические группировки поручали им функции, которые нельзя было возложить на официальную милицию или ФСБ. Или, если феодальная аналогия, напоминающая об Илье Муромце и Ланселоте, кому-то покажется слишком возвышенной, подберем другую. Зондеркоманды *«реформ»*. Жертвами убийц, для благозвучия переименованных в *«киллеры»* (ср.: *«проститутка»* = *«путана»*; *«графоман»* = *«постмодернист»*; *«педераст»* = *«гей»* и т.д.), становились представители элиты, нарушившие нормы обычного права, но все-таки острием своим *«криминальная революция»* оказалась направлена против *«среднего класса»* (он, если помните, является оплотом стабильности в *«цивилизованном обществе»*, и его якобы очень не хватало России на старте *«реформ»*). Железом и кровью — пулями из-за угла и паяльниками, которыми пытали несговорчивых торговцев, — зондеркоманды искореняли по всей стране **независимую** экономическую инициативу.

На уроке по новейшей истории дети спросят: если, как написано в учебнике, в СССР был непропорционально развит ВПК, миллионы лишних работников обременяли нерентабельные предприятия тяжелой промышленности и разные конторы, то почему в новой, демократической России эти люди не занялись тем, чего не хватало экономике? Той же легкой промышленностью? Почему китаец, втайне от милиции занимавшийся каким-то ремеслом, в результате китайских реформ открыл собственную мастерскую, потом фабрику, а наш соотечественник в результате наших *«реформ»* поехал в тот же Китай или в Турцию за наихудшим барахлом, какое там только можно найти?

Ведь *«челночный бизнес»* имеет примерно такое же отношение к капитализму, как кабак к компьютеризации. Это не капитализм и не социализм, а просто дикость.

Теперь мы можем дать на сложные вопросы внятный и аргументированный ответ. Независимый производитель (как и кадровый рабочий на стабильном легальном предприятии) — это самостоятельное действующее лицо в экономике и политике. А *«челнок»* или *«гастарбайтер»* на московских стройках — бесправные рабы. Рыночный субстрат, копошащийся под ногами у хозяев жизни. Именно этим *«челноки»* и *«гастарбайтеры»* предпочтительнее.

Как, наверное, заметили читатели, слово *«реформа»* применительно к 90-м годам употребляется только в кавычках. По определению (см. тот же БЭС) это слово относится к преобразованиям прогрессивным, хотя бы в проекте. Реформа может потерпеть поражение (например, М.С. Горбачев или его вечный оппонент А.Д. Сахаров — видимо, все-таки не слишком удачливые реформаторы), но она не может увенчаться успехом по принципу «хотели как хуже — и сделали как хуже». Мы не называем Гришку Распутина церковным реформатором, хотя воздействие его на судьбы православия было весьма велико.

*«Ярлыки «демократов» и «реформаторов», часто применяемые к тем или иным элитным группировкам ельцинской эпохи, противоречат смыслу. Если мы примем ценности и цели, исповедовавшиеся низовым демократическим движением, за индикатор того, что значили реформы изначально для непривилегированных социальных слоев, тогда политика ельцинской эпохи представляет собой откат от этих реформ, или, выражаясь иначе, **контрреформу**»* (Дмитрий Глинский, Питер Реддавей, выделено авторами (34).

Даже либеральные эксперты признают, что конкретные результаты **контрреформы** сопоставимы с последствиями большой проигранной войны на собственной территории: *«за четыре года* (1992 — 1996) *валовой внутренний продукт в совокупности снизился на 28%. Для сравнения: за четыре года Первой мировой войны ВВП упал на 25%»* (Илларионов А. И правительство, и оппозиция предлагают курс экономического падения // Известия, 11.12.1996.).

Политики, которые добились столь впечатляющих результатов, не были агентами влияния и не разваливали Россию по заданию ЦРУ. Они в принципе не имели ничего против российской промышленности. И с конца 90-х годов промышленность начала восстанавливаться, на прилавках появились отечественные товары. Но это стало возможно только после того, как над всеми отраслями, над заводами, фабриками, фермами (а также отделениями милиции и воинскими частями) установился контроль спекулятивного, паразитического капитала. Контроль не менее надежный, чем тот, который при советской власти имели обкомы и горкомы партии.

Таким образом, окончательно оформился новый правящий класс, наследник старой номенклатуры — точнее, тех ее слоев, которые сумели наиболее эффективно, не отвлекаясь ни на что постороннее, вроде чужих стариков или детей, конвертировать аппаратные полномочия и связи в твердую валюту.

Применимы ли к подобным ситуациям понятия из уголовного права? Когда Владимир Максимов выносил в заголовок своей знаменитой статьи о *«реформаторах»* слово *«клептократия»*, он, как писатель, был прав (Правда,

3.06.1994). И в каждой конкретной житейской ситуации мы вправе осудить судью-взяточника, противопоставить настоящего ученого — составителю заказных *«рейтингов»* и т.д. Но если мы подходим к проблеме как исследователи, то должны учитывать, что уголовная юстиция невозможна вне государства. Когда хан Тохтамыш шел с Ордой на Москву, совершалось множество деяний, преступных не только по современным, но и по тогдашним понятиям, но вряд ли они воспринимались как преступления частных лиц. И проблема, наверное, заключалась не в наказании конкретного темника, который разграбил и сжег конкретную церковь, а в избавлении от Ига, в преодолении самой Орды как социального института, мешавшего людям жить и работать.

8. *«Возрождение России»* в разрезе

«Страна нуждалась в появлении класса крупных собственников, которые стали бы финансовой опорой нашей условной демократии. Этот класс появился» (Александр Архангельский, Известия, 4.02.2002).

Авторы, находящиеся на содержании у вышеупомянутого класса, стараются уверить нас в том, что т.н. *«предприниматели»* и чиновники -- две **разные** общественные группы. *«После победы Ельцина на выборах 1996 г., когда крупный российский бизнес впервые проявил себя как политическая сила, не допустил отмены демократических выборов и введения в стране чрезвычайного положения и, что самое главное, — обеспечил победу своего кандидата, госбезопасность определила для себя новое направление главного удара: российская деловая элита. Появилось новое определение — «олигарх», хотя и было очевидно, что даже самый богатый человек в России олигархом в буквальном смысле не является, так как отсутствовала главная составляющая олигархии — власть»* (Александр Литвиненко, Юрий Фельштинский (35).

На самом же деле ключевое звено нашей современной социальной структуры — то, что правящий класс **един в двух лицах**. Как мы уже отмечали, власть и собственность в принципе неразделимы, и на Западе тоже происходит сращивание бюрократии (в том числе международной) с крупным капиталом. Но там существуют и механизмы, которые защищают общество от слишком активного и разрушительного совместительства на верхних этажах. Главу канцелярии министерства финансов Франции Ж.Ш. Наури судят за то, что он поучаствовал в *«бизнесе»* известного Дж. Сороса (Коммерсант, 11.11.2002).

В России 90-х гг. в принципе невозможно определить, кем являются ведущие *«реформаторы»* : Р. А. Абрамович, П. О. Авен, Б.А. Березовский, А.С. Волошин, Б.Г. Федоров, А.Б. Чубайс, А. Р. Кох и др. — государственными служащими или «бизнесменами». В зависимости от обстоятельств они выступают то в одном, то в другом качестве, причем качества неразделимы и взаимосвязаны. *«Установлено, что Чубайс А.Б. уплатил налог в размере 517,2 млн. рублей. Доходы получены им в период, когда он на госслужбе не находился. Суть его предпринимательской деятельности — получение от **коммерческой** структуры **беспроцентной** ссуды и покупка на эти средства ценных бумаг. Чубайс А.Б. и другие лица, получив ссуды, объединили их и передали в доверительное управление ЗАО «Монтес аури» (именно эту контору, вылетев **из вице-премьеров**, возглавил соавтор*

Чубайса А.Р. Кох — А. М.), которое поручило коммерческому банку купить ценные бумаги. Выплаты по доходам ценных бумаг перечислялись на личные счета участников сделки» /Письмо из Генеральной прокуратуры, выделено мною — *И.С.* (36)/. В каждом конкретном деле, экономическом или уголовном, проявляется двойственность фигурантов. Откройте любую газету и читайте новости внимательно. *«Следствие расценило работу Саакяна как государеву службу, а на самом деле это была коммерческая деятельность. То же самое и с сотрудниками Госкомстата. Они признались, что получали деньги, но это не было взяткой, это была оплата работы, которую они выполняли»* (Известия, 1.10.2002). *«В новой ситуации группа акционеров во главе с г-ном Абрамовичем (обладающая большинством голосов), возможно, и не будет искать консенсуса с Анатолием Чубайсом. Насколько я знаю, этой проблемой Анатолий Борисович уже озаботил своего соратника Алексея Кудрина»* (Время новостей, 6.11.2002). Кто из перечисленных *«акционеров»* губернатор, а кто министр?

Если две функции не совмещаются в одном лице (Б.Н. Ельцин, А.В. Руцкой, Ю.М. Лужков), они распределяются в семье, между родственниками.

Наконец, последняя модификация. В.А. Гусинский *«позвонил Евгению Вадимовичу Савостьянову, который в ту пору возглавлял управление ФСК по Москве и Московской области.*

— Женя, выручай, за мной бандюки какие-то увязались. Приехали менты по моему вызову, ничего с ними не сделали, умотали. Надежда только на тебя,— кричал в трубку Гусинский. Его слова я привожу дословно, убрав только мат. Они взяты из радиоперехвата разговора. Женя, как ***верный пес****, выслал* ***хозяину*** *на помощь группу захвата из московской ФСК»* /выделено мною — *И.С.* (37)/. Судя по этой цитате, Гусинский — тот самый человек, у которого *«отсутствовала главная составляющая олигархии — власть»*: ведь он,в отличие от своего двойника-соперника Березовского, не утруждал себя приобретением официальных званий.

Нельзя не согласиться с Владимиром Прибыловским, одним из последних настоящих **социологов** в нашей стране: *«Олигархи» бизнес-класса — нефтяные, газовые, медийные, колбасные, водочные — все назначены в великие капиталисты государством... Пресловутое «равноудаление олигархов от власти» буквально означает примерно то же самое, что «равноудаление хоккеистов от хоккея»* (38). Та же ситуация воспроизводится на низовом уровне, с *«олигархами»* областного и районного масштабов. Предпринимателей, которые действительно что-то **предприняли**, можно по пальцам пересчитать (39). Самостоятельный бизнес возможен на уровне отдельно взятого магазинчика или полукустарной фабрики — *«не выше сапога»*.

Особое название для правящего класса, соединившего в себе два естества — бюрократическое и капиталистическое, — в литературе не устоялось. Может быть, будущие историки назовут его **номенклатурно-финансовой олигархией**. Численность этой олигархии (разных рангов и отраслевых специализаций) оценивают тоже по-разному, и в наших условиях довольно трудно предложить такую универсальную методику, которая позволила бы подсчитать то, что специально скрывается от подсчетов. В объективных исследованиях самой себя нынешняя элита заинтересована не больше, чем предыдущая. Заимствованный

у западных экономистов прием — выделение 10% *«наиболее богатых»*, которые потом противопоставляются 10% *«наиболее бедных»*,— на мой взгляд, откровенно искусственный. Согласно официальным декларациям, П.П. Бородин — небогатый человек, у него нет ни квартиры, ни дачи, ни гаража, в который он мог бы поставить *«Волгу»* — единственное свое достояние, В.П. Шанцев ездит на *«Москвиче»*, а С.В. Кириенко вообще ни на какую машину не заработал (40). Поэтому оценки носят ориентировочный и весьма приблизительный характер. Та, что приведена у Ю.И. Семенова: *«1,5 % населения страны владеют 57% всего национального богатства»* (41) совпадает с данными о старой советской номенклатуре (см. выше гл. 4).

Что же касается вопроса, поставленного в начале статьи, то на него уже можно дать вполне определенный ответ. Социально-экономическая природа нашего правящего класса такова, что т.н. *«коррупция»* (купля-продажа властных полномочий) — не уголовно-наказуемое отклонение, а нормальный механизм, обеспечивающий изъятие прибавочного продукта и *«справедливое»* его перераспределение между героями светских хроник.

Далее — спускаемся вниз по ступенькам социальной иерархии.

Мелкая буржуазия — те, кто на собственном горбу поднял легкую промышленность Турции и уберег часть выручки от рэкетиров в погонах и без погон. Вопрос о существовании в России средней буржуазии отдельно от бюрократии можно оставить как дискуссионный.

Наемные работники. Из их аморфной массы в очередной — кажется, уже в третий раз — медленно и неуверенно выделяется *«средний класс»*. Сейчас его судьба связана с механизмами, обеспечивающими перемещение денег, настолько больших, что некоторая часть перепадает и тем, кто работал, в первую очередь прислуге — в широком спектре от собачьего парикмахера до «рок-музыканта», выступающего по ночным кабакам. Этим занимается, например, группа АКВАРИУМ, вчерашние властители дум.

В 90-е годы, в отличие от 80-х, даже верхняя (более образованная и зажиточная) прослойка непривилегированного *«электората»* разобщена, деморализована и катастрофически не способна к осознанию собственных интересов. Она повторяет на кухнях то, что спущено сверху через «ящик», читает то, что положено читать, верит в любую ахинею, от *«экстрасенсов»* до *«постмодернизма»*, а голосует так же послушно, как пенсионеры из сельской глубинки.

В низших слоях того же сословия — люди, которые вообще не голосуют. Бесправные *«гастарбайтеры»*. Только у нас, в отличие от Германии, этим словом называют не настоящих иностранцев, а своих же соотечественников по *«бывшей»* Родине. За нищенскую плату мужчины строят образцово-капиталистическую Москву, а женщины зарабатывают раннюю смерть от нефрита, торгуя на свежем воздухе (зимой, в лютые морозы) сосисками или стиральным порошком. Для данной категории разработана отдельная система унижений в РЭУ и отделениях милиции. Зато сытая столичная *«интеллигенция»* может нанять дешевую прислугу, это, с ее *«интеллигентной»* точки зрения — одно из достижений нашего времени, а время, как отметил кинокритик Д. Дондурей, у нас *«замечательное, очень важное, раскрепостились гигантские ресурсы свободы»* (Что делать? ТВ «Культура». 12.11.2002).

Возможно, прислугу (как *«ресурс свободы»* для хозяев) стоило бы даже вынести в отдельный класс-сословие, а название для него подобрать из учебника по истории Средних веков.

Эпилог

Многие проблемы, от розничной торговли до, прости господи, *«образовательной реформы»*, связаны с описанной выше социальной структурой. Не понимая ее объективной природы (или не желая понимать, как это делает большинство *«социологов»*, опять же в кавычках), мы обречены на постоянную, по кругу, подмену понятий, и не только ничего не решим в окружающей нас жизни, но не сумеем даже сформулировать вопрос.

А есть ли у нас шанс что бы то ни было решить?

Перспективы отечественного *«паракапитализма»* (Ю.И. Семенов) могут быть связаны с богом Хроносом: если не сами *«новые русские»*, то их дети когда-нибудь почувствуют себя легитимными, следовательно, ответственными собственниками — как викинги, осевшие на завоеванные земли. И у нас установится нормальный капитализм. Проблема в том, что подобный переход, во-первых, не обязателен — бывало в истории и так, что корпорацию захватчиков-разрушителей исправляла только братская могила. Во-вторых, он требует времени. Внук Рюрика Святослав, хоть и носил славянское имя, но грабежом чужих земель интересовался куда больше, чем обороной собственных. А мы живем не в X веке, и нам не стоило бы рассчитывать на правнуков. За пару десятилетий можно отстать навсегда не только от Китая, но и от Вьетнама с Лаосом.

Многие завсегдатаи Шереметьева-2 уповают на «облагораживающее» влияние Запада. Действительно, в США и Западной Европе есть много такого, чему стоило бы поучиться, но усвоение социального опыта происходит не автоматически, прямо пропорционально интенсивности контактов. Будь это так, Гаити и Доминиканская республика уже показывали бы нам пример благополучия. А в сознательном культивировании на российской почве того, что поколения западных трудящихся **отвоевали** у своего правящего класса (социальные гарантии, муниципальное самоуправление, контроль за бюрократией и пр.), наш правящий класс категорически не заинтересован. Кроме того, после окончания Холодной войны на единственном полюсе однополярного мира наблюдаются некоторые перемены общественного климата, — как образно заметил Махатхир Мохамад, *«мы уже не видим дружелюбного лица капитализма»* (Независимая газета, 29.12.1998). Может быть, эти перемены не скоро почувствует на собственной шкуре европейский обыватель, но *«сырьевым придаткам»* они не обещают ничего хорошего.

Наконец, надежды на личность В.В. Путина. Популярность президента в народе связана именно с тем, что он *«пересмотрел результаты реформ»* на самом болезненном, кавказском направлении — ликвидировал криминально-ваххабитский оффшор, с которым сотрудничали московские олигархи. Многие *«птенцы гнезда Борисова»* обиделись на нового президента. *«Я думаю, здесь не власть восстала на энтэвэшное канальство, а как раз само канальство стало восставать на то, что робко начало утверждаться во власти»* (из выступления Вади-

ма Царева в дискуссии по известному *«делу НТВ»* (НГ-сценарии, 10.06.2001). Действительно, *«либеральная интеллигенция»* ругает Путина прицельно за то, в чем он не похож на Ельцина. То есть за то немногое, что заслуживает похвалы. В приведенной цитате я выделил бы слово *«робко»* (в стенограмме оно повторяется несколько раз). Начиная с фараона Эхнатона история знает немало примеров, когда самодержавный правитель (а Путин по характеру своей власти, конечно, ближе к монарху, чем к президенту Франции) вступал в конфликт с элитой, с тем слоем, который возвел его на престол, — и выходил победителем. Но чтобы *«революция сверху»* увенчалась успехом, она должна иметь социальную базу, включая какую-то часть правящего класса (повторяющийся сюжет: служилые люди против знати), и внятное идеологическое обоснование. Наверное, *«энтэвэшное канальство»* было право, когда увидело в новом президенте угрозу для гнилостного режима 90-х гг. Но есть ли у Путина ресурсы, чтобы не *«робко»*, а всерьез посягнуть на социально-экономические устои этого режима? 10 лет правящий класс подвергался непрерывной чистке, слой за слоем устранялись не только те, чья политическая благонадежность вызывала сомнения, но просто люди, имевшие какие-либо взгляды на что бы то ни было, кроме долларов в собственном кармане. Люди, сохранявшие какие-то, пусть самые элементарные, представления о морали и служебном долге. Возьмем отрасль управления, которая у каждого перед глазами. Ведомство пропаганды в 1995 году по всем телеканалам глумилось над собственной армией и рекламировало Шамиля Басаева. Конечно, это ведомство можно превратить в оплот патриотизма. Под угрозой отлучения от *«рекламной»* кормушки его сотрудники будут пропагандировать что угодно, хоть идеи чучхе. Но можно ли таким сотрудникам доверять? Если судить по результатам социального эксперимента, поставленного в этом году организацией *«Идущие вместе»*, значительная (видимо, преобладающая) часть элиты по-прежнему и с удовольствием играет на понижение нравственного и интеллектуального уровня (42). Что касается альтернативной идеологии, она же *«национальная идея»*, достижения в этой области пока ограничиваются фильмом *«Брат-2»* и канонизацией одного из самых бездарных правителей в истории России.

Но это все, как говорил герой Р.Л. Стивенсона, *«дела королей»*.

А что делать людям, принадлежащим к совсем другому, не *«политическому»* классу? К сожалению, они мало что могут изменить в современной общественной ситуации. У нас был шанс, предоставленный Горбачевым в 1987 году, но мы сами его променяли на чечевичную похлебку в фирменном антикоммунистическом соусе из буфета свердловского обкома КПСС. Теперь поезд ушел, точка бифуркации пройдена. Но если мы не в силах изменить общественный строй, то можем, по крайней мере, не поддерживать его собственной ложью. Можем не стесняться бедности: ведь не стеснялись ее в 1983 году, когда Гребенщиков с гордостью пел: *«Я инженер на сотню рублей, и больше я не получу»*. Или нынешнее богатство намного честнее тогдашнего? Можем презирать интеллектуальных прихлебателей — откормленные физиономии, мелькающие по телеканалам с дежурными речами про гигантские ресурсы свободы. Можем им не поддакивать. Можем не повторять ахинею про *«массы»*, которые якобы *«свободно выбрали»* себе в духовную пищу убогий, отупляющий суррогат. Можем не поку-

пать детям журнал «*Fool girl*» (чтобы дети ненароком оттуда что-нибудь не «*выбрали*»). И сами можем оторваться на некоторое время от чтения Акунина, чтобы зайти на сайт VIVOS VOCO (43) и скачать оттуда пару-тройку хороших научных статей, в том числе по истории. Все это не изменит нашего социального статуса: по отношению к тем, кто проносится мимо нас на большой иномарке за очередной «*беспроцентной ссудой*», мы останемся людьми второго сорта.

Но мы останемся людьми.

Примечания

(1) *Лурье О.* Украденная Россия. М., Новая газета, 2002, с. 137.

(2) Если кто подзабыл конкретные обстоятельства — см. источник: «*Вам ключи от сейфов с долларами? Пожалуйста!*» — отчет о пресс-конференции в Государственной думе с приложением документов, включая объяснения задержанных и того банковского работника, который выдавал им деньги из сейфа Департамента иностранных кредитов и внешнего долга // Правда, 27.06.1996. Факсимиле двух документов из этой папки: *Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. Интербук, 1997, с. 455-456.

(3) См. обзорную статью: *Смирнов И.* Наука в сослагательном наклонении // Русский журнал (www.russ.ru), 25.10.2001.

(4) *Зимин А.А.* Правда русская. М., Древлехранилище, 1999, с. 209.

(5) *Соколов Я.В.* Граждановедение. Для учащихся, их родителей и учителей. 5 класс. 6 класс. М., Гражданин, 1997.

(6) *Макконнелл К.Р, Брю С. Л.* Экономика. М., Республика, 1995, т. 1, с. 37-38.

(7) *Медведев Р.А.* Личность и эпоха, кн. 1. М., Новости, 1991, с. 151.

(8) *Скобов А.В.* История России, 1917–1940. СПб., Иван Федоров, 2001, с. 376-377.

(9) Официальные итоги «*дискуссии об азиатском способе производства*» — см.: *Никифоров В.Н.* Восток и Всемирная история. М., Наука, 1977.

(10) *Мигдал А.Б.* Отличима ли истина от лжи? — http://www.skeptik.net/pseudo/migdal1.htm

(11) *Скобов А.В.* Цит. соч., с. 376, 25.

(12) *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., Старый сад, 1999, с. 245-246; 251; 280-281.

(13) История России, XX век. М., АСТ, 1999, с. 571.

(14) *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., Издательство полит. литературы, 1991, с. 352-354.

(15) Возможно, ссылка на личные (семейные) наблюдения покажется некорректной. Однако выше мы уже отмечали дефицит «объективной» (статистической) информации о советском правящем классе. И не только о советском. Весьма уважаемые авторы описывали образ жизни различных классов в прошедшие эпохи на основе мемуарных источников и художественных произведений. Поэтому приведенную здесь имущественную декларацию можно рассматривать как фрагмент источника — неопубликованных мемуаров автора этих строк.

(16) *Лурье О.* Цит. соч., с. 48-51, 131-146 и др.

(17) *Перепелкин Ю.Я.* История Древнего Египта. СПб., Летний сад, 2000, с. 187-188.

(18) *Рязанов В.Т.* Кризис индустриализма // Постиндустриальный мир и Россия, ИМЭМО РАН, УРСС, 2000, с. 510-513.

(19) *Смелянский А.* Предлагаемые обстоятельства из жизни русского театра второй половины XX века. Артист. Режиссер. Театр, М., 1999, с. 95.

(20) *Гребенщиков Б.* Интервью А. Матвееву. АКВАРИУМ, 1972-1992. М., Алфавит, 1992, с. 144.

(21) Огонек, 1989, № 13, 1-я стр. обложки.

(22) См.: *Кислинская Л.* Тарасовские миллионы. О том, как известный предприниматель «обул» Россию // Советская Россия, 5.10.1991; *Белых В.* Артем Тарасов в Стамбуле, а 27 миллионов долларов неизвестно где // Известия, 11.11.1991; *Докучаев Д.* Обманутые вкладчики против автомобильного альянса // Известия, 12.02.1998.

(23) История России, XX век. Цит. соч., с. 596-599.

(24) Стенограмма съезда народных депутатов РСФСР // Советская Россия, 27.05.1990, с. 6.

(25) Кто есть кто в России. М., Олимп, Эксмо-пресс, 1998, с. 757.

(26) *Чернышев С.* Иное дано. Концепции российских реформ: от обзора к синтезу. // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., Аргус, 1995, с. 20.

(27) *Коржаков А.* Цит. соч., с. 365.

(28) *Кьеза Д.* Прощай, Россия! М., Гея, 1998, с. 49-51. Единственное уточнение: газета *«Правда»*, откуда пришел в большую политику Е.Т. Гайдар, издавалась не в Гарварде, а в Москве на одноименной улице.

(29) *Глинкина С.* Особенности теневой экономики в России. // НГ-политэкономия, 1998, № 5.

(30) *Смирнов И.* Либерастия, гл. 2-А *«Экономика гоблинов»*, http://www.screen.ru/smirnov/2a.htm

(31) *Архангельский А.* *«Бригада»* посткоммунистического труда // Известия, 19.10.2002.

(32) См.: *Смирнов И.* Закон язычества. // Русский журнал, 29.05.2001. http://www.russ.ru/ist_sovr/20010529_smir.html

(33) См. *Смирнов И.* Либерастия, гл. 6, http://www.screen.ru/smirnov/6.htm

(34) *Глинский Д., Реддавей П.* Выигравшие и проигравшие. Рыночный большевизм как эпоха русской истории (1991–1998) // Независимая газета, 23.03.1999.

(35) *Литвиненко А., Фельштинский Ю.* ФСБ взрывает Россию — http://www.terror99.ru/book.htm, с. 10-11.

(36) Цит. по: *Минкин А.* История приватизации. Пособие для писателей // Новая газета, 1997, № 48. См. также: *Лурье О.* Чукотский капитан // Новая газета, 2000, № 4; *Токарева Е.* Продавец подержанных фантиков // Общая газета, 1999, № 24; *Китаев И.* Банкформирование переходит в наступление // Новая газета, 2001, № 50; *Новиченко И.* Россия в offшорах // Общая газета, 2001, № 11 и др.

(37) *Коржаков А.* Цит. соч., с. 286.

(38) *Прибыловский В.* Кучмисты и безкучмисты // Независимая газета, 31.05.2001.

(39) Пожалуй, самым известным был офтальмолог С.Н. Федоров, выдвинувшийся как предприниматель еще при Горбачеве, — и посмотрите, в каком направлении стало развиваться его предпринимательство при Ельцине: *Маетная Е.* Миллион за глаза // Московский комсомолец, 27.11.2002.

(40) Перечень подлежащих опубликованию сведений о доходах... кандидатов на должность мэра и вице-мэра Москвы // Тверская, 13. 1999, № 51.

(41) *Семенов Ю.И.* Цит. соч., с. 294.

(42) Имеется в виду эксперимент с *«писателем»* В. Сорокиным. См.: *Смирнов И.* Голубое кало // Русский журнал, 10.07.2002; Простиллигенция // Русский журнал, 29.07.2002.

(43) http://vivovoco.rsl.ru/ , www.ibmh.msk.su/vivovoco

Татьяна СОТНИКОВА

ШТУЧНЫЕ КНИГИ

Известна история о том, как Лев Толстой, листая свою давно изданную книгу, непроизвольно начал править текст. Сравнение, может быть, некорректное, но есть книги, которые правит не писатель, а читатель — каждым новым прочтением.

Книга журналистки «Новой газеты» Анны Политковской «Вторая чеченская» (М.: Захаров. 2002) именно к таковым и относится. Те, кто прочли ее до «Норд-Оста», задавали единственный вопрос: «Если хотя бы десятая часть того, что там написано, правда, то как мы здесь живем, развлекаемся, ходим в театры? Неужели не понимаем, что после всего этого чеченцы наверняка должны приехать оттуда и всех нас взорвать?».

После «Норд-Оста» такие вопросы, естественно, уже не задаются. Видимо, правдой является даже не десятая часть того, о чем пишет Политковская... Вот только правду ни слушать, ни читать неприятно, и неудивительно поэтому, что падкая до сенсаций пресса встретила «Вторую чеченскую» гробовым молчанием.

А с другой стороны, что тут скажешь? Когда Политковская сидит на пресс-конференции в благополучном Копенгагене рядом с элегантно одетым Ахмедом Закаевым, это вызывает противоречивые чувства. А когда сухим, внятным языком рассказывает истории из жизни чеченских жителей, никаких противоречий в душе нормального человека не возникает.

Вот история немолодой женщины по имени Розита, которую ночью, зимой, выволокли из дому на глазах детей и внуков и бросили в яму на территории воинской части. Глубина ямы — меньше полутора метров, сверху, чтобы невозможно было распрямиться, положены бревна.

«Поджав ноги, Розита просидела в яме на земляном полу 12 суток. Солдат, который охранял яму, как-то ночью сжалился — бросил кусок паласа.

— Я подложила под себя. Солдат — он же человек, — шевелит губами Розита.

За все это время Розите так и не предъявили никакого обвинения, хотя трижды водили на допросы. Молодые офицеры, годящиеся ей в сыновья и

Татьяна СОТНИКОВА — родилась в 1963 в Минске. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета и аспирантуру Литературного института. Кандидат филологических наук, доцент Литературного института. Автор двенадцати романов (под псевдонимом Анна Берсенева) и многих статей по современной русской литературе в энциклопедических и в периодических изданиях («Знамя», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение» и др. Живет в Москве.

представившиеся сотрудниками ФСБ, надевали Розите «детские варежки на резинке»: на пальцы одной руки — один конец оголенных проводов, на пальцы другой — их другой конец. А сами провода перекинуты через шею, сзади.

— Да, я очень кричала, когда ток пускали. Но все остальное вытерпела молча. Боялась еще больше их раздразнить.

Фээсбэшники приговаривали: «Плохо танцуешь. Подбавить надо», — именуя «танцами» конвульсии Розитиного тела. И подбавляли.

— А что они хотели?

— Они ничего не спрашивали».

Они хотели денег, о чем сразу же после ареста Розиты уведомили ее родственников. А пока родственники занимались поиском денег по нищим соседям (богатых здесь нет, они давно уже в Копенгагене и прочих приспособленных для жизни местах), офицеры развлекались, как умели.

Дело происходило в селе Махкеты. Помните, у Толстого: «Это было в конце 1851-го года. В холодный ноябрьский вечер Хаджи-Мурат въезжал в куривший душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет»... Есть основания предполагать, что с тех пор не многое изменилось: и топят все тем же кизяком, и аул по-прежнему немирной. Но, ознакомившись с историей Розиты, об этом как-то не думаешь. Зато думаешь о том, что вышеназванные офицеры вернутся из чеченской командировки в мирные города...

Они и возвращаются. Политковская приводит свидетельство об этом уже не чеченца, а обычного молодого москвича.

«В выходные, в полночь, ехал он с друзьями на дискотеку. Милиционеры, с закатанными выше локтя рукавами, с банданами на бритых лбах, остановили машину и сказали: «Заберем девчонку-то». А «девчонка» — жена одного из ехавших, впервые после рождения первенца выбравшаяся вместе с молодым мужем потанцевать. «Заберем — и не отдадим», — орали «правоохранители». Друзья держали молодого мужа за руки и убеждали ментов: «Ей скоро кормить...» — «А нам что?»

А всего-то вины юной мамы — забыла дома паспорт. Значит, беспаспортная и не может предъявить прописку. Сговорились на 500 рублях — что муж заплатит за жену полтысячи, и тогда можно двигаться дальше. Оказалось, патрульные недавно из чеченской командировки. Покинув «зону», заступили на «боевую» вахту в «мирной жизни».

«Хорошо, что не застрелили, раз «чеченцы», — парировали все, кому рассказывала эту историю. Серьезно так говорили, ничему не удивляясь — смирившись».

Политковская приводит в своей книге множество рассказов тех чеченцев, которые тоже, по видимости, смирились. Но заставь прочитать эту книгу десяток молодых русских мужчин и спроси их потом: «А вы смирились бы?» — и по меньшей мере в половине ответов можно не сомневаться.

Неизвестно поэтому, смирился ли Магомед Идигов, десятиклассник из Старых Атагов, которого захватили во время зачистки прямо в доме (он ни от кого не скрывался, потому что на то не было причин).

«Было холодно, — продолжает Магомед. — На несколько часов нас поставили на «стенку» — лицом к стене, руки вверх, ноги расставить. Куртку расстегнули, свитер подняли, вещи стали сзади резать ножом. До тела.

— Зачем?

— Чтоб холоднее было. Все время били. Кто мимо идет — тот колотит чем попало. Потом меня отделили от остальных, положили на землю и за шею таскали по грязи.

— Зачем?

— Просто так. Овчарок привели. Стали натравливать на меня.

— Зачем?

— Чтобы унизить, думаю».

Потом мальчика наконец стали допрашивать: есть ли в селе боевики, у кого они лечатся, у кого спят? Вопросы подкреплялись пытками электротоком. Устройство прибора — то же самое, что и в истории с Розитой; изобретение неизвестного Кулибина прошло хорошую проверку на женщинах и детях. Хотя — мальчику шестнадцать лет, какой это ребенок! Убийцы в «Норд-Осте» таких детьми тоже не считали... И российские военные говорят: «Из школьников получаются хорошие подрывники». Прочитав историю Магомеда Идигова, в это легко поверить.

Не считают детьми детей, не считают стариками стариков, потому что смещаются границы не только возраста, но и всех моральных норм. В Грозном солдат, которому старуха не дала пива (у нее просто не было), сначала зарезал ее 86-летнего мужа, а потом «посадил Айшат перед собой на кровать в ее собственном доме и вкатил ей в тело пять пуль класса 5,45 мм. Тех самых, которые запрещены к применению всеми возможными международными конвенциями как бесчеловечные — это пули со смещенным центром. Войдя в тело, они гуляют по нему, разрывая по ходу все внутренние органы».

И что ж, — оказывается, это извинительно: выпил человек, а с пьяного что возьмешь? Тем более война, у всех нервы. Может, у него вообще белая горячка случилась. Та самая, которая потом, с поправкой на законы военного времени, будет интеллигентно именоваться состоянием временной невменяемости. Точно как у полковника Буданова, убившего восемнадцатилетнюю чеченку. Сколько-нибудь явная разница между этими двумя историями только в том, что с Будановым недоглядели и невовремя вмешалось телевидение, а уж там пошло-поехало, до сих пор не удается спустить на тормозах. Даже предельно лояльный к демократической России немецкий бундестаг обратил внимание на то, что под актом комиссии об извинительной «невменяемости» офицера-убийцы стояла подпись профессора Т. Печерниковой. Если кто забыл, — это психиатр с 52-летним стажем, та самая, которая в советские времена подписывала заключения о «невменяемости» диссидентов Горбаневской, Гинзбурга и многих других; проверенные кадры всегда пригодятся. Кстати, как только было обнародовано это заключение психиатра, в Чечне аналогичным будановскому случаю образом убили молодую учительницу младших классов: тоже погрузили в БТР прямо в домашних тапочках, а через неделю подбросили изуродованный труп. Так что главное — четко обозначить, что простительно, а что нет.

Подробный перечень того, что простительно на второй чеченской войне, — это, собственно, и есть книга Политковской.

Может быть, автору очень хотелось бы выдать в послесловии какой-нибудь беспроигрышный рецепт разрешения чеченской проблемы. Но автор по это-

му беспроигрышному пути не идет, давая тем самым против себя беспроигрышный же козырь (беспроигрышный для тех своих коллег, которые живут, и хорошо живут, по негласным «понятиям» сегодняшнего дня).

Чечню не зря называют старым английским термином «отвязавшаяся пушка». Так говорили когда-то моряки об орудии, которое во время шторма неуправляемо носится по палубе, разрушая корабль. Как его привязать, кто теперь может это сделать, — непонятно. Не обращать на пушку внимания — невозможно, потому что это приведет к гибели всего корабля. Российские политики и военные рьяно «отвязывают» чеченскую пушку вот уже восемь лет. Число людей, которых она искалечила, которые поэтому готовы мстить и становятся легкой добычей для вербовщиков какого-нибудь Басаева или Бен-Ладена (см. историю Магомеда Идигова и аналогичные истории чеченских детей, приведенные в книге Политковской), за это время умножилось тысячекратно, и вся страна недавно видела это в «Норд-Осте».

Как приятно было бы журналистке выдать этот самый волшебный рецепт! Но Политковская — не иллюзионист и фокусов не показывает. Она пишет о том, что видела, что знает. По сути, ее книга только об одном: о страшном разврате. О том, что не могут остаться нормальными людьми те, кто все это совершает — и со стороны федеральных войск, и со стороны чеченских бандитов. Нагляднее всего об этом свидетельствует жизнь Грозного, о которой Политковская пишет тоже.

«Война в городе развратила всех, кто оказался слаб и этому поддался. Развалины, в которых обитают и без того несчастные люди, погрязли в ночном криминале, с одной стороны, возглавляемом и возбуждаемом федеральными военнослужащими — без их желания и поддержки сегодня ни один бандит не способен гулять по улицам в комендантский час, и более того, стрелять, грабить и насиловать. Но, с другой стороны, при самом активном участии чеченцев. К началу третьего года войны оказалось, что бандитские группы, прочесывающие руины по ночам, — это «клуб по криминальным интересам»: уголовники из чеченских рядов, перемешанные с такой же масти военнослужащими, находящимися «при исполнении». И им по фигу — и идеологическое, и национальное размежевание, и принадлежность к противоборствующим воюющим сторонам. Просто — мародерка, которая «превыше всего».

Есть «мародерка» прямая — вот эта, ночная, — а есть дневная и завуалированная; но суть от времени суток не зависит. Суть и объясняется в последней части книги — «Кому нужна эта война?». Впрочем, можно было и не объяснять, кому; мы и так догадывались. А когда книга Политковской уже вышла в свет, всероссийская перепись подтвердила наши догадки: выяснилось, что население Чечни за восемь лет, прошедших в двух войнах, только, оказывается, выросло. И попробуй опровергни эти данные — детей много народилось, и все тут, национальные традиции у местных женщин такие, рожать по три раза в год...

Чем не повод получить побольше кроватей для детского дома в Курчалое, которым руководит педагог с 23-летним стажем (так, по крайней мере, значится в его документах) Ибрагим Яхъяев? Отыскать сирот, которые в этом доме живут, Политковской не удалось, зато удалось выяснить, что купленные для детдома «15 кроватей (двуспальных, судя по цене), 26 обеденных столов,

40 тумбочек, 48 мягких стульев, 40 ватных одеял (...) и много чего еще» хранятся непосредственно в доме господина директора, а дом неблизко, в селе Гельдекен, а туда не доберешься, потому что зачистки, и боевики, и вообще небезопасно...

Правда, настырная журналистка попыталась-таки доехать до Гельдекена, чтобы взглянуть на кровати, но оказалось, что господин Яхъяев не соврал: «Директор облегченно и спокойно улыбается. Его спасли бойцы Смоленского ОМОНа, охранявшие блок-пост на въезде в Гельдекен, — никого чужого туда не пропустившие и по-братски обнявшиеся с директором, им что-то тихо объяснившим».

Кто бы сомневался? Война все спишет.

С кроватями и одеялами наверняка действует простая схема: господин директор попросил господина местного чиновника, пообещав долю малую от сиротского белья, тот небольшую же долю пообещал господину чиновнику московскому... Схема реализации чеченской нефти несколько сложнее; впрочем, ненамного.

«Все скважины в Чечне сегодня кому-то принадлежат, хотя на бумаге принадлежат государству. И в зависимости от своего реального хозяина скважины в Чечне бывают двух типов: горящие и нормальные. (...) Если со скважиной ничего не происходит, значит, ее собственник — уважаемый богатый человек, содержащий свою «гвардию», и эта собственность никем не оспаривается. Вокруг остальных, не до конца определившихся с хозяевами, идет ежедневная непримиримая борьба с применением огнестрельного оружия. (...) Обычно скважины взрывают федералы. Военным платит хозяин. Это удобно еще и потому, что сами себя они ловить не будут. Сельчане, живущие рядом с горящими нефтяными факелами, видят, как это происходит: федералы трудятся по заказу чеченского криминала, который пришли сюда искоренять. (...) Ежесуточно эти горящие скважины выкидывают в атмосферу до 6 тысяч тонн нефти на сумму около миллиона долларов. Отсюда можно себе представить, сколько же десятков, а может, сотен миллионов оседает в криминальных кошельках, если этого одного миллиона не жалко».

О том, как военные борются с боевиками, мы знаем из многочисленных передач государственного телевидения. О том, как они борются с мирным населением, — из иных, уже немногочисленных, источников, вроде книги Политковской. О том, борются ли военные — точнее, борется ли государство — с «правильным» распределением горящих и негорящих нефтяных скважин, мы не знаем ничего. И, похоже, не скоро узнаем.

Кстати, о телевидении. Как ни странно, между ним и Чечней есть прямая связь. Не в том смысле, что телевидение более или менее подробно и более или менее правдиво сообщает российскому населению о том, что там происходит. А в том, что отношение большинства этого самого населения к чеченцам и к заметным фигурам информационного вещания примерно одинаковое. Ну, или почти одинаковое.

Что говорят о чеченцах? Что всех их надо давить. Давить телевизионщиков простые люди напрямую вроде бы не предлагают, но когда непростые люди их все-таки давят, большого возмущения это не вызывает. Потому что — «все

они там одним мирром мазаны, что те, что эти, знаете, какие у них зарплаты, у Киселева губы лоснятся от фуа-гра», — и так далее, и тому подобное.

Вполне вероятно, что Евгений Киселев не является бессребреником, возможно даже, что профессиональный уровень прежних и нынешних руководителей НТВ примерно одинаков. Но суть конфликта с НТВ, плавно перешедшего в конфликт с ТВ-6, была совсем не в этом. Сейчас-то уже и суд — правда, без прежней широкой огласки — подтвердил, что никакого «спора хозяйствующих субъектов» в этой истории не было.

А о том, что же было, написал в своей книге «"Здесь было НТВ" и другие истории» (М.: Захаров. 2002) Виктор Шендерович. И рассказанная им история уничтожения НТВ позволяет не считать его «мазанным мирром» грязного благополучия.

Шендерович подробно рассказывает о том, с чего началась, как проводилась и чем закончилась расправа с НТВ. Все это было бы совсем грустно, если бы автор книги не повествовал об этом так смешно... Впрочем, грустно делается даже и от его полного юмора повествования — от этой истории демагогии в самоновейшей России.

Следует, видимо, извиниться за дальнейшие длинные цитаты, но соревноваться в точности и меткости с Шендеровичем трудно. Да и ни к чему: при такой сути дела — не до собственных стилистических упражнений.

Итак, всего через месяц после известного ельцинского новогоднего поздравления, 8 февраля 2000 года, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось Заявление членов инициативной группы Санкт-Петербургского государственного университета.

«Писавшие сигнализировали хозяину Кремля, что авторы двух последних выпусков «Кукол» пытались «ошельмовать его с особым озлоблением и остервенением, не считаясь с его честью и достоинством». Сообщалось, что наши действия «подлежат квалификации по ст. 319 УК РФ». Я забыл сказать: письмо писали юристы! По крайней мере, подписывали — насчет авторства есть некоторые сомнения (злые языки утверждают, что факс с текстом письма пришел из Москвы). (...) Впридачу к обширным юридическим познаниям по части ст. 319, «ждановская» профессура оказалась знатоком нравственности (без заботы о нравственности в России не делается ни одной мерзости). Профессура писала, что «Куклы» вызывают «чувство глубокого возмущения и негодования и могут служить красноречивым примером злоупотребления свободой слова».

Ну, написали и написали, вступать в переписку с президентом никому не запрещено, в том числе и профессуре Санкт-Петербургского университета. Правда, в письме прорезалась знакомая лексика, ну так ведь и авторы сего послания не вчера родились — почему не вспомнить молодость?

А вскоре после этого газетного доноса «Владимир Путин сделал одного из его авторов, ректора Вербицкую, своим доверенным лицом в президентской кампании. Видать, заслужила. (Сегодня г-жа Вербицкая вместе с г-жой Путиной уже борется за чистоту русского языка. Языка, конечно, жаль, но за женщин приятно.)».

Но и в этом ничего ведь нет особенного: в какой компании супруге президента нравится защищать русский язык, это ее личное дело.

Да и вообще, после пяти лет работы над программами «Куклы» и «Итого» у их автора Шендеровича претензий к политикам осталось очень мало.

«Все больше я понимал, что они — это мы. Например, жители Брянска выбрали себе депутата Шандыбина. Они, кого смогли, выбрали — он, как может, работает, и никаких претензий к ателье. Удивительно другое: поставив на руководство своей жизнью этих василь-иванычей (а Шандыбин там еще не из худших), россияне с поразительным терпением продолжают надеяться на то, что в одно чудесное утро у них под окнами обнаружатся голландские коровы и английский газон. И время от времени обижаются, что этого еще нет».

Слово за слово, передача за передачу — и противостояние власти и НТВ «постепенно приняло характер клинча». А клинч с властью в России всегда заканчивался одинаково, Шендеровичу ли не знать! Он и знал. Но что он должен был делать? Выполнить условия, переданные руководству НТВ высоким кремлевским чиновником, в которых «первым пунктом числилось изъятие из «Кукол» Первого Лица. Так и было написано»? Тут уж заклинило даже руководящих НТВ и способных на очень широкий компромисс теледеятелей, не говоря о Шендеровиче, человеке изначально не телевизионном.

Шендерович подробно рассказывает о том, как, выполняя пожелания власти (и озвучив их предварительно в телевизионном анонсе), программа «Куклы» обошлась без резинового Первого Лица.

«Сюжет лежал на поверхности в готовом виде, и был даже не классикой, а — основой основ: Моисей, скрижали, десять заповедей... И собственно Господь Бог. Как полагается — невидимый.

— А как же нам его называть? — оторопело интересовался в финале программы один из озадаченных скрижалью, на что Волошин-Моисей пояснял:

— Никак. Просто — Господь Бог. Сокращенно — ГБ...»

А ведь, казалось бы, давно пора понять: новое начальство шуток не любит...

Но шутки шутками, а главной претензией к НТВ стали все-таки не «Куклы».

И именно в связи с этой главной претензией, а точнее, в связи с ее восприятием большим количеством российских телезрителей, Шендерович считает нужным напрямую, без шуток и обиняков, высказаться о Гусинском и его телеканале.

«Под моим окном стоят два больших мусорных контейнера. Возле них всегда можно обнаружить нескольких российских граждан, ищущих, чего бы надеть или поесть. Это, как правило, абсолютно честные люди. И уж точно не бизнесмены. Всякий же, кто, отойдя от этого контейнера, вступил хоть в какие-то рыночные отношения в сегодняшней Российской Федерации, — заведомо является преступником. Как минимум, через него проходит «черный нал»; скорее всего, у него есть «крыша», осуществляющая, мягко говоря, контроль — или, прямо говоря, рэкет. У владельца ларька это какие-нибудь «люберецкие-тамбовские», у крупного комбината — местный губернатор... У федерального канала — Кремль. Только по понятным причинам контроль тут еще жестче, а рэкет берется «борзыми щенками», т.е. лояльной информационной политикой. (...) Гусинский играл по этим правилам, балансируя на компромиссах и срываясь в политические игры. Он был бизнесмен — и хотел зарабатывать деньги. В России для этого надо вертеться возле власти — то есть ежеминутно барахтаться в грязи.

Но есть в философии такое классическое понятие — пограничная ситуация. Минута, когда компромиссы переходят некую черту, и человек должен либо потерять свою сущность, либо остаться собой — и умереть. Такой пограничной ситуацией для НТВ стала чеченская война. (...) Создателя «Медиа-моста» можно упрекать во многом. Он не ангел, и многие имеют вполне веские основания его не любить. Но он не поддержал чеченскую войну — ни первую, ни вторую. Единственный из тех, в чьих руках был российский эфир, — не поддержал».

Не поддержал эту войну (ту самую, о которой пишет Политковская) и Шендерович. Впрочем, первый звоночек прозвенел для него еще до начала прямой борьбы власти с НТВ. Тогда, когда создатель энтэвэшного информвещания Добродеев еще не ушел на госканал, а вторая чеченская еще только начиналась.

В программе «Итого» прошел сюжет из рубрики «Зоология» — о том, как призывники «косят» от армии.

«Добродеев позвонил сразу после программы.

— Витя, — сказал он. — Ты знаешь, я никогда не вмешивался — но мы не имеем права так говорить о своей армии. Идет война...

Я много раз слышал подобное от генералов, считающих образцом гражданской позиции журналиста газету «Красная Звезда», но не думал, что придется объясняться по этому поводу со своими. Я был неприятно удивлен.

— Ты звонишь как начальство, — уточнил я, — или мы разговариваем?

— Разговариваем, — ответил Олег.

Тогда я сказал, что армия эта — не моя, и война не моя. Я спросил Олега, служил ли он. И, поскольку ответ на этот вопрос знал, вкратце рассказал Добродееву, что думаю об этом рабовладельческом институте».

Разговоры кончились довольно скоро, и за дело взялось настоящее начальство. Как это происходило, многие видели по телевизору: НТВ-то обезвредили все-таки не сразу, на это потребовалось некоторое время. Как и на то, чтобы организовать «сильнейший психологический практикум» — уходы журналистов с НТВ.

«Передо мной — две кассеты. Два репортажа, сделанные одним и тем же журналистом. Оба посвящены встречам Лукашенко и Путина. Между ними — всего полгода, но как изменился автор репортажей! Тонкое, нескрываемое ехидство (осень 1999-го, НТВ) — и граничащее с восторгом уважение к лидерам Союзного государства (весна 2000-го, РТР)...

И одно и то же лицо на экране — лицо Ревенко. Зрелище не для слабых.

Когда я буду стареньким профессором МГУ, то начинать свой спецкурс буду так: попрошу тишины и — одну за другой, без комментариев, покажу первокурсникам эти две кассеты. А потом скажу: молодые люди, никогда не делайте так, это очень стыдно».

Возможно, однако, что и после этого молодые и не очень молодые люди будут рассуждать о том, у кого больше зарплата, у Ревенко или у Шендеровича, и на голубом глазу уверять, что между ними нет никакой разницы.

Кстати, пересказ «разговора на голубом глазу» в книге Шендеровича тоже есть. Это — разговор с президентом Путиным, который пригласил непонятно на что обиженных журналистов НТВ в Кремль, пообщаться по душам.

«Товарищи мои — люди серьезные, а я со своим шутовским амплуа могу себе позволить чуть больше остальных. Вот, для начала, я и поинтересовался, готов ли Владимир Владимирович говорить с нами откровенно — или мы будем оставаться в рамках взаимного пиара?

— Какой пиар? — удивился Путин. — Я в этом ничего не понимаю...

Тут я впервые увидел, что глаза у нашего президента — голубые».

Пересказ этой беседы — образец честности в эпоху зарождения самоновейшей самоцензуры. И если этот пересказ окажется для президента неприятен, он может легко утешить себя тем, что ничего подобного, и ни от кого, он еще очень долго не услышит.

«В продолжение трехчасовой беседы невинность этих глаз смущала нас, многогрешных, не однажды — пока наконец не окрепло ощущение, что президент просто валяет с нами ваньку. А что еще оставалось думать? Скажем, на напоминание о своей как минимум моральной ответственности за действия назначенного им Генпрокурора, Путин среагировал мгновенно:

— Я Устинова не назначал.

Неполная дюжина журналистов НТВ, услышав такое, сильно удивилась.

— Его назначил Совет Федерации, — пояснил президент. — А я им его только представил...

И развел руками. Ап!

Этот фокус (подмену сути дела его формальной стороной) президент за время беседы успел показать нам еще несколько раз. Особенно хорош был диалог насчет знаменитой прокурорской квартиры стоимостью почти полмиллиона долларов, квартиры, по прихоти судьбы доставшейся г-ну Устинову совершенно бесплатно.

— Разве имеет право прокурор получать подарки от подследственного? — задал я, надо признать, вполне риторический вопрос.

— Вы имеете в виду Бородина? — уточнил Путин.

Я подтвердил его догадку.

— Ну что вы, — успокоил меня президент России. — Устинов не получал квартиру от Бородина!

Одиннадцать журналистов НТВ удивились еще сильнее.

— Он получил квартиру от Управления делами президента!

Больше мы ничему не удивлялись.

Владимир Владимирович умело и даже как-то весело валял ваньку, и только по одному поводу его постоянно пробивало на искренность: при слове «Гусинский» президентские глаза начинали светиться белым светом ненависти, и я, как Станиславский, шептал: верю!

Что-то между ними было...

Потом Президент вспоминал о своем статусе — и глаза его принимали прежний небесный цвет. Да и какое, действительно, дело президенту огромной державы до «спора хозяйствующих субъектов»? Ни-ка-ко-го! Вот только детали вопроса Владимир Владимирович почему-то знал назубок — суммы кредитов, даты судов, проценты акций... Мы — не знали, а он — знал. Время от времени Путин (видимо, в порядке аутотренинга) повторял тезис о независимости бизнеса и прокуратуры, не забывая при этом честно глядеть в глаза

Светы Сорокиной, которая, идя к Путину, в президентских дверях столкнулась как раз с Генпрокурором.

Нам было неловко, а на президенте, в ясном свете зимнего дня, лившемся в просторные кремлевские окна, сверкала божья роса.

Как поступает человек, которому раз за разом лгут в лицо? В самом тихом случае — он просто встает и уходит. Наверное, так и надо было сделать, но никто не решился (все-таки президент России!), и мы просидели три с половиной часа. Пару раз, кажется, я терял дистанцию и срывался. Я устал так, будто на мне все эти три часа возили воду; ребята сидели подавленные; на Светлане лица не было. А Президент был бодр, корректен и обаятелен — и прощаясь, всех еще раз обошел и за руку попрощался.

Симпатичный человек.

(...) До встречи в Кремле мы еще питали какие-то иррациональные надежды — 29 января 2001 года поняли, что приговорены. Свет этих голубых глаз дал нам понять, что НТВ не жить.

Могли бы понять и раньше».

Вот, собственно, и вся история с НТВ.

В книге Шендеровича еще очень много историй из телевизионного быта. Книга эта вообще-то очень смешная — в этом ее очевидное отличие от «Второй чеченской» Анны Политковской.

Но сходство между ними тоже имеется, и оно станет понятно, если вы попытаетесь составить более обширный список книг «в таком же духе». Быстро обнаружится, что список ограничен двумя вышеназванными произведениями. Раз, два — и обчелся.

В разоблачениях коррумпированной власти недостатка нет.

О том, что воруют все чиновники и все политики, не пишет только ленивый; иногда перечисляются даже фамилии.

Но не покидает ощущение того, что все это — разговор о следствиях.

О причинах, притом о сущностных причинах происходящего — во всяком случае, о тех из них, о которых можно сказать на публицистическом уровне, — обнаруживается две книги.

Штучный товар.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

/ноябрь — декабрь 2002 г./

От редакции

«Здравствуйте! Я — Виктор Шендерович, это программа «Бесплатный сыр» — программа о России и тех, кого она выбирает»

*Так каждую субботу (вернее,**почти** каждую — по не зависящим,как мы понимаем, от автора причинам) начинается на шестом злополучном канале передача известного телеведущего Виктора Шендеровича, автора прославленных «Кукол» и не менее прославленного «Итого», выходивших некогда на экране старого НТВ. Это было время, когда собственные авторские тексты Шендеровича из этих программ регулярно появлялись и на страницах нашей периодической печати. Так что те, кто не имел возможности услышать их по ТВ, могли, по крайней мере, их прочитать.*

Но времена изменились, из НТВ Шендеровичу, как и многим другим, пришлось уйти (о чем он рассказал в книге «"Здесь было НТВ" и другие истории», о которой, в свою очередь, рассказывает чуть выше в рубрике «У книжной полки» Татьяна Сотникова). И вот что-то уже более полугода и текстов из «Бесплатного сыра», право же, не менее примечательных, чем в «Куклах» и в «Итого», нигде и в периодике днем с огнем не найдешь. С чего бы это, в самом деле?..

Не будем, впрочем, гадать, а спешим заметить только, что это кажется нам глубоко несправедливым по отношению к тем, до кого волны шестого телеэфира по каким-либо причинам не доходят. Правда, полный тест «Бесплатного сыра» регулярно появляется в Интернете на собственном сайте Шендеровича. (www.shender.ru). Но при всей немыслимой компьютеризации нашей страны тех, кто и до этого сайта не может добраться,тоже ведь не так уж мало — полагаем, даже побольше, чем тех, кто не смотрит ТВ-6. Мы понимаем, конечно, что в сравнении, например, с «Московскими новостями» или «Новой газетой» тиражные возможности ежеквартальника «Континент» просто ничтожны. Но, будучи непоколебимо убеждены, что в хорошем деле лучше хоть что-то, чем ничего, мы предложили Виктору Шендеровичу пусть и в мизерной мере, но все-таки немного поправить сложившуюся ситуацию на страницах нашего журнала. Ведь сомне-

---

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры — по специальности «театральный педагог». Работал и работает на ТВ /программы «Куклы», «Итого» (НТВ) и «Бесплатный сыр» (ТВ-6)/. Автор книг «Московский пейзаж» (1999), «Избранное» (в серии «Антология сатиры и юмора» в издательстве ЭКСМО, 2000) и «"Здесь было НТВ" и другие истории» (2002). Живет в Москве.

ваться в том, что дело это хорошее, у нас нет ни малейших оснований, поскольку еще товарищ Сталин в свое время признал, что нам Гоголи и Щедрины нужны, и мы отнюдь не считаем, что в данном случае он был так уж не прав. А кого же в наши дни и счел бы он с большим основанием достойным той участи, которой он одаривал действительных Гоголей и Щедриных своего времени, если не Шендеровича? Не задорных же пингвинов нашей эстрадной сатиристики, щекочущих публику хорошо просчитанной смелостью? У товарища Сталина, надо признать, был все же масштаб.

Должны открыться, впрочем, что была у нас и своя корыстная забота, подтолкнувшая нас сделать Виктору Шендеровичу наше предложение. Читатель «Континента» знает, что мы давно уже пытаемся найти в журнале какие-то формы регулярных наших комментариев к текущим событиям российской жизни, но что все эти попытки так или иначе приходилось прерывать, поскольку по тем или иным причинам они не казались удачными. И вдруг — такая удача! Невостребованный Шендерович, восприятие которым современной российской действительности настолько нам близко, что он просто чистейшей воды именно наш, континентовский, автор!

Мы полагаем, что согласятся с этим и наши читатели, которых хотя и не миллионы и не сотни тысяч, но все-таки и не так уж мало, ибо журнал читают не только во всех крупнейших библиотеках Запада, но и не менее чем в двух тысячах российских библиотек, где и сосредоточен сегодня главный и самый дорогой нам читательский электорат.

Короче: мы сделали свое предложение, Виктор Шендерович дал согласие, и мы намерены отныне в каждом номере печатать регулярные подборки его текстов из «Бесплатного сыра» — конечно, не всех (такими возможностями мы не располагаем чисто технически), но, по крайней мере, самых значительных, — подборки, подобные той, которую читатель найдет ниже. А если вдруг (чего не случается в наше непредсказуемое время, да еще с бесплатным продовольствием!..) передача Виктора Шендеровича на ТВ-6 тоже, как и «Итого», прикажет почему-либо долго жить, мы, скрепя сердце, согласимся даже и на то, чтобы свои комментарии он писал специально для нас. И даже даем торжественное обещание печатать их, пока сами будем живы и где бы мы при этом ни оказались — в наше непредсказуемое время с континентами, подобными нашему, тоже ведь могут происходить самые неожиданные вещи. Вот жили-были мы целых 17 лет в далеком Париже — и вдруг переместились в Москву. Кто бы мог подумать?! А кто бы мог подумать, что целых 10 лет просуществуем еще и здесь?..

Будем надеяться, что не исчезнем с карты мира и завтра — лишь бы были нужны тем, кому хотим быть нужны.

Нашим читателям.

России.

03.11.2002

Здравствуйте! Я Виктор Шендерович, это программа «Бесплатный сыр» — программа о России и тех, кого она себе выбирает. В прошлую субботу мы не вышли в эфир — страна была занята другим. Она в тот день никого не выбирала — просто платила за выбор трехлетней давности. Но, кажется, этого так и

не поняла. В России (это не мной замечено) самое главное: не что произошло, а как это потом назвать. Очень внушаемое население обитает на этих просторах, настоящему мастеру — одно удовольствие. Узурпируешь, например, власть, называешь это Великой Октябрьской Социалистической революцией — и вперед, пока счастливый народ не начнет на последнем издыхании кровью харкать.

Но революция — дело прошлое, а на днях в России случилась — «блестящая операция по освобождению заложников». Те, кто выжил, не забудут этого блеска никогда.

Да уж. В прошлую среду, 23 октября, полсотни вооруженных бандитов — убийцы и вдовы убийц — ворвались в Театральный Центр и захватили в заложники почти тысячу человек. Террористы были чеченцами. Самым поразительным тут следует признать не то, что они захватили здание в центре Москвы, а то, что на третьем году второй чеченской войны ничего подобного никто в руководстве страны, как выяснилось, не ожидал.

Это по-нашему: изо всех сил зафигачить в борт шаром — и страшно удивиться, когда под тем же углом отскочит. И еще раз поставить шар на то же место — и опять зафигачить. И снова удивиться отскоку. Мы же войну для них затевали, а не для себя. Для себя — мы совсем другое имели в виду: рейтинг для дорогого ВВП, военный бюджет побогаче, подъем державности, национальную гордость расчесать... А кровь имелась в виду исключительно чеченская.

А тут вдруг такое. Впрочем, к терактам спецслужбы были готовы давно. Еще после взрывов домов в Москве народу было обещано — «мышь не проскочит». Насчет мышей не знаю, а здоровые зверощеры с полными автобусами оружия и взрывчатки въехали в столицу без вопросов... Некоторые настырные граждане уже дней десять спрашивают: как это могло случиться? Как это — полсотни боевиков гуляют по Москве, а на Лубянке про это — ни ухом, ни рылом? Совершенно неуместная постановка вопроса. Лубянка совершенно на другом специализируется, у нее свои радости! Вот диссидента сгноить — это счастье наследственное. Журналиста своровать и отдать каким-нибудь смутным чеченцам в надежде, что они его пришьют, помните? В личную жизнь телезвезды повнедряться с жучками-паучками... эколога Пасько извести, физика Сутягина изловить и не выпускать — слава те Господи, четвертый год в камере, без приговора... Вот — непыльное дело жизни! А боевики — черт их душу знает... Тут же башкой думать надо.

То же самое — милиция. От этих совсем смешно что-то требовать, милиционеру чеченский вопрос — только в радость. По пятьсот рублей в месяц с брюнета за временную прописку, по штуке с каждого лотка на рынке, плюс уличные облавы на забывших паспорт. Не дай бог замиримся с брюнетами, такая статья дохода отвалится, не приведи господи! Но пока все путем, война идет, деньги капают. С Бараева напоследок тоже небось взяли — за проезд со взрывчаткой к месту представления.

Двух главных российских борцов с терроризмом — генерала Патрушева и просто Грызлова — россияне увидели на следующий день после захвата «Норд-Оста» в компании с самым главным борцом, в Кремле. И все они сразу сказали друг другу: главное — спасти жизни заложников. И как-то, при взгляде в эти лица, сразу поверилось, что именно это им и главное.

И вслед за президентом все политики страны, по очереди, начали подходить к микрофонам и говорить: главное — спасти жизни заложников. Это — вообще. А в частности, у каждого в эти дни был свой маленький политический бизнес. Быстро образовались клубы по интересам. Наш человек в Страсбурге, Дмитрий Рогозин, начал с того, что оплевал лорда Джада. Лорд Джад, конечно, главная российская напасть на чеченском направлении. Ездит, смотрит, развернуться не дает. Это он, поди, превратил республику в груду развалин и своровал деньги, выделенные на ее восстановление. Джад безусловно ужасен, и все-таки на месте Рогозина, в процессе борьбы с лордом я бы попытался хоть немного скрывать свое удовлетворение по поводу произошедшего

Клубы по интересам продолжали работу бесперебойно. Пока Дмитрий Олегович пинал лорда, некто безымянный в российских руководящих верхах раскручивал межнациональную тему. Это уж потом выяснилось, что и грузин никаких боевики не отпускали, и «лиц исламской национальности», как удачно выразился вот этот штабной господин, тоже не отпускали, и некоторые из них погибли, отказавшись бросить своих русских и нерусских товарищей... Но это всё выяснилось потом, когда никому уже не было интересно, а перед тем вся страна двое суток пересказывала гувэдэшную байку про грузин, которых отпустили чеченцы — с большими геополитическими выводами, разумеется!

В ночь и наутро после захвата десятки граждан — депутаты и просто люди — предлагали себя в заложники вместо женщин и детей «Норд-Оста», но террористы всем отказали. Они хотели видеть в этом качестве только главу Чечни Ахмада Кадырова.

Кадыров оказался большого ума человек. 50 московских жизней обещали пощадить боевики за его появление в зале, но Кадыров вовремя сообразил, что его жизнь гораздо важнее для человечества, чем те 50 женщин и детей — и в «Норд-Ост» не пришел. Молодец!

И то сказать: Кадыров же не Элла Панфилова, чтобы себя в заложники предлагать — он серьезный мужчина, при хлебной должности... Да и президент ему, говорят, запретил. Ну, может, и не запретил, но — не рекомендовал.

Поговорил президент и с нами, россиянами — на следующий день после захвата «Норд-Оста». И первым делом сообщил, что теракт планировался в зарубежных странах. В каких — не сказал, но это и не важно. Главное было: восстановить в народном мозгу привычную со школы систему координат. Россия в кольце фронтов. Про войну в Чечне Путин вообще слова не сказал, ни тогда, ни потом. Как нет ее и не было. Международный терроризм, и всё! Подфартило нашему гаранту с 11 сентября...

Международный терроризм, конечно, существует, но семейство Бараевых, подарившее нам вместо «Норд-Оста» этот «Зюйд-Вест», мы вскормили без помощи Бен Ладена, сами. В отличие от Масхадова, которого во время последней антитеррористической операции ловили с собаками все наши спецслужбы, дядя нынешнего московского гостя, знаменитый убийца и работорговец Арби Бараев, всё это время свободно передвигался по республике с документами офицера российского МВД. Практически подчиненный Грызлова...

А дальше случилась весьма поучительная история. Один чеченский журналист пошел по следу работорговца и зашел по этому следу довольно далеко —

даже, пожалуй, слишком. Как рассказала газета «Московские новости», этот журналист сумел записать номер федерального документа, дававшего Бараеву надежную «крышу». Но проблемы со спецслужбами после этого возникли почему-то не у Бараева, а как раз у журналиста. Он был задержан федералами и три дня просидел в яме. Еле живым ушел, а все собранные им данные были уничтожены федералами же. В общем, боролись с дядей Мовсара, как могли, а погиб он от рук кровников. И потом уж (ну раз все равно погиб) выяснилось, что это — победа спецслужб.

Но главную свою победу спецслужбы наши одержали на прошлой неделе, в Москве, причем еще до штурма. Вот где был настоящий газ в головы! Сто раз по телеку прокрутили старые масхадовские пленки, триста раз связали их с захватом «Норд-Оста», и, наконец, Ястржембский сообщил, как о достоверно известном, что захват готовил именно Масхадов.

Если Ястржембский чего сказал — сомнений в правдивости нет. Он и Удугов — два самых честных человека на этой войне. Но, правда или неправда, а под такое дело не утопить Масхадова было бы непрофессионально! Кстати, как вовремя этот захват случился — только-только вроде начали снова договариваться о прекращении военных действий... и вроде Путин был не особенно против... Но —

Но о мире в Чечне может мечтать только какой-нибудь бессмысленный беженец, которому лишь бы крыша над головой и чтоб не бомбили. Который не знает, сколько стоят наркотики, чем пахнет нефть и как выглядит целевое финансирование. Да что, в самом деле! А оружие? А военный бюджет? А престиж, наконец? А сто пятьдесят структур, под войну заточенных? И все это псу под хвост? В общем, очень как-то кстати случился этот «Норд-Ост»...

Кому война, а кому мать родна. Шестеренки сюжета продолжали крутиться одновременно в разные стороны. В пятницу террористы, угрожая расстрелом заложников, погнали их родственников на демонстрацию.

Стране грозило ужасное — антивоенный митинг на Красной площади, но его удалось сорвать. Акцию не разрешили, входы перекрыли, людей с плакатами попросили разойтись В общем, с родителями заложников московская милиция справилась отлично, дай ей бог здоровья, нашей защитнице!

Отказом идти на уступки террористам Кремль предупредил их о будущем штурме заранее. Прошло еще двадцать часов, власти еще двадцать раз сказали, что главное — спасти жизни людей, и дали отмашку на всеобщее отравление. Советская решительность в сочетании с русским народным разгильдяйством очень скоро дали классический результат, который и вошел в историю как блестящая операция спецслужб.

Так было решено, так названо и президенту доложено. А о чем у нас доложили президенту, то становится окончательной реальностью. Кремлевская группа «Блестящие» мгновенно вошла в хит-парад мировых информационных агентств, и через несколько часов мы увидели первую съемку штурма. Неизвестный феллини из ФСБ постарался как мог. Особенно хороша была бутылка коньяка возле тела Бараева. Тот, видать, одной рукой отстреливался, а другой отхлебывал из горлышка.

Когда штурм закончился, спецназовцы начали выносить заложников, и тут, примерно через полчаса, подоспела милиция. Милиционеры принялись помо-

гать, но рефлексы — упрямая вещь. Один из милиционеров совершено, видимо, автоматически, начал копаться в сумочке заложницы, лежавшей без сознания. Когда та неожиданно очнулась, он так же автоматически ударил ее ногой. Спецназовцы, видевшие это и рассказавшие впоследствии изданию «Газета», милиционера там же, у входа в здание, отметелили с полным знанием предмета, что, с моей точки зрения, является положительным итогом операции.

Потом перед телекамерами появился генерал Патрушев и сообщил, что все бандиты ликвидированы или уничтожены, а МВД в это же самое время объявило нескольких в розыск. Опять они там не договорились, как с рязанским сахаром и бараевским коньяком. Еще сложнее оказалось договориться с журналистами. Эти сразу попытались допытаться у вице-мэра Москвы Шанцева про газ, который был применен при штурме...

Вскоре, когда число погибших начало неуклонно расти, формулой газа заинтересовались уже американцы, но мы не выдали буржуинам нашу военную тайну! Мы и своим не выдали. Врачам даже формулу не сказали, они кололи, что было. Им вообще ничего не сказали, даже о том, что через полчаса могут быть сотни умирающих от удушья и отравления. Не столько хорошим врачом, сколько большим государственником проявил себя в эти дни министр здравоохранения, г-н Шевченко. Пока люди умирали в больницах, а врачи пытались вытащить их с того света своими руками, Шевченко из последних сил защищал родное правительство

«...специалисты были предупреждены, в том числе и я!...»

Приятно, что министра здравоохранения предупредили, но не очень понятно, зачем, потому что «скорые» начали приезжать только через полчаса после окончания штурма, причем половина бригад оказались фельдшерские, неквалифицированные... Я думаю, это всё потому, что с самого начала для властей главное было — спасти жизни заложников! Видимо, по этой же причине врачам запретили общаться с родственниками и всю информацию засекретили под корень. И не выдали бы мы буржуинам нашу тайну, кабы на третий день, уже в Мюнхене, немецкие врачи не нашли в крови двух своих сограждан, бывших заложников, фентанил. А до этого два дня подряд наши федералиссимусы играли с народом в угадайку: газ признали, но не сказали какой. Потом сказали, что — обычный, какой дают при наркозе. И тут же обрадовали: погибшие, оказывается, не отравились, а задохнулись. У кого язык запал, у кого сердце отказало. Вообще, у многих покойников вскоре обнаружились проблемы со здоровьем... В свидетельствах о смерти так и написано: «причина смерти не установлена». На всякий случай. Вдруг родственники в себя придут, иски начнутся... А причина смерти не установлена! В общем, всё закончилось слава богу — для власти, я имею в виду. Даже удалось не травмировать президента.

При посещении задохнувшихся — а посетить полагалось — президенту быстренько нашли больных полегче, частично даже не из заложников — и Владимир Владимирович быстренько, на пятнадцать минут, заскочил в больницу имени Склифосовского. Работа есть работа. Он даже пошутил:

«Ну, тут хоть покормят...»

Ну, видимо, второпях президенту не успели написать текста — вышел со своим.

На следующий день после того, как спецназ уничтожил бандитов, милиция вернулась к привычному занятию — ловить брюнетов... Но тут уж без шуток. В Москве всерьез заговорили о поголовной дактилоскопии чеченцев. Сезон охоты на них, собственно, особо и не закрывался, но тут пошли с мелкоячеистой сетью, и статистика сразу начала расти, как снежный ком.

Сначала искали добровольцев. Одного задержанного прямо так и спросили: вам оружие подбросить или наркотики? В Московской области обшмонали автобус с чеченцами и нашли карту Москвы. Ну, всех и взяли, потому что если карта, значит, боевики. А еще у одного чеченца, но уже в самой Чечне, при обыске нашли план злополучного Дома Культуры на Дубровке. Он его, наверное, специально неделю не уничтожал, ждал обыска.

До сих пор мы не сказали ни слова о Государственной Думе. Как будто в этой стране что-то может произойти без нее! Не бывать тому. Дума подключилась к спасению заложников еще в прошлый четверг, сразу после захвата «Норд-Оста». И сразу же стало ясно, что пользы от депутатов будет вагон. Потому что — вы же помните? — главное было: спасти жизнь заложников

Нижняя палата понеслась спасать заложников на всех парах. Коммунист Кравец первым делом предложил дать отпор западным телепрограммам, которые называют людей, захвативших культурный центр, повстанцами. Независимый депутат Федулов (также в заботе о заложниках) предложил срочно рассмотреть вопрос о введении прямого президентского правления (надо полагать, в помещении ДК), а либерал Митрофанов поглядел в корень — и потребовал немедленно принять какой-нибудь патриотический акт. В общем, постарались.

После штурма Дума не расслабилась и еще долго била в свой патриотический тамтам. Жириновский предложил «разобраться с депутатами, которые вели переговоры с террористами». Парламентское расследование теракта, предложенное правыми, забодали всем большинством (чего, правда, самим себе гадить), а комитет по информационной политике предложил создать парламентскую комиссию по расследованию деятельности СМИ. Глава комитета г-н Ветров, кассандра эдакая, сообщил, что на некоторых телеканалах уже готовятся передачи, цель которых — «спровоцировать антигосударственные настроения в обществе». А цель комитета — этого ужаса не допустить, а также «не оставить безнаказанным содеянное» (имеется в виду работа СМИ во время теракта, а не отравление насмерть сотни с лишним россиян). О как.

Пресса, действительно, жуткое зло. Без нее бы государству — такая была лафа! Так нет же: лезут во все щели, показывают чего не надо, расстраивают руководство. Сначала путались под ногами со своей прямой трансляцией, а потом вообще отвязались — анализировать начали. Сопоставлять пленки и документы с хронологией. И получилось совсем нехорошо.

Оказалось, например, что никаких расстрелов, которыми нам объясняли применение газа и начало штурма, перед штурмом не было; что последних убитых и раненых еще в два ночи увезла «Скорая помощь», которую сами бандиты и вызвали, а газ пошел только в пять утра, и никто перед этим не стрелял. И газ шел долго, и боевики знали, что он идет, и времени взорвать здание у них было — вагон и маленькая тележка, а они почему-то не взорвали...

В воскресенье телекомпания НТВ все это проанализировала, а в понедельник гендиректора телекомпании Бориса Йордана позвали в Кремль, на процедуры. Еле живой вернулся. Кремлевских товарищей понять можно: не для того они там, за зубчатой стеной, два года напролет мочили Гусинского, чтобы на них с четвертой кнопки снова такие анализы выливались.

Справедливости ради надо сказать, что были СМИ, сработавшие с большим государственным пониманием. «Комсомольская правда», например, написала вот какую суровую правду: пока Хакамада, Немцов и Явлинский пиарились у террористов, написала «Комсомолка», один человек в России не говорил, а работал (угадайте кто). А корреспондент РТР наутро после штурма сообщил: люди приходят к зданию культурного центра на Дубровке и ставят свечки, благодаря Бога за то, что всё закончилось благополучно. То есть, я хочу сказать: журналисты небезнадежны, среди них много тех, кто понимает политику партии и правительства правильно!

Когда блестящая операция по освобождению заложников от жизни завершилась окончательно, Путин еще раз выступил по телевидению и извинился перед родными погибших. Сказал: не смогли спасти всех. Ну, строго говоря, не то чтобы не смогли спасти, а просто уничтожили своими руками, но это частность. И опять ни слова про Чечню, а всё больше про мировой терроризм. Очень грамотно; социологи тут же зафиксировали дальнейший подъем рейтинга. Потом Путин объявил траур. Немножко рановато объявил — еще даже не все умерли, но тут главное — побыстрее завершить мероприятие. Когда траур прошел, то вроде как проехали. И вопросы уже неуместны.

Новости благотворительности. Во вторник в Филатовскую больницу в Москве, к детям, побывавшим в заложниках, явился Пал Палыч Бородин, у «Норд-Оста» во время теракта не замеченный. Под это дело на крыльце выстроили врачей; телекамер, разумеется, наехало, которые сам Пал Палыч и организовал... Но это, как вы понимаете, был не пиар, а забота о детях! Детям от этого визита получшало очень сильно, особенно когда Бородин начал их утешать (цитирую по изданию «Газета»). «Вы, — сказал Бородин, — три дня сидели, а я три месяца»... Уходя, Пал Палыч обратился к выздоравливающей молодежи то ли с напутствием, то ли за помощью: вы, сказал, «должны тащить нашу огромную прекрасную страну». Ну, если что-нибудь к тому времени останется, подрастут — присоединятся:.. А пока...

Пока — некоторые посильные выводы, которые можно сделать из течения последних дней своими слабеющими мозгами. Приоритеты у нас, граждане, окрепли окончательно, вот что я вам скажу. Окрепли и утвердились, кажется, надолго. Правильные, крепкие, проверенные десятилетиями приоритеты. Без дураков, без игрушек в демократию. Если совсем вкратце, то: вступить в переговоры с Масхадовым — нельзя ни в коем случае, а отравить по случаю собственной принципиальности полторы сотни сограждан — можно, и даже с пользой для рейтинга. Принципы у нас на дороге не валяются, государственность — на вес золота, хранить надо, затаив дыхание. Можно вообще перестать дышать, не страшно. Народу как грязи. На полтораста больше — на полтораста меньше... Не суть. Тем более, перепись прошла, показателей уже никто не испортит... И хватит цацкаться. У нас прямая дорога в будущее! В подтверждение

этой прямизны, в минувший четверг московские власти запретили антивоенный митинг на Пушкинской площади. Раньше разрешали, а теперь — всё! Потому что времена изменились.

Теперь, уже полторы недели, всякий, кто заговорит о прекращении войны — это пособник террористов. «Стокгольмский синдром» называется, слышали термин? Всех этих миротворцев террористы зомбировали, вот они и не хотят войны... Понятно?

А я знаю еще один, и довольно массовый, случай стокгольмского синдрома — когда целая страна, попавшая в руки группе хорошо оснащенных силовиков во главе с законно избранным президентом, постепенно проникается его целями и идеалами, и через какое-то время совершенно искренне начинает ему симпатизировать — потому что все равно никуда не деться, так лучше симпатизировать... Впрочем, эту версию мы проверим лет так через... М-да.

А пока что — президент России Владимир Путин высказывается по любимому пункту, борьбе с терроризмом:

«...будущего у террористов все равно нет. И это правда. У них нет будущего. А у нас — есть.»

Метафора — хорошая вещь...Совсем она была бы вещь хорошая, кабы не реальность. А реальность у нас, вот какая. В минувшую среду в Москве похоронили двух детей, маленьких артистов «Норд-Оста», Арсения и Кристину. На двоих им было 27 лет. Так вот, это у них нет будущего, г-н президент. А у вас, видимо, есть. Поэтому меня в настоящий момент сильно интересует только один вопрос: где и когда рванет в следующий раз? Что-то такое многообещающее сказала сотрудница центра переливания крови — людям, пришедшим ее сдать для пострадавших во время теракта. Что-то она знает...

«...все, расходитесь. Спасибо всем, нет необходимости сейчас в таком количестве доноров. Приберегите свою кровь до следующего раза...»

Когда и где будет следующий раз? И что это будет? Детсад в Воронеже? Общежитие в Перми? Не знаю. Россия большая, а защищают ее от мирового терроризма все те же надежные бойцы: Трошев да Патрушев, да федералы, охранявшие Бараева от ареста, да тот милиционер, который бил ногами заложницу, лежавшую без сознания, — защита у россиян надежная, остается только ждать. И надеяться, что, может быть, следующим будет не детский сад, а, скажем, Кремль. Потому что в этом случае, может быть, заложников не будут травить газом. И в любом случае, человеческих потерь будет меньше. Счастья вам!

16.11.2002

Минувшая неделя началась с сенсации: на четвертом году блицкрига в Чечне президент Путин выдал государственную тайну: там у нас, граждане, никакая не контртеррористическая операция, а — война! Раньше всё, бывало, это мы ему говорили, а тут он сам. Проговорился Владимир Владимирович на встрече с чеченцами — есть ещё несколько чеченцев, с которыми не страшно встретиться президенту... Вот во время этой беседы и произошло уточнение терминов. Случилось это, когда речь зашла о Масхадове. Не про него, но в связи с ним Путин и сказал главную правду:

«Именно он привел Россию и Чечню, самое главное, к войне!»

Ну, конечно, это был именно Масхадов. Правда, зачем законному президенту Чечни надо было развязывать войну с огромной державой, которая только-только оставила его в покое, Путин не объяснил. А присутствующие, немного подумав, решили не напоминать Владимиру Владимировичу, как в 99-м началась и кому именно пошла на пользу та, как теперь выясняется, война...

Россия — страна огромная. От Кремля до Министерства обороны — целый километр, связь не работает, фельдъегерь застрял в пробке на Моховой... В общем, министр обороны Иванов до сих пор не в курсе, что у нас теперь война. Вот он на днях и объявил о начале ***«масштабной, жесткой, но адресной операции»***. Раньше, понятно, была немасштабная, мягкая и безадресная. Но теперь — шалишь!..

В качестве чуть ли не первого адреса в Ачхой-Мартане взорвали дом чеченки-террористки из «Норд-Оста». Классно взорвали, масштабно и жестко. Потом, правда, выяснилось, что хозяйке этого дома седьмой десяток и не то что в «Норд-Осте», а и в Москве она отродясь не была, но это неприятность небольшая, потому что — раз чеченка, то всё равно террористка или пособница. А нет, так будет. Дом взорвем, детей-внуков через фильтрацию пропустим — уйдет и старуха в боевики. А что она 40-го года рождения, а жива — это еще НКВД недоработало. Лучше поздно, чем никогда.

Но вернемся в Кремль — там у нас политический процесс развивается со страшной силой...

На встрече с чеченцами, ознаменовавшейся откровением про войну, всё происходило не сразу. Сначала Владимир Владимирович, как бывший премьер, выступил по хозяйственной части. Потом перешел к главному тезису, который сформулировал исчерпывающе: «второго Хасавюрта не будет!».

Ну, слава богу, а то мы боялись. Второго Хасавюрта, значит, не будет. Значит, будут третьи Самашки, пятый Алхан-Юрт и восьмой Буденовск. Нет ли у вас новых грабель, господа, а то мы старые все уже изломали, а охота попрыгать не прошла?..

Одновременно с военными успехами, с успехом происходит в Чечне и хозяйственная деятельность. Это у нас замкнутый производственный цикл: бюджет на войну — бюджет на восстановление, снова на войну — снова на восстановление. А руки, по которым идет этот бюджет — одни чище других: то Сайдуллаев, то Кошман, то вообще Гантамиров. И все время подрастают новые кадры, в смысле чистоты рук — просто волшебные. А именно: в минувший вторник главой чеченского правительства стал некто Михаил Бабич. То есть, «некто» он для чеченцев, а следственным органам Российской Федерации этот молодой человек известен вполне. На всех предыдущих местах работы, везде, куда посылала его Родина, Михаил оставлял после себя уголовные дела — то два миллиарда рублей гуманитарной помощи куда-то исчезнут, то на евроремонт офиса в Москве денег уйдет больше, чем на все здравоохранение Ивановской области, вице-губернатором которой Бабич работал в то время, то уже из правительства Московской области попрут его за какие-то непредусмотренные финансовые успехи... В общем, хорошо зарекомендовал себя молодой человек, давно надо было дать ему развернуться по-настоящему. Как говорил Остап Бендер: «Работы не боюсь. Работу свою люблю»...

А Запад тем временем вконец обнаглел. Датчане Закаева не выдают, немцы и прочие французы вообще Путину при встрече гадости говорят. Во время пресс-конференции в Брюсселе корреспондент газеты «Монд» задал такой вопрос... — сразу видно, что дикий человек, Лесина в глаза не видел. Он спросил, когда закончится применение силы против мирного чеченского населения. Ну, и получил от президента по полной программе. Запугал Путин француза чеченцами до смерти. И даже немножко страшнее...

«...если вы хотите совсем уж стать исламским радикалом и готовы пойти на то, чтобы сделать себе обрезание, то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому вопросу. И я порекомендую им сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло».

Я всегда говорил: интеллигентность не спрячешь. Она нет-нет, да и вылезет... А насчет такого обрезания, чтобы потом ничего не вырастало — тут Путин наконец не соврал: специалисты по этой части у нас действительно имеются. Девать некуда. В последние недели особенно хорошо по части обрезания, чтобы ничего не выросло, дело обстоит со средствами массовой информации. В этом вопросе специалисты вышеозначенной клиники, вместе с коллегами из соседних лечебных заведений, постарались на славу. Кремль провел несколько медицинских процедур с руководителями телеканалов; помазано йодом (с обещанием ампутации) московское бюро немецкого телеканала АРД. С прилавков некоторых центральных книжных магазинов исчезла книжка Анны Политковской «Вторая чеченская» — не то чтобы раскуплена, а просто свезена обратно на склад.

А во вторник лекари из ФСБ отсекли редакционный сервер от редакции газеты «Версия» (газета хотела прояснить кое-какие тусклые детали блестящей операции в «Норд-Осте»). Редактор газеты Рустам Арифжанов уже позван на профилактику в следственное управление ФСБ, а в качестве гонорара за оказанные услуги эта самая ФСБ, по традиции, оставила арестованные компьютеры себе.

И наконец: в минувшую среду Федеральное Собрание приняло поправки к Закону о печати. Это самая главная победа Кремля на чеченском фронте. Отныне запрещено «распространение информации, содержащей высказывания лиц, направленные на оправдание сопротивлению контртеррористической операции». По-русски говоря, дал микрофон Новодворской — и прощай, лицензия на вещание! Вообще, после «Норд-Оста» дело борьбы с неправильной журналистикой развернулось во всю ширь.

Еще новости. В свое время Россия выбрала себе в друзья, на правах родственника по славянской линии, батьку Лукашенко. По славянской линии он нам родственник, а по кредитной — должен без малого триста миллионов долларов за газ. Семейная драма. А тут как раз в Белоруссии подоспела приватизация. Хорошенький такой кусок недвижимости на прилавок ложится. В России-то всё из рук в руки уже по пятому кругу пошло, а тут — с пылу с жару, подходи — бери... если, конечно, деньги есть. А деньги есть. И как раз у тех они есть, кому Лукашенко должен за газ. Но у батьки были свои планы на

приватизацию Родины, и он российских братьев, при всей любви, пускать к белорусскому пирогу не захотел... Ну, олигархи вентиль немного и привернули, чтобы голову батьке остудить. Только, наверное, осень в Белоруссии холодная, потому что батька заговорил совсем как отмороженный.

«...попросите лучше у арабов, попросите у Запада, попросите в Америке. Они помогут нам! Не глядя ни на какие наши отношения. Категорически запрещаю вести разговоры с Российской Федерацией о заимствовании! Категорически запрещаю! Ничего не одолжайте у них!»

Лукашенко человек энергичный, но всю страну этой динамо-машиной не согреть. Поэтому через несколько дней премьер Белоруссии Новицкий прилетел в Москву и попросил всё-таки продать немного газа, извинившись за «чрезмерную эмоциональность» своего руководителя. Ну, типа, не обращайте на батьку внимания, он у нас невменяемый...

Но вообще расстраиваться по поводу российско-белорусских недоразумений не следует. Спикер Селезнев, например, назвал произошедшее ***«дружескими ударами, направленными на укрепление Союзного государства».*** Да, судя по тому, как развиваются события, похоже, что дружба крепчает не на шутку...

23.11.2002

Из событий минувшей недели отметим укрепление партийных рядов и самой партии. Вопрос: «какой партии?» — выдает в вас человека, приотставшего от жизни. Не при Борисе Николаевиче живем! Партия у нас, граждане, одна — правящая! Кто не спрятался (то есть, не присоединился) — его проблемы. Короче: в минувшую среду в Москве провела заседание своего высшего совета «Единая Россия».

Что этот совет высший, было видно по транспорту — не на троллейбусах приехали думать о России... Согласно традициям — старым, но незабвенным — итоги мероприятия были известны заранее. Всё и прошло точно по повестке, никаких сюрпризов. Председателем высшего совета «Единой России» избрали, как и было объявлено заранее, главу МВД Бориса Грызлова. Избрали, сами понимаете, единогласно.

Избранник впрягся во внеочередной хомут с готовностью. «Есть 24 часа в сутки, — сказал он — и они еще не использованы до конца». Хочется попросить врачей, чтобы все-таки не отходили далеко от главы МВД. А то он, Цурюпа эдакий, отдаст концы в кабинете Путина — и хана партстроительству! Вообще-то, по закону, чиновники такого ранга не имеют права так рисковать собой — закон прямо запрещает им, находясь на министерском посту, состоять в какой-либо партии... Пока запрещает. Но глава фракции ОВР Вячеслав Володин уже оповестил мир о грядущих поправках в закон, и заранее сообщил, что «две трети голосов для их принятия набрать удастся». Кто бы сомневался. Тем более, тут ведь дело государственное...

Грызлов: «... Сегодня мы можем говорить о том, что этап становления закончен, и мы выходим на рубеж выборной кампании — разворачиваем наши партийные ряды...»

Живо представляю себе этот предвыборный разворот партийных рядов под командованием Грызлова — полмиллиона сотрудников МВД, ОМОНы, собры,

«беркуты» всевозможные... Я бы на месте других партий вообще подумал: стоит ли с такой политической силой соперничать? По-моему, дешевле присоединиться.

Грызлов: «...и я думаю, что все жители нашей страны, все те, кому интересна судьба нашей страны, судьба политической ситуации, — должны присмотреться к нашей партии и вступать в ее ряды».

Присмотритесь к этой партии, граждане... И как можно скорее, потому что она уже начала присматриваться к вам. Уже ультиматумы ставит нехитрыми устами своего нового лидера. «Должны вступать...» Они уже определили к рычагам своих, сейчас разделят оставшихся на попутчиков и классово чуждых, потом беспартийных по службе двигать перестанут, потом... Да что я вам рассказываю? — вы помните... вы всё, конечно, помните... В едином строю, партия — наш рулевой, далее везде... В общем, жизнь налаживается помаленьку, и требует внесения корректив в индивидуальное расписание.

В минувший вторник нижняя палата приняла в первом чтении закон «О противодействии коррупции». Восемь лет назад депутаты начали работу над этим законом, в самые дальние ящики его запихивали, тянули кота за хвост, как могли, но... Не уберегли. Один только принципиальный нашелся, проголосовал против, а к остальным, видать, за годы, проведенные у кормила власти, либо совсем ничего не прилипло, либо прилипло столько, что никаким законом уже не отскребешь.

А в общем особо вздрагивать по ночам оснований у депутатов действительно нет. В России два миллиона чиновников, и если что, садиться надо всей страной. Да и не в Швейцарии живем, слава те господи. Карлы дель понты тут не приживаются; русская Фемида сама же первая этот закон занукает и в мелкий клочок изотрет, потому что если его начать применять, то я не уверен, что внутри Садового кольца кто-нибудь вообще на рабочем месте усидит. А долгий ящик, освободившийся после изъятия из него «Закона о противодействии коррупции», долго не пустовал. В него на минувшей неделе положили законопроект о реформе жилищно-коммунального хозяйства. Как дал понять один из думских участников процесса, замылили по-тихому... Есть такая специальная папочка...

Борис Надеждин: «...в этой папочке про законы написано одно из двух: или перенести на какую-то дату в будущем, либо — вообще перенести. Вот законопроекты — два — по ЖКХ, они были в папочке под названием «Перенести вообще». Из слов депутата Надеждина не следует, однако, делать вывод, что вопрос с реформой ЖКХ рассосался окончательно. Могу вас уверить, что много нам открытий чудных готовит депутатский век.

Но вернемся в реальность. Тут у нас опять некоторая Чечня образовалась. Причем — с цифрами. Например, на минувшей неделе из источника в «Дирекции по восстановительным работам» выяснилось, что эта самая Чечня в текущем году восстановлена на 83% от плана. Не на восемьдесят два, а именно — на восемьдесят три, понимаете? Цифра — вещь точная. Но только в младших классах средней школы. А кто прошел школу советской экономики, тот знает, какие чудеса можно с ней делать — в полном согласии с арифметикой.

Ну, например: 83% восстановления Чечни могут означать, что 17% территории республики разрушено окончательно. Или: что 83% средств, выделенных на восстановление Чечни, уже истрачены... Я думаю, речь идет именно об этом.

А что касается хозяйства самой республики, то — более близкие к реальности цифры можно получить самостоятельно, с карандашиком в руке, в рамках задачки для третьего класса. Дано: заявление Ильясова о том, что в Ичкерии похищается в день до пятисот тонн нефти. При этом МВД сообщает, что в минувший вторник, в результате «серии спецопераций по борьбе с незаконным нефтебизнесом» удалось изъять у похитителей 25 тонн нефти. Спрашивается: сколько процентов от сворованного в тот день вернулось в бюджет республики? Правильный ответ: 5%. Следующий вопрос: сколько из оставшихся 95% похищенного преступники потратили на поддержание «крыши» на федеральном и республиканском уровне? Правильный ответ: не знаю. И вам не советую.

И еще немного арифметики. На недавней встрече с президентом России один из муфтиев рассказал о бесследной пропаже в Чечне (только в последнюю перед встречей неделю) сорока четырех человек. Спрашивается: что изменилось после того, как об этом факте узнал Главнокомандующий?

Правильно: ничего. На минувшей неделе о «массовых похищениях мирных граждан, совершаемых военными с использованием бронетехники глубокой ночью», Путину написала уже группа чеченцев — глав районных администраций. Причем обратились они к Путину не как к Главнокомандующему, а «как к гаранту соблюдения конституционных прав всех граждан». Во дают... Вместо гаранта чеченцам ответил зам. командующего Объединенной группировкой войск Борис Подопригора. Он успокоил чеченцев доступным языком, сообщив им, что при действиях федералов «учитывается вся гамма обстоятельств, вызвавших необходимость применения силы для мира и спокойствия в Чеченской республике». Короче, если в том чеченском селении кто живой остался, я бы на его месте, пока не стемнело, рвал когти. А тут еще генерал Казанцев обнадежил: «2003 год, — сказал он, — станет начальной фазой завершающего этапа контртеррористической операции». Начальной фазой, андестэнд? А с девяносто пятого года, выходит, — это мы только разминались...

В минувший вторник в Москве завершила работу общественная комиссия Союза Правых Сил. Эксперты, проводившие расследование событий на Дубровке, пришли к выводу о том, что действия должностных лиц в те дни подпадают как минимум под две тяжелые статьи Уголовного Кодекса. Некий эксперт, анализируя действия власти, даже отметил «вторичность задачи спасения людей». Почему он «некий», этот эксперт? Потому что пожелал остаться неизвестным. Как и большинство экспертов той комиссии. С чего бы это вдруг такая осторожность? Откуда этот массовый исход экспертов на нелегальное положение? — в таком демократическом государстве, с таким цивилизованным президентом?.. Нет ли у вас этому объяснений, господа?

Ну да ладно. Передавать в прокуратуру результаты анонимного расследования правые посчитали некорректным, и все закончилось пшиком, а именно:

Немцов передал материалы расследования Путину. Когда очень горячее суешь в очень холодное, как раз пшик и получается. Напоследок председатель общественной комиссии Эдуард Воробьев, мечтатель думский, предположил, что публикация документов должна «автоматически заинтересовать прокуратуру». Ага, щас! — Устинов всё бросит и пойдет сажать Патрушева с Грызловым.

Теперича — насчет духовности. Она растет такими темпами, что с непривычки немножко страшно. А скоро духовности будет вообще по самое не могу, попомните мое слово. Некоторые особо продвинутые отцы Русской Православной Церкви на минувшей неделе призвали прекратить государственное финансирование атеизма и материализма. У нас-то в школах и институтах, по старинке, еще про Дарвина рассказывают, прости господи... Это дело пора кончать. Да и кончают уже помаленьку. По сообщению издания «Газета», Министерство образования одобрило введение школьной программы «Православная культура». С первого по одиннадцатый классы, чтобы мало не показалось. Контрольный вопрос в голову: «перечислить основные типы православной молитвы», темы рефератов: «Агиография русских святых» и «Псалтырь»... Хватит детям дурака-то валять, пускай, уроды, псалтырь учат! Вы, может, хотите чего-то вякнуть насчет того, что у нас многоконфессиональная страна? Про отделение церкви от государства? Ну, вякайте, вякайте, а программа уже разослана министерством в регионы — и, разумеется, одобрена свыше. Бога я тут имею в виду — в последнюю очередь.

Зюганов: «Православная культура лежит в основе развития нашей страны. В основе нашей духовности, справедливости, коллективизма...»

Что лежит в основе зюгановской духовности, я не скажу (боюсь не ошибиться), но, по моим наблюдениям, сам Геннадий Андреевич скорее подтверждает дарвиновскую теорию происхождения человека, нежели богословскую. Ну, да ладно. Итак, программа православного обучения принята Министерством образования — 544 учебных часа, между прочим, а где их взять? Приходится сокращать лишнее. Где найти лишнее? Фигня вопрос — в курсе русской литературы! Оттуда уже изъяты и «Война и мир» и «Преступление и наказание»... Вместо Родиона Романыча — псалтырь и агиография русских святых! Старухе-процентщице повезло — топором по голове, и всё, а тут мучайся одиннадцать лет... А уж население пойдет — образованное!..

И последнее. На минувшей неделе тренировочный центр Министерства обороны под Москвой посетили американские военные. Они знакомились с работой своих российских коллег и — себе на голову — с их досугом...

Гавриленков: «...американцы слабаки не только в учении, но и в практике. После первой рюмки — всё. Я их здесь вот так вот на руку всех положил, часы выиграл и сказал, что против русских они никогда не выиграют. Я им сказал: в вашем лице я положил весь американский империализм!»

Знаете, заокеанской военщины я не боюсь — она, чай, проспалась и улетела восвояси, а вот полковник российской армии, своими руками по пьяной лавочке победивший американский империализм, — он ведь продолжает лежать на страже нашей безопасности...

30.11.2002

В минувший понедельник парламент и президент сыграли с журналистами в старую игру «добрый следователь — злой следователь».

Игра началась две недели назад. Парламент по следам событий на Дубровке принял поправки к Закону о СМИ, уже и в петельку продел буйну журналистскую головушку, и тогда журналистское сообщество с воем побежало к гаранту, и гарант, легким движением пера наложив вето на смертный приговор, заставил нас рыдать у высочайших ботфорт — вполне искренне.

Благодарен Владимиру Владимировичу и я — кабы не президентское вето, быть бы мне теперь пособником террористов, а так (вместе с лучшими товарищами по цеху) — я всего лишь своекорыстный урод. Дело в том, что мы, телевизионщики, очень падки на деньги, а наш зоркий и бескорыстный президент все время это замечает.

Путин: «...телевизионная картинка на одном из общенациональных каналов в день штурма, за несколько минут до штурма, на которой были показаны передвижения спецназа и рассказывалось, что происходит в здании, — могла привести к огромной трагедии... для чего это было сделано? Для чего делались такие вещи? Ну, понятно, для чего. И вы это прекрасно понимаете. Для того чтобы поднять рейтинг канала. Для того чтобы поднять капитализацию. В конечном итоге, для того, чтобы зарабатывать деньги... но не любой же ценой! Не на крови же делать деньги, наших граждан. Если конечно те, кто делают это, считают наших граждан своими».

Последние слова, как нетрудно понять, были адресованы гендиректору телекомпании НТВ, гражданину США Борису Йордану. Его на той встрече в Кремле не было — не позвали. Раньше, бывало, звали и очень любили за эффективный менеджмент, а после Норд-Оста, в одночасье, стал Йордан жадным американцем, богатеющим на крови россиян... Вон чё бывает. Только вот насчет вреда заложникам, который мог произойти от репортажей НТВ, — тут президент, как бы мягче выразиться... в общем, ну... сказал неправду. Подготовку к штурму начали показывать через пятнадцать минут после его окончания, и никакого вреда заложникам от этого произойти не могло.

Не в штурме дело, конечно. Просто нужно же было найти, за что наказать эту писучую братию. Вообще, со стороны отдельных телекомпаний было совершенно бестактно информировать общество о происходящем на Дубровке.

Конечно, лучше было бы продолжать показывать стране легкое кинцо, изредка прерывая его короткими выпусками новостей в стиле приснопамятных сообщений ТАСС, как сделала в те дни и ночи главная федеральная телекомпания. Правда, показывала она это кинцо безо всякого рейтинга, потому что народ — такая сволочь! — почти в полном составе переключился с водевильчика на те мерзкие частоты, по которым в прямом эфире показывали реальную ситуацию вокруг «Норд-Оста»...

Вернемся, однако, к главной теме той встречи в Кремле: президентскому вето на думские поправки к закону о СМИ. Это вето на минувшей неделе комментировали многие политики, но лучше всех, разумеется, Владимир Вольфович...

Жириновский: «Еще больше ужесточат поправки! Нужно было брать, то, что есть. Вот там было более или менее, теперь — еще больше ужесточат.

Согласительная комиссия назло еще хуже сделает. Преодолеют вето президента. 300 голосов — и президент подпишет. Да, преодолеют! 300, 300, 300, 300, 300!»

Преодолеть президентское вето депутаты, разумеется, сумеют. Но только в одном случае: если на это намекнет президент. А вообще, приведение прессы к общесоветскому знаменателю — это только часть благотворных процессов по восстановлению лучшего, что у нас было. В Волгограде, например, местная власть уже вовсю обсуждает вопрос о возвращении городу Царицын исторического названия Сталинград. И, по словам генерала Варенникова, Путин при встрече эту идею «эмоционально поддержал». Так что сегодня Сталинград — это славное прошлое, а завтра может стать кошмарным настоящим... Ко всему прочему, в минувший вторник министр обороны Иванов попросил президента вернуть на армейское знамя пятиконечную звезду. Это он не сам такой умный — это, как признался министр, — «по многочисленным пожеланиям личного состава Вооруженных сил и ветеранов войны». Ясно вижу эту картину: ветеран поджидает Иванова вечером в подъезде, плачет, целует ему жилистую руку, просит, чтоб непременно была звезда... Путин встретил с одобрением и эту идею — в рамках реформы армии, надо полагать. Под звездой там пить и ширяться перестанут, а сорок тысяч дезертиров разрыдаются и вернутся в казармы. К своим добрым и отзывчивым дембелям...

Теперь — дела региональные... После убийства губернатора Магаданской области Валентина Цветкова российская Фемида краешком глаза, по неосторожности, заглянула на этот край земли. Заглянула — и чуть с ума не сошла, и только на начальном этапе проверки, как сообщил на днях генерал Колесников, возбудила 104 уголовных дела... Слушайте, товарищ прокурор, у нас в стране, кроме Магаданской области, еще 88 регионов. Может, прокуратуре попробовать поездить по ним до того, как убьют остальных губернаторов? Или это непременное условие начала работы?

Новости образования. В Великобритании на минувшей неделе забастовали учителя средних школ — требуют, отморозки, повышения зарплаты с трех тысяч фунтов стерлингов в месяц — до шести. То есть, на наши деньги — получают пять штук баксов, а хотят — десять! Надо бы их, по обмену опытом, на месяцок к нам, в среднюю школу... Они бы потом родное лейбористское правительство во все предметы поцеловали. А у нас, кстати, в средней школе тоже кое-что произошло: грядет реформа оценочной системы. Пятерок больше не будет. Проблему посильно сформулировал министр образования Филиппов.

Филиппов: «...это неправильный подход, когда мы фактически загнали систему образования в очень авторитарное оценивание, которое отталкивает наших детей от желания получить какую-то хотя бы оценку».

«Получить какую-то хотя бы оценку». Садитесь, товарищ министр, тройка. По старой системе. Потому что новая — только разрабатывается...

Новости высокой политики из стран СНГ. В Москву заезжал за газом президент Белоруссии Лукашенко. Он до этого запретил своему правительству «одол-

жаться» у России и даже грозился контактами с НАТО, но тут дверь на Запад батьке забили снаружи крест-накрест, он охолонул немножко — да и поехал договариваться на восток.

На востоке договорились вполне по-восточному: утром деньги, днем стулья. То есть: утром приватизация «Белтрансгаза», а днем — собственно газ. Будущее российско-белорусских экономических отношений лаконичней всех прокомментировал президент России.

Путин: «...для нас уже вопроса не стоит — чего-то отдавать, сдавать... мы будем только все брать».

Но это еще не настоящий восток, настоящий Восток — он южнее. В минувший вторник в Ашхабаде на проспекте имени Туркменбаши произошло покушение на Туркменбаши. Удивительные преступники зачем-то начали стрелять вслед бронированной машине отца нации, но, по словам главы президентского аппарата, только «поубивали друг друга». Какое-то просто общество слепых на пикнике. А отец нации, приехав в свою резиденцию, сразу же назвал имена заказчиков преступления и — поразительная вещь! — следствие в тот же день подтвердило его догадку. Что значит гений! Заговорщиками оказались буквально все оппозиционеры товарищу Ниязову, по некоторым климатическим особенностям Туркмении живущие в Чехии, Латвии и Швеции. Их родственники, не успевшие сделать ноги от отца нации, уже арестованы, в деле обнаружен и грузинский, и российский след, а само происшествие названо «актом международного терроризма». Как много может выйти пользы от одного покушения... Ай, молодца!

07.12.2002

На минувшей неделе в прессе появились данные последнего соцопроса, посвященного, в частности, уровню доверия, которое российский народ испытывает к президенту. Данные, надо сказать, получились совершенно рекордные — 83% доверия. В придачу к сообщению о рекорде Владимир Владимирович получил от социологов еще один подарочек — он, наконец, узнал, кто именно его поддерживает. Коллективный портрет путинского избирателя получился на загляденье. Примерно так: пожилой гражданин — скорее гражданка — без высшего образования, из сельской местности, малообеспеченная, не доверяющая американцам, немцам, англичанам и евреям, голосующая за КПРФ и нетерпимая ко всем религиям, кроме православной. Неисповедимы пути твои, Господи, особенно на территории Российской Федерации!

Ну, продолжим. Некоторое время назад президент Путин сказал: «нам надо менять практику помилования». Ну да. А то, действительно, от милосердия деваться было некуда, перед людьми неловко. Вот Путин практику и поменял. Приставкинскую общественную комиссию по помилованию распустил, а взамен создал общественные комиссии в субъектах федерации.

В минувшую среду в Подмосковье прошло первое совещание председателей этих самых территориальных комиссий. Совещание доложило самому себе, что указание президента в области милосердия выполняется успешно: в двухтысячном году в России было помиловано 12 с половиной тысяч заключен-

ных, а за два последних года — 206 человек. Хорошенького понемножку. В придачу к этой немыслимой конкретике добавим: на совещании выяснилось, что большая часть прошений о помиловании до президента просто не доходит. Не в переносном смысле не доходит, а — физически. Что, собственно, и требовалось от новой комиссии.

Теперь — примите мои поздравления: началась, наконец, практическая реализация правительственной «программы патриотического воспитания на 2001-05 годы». Слава богу, а то мы уж волноваться начали. Но напрасно — процесс пошел: почти двести миллионов рублей выделила на это дело власть, и первые десятки тысяч уже ушли в правильные карманы.

Вообще идея научить нас, убогих, Родину любить, осеняет высочайшие умы регулярно. Учат нас этому все время — причем на наши же деньги. Еще не помню, чтобы кто-нибудь из руководства, наскребая на патриотическое воспитание народа, продал особняк на Рублево-Успенском шоссе или поделился оффшором. Все больше от бюджета отрезают. Но главное — стабильность. Два века назад — «Православие. Самодержавие. Народность», век назад оно же, и сейчас — тютелька в тютельку. И не любовь к отеческим гробам, а пятки вместе, носки врозь, выпученные глаза и восторг при виде администрации! И чтоб на Запад плеваться, а от родной портянки в сладострастие приходить. Тогда ты патриот. Родине от такого патриотизма пользы, как от столбняка, но попробуй чего возрази... Так, по Дарвину, появился и размножился в России вид профессиональных патриотов. Ничего другого эти господа не умеют, но знают, как надо правильно любить Родину, и готовы проследить за населением...

Слушайте, а может, пустить это дело на самотек? Ну, оставить нас в покое, чтобы любили Родину, как получится... как дитё любим или маму — просто так, потому что родное. А деньги — вот хоть двести миллионов этих, ушедших прямиком на борьбу с антихристом, пустить на какую-нибудь ерунду — ну, например, чтобы в больничке вата была с лекарствами — глядишь, больной выживет и Родину полюбит без указаний Минпечати. А курсантам, вместо того, чтобы в выходной день гнать их строем на праздник патриотизма, дать поспать — причем совершенно бесплатно. Родину, которая дает поспать и в рыло спьяну кулаками не лезет, защитить — одно удовольствие...

Но это всё — так... мечты и размышления, а реальность патриотического воспитания у нас довольно конкретная. О самых удачных опытах в этом вопросе вспомнил на минувшей неделе глава республики Карелия Сергей Катанандов. Вспомнил — и предложил Министерству культуры, не мешкая, включить в программу патриотического воспитания празднование 70-летия Беломорканала. Как сообщило издание «Газета», в письме на имя вице-премьера Матвиенко Катанандов попросил к тем двумстам миллионам рублей добавить еще миллион с хвостиком — на проведение «научно-практической конференции по проблеме истории и развития канала». Ну, научной — ладно, но практической — это не дай бог, потому что практика там была серьезная. Пятнадцать тысяч закопано в эти берега — и не рублей, а людей. Видимо, в рамках конференции, губернатор предложил, как в старые добрые времена, прокатить по этим костям на корабле представителей творческой интеллигенции.

Несколько слов о внешней политике. В ней у нас новые приоритеты образовались — нам бы сейчас Данию прищемить побольнее... Про эти северные края еще Шекспир предупреждал: какая-то в державе ихней гниль... После чеченской конференции в Копенгагене мы наехали на королевство всерьез. А прокуратура бельма протерла и обнаружила, что Ахмед Закаев — причастен к терактам 96-го года и срочно нуждается в аресте. Во дела! В прошлом году, в Шереметьево, с Закаевым вел переговоры генерал Казанцев и независимая прокуратура наша, борец с терроризмом, об эту пору сама себе рот зашила и узелок на бантик завязала. А тут прорвало. И выяснилось, что Закаев уже во время встречи в Шереметьево находился в федеральном розыске. Видать, не успела группа захвата доехать до аэропорта и арестовать бандита — вместе с генералом Казанцевым, соучастником...

Ну, в Шереметьево прокуратура не успела, а в Копенгаген — успела. И потребовала экстрадиции Закаева. А то: Дания — тюрьма, Дания — тюрьма... Вы, батенька, тюрем не видели! Пять пудов доказательств прислала прокуратура, чтобы заполучить бывшего артиста поближе к Малой Дмитровке, причем свидетели его преступлений вдруг полезли из-под земли, как грибы. Где были пять лет — непонятно...

Но датские юристы — скучные люди, их художественная самодеятельность не интересует, им доказательства подавай. Ну и не отдали Закаева. Себе на голову не отдали. Еще в октябре партия «Единая Россия» призвала объявить бойкот датским товарам, но тогда бойкота не случилось. Да и зачем? — в России все иначе делается. И вот — месяца не прошло, а Дания пожаловалась в ЕЭС, что испытывает трудности с прохождением своих товаров на российский рынок. Совпадение, должно быть. Тут печать на документе размыло, там пиво «Туборг» на таможне застряло почему-то, здесь санитарная инспекция наехала на датскую колбасу с заботой о российском потребителе... А бойкота, обратите внимание нет — мы же цивилизованные люди!

Еще один образчик цивилизованности Россия показала миру из Ингушетии. В минувший понедельник там был закрыт лагерь беженцев в Аки-Юрте. МВД республики сообщило, что «более тысячи беженцев получили удобное жилье в частных домах». Три звезды с полупансионом, надо полагать. Вот только на просьбы указать конкретные адреса этого жилья миграционная служба отвечала партизанским молчанием. Не выдали государственной тайны, молодцы! Между нами говоря, беженцев просто погрузили в КАМАЗы, отвезли в Чечню — и там выгрузили. А лагерь снесли. Всё путем! Обещали президенту до зимы решить вопрос с лагерями беженцев — и ведь решат...

А потом, году эдак в 2015, мы будем жутко удивляться, откуда взялись очередные бараевы. И ни в одну федеральную голову не придет, что они выросли из маленьких детей, запомнивших, как зимой 2002-го Россия решила их жилищный вопрос...

А еще один совсем цивилизованный, из наших, руководит Белоруссией. Восемь лет руководит — и, главное, никак ему не надоест! Да и уйти страшно. Другой бы на его месте просто сказал бы: не уйду, и всё! Но Лукашенко, я ж вам говорю — цивилизованный... Поэтому на прошлой неделе он выступил

перед студентами университета — и отвечая на прямой, очень кстати заданный вопрос о третьем сроке, сказал:

«Я не пойду ни на какие хитрики, как говорят в Белоруссии, ни на какие ухищрения... я пойду ясным и честным путем: референдум, изменения в Конституции и выборы».

Надо полагать — весть о будущем третьем сроке своего батьки белорусский народ воспринял с энтузиазмом.

И последнее. В конце декабря в Москве пройдет конференция «Интеллектуальный мост Россия — Запад. Проблемы, перспективы». На минувшей неделе ее оргсекретарь, Александр Щеулин, поделился с корреспондентом РИА-Новости одной ужасной историей. «У меня есть друг, — сказал он, — который за три года работы на Западе в одном из научных учреждений сумел скопить лишь 11 тысяч долларов. Он вернулся в Россию — и уезжать обратно на Запад не собирается». Все хорошо, что хорошо кончается! Ученый на Родине, здесь у него и начнутся настоящие заработки... Счастья вам...

13.12.2002

В минувший четверг Россия спраздновала День Конституции. Гражданские права и свободы, в ней обозначенные, святы и непоколебимы — и истекшая неделя нелишний раз это показала. Начнем сразу с главного: статья двадцатая — все граждане России имеют право на жизнь. Правда, на разную.

Вот, например, жители поселка Сухоложский, что под Нижним Тагилом. Они в настоящий момент имеют право на жизнь практически при уличной температуре. Заплатили налоги и живут спокойно — во льдах. Затянув пояса, собрали по пятьсот рублей с квартиры на новые трубы для старой котельной — и ждут весны. К празднику Конституции отношение здесь прохладное... Обнаружить хоть какое-нибудь начальство ни жителям поселка, ни окрестным журналистам не удалось — надо полагать, начальство где-нибудь пригрелось и учит наизусть первый раздел Конституции Российской Федерации.

Упомянутое там право на жизнь, безусловно, распространяется и на уцелевших чеченцев — особенно на тех беженцев, которые после сноса палаточного лагеря в Аки-Юрте как раз к зиме оказались в чистом поле без крыши над головой. В принципе, предполагалось, что у них будет жильё, но — ... недавно Счетная палата сообщила о нецелевом использовании 700 миллионов рублей, направленных, в частности, на восстановление жилого фонда Чечни. На минувшей неделе эти инсинуации опроверг федеральный министр Ильясов.

Станислав Ильясов: «Позже вышло постановление Правительства Российской Федерации, которое узаконило это финансирование».

Видимо, не только в Одессе быстро поднятое не считается упавшим. Все растраты и хищения уже узаконены! Поздравляю! Вообще, быстрая реакция чиновника на казенный кусок, или, в просторечии, коррумпированность этого самого чиновника давно были предметом внимания компетентных органов...

Теперь свобода совести и тому подобное. Все религии у нас, как вы знаете, равны. Рассказываю. На минувшей неделе в Пензенской области в депутатских

кабинетах ночей не спали, придумывали родимому краю флаг. Сначала, конечно, хотели, чтобы на флаге был Путин — может, заметит, приласкает... Но к начальственной досаде выяснилось, что живых федеральных президентов на областные флаги не вешают. Тогда руководящие пензюки отошли на последний рубеж обороны — и вместо Путина, на худой конец, решили поместить на знамя Иисуса.

«...присягать будут кадеты ли, офицеры ли, чиновники ли присягать этому флагу будут. Поцеловать такой флаг не стыдно».

Это, граждане, был Юрий Лаптев, зампредседателя Законодательного собрания области, флаг ему в руки! Он оказался мужик грамотный и политкорректный — и тут же объяснился по религиозному вопросу.

«...говорят, мусульмане обидятся. У них пророки, и в том числе — Иисус Христос под именем Исаия. Мы кого обижаем? Никого. Нравится зеленый цвет? Он присутствует».

Ну, хорошо. Православные, значит, будут целовать пензенское областное знамя по центру, мусульмане — у древка.

С этим ясно. А не дай бог обнаружатся в Пензе иудей с буддистом — им кого куда целовать? Лаптева этого в руководящую голову? Проблема! Я уж молчу про то, что в начале третьего тысячелетия в Пензе может обнаружиться некоторое количество атеистов. Каковым, скорее всего, был и сам товарищ Лаптев до того, как по случаю распада СССР его прошибла благодать. А впрочем, черт с ними, с атеистами, пускай крутятся, как хотят, нынче время духовности, а кто не спрятался, Лаптев не виноват.

Вернемся к виновнице нынешних выходных — Российской Конституции. Кроме прочих радостей, она, в статье сорок девятой, гарантирует нам правосудие. Особенно, если гарант не возражает. А если твоя фамилия Закаев, то хоть в Копенгаген уедь, хоть в Лондон, а правосудие — за тобой, и слюна до пола... Вообще, надо запретить ему путешествовать, а то он нас со всем миром перессорит... На минувшей неделе Генпрокуратура перевела с датского на английский свой же запрос об экстрадиции сепаратиста — и всё это послала на... на Альбион. Ну и правильно! Прокукарекать, а там хоть не рассветай. О содержании запроса рассказал сам Генеральный прокурор.

Устинов: «Я вам приведу просто один пример для того, чтобы вы поняли, что преступления просто зверчайшие. Потерпевший прямо показывает, что в один из дней его насильно привели к Закаеву в кабинет, который склонял его к совершению правонарушений. То, что в результате преступлений Закаева тыщи, сотни, тыщи людей были ранены, убиты, — в этом можете не сомневаться».

Если запрос об экстрадиции писал Устинов, то за Закаева я спокоен. Там еще на русский переводить и переводить...

20.12.2002

Когда я был маленький, то много раз видел в цирке такой номер: «борьба нанайских мальчиков». Вроде как двое борются, а потом оказывается, что это были вовсе не двое, а вовсе даже один. Одна. Гимнастка. Отличный номер! К чему это я? Ах, да. В минувшую среду Фонд федерального имущества провел аукцион по продаже контрольного пакета компании «Славнефть».

Торги — в жуткой борьбе — продолжались четыре минуты, после чего «Славнефть» по дешевке ушла в частные руки — владельцам компаний ТНК и «Сибнефть». Как раз тем, которые как бы жутко боролись.

За счастье наблюдать этот цирк мы с вами заплатили примерно миллиард долларов (именно столько, по оценкам экспертов, недобрала казна), но — не будем мелочиться: искусство требует жертв! Правда, мальчики в нашем случае были не нанайские, а — один чукотский (Абрамович) и два тюменских (Фридман и Вексельберг), да и борьбу между собой они изображали не очень старательно... Но напрягаться большого смысла не было: никого, кроме них, на манеж-аукцион просто не пустили. А потом публику еще некоторое время веселил коверный — председатель российского фонда федерального имущества Владимир Малин. Самому смешно было...

Вопрос корреспондента: Кому вы продали «Славнефть», можно официально? Малин: Официально? Это надо учредительные документы смотреть. Я, честно сказать, не знаю.

Да уж, обхохочешься. И не упомнишь, кому продали государственную нефтяную компанию — как старое пальтишко или волнистого попугайчика на рынке. В общем, иллюзии не получилось, но номер с борьбой нанайских мальчиков сошел с рук. Гимнастка эта, которая одна за двоих фокусничала — оказалась не столько гибкая, сколько, не поймите меня правильно, — очень умелая за пределами манежа. Абсолютно устраивает дирекцию цирка.

Теперь — одна удивительная очень русская история. В минувший вторник по агентствам прошло сообщение о том, что некая инициативная группа в Нижнем Новгороде выдвигает на пост президента России Михаила Касьянова. Ну, выдвигает и выдвигает — немножко рановато, конечно, но вольному воля... И тут вдруг началось такое! Аппарат Белого Дома назвал это «попыткой дискредитации» премьер-министра. О как интересно! Когда три года назад все газеты называли премьера «Миша 2%» и утверждали, что это — норма отката, которую ввел в практику этот крупный государственный чиновник, — никто даже не шелохнулся, и опровержений не было. А чуть появилась информация, что премьер хочет стать президентом (обычная вещь в мире) — и вдруг такой шухер! Видимо, коррупцией у нас дискредитировать нельзя, а вот желание стать президентом России при живом Путине — это измена Родине! По крайней мере, нижегородский губернатор Ходырев, в вотчине которого произошел этот инцидент, настроен очень решительно.

Ходырев: «...я думаю, что правоохранительные органы и силовые структуры будут действительно разбираться, кто за этим стоит, откуда финансирование этих структур и кому вообще это надо»

Только в Нижнем начали разбираться с инициативной группой по выдвижению Касьянова, как в благородном федеральном семействе случился еще один скандал. Но тут уж без шуток. Командующего Северо-Кавказским Военным округом генерала Трошева послали покомандовать Сибирским, а он отказался. Трошев, конечно, не жена декабриста, чтобы добровольно ехать в Сибирь, но мотивировку отказа генерал выдал первостатейную. Сказал, что не хочет «пре-

давать военнослужащих округа». Я сначала, было, испугался, что вместо Трошева назначили Шамиля Басаева, но оказалось — слава богу, пронесло... Другие доводы генерала были еще удивительнее.

Трошев: «...тем более, в такой ответственный момент, сегодня, когда решается судьба Чечни, конституция, выборы».

Честный человек генерал, я бы даже сказал: чересчур. Всю федеральную вертикаль сдал по чистоте душевной. Неужели судьба чеченской конституции и выборы президента Чечни как-то зависят от командующего Северо-Кавказским округом? Кто бы мог подумать? Ай-яй-яй. За чрезмерную ли разговорчивость — или просто чтоб другим повадно не было, но Путин тотчас отправил генерала Трошева в отставку. Вообще генеральская планида — вещь печальная.

В минувший вторник в Москве под руководством Росвоенцентра начался «семинар-совещание организаторов патриотического воспитания». Видели, как у нас асфальт кладут? Один лопатой ковыряет, семеро вокруг стоят, советуют. Тут организация труда еще интереснее: вот — мы, вот наш патриотизм, вот воспитатели нашего патриотизма, а еще есть те, кто организует воспитателей. Да и за ними, надо полагать, кто-нибудь присматривает — чтобы поддерживали высокий уровень дискуссии. Хотя куда уж выше. Вот, например, замминистра образования, г-н Коврижных, взмыл под самые небеса: «Граждан, — сказал он, — надо воспитывать с рождения и лет до тридцати». Ну, слава те, Господи, я, вроде, в безопасности... А другой организатор патриотизма, военрук Владимир Востриков, сообщил, что в целях усиления патриотизма «детей надо учить стрелять из автомата и содержать в казармах несколько недель в году». Ну! Я бы детей вообще в казармы переселил — всех, под командование этого Вострикова. И окна бы заколотил, чтобы на времена года не отвлекались. Патриотизму будет — не продохнуть...

А еще на «совещании организаторов патриотической работы» выяснилась трогательная деталь: оказывается, «чеченцы просят поддержки в работе по воспитанию российского патриотизма». Я думаю, просто в ногах валяются, умоляют — хлебом их не корми, тепла не давай, помоги с патриотическим воспитанием молодежи. Ну, вы их молодежь себе представляете? Помощь была оказана немедленно: по сообщению ИТАР-ТАСС, «Росвоенцентр направил в республику десятки экземпляров государственной программы по патриотическому воспитанию». Ну, если чеченцев и теперь не проймет, то — накрывать гадов с воздуха, и всё.

Где патриотизм, там, сами понимаете, где-то недалеко и духовность. А где они оба, там и финансирование. В минувший понедельник в Москве прошел Седьмой Всемирный Русский Народный Собор. Аудитория в Храме Христа Спасителя собралась нерядовая; по части богоизбранности — почти Ноев ковчег: каждой твари по паре. Некоторые были, впрочем, в единственном экземпляре и совершенно неповторимы.

Например, вице-спикер Жириновский, из которого русская народная соборность лезет с тех пор, как его не пустили руководить еврейским движени-

ем,.. — так вот, этот Владимир Вольфович просто предложил устранить Российскую Федерацию и восстановить империю. Поглядел бы я на него, при империи... В районе Бобруйска бы и встретились. Ну, понедельник — день тяжелый...

Жириновский: «Молодец! Спасибо! Вы еще живы. Подождем! Через 20 лет, когда вы все умрете, наконец, будет другая Россия! Всё!»

Другие предложения, прозвучавшие в тот день, были чуть менее кардинальны, но тоже ничего себе. Сначала под руководством г-жи Слиски собравшиеся обсудили план построения нравственной экономики. Венцом этих усилий стало заявление митрополита Кирилла о том, что «когда депутаты принимают бюджет, их деятельность становится Богослужением». Растроганные соборяне, частично из числа этих самых богослужащих, начали называть митрополита «ваше превосходительство», а товарищ Зюганов попросту предложил переделать телеканал «Культура» в православный... Имели место и другие выступления по вопросам собственности. Например, один гостевавший на соборе муфтий сообщил, что «Бог дал нам единую отчизну бесплатно». Ну да. Бог дал бесплатно, а там уж — кто первый успел к раздаче...

Одним из первых во все времена успевал к раздаче художник Глазунов, но на соборе (по причине личной скромности) он говорил не о недвижимости, полученной от Лужкова, а о геноциде русского народа. Ну и закончил соответствующе:

«Слава России!»

А добил антинародный режим (уже после заседания) лично Геннадий Андреевич Зюганов, тоже ложку мимо рта никогда не проносивший.

Зюганов: «У меня такое ощущение, что в этом правительстве нет русских людей. Русские — это не по крови, это по духу, по желанию коллективно обсудить...»

Тут спора нет. Желание коллективно обсудить — это именно то, в чем мы особенно сильны... Так, бывает, наобсуждаемся коллективно — никакого геноцида не надо, сами лежим — стеклянно-оловянно-деревянные...

В этот раз мы опять ничего не сказали о Государственной Думе. Исправляем допущенную оплошность. Дума работала. Рассуждали о возврате царского золота, обращались к депутатам немецкого бундестага... А в среду группа очень левых депутатов предложила принять «Обращение к Генеральному прокурору РФ Устинову В.В. о проведении проверки материалов, содержащих фактические сведения о противоправной деятельности Ельцина Б.Н. в период исполнения им полномочий президента РФ». И как они не боятся? Отчаянной все-таки смелости у нас депутаты... Дух захватывает...

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

в русской периодике третьего квартала 2002 г.

Вопреки тютчевскому прозрению «умом Россию не понять» редакция журнала «Отечественные записки» затеяла грандиозное: выяснить, ***что есть российское пространство*** — во всех возможных смыслах. Решением этой проблемы и занялся шестой номер журнала

В статье **«Невменяемое пространство» В. Каганский** ищет и не находит ответа на вопрос: каково именно российское пространство. Его внутренние ценность и целостность не определены. Неизвестно, обладает ли пространство России функциональным, прагматическим единством, которое в свою очередь предполагает закономерности пространственной формы государства. А не зная этих закономерностей, невозможно определить пути развития государства. Нынешние регионы — субъекты Российский Федерации — слагают государственное пространство, они же образуют и страну. Но страна и государство, указывает Каганский, — это разные вещи. Страна — реальный, естественный макрорегион культурного ландшафта. Государство же — институциональная конструкция, ее проекцией в пространство является государственная территория. Так вот понятие Россия — понятие, строго говоря, пространственное, хотя общей картины пространства России не существует. Ничего не известно о реальном разнообразии поселений, нет комплексного районирования и картографирования культурного ландшафта. Неизвестно даже сколько в стране (фактически, а не номинально) городов. Словом, главный дефицит России — россиеведение как наука. Только эта наука может осознать форму и содержание территорий, провести их топонимическую реанимацию (дать имена), осуществив таким образом самоназвание и самоосознание. И только тогда пространство России станет вменяемым и его можно будет назвать страной.

А. Филиппов, автор статьи **«Гетеротопология родных просторов»**, пытается осмыслить привычное уму и сердцу понятие «родные просторы» и приходит к выводу, что оно не соответствует никакой определенной реальности. «Родные просторы» — не объект, созданный деятельностью людей, не овеществление практики, но эмоционально окрашенный образ пространственного единства, «конкретная абстракция». Филиппов называет это «большим проживаемым пространством», где главное — ощущение единства, последовательности, непрерывности, связности. Связность и последовательность — это когда в больнице вы не ведете себя, как в суде, а у станка — как в ресторане. Именно поведение определяет специфику места. Но бывает и другое ощущение пространства: не порядка, а беспорядка, неуместности не только отдельных действий, но и целых фрагментов пространства. Это «иные пространства», которые автор вслед за М.Фуко называет гетеротопиями, а определение их и классификацию — гетеротопологией. В примитивных обществах к «иным простран-

ствам» относятся священные или запретные места, выделенные для людей, пребывающих в особых состояниях (молитвенный экстаз, беременность, «переходный возраст», одряхление и т.п.). В современных обществах есть места, куда помещают индивидов социально опасных или немощных (тюрьмы, психбольницы, дома престарелых). Но кроме того — что характерно для современной России — появляются пространства, отчуждаемые в частное владение. Запретные зоны возникают в местах, недавно открытых для всех. Это может сильно поколебать уверенность в том, что «родные просторы» реально существуют, и заметно охладить, а то и вовсе погасить любовь к ним.

А. Ахиезер («Российское пространство как предмет осмысления») считает, что пространство у нас всегда было мощным фактором, возбуждающим мысль о провиденциальной роли России в мировой истории и культуре. Проблема освоения пространства — отчасти проблема организации человеческих сообществ и, в конце концов, проблема организации власти. Здесь географический анализ пространства органически переходит в социокультурный. Христианская культура в России открывала возможность освоения больших пространств Локалистско-тотемная, догосударственная (дохристианская) архаическая культура, наоборот, — ограничивала освоение пространства, потому что зиждилась на эмоциональной основе и была связана с возможностью людей знать друг друга в лицо. Таким образом история освоения пространства в России была историей взаимоотталкивания-взаимопроникновения этих двух культур. Борьба между двумя типами освоения территорий сегодня проявляется в борьбе вокруг продажи земель. Либерально-гуманистическому проекту включить землю в рыночные отношения противостоит архаическое стремление сохранить пространство. Подобные столкновения модерна и архаики неоднократно происходили в истории России. Они вносили в общество дезорганизацию и разруху, приводили к национальной катастрофе.

Авторы статьи **«Каноническое пространство: принципы, идеологии, конфликты» А. Солдатов** и **Е. Холмогоров** пишут о каноническом пространстве Русской православной церкви. Каноническое пространство РПЦ — это территория, которая оформлена законодательным образом и конституирована в церковном праве. Вторжение на нее другого субъекта церковного права может рассматриваться (по аналогии с международным правом) как агрессия. Но дело в том, что каноны не являются законами, совокупность канонов не есть «право», а каноническая территория не может быть уподоблена территории государства. Каноническое пространство — это пространство власти. Власть христианской церкви — пространственная категория. Внутренняя граница канонического пространства проходит между территориями, находящимися в юрисдикции церковной власти (епископов, митрополитов, патриархов). Внешняя граница — условный идеологический феномен, поскольку отделяет тех, кто подчинен церковной власти, от тех, кто ей не подчинен. Это граница между членами церкви и нехристианами (иноверцами, раскольниками, еретиками). В свете вышесказанного авторы интерпретируют нынешний конфликт между РПЦ и Ватиканом. Католики не видят и не желают видеть никаких канонических территорий. Для них любая территория доступна власти Папы. Граница между православием и католичеством воспринимается ими как внешняя (услов-

ная), не налагающая запрет на создание «параллельных» юрисдикций. Позиция РПЦ сложнее. С одной стороны, она защищает сложившееся в советский период автокефальное пространство, с другой стороны, противостоя сильному Ватикану, она хочет преподать урок и мелким, но опасным противникам (националистам-раскольникам, протестантским сектантам и т.п.). РПЦ навязывает Ватикану свою идеологию культурного традиционализма и требует от католиков признания России канонической территорией Православия.

Уяснить суть российского пространства, конечно, невозможно без обсуждения проблем ее геополитики. Правда, **Э. Надточий**, автор статьи **«Развивая Тамерлана»**, полагает, что понятие геополитики относится только к городским цивилизациям. Геополитика — это отношение полисов на основе фиксированного (расчерченного на карте) пространства, так что отношения между собой кочевых племен геополитикой не назовешь. Отношение кочевников (учитывая ритм перемещений и длительность остановок) Надточий называет хронополитикой. По своей природе российский способ контролировать территории отражает как бы симбиоз кочевников, землепашцев и городских цивилизаций. Монгольское завоевание вдохнуло новую жизнь в тело впадающей в маразм Киевской Руси. Постмонгольский тип собирания русских земель диаметрально противоположен геополитическому. Это — хронополитическое отношение центра и периферии. Центр — инстанция власти — в нашем случае абсолютно чужд подвластным территориям и держит их в подчинении постоянной угрозой набега и разорения. Подвластные земли защищают себя непрерывным потоком жертвенных даров, которые, однако, не дают им гарантии безопасности. Эту политическую технологию (Надточий назвал ее Внутренней Монголией) Иван Грозный довел до совершенства, а Петр Первый и Иосиф Сталин продолжили дело гениального учителя. Русский город в этой ситуации приобретает вид военного поселения, ставки и караван-сарая одновременно. Имея фасад отчасти европейского типа, он содержит кочевое по своему типу поселение. Поэтому в описании русской геополитики автор прибегает к определению «геополитический идиотизм». Создание Петербурга — яркий пример такого идиотизма.

Исходя из общего суждения, что русский характер сформировался под влиянием бескрайних российских просторов, авторы статьи **«Широка страна моя родная» А. Зализняк, И. Левонтина** и **А. Шмелев** строят нечто напоминающее тезаурус (набор слов близких по смыслу или по ассоциациям). Они выясняют общий культурный смысл слова *простор* в русском языке. Оказывается, для главной ценности русского сознания самое важное — отсутствие границ: *бескрайний, безбрежный*. Оттенки смысла придают синонимы: *даль, ширь, приволье, раздолье*. Однако простор также предполагает опасности и дискомфорт: от избытка места человек тоскует, мается, ощущает неприкаянность. Это приводит к тому, что человек ищет выхода энергии в загулах и запоях. К тому же широкие пространства трудно преодолеваются. Поэтому слово *добираться* в русском языке имеет универсальный смысл, обозначая перемещение из любой точки пространства в другую, для чего непременно нужно еще собраться и выбраться. Бескрайние русские просторы, как было замечено, породили широту русской души. Широта — это щедрость и отзывчивость, способность

«все понять». Но такой плюрализм граничит с беспринципностью, расхлябанностью, расхристанностью. Тут и удаль, существенный смысловой компонент которой — самолюбование, размах, разгул. Все требует простора, а к нему так и просится эпитет — *родной*.

С помощью иноземцев журналы пытаются обнаружить истоки и выяснить ***специфику русского либерализма.***

Итальянский славист **Г. Карпи** находит в России особую парадоксальную форму либерализма (**«Были ли славянофилы либералами?»** — «Вопросы истории», № 9). Он утверждает, что в утопии славянофилов консервативно-монархическая соборность шизофренически двойственно сочетается с буржуазно-либеральной политэкономической программой. Однако Карпи это отнюдь не кажется болезненным недоразумением, если принять во внимание особенности российской истории. В Европе либерализм развился как апология собственника, противостоящего корпоративно-феодальным свободам. В России приходилось преодолевать не феодально-корпоративные порядки, а следствия авторитарной модернизации Петра I, которая уничтожила общинно-родовые структуры и заменила их иерархией совершенно разъединенных каст. Остро чувствовалась «потребность в обществе». Потому славянофилы и требовали свободы не для индивидуума, но для «земли», т.е. народа как некоего целого, свободно объединенного в общинно-родовые подгруппы. И это была свобода не от корпоративно-феодальных структур (каковых в России не было), а от неестественного сочетания социальной атомизации с политическим централизмом, устроенным по усмотрению государя. Предельный социальный идеал славянофильства — солидарное общество с высокой степенью внутренней мобильности и самоуправления при сохранении самодержавия. Экономический идеал — нечто вроде «капитализма без пролетариата». Итак, несмотря не противоречивость и несоответствие европейским меркам, славянофилы все-таки либералы, а разрешает их противоречия, по мнению Карпи, приверженность идеалам Ж.-Ж. Руссо. Его «общественный договор» не ограничивается примирением личных интересов, но создает настоящее «коллективное существо», управляемое нравственным инстинктом народа. В руссоизме славянофилы находили силы для обретения свободы и противостояния грядущему эгалитарному радикализму (по-нашему «отвязной» демократии).

Очевидно не перестает быть актуальным вопрос ***о природе русского коммунизма***. Опубликована статья **Ф. Степуна «Ленин»** («Вопросы философии», № 8), написанная в 1931 г. по-немецки. В даровании своего героя автор вместе с тьмами вольных и невольных наблюдателей усматривал гениальность. «Гений упрощения» (по Плеханову), которому присуще нечто прямо-таки мистическое, когда его простота усиливается до бессмысленности, а примитивность приобретает цинически-демонические черты, Ленин не видел различия между знанием и добродетелью. Добродетелен тот, кто владеет истиной, а все истины заключены в марксизме. Единственно подходящее название для ленинского понимания марксизма — «фашистское». Буржуазная революция должна обернуться пролетарской. Однако пролетарии это вовсе не все пролетарии как

таковые. Это некое иерархическое образование, во главе которого стоят пророки Маркс, Энгельс, Ленин. Потом следует клир — члены партии. Ступенью ниже — истинно верующий народ (пролетарский авангард, рабочая аристократия) и, наконец, несознательные массы (материал) — скорее объект, чем субъект революции. Ленин не был ни идеологом, ни воспитателем народа, он исходил из веры, что пролетариат изначально содержит в себе живую идею социализма. Высшее содержание ленинского социализма — классовая борьба в ее максимальной суровости, силе и чистоте, причем борьба, организованная сверху. В России при 80 % неграмотных массовая революционная партия едва ли могла быть построена иначе чем на принципах послушания и иерархии. Путь к диктату пролетариата в форме диктатуры над пролетариатом был унаследован от царской автократии. Сектантско-еретический характер большевистского мировоззрения объясняется русской религиозностью и русским сектантством. Вера славянофилов в Москву как в Третий Рим отразилась в вере в Третий Интернационал. Портрет Ленина завершается в его делах: подавление свободы, слежка, пытки, падение духовной культуры — и при этом не лишенное значения искусство, блестящие достижения естествознания. Во всем причудливая встреча и взаимопроникновение средневековья и Нового времени, и на фоне пламенеющего неба большевистской революции лик Ленина.

Продолжает живо обсуждаться ***еврейский вопрос***. Журнал «Родина» посвятил этому сдвоенный номер под названием «Евреи в России» (№ 4-5).

В. Микушевич, автор статьи **«Дух дышит, где захочет. Взгляд православного христианина на иудаизм»**, опровергает расхожее мнение о том, что неприязнь и даже ненависть к евреям объясняется их ролью в распятии Христа. Происхождение этой неприязни автор относит ко временам более ранним. В ветхозаветной книге «Есфирь» Аман предлагает царю Артаксерксу радикальное решение еврейского вопроса: «есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их. Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их» (Есф 3, 8-9)... Итак, евреи не просто не выполняют законов царя, но у них есть свои законы, отличные от законов всех народов. Израильский народ, согласно своей религии, не мог чтить иных богов. Истинный и единый Бог — это Бог Ветхого Завета. Он Бог для всех народов, и закон его всемирен. Другими народами это воспринималось как узурпация, своего рода приватизация Бога. Мировая религия Ветхого Завета вынуждена в иудаизме функционировать как родовая, этническая. Это придает самому иудаизму судорожную напряженность, выражающуюся в различных толках и сектах от ессеев до хасидов. Многие достойные умы и, в частности, Паскаль, пытались доказать, что у истинных иудеев и истинных христиан одна и та же религия. Идея эта осталась втуне. Мало того, автор полагает, что противостояние религий друг другу положительно и продуктивно. Оно порождает культуру, духовные и материальные ценности. Представители разных религий, хоть сколько-нибудь верующие, не приходя к согласию, все-таки понимали друг друга, помнили, что в них и над ними Бог и перед ним придется отвечать каждому по предписанному

ему закону. Секуляризация и либеральное перемирие уничтожит подобное взаимопонимание. И как естественная реакция грядет фундаментализм и религиозность без веры.

Проясняя суть иудаизма, израильский раввин **А. Штейнзальц**, автор статьи **«"Спецназ" Всевышнего»**, воспользовался военной метафорой: все человечество составляет войско Всевышнего, и, как в каждой армии, в этом воинстве есть спецподразделения. Евреи и есть «коммандос» Всевышнего. Естественно, они лучше вооружены и в их службе больше опасностей. Иудаизм содержит четкие указания, обращенные только к евреям. Но есть также целый корпус указаний, обращенных ко всему человечеству. Это касается прежде всего того, каким человек должен стать, чтобы превозмочь себя. Это заповеди, данные первому человеку, — то, чем евреи могут и обязаны поделиться со всем миром. Это не значит, что всех людей надо делать иудеями, но это значит, что всем нужно стать хорошими людьми.

Главный раввин России **А. Шаевич** (**«Оставаясь евреями, быть россиянами»**) считает, что быть евреем в России значит осознавать возможность возвращения к своим корням, так как сейчас открылись перспективы жить по тысячелетним традициям, оставаясь вместе с тем полноправным и полноценным членом общества. Вообще в сознании большинства российских евреев русская культура превалирует, поэтому возможен какой-то процент ассимиляции (до полного растворения в русской среде), но процесс этот чрезвычайно длителен, и в обозримом будущем еврейские общины в России, конечно, сохранятся.

А. Степанский в статье **«Авто-русификация»** утверждает, что русификация еврейства связана с тем, как исторически развивалась роль сравнительно небольшого еврейского этноса в жизни огромной и великой страны. Важнейшим этапом русификации стал советский период. Была уничтожена черта оседлости, отчего евреи быстро мигрировали в «нетрадиционные районы» — и прежде всего в РСФСР. Они жили и работали, как правило, среди русских. Еврейские местечки, кварталы, предприятия и профессии стали попросту невозможными. Процент евреев, занимавших видное положение в различных престижных отраслях, нередко превышал их процент в составе населения. Это многих раздражало, заставляя пренебрегать объективной ценностью труда евреев. Для теперешней России характерно возрождение русско-еврейской культуры. Именно на русском языке выпускаются книги и периодические издания, проводятся конференции, ведется преподавание в еврейских учебных заведениях. Русско-еврейская культура может стать важнейшим фактором, связывающим российское еврейство, оказавшееся в разных странах после распада СССР.

С. Кара-Мурза (**«Объяснение нелюбви»**) различает антисемитизм и просто нелюбовь к евреям. Никто не обязан никого любить и никто не обязан отчитываться в своих чувствах, пишет Кара-Мурза, однако антисемитизм, коль скоро о нем заходит разговор, требует объяснений. Глупо считать антисемитом того, кто не любит специфические еврейские черты или привычки. Это обычная неприязнь к «иному», элементарный этноцентризм, необходимый для самосохранения народов. Для России евреи — один из важнейших и необходимейших корней. Русский ум и взгляд возникли в непрерывном диалоге и борьбе с

еврейским умом и взглядом. Они соединены по принципу дополнительности. Талант русского ума поражает и восхищает, но когда речь заходит о деле, руки этого таланта опускаются. Если рядом есть еврей, он этот талант дисциплинирует логикой. В России нет и не может быть антисемитизма, ибо существует неосознанное чувство, что евреи — это порождение самой России. Ее не всегда приятный, но неизбежный и необходимый продукт. Избавиться от них нельзя, да и глупо этого желать. Исчезни сегодня из России все евреи — завтра они сами снова зародятся.

Несколько иначе обстоят дела с евреями в других странах.

Л. Байер пишет в статье **«Ослабление тормозящего эффекта. "Новый антисемитизм" и старые заблуждения»** («Неприкосновенный запас», № 4) о волне антиеврейских инцидентов во Франции, на которые болезненно остро прореагировал Американский еврейский конгресс. В Америке не стали разбираться в том, что в инцидентах замешана исключительно молодежь из миллионного магрибского гетто и что нелюбовь к евреям происходит у них не оттого, что они арабы или мусульмане, а связано это с разочарованием в обещанной, но так и не обретенной интеграции во французское общество. Байер полагает, что Американский еврейский конгресс косвенно оказывает поддержку кампании премьер-министра Израиля А.Шарона, который хочет подвигнуть французских евреев к переселению в пустеющую от эмиграции страну. Вообще в Западной Европе борьба с «новой иудофобией» стала политически выгодным делом. Тормозящий эффект политкорректных правил поведения, установившихся было после осуждения национал-социализма, перестает действовать, а за дымовой завесой мнимой «новой иудофобии» возрождается настоящий прежний антисемитизм.

Обзор подготовил Александр Денискин

Я ДАЮ ТЕБЕ СВОЮ ЛЮБОВЬ, ПЕРЕДАВАЙ ЕЕ ДАЛЬШЕ...

О явлениях Богородицы в Междугорье

1. От редакции

24 июня 1981 г. четверым детям из небольшой хорватской деревни Междугорье* (Босния) явилась, как они рассказали потом дома, Богородица; на следующий день Ее увидели еще двое их друзей. С тех пор, по свидетельствам этих шестерых, Она является им — либо всем вместе, либо по отдельности — до сих пор, вот уже более 20 лет. Она руководит ими в их молитвенной жизни и передает через них короткие послания всем верующим и остальному миру — с призывами к обращению.

События в Междугорье сразу же получили широкий резонанс и, естественно, вызвали в мире огромный к себе интерес: видящие (их называют и по-другому — провидцы, визионеры, ясновидящие и т.п.) были подвергнуты и в своей обычной жизни, и во время явлений множеству самых тщательных научно-медицинских экспертиз, лишь подтвердивших, что с ними, совершенно обычными, нормальными людьми, в эти минуты происходит действительно что-то необъяснимое и что ни о каком обмане, игре, имитации и речи быть не может. Междугорье стало местом, куда каждый год устремляется до полутора миллионов паломников, об этом уже создана, можно сказать, целая литература на всех главных языках мира, и о событиях, которые происходят в далеком хорватском селе, знают во всех уголках Земли.

И только у нас, в России, мало кто и мало что о Междугорье слышал — не говоря уж о какой-либо более или менее надежной информации. Официальная наша Церковь все эти двадцать лет (и даже пятнадцать последних, уже более или менее свободных) хранит в отношении этих событий, случившихся не в православном, а в католическом приходе, самое упорное и глухое молчание, просвещенной же светской нашей печати, либеральной ли, консервативной, всякого рода «мистика» и вообще, как правило, глубоко не интересна. А поскольку явления в Междугорье не получили еще официального церковного признания и в Ватикане, информация о них на русском языке поступает в Россию только тем очень тоненьким ручейком, которому способна дать жизнь и который поддерживает лишь очень маломощная в издательском отношении добровольная инициатива разного рода самодеятельных общественно-церковных объединений. Естественно, что к этому тоненькому ручейку и дорогу находят только очень немногие.

Вот и до нас, редакции журнала, который с самого начала своего существования заявил себя изданием не только литературным и публицистическим,

* В литературе на русском языке о событиях в этой славянской деревне ее название дается обычно не в русской версии, а сохраняется в его хорватском звучании — Меджугорье.

но и *религиозным*, эхо Междугорья докатилось, как ни трудно в это поверить и как ни неловко нам в этом признаться, лишь очень, в сущности, недавно. Мало того, — прошло, по крайней мере, года полтора, если не больше, пока мы сумели собрать то количество информации, которое позволяет нам думать, что сегодня мы имеем уже о Междугорье достаточно полное и отчетливое представление.

Но именно потому, что мы журнал религиозный, христианский, вменяемо православный, верный действительным фундаментальным догматам и традициям Православия, выстраданному им духовному опыту и его духовной культуре, — именно поэтому мы, располагая такой информацией, не считаем возможным держать ее при себе. Напротив, свой журналистский долг мы видим именно в том, чтобы прорвать, наконец, глухую стену молчания нашей российской печати о событиях, происходящих в Междугорье, и внятно рассказать о них нашим читателям — независимо от того, православные они или католики, протестанты или мусульмане, верующие как-либо иначе или не верующие вообще. При этом мы вполне отдаем себе, разумеется, отчет в том, что к этим событиям и явлениям можно относиться очень по-разному. В них можно верить, а можно и не верить, и это естественно, это вытекает из фундаментальной черты богоподобия человека — его свободы, которая и обязывает, и обрекает человека на то, что любое решение веры (или неверия) он может принять только свободным решением собственного сердца.

Но чтобы определить свое отношение к любому факту, предмету, явлению, требующему именно решения веры, которое никогда не может быть решением только знания и ума, надо все-таки об этих фактах, предметах, явлениях прежде всего *знать*. Нужно иметь о них достаточно ясное представление, располагать о них достаточно надежной информацией.

И именно это и есть в данном случае наша первая и главная цель — предоставить читателю такую информацию со всей доступной нам объективностью при изложении фактов, то есть совершенно независимо от того, как кто-либо из нас смотрит на эти явления по существу.

Для этого мы попросили, во-первых, рассказать о них человека, которому мы имеем основания вполне в этом отношении доверять, хотя у него есть, разумеется, и свой собственный, совершенно определенный взгляд на феномен Междугорья, отнюдь им не скрываемый. Это отец Анри Мартен, священник Греко-Католической церкви, который давно уже занимается Междугорьем и хорошо владеет соответствующей информацией. Кроме того он и сам там бывал, так что его рассказ обретает еще и особое достоинство личного свидетельства об увиденным и пережитом.

Во-вторых, мы дополним рассказ о.Анри Мартена той информацией, которую не вместил и не мог по своему характеру вместить его очерк, но которая, на наш взгляд, очень важна, чтобы составить о Междугорье более полное и точное представление. Мы воспользуемся для этого прежде всего изданной в 2000 г. в Междугорье книгой «Послания Матери Божьей в Меджугорье», где помещены послания по 25.04.2000 г. включительно, и сайтом Меджугорья в Интернете, откуда цитируются послания более поздние. Источниками информации, ссылки на которые даются в тексте, послужили также переведенная с итальянского издания 1985-го года брошюра «Откройте свои сердца Марии,

Царице мира. Проповеди отцов францисканцев Томислава Влашича и Славко Барбарича» (в сносках, при цитировании оттуда, брошюра обозначается буквой П); изданная в 2002 г. Меджугорье книга «Меджугорье» (М); бюллетени «Меджугорье» и «Эхо Меджугорья» (БМ и ЭМ); сделанные по нашей просьбе переводы из брошюры «Междугорье. Мария — Мать и Пастырь. Послание для Оазиса Мира!» (специальный выпуск ежемесячного информационного издания «Etoile Notre Dame», Ассоциация «Etoile Notre Dame», Mayenne, — в сносках END) и некоторые другие издания*.

Готовя к публикации весь этот очень разноплановый материал, мы, естественно, не могли не озаботиться тем, каким образом лучше всего расположить его — так, чтобы обеспечить читателю возможность наиболее рационального и последовательного вхождения в тему, знакомства с ее многообразными аспектами. Задача оказалась непростой, и, в конце концов, мы решились на несколько необычную, но в данном случае, как нам кажется, вполне оправданную композицию: мы открываем публикацию первыми главами очерка о. Анри Мартена, посвященными главным образом началу событий в Междугорье, а затем прерываем на время его рассказ, чтобы предоставить читателю еще и некоторую дополнительную информацию о фактической стороне событий, не вошедшую в очерк о. Анри Мартена, и дать хотя бы краткий обзор и анализ самих Посланий Богородицы. После этого мы опять предоставляем слово о. Анри Мартену и печатаем вторую часть его работы, где он рассказывает о свидетельствах некоторых паломников, побывавших в Междугорье, и о своих личных впечатлениях от пребывания там.

Надеемся, что в результате читатель действительно составит себе достаточно ясное представление о феномене Междугорья, — представление, которое он, если захочет, всегда сумеет уже и уточнить, и проверить, и расширить или дополнить, обратившись к соответствующим источникам. А может быть, — отчасти и с нашей дальнейшей помощью.

Итак, — начальное слово о. Анри Мартену.

2. о. Анри Мартен. Междугорье

Первые слухи о Междугорье дошли до нас, сколько помню, почти сразу, уже в начале восьмидесятых: Пресвятая Богородица является шестерым детям где-то в Югославии, там происходят удивительные вещи, чудеса, исцеления, дети предсказывают будущее, рассказывают людям об их усопших близких — у кого какая посмертная судьба, а еще Пресвятая Богородица открыла им какие-то секреты, знаки: якобы скоро их увидят все, и это будет преддверием конца света...

Кто-то что-то слышал по радио, кому-то кто-то что-то рассказывал, потом появились первые машинописные — помните «самиздат»? — тексты... Ника-

* Переводы Посланий на русский язык в ряде этих изданий не очень удачны, и в тех случаях, когда стилевые погрешности перевода слишком очевидны и затрудняют понимание текста, мы позволили себе небольшие поправки чисто стилевого же свойства — просто приводя эти места в более привычный для русского восприятия и слуха вид, но, разумеется, в точности сохраняя смысл.

ких сомнений в достоверности информации не возникало. Как и все вести, с трудом проникавшие сквозь «железный занавес», они воспринимались «на ура». Итак: в глухой хорватской деревушке шестерым детям — четыре девочки, два мальчика — является Женщина удивительной красоты... Видят Ее только они, но и те, кто рядом, часто ощущают нечто исключительное. Дети говорят, что Она — Пресвятая Богородица, по-хорватски «Госпа» (т. е. «Госпожа»). В одном из текстов приводилась поразительная деталь: Госпа во время явлений разговаривает, двигается, и одежды на Ней свободно движутся, колышутся вслед Ее жестам, движениям... Но когда дети попытались до них дотронуться, они ощутили под пальцами нечто твердое, как сталь, и даже тверже стали. И речи не могло быть о том, чтобы шевельнуть хотя бы одну складочку на Ее платье. Вот так «видение»! Выходит, это мы по сравнению с Ней — видение, а Она — сама Реальность! (Похожее можно встретить у Льюиса в «Расторжении брака»: Рай и его обитатели показались бы нам чрезвычайно твердыми, потому что они *настоящие*... Но крестьянские дети из глухой хорватской деревушки Льюиса не читали, а самим до подобной подробности им бы вряд ли додуматься, и от этой детали так и разит достоверностью).

Теперь «визионеры», т.е. «те, кто видят», уже не дети, они повзрослели, один из мальчиков даже учился в семинарии. Впрочем, священником так и не стал, оставил семинарию, женился — и вообще никто из визионеров по сугубо «духовному» пути не пошел: не стал священником или монахом, монахиней. Все переженились, повыходили замуж — последней Вицка — в прошлом, 2002 году, — через двадцать один год после начала событий.

Явления, однако, продолжаются до сих пор.

Но давайте по порядку.

Междугорье — это где?

В Междугорье живут хорваты, но это не Хорватия, а Герцеговина — населенная хорватами-католиками область, которая как при Тито, так и теперь, в силу Дейтонских соглашений, «пристегнута» к Боснии — стране, населенной в основном босняками-мусульманами, — и образует вместе с ней государство «Босния-Герцеговина». Когда в 2000 году я впервые ехал в Междугорье вместе с группой паломников из Москвы, граница между Хорватией и Герцеговиной была чисто условной: из окошка в дощатой будочке высунулась голова пограничника, шофер нашего автобуса — словак (паломничество для нас организовали словаки) что-то ему крикнул, тот в ответ махнул рукой, и мы проехали (накануне на венгерской границе пограничники проверяли наши паспорта больше четырех часов, а мы все это время просидели в раскаленном от палящей жары автобусе). Год спустя граница была уже настоящей: шоссе перегорожено, новенькие металлические шлагбаумы ярко-синего цвета, основательные будки, проверка паспортов — все, как положено, разве что быстро. Все это со стороны Хорватии, которой американцы за согласие отступиться от Герцеговины сулят солидные кредиты. В этот раз ехал я в машине, вез меня доктор-хорват, который хотя и был из Загреба, столицы Хорватии, но очень сочувствовал герцеговинцам: каково им видеть, как в результате «большой

политики» их отделяют от страны, за которую они совсем недавно проливали свою кровь? — во время боснийского конфликта жители Герцеговины сражались за Хорватию.

Столица Боснии — Сараево (то самое!), столица Герцеговины — Мóстар. От Междугорья до Мостара — сотня километров; в Мостаре есть аэродром, но из России самолеты туда не летают. Если вы хотите попасть в Междугорье, но не хотите «жариться» на венгерской границе, вам придется лететь в Хорватию, в Сплит или в Дубровник. От Сплита ближе — двести километров, от Дубровника дальше — триста, но, наверно, интереснее. Сам я прилетел в Сплит, а дальше дорога в машине по узкому извилистому горному серпантину занимает добрых четыре часа (таксисты берут сто долларов, но можно ехать вчетвером и сумму поделить на всех).

Да, место не самое доступное; но это не мешает посещать Междугорье доброму миллиону паломников ежегодно. За время с начала событий Междугорье посетило более двадцати миллионов человек, и это само по себе уже чудо.

Междугорье (здесь говорят: «Меджугорье»), как и следует из названия, лежит между гор, в долине, и вид на него открывается издалека. Особенно бросается в глаза церковь: две белые квадратные башенки, накрытые темными остроконечными крышами.

Во время войны (здешней, недавней, а не мировой) сербы — здесь их называют «четники» — немилосердно бомбили окрестности Междугорья, следы разрушений видны до сих пор. Церкви — отличный ориентир с воздуха, и в Мостаре, столице края, церквям основательно досталось от бомбежек; но в Междугорье во время налетов люди в церкви прятались: за все время боев ни на нее, ни поблизости не упала ни одна бомба.

Сегодня Междугорье, в общем, уже и не деревня, а настоящий маленький курортный городок — с отелями, пансионатами, кафе и ресторанами, а магазины, где торгуют четками, образками, брелками, статуэтками, майками, кепками и прочим подобным, тянутся вдоль улиц на сотни метров. Сюда съезжаются миллионы паломников? — рынок, как водится, «отреагировал»... Вот уж поистине — «свято место пусто не бывает»!

На улицах толпится народ, в кафе и ресторанчиках полно оживленных посетителей; так же, наверное, складывались ярмарки и поселения вокруг св. Симеона Столпника и других святых «знаменитостей»... Только здесь ведь не было святого столпника, аскета и отшельника, а были обычные подростки...

Собственно, вот как все это было.

Самое начало

24 июня 1981 года, вечер. Место действия даже не само село Междугорье, а крохотная деревушка Бияковичи, тридцать-сорок домишек на склоне холма Подбрдо над Междугорьем — пара километров до центра села и приходской церкви. Иванка Иванкович, шестнадцати лет, и ее подружка Мириана Драгичевич, на год моложе, вышли погулять за край деревни. Иванка — местная, а Мириана жила в Сараево и сюда приезжала только на лето. По дороге девушки зашли к еще одной подружке — Вицке (той было уже семнадцать), но у

Вицки выдался особо трудный день, она отдыхала после экзаменов и с подружками гулять не вышла. Итак, две девушки отошли от крайних домов деревни на сотню-другую шагов по крутой каменистой дороге. Повсюду густо рос можжевельник (растет и сейчас), и очень легко можно было найти местечко, чтобы без помех поболтать, а заодно и выкурить припасенную сигаретку — в те времена в этих краях девушки в открытую не курили. У Мирианы был с собой маленький транзистор, они слушали музыку, болтали, ждали Вицку, В половине седьмого девушки отправились обратно. Мириана шла впереди, Иванкаследовала за ней, чуть поотстав. Поравнявшись с домом Вицки, она вдруг посмотрела вправо и вздрогнула: на склоне холма над деревней — какое-то странное свечение, и в центре пятна света отчетливо видна фигура молодой женщины с младенцем на руках.

— Мириана, Мириана! — едва смогла вымолвить Иванка, — смотри, смотри, там, на холме — Госпа!

Но городскую девушку так просто не проведешь. Мириана спокойно продолжала свой путь, лишь с легкой насмешкой ответив:

— Брось, Иванка, кого ты хочешь разыграть? Чего это ради нам явилась бы Матерь Божия? Кто мы такие? — и, не замедлив шага, продолжала удаляться.

Иванка растерялась: как быть? Сама она ни капли не сомневалась, что видит перед собой Благословенную Деву Марию. Она из крепкой католической семьи, воспитана в духе народного благочестия, так круто замешанного на близости со священным, со сверхъестественным... И потом она же *видит*... И Иванка помчалась останавливать подругу, а по пути еще успела окликнуть соседскую девочку тринадцатилетнюю Милку, гнавшую домой овец.

Втроем они побежали обратно к тому месту. Фигура женщины не исчезла. Они стояли, глядя на Нее со страхом, но и с трепетным волнением, не решаясь шевельнуться. И тут снизу донесся голос Вицки: та собралась наконец выйти к своим подругам.

— Скорее, Вицка, иди скорее, мы видим Госпу! — возбужденно крикнула Мириана, указывая на склон холма. Но Вицка решила, что они увидели змею, и возмутившись такой кощунственной шутке, побежала прочь. По пути она встретила знакомых ребят — двух Иванов. Как они потом признались, перед тем они лазили в соседский сад за яблоками. Вицка пожаловалась им, что Мириана и Иванка пытались ее напугать... но, может быть, они и вправду увидели на холме что-то необычное? Втроем они возвратились к тому месту и сразу увидели то же, что и остальные.

Младший из ребят, Иван Драгичевич, испугался и убежал домой. Остальные стояли как вкопанные: одни молились, другие плакали — каждый точно знал, что видит Благословенную Деву Марию. Казалось, что само время остановилось, пока они стояли и созерцали прекрасную молодую Женщину, нежно державшую в объятиях Младенца. Она ласковым жестом призывала их приблизиться к тому месту, где стояла, но крайне перепуганные подростки не решились сдвинуться ни на шаг. Смеркалось. Сверкающий ореол потускнел и погас. Неохотно, один за другим, ребята разошлись по домам. Там они стали возбужденно рассказывать об увиденном, но, понятное дело, только напугали своих домашних. Родители, опасаясь пересудов, велели детям никому не гово-

рить о происшедшем. Однако слухи о необычайном событии молниеносно разнеслись по деревне.

Этот подробный рассказ о самом начале событий я могу привести благодаря книге «Письма из Междугорья» Уэйна Уэйбла, американского лютеранина, которого Междугорские события затронули настолько сильно, что он обратился в католичество и повсюду распространяет весть о Междугорье. Две его книжки — чуть ли не единственные переведенные на русский язык источники, где более-менее связно и подробно говорится о Междугорских событиях и Посланиях. Но книжки эти вышли давно, в начале девяностых, мизерным тиражом, и теперь их не найти. Однако продолжим.

На следующий день, примерно в то же время, что и накануне, четверо из молодых людей ощутили необъяснимое, но непреодолимое желание вернуться на место, где они стали свидетелями таинственного явления. Но старший из Иванов (22 года) не поддался внутреннему зову, решив, что все это — детские игрушки; Милку Павлович мать забрала в поле далеко от деревни, и вместо нее с ребятами пошла ее семнадцатилетняя сестра Мария Павлович и десятилетний двоюродный брат Яков Чоло, случайно оказавшийся в то время в доме Павловичей.

Ребята встретились на улице. Дружной стайкой они пошли к месту вчерашнего явления. Но в этот раз вместе с ними шло около восьмидесяти односельчан, поскольку весть о том, что Госпа посетила их приход, распространилась уже повсюду. И вновь, как и накануне, прекрасная молодая Женщина, озаренная лучистым сиянием, появилась перед ними, но на этот раз одна, без Младенца.

Когда Она жестом призвала ребят к Себе, к тому месту, где Она стояла, те, по свидетельству очевидцев, буквально взлетели по склону с невероятной, нечеловеческой быстротой. Напуганные происшедшим, жители деревни увидели только яркую вспышку света и ничего больше (такие вспышки света часто будут и впредь сопровождать начало явлений)*, а взбиравшись на вершину холма, к месту, отмеченному теперь множеством крестов, увидели там своих юных односельчан, преклонивших колени в молитвенном вдохновении.

Дети словно были погружены в транс. Все шестеро недвижно всматривались в одну точку, губы их шевелились, как во время разговора; но окружающие больше никого не видели и ничего не слышали.

Позже шестеро визионеров рассказали, что происходило в течение тех пятнадцати минут, когда им было видение: они словно оказались вне времени и пространства и видели только силуэт прекрасной Женщины, освещенной каким-то удивительным светом. Женщина приветствовала их словами:

— *Слава Иисусу Христу!* — т.е. произнесла обычное во многих католических странах приветствие.

Иванка сразу спросила о своей матери, умершей два месяца назад.

— *Она счастлива. Она со Мной.*

---

* На следующий день, 26 июня, по свидетельству очевидцев, когда видящие стали молиться, весь район осветился три раза, даже в Китлуке, что в 5 километрах, был виден свет (ЭМ. 1993, стр. 11)

Визионеры спросили, придет ли Госпа завтра? В ответ Она утвердительно кивнула головой.

На третий день, 26 июня, к месту явлений собралась уже толпа в три тысячи человек. (Казалось бы, здесь не разместиться такому количеству народа: кругом только колючий кустарник да прогалины, сплошь покрытые острыми камнями. Но немного спустя я убедился: это возможно.)

Вицка, самая бойкая из визионеров, принесла с собой святую воду и брызнула ею на видение, говоря:

— Если Ты действительно Пресвятая Дева, останься, а если Ты от сатаны, уходи прочь.

Женщина ответила с улыбкой:

— *Не бойтесь, это Я!*

(Сходным образом поступила и Бернадетта Лурдская: она подняла руку, чтобы перекрестить Даму, а Та, улыбнувшись, Сама осенила Себя крестным знамением).

Иванка спросила, почему Она пришла сюда и чего хочет от них?

— *Я пришла, потому что здесь много преданных верующих душ. Я хочу быть вместе с вами, чтобы призвать к покаянию и примирить каждого из вас со Своим Сыном Иисусом... Я пришла сказать вам, что Бог существует и любит вас!*

— Кто Ты? — спросила Мириана.

— *Я — Благословенная Дева Мария, Мать Иисуса.*

И наконец они задали вопрос, который на каком-то этапе духовного развития задается каждым из нас:

— Почему Ты выбрала именно нас? Разве мы лучше других?

Она улыбнулась им и, минуту помолчав, сказала:

— *Мои дорогие дети, Я не всегда выбираю лучших!*

И Уэйн Уэйбл, чей рассказ мы воспроизвели почти дословно, немного дополнив из других источников, завершает его замечанием:

«Кому же еще, если не этим двум девушкам, вышедшим из дома, чтобы тайком перекурить, кому же, если не этим двум паренькам, забравшимся в чужой сад полакомиться чужими яблоками, лучше понять этот ответ?»

А что же дальше?

А дальше больше всего хочется подробно, шаг за шагом, следовать за развитием событий, воспроизводить явления и Послания Госпы день за днем, месяц за месяцем, год за годом... Встречи и Послания сначала были ежедневными для всех шести визионеров. С 1981 по 1984 год Пресвятая Дева обозначила основные темы Своих Посланий. Главная из них прозвучала уже 26 июня 1981 года. После явления, описанного выше, Мария Павлович спускалась одна по склону холма (оттуда ведет множество узких крутых каменистых тропинок) и тут снова увидела Госпу. Та явилась на фоне большого деревянного креста, без Младенца на руках, и плакала. Она плакала, и слезы стекали на облако, на котором Она стояла. И тогда прозвучали слова, которые можно считать первым Посланием:

«Мир, мир, мир, примиритесь! Только мир! Заключите мир с Богом и между собою. Для этого вам нужно верить, молиться, поститься и приступать к исповеди».

...Но мир наш, как всегда, меньше всего расположен к миру. Весть о явлениях распространяется с неимоверной быстротой, на Подбрдо собираются многотысячные толпы, а следом появляется и милиция... Милиционеры разгоняют молящихся, оцепляют гору кордоном, ломают установленные людьми кресты, обносят холм оградой...

Явления продолжаются — всякий раз на новом месте*.

Священник Междугорской церкви, отец-францисканец Йозо Зовко (о нем еще будет речь впереди) сначала не верит визионерам — не надо думать, будто духовенство, как мотыльки на огонь, без оглядки кидается навстречу любым слухам о чудесном. Как раз наоборот, именно духовенство проявляет в таких случаях наибольший скепсис: профессионалы лучше других знают, как часто в подобных вещах приходится встречаться с шарлатанством, истерией, да и просто с человеческой глупостью, и потому всегда проявляют предельную осторожность. Так было и в Лурде, и в Фатиме, и в других местах. Но все меняется, когда о. Йозо сам удостаивается видения. С этого момента он горячо поддерживает визионеров, и последствия не медлят: коммунистические власти арестовывают его, и он проводит в тюрьме около двух лет.

А визионеры? Им тоже не дают покоя! Арестовывать подростков власти не решаются, — однако им постоянно угрожают, запугивают их близких. Ребят отвозят даже на принудительную психиатрическую экспертизу, но врачи вынуждены констатировать: все шестеро совершенно здоровы. «Зато теперь, — шутят визионеры, — во всем Междугорье только у нас есть медицинское свидетельство, что мы психически нормальны».

Детей подвергают домашнему аресту: им запрещено выходить на улицу, что не мешает Вицке, забравшись на крышу своего дома, оглашать оттуда на всю округу — а голос у нее, как у всех здешних хорваток, чрезвычайно громкий, «пастушеский» — Послания Госпы.

Послания Госпы... Сначала они были ежедневными, затем, с 1 марта 1984 года — еженедельными, а с 25 января 1987 года стали ежемесячными. Их получает Мария Павлович (где бы она в это время ни находилась) 25 числа каждого месяца и передает для всех. Послания тут же переводятся на множество языков, в том числе на русский, и распространяются всеми возможными способами, включая интернет и самиздат. Первый, прямой адресат Посланий — сами визионеры и приходская община Междугорья, а также, как передает Мария Павлович, и *«все люди, желающие идти дорогой святости»*.

К основной шестерке ясновидящих в 1982 году присоединились еще двое — Елена и Марьяна Васили. Они слышат голос изнутри и воспринимают внешние видения, но по-другому. У них, как они говорят, видения протекают, «как в кино». Они получают Послания, имеющие целью духовное возрастание молитвенной группы в Междугорье. Пресвятая Дева при их посредстве дает также советы приходской общине.

---

* 28 июня, на пятый день явлений, Богородица несколько раз приходила и уходила. Один раз дети спросили Ее, почему Она не является в приходской церкви, где народ может Ее видеть. Она ответила: «Блаженны те, которые не видели и уверовали» (М, 16).

Итак, начиная с 1981 года, получено огромное число Посланий; очень бы хотелось разобрать их подробно, по темам, по обстоятельствам явлений, по духовному значению, но это задача для целой книги, а не для журнальной статьи.

3. От редакции

Здесь мы прерываем, рассказ о. Анри Мартена, чтобы, во-первых, добавить информацию о некоторых фактах, им не упомянутых или упомянутых вскользь.

I. Дополнительная фактическая информация.

1.Свидетельства самих видяших и тех, кто наблюдал за ними во время явлений

а) Рассказ Марии Павлович

«Перед явлением Богородицы мы видим три света. При появлении первого мы крестимся и начинаем читать «Отче наш». При втором мы падаем на колени. С третьим сразу появляется Дева Мария. Мы молимся с ней, а затем принимаем послание, если Она нам его дает. В конце Она говорит: «Идите в мире Господнем». «Она исчезает, поднимаясь вверх. Я прикасалась к Богородице, к ее рукам, платью. Мы сами подходим, чтобы прикоснуться к Ней. Она всегда является стоя. Иногда она грустна, когда говорит о грехах, например. В другие разы она радостна. Но прежде всего она прекрасна, прекрасна чудесной красотой. Подобного не существует на земле. Мы пребываем в радостном восторге при виде того, как она красива. Она полна любви. Иногда она зовет меня по имени, иногда она, обращаясь к нам, говорит «Ангелы мои». Я не вижу других визионеров. Как если бы я была с Ней наедине. С другими то же самое. Иногда Она разговаривает со всеми вместе. Иногда каждый общается с Ней отдельно. Я не знаю, почему она является именно мне. Я выросла с Богородицей (...)

В начале я не понимала посланий. Мы просили священников нам объяснять их. Понимание пришло постепенно. Мы записываем послания сразу после явлений. Иногда Богородица умоляет, иногда она радуется пылу Междугорья и паломников и повторяет о своей любви к людям: «Если бы вы знали, как я вас люблю, то вы бы плакали от радости». (END, 6).

б) Из беседы ксендза Анджея Струса с Марией Павлович 9 февраля 1985 г.

«— ...Однажды мы попросили, чтобы люди, которые были с нами, смогли к Ней подойти. Она согласилась, и люди подходили; некоторые даже прикоснулись к Ее одеждам. Руки у кое-кого были грязные, и на Ее плаще остались пятна. Госпожа опечалилась и сказала: «Эти должны исповедаться»

— Эти люди видели Госпожу?

— Не знаю, думаю, что нет. Мы показали им, где стояла Госпа. Когда мы разговариваем с Ней, люди говорят, что не слышат наших голосов, а ведь мы разговариваем нормально и видим Ее перед собой, так как я сейчас Вас вижу. Только когда мы видим Госпожу, мы не видим никого вокруг себя» (БМ — 1987 г., 13)

в) Рассказ видящих

«В начале явлений у нас был необычный опыт: мы хотели дотронуться до Божьей Матери, и Она разрешила. В половине одиннадцатого вечера мы пришли на поле, которое Она указала. С нами были и другие люди. Мы, видящие, взяли их руки так, чтобы они тоже могли коснуться Ее. Все что-то почувствовали: одни тепло, другие холод, третьи электрическое покалывание. В этот момент мы увидели черные пятна на платье Божьей Матери. Она начала плакать и мы тоже. Она сказала, что эти пятна означали наши грехи, и первый раз Божья Матерь просила нас пойти исповедаться.

У нас было несколько подобных случаев, но мы были глубоко тронуты тем способом, каким Божья Матерь привела нас на исповедь. Она также сказала нам: «*выбирайте себе священника в духовные наставники, чтобы лучше понять, что Бог хочет от вас*». (ЭМ, 1993, 6)

г) Из статьи о. Славко Барбарича, священника и психолога, «Что такое Меджугорье? Правда ли, что в Меджугорье является людям Божья Матерь?» (1986)

Здесь, в Меджугорье, вот уже 63 месяца этим вопросом задаются многие. Действительно ли, как утверждают Видящие, является здесь Божья Матерь, или это всего лишь иллюзия? Миллионы верующих, в том числе такие выдающиеся богословы, как Ганс Урс фон Балтазар, отец Рене Лорентен и др., а также многочисленные группы медиков, уже нашли ответ на этот вопрос.

Все, что они здесь увидели, все, что здесь происходит, привело их к убеждению, что такие явления могут быть только от Бога. А происходит тут многое, вот уже пять лет, и касается это как Видящих, как всего прихода, так и миллионов паломников.

Мне хотелось бы передать хотя бы часть правды о происходящих здесь явлениях, чтобы этот материал помог читателю составить первое впечатление о здешних событиях. Предлагаю непосредственное их описание, поскольку пребываю в Меджугорье с 1982 года и как Видящие, так и паломники находятся под моей опекой (...)

Как протекали встречи Видящих с Божьей Матерью?

Встречи носили признаки экстаза. Вот как описывают их сами Видящие: «В определенное время мы начинаем молиться — обычно в один и тот же час, под вечер. Затем трехкратно вспыхивает сильный свет, и является Госпожа. Когда Она приходит, мы преклоняем колени (рассказывая, Вицка падает на колени). Она приветствует нас словами: «Во славу Иисуса Христа», а мы отвечаем: «Во славу Иисуса и Марии». Потом мы беседуем с Ней. Она передает нам послания и отвечает на наши вопросы. Мы вместе с ней повторяем молитвы: «Отче наш», «Благословен Господь» и другие, кроме «Богородице». Под конец, перед самым своим уходом, Она говорит нам: «Идите с миром, мои ангелы». Когда Она исчезает, мы всегда видим одно и то же: крест, сердце и солнце».

Что видят присутствующие при явлениях?

С самого начала явлений в церкви, а потом во всем приходе, всегда присутствуют при них немногочисленные свидетели. После совместной молитвы, примерно в 18.40, Видящие встают и, осенив себя крестным знамением, начинают читать «Отче наш». В какой-то момент (каждый день в разных партиях

молитвы) они внезапно умолкают и преклоняют колени. Мы видим, как каждый из них по-своему вступает с кем-то в контакт. Вот как описывает это один из австрийских паломников, профессор духовной семинарии, наблюдавший за Вицкой: «...У меня нет слов, чтобы выразить то, что отражалось в это мгновение на ее лице. Никогда в жизни этого не забуду. Она прислушивалась к чему-то с глубочайшим вниманием; создавалось впечатление полной, безграничной преданности, наполнявшей все ее существо. То и дело мелькало на ее лице выражение как бы радостной неожиданности, губы шевелились, произнося неслышные слова... Я не мог оторвать взгляда от Вицки. Никогда не приходилось мне видеть такой красоты человеческого лица, ничем собственно не выделяющегося среди иных лиц. Мне казалось, что на ее лице, как в зеркале, отражается какая-то неземная красота».

Внезапно Видящие все вместе начинают громко читать «Отче наш», продолжая молитву с того самого места, на котором она была прервана, и не глядя при этом друг на друга. Они говорят, что это Божья Матерь ведет молитву, им же остается только следовать за ней. И наконец слышится произносимое ими полушепотом: «Оде» (по-хорватски: «Удалилась»).

Мы видим, как они смотрят на кого-то удаляющегося там, вверху. Сосредоточенные поднимаются и вместе со всеми читают молитву: «Величит душа моя Господа». Встреча продолжается от одной минуты до одного часа. Я присутствовал при встрече, которая продолжалась 42 минуты. (БМ.1987, 2-4)

д) Из беседы ксендза Анджея Струса с Марией Павлович 9 февраля 1985 г.

«...**Мария** (с энтузиазмом):

— ... Когда Госпа беседует с нами, когда приближается к нам, мы видим, как Она нас любит. Эта любовь охватывает нас целиком!

Я задаю добавочный вопрос:

— Как ты думаешь, Божья Матерь относится так ко всем людям?

Мария (с жаром):

— Конечно! Она приближается ко всем людям, которые нас окружают и которые присутствуют в церкви. Всех Она любит одинаково! Она говорила нам, что любит всех людей без исключения и всем одинаково близка. Она не делит людей на христиан и не-христиан, на верующих и неверующих!

— Госпожа сама так говорила?

Мария:

— Нет, но я так думаю! Видите, приехали к нам однажды люди с телевидения, чтобы снять нашу беседу с Госпой, и сразу же предупредили, что они неверующие. А когда они снимали, Госпа обратилась к ним с улыбкой, простерла над ними руки и молилась за них.

— Ты видела этих людей, беседуя с Госпожой?

Мария:

— Нет, я их не видела, но знаю, что они стояли сбоку, перед нами, и как раз в ту сторону обратилась Госпа, протягивая руки. Она сказала мне, что люди сами создали границы, которые их разделяют. Господь Бог никогда не разделял на худших и лучших, люди разделились сами — так мне сказала Госпа».

2. О знамениях и чудесах

«В те далекие дни 1981 года, когда приход Междугорья был местом тревоги и притеснений со стороны коммунистических властей, когда видящих преследовала полиция и даже приходский священник был арестован и брошен в тюрьму, на небе появлялось слово МИР, иногда оно было видимым в течение всего дня. Со времени этого явления было много других чудес, которые продолжаются и по сей день, чему свидетели миллионы паломников. Иногда солнце пульсировало и вращалось. Часто его закрывал диск различных цветов по краям. На солнце или рядом с ним можно было видеть крест. Без всякого вреда или напряжения для глаз на солнце видели Божью Матерь. Небо менялось, окрашиваясь в мириады различных цветов. Ночью можно было видеть движение звезд. Крест на вершине горы Кридзевак вращался, пульсировал светом и был окружен ярким золотым сиянием. В последние годы цепочки многих розариев (четок) становились золотого цвета, часто вместе с крестом и образком. Все эти явления Божья Матерь называет «маленькими чудесами», которые Бог посылает в подтверждение явлений. Там случилось много исцелений от рака, паралича, восстановление зрения, а также бесчисленное множество духовных исцелений, исцелений от наркомании и алкоголизма, но больше всего возвращений к Богу». (ЭМ.1993. 12-13)

3. Экспертизы

а) Из статьи о. Славко Барбарича, священника и психолога, «Что такое Меджугорье? Правда ли, что в Меджугорье является людям Божья Матерь?» (1986)

Эксперименты во время экстаза

Экстаз, с одной стороны, представляет собой явление несложное, с другой — весьма сложное. Простое для Видящих, оно становится слишком сложным, когда хочется его понять и найти ему объяснение. Как объяснить, что Видящие в экстазе теряют всяческое чувство места и времени, не видят света, не чувствуют боли? Иначе говоря, как объяснить это состояние «общей анестезии», как назвали его врачи, наблюдавшие феномен? Был проведен целый ряд обследований: энцефалограммы, электроокулограммы, опыты с кожей (реакция на боль), опыты с так наз. potenzial evocat, опыты с полиграфом, при помощи которого исследуются вегетативные функции организма. Уже появились публикации и книги на эту тему, например Henri Joyeux — Rene' Laurentin «Studi medici e sientifici sulle apparizioni di Medjugorie» by Editrice Queriniana, Drescia Via Piamorte 6.

Все результаты исследований можно подытожить следующим образом: состояние экстаза доказано медициной, никакая патология не входит в расчет. Реакции мозга, органов слуха и зрения свидетельствуют о том, что Видящие во время явлений находятся в особом состоянии, которое трудно объяснить при помощи обычных средств. Можно было бы ожидать от медицины и психиатрии большего, чем обычные свидетельства о состоянии здоровья или отклонениях от нормы. Спрашивается, кого или что видят обследуемые.

Привожу фрагменты высказывания одного из медиков, Луиджи Фриджерио. Ему задали вопрос: «Вот вы доказали, что Видящие говорят правду и что

экстаз действительно имеет место, а что́ вы можете сказать сейчас о их видении — о самой Марии, Божьей Матери?».

«Наши опыты отличались смелостью, и в этом пункте наша смелость достигла своего предела. При помощи «детектора лжи» мы исследовали слуховые, зрительные и чувствительные реакции. Наша гипотеза была довольно дерзкой: если церебральные пути Видящих в состоянии экстаза были заняты наблюдением за образом Божьей Матери или восприятием звуков ее голоса, могла иметь место одна из модификаций ответа. Чтобы быть лучше понятым, воспользуюсь примером, предложенным профессором Марко Мариньелли. Когда мы звоним кому-нибудь по телефону, то ожидаем сигнала «свободно» или «занято». Так вот, высылая Видящим сигналы-возбудители света и звука, мы ожидали такого ответа «занято», чтобы доказать наличие образа Божьей Матери в церебральных «точках связи». Однако наш «телефон» давал сигналы «свободно» — и никто не отвечал. Мы имеем здесь дело с исключительным, необъяснимым явлением! Опыты свидетельствуют о том, что Видящие не теряют сознания ни перед экстазом, ни после него, а притом не находятся ни в состоянии анестезии, ни под действием наркотиков. Они не подвержены также гипнозу, поскольку гипноз модифицировал бы ответы в церебральных «точках связи». Видящие совершенно здоровы, клинические обследования не показали никакой патологии. Таким образом, здесь происходит нечто необычное, а имеем ли мы дело с чем-то сверхъестественным или прекословящим натуре, пусть решают церковные авторитеты и богословы. Мы, медики, можем только подтвердить, что Видящие не симулируют, что экстаз действительно имеет место и что этот феномен следовало бы считать необъяснимым с чисто натуральной точки зрения.»

Что ж, это нас радует, и все же главный вопрос остается открытым. Правда ли то, что Божья Матерь действительно является людям в Междугорье? Кто нам ответит?..

б) Из статьи д-ра о. Людевита Рупчича «Краткая история явлений Богородицы в Меджугорье»

29 июня 1981 года детей отвезли в Мостар на медицинское обследование, где их признали здоровыми. Главный врач объявила: «Сумасшедшие не дети, а те, кто их сюда привез» (...)

В тот день врач, сопровождавшая детей и наблюдавшая за ними во время явления, захотела дотронуться до Божьей Матери. Когда дети кивнули, что она может это сделать, и поднесли ее руку к плечу Девы Марии, врач почувствовала, как мурашки пробежали по ее телу. Она, агностик, признала после: «Здесь происходит что-то необычное!» (М, 16-17)

в) Из статьи д-ра о. Славко Барбарича «Феноменология меджугорских явлений»

Происходящее с визионерами привлекло внимание медиков. Первыми приехали итальянцы. После них — французы. Они сделали несколько обследований, пытаясь понять, что происходит и можно ли верить визионерам. Кроме психотекстов, которые должны были определить душевное состояние визионеров, обследовали реакции их организма до, во время и после явления. Сделали

электроэнцефалограмму, эхографию глаза, потом определили, как визионеры чувствуют боль, проверили их слух, работу сердца, давление, их впечатления во время явления.

Психологические тесты однозначно показали, что речь идет о нормальных людях, без каких-либо душевных отклонений. Общение с визионерами лишь подтверждает результаты психотестов и психиатрических проверок.

Результаты медицинских обследований показывают, что в определенный момент, который визионеры называют явлением, происходит нечто, что невозможно объяснить с медицинской точки зрения и что совпадает с показаниями визионеров.

Говоря об этих тестах, необходимо подчеркнуть, что обследуется только один собеседник и реакции его организма, а не другая сторона, в данном случае, по свидетельству визионеров, это была бы Богородица. Медицинские результаты можно объединить в несколько пунктов:

— никто из визионеров не обнаруживает истерическую структуру сознания, или особую склонность как к внушению, так и к воображению; они общительны;

— электрокардиограмма показала, что ритм альфа континуален и синхронен во всех зонах мозга (сноска: это означает, что при исследовании патологических изменений в мозгу не выявлено);

— эхография глаза показала, что во время явления зрачки неподвижны, нет реакции ни на глазные капли, ни на внешние раздражители, ни на свет, визионеры не видят экран, установленный перед их глазами.

Если голоса визионеров во время явления не слышны, то снимки движения мышц диафрагмы показывают такие же изменения, как при нормальном разговоре; сами же визионеры не слышат звуки извне, хотя слуховые центры в мозгу функционируют нормально. Другие специальные тесты показывают, что они не чувствуют боль.

То, что визионеры одновременно становятся на колени в начале явления, то, что одновременно исчезает и вновь со словами молитвы «Отче наш» появляется звук их голосов и то, что реакции их глаз одни и те же, не имеет объяснения.

Результаты тестов показывают, что во время явлений визионеры не спят, то, что они видят, — не сон, исключается возможность того, что они душевно больны или на их состояние влияет какая-нибудь другая болезнь.

Все упомянутые результаты говорят о том, что болезнь, самообман визионеров или их сговор исключены (см. «Медицинские и научные статьи о явлениях в Меджугорье», Duvno, 1987, Sveta bastina) — (M, 38-40);

4. Церковные критерии

а) Из статьи о.Славко Барбарича «Что такое Меджугорье? Правда ли, что в Меджугорье является людям Божья Матерь?» (1986)

Критерии были найдены благодаря истории, а искать их надлежало в жизни Видящих, в их личном опыте, в самом феномене и в жизни других людей — конкретно говоря, в жизни всего прихода и всех тех, кто сюда прибывает. Как священник и в некоторой степени наставник Видящих могу сказать, что каж-

дый из них развивается в вере, молитве, любви и преданности. И хотя совсем не обязательна святость Видящих, все же наличие у них серьезных моральных недостатков было бы неблагоприятным фактором при установлении истинности феномена. Такие недостатки являются в принципе не столько отрицательным критерием, сколько свидетельством лживости и нескромности. Кроме того, положительно оценивается их своеобразный моральный героизм, а главное: достойная всяческих похвал кротость, самоотречение, любовь к Кресту, служение близким, сдержанность, разумность и внутреннее достоинство.(...)

О том, как подействовали эти события на Междугорье, за пределами прихода, рассказывает архиепископ Сплита, Фране Франич: «Влияние Междугорья в течение двух лет сделало в области веры больше, чем все предшествующие сорок лет общепринятой религиозной практики. Уже видны разнообразные положительные результаты, и относительно этих явлений следует занять открытую положительную позицию. Могут спросить: если действительно дело выглядит так, как описано, что же мешает официальным церковным органам признать этот феномен? Хотелось бы подчеркнуть, что появляются также противоположные мнения. Многие спрашивают постоянно, зачем нам вообще какие-то чудесные явления, если есть уже Божье Откровение, Церковь и эффективные методы религиозной практики? Задающие такой вопрос относятся к новым откровениям враждебно. Многим мешает факт, что явления в Междугорье продолжаются так долго(...)

Свыше четырех лет я наблюдаю и переживаю эти явления в непосредственной близости и знаю каждую подробность, знаю Видящих, наблюдаю за паломниками и т.д. Это позволяет мне с чистой совестью сказать, что сам Бог действует здесь через Марию и что внимать Ее воззваниям должны для своего блага как простые люди Божьи, так и мы, священнослужители. Всех нас касается ответ, который однажды, во время откровения, был дан Марии Павлович. Она спросила Божью Матерь, будет ли для нее какое-нибудь конкретное поручение. Богоматерь ответила: «Даю тебе Свою любовь, передавай ее дальше» (БМ, 1987, 5,6,10)

б) Папа и Междугорье

В марте 1993 году отцу Славко сообщили, что две недели назад папа говорил о явлениях, сказав, что Мария просит нас о посте и молитве и что мы должны слушать Ее. Отец Славко заметил: «Я не слушал этой проповеди папы, но мне сказали, что единственное пропущенное слово было Междугорье. Все поняли, что он говорил о Междугорье». (ЭМ,1993,8)

Архиепископ Мурилло Крегер из Бразилии: «Я разговаривал со Святым Отцом 24 января 1990 года... Я сказал ему, что был в Меджугорье три раза и снова поеду туда на следующей неделе. Папа ответил просто: «Междугорье — большой духовный центр!»

(*National Catholic Register, 29.04.1990*)

Мы прервали очерк о. Анри Мартена на том его месте, где автор, отметив, что с 1981 г. Богородицей было дано огромное число Посланий, замечает: «очень бы хотелось разобрать их подробно, по темам, по обстоятельствам явле-

ний, по духовному значению, но это задача для целой книги, а не для журнальной статьи».

Отец Анри Мартен прав — это задача огромная, для целой книги. И все же в материале, имеющим целью рассказать читателям о том, что такое Междугорье, обойти эту задачу вообще, не попытавшись дать хотя бы краткий обзор и анализ тех обращений и призывов, которые принято именовать (так называет их и сама Богородица) ***Посланиями***, никак нельзя. Нельзя, потому что именно в них, в их характере и в их содержании, в том, к чему они призывают и о чем свидетельствуют, в тех предупреждениях, которые в них звучат, и даже, если угодно, в той общей метафизической картине мира, которая ими вновь и вновь утверждается, — самая суть феномена Междугорья, главный смысл явлений Богородицы. Если разумеется, верить в действительность этих явлений и этих Посланий. Но это, как уже сказано, — индивидуальная проблема каждого, дело его сердца и ума, его свободного выбора. Нам же, со своей стороны, остается только заметить, что даже и та чисто информативная задача, которая требует дать пусть краткое, но предельно точное и объективное описание их содержания, просто не может быть выполнена без того, чтобы исходно не принять их для описания и анализа именно в том их, если можно так выразиться, *статусе,* в каком они к нам и обращаются — то есть именно как Послания Богородицы. А те, кто не верит или сомневается в их действительности, пусть, в конце концов, примут эту форму изложения как условный допуск — как наиболее рациональный метод ознакомления с их содержанием и описательного их анализа.

Итак, — перед нами Послания Богородицы. А также те Ее слова, отдельные высказывания, ответы на вопросы и т.п., которые в разное время тоже были получены видящими во время встреч с Нею и которые мы частично воспроизведем и в нашем обзоре, хотя формально они в состав Посланий не входят.

Попытаемся прежде всего ответить на первый и главный вопрос, который сразу же встает перед каждым, кто узнаёт о Междугорье, — в чем цель и смысл явлений Богородицы шестерым крестьянским детям в этом далеком хорватском селе, — теперь уже молодым и даже не очень молодым людям?

Посмотрим, что говорят на этот счет сами Послания.

II. Послания Богородицы в Междугорье (краткий обзор)

1. Для чего пришла Богородица

В комментариях к явлениям Богородицы в Междугорье, которые даются в разного рода изданиях, посвященных этим событиям, нередко звучит мысль, что при всей исключительности самого факта этого чуда в Посланиях Богородицы нет, в сущности, ничего такого уж «внеочередного», «до сих пор неизвестного». «Эти послания, — читаем мы, например, в предисловии о. Ивана Ландеки к книге «Послания Матери Божьей в Меджугорье» (2000), — обыкновенное материнское ободрение, желание матери, чтобы дети (...) не забыли, чьи они, чтобы не забыли ее слова из Каны Галилейской: «Вы должны сделать то, что Он вам скажет!» (Ин. 2,5). Блаженная Дева скромно, терпеливо и с

любовью дает указания жить по принципам Евангелия и быть последователем Иисуса Христа. Притом она не выступает «с высоты», а рекомендует обыкновенную духовную жизнь (...) читая эту книжку, вы будете думать об Иисусе Христе, что и есть желание Госпы и смысл ее прибытия к нам».

Содержание Посланий Богоматери не дает, однако, оснований для столь спокойного тона. Оно никак не может быть сведено лишь к обыкновенному (хоть и с небес) наставничеству, лишенному какой-либо экстраординарности, — ко всего лишь еще одному терпеливому материнскому напоминанию о принципах духовной жизни, о молитве и т.п.. Хотя и это все в них, конечно, есть. Но Богородица является в Междугорье и обращает свои Послания к людям Земли вот уже почти 22 года. А такого, как это и Сама Она отнюдь, конечно, не случайно отметила уже в 1985 г., когда явления длились еще только (уже!) почти целых пять лет, не бывало ***«никогда прежде в истории от сотворения мира»***. Так что вне этого — конечно же, экстраординарного — контекста вряд ли будет правильно и вообще что-либо рассматривать в многообразнейшем содержании Ее Посланий.

В том числе и то, почему *первые* — и потому, надо думать, *самые главные* — слова, с которыми Она пришла на этот раз на Землю и которые передала через детей всем, были:

«Мир, мир, мир и только мир!.. Мир должен установиться не только между Богом и людьми, но и между людьми».

Действительно — можно ли отнестись к этому призыву, повторяя который, Богородица, как рассказывает Мария Павлович, *плакала,* всего лишь как еще к одному, очередному доброму материнскому напоминанию о, так сказать, необходимости мира вообще?

Все содержание Ее Посланий свидетельствует о куда более грозном актуальном его смысле. Вот одна из стержневых тем Ее обращений к людям, которая в разных поворотах и с разными акцентами, но упорно и постоянно звучит в Ее Посланиях на протяжении всех этих 22 лет:

«Дети мои, молитесь! Мир кружится в мощном водовороте, не зная, что творит. Он не отдает себе отчета, в какой грех он погружается...» (END,19); ***«Люди... переполнены ненавистью и непокоем»*** (25.02.95); ***«Сатана неслыханно силен (...) Он имеет сильное влияние в мире»*** (14.01.85); ***«Сатана имеет силу и изо всех сил желает уничтожить мир, происходящий от Бога»*** (25.10.90), он ***«хочет войны, хочет непокоя, хочет уничтожить все доброе»*** (25.03.93), он ***«желает уничтожить не только человеческую жизнь, но и природу, и планету, на которой вы живете»*** (25.01.91)...

Вот это и есть, как об этом со всей определенностью, исключающей какие-либо иные толкования, Она Сама же не раз и говорит в Своих Посланиях, та главная причина, с которой связано Ее появление на Земле. Ибо Она для того именно и пришла в наш мир, чтобы ***«спасти его от этой опасности»*** (END,19). Чтобы в мире, ***«который не знает спокойствия, но мечтает о нем»*** (25.07.90), ***«как можно быстрее воцарилась эра мира, которую с нетерпением ожидает Мое сердце»*** (25.06.95).

«Я пришла сюда как Царица мира, чтобы сказать людям о том, что мир необходим для спасения людей» (16.06.83).

Все это, естественно, сразу же заставляет вспомнить знаменитые явления Богородицы в 1917 г. в Фатиме, когда Она сошла на Землю, чтобы предупредить мир о страшной опасности, грозящей ему, если в России победит революция, и попытаться спасти его от этой опасности. Но даже обещанная Ею заранее в подтверждение Ее предостережений, переданных через фатимских детей, и действительно состоявшаяся в назначенный день знаменитая «пляска солнца», которую воочию наблюдали пятьдесят тысяч собравшихся там людей, не помогла Ватикану с безусловным доверием отнестись к Ее воззваниям. Революция в России состоялась, в мире действительно началась эра страшных исторических катаклизмов и войн, и серьезные, хотя и частичные перемены к лучшему стали происходить и в России, и в мире только после того, как папа совершил, наконец, (хотя и в достаточно обтекаемой форме) тот акт Посвящения Богородице России, которого Она потребовала в Фатиме.

Все содержание нынешних, междугорских, Посланий Богородицы свидетельствует, однако, о том, что эта кризисная для мира эра отнюдь тем не менее не исчерпала еще себя. Мало того — приблизилась, видимо, к какой-то новой критической точке, которая и вообще уже грозит миру самоуничтожением. И именно этим и обусловлено новое появление Богородицы на земле с миссией, впрямую продолжающей ту, с которой явилась Она когда-то в Фатиме. На эту очевидную связь впрямую указывает, кстати, и Сама Богородица в одном из Своих Посланий (от 25.08.91), где Она говорит, что то, что Она хочет осуществить, Она намерена ***«осуществить через тайны, которые начала открывать в Фатиме»***. Темы «тайн» мы еще коснемся в дальнейшем, а сейчас повторим только, что, стало быть, слишком уж благостно-спокойно истолковывать смысл Ее нынешнего — и так надолго! — прихода к людям будет все-таки вряд ли адекватно тому, о чем действительно, на самом деле, говорят Ее междугорские Послания.

Итак, мир по-прежнему — и даже, судя по всему, еще больше, чем прежде — необходим для спасения людей. И даже самой планеты, на которой мы живем. Вот тот реальный мировой контекст, к которому обращены все Послания Богородицы и вне которого междугорский феномен просто не может быть понят.

Но как может мир, необходимый для спасения людей, утвердиться в мире, переполненном «ненавистью» и «непокоем»? В мире, забывшем о том, что только ***«в Боге — истинная радость, из которой следует истинный мир»*** (16.06.83)? ***«Вы создаете новый мир без Бога, только собственными силами»*** (25.01.97), ***«в нем нет надежды для тех, кто не знает Иисуса»*** (25.11.91); ***«Ваши города и деревни полны церквей и мечетей, но люди не идут туда и не спрашивают, как им надо жить»*** (П, 97,103); ***«Запад развивает цивилизацию, лишенную Бога — так, как если бы сам был собственным творцом»*** (15.10.81)... Вот предостережение, которое не устает повторять Богородица в своих Посланиях людям Земли, объясняя, что именно в этом и состоит «водоворот» того «греха», в который все больше «погружается мир», не сознающий, «что он творит». А потому и позволяющей сатане обретать «неслыханную силу», «изо всех сил» стремиться к уничтожению человечества и самой планеты, на которой оно живет...

Но отсюда следует, что, стало быть, единственный путь, которым мир действительно может придти к миру и спастись, — это путь высвобождения из «водоворота» этого «греха».

И именно об этом и пришла сказать миру Богородица — чтобы помочь ему выбраться из этого «водоворота».

«Я пришла сказать миру: Бог — это правда. Он существует. В Нем — истинное счастье и полнота жизни» (16.06.83);

«Миру необходимо оздоровление веры в Бога Создателя» (25.03.97);

«Единственным словом, которое Я вам хочу сказать, является обращение всего мира. Я говорю вам это, чтобы вы повторили об этом всем. Я прошу только обращения (...) Оставьте все. Все придет вместе с обращением» (26.04.83).

Вот, стало быть, в чем главный и, в сущности, «единственный», как говорит Сама Богородица и как свидетельствует об этом практически все содержание Ее Посланий, смысл Ее миссии.

В том, чтобы попытаться спасти человечество через его обращение.

И это не просто и не только Ее, если можно так выразиться, личная инициатива и желание. Это, как опять же говорит Она Сама, — то, для чего послал Ее в этот мир Бог. Бог, ***«который безгранично любит Свои создания»*** и который хочет, ***«чтобы Я вам помогла»*** (25.09.99). Как объясняет Она видящим во время одной из встреч с ними, Она для того именно и пришла на Землю, чтобы осуществился Его ***«большой план спасения человечества»*** (25.01.87).

* * *

Итак, Богородица явилась на Землю, чтобы осуществился большой Божий план спасения человечества. Спасения мира через его обращение.

Но каково реальное содержание этого грандиозного плана, каким образом может рассчитывать Богородица его осуществить? И как связан с этим планом тот факт, что явившись впервые детям Междугорья в июне 1981 года, Она сделала этот деревенский приход как бы местом своего постоянного пребывания? И пребывает там уже около 22-х лет?..

Вот вопросы, которые тоже, естественно, встают сразу же, как только становится ясна грандиозная цель Ее прихода на Землю, — цель, которая обычное земное сознание современного человека не может, конечно, не поразить и не озадачить, не показаться какой-то совершенно фантастической утопией, абсолютной ирреальностью.

Дают ли Ее Послания какой-то ответ на эти вопросы?

Да, дают. И на эти тоже. И ответ этот уже впрямую связан именно с Междугорьем.

2. «Оазис мира»

Большой Божий план спасения человечества — а точнее, та часть его, о которой мы можем судить по Посланиям Богородицы, — обладает, как нетрудно догадаться, теми же отличительными признаками, что и сама грандиозная задача Ее миссии — признаками, которые земной мир наш, как говорит апос-

тол Павел, не способен «почитать» иначе, как «безумием» (1 Кор. 2,14). Замысел Бога — и Богородицы как Его Посланницы — состоит, как следует из Ее Посланий, в том, чтобы Междугорье стало тем ***«оазисом мира»***, в котором начнется обновление веры человечества в Бога. А благодаря этому потечет в сердца людей и тот внутренний мир, без которого невозможно торжество на Земле и гражданского мира, спасение человечества от сатанинской угрозы его уничтожения. Вот та простая и, повторим, с точки зрения обыденного «здравого смысла» совершенно, конечно же, ирреальная, безумная идея, которая положена в основу междугорской миссии. Правда, объявить ее совсем уж, абсолютно безумной вряд ли все-таки даже самому «трезвому» и «здравому» современному скептику позволит тот неоспоримый факт, что за 20 лет через Междугорье пришли к Богу уже миллионы и миллионы...

Но не будем спешить с выводами, а обратимся опять к Посланиям и посмотрим, как Сама Богородица отвечает на заданные нами вопросы.

Итак, смысл прихода Ее в Междугорье состоит в том, чтобы создать в нем ***«оазис мира, любви и доброты. Бог желает, чтобы вы своей любовью и с Его помощью совершили необыкновенное...»*** (25.03.92). Именно для этого Она ***«особенным образом»*** и ***«выбрала этот приход»*** — приход, ***«который милее Мне, чем остальные*, в котором Я с радостью пребываю, в который послал Меня Всемогущий»***(21.03.85): ***«...у Меня и Моего Сына есть особый план, связанный с этим приходом»*** (12.04.84).

Этот особый план, как нетрудно догадаться уже по самому характеру событий, происходящих в Междугорье, связан прежде всего с теми шестью крестьянскими подростками, которым Она явилась в последние июньские дни 1981 года. Не потому, что они какие-то особенные, совсем нет. ***«Я избрала вас (...) такими, какие вы есть»*** (24.05.84). Но — ***«Я избрала вас особенным образом»***. И теперь — ***«вы избранный народ»*** (08.11.84).

Для чего — «избранный»?

А вот именно для участия в этом «особом плане».

«Дорогие дети, я хочу, чтобы вы поняли, что Бог избрал каждого из вас для участия в большом плане спасения человечества. Вы не можете понять того, насколько велика ваша роль в Божьем плане... Я нахожусь с вами для того, чтобы вы могли полностью его осуществить» (25.01.87).

Здесь опять можно спросить — а определена ли Богородицей как-то более конкретно и практически эта великая их роль в большом Божьем плане спасения человечества — плане, который нацелен на превращение Междугорского прихода в «оазис мира»?

Да, определена. И здесь важно отметить, что в Своих Посланиях, каждое из которых представляет собою прежде всего непосредственное, конкретное обращение именно к ним, избранным, Богородица к этой теме особенно внимательна. Она подробно и по многу раз объясняет своему «избранному народу», чего Она от них ожидает. Чем именно вызваны эти постоянные Ее напомина-

* О том, каковы могли быть причины, по которым Богородица выбрала именно приход Междугорья, а не какой-то другой, см. ниже — во второй части очерка о. Анри Мартена.

ния и объяснения и почему тема эта проходит почти через все Ее Послания на протяжении целых 22-х лет — об этом можно судить по-разному, и об этом чуть позже. Но то, что роль, предназначенная им в осуществлении большого Божьего плана спасения человечества, обозначена в Ее Посланиях со всей определенностью и совершенно конкретно, — это подвергнуть какому-либо сомнению невозможно. Речь идет все время, в сущности, о трех нераздельных, единых в своей основе задачах, к исполнению которых непрерывно и постоянно Она их и призывает.

Во-первых, — к тому, что Она называет свидетельствованием о Ней:

«Призываю вас (...) к тому, чтобы вы стали свидетелями Моего присутствия среди вас» (30.01.86);

«Деточки (...) свидетельствуйте о Моем присутствии здесь» (25.06.99).

Этот призыв, как мы увидим дальше, заключает в себе разные пласты и уровни смысла. Но в том числе, конечно, и тот самый первый, буквальный, который предполагает прямое, непосредственное свидетельствование прежде всего о самом *факте* явлений Богородицы, Ее прибытия в Междугорье. Особая важность такого свидетельствования для той миссии, с которой прибыла Богородица, — миссии обращения человечества, обновления его веры в Бога-Создателя, без чего невозможно его спасение, — очевидна: принять свидетельство о том, что людям действительно является Богородица и говорит с ними, — это уже и само по себе означает принять сильнейшее, неотразимое подтверждение тому, о чем и Сама Она пришла свидетельствовать: ***«Я пришла сказать миру: Бог — это правда. Он существует»***. Поэтому призыв ее — «Деточки, свидетельствуйте о Моем присутствии здесь» — это призыв, возлагающий на детей действительно великую роль в осуществлении Божьего плана, — призыв к тому, без чего это осуществление просто не может начаться. И то, как «избранный народ» ответил Богородице на этот призыв и что за этим последовало, — как раз это великое значение их свидетельствования и подтверждает: не прояви дети поразительные упорство и стойкость в своем свидетельствовании о являющейся им Богородице, не выдержи они все те преследования, запугивания, уговоры, которые на них сразу же обрушились, не пойди безбоязненно на многочисленные и самые изощренные экспертизы, которыми их показания проверялись и ни одна из которых так и не смогла обнаружить, что они говорят неправду, а сталкивалась лишь с совершенно необъяснимыми с точки зрения науки, но реально зафиксированными феноменами, — не будь всего этого, вряд ли Междугорье стало бы, как сказал папа Иоанн Павел II, одним из духовных центров мира. Отметим кстати, что если бы Богородица не имела в виду важность именно такого вот первичного свидетельствования о самом факте являемого Ею чуда Своего прибытия к людям, — вряд ли Междугорье было бы одарено и таким количеством видимых знамений, подтверждающих необычность, мистическую природу происходящего там. Мало того — не было бы дано Богородицею и то обещание, которое дети услышали от Нее уже 7 августа 1981 года, когда Она позвала их придти в 2 часа ночи на гору, где впервые начались явления, и, попросив, чтобы там было совершена покаянная молитва за грешников, сказала, что на этом месте будет дан особый знак, ***постоянный и видимый для всех***. И это, сказала Она, ***будет последней помощью в пробуждении***

веры. В конце сентября она точно определила даже и дату появления обещанного знака, но это — доверенная видящим тайна, которая будет раскрыта только позднее (см. о «тайнах», сообщенных видящим, ниже).

Прямое свидетельствование о самом факте явлений Богородицы — эта самая первая, опорно важная, но не единственная форма свидетельствования о Ней, к которому Она постоянно призывает видящих. Второе великое их призвание, о котором Она тоже все время напоминает им в течение всех этих 22-х лет, — быть миссионерами Ее Посланий:

«Призываю вас к тому, чтобы вы стали миссионерами Моих посланий (...), к распространению их во всем мире, чтобы несли их рекой любви к людям, которые переполнены ненавистью и непокоем»(25.02.95);

«Дорогие дети, Я передаю послания сначала для прихожан, а затем уже для всех остальных. Прежде всего вы должны принять послания, а потом другие» (06.02.86).

Величайшая важность этой задачи — в контексте той миссии, с которой прибыла на Землю Богородица, — тоже очевидна, и недаром это не раз подчеркивается в Посланиях Богородицы напоминаниями о той ответственности, которую принимают они на себя, получая от Нее Послания для передачи их приходу Междугорья и всему миру. Ведь Послания — ***«это источник благодати, а вы, дорогие дети, — сосуды, в которых переносят дары»*** (08.05.86). Принять и перенести эту благодать — это значит ***«ответить на призвание Отца, который через Меня обращается к вам»*** (25.10,87). Поэтому: ***«Дорогие дети (...) молитесь о пришествии Духа Истины. Вам необходим Дух Истины, чтобы вы могли передавать послания такими, какие они есть, не добавляя к ним и ничего не упуская — такими, какими передавала их вам Я»*** (09.06.84).

Таково второе служение «избранного народа»

И, наконец, — третье и тоже поистине великое служение, к которому призывает их Богородица для осуществления Ее и Ее Сына «особого плана» в Междугорском приходе. Это — свидетельствовать о присутствии Ее в их жизни и самой своей жизнью, непрерывным духовным возрастанием в ней. А по мере такого возрастания — и самим становиться живым примером и источником истинного мира, любви и веры, — источником, из которого этот мир, эта любовь и эта вера потекут сначала в их семьи, потом — в приход, а через него — и по всему миру.

«Дорогие дети, если вы будете нести послания в ваших сердцах, если вы будете ими жить, все увидят это. Не нужно будет слов, которые надо повторять только тем, кто не слушает. Ваше свидетельство — это сама ваша жизнь. Я даю вам свою любовь, чтобы вы ее передали другим» (END,16).

Понятно, что лично, психологически эта задача собственного преображения, которую постоянно ставит перед ними Богородица, самая для них трудная — как и для всякого человека. Но тем — и особо важная, поскольку именно такое собственное, видимое всем духовное их возрастание и преображение как раз и способно, может быть, дать окружающим самое полное и окончательное удостоверение в том, что Богородица и Ее благодатная сила — действительно с ними. А они — с Нею и действительно Ей верны. И, значит, это больше, чем что-либо другое, способно, может быть, упрочить и безусловное

доверие как к их свидетельствам о встречах с Нею, так и к передаваемым ими Посланиям Ее.

Отсюда легко предположить, что, видимо, именно с этой особой важностью свидетельствования о Ней самой жизнью видящих впрямую и связано то, что основное, превалирующее содержание Посланий Богородицы, различных Ее обращений к ним и бесед с ними на протяжении всех этих 22-х лет как раз и обращено к теме их собственного духовного возрастания и преображения, выражают Ее заботу о том, чтобы помочь им встать на этот путь. И — вести их по нему.

Однако здесь очень важно подчеркнуть, что хотя это, несомненно, и так, но то особое внимание, которое уделяет Богородица этой теме, продиктовано отнюдь не одной только той ролью, к которой они призваны согласно Божьему плану создания вокруг них «оазиса мира». Богородица Посланий — Царица мира, любящая Мать всех людей Земли, любовь к которым и заставляет Ее заботиться о спасении их всех. Но Она — любящая Мать и этих, избранных Ею свидетелей Ее явления Земле. Они — тоже дети Ее, и каждый из них дорог Ей и сам по себе, независимо от своей роли свидетеля и миссионера — просто как Ее собственный сын или дочь, которых Она любит и которым хочет поэтому только самой лучшей судьбы. А это лучшее — и есть тот путь духовного возрастания в вере и любви, к которому Она их зовет и по которому готова их вести. Эти две Ее заботы — забота о спасении мира, которому необходимо действенное свидетельствование о Ней как посланнице Бога, и забота о каждом из избранных Ею, о самом лучшем и лично для него самого — настолько тесно переплетены в Ее Посланиях друг с другом, что при всей отчетливости звучания каждой из них в своей самозначимости, они в то же время совершенно не отделимы друг от друга, составляя вместе некое неразложимое единство. Это единство одной и той же любви Богородицы ко всем своим детям, каждого из которых Она стремится направить своими Посланиями на тот путь, который потому и спасителен для всего мира, что духовно спасителен и единственно истинен и для каждого.

Вот небольшая выборка из Ее Посланий, которая может дать некоторое представление о том, как звучит в них эта постоянная, сложная, все время переплетающаяся разными своими сторонами и смыслами единая тема.

«Дорогие дети! (...) Я ваша Мать и хочу (...) чтобы каждый из вас был счастлив здесь на Земле и чтобы каждый из вас был со Мною в небе. Это, дорогие дети, — цель Моего прибытия сюда и Мое желание» (25.05.87);

«Я нахожусь здесь, дорогие дети, для того, чтобы помочь вам и вести вас к небу. Небо — это радость, которой вы можете жить уже сейчас, здесь» (25.05.95);

«Детки, Я ваша Мать, Я люблю вас и хочу, чтобы каждый из вас был спасен и был со Мною в раю» (25.08.98);

«Дорогие дети, обращайтесь вначале вы в своем приходе! Это Мое следующее желание. Тогда смогут обратиться все, прибывающие сюда» (08.03.84);

«Работайте над своим личным обращением. Деточки, только так вы сможете стать на этой Земле свидетелями мира и любви Иисуса. Обратитесь, деточки, и работайте, чтобы как можно больше душ познали Иисуса и Его любовь» (25.02.02);

«Особенно хочу, дорогие дети, чтобы вы все были отблесками Иисуса, приносящими свет миру, в котором нет веры, который находится во тьме. Хочу, чтобы вы были светом для всех и чтобы ваши свидетельствования несли свет. Дорогие дети, ваше призвание — свет, а не тьма. Несите свет своей жизнью»(05.06.86);

«Беспокойство завладело сердцами и ненависть владеет миром. Поэтому вы, живущие на земле по Моим Посланиям, будьте светом и руками, протянутыми к этому неверующему миру, дабы все познали Бога любви» (25.11.01);

«Бог призвал вас к тому, чтобы вы особенным образом стали радостно протянутыми руками к тем, которые не верят, и чтобы они на примере вашей жизни обрели веру и любовь к Богу» (25.11.97);

«Прежде всего дайте свою любовь и пример в семьях» (25.12.91);

«Особенным образом, деточки, вы призваны жить и свидетельствовать о мире, мире в ваших сердцах и семьях, и через вас мир также потечет по всему свету» (25.09.02);

«Будьте примером для других. Дорогие дети, Я желаю, чтобы вы несли мир и Божью радость современному неспокойному миру» (25.10.97);

«Своим примером, дорогие дети, вы станете продолжением плеча Божьего, которого ищут люди» (25.02.97);

«Помогите вашей жизнью воцариться миру на земле»(25.12.90)...

Так вырисовывается в Посланиях Богородицы та первая и, может быть, важнейшая часть Ее и Ее Сына «особого плана» в отношении прихода Междугорья, которая основана на роли тех, кого удостоила Она своим избранием.

Они призваны к тому, чтобы твердо свидетельствовать о Ее появлении на Земле как Посланницы Бога, Который — есть и в Котором — правда.

Они призваны к тому, чтобы и самой своей жизнью, своим постоянным духовным возрастанием тоже свидетельствовать о Ее благодатном присутствии в их жизни.

Они призваны к тому, чтобы в этом своем духовном возрастании быть примером для других и становиться тем источником Божьей радости и света, из которого мир и любовь потекут в их семьи, в их приход, превращая его в «оазис мира», а из него — и по всему свету.

И, наконец, они призваны быть миссионерами ее Посланий, доносить их до мира в полной подлинности их благодатного содержания, ничего из них не опуская и ничего не добавляя.

Все это — действительно великие служения, и недаром в одном из Посланий мы слышим от Богородицы даже и такие поразительные слова, обращенные к простым крестьянским подросткам из далекого хорватского села:

«Поймите, дорогие дети, что сейчас вы являетесь солью земли и светом мира» (25.10.96).

И в других Посланиях Она тоже не раз называет служение, которое поручает им, апостольским, призывает их ***«стать настоящими апостолами веры»*** (25.03.97):

«Я призываю вас к тому, чтобы вы стали апостолами любви и доброты» (25.10.93);

«Деточки, я желаю, чтобы вы стали апостолами любви» (25.03.98), ***«чтобы вы несли Мой покой в мире»*** (25.09.99);

«Будьте радостными вестниками мира и любви в этом беспокойном мире» (25.04.99).

* * *

Теперь перейдем на следующий уровень смыслов, которые содержат в себе Послания, и попробуем уяснить, говорит ли в них Богородица что-либо о том, каким же образом могут Ее дети достичь высоты апостольского служения, добиться обращения к Богу всей своей жизни. К чему они прежде всего должны ради этого стремиться, за какое духовное оружие в первую очередь браться?

Отметим, что этой теме в Посланиях Богородицы уделено тоже очень большое внимание. И совет Ее здесь решителен и категоричен: молитва и пост. Да, ведя Своих детей дорогой духовного возрастания, Она настойчиво и терпеливо напоминает им и о ежедневном чтении Священного Писания, и о необходимости регулярной исповеди и причащения, и о том, как важно научиться по-настоящему, всей полнотой сердца переживать Святую Литургию, где верующие получают всегда великую благодатную помощь Господа. Но все-таки настойчивее и более всего Она говорит именно о том, как важны молитва и пост. И прежде всего — молитва.

3. Молитва

Молитесь, молитесь, молитесь!.. Этот призыв в Посланиях Богородицы звучит постоянно, изо дня в день. Он проходит, можно сказать, красной нитью через все Ее обращения, советы, напоминания, даже упреки, наполняясь каждый раз своим особым, сопричастным той теме, о которой Она говорит, содержанием. Но о чем бы Она ни говорила, призыв к молитве — неизменно на первом, главном плане.

Человеку не просто верующему, но прикосновенному и к живому опыту молитвенной жизни в церкви, объяснять, почему Богородица придает молитве такое значение, вряд ли требуется. Однако не только человек неверующий, но даже и религиозный — но религиозный, так сказать, «вообще», «философски», «без всякой там мистики», с молитвенным опытом церкви не знакомый, — может, пожалуй, и не уловить, каков реальный смысл и характер этих настойчивых, постоянных призывов Богородицы молиться, молиться и молиться. А в иных случаях они могут, пожалуй, даже и просто его озадачить.

Действительно, — как это понять, когда Богородица призывает, например, молиться за мир во всем мире и при этом добавляет: ***«Я с Вами и изо дня в день передаю ваши дары и молитвы Богу для спасения мира»*** (25.11.90)?.. Что — Бог, чтобы спасти мир, никак не может обойтись без наших молитв? И потому нуждается, чтобы Ему изо дня в день их передавали, как будто Сам не знает о том, как нужен нам мир и как мы его хотим?..

Или такое вот Послание — от 13.09.84:

«Дорогие дети! Мне постоянно необходимы ваши молитвы. Вы спрашиваете: зачем так много молитв. Посмотрите, дорогие дети, и вы увидите, как велик грех, овладевший миром. Молитесь о победе Иисуса».

И опять: что — Бог не может победить, если мы Ему же не будем молиться о Его победе? Да и вообще — получается, что власть греха, поработившего мир, может, значит, отступать уже и от одного напора наших молитв, зависит от того, сколько и как мы молимся? Но как это может быть, как это понять?

А вот так и понять. Да, зависит. Да, может. Да, нуждается...

Все дело, однако, в том, что для того, чтобы это понять, нужно помнить, что молитва, о которой говорит в Своих Посланиях Богородица, — это, конечно же, вовсе не тот знакомый или, по крайней мере, понятный, наверное, чуть ли не каждому чисто субъективный психологический акт, когда человек, произнося и повторяя какие-то свои или «положенные» молитвенные слова, просто вводит себя в соответственное («религиозное») эмоциональное состояние, никуда за пределы этой заданной чисто эмоциональной настроенности и не выходящее, в них все время и пребывающее. Так действительно чаще всего представляет себе молитву девственное «нормальное» сознание «нормального» современного человека, и такой она действительно достаточно часто бывает.

Но та молитва, о которой говорится — и только и может говориться — в Посланиях Богородицы; та молитва, настойчивый призыв Богородицы к которой действительно способен поставить в тупик обычный «здравый смысл» современного человека, — это нечто совсем другое. Это прежде всего подлинный ***мистический*** акт.

Это тот особый мистический акт веры, то особое состояние и действие верующего человека, которое имеет отнюдь не только субъективную психологическую, но обретает и объективную мистическую природу, начинает обладать своими особыми мистическими возможностями и своей особой мистической силой.

Верим мы или не верим в возможность и реальность *такой* — мистической — молитвы, — это совсем другой вопрос. И он может быть решен, повторим еще и еще раз, только свободным решением сердца каждого.

Но *понять* то, что говорит о молитве в Своих Посланиях Богородица, невозможно, не уяснив прежде всего именно эту исходную парадигму. Речь о молитве — истинной, настоящей молитве (**«молитве сердцем»**, как постоянно подчеркивает это ее отличительное качество Богородица) — в Ее Посланиях идет всегда именно в этом и только в этом смысле — как о некоем совершенно определенном и необыкновенно важном для человека мистическом событии.

Потому что *суть* этого события в том, что подлинная молитва — это всегда не что иное, как ***«встреча с Богом»***.

Эта формула в применении к молитве употребляется в Посланиях Богородицы не просто постоянно. Она у Нее — важнейшая, ключевая. И смысл ее — вовсе не метафорический. Но если попытаться как-то более или менее внятно определить, описать, обозначить ту общую природу молитвы, которая вырисовывается из всего, что Богородица говорит о ней, то, пожалуй, лучше всего будет прибегнуть все-таки к языку тех уподоблений, которые проще будет понять современному человеку. И тогда можно, пожалуй, сказать, что о подлинной, сердцем, молитве Она говорит всегда как о своего рода особом, незримом и неслышимом, но тем не менее абсолютно реальном «канале связи» между человеком и Богом, между Землей и Небом, между тем, кто молится, и Тем, Кому

молятся и Кто действительно в этот момент не только незримо и таинственно присутствует, но так же незримо и неслышимо, но реально, действительно, общается с молящимся. Потому-то, кстати, в своих наставлениях тем, кого Она ведет в молитве, Богородица так часто и говорит, что они должны научиться ***чувствовать*** и ***слышать*** Бога во время молитвы, вести с Ним ***диалог***, пытаться ***понять*** Его.

Вот как все это выражено, например, в Послании, которое Богородица передала 10 сентября 1984 через Елену Василь для созданной по Ее совету молитвенной группы:

«Дорогие дети, вы должны понять, что вы должны молиться. Молитва это не пустяк. Молитва — эти диалог с Богом. Вы должны слышать голос Бога в каждой молитве» (П-104).

И через месяц, 20 октября, снова:

«Когда вы молитесь, вы должны молиться больше (...) Молитва — это не пустяк. В действительности, молитва — это диалог с Богом» (там же).

А вот и через три, и через четыре года:

«Призываю вас к особенной молитве сердцем так, чтобы ваша молитва была встречей с Богом» (25.12.87);

«Призываю вас к молитве, потому что в молитве вы встречаетесь с Богом» (25.11.88)...

Добавим к этому, что в Своих Посланиях Богородица постоянно говорит и о том, как дано молящемуся реально ощутить эту мистическую встречу с Богом. И тем самым получить как бы своего рода удостоверение в том, что молитва его действительно вышла на этот высший свой, горний уровень и встреча его души с Небом — состоялась. Так, особенно настойчиво указывает Она всегда в этой связи на то особое чувство *радости*, которое должна приносить и приносит молитва, достигая этой высшей своей точки, этой главной своей цели. Это тоже — одна из самых стержневых, сквозных Ее тем на протяжении всех 22-х лет Ее общения с видящими, которых Она учит молиться и которым так важно поэтому знать и помнить об этом вернейшем признаке истинности их молитвы.

1987 г.: ***«Я хочу, дорогие дети, чтобы молитва была для вас радостью встречи с Господом. Я не могу вас вести до тех пор, пока вы не почувствуете радость молитвы»*** (14.08);

1992 г.: ***«...еще раз примите Мой призыв и снова начните молиться до тех пор, пока молитва не станет радостью, потому что тогда вы откроете, что Бог Всемогущий присутствует в вашей повседневной жизни»*** (25.05);

2000 г.: ***«Деточки, молитесь непрерывно, пока вам молитва не станет радостью»*** (25.03);

«Ежедневно молитесь Богу, пока вам молитва не станет радостью встречи с Ним» (25.04.2000);

2001 г.: ***«Когда вы устали и больны и не видите смысла жизни, берите Розарий* и молитесь; молитесь до тех пор, пока молитва не станет для вас радостной встречей с вашим Спасителем»*** (25.04)...

---

* Что такое молитва Розария (по четкам) — см, ниже, во 2-ой части очерка о. Анри Мартена.

И, наконец, 2002 год — одно из самых последних Посланий, от 25. 07. Мы снова слышим:

«Деточки, молитесь, пока молитва не станет для вас радостью»...

Эти призывы и советы — важнейшие, может быть, из всех Ее наставлений о молитве. Потому что, как это вытекает из всего, что Она говорит о молитве, только тогда, когда молитва достигает своей высшей цели и становится радостным реальным мистическим событием невидимой встречи с Создателем, таинственным внутренним диалогом с Ним, — только тогда она и обретает свою реальную мистическую силу и свои особые мистические возможности. Ту силу и те возможности, которыми и объясняется, почему именно в молитве Богородица видит главное, первейшее духовное оружие, лишь овладев которым Ее избранники и способны будут выполнить великую возложенную на них Богом миссию в создании в Междугорье «оазиса мира» и в осуществлении «большого Божьего плана спасения человечества». Потому что это действительно совершенно особые, исключительные возможности — возможности, которыми обладает только молитва, ставшая встречей с Небом, которые рождаются только этой ее благодатной природой.

Так, во-первых, в своих Посланиях Она все время и настойчиво напоминает о тех плодах истинной молитвы, которые с несомненностью свидетельствуют, что именно в молитве и через молитву, именно через таинственные мистические возможности этого «канала связи» между Небом и Землей молящиеся только и могут получить действительно полное, настоящее, благодатное ***знание*** о самых важных для них вещах, о том, что им нужно делать и как жить, — то знание, которое именно и необходимо им, чтобы выполнить свое призвание. И которое никаким иным способом не может быть ими получено. Причем крайне показательно, что это касается даже и собственных Богородицы к ним слов и обращений, хотя Она-то уж как будто с предельной внятностью разъясняет им всегда, чего Она от них хочет.

И все-таки даже и Ее объяснения и призывы по-настоящему они поймут, повторяет и повторяет Она, только через молитву.

Как и то, зачем Бог послал Ее к ним.

Как и вообще все то, что связано с их ролью в Божьем плане.

«Знайте, дорогие дети, что во время молитвы Бог дарит вам особую благодать. Поэтому просите и молитесь, чтобы вы могли понять все, что вам здесь даю (...) Знайте, что без молитвы вы не сможете понять всего того, что Бог желает осуществить через каждого из вас. Поэтому молитесь!» (25.04.87);

«Молитесь дети, чтобы вы были все ближе ко Мне и поняли в молитве то, чего от вас желаю» (25.07.92);

«Если будете молиться, Бог поможет открыть настоящую причину Моего прибытия» (25.06.91);

«Молитесь, молитесь, молитесь, чтобы вы могли понять все то, что Бог дает вам Моим приходом» (25.09.92);

«...молитесь сердцем. Потому что тогда вы поймете Мое призвание и Мое горячее желание помочь вам» (25.07.93);

«Только так вы откроете Бога и все то, от чего вы далеки сейчас. Поэтому молитесь, дорогие дети» (25.11.92);

«Вы не можете понять того, насколько велика ваша роль в Божьем плане. Поэтому, дорогие дети, молитесь, чтобы в молитве вы могли понять план Божий относительно вас» (25.01.87)...

Так можно обозначить первую причину, по которой Послания уделяют такое внимание молитве. Молитва — это диалог с Богом и потому — мощный источник истинного знания, необходимого тем, кого призвала Она стать «радостными вестниками мира и любви».

«Молитва означает понимание Бога. Молитва необходима, потому что после нее все становится ясно. Молитва дана для осознания счастья. Молитва дана для понимания слез. Молитва дана для познания прогресса. Молитва — это не пустяк» (П-104).

Но обладая, как учит Богородица, такими исключительными возможностями благодатного познания благодаря тому, что становится «встречей с Богом», «молитва сердцем» не может, очевидно, тем самым не стать источником благодатной помощи человеку и во всем остальном, истинно для него важном. Не только в познании, но и в осуществлении того, что понято. В самой жизни. В ее преображении. Даже в самой способности чувствовать любовь Господа и его Пречистой Матери. И тем более — жить ее Посланиями.

И это действительно так, утверждает Богородица. Эта таинственная благодатная сила молитвы в преображении самой жизни молящегося — вторая постоянная, стержневая тема, которая проходит через все Ее Послания, в которых Она призывает к молитве «сердцем» и объясняет, что такая молитва способна дать.

«Только с помощью молитвы вы можете понять, принять и осуществить в жизни Мои Послания» (25.08.93);

«Без молитвы, дорогие дети, вы не сможете почувствовать ни Бога, ни Меня, ни любви, которую вам даю. Поэтому призываю вас начинать и заканчивать день молитвой (...) чтобы изо дня в день вы все больше возрастали в молитве, но вы не сможете возрастать, если не будете молиться. Призываю вас, дорогие дети, чтобы молитва в вашей жизни была на первом месте» (03.07.86);

«Господь желает особенно очистить вас от всех грехов вашего прошлого. Вы, дорогие дети, не можете сами этого сделать, поэтому Я нахожусь здесь и хочу помочь вам в этом. Молитесь, дорогие дети! Только таким образом сможете понять все зло, которое еще есть в ваших душах, и отдать его Господу, чтобы Господь мог полностью очистить ваши сердца. Поэтому, дорогие дети, молитесь неустанно и приготавливайте сердца покаянием и постом» (04.12.86);

«Я желаю вести вас к молитве сердцем, потому что только тогда вы поймете, как пуста ваша жизнь без молитвы. Вы откроете смысл своей жизни, когда откроете Бога, Бога в молитве. Поэтому откройте, дорогие дети, двери своего сердца, чтобы понять, что молитва — это радость, без которой вы не можете жить» (25.07.97);

«Нельзя жить без молитвы. Молитва — это жизнь» (10.09.84);

«Поэтому, дорогие дети, я желаю (...) чтобы молитва стала вашей повседневной духовной пищей» (25.01.92)...

И, наконец, третья сквозная тема Посланий, обращенная к благодатной силе молитвы. На протяжении всех 22-х лет своей междугорской миссии Богороди-

ца не устает напоминать своим детям о том, что точно так же, как молитва способна стать мощной силой их собственного духовного и жизненного преображения, — точно так же она обладает великой силой воздействия и *во вне*, может и в жизни всего мира вызывать решительные, кардинальные изменения. Так, уже в июле 1981 г., во время первых Ее явлений, дети услышали от Нее такие, например, поразительные слова:

«Пост и молитва могут предотвратить даже войну» (21.07).

А вот даже и более категоричные формулы, с которыми мы тоже постоянно встречаемся в Ее Посланиях:

«Без молитвы нет мира. Поэтому, дорогие дети, молитесь о мире перед крестом» (06.09.84);

«Только молитвой и постом можно предотвратить войну» (25.04.92).

И через десять лет, с приходом нового века и тысячелетия, опять Она напоминает:

«Вновь Я повторяю вам: постом и молитвой даже войны могут быть остановлены — войны вашего неверия и страха перед будущим» (25.01.2001).

Мало того — читая Послания, мы не раз можем видеть, как эта общая тема войны и мира в какой-то момент начинает вдруг обретать совершенно конкретный жизненный характер и выстраивается, если можно так выразиться, в некий очевидный «сюжет» — сюжет, который может служить как бы своего рода прямой жизненной иллюстрацией и конкретным подтверждением этих решительных формул.

Так, 12 июля 1984 г. видящие услышали от Богородицы:

«В эти дни сатана желает повредить Моим планам. Молитесь, чтобы его план не мог осуществиться»

Через месяц Она опять призывает их:

«Дорогие дети! Молитесь, потому что сатана все еще желает нарушить Мои планы. Молитесь сердцем и в молитве приносите себя в дар Иисусу» (11.08.8).

А еще через два дня Она неожиданно является Ивану Драгичевичу, когда тот молится дома, и просит, чтобы он передал миру следующее послание:

«Я хотела бы, чтобы мир молился в эти дни со Мной. И по возможности больше! Чтобы строго постились в среду и пятницу, чтобы молились каждый день на Розарии — радостные, скорбные и славные тайны» (14.08.84).

При этом Пресвятая Дева пожелала, чтобы это Послание было принято с непреклонной волей. Особенно просила Она об этом прихожан и верующих из ближайших местностей.

И вот через полтора месяца, 27 июля, видящие услышали от Нее:

«Дорогие дети! Вы помогли осуществиться Моим планам своими молитвами. Молитесь и впредь, чтобы Мои планы постоянно осуществлялись».

А вот Послание от 25 октября 1993 г. Не без упрека напомнив видящим, что все эти годы Она призывала их к молитве и к жизни так, как Она их учила, но они мало осуществляли в жизни Ее Послания, Богородица замечает:

«Вы говорите, а не живете ими. Поэтому, Мои возлюбленные дети, эта война продолжается так долго».

И напротив — в феврале следующего года они слышат:

«Дорогие дети! Сегодня благодарю вас за ваши молитвы. Вы все помогли Мне, чтобы эта война закончилась как можно быстрее. Я рядом с вами и молюсь за каждого из вас, но прошу вас: молитесь, молитесь. Молитесь, потому что только молитвой мы сможем победить зло и защитить все то, что сатана хочет уничтожить в вашей жизни» (25.02.94)...

Вот эти и в самом деле поразительные формулы и «сюжеты» Посланий в особенности, конечно, не приспособлены к восприятию их современным «эвклидовым», как сказал бы Достоевский, умом. Умом не только какого-нибудь закоренелого атеиста или просвещенного агностика, не желающего выходить за границы рационально понятного, но и многих нынешних верующих, давно уже живущих в подспудной уверенности, что всякого рода чудеса и мистика — это в лучшем случае дела давно минувших дней, область мифов и преданий. Неужели, действительно, и сегодня, в наш-то трезвый и страшный век со всеми колоссальными его арсеналами и возможностями насилия, смерти, разрушения, сила наших молитв и нашего поста так велика? И как, действительно, понять Богородицу, когда Она говорит видящим, что изо дня в день передает их дары и молитвы Богу для спасения мира? Каким образом, в каком смысле Она их «передает» и почему, чем, в каком качестве нужны они Богу для этой цели?

Почему, зачем, в каком смысле и как именно все это может происходить — никакого внятного нашему «эвклидову» разуму ответа на все эти вопросы, конечно, нет и не может быть. Просто потому, что здесь мы упирается в вещи и сферы бытия, еще со времен Канта объявленные для «чистого разума» запретными и не могущими быть ему доступными.

Но все-таки в пределах пусть самого далекого и общего приближения к истинам этого ноуменального мира мы какими-то возможностями, конечно, располагаем. И не можем не располагать. А в этих пределах все то, что говорит Богородица о способности молитвы остановить даже войну, все-таки трудно понять иначе, чем в том смысле, что когда молитва становится встречей с Небом, «каналом связи», через который Бог нас просвещает и помогает нам в нашем духовном возрастании, она может становиться, очевидно, каналом и как бы *обратной* связи. «Каналом», посредством которого и наш молитвенный призыв, наша молитвенная просьба, то, о чем мы горячо и страстно молим, тоже способны, переходя в запредельный мир, становится некоей особой мистической энергией и силой, обладающей своим самостоятельным значением в той недоступной нашему видению и пониманию великой мистерии смертной борьбы между Добром и Злом, между Богом и дьяволом, которая закрыта от нас в своей горней природе, но о которой так выразительно говорят и Ветхий Завет, и Евангелия, и вот теперь — в Своих Посланиях — Богородица. И именно этим, именно этой высшей мистической своей силой и энергией людские молитвы и нужны Богу — именно как оружие в Его смертной борьбе с сатаной. Оружие тем более действенное и сильное, чем сильнее, искреннее, пламеннее наша «молитва сердцем». Каким образом переходит наша молитва в такое оружие, как использует его Бог — это опять-таки все вопросы, нам неподвластные. Но не будь это так по существу, не обладай молитва именно такой реальной живой силой, имей в виду Богородица какой-то иной смысл всех этих удивительных формул, вряд ли так настойчиво повторяла бы Она:

«Дорогие дети! Призываю вас к тому, чтобы вы все молились об осуществлении планов Божиих, касающихся вас, и обо всем том, что Бог желает осуществить с вашей помощью (...) Без вас Бог не может осуществить то, что желает» (30.01.86);

«Дорогие дети, без вас Я не могу помочь миру» (28.08.86);

«Мне постоянно необходимы ваши молитвы (...) Молитесь о победе Иисуса» (13.09 84);

«Только один Розарий может совершить чудо на свете и в вашей жизни» (25.01.91);

«Дорогие дети, Я хочу, чтобы вы поняли серьезность ситуации и то, что многое из того, что может случиться, зависит от вашей молитвы, а вы мало молитесь. Дорогие дети, Я с вами и призываю вас к тому, чтобы вы с серьезностью начали молиться и поститься...» (25.07.91);

«И сегодня призываю вас к молитве так, как никогда с тех пор, когда начал осуществляться Мой план. Сатана имеет силу, хочет препятствовать осуществлению планов мира и радости (...) Поэтому призываю вас всех к тому, дорогие дети, чтобы вы молились и постились с еще большей силой (...) чтобы с вашей помощью осуществить то, что Я желаю осуществить...» (25.08.91);

«Мне нужны ваши молитвы» (30.08.84);

«Мне нужны ваши молитвы» (16.01.86);

«Мне нужны ваши молитвы» (25.11.91)...

Отметим кстати, что в Посланиях Богородицы говорится и о возможности другой благодатной направленности той энергии, той силы молитвы, о которой Она чаще всего говорит применительно к проблеме спасения мира на Земле. Так, один из Ее призывов, которые тоже постоянно звучат на протяжении всех этих лет, — к молитве за грешников. Как тех, кто здесь, на Земле далек от обращения и лишь укрепляет собою общий грех мира, так даже и о тех, кто ждет еще окончательного решения своей участи в потустороннем мире.

«Дорогие дети! Призываю вас снова к молитве сердцем. Если, дорогие дети, вы будете молиться сердцем, растает лед в сердцах ваших братьев и исчезнут все препятствия. Обращение станет возможным для всех, кто захочет принять его. Это дар, о получении которого для своего ближнего вы должны молиться» (23.01.86);

«Дорогие дети, сатана имеет большую силу, и потому Мне нужны ваши молитвы, чтобы вы посвятили их Мне за тех, кто находится под его влиянием, — для того, чтобы они могли быть спасены» (25.02.88);

«Молитесь, молитесь за них. Не ждите... Необходима ваша молитва и ваше покаяние» (20.04.83);

«Сегодня Я обрадована и благодарю вас за молитвы. Молитесь в эти дни еще больше об обращении грешников» *(02.08.84);*

«Дорогие дети! Сегодня хочу призвать вас молиться каждый день за души, страдающие в чистилище. Каждой душе нужна молитва для того, чтобы быть ближе к Богу и к Божьей любви» (06.11.86)...

Но, как видим, и все эти обращения и призывы молиться за грешников тоже имеют в виду все ту же особую, таинственную действенность молитвы,

которую она обретает, когда становится «встречей с Богом», и которой подвластны даже и войны. А потому и здесь эта действенность полностью зависит именно от интенсивности и искренности самой молитвы как мистического акта истинной и страстной веры.

Здесь уместно будет, впрочем, оговорить, что в самих Посланиях никаких подобного рода определений и терминов, никакой, так сказать, «теории» молитвы мы, разумеется, не найдем. И ясно — почему. Ее Послания — это простые, доступные всем и призванные быть внятными каждому верующему, вплоть до крестьянского подростка, обращения, советы и наставления, а не философско-богословские трактаты и лекции, уясняющие слушателям метафизический смысл тех или других Ее призывов. И рассчитаны они на то, что и приниматься они будут теми, кто их примет, вовсе не потому, что они найдут в них какие-то понятные нашему земному разуму и воображению разъяснения на тот, например, счет, почему для упрочения мира на Земле непременно нужно именно *молиться* об этом. Послания и призывы Богородицы принимаются актом *веры*, а не *знания*, и безусловная истинность их для христиан, которые в них верят и их принимают, куда несомненнее, чем истинность любого земного знания. Несомненнее именно потому, что то, что в них говорится, говорит *именно Богородица*, Посланница Бога, которой открыт весь Божественный Космос со всеми действующими в нем силами и тайнами, не доступными земному знанию. И это — высшая «гарантия», что и учит Она, следовательно, именно тому, что действительно имеет место быть (как бы ни было это трудно понять нашему земному «эвклидову» уму) и что действительно нужно делать. Как для того, чтобы самим духовно развиваться и возрастать, так и для того, чтобы спасти мир на Земле и чтобы греха в мире стало меньше. Другими словами, чтобы *принять* все то, чему Она учит и в чем наставляет, никакая «метафизика», как-то разъясняющая эти наставления и призывы, не нужна: более чем достаточно, что этому учит — *Она*.

Однако если мы хотим все-таки — хотя бы и в доступных нам пределах — как-то еще и *понять* то, что происходит в Междугорье, хотим составить себе более или менее определенное *представление* о том, в чем смысл и цель появления там Богородицы, какова роль видящих в осуществлении большого Божьего плана спасения человечества и почему такое значение для осуществления этого плана Она придает их молитве, — в этом случае без обращения к той «метафизике», которая лежит, несомненно, в основе всех этих очень простых, внятных любому верующему призывов Ее и наставлений, нам уже, конечно, не обойтись. И прежде всего — без «метафизики» молитвы как некоего особого и очень важного мистического акта, без метафизики, которая — опять-таки в доступных нам пределах — только и способна объяснить, почему Богородица так настаивает все время на первейшей необходимости молитвы. И почему именно на этом пути только и открываются, как Она утверждает, возможности для Ее детей и выполнить возложенную на них Богом великую роль в осуществлении Его большого плана спасения человечества, и самим обрести подлинный смысл жизни, приблизиться к Небу.

Мы видели, что это так, во-первых, потому, что только через молитву как особое и таинственное мистическое событие встречи с Богом они могут полу-

чить истинное *знание* и своей роли, и того, что им нужно для исполнения ее делать, и вообще всего того, чего хотят от них Она и Ее Сын.

Мы видели, во-вторых, что это так и потому, что только через молитву может придти к ним благодатная помощь и в *реальном преображении самой их жизни* — в том их духовном возрастании, без которого ни свидетельская, ни миссионерская миссия их не будут ими осуществлены, ни истоком «оазиса мира», теми, из чьих сердец мир «потечет, подобно реке, по всему миру» (25.02.91), не сумеют они стать, ни личное спасение и истинная самореализация не будут ими достигнуты.

И мы видели, наконец, в-третьих, что только глубокой, непрерывной, страстной «молитвой сердцем» они могут и предотвратить войну, и сорвать планы сатаны по уничтожению человечества, и содействовать обращению и спасению грешников — вообще *реально помочь Богу и Богородице в осуществлении Их планов на Земле*, отдавая Им всю энергию и силу своего молитвенного служения и жертвенных даров поста и отречений для благодатного использования этой силы в той великой и страшной мистерии борьбы Неба с мировым злом, от исхода которой зависит все.

Вот почему — ***«Молитесь, молитесь, молитесь!!!»***

Вот почему — ***«молитва — это не пустяк».***

Вот почему однажды Она сказала даже так:

«Не удивляйтесь, что все время говорю: молитесь, молитесь, молитесь. У меня больше нечего вам сказать» (П-21).

А однажды даже и так:

«Христиане, которые не молятся, могут считать себя неверующими» (П-51).

* * *

Итак, молитва необходима, ***«Без вас Бог не может осуществить то, что желает», «...без вас Я не могу помочь миру»...***

Мы видели, как настойчиво повторяет это в своих Посланиях Богородица и какая таинственно обнадеживающая реальность имеется в виду за всеми этими категорическими утверждениями, когда они подразумевают прежде всего реальную роль и силу молитвы в мировом процессе.

Но есть во всех этих решительных формулах и еще один — и важнейший — смысловой слой, связанный с темой, которая тоже поднимается в Посланиях Богородицы постоянно и которая для понимания того, что происходит в Междугорье, имеет тоже очень важное, даже, можно сказать, принципиальное значение.

4. Свобода

С 1 марта 1984 года Богородица стала давать Послания по четвергам. Но 26 апреля никакого Послания почему-то не было, и через три дня Мария Павлович спросила Ее: «Дорогая Госпа, почему в четверг не было дано никакого Послания для прихода?»

Богородица ответила:

«Я не хочу принуждать никого к тому, чего он сам не чувствует и не желает, несмотря на то, что у Меня были особые Послания для прихода. Я хотела пробудить веру в каждом верующем. Но только небольшая часть лю-

дей приняла четверговые Послания. Вначале их приняли многие, но затем Послания стали для них обыденными. И сейчас, в последнее время, некоторые спрашивают о Посланиях из любопытства, а не потому, что набожны и верят в Моего Сына и Меня» (30.04.84).

Многие прихожане были потрясены этими словами Богородицы и некоторые даже решили, что Она не хочет больше давать приходу Свои Послания. Но 10 мая Она подтвердила Свое желание вести приход и дальше, и хотя и позднее тоже были некоторые перерывы в передаче Посланий по четвергам, однако в целом этот порядок твердо соблюдался до 1987 года, когда, начиная с января, Она стала давать Послания через Марию Павлович уже только раз в месяц, 25-го числа.

И тем не менее то, что Она сказала Марии Павлович 30 апреля 1984 года о Своем нежелании принуждать кого-либо следовать за Нею, было отнюдь не просто сугубо конкретной Ее реакцией на конкретную же ситуацию, сложившуюся тогда в приходе. В этих словах Ею был очень четко обозначен важнейший исходный принцип всей Ее миссии, и в течение всех прошедших 22-х лет Она этому принципу не только строго следовала, но и постоянно напоминала о нем и видевшим, и всем, к кому через них обращалась.

«Дорогие дети, знайте, что люблю вас безмерно и хочу, чтобы каждый из вас был Моим. Но Бог наделил каждого из вас свободой выбора, которую Я с любовью ценю. В смирении принимаю вашу свободу» (25.11.87);

«Бог посвящает и отдает вам Себя. Но Он хочет от вас, чтобы вы свободно ответили на Его призыв» (25.11.98);

«Без вас Бог не может осуществить то, что желает. Бог всех одарил возможностью выбора, и вы сами распоряжаетесь своей волей» (30.01.86);

«Я хочу, чтобы ваши решения были независимы перед Богом, так как Он дал вам свободу выбора» (25.11.89).

Вот, стало быть, еще один — и, как видим, важнейший — смысловой план всех тех напоминаний Богородицы Своим детям, о которых уже шла речь в связи с Ее постоянными призывами к молитве, — напоминаний о том, что без них Она не может помочь миру, что Бог хочет от них полного Ему посвящения и т.д. И Бог, и Она без них, без их молитв не могут осуществить Свои планы спасения человечества не только потому и не только в том смысле, что их молитвы *реально нужны* для этого спасения, но еще и потому, еще и в том смысле, что без их свободной воли, без их желания ни Бог, ни Она не могут, как говорит Она в одном из Посланий (передаем в не очень удачном русском переводе) ***«использовать»*** их ***«средствами мира в этом неспокойном свете»*** (25.04.92). Их молитвы, их обращение, их посвящение себя Богу — это всегда их свободный выбор, свободный дар, и вот почему ***«без ваших молитв, дорогие дети, Я (...) не могу помочь исполниться Посланию, которое через Меня передает вам Господь.»*** (23.10.86). Вот почему ***«...каждый из вас, дорогие Мои дети, необходим в Моем плане спасения*** (25.05.93). Вот почему — ***«помогите Мне»*** (28.08.86).

Да, призывая Свой «избранный народ» на тот путь, который открывает Она перед ними, Богородица все время учит, что это — единственный, хотя и трудный, путь истинной жизни.

«Дорогие дети! Я ваша Мать и призываю вас к тому, чтобы вы приближались к Богу в молитве, потому что только Он — ваш мир и ваш спаситель» (25.09.93);

«Дорогие дети! Призываю вас к тому, чтобы ваша жизнь была связана с Богом Создателем, потому что только тогда она приобретет смысл и вы поймете, что Бог — это любовь. Бог посылает Меня к вам из любви, чтобы Я помогла вам понять, что без Него нет ни будущего, ни радости, а прежде всего нет вечного спасения» (25.04.97);

«Пусть сатана не обманывает вас с помощью материальных вещей, но, дорогие дети, решитесь посвятить себя Богу, который и есть свобода и любовь. Выберите жизнь для своей души, а не смерть (...) призываю вас к тому, чтобы вы решили избрать такую жизнь, которая расцветет Воскресением...» (25.03.96);

«Вы легко теряетесь в материальных и человеческих вещах и забываете о том, что Бог является вашим самым верным другом» (25.02.92);

«Когда Бог с вами, вы имеете все, а когда не желаете Его — вы чувствуете себя жалкими и потерянными и не знаете, на чьей вы стороне находитесь» (25.12.91);

«Я хочу, чтобы вы поняли, что эта жизнь коротка по сравнению с вечной жизнью на Небе (...) Я желаю вашего спасения и того, чтобы вы были ближе ко Мне и к Небу» (27.11.86);

«Дорогие дети! Не забывайте, что вы здесь, на Земле, на пути к вечности и что ваш дом на Небесах» (25.07.2000).

Но все эти призывы, объяснения и обращения потому и призывы, потому и обращения, что адресованы свободной воле тех, кого призывают и к кому обращаются. Это всегда ситуация выбора и только выбора. Именно об этом говорит всегда Богородица, именно этого ждет от Своих «детей», и потому-то *каждое* из Своих Посланий Она заканчивает неизменным: ***«Благодарю за то, что ответили на Мой призыв!»*** А говоря им о том, как и чем могут помочь им Бог или Она, никогда не оборачивает свои обращения императивом. Но:

«Я с вами и хочу принять вас в Свое Сердце и защитить, но вы еще не приняли решения. Поэтому, дорогие дети, Я хочу от вас молитвы, чтобы вы позволили Мне помочь вам через молитву» (25.01.92);

«...снова призываю вас к тому, чтобы вы решились посвятить себя Богу Создателю. Позвольте Ему преобразить и переменить вас (...) Детки, позвольте Святому Духу вести вас путем правды и спасения к жизни вечной» (25.05.98);

«Позвольте Ему преобразить вас и повести на путь мира и радости» (25.11.2002)...

Отсюда понятно, почему речь в Посланиях Богородицы всегда идет только о таком характере отношений между Нею и Ее миссионерами, между Богом и человеком, при котором, как сказал бы Николай Бердяев, Бог так же нуждается в человеке, как и человек — в Боге. Это отношения любви и сотрудничества, и именно так, теми же самыми, в сущности, словами не раз говорит об этом и Она Сама:

«...призываю вас, чтобы вы все вместе со Мной молитвой создавали новый мир. Я не могу этого сделать без вас и поэтому призываю вас с материнской

любовью, а остальное сделает Бог. Откройтесь Божьим планам и Его замыслам, чтобы вы могли трудиться вместе с Ним для мира и добра...» (25.12.92);

«...приглашаю вас работать еще больше для Бога и Его Царства с любовью и энергией Святого Духа» (25.08.2000);

«Бог открывается тому, кто Его ищет». (25.04.97).

В этой последней — очень точной, емкой формуле выражена, можно сказать, самая суть тех отношений любви и свободного сотрудничества, которые связывают Бога и человека и которым неизменно верна Богородица.

Да, Бог ***открывается*** тому, кто его ищет.

Но Он открывается ***тому,*** кто его ищет.

И вот здесь мы подходим к последнему витку той мистической пружины, движение которой явственно угадывается в развитии междугорских событий и которая подводит нас к кругу самых, может быть, интригующих вопросов, связанных с этими событиями, — вопросов, вызываемых тем, что Богородица является там уже более 20-и лет.

В какой-то мере этой темы мы уже касались, когда говорили о том, что факт этот впрямую связан, несомненно, с той частью Ее «плана», в соответствии с которой Она поставила перед своими детьми задачу свидетельствовать о Ее присутствии в их жизни и самой своей жизнью, своим непрерывным духовным возрастанием. А для того, чтобы такое свидетельствование могло иметь место и, будучи убедительным для всех, могло реально служить созданию в Междугорье «оазиса мира», призванного стать родником ***«обновления веры»*** в человечестве, его ***«обращения»*** (***«Единственное слово, которое Я пришла вам сказать, — это обращение всего мира»***...) — для этого необходимо, чтобы в продолжение какого-то времени имели место в очевидной всем взаимной связи и оба эти компонента процесса — и Ее присутствие в их жизни, Ее им явления, и их духовный рост.

Мы говорили и о том, что вместе с тем это долгое присутствие Богородицы в жизни видящих обусловлено, конечно, отнюдь не одной только самой по себе Ее заботой о той роли, которую предназначено им выполнить в «большом плане спасения человечества» самим фактом своего собственного духовного преображения. Мы отмечали, что в Посланиях Богородицы эта Ее забота о спасении мира совершенно неотделима от Ее материнской заботы и о самих избранных Ею детях, каждый из которых дорог Ей и сам по себе, независимо от своей роли свидетеля и миссионера — просто как Ее собственный сын или дочь, которых Она любит и которым хочет поэтому только самой лучшей человеческой судьбы — истинного духовного возрастания в вере и любви.

Наконец, мы говорили и о том, что эта задача личного преображения, поставленная Богородицей перед избранными Ею детьми, — психологически самая, конечно, для них трудная — как и для всякого человека. И что с этим, видимо, и связано то, что основное, превалирующее содержание Посланий Богородицы, различных Ее обращений к ним и бесед с ними на протяжении всех этих 22-х лет как раз и повернуто к теме их собственного духовного возрастания и преображения — как и духовного обращения всех, кто примет Ее Послания. Ведь все это вряд ли может быть интерпретировано как-то иначе,

чем как прямое выражение именно той безмерной Ее любви к людям и миру, о которой так часто говорят Ее Послания. Той истинной любви, которая потому и любовь, что выражает себя прежде всего через заботу о том, как *помочь* тем, кого любишь. И помочь именно там, где им особенно трудно. Потому-то, надо думать, Богородица, показав им путь жизни, путь истины, и не ограничивается этим, а стремится помочь им еще и в том, чтобы встав на этот путь, они сумели по нему идти и одолевать все трудности, которые их на нем ждут.

И вот теперь пришла пора чуть подробнее всмотреться в эти трудности, с которыми тоже, судя по всему, связан, стало быть, тот факт, что Она так долго остается в Междугорье. Дело в том, трудности эти впрямую и упираются как раз именно в тот принцип ***свободного*** сотрудничества Богородицы с избранными Ею детьми, вне которого междугорский феномен вообще не может быть правильно увиден и понят. А значит и сама эта беспрецедентная ситуация 22-хлетних постоянных явлений Богородицы на Земле тоже, стало быть, впрямую связана каким-то образом именно с тем фундаментальным обстоятельством, что Ее отношения с Ее миссионерами и свидетелями, как и вообще отношения между ними и Богом, — это отношения всегда, вот именно, **свободные.**

И это позволяет под новым углом зрения посмотреть на то, как представлена в Ее Посланиях ее междугорская миссия, увидеть некоторые новые ее ракурсы, важные для ее понимания.

5. Посредница между Богом и людьми. Школа обращения и молитвы.

Отметим, впрочем, что поверхностному взгляду эта связь между Ее долгим пребыванием в Междугорье и свободным характером Ее отношений со своими свидетелями и миссионерами может показаться и не столь уж очевидной.

В самом деле: ведь они же с самого начала знали, что совершенно свободны ответить или не ответить на Ее призыв — трудиться для создания в Междугорье «оазиса мира». И они с самого начала сказали Ей свое «да». Каким же образом в таком случае столь долгое Ее присутствие в их жизни может иметь одной из важнейших своих причин именно **свободу** их решения и выбора? Разве они не выбрали уже с самого начала? Или, может быть, они в течение этих 22-х лет все время колебались, то и дело забирали, так сказать, обратно свое «да», и Богородице, чтобы осуществить свой план «оазиса мира» и им самим дать возможность выйти на путь истинной жизни, приходилось снова и снова призывать их совершить свой выбор, принять решение помочь Богу и Ей?..

Действительно: вот, скажем, Послание от 5 июня 1986 года. Прошло уже почти пять лет с тех пор, как Богородица явилась своим детям. И вдруг:

«Сегодня призываю вас принять решение, желаете ли вы жить согласно моим посланиям, которые Я вам даю» (05.06.86).

Проходит еще почти шесть лет, и опять:

«Я с вами и желаю принять вас в свое сердце и защитить, но вы еще не приняли решения» (25.01.92).

Еще через четыре года:

«Дорогие дети, призываю вас к тому, чтобы вы (...) решились на обращение» (25.06.96).

Наконец, уже в новом веке и тысячелетии:

25.03.2001: ***«Выберите обращение и святость»;***

25.05.2001: ***«Обратитесь, детки»...;***

25.11.2002: ***«Дорогие дети! И сегодня призываю вас к обращению»...***

Как это понять? Прошло 5, 11, 15, 20 и более лет — а они все еще так и не обратились? Им все еще надо принять решение и выбрать?

И — да, и — нет.

«Нет» — потому что шестеро видящих действительно с самого начала дали Ей свое согласие, определились в своем выборе. И никогда потом от этого выбора не отрекались.

А «да» — потому что выбор и решение отдать себя Богу — это акт вовсе не одномоментный. Его нельзя совершить по принципу — раз и навсегда, хотя бы первая, начальная решимость и впоследствии никогда сознательно не подвергалась сомнению. Это невозможно именно потому, что человек — свободен, и его свобода всегда остается при нем. Ему от нее никуда не деться — даже если бы он этого очень захотел, и потому-то любое человеческое действие, хоть сколько-нибудь подвластное духовно-оценочному измерению, всегда и неизбежно совершается только в режиме *выбора* — выбора между разными в духовно-ценностном отношении возможностями своего осуществления. И религиозная жизнь человека, даже самого истового, глубоко и сильно верующего, — не только никакое здесь не исключение, но, напротив, непрерывное, постоянное пребывание именно в ситуации такого выбора. Это может казаться парадоксальным, потому что искренне верующий человек, когда-то уверовавший и остающийся верующим, тем самым больше не совершает уже как будто бы никакого выбора применительно к вере — верить, ему, например, или не верить. Однако в каждый данный момент качество и уровень его религиозной жизни, степень отданности ее Богу, удаленности ее от греха — это и есть то «да», которое он говорит Богу сегодня — его сегодняшний выбор и решимость, сегодняшняя его обращенность. Другими словами, решение отдать себя Богу — это решение и выбор, которые — в их реальном жизненном наполнении и содержании — так или иначе совершаются постоянно, каждомгновенно, в течение всей жизни*.

Теперь посмотрим, в какой ситуации оказались в этом отношении междугорские подростки, которым явилась Богородица и призвала их последовать за Нею. Ведь она призвала их не просто к религиозной жизни, в пространстве которой они плохо ли, хорошо ли, но и до Нее жили. И даже не просто к како-

---

* Вот в каком смысле и, употребляет, конечно, Богородица такие ключевые слова, как ***святость, обращение, посвящение.*** всякий раз, когда видящим требуется продвинуться еще на какой-то шаг в этом направлении или даже, может быть, и вернуться к тому, что было по каким-то причинам на какое-то время утеряно или ослаблено. Поэтому и через пять, и через десять, и через двадцать лет мы и можем услышать от Нее все то же: ***«Прошу вас, чтобы вы с сегодняшнего дня вступили на путь святости»*** (25.07.87); ***«Призываю каждого из вас к тому, чтобы с сегодняшнего дня вы могли начать вести такую жизнь, какую желает от вас Бог»***(25.03.87); ***«Эти дни — дни, когда Вы должны решить посвятить себя Богу, миру и добру»*** (25.01.93); ***«Дорогие дети, и сегодня призываю вас к обращению»*** (25.11.2002).

му-то упорядочению, укреплению, к какому-то обогащению этой жизни. Она призвала их, как помним, не к чему-либо, а — ***«стать настоящими апостолами веры», «апостолами любви и доброты»***. И это не кому-нибудь другому, а им сказала Она слова, заставляющие вспомнить евангельские времена: ***«Поймите, дорогие дети, что сейчас вы являетесь солью земли и светом мира«.*** И это к ним обращено то слово, которое мы цитировали уже из Ее Посланий, — слово ***святость.*** Слово, которое тоже звучит в Ее обращениях к своим детям постоянно:

«...призываю вас к святости. Без святости вы не можете жить...» (10.07.86);

«меняйте свою жизнь для того, чтобы вы были святы» (13.11.86);

«Я ваша Мать и хочу вести вас к полной святости» (25.06.87);

«Люблю вас и поэтому хочу, чтобы вы были святы. (25.07.87).

Речь идет, таким образом, действительно не о том вовсе, чтобы просто сказать однажды Богу «да», а о настоящем, ***полном*** обращении, о поистине ***полном*** посвящении себя Богу, ***полной*** отдаче себя Ему:

«Дорогие дети! Бог не желает видеть вас нерешительными и прохладными, но полностью посвящающими себя Ему» (20.11.86);

«Желаю вас всех, дорогие дети, призвать к полному обращению...» (25.06.1990)

Но задача такого уровня не проста и для человека духовного зрелого. Что же говорить о простых крестьянских подростках?! Подросткам, с первым же призывом Богородицы сразу оказавшихся к тому же еще и в той особо острой и опасной ситуации, о которой Она все время предупреждает своих детей — в ситуации особенно упорного и ожесточенного сопротивления любому их движению к Богу со стороны сатаны, который будет стремиться всеми силами сорвать смертельный для него план Богородицы в Междугорье? Она все время напоминает им, что сатана, который ***«имеет сильное влияние в мире»***(14.01.85) и ***«изо всех сил хочет склонить как можно больше людей к себе и к греху»*** (25.05.95), — ***«сатана неслыханно силен и всеми способами пытается воспрепятствовать Моим планам, которые Я начала осуществлять с вами»*** (14.01.85). Он ***«особенно хочет,*** — предупреждает Она, — ***разрушить ваши души, хочет увести вас как можно дальше от христианской жизни и заповедей, к соблюдению которых призывает вас церковь. Сатана хочет уничтожить все то, что свято в вас и в вашем окружении»*** (25.09.92). Он ***«подстерегает вас и хочет искушения каждого из вас»*** (07.08.86), хочет ***«господствовать над вами в ваших повседневных делах», «занять главное место в вашей жизни»*** (16.10.86), ***«нарушить спокойствие в ваших сердцах и ваших семьях»*** (25.01.94), ***хочет уничтожить надежду в ваших сердцах»*** (25.08.94) — ***«хочет вести вас путем зла»*** (25.07.93).

Конечно, он ***«не сможет этого совершить, если вы не дадите на это согласия»*** (5.07.93), — еще и еще раз напоминает Она им о том, что все зависит от них самих, ибо они свободны в своих решениях и выборе. А идти или не идти за сатаной — это тоже их свобода, тоже их и только их свободный выбор.

Однако в том-то и дело, что не дать ему своего «согласия» — это тоже совсем не простой и не одномоментный акт. И трудность такого отказа состоит вовсе не в том, что явится вот вдруг сатана собственной, так сказать, персоной,

начнет склонять на свою сторону, и вот тут и нужно сказать ему свое раз и навсегда «нет» (хотя и такое, как рассказывает Мария Павлович, однажды с нею было*)... Куда сложнее не поддаться на тот, как говорит Богородица, постоянный его ***«обман»***, на те ***«повседневные»*** его ***«искушения»***, внешне часто совсем даже как бы невинные, которые будет он предлагать, сам себя за ними вовсе и не обнаруживая. Именно здесь прежде всего и требуются от них усилия их свободной воли — усилия постоянного отвержения дьявольских искушений, которые все время подстерегают их, и все более полного обращения к Богу, все более полной отдачи ему. И это усилия совсем не пустяшные, очень и очень нелегкие, ибо требуются они всякий раз от воли, далеко еще не достигшей святости, обременной всем тем грузом человеческой греховности и слабости, от которого и вообще-то никому еще не удалось избавиться до конца, даже святым. Этот груз тоже «участвует» в каждом свободном выборе своим реальным, живым давлением, так что и в этом отношении если и нет для человека, как сказал бы Достоевский, ничего обольстительнее свободы, то нет ничего и мучительнее.

Вот для того, чтобы помочь Своим детям не поддаваться всем этим дьявольским искушениям, Она, как можно понять из Посланий, и осталась с ними.

Другими словами, Она осталась для того, чтобы помочь им действительно воплотить в жизнь тот изначальный, ими самими *свободно сделанный выбор*, то свободно сказанное ими Богу «да», которое не могло не потребовать от них своей постоянной и каждодневной реализации, то есть все новых и новых усилий и решимости их свободной воли. Поэтому можно сказать и так, что Она осталась, чтобы по свободному их согласию вести их в *собственной же их свободе*, помогая преодолевать ее трудности и соблазны.

Итак, Она осталась, чтобы, как следует из Посланий, практически повести видящих по тому трудному и непривычному для них пути святости, дав начальное согласие на который, они даже и не подозревали, сколько и каких усилий потребует от них это согласие.

«Дорогие дети, я нахожусь здесь так долго для вас — чтобы помочь вам жить всеми посланиями, которые передаю» (30.10.86)...

Но как можно это Ей осуществить, если все то, что нужно делать, чтобы не поддаться на искушения и шаг за шагом продвигаться по пути все более полного обращения, — все это должны делать именно они сами, все это имеет смысл и цену, только когда достигается решением и актом их собствененой свободы?

Очевидно, только одним способом. Только постоянно и внимательно наблюдая за тем, как пытаются осуществить они свое призвание, что происходит в их жизни, какие соблазны и искушения подстерегают их в тот или иной момент жизни, чего не хватает им и где сходят они с указанного пути, а где действительно по нему продвигаются. Наблюдая — и постоянно, изо дня в день напоминая, подсказывая им, что им на этом отрезке их жизни нужно делать, какие усилия своей свободной воли они должны предпринять, чтобы еще на шаг стать ближе к Ней и к Богу, продвинуться к святости, отречься от греха, победить слабость, избежать очередного искушения...

---

* См. рассказ Мирианы Драгичевич на стр. 269.

И вот именно это Она и делает непрерывно и неустанно в течение всех этих 22-х лет.

Она постоянно, изо дня в день учит их, как надо молиться, чтобы молитва действительно стала ***«встречей с Богом»***. Она повторяет и повторяет им, что для этого она должна быть не простым механическим повторением заученных слов, а ***«молитвой сердцем»***, и что молиться нужно до тех пор, ***«пока молитва не станет радостью»***.

Она учит их любви — учит тому, как обрести ***«силу любить каждого человека, который вам встречается на жизненном пути»*** (25.11.2000), и как научиться ***«слушать с любовью, молиться с любовью — и не только тогда, когда у вас есть затруднения или препятствия»*** (П-111, 29.11.84).

Она учит их прощать зло и любить тех,***«кто приносит (...) зло»*** (07.11.85), — ***«чтобы молитвой и собственной жизнью (...) уничтожить зло в других людях»*** и помочь ***«увидеть ложь, к которой прибегает сатана»*** (25.09.86).

Она учит их простоте — так, чтобы каждый из них стал ***«подобен ребенку, открытому любви Отца»*** (25.07.96) — ***«Если хотите быть очень счастливы, живите простой, скромной жизнью, много молитесь, не углубляйтесь в свои проблемы, а позволяйте Богу направлять вас»*** (П-18).

Она учит их полноте обращения, умению полностью вручить свою жизнь Богу, довериться ему, для чего обращение должно стать ***«заданием на каждый день, которое вы с радостью будете выполнять»*** (25.01.88).

Она учит их, как даже ***«боль и страдания принять с любовью — так, как их уже принял Иисус»*** (11.09.86).

Она учит их не только молиться, но и претворять молитву в жизнь — так, чтобы сама жизнь стала молитвой — ***«делами прославляйте Господа»*** (25.04.91).

Она учит их благодарности Богу Создателю за жизнь, которую Он им дал — ***«Пусть каждый ваш день будет наполнен благодарственной молитвой Господу за жизнь и за все, что вы имеете»*** (25.04.91), за ***«величие и красоту дара жизни»*** (25.01.90).

Она учит их видеть Бога повсюду — ***«Пусть пшеничные поля говорят вам о Божьем милосердии к каждому творению»*** (25,08.99), ***«Ищите мир в природе и откройте Бога-Творца, которого вы сможете поблагодарить за все творения»*** (25.07.2001); ***«Бог призывает вас каждым восходом солнца ранним утром к обращению и возвращению на путь правды и спасения»*** (25.09.98)

Она учит их, как переживать Литургию, которая должна быть ***«жизнью для вас. Поймите, что храм — дом Божий, место, в котором Я вас собираю и желаю указать вам путь к Богу»*** (25.04.88).

Она учит их, как жить со Священным Писанием, как читать его и размышлять над ним; она учит, как держать пост и как нести отречения, как и когда молиться, сколько времени уделять молитве каждый день и какие молитвы когда читать...

Она учит их всему, что может помочь им пройти тот путь, на который они встали, и практически, день за днем ведет их по нему Ее Послания — это непрерывная, постоянная школа молитвы, школа обращения; они наполнены прежде всего именно всем тем, чему Она, ***«Посредница между Богом и людьми»***, может их научить. Это реальное воплощение Ее миссии Любви и Ответствен-

ности — любви и ответственности Матери, Которой дети вручили свои судьбы и которых, открыв им путь к истине, Она уже не может бросить на этом нелегком пути, не помогая им каждый день воплощать свою свободу в новый шаг по направлению к Богу.

Вот эти постоянные Ее наказы, советы и наставления междугорским Ее «детям», эта постоянная, непрерывная школа молитвы и обращения, которую являют собою Ее Послания, и вызывают у многих, кто впервые знакомиться с ними, некое как бы разочарование — все время повторение одних и тех вещей, призывы к молитве, к посту, к чтению Священного писания, к исповеди и причащению, к молитве в семьях и т.д и т.п.. В интервью для журнала «Кретьен» этой темы коснулся, кстати, и один из видящих — Иван Драгичевич: «Люди говорят, что в Посланиях много повторений. Но для меня, — заметил он, — они всегда уникальны, каждый раз я читаю их внове» (ЭМ-8) И это понято: то, что для постороннего и очень поверхностного восприятия, не чувствующего особого характера этих Посланий, оборачивается лишь тематическим повторами и как бы «однообразием информации», для Ивана, как и для других детей Междугорья, — живая и часто поистине драматическая история их встреч и бесед с Богородицей. История, которую, опять же кстати сказать, было бы крайне интересно восстановить во всех ее деталях, внимательно проследив, с какими живыми обстоятельствами жизни каждого из видящих, всего междугорского прихода и даже мира было непосредственно связано то или иное из Посланий Богородицы, на какие вызовы междугорской и мировой реальности оно было ответом.

Но если в наши задачи не входит даже сколько-нибудь обстоятельное знакомство с всей конкретикой тех уроков, которые предлагают Послания как школа молитвы и обращения (всякий желающий может найти и другие пути к такой информации), то воссоздание детальной истории Посланий — это действительно уже задача для огромной специальной работы. Может быть, когда-нибудь она и будет выполнена — но труд для этого требуется огромный.

А вот то, что история эта временами обнаруживает действительно драматический — пусть оптимистически-драматический, но все же именно драматический характер, — это видно по Посланиям Богородицы даже и независимо от знания конкретных обстоятельств и поводов, с ними связанных. И понятно, что драматизм этот и есть прямое следствие и отражение огромной трудности той задачи, перед которой оказались в ходе осуществления междугорского «плана» не только свидетели и миссионеры Богородицы, но и сама Она.

Почему миссионеры — об этом уже говорилось, и это понятно: все усилия, которые требовались для того, чтобы идти по дороге святости, требовались от них самих, от их собственной свободной воли, далеко не всегда к этому готовой.

Рискнем предположить, что по этой же причине осуществление плана Богородицы оказалось не простым не только для визионеров.

Есть известная апория — если Бог всемогущ, то может ли Он создать такой камень, который Сам не мог бы поднять? И ответ: этот камень — человеческая свобода.

Что Богородица могла сделать, чтобы Ее дети действительно вступили на путь святости и пошли по нему?

Только, как уже говорилось, призвать их к этому, только пробудить в них жажду обращения и любовь к Богу Создателю и только показывать им на каждом шагу, что им надо делать для этого, как и где они отступают с этого пути и как могут исправить упущенное.

Но ведь делать-то все это всегда приходилось — и не могло не приходиться — им самим! Они сами должны были поднимать камень своей свободы, а Она даже благодать Господа не могла передать им, если не чувствовала ее реальной, а не на словах, ими востребованности — востребованности, подтвержденной реальными усилиями их обращения.

«Дорогие дети! Вы знаете, что Я желаю вести вас путем святости, но не хочу принуждать вас и делать вас святыми против вашей воли. Поэтому Я хочу, чтобы каждый из вас вашими небольшими отречениями помог себе и Мне, чтобы Я могла вести вас изо дня в день все ближе к святости» (09.10.86);

«С каждым днем Я все ближе к вам, хотя вы этого и не осознаете и не хотите признать того, что вы слишком мало связаны со Мной молитвой. Когда к вам приходят испытания и проблемы, вы говорите: где Бог, Мария? Но Я только жду вас и вашего согласия, чтобы отнести его Иисусу, чтобы Он мог одарить вас Своею благодатью (...) Я с вами и жду вас» (25.05.92)

«Дорогие дети, не могу вам помогать, если вы не живете Божьими заповедями, если вы не живете святой Литургией, если не избегаете греха» (25.10.93).

Все это — даже «небольшие отречения» — вещи психологически совсем не простые, и неумение, неопытность, а то и просто вызванное теми или иными житейскими обстоятельствами слабоволие, если и не вообще малодушное уклонение от их исполнения, — все это и сообщает истории отношений видящих (и шире — всего прихода Междугорья) с Богородицей и Богородицы с ними тот драматизм, который с очевидностью проступает на всем протяжении Посланий, образуя один из самых, может быть, пронзительных их «сюжетов».

Вот некоторые из эпизодов этого «сюжета».

Июнь 84-го года: ***«Я, ваша Мать, говорю вам о том, что вы слишком мало молитесь»*** (09.06)

Ноябрь: ***«Дорогие дети! Нет, вы не умеете любить и не умеете с любовью слушать слова, которые вам даю»*** (29.11).

Еще через несколько месяцев, уже в январе 85-го, Она снова и снова напоминает им: ***«Будьте терпеливы и настойчивы в молитвах! И не допускайте, чтобы сатана запугал вас (...) Будьте осторожны»*** (14.01).

А через три дня — ***«вы, дорогие дети, уснули в молитве и лишь некоторые из вас приходят на святую мессу. Продержитесь в дни искушений!»*** (17.01.85).

А еще через месяц Она даже вынуждена предупредить:

«Дорогие дети! Изо дня в день Я призываю вас к возрождению и молитве в приходе, но вы не принимаете этого. Сегодня призываю вас в последний раз. Сейчас Великий пост, и вы как приход во время Великого поста можете возжечь любовь к Моим Посланиям. Если вы не сделаете этого, то Я не буду их передовать вам. Бог позволяет Мне это» (21.02.85).

Июль этого же года: ***«Я желаю вас вести, а вы не хотите слушать Моих указаний»*** (25.07)

Апрель следующего: ***«Вы заняты материальными вещами и в материи губите все то, что Бог желает вам дать (...) Дорогие дети, посвятите себя Мне, чтобы Я полностью могла вас вести. Не занимайтесь материальными вещами»*** (17.04.86)

Май 87-го: ***«Дорогие дети, вы склонны грешить и без раздумья отдавать себя сатане. Призываю вас к тому, чтобы каждый из вас сознательно посвятил себя Богу и был против сатаны»*** (25.05).

И еще — и через два, и через три, и через пять лет:

«Я постоянно призываю вас, а вы находитесь еще далеко!» (25.10.89);

«Дорогие дети! Годами призывала вас и желала вам глубокой духовной жизни без излишеств, но вы так холодно принимаете Мои призывы» (25.12.89);

«Я с вами и хочу принять вас в свое сердце и защитить, но вы еще не приняли решения» (25.01.92)...

А март 1992-го года отмечен и вообще одним из самых горьких Ее Посланий:

«Я пришла к вам для того, чтобы вам помочь, и поэтому призываю вас к изменению вашей жизни, потому что вы идете путем несчастий и гибели. Когда Я говорила вам: обратитесь, молитесь, поститесь, объединитесь, вы приняли эти послания поверхностно. Вы начали жить ими, но потом отступили, потому что это было трудно для вас. Нет, дорогие дети, когда есть что-то хорошее, нужно это отстоять и не думать, дескать, Бог меня не видит, не слушает, не помогает мне. Так и вы из-за ваших незначительных дел отошли от Бога и от Меня. Я хотела создать в вас оазис мира, любви и доброты. Бог желал, чтобы вы своей любовью и с Его помощью совершили необыкновенное и стали примером. Но скажу вам следующее: сатана играет вами и вашими душами, а Я не могу вам помочь, потому что вы далеки от Моего сердца. Поэтому молитесь, живите согласно Моим Посланиям — и тогда увидите чудо любви Божьей в вашей повседневной жизни» (25.03.92).

Все это отнюдь не означает, конечно, что именно такого рода горькие упреки и констатации преобладают в Посланиях и выражают, так сказать, общую, итоговую оценку Богородицей того, что происходит в избранном Ею приходе. Они отражают драматические трудности этого движения — движения того «сюжета», который образуют в Посланиях взаимоотношения Богородицы с Ее детьми в процессе осуществления Ее междугорского «плана». Но хотя сюжет этот и полон драматизма, в целом, как уже сказано, он безусловно оптимистический. И это тоже отражено в Посланиях — как прямыми констатациями, так и той щедрой радостью и благодарностью, которой неизменно откликается Богородица на каждое, даже самое малое продвижение своих детей по пути их призвания.

«Сегодня Я обрадована и благодарю вас за молитвы» (02.08.84);

«Вы помогли осуществиться моим планам своими молитвами» (27.09.84);

«Дорогие дети! Сегодня хочу вам сказать о том, что вы много раз радуете Меня своей молитвой...» (04.10.84);

«Благодарю вас за то, что весь свой труд вы посвящаете Богу также и сейчас, когда Он испытывает вас в плодах вашего урожая. Знайте, дорогие дети, что Бог вас любит и потому испытывает. Приносите в дар Богу все трудности и не огорчайтесь» (11.10.84);

«Дорогие дети! И сегодня хочу поблагодарить вас за все дары, но поблагодарить в особенности тех, дорогих Моему сердцу, которые приходят сюда с радостью. Есть много прихожан, не слушающих Посланий, но благодаря тем, кто особенным образом близок моему сердцу, Я продолжаю передавать Послания для прихода. И в дальнейшем буду их передавать, потому что люблю вас и желаю, чтобы вы передавали Послания сердцем» (10.01.85);

«Благодарю всех, кто в своих семьях возобновил молитву» (18.03.85);

«Благодарю вас за то, что вы начали все чаще думать о славе Божьей в ваших сердцах. Сегодня — день, когда Я хотела перестать давать вам Послания, потому что некоторые не приняли Меня. Но приход все же совершил продвижения в молитве, и Я желаю передавать Послания...» (04.04.85 — Великий Четверг);

«Благодарю вас за каждое отречение, которое принесли мне в дар» (04.07.85);

«Хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали для Меня. Особенно молодежь!» (28.11.85)

«Я радуюсь за вас всех, находящихся на пути к святости» (24.07.86);

«Дорогие дети! Сегодня я радуюсь вместе с вами (...) Деточки, призываю вас, чтобы вы здесь вместе со Мной благодарили Бога за все милости, которые Он уделяет вам через Меня. Я хочу, чтобы вы поняли Мое желание создать здесь место не только молитвы, но и встречи сердец. Я жажду, чтобы сердца — Мое, Иисуса и ваши — преобразились в единое сердце любви и мира. Ради этого, деточки, молитесь и радуйтесь за все, что Бог творит здесь, несмотря на то, что сатана вызывает ссоры и непокой» (25.07. 99).

Прервем, однако, здесь цитирование, без которого представление об эмоциональном колорите Посланий было бы неверным и которое можно было бы еще продолжать и продолжать. Уже и приведенного достаточно, чтобы понять, почему Богородица уже в 1986 году могла сказать своим детям: *«Бог позволил Мне создать вместе с Ним этот оазис мира. Призываю вас к тому, чтобы вы оберегали его и чтобы этот оазис всегда был чист»*(26.06). И почему в Послании от 25 октября 2000 г. мы слышим от Нее уже и такие слова: *«В этом юбилейном году множество сердец открылось мне, и церковь обновляется в Духе. Я радуюсь вместе с вами и благодарю Бога за этот дар»...*

А потому Она и в 2001, и в 2002 гг. так же терпелива и неутомима, как и в начале своей миссии:

«Ваши сердца, дорогие дети, еще не открыты Мне...» (25.06.96);

«Дорогие дети, вы много говорите о Боге, но мало свидетельствуете о Нем своей жизнью. Решитесь, дорогие дети, на обращение...» (25.07.96);

«Детки, вы живете в то время, когда Бог дает вам большие милости, но вы не знаете, как ими воспользоваться. Вы заботитесь обо всем, но о душе и о духовной жизни в последнюю очередь. Проснитесь от тяжелого сна, в который погружена ваша душа и всеми силами скажите Богу «да». Выберите обращение и святость» (25.03.2001).

«Дорогие дети! Я ваша Мать, люблю вас и хочу призвать вас к молитве. Я неутомима, дорогие дети, и призываю вас даже и тогда, когда вы далеки от моего сердца. Я — Мать и переживаю за каждого, кто заблуждается, легко прощаю и радуюсь за каждого ребенка, который обращается ко мне» (14.11.85).

Как долго продлится эта ситуация, заставляющая Ее быть неутомимой даже и тогда, когда дети Ее далеки от Нее?

Дети этого не знают. Она — знает. И потому и просит их:

«...примите с серьезностью Мои Послания и живите ими, чтобы душа ваша не была печальной, когда Меня не будет больше с вами и Я не буду дальше вести вас как детей, не уверенных в своих первых шагах» (25.12.89).

И все же, судя по Посланиям, Она и сегодня нужна еще своим детям так, что оставить их Ей еще, видимо, не пришло время. Во всяком случае даже и одно из самых последних Ее Посланий — от 25 августа 2002 года — звучит все тем же знакомым:

«Дорогие дети! И сегодня Я с вами в молитве о том, чтобы Бог дал вам еще более крепкую веру. Деточки, ваша вера мала, и вы даже не сознаете, насколько вы, тем не менее, не готовы просить у Бога дар веры. Поэтому Я с вами деточки, чтобы помочь вам понять Мои послания и претворять их в жизнь. Молитесь, молитесь, молитесь...»

6. Небо и Земля. Тайны

Обзор Посланий Богородицы, почти нами законченный, был бы, однако, существенно не полным, если бы мы обошли все то, что и в Ее Посланиях, и в беседах Ее с видящими, и в Ее ответах на их вопросы, связано, во-первых, со строением Божественного Космоса, только в пространстве которого и обретают свой полный смысл все Ее призывы и обращения к людям Земли. Некоторых сфер жизни этого Космоса Она иногда и Сама в Своих призывах, ответах, объяснениях в какой-то мере касается, а иногда позволяет заглянуть в них и Своим детям. Во-вторых же, с этой темой впрямую связаны и все Ее предостережения, а отчасти и предсказания о будущем Земли. Полагаем, что только в рамках этой общей панорамы совершающегося и грядущего на Небе и Земле, рисуемой Посланиями, и можно получить более или менее адекватное представление о феномене Междугорья. А потому и предлагаем читателю познакомиться в завершение нашего обзора с небольшой подборкой тех наиболее важных материалов на эту тему, которые мы сумели извлечь из имеющейся в нашем распоряжении литературы.

1. Тайны и предостережения

а) Из проповеди о. Томислава Влашича в Пасхальное воскресенье 22 апреля 1984 года, Междугорье.

ДЕСЯТЬ СЕКРЕТОВ

Все провидцы говорят, что они видели рай и чистилище, четверо из них видели ад, а две девочки молили Пресвятую Деву не показывать им ад, так как они боялись. Эти провидцы говорят, что с самого начала Пресвятая Дева сказала им, что Она доверит им десять секретов для всех людей. К настоящему моменту восемь секретов уже известны Вицке, десять Мирьяне и девять всем остальным. Я думаю, что вы знаете имена всех детей, которым являлись видения: Вицка Иванкович, Иванка Иванкович, Яков Чоло, Иван Драгичевич, Мирьяна Драгичевич, Мария Павлович.

Эти провидцы говорят, что все эти десять секретов имеют отношение ко всему миру и последовательно связаны между собой. Имеются также и другие секреты, личные секреты для детей или для определенных людей, которые связаны с будущими событиями в мире. Среди десяти секретов есть обещание Пресвятой Девы оставить видимый знак на месте этих явлений в Меджугорье.

Провидцы говорят, что они видели этот знак в видении. Он красив, постоянен и неразрушим. Он будет здесь в Междугорье для всего человечества и много чудес будет с ним связано. Пятеро детей знают дату, когда он появится. Все они подчеркивают, что период до появления знака является периодом милости и укрепления веры.

Мирьяна рассказывает еще кое-что об этих секретах и о будущем мира. С Рождества 1982 г. ежедневно явления перестали посещать Мирьяну, так как в этот день она получила последний секрет для человечества, а также и даты, когда все эти секреты реализуются. В тот день Пресвятая Дева сказала: ***«Сейчас обращайся к Богу в вере, как и все другие люди. Я буду приходить к тебе в дни твоего рождения, а также тогда, когда тебе будет плохо в жизни»***. После этого Пресвятая Дева дважды появлялась перед ней в день рождения 18 марта 1983 и 1984 г. (Пресвятая Дева также являлась ей 25 августа и 13 сентября 1984 г.) Мирьяна говорит, что перед тем как появится видимый знак, мир узнает три секрета. Эти три секрета будут тремя предостережениями миру и будут раскрыты ей за три дня перед тем, как они наступят. Она скажет священнику, что должно произойти. После этих трех предупреждений появится видимый знак и после этого знака, если мир не будет обращен, придет наказание. Мирьяна говорит, что наказание непременно будет, так как бесполезно ожидать обращения всего мира, но оно может быть ослаблено.*

Она говорит, что седьмой секрет уже отменен, так как много людей молилось и соблюдало посты, хотя этот секрет должен был быть очень тяжким и должен был быть ниспослан миру за его грехи.

---

* «Предупреждения будут следовать одно за другим с короткими интервалами. Эти паузы позволят людям обратиться. Потом появится видимый знак, и ***«у тех, кто еще жив, будет немного времени для обращения»***, — сказала Божья Матерь» (ЭМ-13)

Послание весны 1983 г.: ***«Поторопитесь с обращением, не ждите обещанного знака. Для неверующих будет слишком поздно, чтобы обратиться. Вы, верующие, обращайтесь и углубляйте вашу веру».***

Послание от 25 апреля 1983 г., через Елену: ***«Я буду молиться Моему Сыну, чтобы Он не наказывал мир, но вы должны быть обращены. Вы не знали, не узнаете, вы не можете знать, что Бог ниспошлет миру, вы должны быть обращены. Откажитесь от всего и будьте готовы ко всему. Вот все, что я хочу сказать миру: обращайтесь!»*** (П-10).

«Предусмотренное наказание было смягчено. Многократные молитвы и посты смягчили Божье наказание, но полностью его избежать невозможно. Достаточно выйти на городские улицы и пересчитать тех, кто славит Бога, и тех, кто его оскорбляет, и вы поймете Господь не может больше терпеть это!» «Я буду просить моего Сына смягчить наказание, но, Я умоляю вас, обращайтесь. Вы даже представить себе не можете, что произойдет, и что Вечный Отец пошлет на землю!..» «Кайтесь!» (END-8)

Отсюда мы видим, что наказание может быть уменьшено епитимией, постом и молитвой. Вот почему Пресвятая Дева постоянно нас призывает: ***«Молитесь, поститесь и обращайтесь»***. Я спросил Мирьяну, долго ли придется ждать этого, на что она ответила, что для нее это случится очень скоро. Я не знаю, что значит очень скоро. Пройдут ли месяцы, годы, десятилетия. Я не знаю. Однако она сказала: *«Этот период очень короткий»*. Тогда я задал ей еще один вопрос: *«Что ты хочешь сказать сегодня миру?»*. Она ответила: *«Обратиться как можно быстрее и открыть свои сердца Богу»*.

ВЕК САТАНЫ

У Мирьяны было особое видение 14 апреля 1982 г. Пока она ждала появления Пресвятой Девы к ней явился сатана под обличьем Пресвятой Девы. Она пишет: *«Он был безобразен, ужасно безобразен. Вы не можете себе представить, насколько безобразен, он почти убил меня своим взором, я почти потеряла сознание». Он сказал мне: «Ты должна оставить Бога и Пресвятую Деву, так как Они принесут тебе страдания, пойдем со мной и я сделаю тебя счастливой в любви и в жизни». Мое сердце кричало: «Нет, нет, нет». Затем сатана исчез и появилась Пресвятая Дева со словами:* ***«Мне жаль, что так случилось, но ты должна знать, что существует сатана: он просил Бога позволить ему испытать церковь в течение определенного периода для того, чтобы попытаться уничтожить ее. Бог позволил ему властвовать один век, сказав: «Ты не сможешь ее уничтожить». Век, в котором мы живем, принадлежит сатане. Когда тайны, которые я тебе доверила, реализуются, его власть будет уничтожена. Сатана стал агрессивным, потому что он теряет свою власть. Он разбивает браки, ссорит священников, преследует людей, даже убивает их. Поэтому защитите себя молитвой, постом и прежде всего молясь все вместе. Возобновите применение святой воды, носите освященные и святые предметы, держите их в своих домах»****. Здесь в Меджугорье были иностранные эксперты, которые говорят, что это напоминает видение, которое было у папы Льва XIII 100 лет назад, когда он видел в апокалиптическом видении, что церковь атакуют демоны. После чего он ввел молитву, посвященную Архангелу Михаилу, которая читалась священником после Мессы вплоть до недавнего II Ватиканского Собора.

Остальные пять провидцев продолжают иметь эти видения каждый день. Сейчас эти видения очень кратки, около одной минуты. Пресвятая Дева не дает много ответов, а побуждает нас к постоянной молитве, епитимии и жить в соответствии с Евангелием.

Подробности об этих пяти провидцах за последний год таковы. С 7 января 1983 г. Пресвятая Дева рассказала детям кое-какие эпизоды из Своей жизни.

---

* Ср.: ***«Это мои последние явления человечеству. Готовятся события и они близки, после которых власть, которой еще располагает сатана, будет у него отнята. Нынешний век был под его властью. Теперь, понимая, что проиграет битву, сатана становится все более агрессивен. Он нападает на семьи, разлучает супругов. Он сеет разногласия даже между священниками. Защищайтесь прежде всего путем индивидуальной и общинной молитв, с помощью священных и освященных предметов. Не отступайте и гордитесь каждым моим словом»*** (END-21).

Она рассказывала Вицке каждый вечер историю Своей жизни, и все это будет опубликовано, когда Пресвятая Дева разрешит*. С середины июля 1983 г. Пресвятая Дева рассказывала Иванке о будущем мира. Все это будет записано девочкой и опубликовано, когда скажет Пресвятая Дева. Осенью были сообщены самые серьезные послания. В сентябре через Якова Пресвятая Дева сказала: ***«Я уже несколько раз говорила, что мир находится в опасности, возлюбите по-братски друг друга, больше молитесь и поститесь, чтобы вы смогли спастись»***.

Яков говорит, что это надо довести до каждого. Далее, 30 ноября 1983 г. Пресвятая Дева велела Марии сказать священнику: ***«Вы должны донести до епископа и папы срочность и важность этих посланий ко всему человечеству»***.

ВТОРОЙ ВИД ЯВЛЕНИЙ

Другие подробности последних месяцев связаны с намерением Пресвятой Девы направить прихожан по пути посвящения Богу. Я буду говорить об этом позже, так как это связано с другим феноменом.

В дополнение к этим шестерым, перед которыми были эти явления в строгом смысле этого слова, есть еще две девочки 10 и 11 лет, которые видели Пресвятую Деву своим сердцем. Они видели ее по-другому, они не могли до нее дотронуться, как другие. Их зовут Елена и Марьяна Васили. Елена впервые увидела Пресвятую Деву на страстную пятницу 1983 г. Пресвятая Дева сказала Елене, что если они будут продолжать молиться и поститься, то они получат дар «локуцио интерна», т.е. они будут слышать ее голос. Марьяна получила этот дар на день рождения 5 октября 1983 г. Это явление как отличается, так и совпадает с другими явлениями. Таким образом, отдельные отчеты о том, что сказала Пресвятая Дева этим шестерым ребятам, подтверждают друг друга. Они не знают секретов, однако, и Пресвятая Дева сказала Елене в самом начале: ***«Я не намереваюсь раскрыть секреты через тебя, а скорее направляю тебя на путь посвящения Богу»***. В этой девочке мы видим очень сильную духовную динамику с большим духовным опытом.

ЛОЖНЫЕ И ИСТИННЫЕ ПРОРОЧЕСТВА

Я должен объяснить вам несколько вещей, чтобы вы могли правильно следовать по пути духовной жизни. Некоторые люди, которые приходят сюда и слышат, что явления Пресвятой Девы на земле будут Ее последними явлениями, и слышат о секретах, пугаются и начинают говорить, что скоро будет война, какая-нибудь катастрофа или еще что-нибудь в таком роде. На это Пресвятая Дева отвечает: ***«Те, кто говорит, что такого-то числа, в таком-то году будет катастрофа, все они являются ложными пророками. Я всегда говорила: обращайтесь, обращайтесь, обращайтесь. Ваше будущее зависит от вашего***

---

* В течение 27 месяцев Богородица рассказывала Свою жизнь Вицке. Эта автобиография будет раскрыта только тогда, когда разрешит Богородица. Книга закончена с апреля 1985 года, но иногда Богородица к ней возвращается. *«Я не писала во время явления, но после,* — говорит Вицка. — *Я надеюсь, что я ничего не забыла. Рассказ занимает несколько толстых тетрадей. Больше я не могу ничего сказать. Монсеньер Заник* (епископ Мостара) *хотел, чтобы я ему их отдала, но сейчас я не могу это сделать».* (END-6)

обращения». Из этого мы можем судить о различии между истинными и ложными пророчествами, так как ложные пророчества всегда фаталистичны, тогда как библейские пророчества всегда условны: **«Если бы Ниневия была бы обращена, она не была бы разрушена»**. Как видите, все зависит от нас и по этой причине Пресвятая Дева всегда акцентирует внимание на послании мира, молитвы и поста (...) Пресвятая Дева говорит: ***«Не думайте о войнах, наказаниях, зле, потому что мысли о них уже ведут на эту тропу. Ваша задача — принять Божественный мир, жить в нем и распространять его»***. Отсюда мы видим, что имеется в виду под понятием «Мир». Это до конца положительная позиция. Сейчас вы можете понять отрывок из Евангелия от Матфея (6, 24 — 34), когда Пресвятая Дева призывает к полному отказу на каждом уровне, так как только таким путем можно достичь истинного мира, которого Она желает. Когда Пресвятая Дева говорит ***«Обращайтесь»***, вы должны сделать шаг вперед. Большинство людей, которые попадают сюда в первый раз, остаются на поверхностном уровне, на земном, моля об исцелении, разрешении материальных проблем, прося за своих детей, за разрешение разнообразных проблем, но всегда на земном уровне. Божественный мир нельзя найти на этом уровне, так как здесь все разрушается, и, если мы живем только на этом уровне, в наших сердцах по-прежнему живет страх. Вот почему есть страх за будущее и вот почему фанатичные христиане, пугая других, говорят, что Пресвятая Дева угрожает. Для того чтобы решить эти проблемы, мы должны реалистично смотреть на нашу жизнь и на истинно христианскую жизнь (...) Если мы действительно приемлем вечную жизнь, катастрофы больше не существует для нас. Эта жизнь только переход из одного состояния в другое.

Мы должны истинно принять этот христианский по сути факт, и тогда исчезнет страх, не будет больше боязни за будущее и мы будем в состоянии принять Божественный мир, живя в нем и распространяя его, как учит Пресвятая Дева. Иначе мы не сможем быть истинными посланцами, когда мы говорим о видениях в Меджугорье. Если мы будем говорить о наказании, несчастьях, секретах, мы будем распространять страх. Пресвятая Дева повторяла несколько раз: ***«Ваша задача в том, чтобы принять Божественный мир, жить в нем и распространять его»*** (П-15-17).*

б) Из статьи о. Славко Барбарича «Что такое Меджугорье? Правда ли, что в Меджугорье является людям Божья Матерь?»(1986)

Не будем удивляться, что и здесь, так же, как и в Фатиме и других признанных и непризнанных местах, речь идет о тайнах. У многих это вызывает апокалиптическое настроение, сопровождаемое зачастую внутренним страхом и ожиданием каких-то катастроф. Таким образом, утрачивается существенный аспект надежды и активного взаимодействия с ней. Тайны следует понимать как сви-

---

* Ср.: «Божья Матерь подтвердила, что это будет концом времен, но не концом света. После наказаний дьявол будет лишен своей власти, мир заживет как в древние времена и на очень долгое время восторжествует мир. Она сказала, что мы не должны быть озабочены мыслями о войне и наказаниях и о том, что ***«мы погибнем в них»***. Сейчас — время великой благодати, которое было дано нам, чтобы обратиться к Богу» (ЭМ-14).

детельство неудач, которые благодаря откровениям и нашим радикальным ответам могут обернуться в нашу пользу. Видящие знают смысл этих тайн. Каждый из них, по их словам, должен быть причащен к десяти тайнам. Мирьяна и Иванка уже имеют на своем счету эти десять тайн и потому их откровения перестали быть ежедневными. Вицка, Мария, Яков и Иван имеют по девять тайн (...) Достоин внимания факт, что Видящие живут, вообще не зная страха; единственная их забота – жить так, чтобы во всем следовать воззваниям. Из этого следует, что Матерь Божья является нам вовсе не для того, чтобы вселять в нас страх, а для того, чтобы по-матерински предостерегать нас и вести за руку к Иисусу.

Видящие утверждают, что Божья Матерь поведала им о Своей жизни и о будущих судьбах мира. Всё это пока для нас недоступно, но когда-нибудь, если Божья Матерь позволит, все тексты будут переданы священнику. Так же произойдет со всеми тайнами, за исключением личных. Откровениям постоянно сопутствуют световые знамения – то на Крижеваце, то на небе. Видящие утверждают, что это предвестия Великого Знамения, призванные укрепить нашу веру. (БМ,1987,стр.9)

2. Небо и Земля

— Госпожа говорила вам про ад?

Мария:

— Яков и Вицка видели ад, а я не захотела. Госпа говорит нам о чистилище, говорит, что многие люди идут туда. Она часто повторяет, что мы должны молиться за тех, кто попал в чистилище, потому что им нужна наша помощь. Она говорит также, что люди за свои грехи идут в ад и что мы должны как можно больше молиться за их исправление, чтобы они избежали ада (*Из беседы ксендза Анджея Струса с Марией Павлович 9.02.1985* – БМ,1987,-13).

* * *

Божья Матерь подтвердила, что дьявол существует и всегда поблизости, ища возможности погубить каждого. Все видящие видели рай и чистилище и только четверо видели ад. Двое девочек просили Божью Матерь избавить их от этого зрелища. Они сказали, что рай совершенно за пределами человеческого воображения и что ад ужасен и вечен. Божья Матерь сказала, что только немногие идут прямо в рай. Большинство людей пребывают в чистилище. Она добавила также, что сейчас много людей идет в ад за сексуальные грехи (прелюбодеяние) и потому Она умоляла соблюдать святость брака. (ЭМ-13)

* * *

«Мы идем к Богу в полном сознании: в сознании, которое имеем сейчас». «В момент смерти мы осознаем отделение души от тела. Неправильно учить людей тому, что мы рождаемся много раз. Мы рождаемся лишь раз. Тело, порожденное материей, разлагается естественным способом после смерти. Человек обретает преображенное тело. Вы должны готовиться к смерти. Реинкарнация – это чистая выдумка людей» (END-19).

«Выбирайте (решайтесь на) рай.» «Дорогие дети, решайтесь и верьте, что Бог отдает вам Себя во всей Своей полноте. Вы призваны и должны ответить Небесному Отцу. Молитесь, ибо в молитве каждый из вас сможет обре-

сти совершенство любви». «Немногие попадают прямо на Небо». «Человек, который в своей жизни совершил много зла, может попасть на Небо, если исповедуется и будет сожалеть о том, что сделал и если причастится в конце жизни» (END-17).

«В чистилище есть разные уровни: в самом низу те, кто наиболее близок аду, а затем по восходящей располагаются сферы, которые все более и более приближаются к Небу».

«Молитесь каждый день о душах чистилища. Каждый человек нуждается в молитвах и в милости, дабы прийти к Богу и к Любви Божьей. Молясь о них, вы приобретете, дорогие дети, новых заступников, которые в вашей жизни будут вам помогать понять, что ни одна вещь на этой земле не важна для вас. Вы должны только стремиться к Небу»

«В чистилище много душ, которые там уже давно, так как никто о них не молится». «Самое большое количество душ покидает чистилище не в день поминовения всех усопших, а на Рождество. В некоторых случаях, с разрешения Бога, некоторые души разными способами дают почувствовать близким, оставшимся на земле, свое присутствие. Это позволяет напомнить людям о существовании чистилища и о необходимости молиться Богу, который справедлив, но добр». «Большинство душ попадает в чистилище».

«Многие попадают в ад». «Люди, попадающие в ад, не желают слушать Бога и больше не хотят и не могут получить от Него никакой милости. Они не раскаиваются. Они не переставая кощунствуют и богохульствуют. Они выбрали жизнь в аду и у них даже не появляется мысли о том, чтобы его покинуть. Господь дал каждому свободную волю». «В аду все страдают в равной мере». «У душ, которые в аду, нет никакой возможности улучшить свое положение» (END-17).

* * *

«Бог не делает различий между людьми. Религия не может разделять людей. Вы должны уважать каждого человека в его вере, вы не должны презирать его из-за его убеждений» (END-13).

«Вы сами разделились на земле. Мусульмане и православные на тех же основаниях, что и католики, равны перед Моим Сыном и передо Мной». «Вы все Мои дети. Конечно, все религии не равны между собой, но все люди равны перед Богом. Не достаточно просто принадлежать католической Церкви, чтобы спастись; надо следовать Заповедям Божьим и своей совести». «Не принадлежащие католической конфессии не становятся от этого в меньшей степени созданиями, сотворенными по образу Божьему и призванными вернуться однажды в дом Отца». «Спасение даровано всем без исключения. Осуждены лишь те, кто сознательно отвергает Бога». (END-21)

Русскому читателю, может быть, особенно интересно будет узнать, что в октябре 1981г. Богородица, отвечая на вопросы, которые задали Ей дети от имени одного священника из Мостара, ответила и на вопрос о судьбах Востока и Запада. И в этом ответе, содержавшем ту характеристику западной цивилизации «без Бога», которую мы уже цитировали, были и такие слова: *«Россия станет страной, где слава Бога будет наибольшей»* (Послания – 15).

7. Время благодати

Итак, мы завершили обзор Посланий Богородицы. Мы не будем комментировать тот последний блок информации, который только что представили на предыдущих страницах. Предлагаем читателю самому вписать в параметры развернутой там картины Неба и Земли все то, что говорят Послания о миссии Богородицы в Междугорье, о Ее свидетелях и миссионерах, о молитве и свободе, о Ее школе обращения и о трудностях 22-летнего осуществления Ее плана «оазиса мира» — обо всем том, о чем было рассказано в предыдущих разделах обзора. Полагаем, что внутренняя необходимость и неизбежность этой «вписанности», как бы ни относиться к ней по существу, очевидна. Со своей же стороны хотели бы обратить его внимание только на то, что в фокусе тех предупреждений и «тайн», которые тоже составляют существенный момент этой мистической панорамы, особый, дополнительный смысл приобретают те слова, которые мы уже не раз слышали от Богородицы и которые Она действительно все время повторяет в Своих Посланиях — вплоть до самых последних.

«Междугорье — знак для всех вас и призыв к молитве и переживанию дней благодати, даруемой нам Богом» (25.04.92);

«Дорогие дети! Бог дает Мне это время как дар для вас, чтобы Я могла вас учить и вести путем спасения. Сейчас, дорогие дети, вы не понимаете этой благодати, но вскоре настанет время, когда вам будет жаль, что не слушали этих посланий» (25.08.97);

«Дорогие дети! Не забудьте: нынешнее время — время благодати, поэтому молитесь, молитесь, молитесь.» (25.10.99);

«Дорогие дети! Ныне время благодати!» (25.02.2001);

«Детки, вы живете в то время, когда Бог дает вам большие милости» (25.03.2001);

«Детки, пользуйтесь этим временем милости» (25.06.2001);

«Деточки, поймите, что это время благодатное для каждого из вас, а со Мной, деточки, вы в безопасности» (25.06.2002)...

Повторим еще и еще — и в последний — раз: как и во все, о чем говорят нам Послания, так и в этот радостный и вместе с тем предупреждающий смысл постоянно повторяемых слов Богородицы о том, что мы живем в дарованное нам время особой благодати, можно верить и не верить. И все же, думается, и любому скептику, и даже самому рьяному конфессиональному ригористу из тех, что чуть ли не убеждены, что у «них» — своя Богородица, а у нас — своя, стоит все-таки задуматься — и всерьез — хотя бы о двух таких простых очевидностях.

Мы видели, что Послания Богородицы — это действительно очень простые, понятные любому обращения, призывы, наставления, советы, в которых нет ничего «заумного» и которые в своей совокупности способны произвести на впервые знакомящегося с ними и постороннего им человека впечатление даже какого-то утомительного однообразия и бесконечных повторений. Но вся эта внешняя их простота, как и все «безумие» осуществляемого через них «плана», зиждется — и именно это мы и старались выявить, ни на шаг не отходя от их текста, — на неколебимом фундаменте такой глубокой, сложной, многоуровневой и вместе с тем поразительно ясной и строгой в своем глубинном

единстве религиозной метафизике, о существовании которой вряд ли даже и подозревают те, через которых Она передает Свои Послания. И уж, конечно, никак им ее было не «придумать» и безукоризненно не «нанизать» на нее, не погрешив ни в одной формуле, сотни и сотни сообщенных ими Посланий. Часто говорят, что в этих Посланиях нет ничего, чего мы не знали бы из Евангелий и что хоть в чем-то не совпадало бы с ними. Верно. Но в свете только что сказанного не значит ли это, что они евангельских же и истоков?..

Это — во-первых.

Во-вторых же, стоит, наверное, вспомнить в этой связи и то, что почти 2000 лет тому назад мир — тогдашний мир, созданный и утвержденный вокруг себя великолепным Римом, — тоже жил своей бурной, вполне как будто бы самодостаточной и уверенной в себе жизнью, упиваясь своим могуществом и богатством, своим хлебом и своими зрелищами, своей сладострастной культурой и державной мощью своего воинственного кулака. И дела ему, в общем, не было и не могло быть до кучки бывших простых рыбарей, нищих и малограмотных, чуть ли не оборванцев, бродивших по дорогам далекой провинции во главе с Сыном плотника из Назарета, который говорил, что Он пришел в этот мир искупить его и спасти от греха. Его зачарованно слушали несметные толпы таких же простых людей, жаждавших только прикоснуться к Нему, чтобы исцелиться и спастись; другой странный чудак, проповедовавший в пустыне, присылал к Нему спрашивать — тот ли Он, Которому должно придти, или нужно ожидать другого?... И Он отвечал присланным — пойдите, скажите Иоанну, что́ слышите и видите... И лишь облеченная верховной священной властью непогрешимая иерархия служителей Всевышнего, высокомерные правители и надменные ученые знатоки и толкователи Писания, — лишь вся эта просвещенная, образованная чернь с пренебрежительным недоумением и настороженностью, а то и с прямой злобной враждебностью взирала на Этого Безумца, утверждавшего, что Он знает истину. Более того — что Он и есть Истина. Истина и Жизнь...

Не напоминает ли каким-то далеким отголоском эту давнюю историю та, что происходит сегодня в Междугорье?..

Одни, может быть, только посмеются над этим, другие скажут: да вы с ума сошли! — третьи недоверчиво и осторожно решат — что ж, подождем, посмотрим... И все будут в своем праве.

И все-таки есть один очень простой вопрос, который не может, не имеет права не обратить к себе любой человек, который нешуточно относится к своему пребыванию в этом мире: ***а вдруг?..***

Вот это «а вдруг?» и обязывает, по крайней мере, с полной серьезностью и ответственностью отнестись к тому, чтобы узнать все, что можно узнать о происходящем в Междугорье, попытаться разобраться в этом и столь же ответственно совершить свой выбор, какой бы он ни был.

Но только для этого мы и предприняли настоящую публикацию.

* * *

Теперь мы снова предоставляем слово о. Анри Мартену — ровно с того самого места, на котором мы прервали его и где он предупреждает, что не будет подробно разбирать Послания, так как это задача для целой книги. Как уви-

дит читатель, вслед за этим он просто приводит для примера несколько Посланий — в том числе и те, которые мы уже цитировали, а затем дает сжатую общую их характеристику. После только что предложенного читателю подробного обзора Посланий эти несколько страниц очерка о.Анри Мартена покажутся ему, может быть, лишь повторением того, с чем он уже познакомился. И все же мы решили не сокращать их — дабы не нарушить цельность авторского замысла. Да и переводы Посланий отцом Анри Мартеном представляются нам часто гораздо более удачными, чем те, с которыми мы имели дело.

Итак, — слово о. Анри Мартену.

4. о. Анри Мартен. Междугорье (продолжение)

Итак, начиная с 1981 года, получено огромное число посланий; очень бы хотелось разобрать их подробно, по темам, по обстоятельствам явлений, по духовному значению, но это задача для целой книги, а не для журнальной статьи.

Поэтому я привожу только несколько достаточно типичных посланий из многих сотен.

Вот послание от 25 марта 1990 года:

«Дорогие дети, Я с вами, даже если вы этого не сознаете. Я хочу защитить вас от всего, что предлагает вам сатана и посредством чего он хочет вас погубить. Как Я носила Иисуса в Своем лоне, точно также, дорогие дети, Я хочу нести вас к святости.

Бог хочет спасти вас и шлет вам послания при помощи людей, природы и множества иных средств, которые могут помочь вам понять, что следует изменить направление вашей жизни. Итак, деточки, осознайте величие того дара, который Бог дает вам через Меня, чтобы Я могла хранить вас под Моим покровом и нести вас к радости жизни. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

А вот — от 25 апреля 1992 года, в самом начале Боснийского конфликта:

«Дорогие дети, сегодня Я снова призываю вас к молитве. Только через молитву и пост можно остановить войну. Поэтому, Мои дорогие деточки, молитесь и свидетельствуйте вашей жизнью, что вы Мои и принадлежите Мне. Ведь сатана в эти тревожные дни желает соблазнить как можно больше душ. Поэтому Я призываю вас выбрать Бога, Он будет вас хранить и покажет, что вам следует делать и каким путем идти. Я призываю всех, сказавших Мне «да», обновить свое посвящение Моему Сыну Иисусу и Его Сердцу, а также Мне, чтобы Мы могли успешнее использовать вас, как орудия мира в этом мире без мира.

Междугорье это знак для всех вас и призыв к молитве и к переживанию дней благодати, которые дает вам Бог. Поэтому, дорогие дети, примите всерьез этот призыв. Я с вами, и ваши страдания это также Мои страдания. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

Послание от 25 января 1997 года:

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас поразмыслить о вашем будущем. Вы строите новый мир без Бога, только собственными силами, поэтому вы не удовлетворены и у вас нет радости в сердце. Это время — Мое время, поэтому, деточки, Я вновь призываю вас: молитесь. Когда вы обретете единение с Богом, вы

ощутите жажду слова Божия и ваше сердце, деточки, преисполнится радостью, и вы будете свидетельствовать о любви Божией повсюду, где окажетесь. Я благословляю вас и повторяю, что Я с вами, чтобы вам помочь. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

А вот еще три послания последних лет:

25 марта 1999 года:

«Дорогие дети, Я призываю вас к сердечной молитве. Особым образом, Мои детки, Я призываю вас молиться об обращении грешников, тех, кто пронзает Мое сердце и сердце Моего Сына Иисуса мечом ненависти и ежедневных богохульств. Помолимся, детки, за всех тех, кто не желает познать любовь Божию, даже находясь в Церкви. Помолимся об их обращении, чтобы Церковь воскресла в любви. Лишь любовью и молитвой, детки, сможете вы прожить это время, которое дано вам для покаяния. Поставьте Бога на первое место, и тогда Иисус воскресший сделается вашим другом. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

25 сентября 2000 года:

«Дорогие дети, сегодня Я призываю вас открыться молитве. Пусть молитва станет радостью для вас. Обновляйте молитву в ваших семьях и создавайте молитвенные группы, и таким образом вы испытаете радость молитвы и общения. Те, кто молится и состоит членом молитвенной группы, безотчетно открыты воле Божией и радостно свидетельствует о любви Божией. Я с вами, Я всех вас ношу в Своем сердце и благословляю вас Моим Материнским благословением. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

25 сентября 2002 года:

«Дорогие дети, также и в это неспокойное время Я призываю вас к молитве. Деточки, молитесь о мире, чтобы на всей земле каждый человек ощущал любовь и мир. Только когда душа находит мир в Боге, она чувствует себя удовлетворенной, и любовь начинает изливаться в мир. А вы, деточки, особым образом призваны к тому, чтобы жить и свидетельствовать о мире, мире в ваших сердцах и ваших семьях, и через вас мир станет изливаться на всю землю. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

Вкратце основные темы посланий следующие: мир, молитва, покаяние. Если вы ищете в посланиях сенсаций, чрезвычайных откровений, вы их там не найдете. Все те же три темы изо дня в день, из года в год, на протяжении вот уже более двадцати лет: примиритесь, молитесь, кайтесь, исповедуйте свои грехи. Почему так долго? Почему так (не побоимся вымолвить) однообразно? — Ответ очень прост. Я услышал его из уст о. Славко Барбарича во время его встречи с паломниками в мае 2000 года. Дорогу святости нельзя пройти за два дня или за две недели. Путь этот долог, дольше даже, чем путь физического взросления. Пресвятая Дева — наша Мать. А каждая мать, пока не вырастет ее ребенок, изо дня в день повторяет ему одни и те же вещи: «Вставай», «умывайся», «вытри носик», «застегни пуговичку»... И так, не переставая, до тех пор, пока ребенок не научится всему. На это уходят годы; а сколько еще понадобится лет, чтобы мы действительно научились примиряться, молиться, каяться в своих грехах? Помните вопрос Иванки Небесному Видению о своей недав-

но умершей маме? Она тогда спросила также: «А моя мама ничего мне не сказала?» — Какой ответ вы ожидали бы услышать? Ну, напрягите воображение, сейчас прозвучат слова небес! Итак? — *«Слушайся бабушку и помогай ей, потому что она уже старая»*...

Пять видов оружия

В посланиях часто также слышатся слова «сатана силен». Голос Матери, тревожащейся о Своих детях. Она-то знает, с каким врагом приходится нам иметь дело. И Она не хочет оставить нас перед ним безоружными. Для этого Она рекомендует нам пять видов оружия для победы над сатаной и достижения святости. Вот эти пять видов оружия:

молитва;
пост;
Священное Писание (Библия);
исповедь;
Евхаристия (святое причастие).

Трудно найти предметы, более далекие от сознания современного человека, чем эти. Но невозможно найти ничего, более для него необходимого.

Рассказ о Междугорье не может быть не то что полным, но даже просто добросовестным, если обойти молчанием эти пять важнейших предметов. По сути, только лишь о них говорится и вокруг них совершается все, что только говорится и совершается на протяжении последних двух десятков лет в Междугорье. Сказать сегодня «Междугорье» это и значит сказать: «молитва, пост, Священное Писания, покаяние, Евхаристия». Если вы соберетесь туда за чудесами, не обещаю, что вы их там найдете. Но вот, что вы найдете там непременно: молитву, пост, Священное Писание, исповедь, Евхаристию. Наверное, на свете и не может быть большего чуда.

Молитва в Междугорье

Чуть ниже места первых явлений, на том самом холме Подбрдо, имеется плоская прогалинка размером с комнату. Посередине ее установлен большой синий крест. Это место отмечено потому, что в первые годы, когда коммунистические власти препятствовали народу собираться на холме и вершину, бывало, окружали то цепи милиционеров, то заграждения, явления стали происходить и в других местах — в частности, вот здесь. Визионер Иван и сегодня регулярно видит там Госпу, и мне довелось присутствовать при одной такой встрече.

Уже поздний вечер, стемнело. Пойти на место встречи нам посоветовали заранее, иначе за многолюдством и близко не подберешься. И мы пришли чуть ли не за час до срока, но было уже поздно: к самой прогалине подойти и думать было нечего. Пришлось карабкаться на склон, чтобы найти себе местечко хотя бы в пределах слышимости, а послушать было что: группа итальянских паломников, окружившая Ивана, пела песни в честь Девы Марии — и пела, как умеют петь только итальянцы, т. е. непередаваемо красиво. Это было очень утешительно, потому что мéста, чтобы хотя бы стать поудобнее, найти не удалось: одни колючки и острые камни. Кое-как с помощью уже примостившегося ксен-

дза-поляка, мне удалось разместить среди камней ступню одной ноги и мысок другой. Так я и стоял, переминаясь, пока длились песни, но вот пение прекратилось и началось чтение Розария. Если вы не знаете, что это такое, потерпите немного, чуть позже я расскажу подробнее, а пока только представьте: крутой склон, сплошь усеянный людьми, попробуй оступиться — и покатишься, увлекая за собой толпу, как лавину. И вот эта толпа вдруг, вся сразу, становится на колени. Куда? — мысленно спрашиваю я, но мгновение спустя опускаюсь на колени и сам. Там, где только что едва хватало места, чтобы стоять вплотную друг к другу и к кустам можжевельника, всем достало места опуститься на колени... Под коленями, ну да — все те же острые камушки, но немного поерзав, я нахожу терпимую позицию. А ведь на мне еще брюки, а каково женщинам? Но женщинам, как известно, терпения не занимать, и вот мы все читаем Розарий Пресвятой Богородицы, одну часть. Длится это примерно полчаса, и я воспользуюсь этим временем, чтобы рассказать, что такое Розарий.

Розарием Пресвятой Богородицы называется особая молитва по четкам; сами четки тоже называются «розарий» (поляки говорят «ружанец»). Традиция читать Розарий в католической Церкви очень древняя: ко времени св. Доминика (XIII век) она, по-видимому, в целом уже сложилась. Популярны изображения св. Доминика, которому Пресвятая Дева Сама вручает четки Розария, но это не означает, очевидно, что это он «изобрел» Розарий от начала до конца. Скорее, придал ему особенный размах. Суть молитвы заключается в следующем: с помощью четок отчитываются молитвы «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся» (10 раз) и «Слава». При этом вспоминается тайна — из жития Господа нашего Иисуса Христа или Пресвятой Богородицы Девы Марии. Всего таких тайн пятнадцать, — то есть трижды по пяти тайн: Радостные тайны — Благовещение, Навещание, Рождество Христово, Посвящение Младенца Иисуса во храме, Обретение Отрока Иисуса во храме; Скорбные тайны — Гефсиманское борение, Бичевание Господа нашего Иисуса Христа, Венчание тернием, Крестный путь Спасителя, Распятие; Славные тайны — Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, Вознесение Христа, Сошествие Святого Духа (Пятидесятница), Взятие на небо Пресвятой Богородицы (Успение), Венчание Девы Марии небесной славой. Четки, соответственно, бывают двух (и даже трех) видов: полные, на сто пятьдесят малых бусин, поделенных на десятки, для молитвы «Богородице, Дево», и каждый десяток отделен от следующего бусиной побольше, для молитвы «Отче наш» — именно с такими четками изображают св. Доминика, и с такими четками за поясом можно и сегодня встретить францисканского монаха (особенно в Междугорье); четки поменьше, на одну часть, из пятидесяти малых бусин, и, наконец, наш рациональный век изобрел «мини-четки»: на один десяток бусин, которые «прокручиваешь» столько раз, сколько тайн Розария вспоминаешь. Они особенно удобны, скажем, за рулем. В наше время обыкновенно читают одну часть Розария за раз (но к Междугорью это не относится).

Розарий и Междугорье... Как они тесно сплелись!.. Ежегодно 7 октября в католической Церкви справляется праздник Пресвятой Богородицы — Царицы Розария, и здесь, на Балканской земле, трудно не вспомнить повод, по которому он был установлен.

Вторая половина XVI столетия. Захватив уже весь Балканский полуостров, турки готовятся к последнему решающему рывку. Их цель — покончить с христианством, а для этого овладеть его последним центром Римом западным, как более чем за сто лет до того они овладели Римом восточным, Константинополем. Угроза более чем реальна. Судьба мирового христианства повисла на волоске (как ни относиться к католичеству, нельзя не признать, что все причудливые заскоки, скажем, протестантизма — от анабаптизма древних лет до сегодняшнего женского «священства» и однополых браков — скорее всего, давно бы разнесли христианство в ничем не связанные друг с другом клочья, если бы не единый центр, пусть не как точка опоры, но хотя бы как точка отталкивания, — Рим). Папа Римский вдохновляет коалицию христианских государств и одновременно призывает весь католический мир к усердной молитве Розария. И вот наступает 7 октября 1571 года. У мыса Лепанто на балканском побережье турецкий флот встречается с объединенным христианским флотом. И в этот самый день Папа св. Пий V получает откровение: христиане победили, турки разбиты наголову, турецкий флот уничтожен, угроза вторжения турок в Италию устранена. Папа велит бить в колокола по всему Риму и праздновать победу благодарственными богослужениями. Многие ликуют, но многие наверняка недоумевают: как праздновать то, о чем достоверно еще ничего не известно? Ведь первые вести достигнут Рима лишь много дней спустя! Но откровение не подвело: 7 октября действительно стало днем решительной победы, и в честь этого события Папа св. Пий V учредил праздник Пресвятой Богородицы — Царицы Розария, ибо понимал, что победой христианский мир обязан прежде всего Ее заступничеству (кстати, именно в битве при Лепанто потерял руку дон Мигель де Сервантес Сааведра).

Турецкое нашествие на Балканах — не страшный миф. Его последствия проявляются до сих пор, как в недавнем кровавом боснийском конфликте. Ведь босняки-мусульмане, вокруг которых и при участии которых шла эта недавняя война, — люди того же роду-племени, что и сербы-хорваты, но под давлением турок принявшие ислам...

...Но вот молитва умолкает, настает тишина. Явление началось. Иван видит Пресвятую Деву. Остальные — я, во всяком случае, — не видят ничего. Мне не видно даже Ивана. Текут минуты, потом раздается голос, сразу несколько голосов. Иван рассказывает о видении, и его слова тут же переводят на несколько языков. Понятнее всего мне польский (поляков здесь, очевидно, немало). Иван говорит, что Госпа была здесь, Она улыбалась, что случается не так часто, и благословила нас всех. Всё. Видение закончилось. Все начинают расходиться. Но легко сказать — расходиться! Сперва надо встать с затекших колен, потом устоять на онемевших ногах, хватаясь руками за колючки. Потом — шаг за шагом — вниз, в полной темноте, а это ведь гораздо труднее, чем карабкаться вверх по ступеням беспорядочно разбросанных камней... Но вот наконец я внизу, у самого креста, где только что был Иван (и Госпа?). Теперь здесь просторно, почти все уже разошлись. Возле меня собирается несколько человек из нашей группы, и вот мы опять опускаемся на колени и принимаемся молиться... (Надо ли говорить, что и здесь найти местечко, чтобы примостить колени между острыми камнями, не так-то просто?) Уходить не хочется, мы произносим

молитву за молитвой, минуты текут за минутами, и, кажется, можно стоять так бесконечно... Но вот нас зовут остальные: пора уходить. Жаль...

Я священник. Молиться — моя профессия. Но никогда и нигде не молился я с такой охотой, никогда не испытывал такой поглощенности молитвой и никогда не прекращал молитвы с таким сожалением как тогда в Междугорье, у Синего креста... То же самое говорили и остальные. А ведь как раз перед этим мы уже пережили, что такое молитва в церкви Междугорья!

Церковь Междугорья

Приходская церковь села Междугорье — та самая, что видна здесь отовсюду, — прежде всего поражает своими размерами. Она очень просторна: мне говорили, что в ней легко умещается семь-восемь тысяч человек. При этом построили ее не сейчас, когда деревня принимает до миллиона паломников в год, а давно, еще в тридцатые годы XX века, когда такого наплыва молящихся никто и представить себе не мог! В самом деле: глухое село на краю (за краем!) цивилизованного мира да несколько окрестных деревушек, вроде тех же Бияковичей; ну, сколько народу могло там собираться по воскресеньям на богослужение? Двести человек, триста? Пятьсот? Для кого возвели эту громадину? — Говорят, и тогда уже раздавались голоса, что незачем, дескать, строить такую большую церковь, но кто-то — кто именно? — все-таки настоял. И вот она есть, вот она здесь.

Но теперь и ее уже недостаточно: даже в мае, еще не в самый «сезон», когда мы там были в первый раз, в церкви помещались не все, многие рассаживались на скамейках вокруг, и богослужение для них транслировалось через репродукторы. А летом народу бывает столько, что богослужения проводятся под открытым небом. Для этого с задней стороны церкви пристроен полукругом амфитеатр на несколько сот мест — для кого, мне станет ясно только в следующий приезд, — внизу в центре его расположен алтарь, — а перед ним подобным же амфитеатром, но гораздо бóльшим, уставлено скамьями целое поле, как добрые трибуны на многотысячном стадионе.

Торжественное богослужение в церкви совершается каждый вечер и длится не менее трех часов — с шести до девяти-десяти.

Кто знает современную католическую мессу, лишь в редчайших, самых торжественных случаях длящуюся немногим более часа, удивится. Кто знает стремление современного человека, отмолившись, отдав, так сказать, Богу долг, как можно быстрее умчаться из церкви по своим делам куда подальше, удивится еще больше. Здесь, в Междугорье, никто никуда с молитвы не торопится, хотя, как я уже говорил, и кафе, и ресторанов, и мест для прогулок и «тусовок» в Междугорье больше чем достаточно (не знаю, правда, есть ли там кинотеатр, но телевизоры-то есть!).

А происходит вечернее богослужение в Междугорье так: в шесть часов начинается Розарий, первая и вторая части. Молитвы читают по-хорватски: содержание тайны и первую часть каждой молитвы — ведущий священник от алтаря, вторую часть — хором весь народ. Для славян хорватские молитвы особого труда не составляют, очень скоро вся наша группа дружно и неразличи-

мо вливается в общий хор. Как устраиваются немцы, итальянцы и французы, не знаю, но не забудем, что это прежде всего — приходское богослужение, а не действо, организованное для развлечения паломников. Впрочем, иностранцы тоже не забыты: после каждой тайны следуют краткие песнопения с простой, но очень красивой мелодией на самых разных языках: и по-французски, и поитальянски, и по-немецки, и по-польски... Тексты высвечиваются на экранах по бокам от алтарной части, и каждый, кто желает, может их подхватить. Желают, сколько можно судить, практически все: дружный, громкий, но и мелодичный хор не оставляет в этом никаких сомнений.

Такая молитва длится один час. Весь этот час все, кроме самых немощных, стоят на коленях. Тем, кому хватило места на скамьях, еще ничего — там имеются специальные приступочки. Остальным, то есть, понятное дело, и всем нам, приходится стоять на коленях на твердом каменном полу. Вижу, что некоторые, кто похитрее да поопытнее, запаслись специальными дощечками из «пенки». Мы, ясное дело, не знали, не догадались, стояние на коленях далеко не всем дается легко, но жалоб я не слышал.

После часа Розария, в семь часов, начинается месса. С облегчением поднявшись с колен, я направляюсь в алтарную часть, чтобы принять участие в сослужении.

Месса в Междугорье протекает обычным порядком, но с одной особенностью. Каждый служащий священник может прочитать Евангелие на своем языке. Я не видел, чтобы таких желающих было меньше десяти-пятнадцати: священный текст звучит на хорватском, польском, чешском, словацком, словенском, румынском, итальянском, французском, английском, немецком, испанском, португальском и еще на иных уж вовсе неведомых мне языках...

Вот она, вселенскость, кафоличность Церкви въяве, воочию... Вся месса в результате длится не менее часа. В свой черед я читаю Евангелие по-русски. Мне потом говорят, что впервые в этот раз в стенах Междугорской церкви прозвучало русское Евангелие...

Наконец, после мессы, следует заключительная часть богослужения: третья часть Розария — Славные тайны, а потом освящение принесенных верующими предметов культа: крестиков, образков, иконок, четок, медальонов. В самом конце — благословение больных. Говорят, именно в этот момент чаще всего происходят исцеления. Сам я, правда, свидетелем ни одного исцеления не оказался.

По четвергам за всем этим следует еще безмолвное поклонение в течение часа выставленным на алтаре Святым Дарам: четверг в римском обряде — день, посвященный особому почитанию Святейшей Евхаристии, т. е. Святых даров, потому что Христос установил это таинство в Великий четверг, т. е. в день накануне Своих спасительных страданий. Этот обряд называется «выставлением Святых Даров» или адорацией. В Междугорье во время адорации время от времени поются духовные гимны, негромкие, неторопливые, мелодичные...

В другие дни по особым случаям богослужение также дополняется различными элементами и длится более трех часов.

Увидеть современного человека — немца, француза, итальянца, русского — охотно молящимся в течение трех и более часов, — разве само по себе это не чудо?

Осталось рассказать об исповеди.

Нечего и думать, что в церкви Междугорья хватило бы одного-двух обычных конфессионалов — кто не бывал в католических храмах, все равно наверняка знает, что это такое, хотя бы из «латинских» сериалов: такая будочка с зарешеченным окошком, а в ней сидит священник, и к нему подходят исповедаться. Так вот, в Междугорье конфессионалы расположены длинным рядом вне церкви, их там не меньше двадцати, и снаружи висят таблички, на каком языке здесь можно исповедаться. Не то, чтобы к ним всегда стояла очередь, но во время особого наплыва паломников мне случалось видеть исповеди и вне конфессионалов, просто на скамейке в стороне от всех.

Самое тяжелое оружие

Говорить об этом оружии мне приходится с тяжелым сердцем: для меня оно пока что оказалось неподъемным. Вы, наверно, уже догадались, что речь идет о посте. Причем о посте междугорском: каждую среду и пятницу только на хлебе и воде. У нас на Востоке достаточно привычно, что по средам и пятницам следует воздерживаться от животной пищи, но даже и при этом переход на хлеб и воду оказался не таким уж легким: брался несколько раз, поначалу все шло даже совсем неплохо, но потом все-таки оставлял. Нашим западным братьям это должно казаться еще более непосильным: что греха таить, в современной Европе все практически забыли, что такое пост. Помню, как я однажды был поражен в гостях у друзей-бельгийцев, увидев, что в пятницу у них на стол подали мясо: со мной-то такого не случалось со дня крещения! А ведь это была исключительно благочестивая семья, подлинные христиане, очень добрые, практикующие, члены приходского совета, много тратящие на благотворительность...

«У вас что, — спросил я, — церковные власти отменили пятничный пост?» — мой вопрос их смутил, заметно было, что им и в голову не приходило связывать с церковными властями такие вещи, как домашнее меню. Наконец, хозяйка, подумав, отвечала: «Видите ли, рыба гораздо дороже и вкуснее мяса. Поэтому устраивать себе по пятницам пиршества вряд ли бы соответствовало духу поста...» — что ж, ответ мне понравился своей находчивостью. Но это ведь еще смотря какая у кого рыба...

Между тем, в Междугорье настаивают, что строгий пост — хлеб и вода — совершенно необходим для духовного оздоровления. Вицка в каждой беседе с паломниками говорит в основном на эту тему. «Если ты болен, — говорит она, — ты можешь ослабить пост. Но если ты говоришь, что от поста у тебя болит голова, — делай это из любви к Иисусу и Марии, и тогда увидишь, что все у тебя получится».

А сестра Эммануэль (о ней немного ниже) даже предлагает специальные рецепты хлеба для поста (мне это, правда, слегка напоминает «рыбные пиршества» по пятницам).

Но, как бы там ни было, говорить на эту тему мне нелегко: что будет, если выдерживать такой пост, я просто не знаю. Знаю одно: чем оружие тяжелее, тем оно надежнее.

Междугорье и конфессии

Хорваты испокон веков римо-католики. Приход в Междугорье, соответственно, римо-католический, и все там совершается в рамках римо-католических традиций. Месса, например, служится по обычному чину, введенному II Ватиканским собором. В сослужении, однако (здесь, как и везде в католической Церкви), могут участвовать и священники других католических обрядов: в мессах, в которых я участвовал, с нами сослужил в очень красивых голубых восточных облачениях священник из Словакии — греко-католик (для меня было сюрпризом узнать, что в Словакии греко-католическая Церковь, т. е. католики византийского обряда, составляют чуть ли не большинство). Сам я, к слову, тоже греко-католик или, что называется, «люторского папежского костёлу унят», но это совершенно не мешало самому полному взаимопониманию между мной и многими членами нашей смешанной группы — православными.

Надо сказать, что в Междугорье, при том, что все здесь естественно выливается в испокон века существующие формы, нет, тем не менее, ничего специфически-католического в смысле подчеркивания своей особости и отчужденности от остального. В Посланиях тем более нет ничего, что было бы «привязано» именно к католическому менталитету, скорей, наоборот: пост, например, выходит далеко за рамки сегодняшнего католического менталитета! Но и все остальное: молитва, Евхаристия, Священное Писание, покаяние — разве это не сокровища, общие и доступные всем христианам?

На бытовом же уровне, тем более, мы повсюду встречали особую приветливость и тепло. Узнав, что мы русские, из Москвы, нам улыбались, уступали места, даже продавцы в магазинах дарили образки и делали особенные скидки, а один так даже подарил целый мешочек четок — на всю группу. При этом, во-первых, никто и не подозревал, что большая часть нашей группы — католики: для них, как и для многих у нас, «русский» автоматически (иные говорят даже: «генетически») означает «православный»; а во-вторых, не забудем, что это были хорваты, т. е. люди, не имеющие никаких оснований особо симпатизировать «Москве и москвичам»: во все времена во всех многочисленных балканских конфликтах, вплоть до последнего, Москва неизменно, не задумываясь, автоматически (если угодно, «генетически») принимала сторону братушек-сербов. Не потому, что славяне: хорваты, да и босняки, в конце концов, такие же славяне, — а потому что православные? А при Сталине, во время второй мировой войны — потому что коммунисты? — ведь Тито, даром что сам хорват, стоял во главе партизан-коммунистов, состоявших по большей части из сербов... — Ну, да «сердце царево в руке Божией», не мне судить о тайнах большой политики... Одно скажу — то, что сам видел: люди, в чьих ушах наверняка еще стоят разрывы бомб, сброшенных на их дома союзниками Москвы «четниками»-сербами, не только что ни охом, ни вздохом нам этого не показали, но, напротив, были удивительно сердечны и приветливы.

Однако, ясное дело, русские и православные в Междугорье — это все же мимолетный эпизод. Гораздо актуальнее здесь такой вопрос, как «Матерь Божия и протестанты». Об одном из них, Уэйне Уэйбле, мы уже говорили. А вот рассказ еще об одном, из книги сестры Эммануэль «Междугорье. Девяностые

годы». Рассказ интересен также своими подробностями о первых годах явлений, но сперва в двух словах я представлю, кто такая сестра Эммануэль. Она — монахиня, француженка, член новообразованной духовной общины «Беатитюд», что значит: «Блаженства». Сестра Эммануэль приехала в Междугорье в 1989 году, да так здесь и осталась. Провела она здесь и все время Балканской войны, а потом из факсов, которые посылала в те дни друзьям во Францию, у нее сложилась книга «Междугорье. Война день за днем». Позже из многочисленных эпизодов и историй, в которых она участвовала или которых была свидетелем, она составила очень интересную книгу «Междугорье. Девяностые годы». Для меня было большой радостью, когда сестра Эммануэль попросила меня перевести эту книгу на русский язык. Перевод уже готов и, надеюсь, в ближайшие месяцы выйдет в свет.

Итак, рассказывает протестант по имени Рафаэль:

«Вот уже и ночь спустилась, и нет никаких дорожных знаков с непроизносимым названием этой затерянной деревни. Да существует ли она на самом деле? Чего я тут ищу? Я, Рафаэль, «потрошитель» католиков, в стране молящихся по четкам! Видел бы меня пастор... Но я хотел во всем убедиться сам. Я сказал Господу: «ОК, католики не лишены Святого Духа, хотя и стоят на коленях перед статуями из гипса, но я хочу, чтобы Ты мне объяснил эту историю с явлениями Марии!». И вот мы держим курс на Рим и Междугорье. Все мы здесь заядлые протестанты, кроме Пьера. Он бизнесмен, неверующий, к тому же сейчас пребывает в глубокой депрессии. За плечами у него две попытки самоубийства. Пьера вместе с двумя его пацанами я взял с собой, чтобы в наше отсутствие он снова не стал резаться. Я бросаю взгляд в зеркальце заднего вида: он весело болтает с Алексом. Катрин, дочь Лютера, говорит о тряпках с моей женой.

За поворотом появляются две очень светлые церковные башни, стоящие на краю деревни, возникшей из ниоткуда.

«Здесь нет ничего, ни отеля, ни ресторана, нет даже магазина. Проехать две тысячи километров, чтобы посмотреть на эту церковь среди полей», — ворчит Пьер.

Какой-то крестьянин разрешил нам раскинуть палатки на небольшом тенистом клочке земли.

На следующий вечер я читаю Библию в церкви. Внезапно позади меня начинается непонятное оживление, кто-то кричит по-хорватски. Поспешно крестясь, все бросаются к выходу. Неужели облава? Коммунисты устраивают их время от времени. Вместе с остальными выхожу из церкви и я. С полсотни человек глядят в сторону креста на горе Крыжевац. Я таращу глаза — безмерный свет струится более чем на километр от креста. Небо танцует вокруг креста, словно нескончаемые солнца невиданного пастельно-голубого цвета восходят и гаснут через мгновение. И при этом вокруг нет облаков, а солнце находится совсем в другой стороне и не может слепить нам глаза. Стоп, сейчас разберемся! Оглядимся вокруг, не дадим себя заморочить. Вокруг все нормально. Собака обнюхивает подножье дерева. Взгляд наверх — танец света продолжается еще какое-то время. Я возвращаюсь в палатку, озадаченный.

На третий день мы расположились на пикник под деревьями, все оживленно разговаривают. Дети Пьера играют у виноградника.

— Эй, глядите-ка, крест крутится!

Маленький Мишель дергает меня за край футболки. Он тычет своим пальчиком в сторону горы. Я выхожу из-под деревьев и поднимаю глаза ко кресту. Моя первая мысль: галлюцинация. Огромный крест вертится вокруг своей оси. Я тру себе глаза, смотрю на свои сандалии, думаю о своем предприятии, хватаю горсть каменистой земли; крест по-прежнему вертится, все быстрее и быстрее, он становится прозрачным, почти невидимым.

Нервы у меня как будто в полном порядке. Я осторожно, стараясь не выдать волнения, неопределенным жестом, зову Алекса:

— Ты видишь что-нибудь, Алекс?

Он строит гримасу а ля Луи де Фюнес, и его очки съезжают на самый кончик носа:

— Не может быть! Он крутится!

— Молчи, не говори ничего!

Я подзываю остальных, ничего им не сообщая, и вот мы, все семеро, засекая время, созерцаем феномен в течение почти четверти часа.

Но это еще не всё. У Пьера на животе — длинный шрам (когда его оставила жена, он пытался вонзить в себя нож). И вот однажды он подходит ко мне, изумленно выпятив губы:

— Гляди!

Шрам почти полностью исчез.

Хватит с меня всех этих знаков! «Нет, Господи, я не могу молиться Марии, повторять молитвы, как считалки, по сотне раз. Позволь мне присутствовать при явлениях в часовне. Я знаю, что туда допускают только монахов, но Ты можешь это устроить».

В тот же вечер я ожидаю у дверей часовни. На страже стоит францисканец. Я молча молюсь. Кто-то хватает меня за рукав. Это монах. Он говорит мне что-то, чего я не понимаю, и подталкивает меня к входу в часовню. Когда приходят визионеры, я стою в первом ряду. Я молю Бога избавить меня от лукавого. Визионеры начинают молиться Ave Maria. Я осторожно разглядываю людей, погруженных в эту молитву. Потом раздается громкое «бух», и визионеры синхронно, как подкошенные, падают на колени. При взгляде на них у меня начинают болеть коленные чашечки. Те, кто впереди, кладут руки на плечи визионерам. Я кладу свою на руку Вицки выше локтя.

Я прочитал в одной книге, что во время явлений визионеры становятся совершенно нечувствительными к боли и тяжелыми, как каменные. Никто на меня не смотрит, я щиплю Вицку — сначала тихонько, потом все сильнее и сильнее. Никакой реакции. Ба! Факиры еще не так колют себя иголками. Тогда я начинаю ее толкать, сперва потихоньку — хорошенькое мы явили бы зрелище, растянувшись вместе на полу! Ничего не выходит. Я устраиваюсь на корточках поудобнее. Вицка молится, склонившись, никакого равновесия. Я толкаю ее со всей силой моих восьмидесяти килограммов и натыкаюсь на сверхъестественное: я толкаю гранитный блок, а ведь передо мной — девчонка. Меня пробирает дрожь...

(А помните, что по свидетельству визионеров Госпа тоже «очень твердая»? Не наводит ли это на мысль, что видящий реальность сам становится реальнее и недоступнее для «тычков» из нашего мира? — *А. М.*)

Я оглядываюсь, как в перископ, и ощущаю мир этого места таким реальным, что его можно пощупать. Я снова прошу Бога хранить меня, может быть, я упускаю что-то важное. Впервые в своей жизни я молюсь Деве:

— Если Ты здесь, если Ты здесь по воле Божией, покажи мне это, чтобы я уверился.

Я поднимаю глаза к тому месту над столом, что зачаровало визионеров.

Появляется свет, как луч солнца через стекло, но толщиной с молодое дерево, и я вижу, как этот луч осторожно опускается ко мне и проникает мне в сердце. Как только этот луч касается моей груди, я чувствую, как все мои страхи тают и исчезают. Я никогда еще не ощущал такой глубокой полноты. Все мое существо тает в потоке милости и любви. Нет больше ничего, кроме этой обнимающей меня нежности. И я мог бы умереть сейчас от чистой любви...

Память возвращается ко мне на тропинке возле палатки. Алекс смотрит на меня и говорит, нахмурив брови:

— Что с тобой происходит? Кажется, что твое лицо лучится светом.

Три. Мне понадобилось три месяца, чтобы спуститься на землю. Три месяца, в течение которых все казалось таким легким: молиться, любить, умереть.

Я примирился с Церковью, с Марией, с самим собой. Пьер обратился и стал руководителем группы молодых христиан.

Да будет Богу слава!»

«Я пришла, потому что здесь много преданных верующих душ»

Хотя все, о чем рассказал Рафаэль, происходило в ранние годы Междугорья, когда еще не было «ни ресторанов, ни отелей», но крест на горе Крыжевац, как видим, уже стоял. Этот крест виден издалека, виден здесь отовсюду, а поднявшись к нему, поражаешься, до чего он огромный: говорят, его высота — тридцать метров, доброе десятиэтажное здание. Но что меня поразило еще больше, так это то, что возвели его не в наши дни, не благодаря усилиям и средствам миллионов паломников, а гораздо раньше, в 1933 году, в ознаменование 1900-летнего юбилея крестных мук нашего Господа, и возвели его окрестные крестьяне своими силами, на свои средства, по собственной инициативе!

Чего им это стоило, понимаешь, только поднявшись на Крыжевац. На вершину горы ведет извилистая узкая козья тропа, и чтобы двигаться по ней, кажется, и вправду следует быть козой. Но ведь не на коз же навьючивали камни для креста! Нет, строители несли их на собственных плечах! С трудом двигаясь вверх хоть и без камня на плечах, но с острейшими камнями под ногами, воистину понимаешь, что не зря прозвучали слова: «Здесь много преданных верующих душ»!

Восхождение на Крыжевац сегодня — не просто прогулка. Вдоль тропы установлены Стации (или Стояния) Крестного пути — традиционного покаянного молитвенного акта, о котором стоит рассказать подробнее. Как следует из самого названия, это молитвенное воспроизведение Крестного пути нашего Спасителя. Сложилась эта практика в Иерусалиме, где паломники — многие на коленях! — доныне совершают этот акт почитания Крестных мук Спасителя, следуя по пути от места осуждения Иисуса до Голгофы. Чтобы сделать возможным

духовное участие в этом акте для тех, кто не в состоянии физически прибыть в Иерусалим, католическая Церковь распространила молитвенную практику Крестного пути по всему миру в виде молитвенной процессии внутри или возле храма либо святилища. В каждом католическом храме вы увидите вдоль стен особые изображения, воспроизводящие различные эпизоды Крестного пути Спасителя: Иисус перед Пилатом, Иисус принимает крест, Иисус падает под крестом и так далее; у каждой Стации процессия останавливается, обычно все становятся на колени, ведущий вкратце описывает событие, произносит небольшое размышление и прошения, и затем все вместе молятся, читая «Отче наш», «Богородице Дево» и «Слава». При переходе от Стации к Стации поются соответствующие гимны. Всего Стаций бывает обычно четырнадцать, до снятия с креста и погребения. Но в Междугорье — как и в Лурде, кстати! — к обычным Стациям добавлена и Стация Воскресения. Взобравшись на Крыжевац, переводя дух и оглядывая изумительную картину окружающих долин и гор, открывающуюся оттуда, с особой силой переживаешь, что финал Крестного пути — это именно Воскресение.

Ведущим во время Крестного пути при подъеме на Крыжевац был о. Йозо Зовко, тот самый, что служил в Междугорье, когда начались явления. Он поверил в них не сразу лишь после того, как сам удостоился видения, но с этого момента горячо уверовал в присутствие Госпы в Междугорье и всегда отважно защищал визионеров. А отвага ему потребовалась самая настоящая: как мы помним, около двух лет о. Йозо провел в тюрьме. Сейчас он следует во главе процессии Крестного пути, и я очень этому рад: когда мы были здесь год назад, говорили, что о. Йозо очень болен, чуть не при смерти, и выглядел он действительно слабым; а сейчас он бодро и уверенно шагает вверх по крутому склону. В голосе о. Йозо слышатся слезы — но это потому, что говорит он о ранах и страданиях нашего Спасителя. Хорватскую речь с непривычки понять не так-то просто, лишь отдельные слова и фразы, группа растянулась, и нашей переводчице Терезе никак не удается переводить так, чтобы слышно было нам всем; но Крестный путь в особом переводе не нуждается...

А в первый раз я видел о. Йозо во время предыдущей поездки, в мае 2000 года, когда он служил во францисканском монастыре в селении Широки Брег, в тридцати километрах от Междугорья, и проводил там духовные встречи с паломниками. Под конец все выстраиваются цепочкой и подходят к нему под благословение. Об этих благословениях о. Йозо рассказывают много удивительных историй. Одну из них мы расскажем в следующей главке, а сейчас я хочу передать ту потрясающую историю о преданности и верности, которую мы узнали в этом монастыре.

Во время второй мировой войны в монастыре Широки Брег находилось тридцать девять братьев — священников и монахов. И вот уже перед самым концом войны, в 1945 году, в монастырь пришли титовские партизаны. Они собрали монахов и сказали: «Бога нет! Уходите домой». Никто из монахов не шелохнулся. Тогда один молодой партизан, рассвирепев, сорвал со стены распятие, бросил его на порог и сказал: «Раз так, отсюда выйдет только тот, кто наступит на это распятие!» И снова никто из монахов не шелохнулся. И тогда партизаны загнали их всех в подвал, забитый всякой рухлядью, залили бензином и сожгли... Их имена можно прочитать на мемориальной доске в монастыре.

Да, поистине были здесь преданные души в прежние времена, есть они тут и сейчас. Особого героизма теперь от них вроде бы не требуется, но верность и преданность всегда требуют самоотверженности, а вознаграждаются... красотой! Особой красотой души и тела, которой просто светятся многие люди в Междугорье, мужчины и женщины. Здесь я хочу рассказать о нашей переводчице Терезе, о которой вскользь уже упоминалось выше. Однако переводчица — это слишком мало сказано! Она, конечно, переводит — с хорватского на русский, на свой родной словацкий, на польский, на немецкий и я не знаю на какой еще, но это далеко не всё, чем она занята. Прежде она хотела стать монахиней, но попала в Междугорье и осталась здесь навсегда, не вступив формально ни в какое монашеское объединение, но всецело посвятив себя служению паломникам. При этом она все делает сама — сама ездит по разным странам с проповедью Междугорья (бывала и у нас в Москве); сама организовывает группы, устраивает для них приглашения, связывается с посольствами, находит место, где всех разместить, а также средства, чтобы все это оплатить. Я, как уже говорилось, дважды бывал в Междугорье, и оба раза — стараниями Терезы (и еще одной словацкой монахини — Марты). Но вот вы приехали — и Тереза с утра до поздней ночи будет вас всюду сопровождать, все объяснять и переводить, переводить своим чуть уже охрипшим милым голоском с очень красивым словацким акцентом. Тереза — подлинное «чудесо»! (Это, кстати, ее словечко.)

Дама, владеющая «силами»

Рассказывает сестра Эмманюэль:

«Едва церковь наполнилась, все обратили внимание на даму в пятом ряду, которая едва сдерживала рыдания. Я спросила:

— Что привело вас в такое состояние?

— Сегодня утром, у о.Йозо, я получила настоящую оплеуху. Я не могу понять, что произошло...

Ее охватывают рыдания, ей трудно завершить фразу. Искаженное лицо женщины выражает подлинную скорбь.

— Бог меня отверг, это несомненно!

Понемногу мне удается вытянуть из нее, что же все-таки случилось. Оказалось, что сегодня утром вместе со своей паломнической группой Карин пришла к о.Йозо, чтобы послушать его и получить его благословение. Сила и проникновенность его слов захватила Карин, и она окончательно утвердилась в убеждении, что о. Йозо это исключительное существо, может быть, святой. Теперь она ждала только одного — знаменитого благословения. Ведь она и в Междугорье-то приехала, прежде всего чтобы получить возложение рук от о.Йозо, всё же остальное совершенно не важно.

Паломники выстроились вдоль аллеи, и Карин наблюдала, как о. Йозо останавливался перед ними и благословлял их по двое, возлагая руки им на головы и очень тихо и сосредоточено шепча молитвы. Карин стояла в середине ряда, ее очередь приближалась, и сердце ее ликовало. Но произошло нечто необъяснимое: благословив двоих соседей справа, о. Йозо, совершенно не замечая Карин, перешел к следующим, а ее пропустил. Даже не посмотрел на

нее! Все ее существо было потрясено, как от удара, и, пока о.Йозо благословлял оставшуюся часть группы, Карин сменила место и стала в конце строя. Но вновь повторилось то же самое: о. Йозо явно пропустил ее, он благословил ее соседей, а на нее не обратил ни малейшего внимания.

— И с этой минуты, сестра, я в отчаянии, — всхлипывала Карин. — Если о. Йозо действительно святой, значит, Бог отверг меня...

(Ходят слухи, что Госпа сказала об о.Йозо: «Это святой». На самом деле, Она сказала Вицке: «Он свято переносит испытания» (находясь в тюрьме, он оставался верным и прощал своим врагам).)

— Но скажите, ведь вы хорошо его знаете, часто ли он вот так отказывает кому-либо в благословении?

— Гм... никогда! Или сверхредко, в самых чрезвычайных случаях. О.Йозо знает, что он делает, он не рассеян и не садист. Но, мадам, скажите откровенно, чего вы в глубине души хотели, приехав к о.Йозо?

Вот тут-то мне открылась вся подноготная, весь «букет». У Карин было трудное детство. Мать всегда ее презирала, а отец полностью отсутствовал. Всю свою молодость Карин очень старалась осознать свою личность, смысл своей жизни. Внутренняя пустота тайно угнетала ее, и она помышляла о самоубийстве. Смерть отца и другие семейные происшествия привели ее к встрече с людьми, умевшими «улавливать энергии», воздействовать на психику других; они убедили ее, что она сама обладает великим медиумическим даром, который ей нужно развивать. И тогда для Карин началась новая жизненная страница. Через различные степени посвящения и курсы на Дальнем Востоке она постигла оккультные науки и понемногу собрала себе клиентуру из людей, которым она «помогала».

Наконец-то она обрела смысл жизни, наконец-то она стала что-то значить в глазах других, наконец-то ее искали, у нее просили совета и даже превозносили ее за «положительную власть», которую она осуществляла над своими подопечными. Словом, наконец-то у нее появилось ощущение, что она живет!

Слушая Карин, я поняла, что, как это часто случалось, о.Йозо был предупрежден сверхъестественным образом. Дух Святой воспользовался им, чтобы избавить Карин от страшных иллюзий, питавших ее уже долгие годы. Мне даже не пришлось задать ей вопроса, она сама дала мне ключ к утреннему происшествию:

— Теперь вы понимаете, сестра, когда я пришла к о.Йозо, моей целью было получить его благословение...

— Другими словами?..

— Ну, получить его «положительную энергию», получить его власть исцеления. Я хотела уловить через него новые силы и, таким образом, лучше помогать тем, кто приходит ко мне... Вы понимаете, говорят, он — пророк, человек, избранный Богом и наделенный великой властью...

— Как раз потому, что это человек, вдохновленный Богом, и часто читает в глубине сердец, он и не благословил вас...

Карин поняла, что мы затронули сейчас суть проблемы, и слушает меня очень серьезно:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы бы вернулись такой же, как приехали, думая, что достигли своей цели! О. Йозо поступил как библейские пророки. Его поступок -- знак для вас.

Ведь вам нужен был удар, чтобы у вас открылись глаза! О.Йозо не распределитель «сил» и не маг. Он здесь не для того, чтобы укреплять вашу власть над другими. Нет, он — служитель, он — бедняк. Он — священник, который молится о том, чтобы Бог овладел сердцами Своих детей.

Рыдания прекратились, и смертная тоска, сквозившая во взгляде Карин, постепенно уступила место покою.

...А благословение о. Йозо она в конце концов получила после своего обращения, когда приехала сюда в составе другой группы, и просила о благодати быть совсем малой, а не для того, чтобы стать великой».

(*Из книги «Междугорье. Девяностые годы»*).

Пляшущие священники

Таких историй, как вышеприведенная, в Междугорье можно собрать десятки, сотни... Но был ли, в конце концов, свидетелем хоть чего-то чрезвычайного я сам?

Судите сами!

Во-первых, камни... Вы, наверное, уже заметили, как часто я упоминаю острые камни, которыми покрыты все дороги и тропинки в Междугорье: и на Подбрдо, и у Синего креста, и на пути на Крыжевац. Это неспроста. Жителю равнины может показаться, что в горах так бывает всегда — неудобно, но обычно. Вовсе нет. Я родом из Грузии, горные тропинки знаю с детства и свидетельствую: на Кавказе камни совсем другие (в Альпах, сколько могу судить, тоже) — там они плоские и лежат слоями параллельно поверхности земли, ходить по ним часто бывает удобно, как по ступенькам. К тому же они мягкие, буквально крошатся, когда по ним ступаешь. А тут — все непременно торчком из земли, острые, как клинья, и неимоверно твердые: поверхность их отполирована миллионами паломнических подошв, отполирована, но не затупилась! Ходить по ним — занятие вовсе не «прогулочное»! И вот оказалось: не только суровые местные крестьяне способны поднимать по ним материалы для строительства огромного креста, не только местным небалованным ребятишкам ничего не стоит пробежать по ним вверх по склону, не только наша Тереза с ее ангельской статью порхает по ним, но и старушки из нашей группы — а их было несколько, которым, казалось бы, и московские тротуары должны даваться с трудом — а одна так и вовсе с палочкой, шли повсюду, и на Подбрдо, и на Крыжевац — а это добрых три километра подъема — с удивительной прытью, ничуть не отставая от других. Да, бабушка с палочкой, всегда передвигавшаяся с трудом, и другая, с распухшими ногами, едва ковылявшая обычно, бодро шли наравне со всеми — и поднялись, и спустились. Это я видел.

Во-вторых, священники.

Прежде всего, конечно, «священники Междугорья», те, кто были там с самого начала, отцы-францисканцы Йозо Зовко и Славко Барбарич. Об о. Йозо я сказал уже все, что мог, теперь добавлю несколько слов об о. Славко.

Когда мы были в Междугорье в мае 2000 года, он исполнял обязанности духовного руководителя паломнического центра и проводил регулярные встре-

чи с группами паломников в специальном зале мест на триста — по множеству встреч в день. Встречи проходили по строгому расписанию, нам пришлось подождать, пока предыдущая группа освободит зал, потом мы вошли, расселись, и о. Славко стал говорить нам о смысле Посланий то, что я уже пересказал выше. Вдруг посреди речи дверь отворилась, и в зал стали входить какие-то люди. Оказалось, это итальянцы, неведомо почему решившие, что настал их час. И тут о. Славко загремел своим зычным «хорватским» голосом: *He, italiani! Che cosa volete?* («Э, итальянцы, чего вам надо?» — за орфографию не ручаюсь). И без малейших экивоков выставил их всех вон. Признаюсь, больше всего мне запомнилась именно эта крестьянская грубоватость, даже, пожалуй, хамоватость манер о.Славко. На следующий день у нас была назначена с ним встреча прямо там, где мы жили. И вот как сейчас помню его высоченную, поджарую, словно бы «вяленую» солнцем фигуру в коричневой францисканской рясе, неожиданно возникшую в светлом проеме двери на пороге минут за пятнадцать до назначенного срока. В просторном холле, где должна была проходить встреча, собралась уже почти вся группа, при виде о. Славко — возгласы удивления, улыбки, но он, словно бы не видя нас, прошел прямо в кухню, где стал говорить о чем-то с персоналом. Мы жили в приходском доме, и вел он себя, как крестьянин на своем подворье: занимался хозяйством, не замечая посторонних. Лишь в точно назначенный срок, в восемь часов, он вышел к нам, поздоровался, словно впервые заметил, и улыбнулся. Встреча прошла очень сердечно, глаза о. Славко поражали ясным духовным светом, казалось, он понимал все, что ему говорили, еще до перевода, крупные, резкие черты его лица смягчала улыбка, и он вовсе не пугал своей суровостью, но чувствовалась она все время. Может быть, это болезнь не оставляла ему сил ни на одно лишнее слово, лишнее приветствие? — Ведь в том же году, всего через несколько месяцев он умер, а выглядел таким крепким, таким здоровым! Известие о его смерти поразило меня, и парадоксальным образом то, что производило впечатление грубости и даже хамоватости, теперь воспринимается как верный признак святости: святые не притворяются.

Могила о. Славко находится на маленьком приходском кладбище неподалеку от церкви, и паломники часто приходят туда молиться.

Преемник о. Славко, о. Любко, похож на него лишь высоким ростом, в остальном — полная противоположность: улыбчивый, приветливый, ни малейшей суровости. Солнце еще не успело высушить его фигуру и обострить черты лица, как у о. Славко, но на нем уже лежит налет той особой «Междугорской» красоты, которую так легко заметить, но так трудно описать словами...

Увидел я его, когда приехал в Междугорье во второй раз летом 2001 года на духовные упражнения для священников. Они проводятся в Междугорье каждое лето, и съезжается на них до трехсот священников со всего мира... Я никогда прежде не видел столько священников сразу, съехавшихся по собственной инициативе, добровольно, со всех концов земли: из Литвы и Польши, из Франции, Италии и Англии, из Португалии и Бразилии; был среди нас даже один епископ, огромный мулат с Багамских островов. Вот когда стало понятно, для кого стоят скамьи амфитеатром вокруг алтаря с задней стороны церкви: для священников! Каждый вечер три сотни священников вместе совершают мессу — где еще можно увидеть такое, кроме торжественных папских

богослужений?! На редкость братская атмосфера, даже обычно сдержанные ироничные литовцы держатся удивительно открыто и дружелюбно, а епископ, который проводит все время вместе с нами, и вместе с нами служит, не выделяется ничем, кроме огромного роста да митры, которую он надевает лишь в предписанные уставом моменты службы... Наконец, заключительная месса, назавтра разъезжаемся. Вечер, уже стемнело, но ярко светят фонари, молитва протекает как-то особенно тепло. Кое-кто уже уехал, заметно, что стало нас поменьше, и это как-то еще более сближает оставшихся... И вот, после заключительного благословения мы начинаем петь благодарственные гимны, и вдруг, спонтанно беремся за руки и начинаем все быстрее и быстрее двигаться вокруг алтаря, плясать, воздевая руки, обнимаясь и восклицая «Аллилуя!»

Не знаю, как кому покажется: двести священников, в том числе громадная фигура в белом темнокожего епископа, пляшут вокруг алтаря с пением, возгласами и со слезами на глазах — на папских богослужениях такого не увидишь! Теперь, на расстоянии, я понимаю, что для кого-то во всем этом мог быть соблазн; но нам тогда ничего такого и в голову не приходило! Мы были дети в доме своего Отца, мы радовались и плясали просто потому, что Он нас любит, а мы любим Его и друг друга. «Пред Господом плясать буду» (2 Цар 6, 21).

Да, воздух Междугорья способен превратить в детей даже священников, и это третье, что я хочу отметить в Междугорье: воздух. Многие священники приезжают сюда специально для того, чтобы «разоблачить и опровергнуть», но едва глотнув здешнего воздуха, преображаются и обращаются в горячих сторонников. Мне рассказывали об одном священнике, который приехал в Междугорье по поручению своего епископа, чтобы «во всем, наконец, разобраться», имея в виду: «поставить точку». Но весь его скепсис вышел из него с первым же вздохом, едва он вышел из автобуса, еще ничего не увидев и не услышав, хватило воздуха. Вернувшись домой, он организовал богослужения в своем приходе по Междугорскому образцу: все, как здесь. И в результате, за каких-то два-три года в его общине добрый десяток человек выразили желание стать священниками. Тому, кто знает положение дел с призваниями ко священству на Западе, такая цифра скажет очень много.

Действительно, воздух Междугорья действует сам. Ничего не нужно объяснять, рассказывать, проповедовать. Ты ходишь и чувствуешь: да, здесь удивительно хорошо... И к тому же, он бодрит! Когда мы приехали из Москвы, несколько дней пути, поезд, автобус, жара, далеко не все из нас молодые — о наших бабушках я уже упоминал, — казалось бы, только доехать и свалиться, — куда там! Программа началась, еще в Тигалине, в нескольких километрах от Междугорья. В местной церкви стоит удивительной красоты статуя Пресвятой Девы — визионеры говорят, что из всех ими виденных она более всего походит на Госпу («Хотя, — добавляют они, — все равно Госпа гораздо красивее»), — и сразу месса, и опять автобус, а в Междугорье — часика два на отдых, а потом вечернее богослужение, для большинства — три часа на коленях! — и столько всего надо успеть всего за три-четыре дня, и все успеваем, и всюду ходим, и совсем не устаем! Воздух...

Вот и все, что я видел в Междугорье «особенно чрезвычайного»: камни, священники, воздух... О молитве я уже говорил.

Что еще?

А еще можно рассказать о монашеских общинах, во множестве представленных в Междугорье, особенно об удивительном «Оазисе мира» — недавно возникшей созерцательной общине, открывшей в Междугорье свой дом в очень живописном саду: в церкви там совершается круглосуточное поклонение Святым Дарам, а также стоит исключительно реалистичное Распятие в натуральную величину... На территории общины не принято разговаривать, только по сугубой необходимости, и царит такой удивительный мир и покой, что уходить оттуда совершенно не хочется...

Можно рассказать о сестре Эльвире — энергичной итальянской монахине, которая основала общину для молодых наркоманов: десятки юношей из разных стран — двое из России — живут тут по нескольку лет, пока совершенно не избавляются от наркотической зависимости. Строгий режим, молитва, работа, но охраны никакой, ворота всегда открыты настежь, уходи, если и когда захочешь, но уходят немногие, большинство остается и исцеляется...

Можно рассказывать и рассказывать, но пора, пожалуй, ставить точку. Вот только вопрос — какую?..

Так что же все-таки происходит в Междугорье?

Здесь мне следует перейти от личных впечатлений к официальной позиции Церкви, а она на сегодня такова: Междугорье признано как место паломничества и молитвы. Никому — ни мирянам, ни священникам — не возбраняется при желании туда ездить. На этот счет имеются официальные заявления представителей Святого Престола. И это все. Предмет подлежит дальнейшему изучению.

Дело в том, что Церковь не может себе позволить ни малейшей поспешности в оценке событий подобного масштаба. И в Лурде, и в Фатиме, и в других известных местах Богородичных явлений между событиями и официальным признанием Церковью их достоверности проходили годы и десятилетия. Сложность же Междугорской проблемы еще и в том, что события продолжаются! Никогда еще за всю ее историю Церкви не приходилось сталкиваться с подобной задачей.

Впервые Междугорскую проблему изучала еще Конференция епископов бывшей Югославии. К положительному выводу она не пришла, но и отрицательного вердикта не вынесла: решено было продолжать изучение вопроса. (Не стоит забывать и того, что Конференция работала еще в условиях коммунистического государства.) Потом Югославия распалась, и вопрос перешел в компетенцию правящего епископа Мостара, а тот занял резко отрицательную позицию (насколько на его позицию влияет тот факт, что вместо коммунистических властей Белграда ему приходится иметь дело с мусульманскими властями Сараево — тоже вопрос).

Известно, что Папа Иоанн-Павел II с большим интересом и вниманием следит за развитием событий в Междугорье. Известно, что многие авторитетные представители католического епископата открыто и горячо заявляют о своей убежденности в подлинности Междугорских событий. Но от убежден-

ности до официального утверждения расстояние большое. Слишком много противоречивых факторов приходится учитывать, слишком велик риск причинить вместо блага вред в нашем суматошном и небезопасном мире. Церковь не может себе позволить «резких движений», от которых могут пострадать ее чада.

Ну, а чада? — Похоже, что сердцем они уже почувствовали решение своей Церкви. Достаточно посмотреть, как они ходят по камням Междугорья, как дышат его воздухом, как молятся в его церкви... Вот закончилось вечернее богослужение, и прихожане, которых, несмотря на обилие паломников, в церкви все-таки большинство, расходятся, громко распевая, и паломники подхватывают простую, но очень красивую хорватскую мелодию, которая еще долго плывет в вечернем воздухе:

Gospa Majka moja, Kralica mira,
Gospa Majka moja, Kralica mira,
Gospa Majka moja, Gospa Majka moja Ti!
Gospa Majka moja, Gospa Majka moja Ti!

Похоже, их мало трогают заботы и тревоги церковных властей, как детей мало трогают «взрослые» заботы и тревоги их родителей. Правящий епископ настроен отрицательно? — Ну, так что же! Все равно он — правящий, и здесь его правлению подчиняются. В ризнице церкви висит его распоряжение о порядке проведения богослужений, и оно выполняется: епископ регламентирует богослужение, значит, он его не отменяет, — и слава Богу! В остальном, все, что касается явлений в Междугорье, полностью протекает в рамках частной инициативы, и, похоже, это всех устраивает.

Говорят, епископ высказался очень резко: «Я не утверждаю, что *не* доказано сверхъестественное, но что доказано *не* сверхъестественное»? — Что ж, по существу он прав: что сверхъестественного в том, что Мать посещает Своих детей?

Оставим «взрослые» заботы взрослым. Лучше послушаем еще раз голос Той, Которую хорваты так трогательно называют Majka moja, то есть «Мама». Вот одно из самых последних Ее Посланий, 25 декабря, на Рождество 2002 года:

«Дорогие дети, сейчас время великой благодати, но и великих испытаний для всех, кто хочет идти дорогой мира. Вот почему, деточки, Я снова призываю вас: молитесь, молитесь, молитесь, не словами, но сердцем. Воплощайте в жизнь Мои Послания и обратитесь. Осознайте, какой это великий дар, что Бог позволил Мне быть с вами, особенно сегодня, когда Я держу на руках Младенца Иисуса, Царя Мира. Я желаю дать вам мир, а вы несите его в своих сердцах и отдавайте другим, пока мир Божий не воцарится во всем мире. Спасибо, что ответили на Мой призыв».

Ольга СЕДАКОВА

СИЛА ПРИСУТСТВИЯ

Антоний Митрополит Сурожский. Труды. Составитель Е.Л.Майданович. М., Практика, 2002.

Разговор об этом огромном, прекрасно составленном и откомментированном томе, в каком-то отношении суммирующем четыре десятилетия жизни слов владыки Антония в нашей стране, мне хочется начать издалека, из собственного далека. Привычно думать, что так начинать нескромно, но сам владыка Антоний много раз повторял, что начинать что бы то ни было можно только с этого места, с себя. Если бы хоть этот его совет был услышан, сколько нелепых вещей, заполнивших наше публичное пространство, никогда не прозвучало бы! Если что на самом деле нескромно, так это утверждать, отрицать, оценивать что-то «вообще», из утопического «общего», «объективного» или «авторитетного» места. На одной из московских домашних встреч начала 70-х, в ответ на такое «авторитетное» возражение каким-то его мыслям Владыка удивленно сказал: «Но это просто невежливо! Я делюсь с Вами своей мыслью, а Вы мне возражаете: А вот Игнатий Брянчанинов... Так нельзя беседовать. Невежливо!» — грозно повторил он. Наука «знать себя» — не в смысле углубления в какие-то дальние области собственной сущности, а в самом простом смысле: знать, что тот, кто говорит твои слова и совершает твои поступки, — это и есть ты, и другого, запасного «тебя», вообще говоря, нет, эта начальная наука, лежащая в основании и духовной трезвости, и простой светской воспитанности, была забыта жителями идеологического общества самым прочным образом. Чаще всего мы говорили из того места, которое можно назвать мечтой о себе. Быть может, впервые я так наглядно увидела это положение дел как раз после изумленного слова Владыки: «Невежливо!» Или, может быть, не после самого этого слова и всей этой неожиданной реакции на такой привычный у нас ход спора, а от общего сравнения наших навыков судить и рядить о разных вещах — с его речью, в которой каждое слово было взвешено на весах собственного опыта и им оплачено. Он ни о чем не говорит «вообще» — и читатель тома увидит, что, о чем бы на ее страницах ни заходила речь, о евтаназии или о толковании евангельского стиха, дело все-

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук. Автор многих книг, в том числе и поэтических сборников, собрания сочинений в 2-х тт. и тома избранного «Путешествие волхвов».

гда идет не об упрощении решения, а о затруднении его поиска, о предотвращении попытки «закрыть тему», найти универсальную отмычку для всех закрытых дверей. В этом отношении знаменателен спор Владыки с той этимологией «истины», которую предложил о. Павел Флоренский: «естина», «то, что объективно есть»: «Это сомнительная этимология, и это также очень опасная точка зрения. Это точка зрения, породившая самую крайнюю нетерпимость, самые жестокие религиозные преследования, потому что если отождествить истину в ее выражении с той реальностью, о которой идет речь, тогда ошибка в формулировке означает богохульство, означает непрощаемый грех» (с.229).

Итак, издалека. Впервые мне пришлось увидеть — в самом деле, только увидеть, а не прочитать — слова владыки Антония где-то около 1970 года: это была машинописная копия «Молитвы и жизни» (переведенной с английского Е. Л. Майданович и опубликованной в 1968 г. в ЖМП), экземпляр, который М. В. Юдина дала почитать моему учителю фортепьяно, В. И. Хвостину. Поля тесной, тесной машинописи были испещерены страстными восклицаниями Марии Вениаминовны. Помню одно из них: «Рукой праведника писано!». Вероятно, рукопись дали моему учителю ненадолго, поэтому все, что я узнала из нее тогда, — это имя проповедника и восторг, окружающий это имя. В кругу людей, которые в 70-е годы в Москве передавали друг другу этот и другие, совсем уже самиздатские списки проповедей и бесед Митрополита Сурожского, а потом и их магнитофонные записи, тех, кому довелось видеть его на богослужениях в московских храмах и на встречах в московских квартирах, его называли «Владыка», не прибавляя имени.

Вряд ли можно вообразить сейчас, каким взрывом было явление слова Владыки в *той* Москве. В Москве, где считанные люди помнили, в какой день празднуется Рождество, большинство в глаза не видели Св. Писания и о содержании его имели самые фантастические представления, а «религиозная пропаганда» была деянием уголовно наказуемым (в этот разряд вполне могло быть зачислено и распространение проповедей и, тем более, неподконтрольные встречи с митрополитом Антонием, тогда Патриаршим Экзархом Западной Европы: так что те, кто решался устроить такую встречу у себя в доме, шли на большой риск). Пятьдесят лет воинствующего атеизма свое дело почти сделали. Почти. В этой непроглядно советской

Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат,

как заметил в 1957 г. Б. Пастернак, продолжалась тонкая нить традиции, почти невидимая посторонним, как бы в дальнем укромном углу:

У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.

На службе этой, как мог увидеть вошедший, стояли почти одни бабушки. Дети их принадлежали самому индоктринированному советскому поколению. Иные из внуков начинали по этой причине семейную гражданскую войну

или даже «духовную брань» с собственными родителями. Начиналось что-то новое: *та* Москва (собственно, ее интеллигенция) уже читала Флоренского, Булгакова, Бердяева, перепечатывала или переснимала страницы «Добротолюбия» и искала любого источника, любого путеводителя по православию. Популярнейшим текстом «религиозного самиздата» был дореволюционный Катехизис. Теперь, когда обсуждается, позволительно ли в государственной школе преподавать Закон Божий, вполне живо представить ту потаенную любовь к гимназическому Катехизису маловероятно.

— Как все переменилось, — пожаловалась я владыке Антонию в его лондонском храме в 1989 году, когда впервые оказалась в Англии. Владыка понял, на *что* я жалуюсь.

— Да, то, что казалось твердым... Все как в подушку уходит, — с горечью сказал он.

У того, чем нас мучили, у всех этих норм и идей не оказалось ни одного верного защитника! Чье же это было — и кто были их служители — и куда все ускользнули — и что теперь делать?

— Не знаю, — покачал головой Владыка, — совсем не знаю.

Но тут в его как будто ушедшем — в печальную даль или в трудную глубину — взгляде вдруг загорелся тот веселый огонь, который знают все, кому пришлось вблизи видеть его переменчивое лицо: веселый, непобедимый, *видящий все как есть*.

— Бог подскажет.

Вероятно, он и не сказал этих слов. Они просто загорелись в его глазах. Он посмотрел на меня не то чтобы не своими глазами — своими: но еще и глазами великой, бессмертной победы, глазами Воскресения, глазами близко стоящего Царства. Поразительно было не только то, что такие глаза совершенно въяве можно увидеть здесь и сейчас, — но то, что и я оказалась не совсем тем, кто только что спрашивал: я оказалась тем, кого эти глаза *видят*! И по существу, нужно ли человеку какое-то еще утешение, какой-то еще совет? Вспомни, как ты видим, как ты любим, как ты навсегда не забыт — вот весть, с которой Владыка выходит к своему собеседнику. Читатель книги увидит эту весть, выраженную в лице, позе, движении, всем существе Владыки, на многих фотографиях, помещенных в книге, и особенно на тех, что запечатлели его рядом с разными собеседниками.

Это был конец довольно долгого и как будто не очень связного разговора, к этому концу — открытому концу — он и пришел. На моих глазах, вообще говоря, *для* меня (это опять же может звучать нескромно, но именно это и отвечает намерению говорившего: в то время, когда Владыка общается с человеком, он живет и действует ради него) Владыка очередной раз исполнил то, что он считает христианским призванием в мире: явление чуда, откровение присутствия Бога. «Они (отдельный христианин и христианская община) являются присутствием вечности, будущего мира, окончательного итога истории — уже здесь, во времени» (с. 957). Или так: «сопричастность, даже в некотором роде больше, чем причастность, потому что, приобщаясь тому, что мы можем воспринять от Бога, мы становимся откровением чего-то, что превосходит нас самих»

(с. 356). Или так: «И я думаю, что многие святые никаких чудес не творили, но сами были чудом» (с. 368)[1]. Чудо же, как сказано в той же книге двумя страницами ниже, — это не что иное, как въяве происходящее общение с Богом, прямое восприятие живого, творящего слова Божия: «Разумеется, каждая тварь общается с Богом по-своему, однако нет такой твари, которая с Богом не может иметь какого-то общения, иначе понятие о чуде было бы невозможным. Когда Христос приказывает волнам улечься, ветру успокоиться (Мк 4:35), это говорит не о том, что у Него есть некая магическая власть над природой, а о том, что живое слово Бога каким-то образом воспринимается всякой Его тварью» (с. 370).

Мне нигде не приходилось встречать такого описания чуда — привычные его определения не заходят дальше «знака», «знаменья»: но чего это знак? По Владыке, знак осуществленной связи: знак того, что творение не перестает быть открытым Творцу — и что творящее слово не перестает быть внятным каждому творению. И в этом мне видится крайне актуальная, быть может, единственно актуальная апологетика наших дней: ведь не само по себе «бытие Божие» — но реальность *связи* мира с этим бытием, вот в чем заключено самое болезненное и упорное отрицание современного атеизма, который предпочитает называть себя агностицизмом. Вот что — дополним — не менее сильное, хотя и скрытое, убеждение набожности определенного рода, того фундаментализма, который страшится нарушить мельчайшее из традиционных установлений, кроме одного, главного и единственного, о котором не перестает напоминать Владыка: требования «сопричастности и даже в некотором роде больше, чем причастности», требования правды. «И поэтому, где бы мы ни были, наше дело не то что "проповедовать", а каждый раз, когда кому-то нужно, сказать Божию правду, каждый раз, когда какая-нибудь ситуация конфликта, напряжения, разногласия, не брать сторону, которая нам, как церковникам или верующим, выгодна, а сказать: в этом правда Божия» (с.379). Агностицизм утверждает, что правду эту человеку просто невозможно знать, — а фундаментализм полагает, что она нам уже вполне и во всех деталях известна и что в ней предусмотрено все вплоть до правильного способа завязывать головной платок, так что живое общение с Богом «в наши дни» избыточно (или тоже, не менее, чем для агностика, невозможно — «при нашей-то греховности»[2]). И те, и другие назовут свое уклонение от общения «скромностью» и «смирением». Но Владыка с величествен-

---

[1] Последняя формула напоминает слова раннего биографа св. Франциска Ассизского: «Он не молился, но сам был молитвой». Франциск, далеко на самый близкий митрополиту Антонию святой (в автобиографических заметках Владыка говорит о своей неприязни к итальянской стихии), вспоминается и в связи с темой вежливости, о которой речь шла выше: вежливость, учтивость была для умбрийского «беднячка» такой важной вещью, что самый грех он определял как «невежливость по отношению к Творцу», «грубость по отношению к творению».

[2] В ответ на эту весьма распространенную среди современных православных позицию еп. Иларион приводит слова прот. Георгия Флоровского и еп. Диоклийского Каллиста: «Говорить, что Святых Отцов уже не может быть (в других случаях говорят, что не может быть настоящей духовной музыки, иконописи, поэзии. — *О.С.*), значит утверждать, что Святой Дух покинул Церковь» (с.15). Такое «смирение» оказывается тяжелейшей хулой и бунтом!

ной простотой говорит: «однако нет такой твари, которая с Богом не может иметь какого-то общения». И если сомнениям в «бытии Божием», как мы помним, пытались отвечать путем интеллектуальных доказательств, то сомнениям в возможности *связи* с «эсхатологической реальностью», как называет это Владыка, связи не менее реальной, чем любая воспринимаемая чувством вещь в мире, и по существу более реальной, чем все эти вещи, можно ответить только самим собой, то есть тем, что можно почувствовать прямо и несомненно. Таким аргументом, самим собой, Владыка ответил тысячам своих современников во всем мире. Тем, кто никогда до встречи с ним не знал о возможности такой связи, — и тем, в ком эта связь слабеет и забывается, и можно в черные дни или месяцы или годы решить, что забылась навсегда — как случается со всеми нами. Когда составители тома говорят о *литургичности* как об одном из основных качеств богословия митрополита Антония (с.10), то несомненно имеют в виду это: то, что оно исходит из реальной связи и действенного Присутствия Божия — из того, чему и посвящены, чем и обоснованы Таинства Церкви.

Как будто совсем небольшое продление привычной богословской мысли о чуде, небольшая «поправка»: но ее неожиданный свет усиливает ту радостную новость о мироздании, которую несет христианская весть. Такое чудо уже не спутаешь с чудесами других верований: чудо не как знак высшей силы, которой ничто не может противиться, а Христово чудо — Его разговор с творением и внимание твари Ему. Откровение власти? да, но Христовой власти служить, власти отдавать себя. Такое суждение о чуде — проявление того качества богословия митрополита Антония, которое составители называют «евангелизмом».

С похожим «продлением» привычных пониманий созерцания и деятельности мы встречаемся в московской беседе 1971 года (с.417 — 446). И то, и другое — и созерцание, и деятельность важны для Владыки только тем, в какой мере они связывают человека с Христом, и потому их предметное содержание (такое, как, скажем, филантропическая активность — для деятельности и транс, медитация, погружение в надмирные глубины — для созерцания) уже не так существенно и уж никак не противопоставляется: деятельность оказывается пророчеством! «Чтобы наши действия были действиями Самого Бога, которые Он творит через нас. Мы призваны так быть пророками» (с.421). Созерцание же — молитвенное созерцание, пример которому он находит в Силуане Афонском, — рождается из плача перед Богом о людях, которые рядом: это «плакание» и уносит созерцателя «в глубины Божии», где в конце концов он встречает тот же, здешний мир и тех же людей, но уже внутри Божественной любви, которая и «возвращает на землю и заставляет молиться» (с.424). Как далеко мы оказались от привычной — и вообще говоря, скорее универсальной, чем собственно христианской, — диады жизни созерцательной и жизни деятельной, vita activa и vita contemplativa! Такая деятельность таинственна, и такая созерцательность действенна, и обе они — разные роды участия в замысле Спасения. Привычная персонификация двух этих родов жизни в Марфе и Марии здесь вряд ли уместна: Марфа *не* деятельна в том смысле, какой имеет в виду Владыка.

Не буду приводить других образцов «продления» и «уточнения» традиционной мысли в богословии митрополита Антония, которое епископ Иларион Керченский в своем вступлении называет святоотеческим, называет «совре-

менным ... выражением веры апостольской, веры отеческой, веры православной» (с.23). С тем же правом мы можем назвать его и новой апологетикой. Среди мелочных и по большей части невежественных усилий последних лет разграничивать «истинно православное» и «неправославное», быть может, только Владыка возвращается к привычным фундаментальным понятиям с мерой их «христианскости», очень тонко и мягко обнаруживая следы универсального, отвлеченного, вообще «религиозного» или «платонического» субстрата в их значениях, как бы обращая эти значения лицом к Христу, как в случаях чуда, созерцания, о которых мы говорили, так и во многих других, о которых у нас нет возможности здесь говорить подробнее. Что происходит с ними после такого всматривания и «обращения»? Они становятся проще и теплее, они становятся неотделимее от первых требований — «сердца милующего», «нищеты», «верности». Ни чуда, ни созерцания без всего этого не бывает — или же то, что бывает, это совсем иное чудо и иное созерцание.

В те годы, когда слова митрополита Антония и сам он появились перед московскими искателями православия, нельзя сказать, чтобы мы были готовы к такому повороту дела. Многие тогда думали, что все дело в знании: надо поскорее и поточнее узнать, как правильно все делать, сколько раз, как именно. На одной из встреч кто-то характерным образом спросил Владыку: «Сколько раз в день нужно читать «Отче наш»? И услышал — со ссылкой на кого-то из подвижников — что человек, один раз в жизни *в самом деле* призвавший Господа, уже не погибнет. Такая мера обескураживала. *В самом деле* — одно из главных слов Владыки — связано не только с его личной цельностью и радикальной серьезностью: это, несомненно, ответ современности с ее фундаментальным сомнением в том, что есть хоть что-нибудь *в самом деле*, что сама непосредственная реальность не совсем *в самом деле*. Это было так же неожиданно тогда, как теперь. Но тогда, быть может, все облегчалось тем, что люди приходили к вере вопреки внешним обстоятельствам, с определенным риском для себя, и мотивация была очень личной. Теперь же мотивация «возвращения к православию» явно другая: в большинстве случаев это «возвращение к корням», «к вере предков» и т.п. Как среди этого воздуха звучит слово Владыки? Слово, напоминающее о том, что «корни» человека — в небесах и что сам он, постольку поскольку стал причастным Христу, имеет отношение к страданию всего мира (замечательный образец такого понимания «частной жизни» — беседа «Вечерняя молитва», с. 949–950: в самой как будто частной, самой интимной молитве Владыка хочет видеть литургическую молитву Церкви «о всех»). Я начинала с того, как важно для Владыки личное место человека, как без говорения «от себя лично» все повисает в воздухе и не касается земли смысла — окончательный объем этого «себя лично» у «человека христианского» включает в себя небо и землю, поскольку внутри себя он находит то, что больше неба и земли, что может вместить все. Это небольшой комментарий к тому, что составители называют «антропологичностью» богословия митрополита Антония. Таким, вмещающим в себя весь мир, он видит человека.

Это слово родилось из опыта изгнания и утраты почвы и приняло на себя груз гонения на почти недоступной родине: слово, обращенное ко всему миру, если не единственный и первый, то во всяком случае, крайне редкостный опыт

вселенского православия. Слово, современное и соразмерное трагедии XX века и его величию (о котором, среди разговоров о катастрофах, обычно забывают: этому величию, воплощенному в российских новых мучениках, посвящена книга английского богослова Доналда Никколла «Триумф духа в России» — Donald Nickoll «Triumphs of the Spirit in Russia». London, 1997) . «Нам есть что сказать миру после нашего опыта», сказал в одной из своих приходских проповедей в Лондоне Владыка. Его услышали в Англии, в Италии, во Франции, в других странах издавая многочисленные переводы его слов и находя в них для себя этот новый опыт. Есть ли теперь кому услышать это слово нового опыта у нас? Если оно не тронет современного православного человека в России, если оно вызовет только вполне предсказуемую вражду и обвинения в «протестантизме», «западности» и в чем-нибудь еще вроде этого, дело наше печально.

Говоря о книге, я отвлекалась на воспоминания о встречах с ее «автором». Но в действительности это и есть разговор о книге. Ведь владыка Антоний не *писал* этой книги. Он ее *говорил* (как правило, без подготовительных записей): говорил разным людям в разных обстоятельствах, и всегда просил обращать внимание на то, к кому обращена эта речь. Первое событие происходило там, между ним и его слушателями. Мне хотелось еще раз напомнить, что при всей силе и точности его слов, главное событие — событие личной встречи, которая состоит не только и не столько из слов, — остается все-таки за пределами текста. Фотографии и киносъемки тоже не заменят ее: во всей реальности она происходит лично с тем, на кого в этот момент смотрит Владыка.

Почти всеми письменными текстами и в этом томе, и в других изданиях мы обязаны Елене Львовне Майданович: это ее записи русских и иноязычных бесед, ее переводы с трех языков, на которых произносил эти слова митрополит Антоний, ее дар передавать устную речь так, что почти физически слышишь живую интонацию Владыки, ее подвижнический издательский труд (все издания последних лет, указанные в библиографии, осуществлены ею). В составлении и комментировании тома — мысль и редкостная эрудиция Анны Ильиничны Шмаиной-Великановой, духовной дочери владыки Антония. Это издание — их дар российскому читателю и нашей Церкви.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ в зеркале прессы

(декабрь 2002 г. – январь 2003 г.)

(Краткий обзор)

1. VII Всемирный русский народный собор

В конце ноября в храме Христа Спасителя состоялся очередной, седьмой по счету, Всемирный русский народный собор, посвященный теме «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России». Как обычно, в работе Собора приняли участие представители высших органов государственной власти и традиционных религий, хотя на этот раз заседание было не столь представительным, как в прошлом году, когда на открытие приехал президент страны. Среди прочих присутствовали первый вице-спикер Госдумы Любовь Слиска, лидер ЛДПР Владимир Жириновский, глава КПРФ Геннадий Зюганов, руководитель ФНПР Михаил Шмаков, верховный муфтий России Талгат Таджуддин, главный раввин России Адольф Шаевич. Предполагалось, что собор откроет Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, однако по рекомендации врачей он на мероприятие не приехал.

«Независимая газета» (17 декабря 2002 г., «Прибыль ради ближнего») отметила, что «наибольший интерес вызвал доклад митрополита Кирилла — одного из главных идеологов Собора. До начала заседаний многие недоумевали, каким образом митрополит охарактеризует проблему прибыли в бизнесе с точки зрения православной этики. В своем выступлении Кирилл заявил, что «единственным законным собственником всех земных богатств является Бог, а мы — только пользователи этих богатств»».

Кирилл Василенко в газете **«Время новостей»** (17 декабря, «Время и труд все перетрут») обратил внимание на то, что «определить, к чему именно призывает РПЦ на VII соборе помимо общенравственного аспекта, достаточно сложно». Однако, по мнению обозревателя, на встрече прозвучало одно конкретное законотворческое предложение к депутатам Госдумы о совершенствовании налоговой системы, в частности в сфере благотворительности.

Надо заметить, что в СМИ, как печатных, так и электронных, собор не вызвал особого интереса. На это обратил внимание читателей **сайт Свято-Филаретовского института (www.sfi.ru)**: «Лишь портал Credo и «Русская линия» не без ехидства обсудили тонкости церковной политики, да «Мир религий» (www.religio.ru) разместил краткое информационное сообщение об обращении Путина к участникам РНС. Возможно, это связано с нежеланием всерьез обсуждать такую сложную и болезненную тему, как возрождение русского народа. Слишком легко здесь подменить анализ набором либеральных штампов или, наоборот, приблизиться к заведомо маргинальным и более чем где-либо бессмысленным в традиционно многонациональной стране инвективам типа: Россия — для русских...

Между тем проблема, от которой никто из нас никуда не денется, была и остается: русский народ, быть может, более других был духовно и психоло-

гически разорен во времена советской власти, и это страшное саморазрушение продолжается. Обсуждение этой национальной катастрофы чаще всего отдано на откуп так называемым «патриотам» — тем, кто готов видеть ее виновников в евреях, католиках, американцах, интеллигентах — в ком угодно, но только не в себе самих. Ксенофобия и агрессия, обида и ненависть, разрушительные и для души человека, и для души народа, становятся сегодня самым распространенным духовным состоянием наряду с апатией и глубоким унынием, и русские, теряя свою «всемирную отзывчивость», открытость и жертвенность, все более перестают быть русскими <...> Единственный выход из ситуации — изменение жизни, подлинное обращение на путь к Богу и в Церковь — пока что подменяется попытками новой «симфонии» между государством и Русской православной церковью, поверхностными, внешними вещами».

2. К вопросу о создании католической митрополии в России

Конфликт между Русской православной церковью и Ватиканом понемногу теряет свою остроту. Накануне Рождества главы церквей обменялись поздравлениями. Аналитик портала **Credo** («Итоговое Рождество», 24.12.02) обратил внимание на неожиданно примирительный тон послания патриарха Алексия II. «Гораздо более логичным и естественным выглядело бы совершенное отсутствие патриаршего послания в Рим, но никак не призыв к «обновлению братолюбного общения», которого и в прошлые-то, относительно спокойные, годы не было в патриарших посланиях», — пишет он.

В интервью газете **«Коммерсант»** (9.01.03) патриарх **Алексий II** отметил, что надежда на улучшение отношений с Ватиканом «основывается на продолжающемся нашем сотрудничестве с католическими епархиями, монастырями, благотворительными и образовательными учреждениями, общественными организациями». «Русская православная церковь открыта к диалогу, нацеленному на реальный учет наших пожеланий и чувств наших верующих. Перспектива улучшения взаимоотношений сейчас всецело зависит от воли Ватикана», — сказал предстоятель РПЦ.

Между тем, в Москву 11 января 2003 года прибыл новый представитель Святого Престола архиепископ **Антонио Меннини**. Газета **«НГ-религии»** (15.01.03), рассказывая об этом событии, приводит выдержку из речи посла. Высокопоставленный дипломат — среди многочисленных приветствий — отдает дань уважения и РПЦ, к «которой Католическая церковь питает чувства почтения и истинной признательности к ее великой духовной и культурной традиции».

В то же время противоречия между Москвой и Ватиканом чреваты внезапным обострением. В январе Папа Иоанн Павел II раскритиковал российские власти за высылку из России нескольких католических священнослужителей. Реакция РПЦ последовала незамедлительно. Заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин в интервью «Интерфаксу» высказал недоумение по поводу того, что «Ватикан из единичных случаев отказа в визах, на что любое государство имеет право, пытается построить картину якобы тотальных преследований католиков в России».

Комментируя эти высказывания, **Олег Недумов** (**«Независимая газета»**, 15.01.03) останавливается на разнице в подходах разных католических группировок к «восточному вопросу»: «Позиция итальянской группировки, в том числе по вопросам внешней политики Ватикана, зачастую кардинально расходится с политикой Папы и его окружения. В первую очередь это касается «восточной политики» Ватикана и его взаимоотношений с РПЦ. В споре по поводу учреждения в России католических епархий итальянские католики зачастую выступали на стороне Русской Православной Церкви. За последние полгода Московскую Патриархию посетили уже несколько делегаций от разных итальянских епархий Римско-Католической Церкви, которые открыто выражали поддержку позиции РПЦ».

3. «Основы православной культуры» в школе

В конце 2002 года пресса начала бурно обсуждать возможность введения в школах религиозного образования. Поводом стало рекомендательное письмо министра образования Владимира Филиппова с примерным содержанием учебного предмета «Основы православной культуры». В СМИ развернулась полемика, причем выяснилось, что не только атеисты, но и многие верующие не поддерживают эту идею. Так, газета **«Комсомольская правда»** (10.12.02) поместила некоторые письма читателей, большинство из которых выступили против предлагаемого Минобром курса. **«Новая газета»** (9.01.03) отметила, что издание учебника А. В. Бородиной по этому курсу побудило организацию «За права человека» обратиться в суд. Правозащитники посчитали, что в учебнике пропагандируются национальная рознь, ксенофобия и неприязнь к неправославным конфессиям.

Надежда Кеворкова (**«Газета»**, 05.12.02) в статье «Выполните творческую работу по любому сюжету Евангелия» приводит некоторые «перлы» Бородиной: «Так, Иисуса приветствует «толпа народа», а «не унимаются и настаивают на казни» — иудеи (потому что «этот народ думал о земном: о своей независимости, власти над другими народами»). Ужасы разорений закрепляются в детском сознании за поляками и татарами».

В комментарии для **«Газеты»** **Александр Огородников**, директор детского реабилитационного центра, отсидевший в советских тюрьмах восемь лет за организацию христианского семинара, заметил: «Люди, которые от имени Церкви пишут учебники и преподают свои курсы, в большинстве случаев могут предложить обществу лишь синодальный тип благочестия, отрывающий православие от культуры. Православие, которое не участвует в сегодняшнем дне, не говорит на понятном языке, обречено на самоизоляцию. И в вузы, и в школы они несут ветхие слова и ветхие модели. Это искаженное лицо христианства».

Диакон **Андрей Кураев** в газете **«Известия»** (13.01.03), наоборот, приветствовал появление «Основ...» в школе. По его мнению, «государственно выверенный учебник по «Основам православной культуры» — это превентивный образовательный удар против экстремизма». При этом автор сетует на отсутствие кадров и приводит вопиющие случаи из практики преподавания нового курса. Так, в одной из школ Красноярского края ученики усвоили полную энциклопедию православных суеверий. «Им уже поведали, что ИНН есть печать

антихриста, что собака уносит из дома благодать, что Иван Грозный и Григорий Распутин — святые люди».

Выступает за преподавание нового предмета в школе и **Кирилл Михайлов**, автор портала **«Религия и СМИ» (www.religare.ru)** («Православная культура» между обществом и государством», 18.12.02). «Попытка приобщить детей к православной культуре (но не культу, чего многие боятся) означает только одно — желание повлиять на духовное состояние нации через приобщение к той системе ценностей, в которой сложилась русская культура», — пишет он.

Однозначно выступил за преподавание факультативно «Основ...» **патриарх Алексий II**. В упоминавшемся уже выше интервью газете **«Коммерсант»** (09.01.03) первоиерарх подчеркнул, что предмет этот культурологический и преподается он на строго добровольной основе. При этом Святейший высказался против предложения заменить «Основы православной культуры» религиоведческим курсом, в котором бы давалось «равноудаленное» представление обо всех религиях мира: «Следуя этой логике, школе нужно отказаться и от отечественной истории или литературы как самостоятельных предметов либо уделять им не больше внимания, чем, например, истории и литературе Новой Зеландии — государства, безусловно, интересного, но от России все-таки далекого».

Министерство образования в лице министра неоднократно заявляло о факультативном преподавании «Основ православной культуры». Однако на самом деле все не так просто. **Анна Качуровская** в еженедельнике **«Коммерсант-Власть»** (© 47, 2-8 декабря 2002, «Уроки православного») обращает внимание на то, что «в письме министра предлагается внедрить курс в рамках так называемого регионального компонента образовательной программы. Решение о том, включать или не включать курс «Православная культура» в региональную часть учебной программы, принимают органы народного образования субъекта федерации. И на этом «факультативность» предмета заканчивается. Если решение принято, «Православная культура» во всех школах региона попадет в сетку расписания и станет обязательным предметом». Автор обращает внимание также на то, что примерное содержание нового предмета полностью заимствовано из программы обучения в духовных школах.

С А. Качуровской солидарен и **А. Пчелинцев** (**«НГ-религии»**, 04.12.02): «Внимательное ознакомление с содержанием учебного предмета «Православная культура» позволяет прийти к выводу, что предлагается не православная культура, а Закон Божий, правда, с элементами культурологии».

В заключение сюжета добавим, что руководство РПЦ по-прежнему стремится вернуться в дореволюционную эпоху. Во всяком случае, в сфере катехизации, когда школьный Закон Божий фактически подменял собой полноценную миссионерскую работу. К чему это привело — хорошо известно. Стоит ли снова наступать на одни и те же грабли?

4. Новая религиозная политика России

Похоже, что концепция религиозно-государственных отношений в современной России претерпевает серьезные изменения и на первое место выходит доктрина «господствующей церкви». Об этом свидетельствует, к примеру,

проект доклада, подготовленный к совместному заседанию Совета безопасности, Государственного совета и Совета по взаимодействию с религиозными организациями при президенте РФ.

Анализ этого документа появился в **«Газете»** («Идеология вседозволенности и эгоизма», 05.12.02). Текст документа, формальной темой которого является религиозный экстремизм в России, фактически ставит вне закона большинство религиозных объединений. В ряду угроз национальной безопасности в докладе первое место занимает Римско-Католическая церковь, затем протестанты, представители новых религиозных движений. Словом, к экстремистам отнесены все, кроме православных, буддистов и иудеев. В области госстроительства сделано предложение по воссозданию Совета по делам религий, нового Министерства культов, которое неизбежно будет вторгаться в деятельность религиозных объединений. «Но все меркнет, — пишет далее «Газета», — перед требованием «наложения временного, до вынесения судебного решения, ареста тиражей изданий книжной продукции спорного содержания».

Аналитик портала **Credo** (06.12.02) расценил появление подобного текста как новый шаг на пути превращения России в идеократическое государство. «Шпиономания и конспирология, владеющая умами авторов исторического доклада, воскрешает в памяти лучшие образцы «православного сталинизма», — утверждает он.

С ним солидарен и автор публикации в газете **«Версия»** (02.12.02), с атеистических позиций выступающий против слияния церкви и государства.

Газета **«Время МН»** («Духовенство отделяется от верующих», 10.12.02) обратила внимание читателей на то, что текст пресловутого доклада воспроизводит риторические фигуры церковных радикалов. По мнению газеты, доктрина «государственной церкви» далека от реалистического понимания места религии в современном мире. Ее раскрутка в перспективе может больно ударить и по церкви, и по государству. По церкви — потому что окончательно убьет в ней ростки общинной, соборной жизни. По государству — потому что поставит под сомнение то положительное, что несет в себе религия.

Продвижение религии в государственные сферы и в дальнейшем продолжало оставаться в поле общественного внимания. Так, 21 января 2003 года в той же газете **«Время МН»** появился материал о создании церковного лобби в Думе. В нем говорилось о создании межфракционного объединения «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей в России».

Кирилл Василенко (газета **«Время Новостей»**, 17.01.03, «Духовный диагноз») рассказал о парламентских слушаниях «Религия и здоровье», которые проходили в стенах Даниловского монастыря. В несколько ироничном тоне он привел слова митрополита Кирилла, заявившего, что «каждый закон должен проходить экспертизу, влияет ли он положительно на духовное и физическое здоровье или отрицательно».

Комментарии, как говорится, излишни.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

ДЕЛО СВЯЩЕННИКА ПАВЛА АДЕЛЬГЕЙМА

От редакции

В 108-м номере нашего журнала (№ 2 за 2001 г.), в рубрике «Религия», была напечатана статья Ивана Захарова «Дело архимандрита Зинона с братией». В ней давался скрупулезно аргументированный богословский анализ этого «дела»: доказывалась полная несостоятельность тех, противоречивших церковным канонам прещений, которые наложил на архимандрита Зинона (знаменитого иконописца) и двух монахов Мирожского монастыря архиепископ Евсевий — правящий архиерей Псковской епархии Русской православной церкви. В вину наказанным вменялось то, что они причастились вместе с католиками, прибывшими из Италии в монастырь, настоятелем которого был тогда о.Зинон и куда со всего мира приезжали христиане разных конфессий учиться иконописному искусству. Отметим кстати, что через несколько месяцев после выхода этой статьи все прещения с о.Зинона и его братии были сняты самим Патриархом в обход псковского архиерея, что само по себе уже — случай редкий. Напоминаем об этом не потому, однако, что усматриваем какую-то непременную (хотя и возможную) связь между публикацией статьи и указом Патриарха, а лишь потому, что, стало быть, критика действий псковского архиерея в отношении о.Зинона, в статье была вполне обоснованной.

Сегодня мы можем сообщить нашим читателям, что автор упомянутой статьи, напечатанной под именем Ивана Захарова, — протоиерей Павел Адельгейм, священник все той же Псковской епархии Русской православной церкви. Причина, по которой он решил, печатая статью, прибегнуть к псевдониму, заключалась в том, что о.Павел готовил к печати книгу, в которую материал об о.Зиноне должен был войти приложением, и публикация этого материала под настоящим именем автора могла бы в тот момент помешать ее изданию.

И вот, наконец, в ноябре прошлого (2002) года Псковская областная типография выпустила в свет эту книгу — «Догмат о Церкви в канонах и практике»*. Немногим ранее ее первые главы были опубликованы в журнале «Вестник РХД» (№ 184). Книга поднимает вопросы о судьбе Церкви, о том, какими должны были бы быть и какие на деле в наше время складываются отношения между разными людьми, называющими себя членами Тела Христова, о месте епископа и природе его служения в Церкви, о соборности в учении Церкви и частой подмене этой соборности практическими архиерейской «самодержавностью» и приходским «попизмом». Книга призывает к возрождению соборности и личной ответственности всех членов Церкви за все, что в ней происходит. Автор хорошо владеет православной каноникой и догматикой, и этот призыв его основан не на одних эмоциях по поводу проблем Церкви, его беспокоящих. Это вдумчивое богословское исследование темы, приглашающее к размышлению и открытое для диалога.

Но как только книга появилась в продаже, на автора начались (как и можно было ожидать) самые настоящие гонения. Владыка Псковский и Великолукский Евсевий (Саввин) сразу же попросил нескольких священников своей епархии прочесть книгу и

* В феврале 2003 г. текст книги появился в Интернете на сайте http://www.golubinski.ru/ecclesia/dogmatcont.htm — *Прим. ред.*

составить краткое мнение о ней. Изложить же эти мнения священники были приглашены на епархиальное собрание. О.Павла на это собрание не позвали, а вернее — не пустили, несмотря на прямые его просьбы разрешить ему принять участие в обсуждении его собственной книги...

Так началась история, изложенная ниже подборкой документов, которыми мы получили возможность воспользоваться и которые дают об этой истории, мы полагаем, достаточно ясное представление. Читатель сам сделает выводы из прочитанного; мы же хотели бы только подчеркнуть, что публикуем эти документы отнюдь не потому, что нам доставляет хоть какое-то удовольствие рассказывать о столь прискорбных нестроениях в жизни Русской православной церкви. Веру, традиции, огромный, выстраданный святыми, подвижниками и мучениками духовный опыт этой Церкви мы — журнал христианской и притом именно православной ориентации — всегда на своих страницах защищали и всегда старались быть им верны. Но именно поэтому, болезненно переживая все, что мешает подлинному возрождению и торжеству нашей Церкви, мы тем не менее считаем, что замалчивать ее нынешние нестроения, как бы ни были они иной раз неприглядны, — грех еще более тяжкий, чем сами эти нестроения. Ибо единственно благотворный здесь путь — это путь очищения, а никакое очищение недостижимо без доступа всех нас, членов Церкви, к полной и объективной информации о том, что в этой Церкви происходит и без возможности свободного и гласного ее обсуждения. А что может способствовать этому лучше, чем знакомство с подлинными документами?

Начнем, однако, с публикации автобиографической справки о.Павла и краткого отрывка из предисловия к его книге, необходимых, как нам кажется, для лучшего понимания реального контекста всей этой истории.

I. Автобиография

Мой дед Адельгейм Павел Бернардович, 1878 г. р., из русских немцев, получил образование в Бельгии, владел имением Глуховцы и Турбово под Киевом, построил каолиновый, сахарный и конный заводы. После революции имения и заводы национализировали, а деда пригласили в Винницу, он построил там каолиновый завод и был его директором до 1938 г. Арестован и расстрелян в Киеве 29 апреля 1938 г. Реабилитирован 16 мая 1989 г. Отец Адельгейм Анатолий Павлович, 1911 г. р.,— артист, поэт. Расстрелян 26 сентября 1942 г. Реабилитирован 17 октября 1962 г.

Другой дед, Пылаев Никанор Григорьевич,— полковник царской армии. Судьба после революции неизвестна. Мать Пылаева Татьяна Никаноровна, 1912 г. р., арестована и осуждена в 1946 г., из мест заключения сослана в п. Ак-Тау Казахской ССР. Реабилитирована в 1962 г.

Родился я 1 августа 1938 года. После того как мать арестовали, жил в детдоме, затем вместе с матерью находился на принудительном поселении в Казахстане, позднее был послушником в Киево-Печерской лавре. Оттуда в 1956 г. поступил в Киевскую Духовную семинарию. Исключен игуменом Филаретом (Денисенко) по политическим мотивам в 1959 г. и рукоположен архиеп. Ермогеном (Голубевым) во дьякона для Ташкентского кафедрального собора. Закончил Московскую Духовную академию, назначен в г. Каган Узбекской ССР священником в 1964 г. В 1969 г. построил новый храм, арестован, осужден по ст. 190[1] (клевета на Советскую власть), приговорен к трем годам лишения свободы. В 1971 г. в

связи с волнениями в ИТУ п. Кызыл-Тепа потерял правую ногу. Освободился из заключения инвалидом в 1972 г. Служил в Фергане и Красноводске. С 1976 г. служу в Псковской епархии. Женат, трое детей, шесть внуков.

Один из двух моих приходов в г. Пскове называется храм Святых Жен Мироносиц. С 1992 г. при храме открыта приходская общеобразовательная православная школа регентов.

*Другой мой приход во имя св. Апостола Матфея находится в деревне Писковичи. При храме Святого Апостола Матфея с 1993 г. существует приют для сирот-инвалидов**.

II. Приглашение к диалогу

Из Предисловия к книге «Догмат о Церкви в канонах и практике»

<...>

Рассматривая общезначимые проблемы церковной жизни в контексте личного опыта, я опираюсь на официальные церковные документы и факты, а не создаю художественный образ по канонам литературного произведения. Чтобы не возник соблазн угадывать конкретное лицо за собирательным персонажем, я ввожу вымышленный образ епископа Акакия Урюпинского и Ангорского, формирующего церковную жизнь в своей епархии. Устав определяет общие принципы церковной жизни. Они прорастают разными цветами. Каждый садовник по собственному вкусу организует клумбу или букет. В каждой епархии общие принципы обретают индивидуальные черты. На одной основе по разному складывается епархиальная жизнь. Наблюдать епархиальную жизнь мне доступно с «приходской колокольни». С нее открывается недалекий горизонт, и епархиальная жизнь просматривается фрагментарно.

Достоинство «приходской колокольни» в том, что перспектива открывается личному опыту. Этот опыт не опосредован чужими словами: «О том,.. что мы слышали, что видели своими глазами,.. и что осязали руки наши свидетельствуем и возвещаем вам...» (1 Ин 1:1-2).

В отличие от апостольского, наше свидетельство не очищено Духом Святым от искажений и ошибок. Их порождают различные человеческие страсти: обиды, зависть, тщеславие и проч. Поэтому я не преувеличиваю истинное значение своих размышлений и приветствую обоснованные возражения. Нащупывая осторожной ногой твердую почву среди топи сомнений и заблуждений, мысль всегда рискует оступиться и соскользнуть в бездну. Ей необходимо держаться за нить богооткровенного Слова и церковного предания. Она нуждается в рецепции живого голоса Церкви, чтобы удержаться на невидимой тропе. «Гневаясь, не согрешайте» (Еф 4:26), ибо разумное общение предполагает признание своих ошибок и раскаяние в них. Христианское общение ведет не к разрыву отношений, а к взаимопониманию, устранению соблазнов и препятствий «для созидания самого себя в любви» (Еф 4:16).

---

* В начале 2002 года храм св. Апостола Матфея передан другому священнику. О.Павел с должности настоятеля снят. Приют фактически перестал существовать. — *Прим. ред.*

«Один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин 18:22-24).

Разве не подобает христианину следовать принципу общения, если угодно, честной полемике, согласной этому слову Христа Спасителя?

Молчанием предается Бог.

III. Документы*

Его святейшеству
Святейшему Алексию
Патриарху Московскому и всея Руси

Священника Павла Адельгейм
Псковской епархии

Ваше Святейшество!

Считаю необходимым довести до Вашего сведения развитие событий в псковской епархии пока они не привели к драматической развязке. События связаны с публикацией моей книги «Догмат о Церкви». 25 ноября 02 г. я передал в Епархиальное Управление на имя Высокопреосвященного Архиепископа Евсевия мою книгу вместе с сопроводительным письмом, текст которого я переслал Вам ранее.

1 декабря 02 г. в Кафедральном Соборе Архиепископ Евсевий выступил с проповедью о том, что всем известный священник Павел Адельгейм обидел епископа, написав клеветническую книгу против своего Архипастыря и просил у народа защиты. Проповедь, посвященная недостоинству упомянутого священника, длилась около получаса.

6 декабря 02 г. Архиепископ Евсевий высказал идентичное обвинение в клевете на престольном празднике Александро-Невского храма г. Пскова.

12 декабря 02 г. по благословению Его Высокопреосвященства произведен обыск в Иоанно-Предтеченском храме. Благочинный искал книгу «Догмат о Церкви»: не распространяется ли она через свечной ящик без благословения епархиальной власти.

Это не случайные прецеденты. Однако, у меня нет возможности исследовать достоверность других фактов до очевидности.

Выступление архиепископа положило начало информационному преследованию священника, которое набирает силу. В псковских храмах разоблачаются «происки сионизма». Прихожане нашего храма подвергаются остракизму в псковских приходах. 03.12.02., спустя два дня после выступления архиепископа, был жестоко избит неизвестным пономарь мироносицкого храма. От него требовали покаяния в грехах.

В мусульманском мире писать книги опасно для жизни. В Советском Союзе за книги сажали, стреляли и высылали из страны. В эпоху девальвации слова замечательно такое серьезное отношение к печатному слову в Псковской епархии.

---

* Орфография и синтаксис оригиналов сохранены. — *Прим. ред.*

Трудно сказать что произойдет в Псковской епархии дальше. Может быть, возбужденная толпа употребит суд Линча, защищая популярные ценности. Может произойти несчастный случай. Теперь много цивилизованных способов решать проблемы по принципу: «нет человека — нет проблемы». События могут принять драматическое развитие и сделать из меня «мученика, за веру православную, от архиерея убиенного».

В 65 лет каждый человек ощущает близкое дыхание смерти. Поздно бояться неизбежного в конце земного пути. Обращаюсь не потому, что боюсь смерти, а потому что люблю Церковь и не хочу червленить ее светлые ризы горячей кровью. Моя смерть создаст рекламу книге и еще раз подтвердит ее правоту. Архиерейская месть может надолго разрушить мир между прихожанами г. Пскова. Вовлекая в свои распри прихожан, которые вовсе не читали книгу, духовенство делит епархию на «своих» и «чужих», разжигая между храмами пламя религиозной вражды, которое нескоро гаснет.

Прошу Ваших святых молитв.

Настоятель храма св. Жен Мироносиц г. Пскова
Священник Павел Адельгейм. 07.12.02 г.

Приложения:

1. Письмо Высокопреосвященному Архиепископу Евсевию.
2. Текст моего выступления перед епархиальным клиром, который едва ли дойдет до слушателей.

1.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

Настоятеля храма св. Жен Мироносиц
Свящ. Павла Адельгейм

Прошение.

Собрание епархиального клира, назначенное Вами на 20.12.02. для обсуждения моей книги «Догмат о Церкви», обрадовало меня и вызвало недоумение.

Обрадовало, поскольку интерес к актуальному в наши дни экклезиологическому догмату убеждает, что православная мысль не угасла в Псковской Церкви. Догматы даны нам не для того, чтобы лежать на полках теоретическим грузом. Они должны оживать в нашей совести, памяти и надежде.

Недоумение вызывает обсуждение книги в отсутствие автора. Почему Ваше Высокопреосвященство отстраняет автора книги от участия в ее обсуждении местной Церковью? Необходимость моего участия в богословской жизни Церкви диктуется ее соборностью. Каждый христианин обязан участвовать в соборной жизни Церкви.

Кроме того, личные причины побуждают меня просить Ваше Высокопреосвященство о предоставлении возможности выступить перед псковским клиром в защиту своего доброго имени. Каждый человек имеет право на «доброе имя» /Иак 2:7/ и «доброе свидетельство от внешних» /1 Тим 3:7/. В последние

годы на меня обрушилось много необоснованных обвинений: в попрании православных святынь, в ересях, бандитизме и прочих. Неоднократно я просил у Вашего Высокопреосвященства церковного суда: либо осудите, либо оправдайте. Таково требование св. канонов. /Втор.6; Ап.74; Карф.12; 28/.

01.12.02 г. в Кафедральном Соборе прозвучала Ваша проповедь, публично обвинившая меня в клевете на Правящего Архиерея.

06.12. 02. Вы повторили обвинение в клевете на престольном празднике храма св. Александра Невского.

Именно так Вы осознали мою книгу «Догмат о Церкви». Как Вы сами можете видеть, Священное Писание и святые каноны позволяют мне защитить свое доброе имя от незаслуженного обвинения, а свою книгу от искажения ее смысла.

Прошу Вашего благословения выступить 20 декабря 02 г. на собрании епархиального духовенства с разъяснением смысла книги и причин, побудивших меня к ее написанию. Пользуюсь случаем уверить Ваше Высокопреосвященство в неизменном почтении. Каждому клирику хочется жить в любви и мире с правящим епископом, имя которого он ежедневно возносит за богослужением. Десять лет я не терял надежды, вознося в молитвах Ваше имя и выполняя все Ваши распоряжения. Казалось, вкладывая душу в свое служение, я сумею растопить стену нашего отчуждения. Я и сегодня не теряю надежды, ибо «к миру призвал нас Господь»/1Кор.7, 15/.

В случае, если Вы не сочтете возможным допустить мое личное участие в Собрании и выступление перед епархиальным клиром, прошу Вас огласить мое письменное выступление в защиту моей книги «Догмат о Церкви».

Текст моего выступления прилагается.

Прошу Вашего святительского благословения и святых молитв,

Священник Павел Адельгейм. 14.12.02. г. Псков.

Приложение:

Текст выступления перед епархиальным клиром на четырех страницах.

2.

Высокопреосвященному Евсевию
Архиепископу Псковскому и Великолукскому.
Досточтимым отцам
собрания псковского клира.

Обращение
/В порядке выступления на собрании духовенства/

Ваше Высокопреосвященство!
Досточтимые отцы и братия!

Узнав, что епархиальное духовенство собирается в Доме Причта 20.12.02 для обсуждения моей книги «Догмат о Церкви», сожалею, что не приглашен и не смогу выслушать ваши отзывы и оценку моего труда. Некоторые священники посетили меня и взяли книгу для ознакомления. Ограниченный тираж не позволяет ознакомиться с ее содержанием всем желающим, и многие вынуждены доверять чужим словам. Книга имеет богословско-каноническое содер-

жание, которое трудно воспринять неподготовленному сознанию. Однако, в книге есть 13-я глава, содержащая фабулу в качестве картинки, иллюстрирующей печальные последствия повреждения Догмата в епархиальной практике. Эта глава общедоступна, поскольку не требует усилий для понимания. В этом ее опасность. Акцентируя внимание на 13 главе, читатель искажает смысл книги, поскольку ставит телегу впереди лошади. Приведенные в 13 главе примеры отражают мой личный опыт. Их ценность в достоверности свидетельств очевидца. Их издержки в том, что они задевают самолюбие действующих лиц и воспринимаются ими как личная обида. Эта обида несправедлива. Моя книга не содержит личных выпадов. В ней нет клеветы. В ней нет оскорблений. В ней есть неприятные для этих лиц факты, но вина за факты лежит не на мне. Я их не совершил, не придумал, а только засвидетельствовал.

01.12.02. Его Высокопреосвященство на воскресной проповеди в Кафедральном Соборе назвал мое имя и публично обвинил в клевете.

06.12.02. Его Высокопреосвященство повторил обвинение в клевете на престольном празднике храма св. Александра Невского. Обвинение Его Высокопреосвященства неправомерно, поскольку нарушает презумпцию моей невиновности. Клевета является уголовным преступлением и наказывается по Ст.129 УК РФ лишением свободы до трех лет. Оскорбление является уголовным преступлением и наказывается по Ст.130 УК РФ лишением свободы сроком до одного года. Однако, констатировать факт клеветы и оскорбления может только суд: «Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим кодексом» /УПК РФ Ст.8,1-2/. «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершенном преступлении не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.»/ УПК РФ Ст.14,1/

Необоснованное обвинение архиепископа нарушает УК РФ и УПК РФ, а так же посягает на мои гражданские права. Устав РПЦ оставляет за мной право требовать в уголовном суде защиты чести и достоинства в порядке ст. 129 и ст.130 УК РФ.

Принимая на себя ответственность обсудить книгу «Догмат о Церкви» и выразить мнение епархиального духовенства по ее поводу, Собрание должно отчетливо сознавать пределы своей компетенции. С этой целью необходимо сформулировать задачу исследования и повестку дня. Может быть три задачи:

1. Установить факт клеветы и оскорбления, содержащихся в книге и осудить автора.
2. Выразить моральную поддержку Архиепископу Евсевию.
3. Обсудить экклезиологическую проблему, поставленную в книге «Догмат о Церкви».

Задача 1.

Решение первой задачи не входит в компетенцию Собрания. Оно не правомочно установить факт клеветы, поскольку не является подразделением судеб-

ной системы Российской Федерации, которой принадлежит такое право, согласно УПК РФ.

Собрание не имеет также канонических полномочий церковного суда, согласно прямому запрету действующего Устава РПЦ:

«Судебная власть в РПЦ осуществляется церковными судами посредством церковного судопроизводства. Никакие другие церковные органы и лица не вправе принимать на себя осуществление функций церковного суда» /Устав.7:1/

Сама постановка первой задачи является очевидным нарушением Уголовного Кодекса РФ и Канонических правил Православной Церкви. Как можно осудить автора книги за клевету и оскорбление, если не установлены самые факты клеветы и оскорбления?

Задача 2

В решении второй задачи автор солидарен со всеми членами Собрания. Автор приносит свои извинения Его Высокопреосвященству, если невольно причинил личную обиду обсуждаемой книгой.

Однако, моральный принцип справедливости обязывает Собрание дать нравственную оценку не только описанию событий и поступков, приведенных в книге. Справедливость требует дать оценку самим фактам этих событий и поступков, совершенных в прошлом, но имеющих очевидные последствия в действительности сегодняшнего дня.

Можно ли сомневаться, что нравственные проблемы в Церкви могут иметь только евангельское решение? «Любовь да будет непритворна; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте...благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте. Никому не воздавайте злом за зло. Будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, — говорит Господь.» /Втор 32:35/. «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья.» /Притч.25,21-22/. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.» /Рим.12. 9-10; 14, 17-19/. Всем сердцем принимаю слова апостола и хочу надеяться, что Ваше Высокопреосвященство и Досточтимые Отцы Собрания будете также солидарны с ними.

Задача 3.

При обсуждении третьей задачи автор предлагает Собранию заслушать его позицию. Если автору откажут в приглашении на обсуждение книги, прошу огласить мое письменное выступление.

Со времени Архиерейского Собора 2000 г., изменившего действующий Устав РПЦ, прошло два года. Достаточный срок, чтобы влияние принятого закона на жизнь обеспечило ему объективную оценку. Опираясь на нормативные документы, книга анализирует влияние церковных канонов на епархиальную практику и защищает Никео-Цареградский Символ Веры от лукавых интерпретаций.

Как дерево от корня, православная экклезиология выросла из Символа Веры. Четыре догматические свойства, как четыре столпа, обеспечивают ее устойчивость. Лишившись любого из них, Церковь не будет «столпом и утверждением

Истины». Именно так я рассматриваю свою задачу в апологии православного понимания соборности.

В православном понимании καθολικη, — с провиденциальной аутентичностью истолкованное славянским термином «соборность», — являет полноту и качество истины, способ ее познания, раскрывающий внутреннюю достоверность Предания для каждого в той мере, в которой он сохраняет причастность единству Тела Христова.

Согласно св. Викентию Лиринскому, Кафолическая /Соборная, Вселенская/ Церковь содержит учение, которого держатся все, всегда и повсюду. /Напомин. 1,2,28/. Догматическое содержание «καθολικη» являет принципиальный признак православной экклезиологии.

Со времени Великого Раскола 1054 г. Римское исповедание назвало себя именем «Καθολικη», утверждая господство католической веры и главенство своего первосвященника над христианами всей Вселенной, положив начало адогматическому пониманию «Вселенской Церкви». В клерикальной экклезиологии католических христиан понятие «вселенская Церковь» утратило догматическое содержание полноты вселенской веры и превратилось в географическое понятие «вселенской юрисдикции».

Утрата догматического содержания «соборности» привела к ослаблению соборных начал в практической жизни и оставила глубокий след в истории католичества. Упадок соборности нанес католическому единству неизлечимые раны, разделив на множество несовместимых исповеданий. Географическое истолкование καθολικη в учении о Церкви адекватно внесению понятия Filioque в учение о Святой Троице. «Всякое догматическое заблуждение о Троице неизбежно отражается на понятии соборности Церкви и проявляется в глубоком изменении церковного организма. И, наоборот, если какое-либо лицо, группа или целая поместная Церковь изменяет на своих исторических путях совершенному согласию между единством и различием, то такой отход от истинной соборности является верным признаком помрачения знания о Пресвятой Троице» /В. Лосский «О третьем свойстве Церкви», ЖМП №8 1968 г. стр. 77/. Взрывоопасный опыт католического исповедания не осознан, не оценен по достоинству, не осужден и, увы! — повторяется в православной Церкви.

Сохраняя выражение «соборная Церковь» при чтении и пении Символа Веры, мы вслед за католиками, забываем его догматическое содержание и приучаемся к географическому пониманию. Судьба καθολικη подобна иконе, забытой на чердаке. Божественная печать на ней по-прежнему неизгладима, но забыта людьми, покрыта пылью, ей никто не молится. Догматический смысл соборности блекнет в канонических документах и практике епархиальной жизни, превращая «соборность» в опустошенное понятие. Обнищание соборности разрушает органичное единство Церкви. Единство, основанное на любви, подменяется дисциплинарным единообразием, опирающимся на формальную власть. Авторитарный механизм епархиальной власти внедряет католический соблазн в сознание и жизнь верных. Растущая от чужого корня, клерикальная экклезиология подменяет третье догматическое свойство Церкви непогрешимостью архиерейских мнения и воли. Чуждое учение заболачивает глубину православной соборности на мелководьи епархиального богословия. Предлагаемая книга объясняет, как

игнорирование в Символе Веры одного слова «соборность» разрушает его онтологию и повреждает весь православный строй церковной жизни.

Единство, как догматическое свойство, имеет бесспорное значение для определения Церкви. Однако, одного такого определения не достаточно. Вселенский собор определил не одно, а четыре свойства Церкви, без которых она не может осознаваться как Церковь Христова, «которая есть Тело Его, полнота Наполняющего всё во всем»/Еф. 1, 23/. Второй Вселенский собор засвидетельствовал веру в «единую, святую, соборную и апостольскую Церковь».

Ни одно из этих свойств христианин не может поставить под сомнение. Единство, не уравновешенное соборностью, исключает в Церкви личностные различия и превращает общину в беспорядочную толпу или в безликую колонну арестантов, лишенных права и возможности самовыражения. Возникает бесчеловечное общество, которое не может быть связано отношениями любви, поскольку любовь предполагает нравственные отношения, а не дисциплинарный порядок. Такие отношения могут существовать только между личностями. Признание ценности за человеческой личностью является непременным условием нравственных отношений.

Коммунистический гуманизм был бесчеловечным не только на практике, загубившей в войнах и лагерях миллионы своих граждан. Коммунистический гуманизм выражал бесчеловечность в своем идеале, нацеленном на благополучие всего общества в масштабах страны или человечества. Во имя этого идеала допускалось приносить человеческие жертвы по принципу «лес рубят — щепки летят». Щепками были: аристократы, офицеры, буржуи, кулаки и подкулачники, середняки; интеллигенты: ученые, врачи, профессора, учителя; крымские татары, поволжские немцы, чечены; лица, проживавшие на оккупированных территориях, попавшие в плен, церковники, коммунисты, предатели и герои, свои и чужие — невозможно назвать категорию лиц, которыми не жертвовали ради «общего блага».

Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.

Коммунистический гуманизм осуществил себя в геноциде российского народа, используя личность как средство созидания социальной системы. Этот гуманизм имеет глубокие корни в человеческой истории. Он вырастает из принципа, высказанного Каиафой: «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» /Ин.11, 50/.

Муравейник выживает ценой жизни своих муравьев, поскольку жизнь муравейника строится не на нравственных принципах, а на инстинкте сохранения рода. Если человеческое общество ставит перед собой задачу выживания или, — что то же самое — благоденствия, оно превращается в муравейник, исключающий нравственные категории, то есть в бесчеловечное общество.

Христос умер на кресте не за идею человечества, а за каждую человеческую личность: за душу, ищущую возрождения или не осознающую греха и нужды в покаянии. Человеческая личность, ее бытие и спасение имеют безусловную ценность для Бога. «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь веч-

ную» /Ин.3, 15/. Учение и любовь Иисуса Христа обращены к человеку. Христос не проповедовал социальную систему, бюрократический механизм или административный аппарат. Церковь, созданная Им, является живым организмом, исполненным божественной жизни. Она не питается человеческой энергией. Она не существует за счет человека, Сама являясь источником благодатной жизни. Притчи о заблудшей овце, о блудном сыне свидетельствуют, что у Бога нет нелюбимых детей. «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии... О том надобно радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал, и нашелся» /Лк 15: 7,32/.

Церковь святая, ибо благодать Святого Духа, живущего в ней, действует в каждой человеческой личности, во Христа крестившейся, во Христа облекающейся. Святость Церкви имеет опору в соборности, потому что святость не может быть безличной. Свят Дух Святой — третье Лицо Святой Троицы. Святы человеческие личности, преображенные Его Божественной Благодатью. Там, где нет личности, не может быть святости.

Если церковная администрация пренебрегает личностью, ориентируется не на человека, порученного ее пастырской заботе Иисусом Христом, а на мощь своей бюрократической системы, на конъюнктуру, силу, власть и богатство, если епископ в интервью газете заявляет: «никому не должно быть пощады, если он пошел против Церкви». /«Псковская правда» 21.03.97 г./, возникает вопрос: с кем она солидаризуется? С Иисусом Христом, сказавшим «милости хочу», «будьте милосерды», или с врагами Христа Спасителя, которые говорили «по закону нашему Он должен умереть» и толпой, требовавшей: «распни, распни Его»! Что она благовествует: Царство Божие или коммунистический гуманизм? Страшный выбор.

Размышления провинциального священника не претендуют ни на полноту картины, ни на универсальность истолкования. Книга предлагает к обсуждению актуальную проблему, болезненность которой давно уже стала очевидной для всех в современной церковной практике. О ней пишут в периодической печати, ее обсуждают на конференциях. Печальные явления епархиальной жизни я не придумал, не организовал, а лишь констатировал. Книга может вызвать широкое обсуждение в силу насущности поднятой проблемы, и я не нахожу другого пути к свидетельству кроме заповеданного: «повеждь церкви» /Мф.18,17/. Повергаю свой труд суду Церкви и смиренно ожидаю ее рецепции.

Приходской священник, рискнувший опубликовать свои мысли и оценки, подвергает себя неизбежным репрессиям епархиальной власти и ставит под вопрос возможность дальнейшего служения вплоть до недалекого конца своих дней. Административная власть и ее «оргвыводы» представляют реальную угрозу и связывают свободу клирика страхом. Не сомневаюсь, что сегодня, как всегда, страх перед епископом свяжет уста всему Собранию клира. Не думаю, что кто-нибудь из клириков меня поддержит и не смею никого осуждать. Возражающий епископу обрекает себя на мученичество. «Любовь вон изгоняет страх» /1Ин. 4, 18/. Я не смею молчать перед грядущей на Церковь бедой. Принимаю свою судьбу и предаю ее в руки Божии.

Настоятель храма святых Жен Мироносиц
Псковской епархии священник Павел Адельгейм. 21.11. 02.

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

Настоятеля храма св. Жен Мироносиц
Священника Павла Адельгейм

Прошение.

Ваше Высокопреосвященство!

«во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня» /Ин.8, 49/.

Вы лишили меня возможности участвовать в обсуждении книги «Догмат о Церкви», не ответили на мое прошение и не предоставили официальной информации о том, что происходило на заседании «епархиального Совета». Мне приходится довольствоваться сведениями, полученными от его участников. Они рассказывают, что Ваше Высокопреосвященство первым высказали свое мнение о книге и ее авторе. Вы назвали ее «сатанинской книгой», а ее автора «служителем Сатаны». Употреблялись и другие определения, но они блекнут на фоне вышеприведенного. Три священника выступили в защиту книги, а пять священников не пришли на «Совет», сказавшись больными. Разделение в духовенстве произошло по признаку грамотности — общей и богословской. Малограмотное духовенство присоединилось к мнению Вашего Высокопреосвященства. Образованные священники поддержали книгу. Несколько священников выразили мне свою поддержку, предупредив, что не посмеют перечить Вашему мнению и осудят книгу из страха перед репрессиями.

Оценку книги я оставляю на Вашей совести. У книги своя судьба, начавшаяся с момента издания. Не будем предугадывать, как она сложится и как ее оценит Церковь. Каждый читатель имеет право оценить ее по своей совести, в том числе и Ваше Высокопреосвященство.

Другое дело — осуждение священника на вечную погибель. Мне было очень горько узнать, что Вы назвали меня «служителем Сатаны». Я был бы рад усомниться в этом, но Ваши слова засвидетельствовали не два или три, а многие — одни со злорадством, другие с печалью. Обращаюсь к Вам с просьбой объяснить как мне понимать Ваши слова. Когда такие слова произносит Архиерей, они означают проклятие и должны быть канонически обоснованы:

1. Проклятие произносит Правящий Архиерей.
2. На официальном собрании духовенства Псковской епархии.
3. С целью сформировать общественное мнение об авторе книги.
4. Речь идет о священнике, который 45 лет предстоит святому Престолу в Православном храме и продолжает совершать богослужение в Псковской епархии.

Бывают слова, сказанные сгоряча, в порыве обиды. Такие слова вызывают сожаление обеих сторон и могут быть забыты через примирение. Я очень надеюсь, что Ваше Высокопреосвященство произнесли их в запальчивости под влиянием обиды, и буду счастлив забыть Ваши слова, если Вы признаете, что погорячились и реабилитируете меня перед псковским духовенством.

Пользуюсь случаем обратить внимание Вашего Высокопреосвященства, что в Пскове продолжается дискредитация церковно-приходской школы храма св. Жен Мироносиц. Участник Вашего «Епархиального Совета» протоиерей Евгений Найдин терроризирует родителей, дети которых обучаются в Православной школе, требуя, чтобы они перевели их в другие школы города. Директор школы получил уже несколько заявлений об этом от родителей.

Хочу выразить свою надежду, что священники, давшие положительный отзыв о моей книге не подвергнутся репрессиям со стороны Вашего Высокопреосвященства. Вы просили у них рецензию, и они дали ее по своей совести. Можно ли преследовать их за это?

Настоятель храма святых Жен Мироносиц
Священник Павел Адельгейм. 23 декабря 2002 г

•

Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси

Священному Синоду
Русской Православной Церкви

Управляющему делами
Московской Патриархии,
Высокопреосвященному Сергию,
митрополиту Солнечногорскому

Псковской епархии
Свящ. Павла Адельгейма

Прошение.

Прошу помощи и защиты.

20 декабря 02 г. состоялся «Епархиальный Совет», на котором присутствовало около 30 священников, монахини и миряне. С 10 до 17 часов продолжалось обсуждение моей книги «Догмат о Церкви». Правящий Архиерей назвал книгу «сатанинской», а ее автора «служителем Сатаны». Прошу исследовать обоснованность обвинения. С 14 лет я служу в Церкви, с 21 года —в священном сане С детских лет я подвергался многочисленным репрессиям советской власти за христианское мировоззрение. Конечно, я — грешник, но никогда не служил «иным богам». До сих пор никто не мог обвинить меня в служении Сатане. У Архиепископа Евсевия нет никаких оснований для такого нелепого и ужасного обвинения, сделанного на официальном собрании духовенства Псковской епархии. Как может православный священник продолжать свое служение под тяжестью публичного обвинения в сатанизме, высказанного Правящим Архиереем перед лицом епархиального духовенства? Прошу Вас снять с меня несправедливое обвинение.

Одновременно пользуюсь случаем обратить внимание Высшей Церковной Власти на судьбу трех священников, положительно оценивших «Догмат о Церкви», поскольку они неизбежно подвергнутся репрессиям епархиальной власти.

При сем прилагаю свое Прошение Высокопреосвященному Евсевию, архиепископу Псковскому и Великолукскому от 23 декабря 02 г.

Псковской епархии священник Павел Адельгейм

Приложение: Прошение на имя Архиепископа Евсевия от 23 декабря 02 г.*

•

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЕПАРХИАЛЬНОГО СОВЕТА ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Слушали: о книге иерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви» (Псков, 20.12. 2002 г.).

Участник Епархиального Совета: От лица Духовного собора Псково-Печерского монастыря заявляю следующее. Ознакомившись с содержанием названной книги, мы пришли к выводу, что здесь в сложной тематике частных богословских мнений не обретается Дух Христов. Через все сочинение сквозит дух самоутверждения. Автор не скрывает этого и в самом начале книги призывает к полемике, к спору, полагая, видимо, что в споре рождается истина. Но нам известно, что Истина есть Дух Христов («Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» — Рим 8, 9). Но если в книге нет Духа Христова — то там Его антипод, то есть дух противления, всякой неправды и клеветы. И внимательный читатель, знакомый с жизнью Псковской епархии, найдет подтверждение этому на многих страницах книги. Мы сожалеем, что это сочинение вносит смятение в умы и сердца не только укоренившихся в церковной жизни людей, но и тех читателей, которые только ищут дорогу к храму. Написание этой книги — величайшее хамство. Накануне праздника Рождества Христова он преподнес всем нам такой вот подарок. Книга написана не ради Христа, а ради себя.

Участник Епархиального Совета: Первое впечатление от сего писательства заключается в смешении стилей, жанров, целей и задач. Автор прекрасно владеет правилами и методами демагогической полемики. По всему содержанию книги проходит обида автора на всех и вся. И даже на догматы веры Православной. В своем греховно-искаженном видении он называет историю Русской Православной Церкви «приходской практикой», или «историческо-культурным процессом», «конфессиональной историей» Вся книга проникнута идеей экуменизма в самом упрощенном и вульгарном его варианте. По всей книге смущает упорно повторяемое местоимение «мой», «моя», «мои», будто он и не священник Русской Православной Церкви. И храм — его, и приют — его, и школа — его. Автор замахивается критическим топориком на действующий Устав Русской Православной Церкви, который отражает и выражает взаимоотношения РПЦ после целой эпохи размежевания. Игнорируется полностью Социальная концепция РПЦ. Он перечеркивает все усилия священноначалия Русской Православной Церкви и государства в области сближения по вопросам образования, социально-правовых и земельных отношений. Книга эта — пасквиль на народ православный, Русскую Православную Церковь.

---

* См. выше. — *Прим. ред.*

Книга говорит о душевном нездравии иерея Павла. Иерей Павел церковный диссидент.

Участник Епархиального Совета: Книга иерея Павла «Догмат о Церкви» — кощунственна. В ней — клевета на правящего епископа, глумление над верой нашей, над ее священными канонами. Как может отец Павел выходить с чашей Христовой и пред Лицем Божиим произносить имя епископа, которого он оклеветал? Разве будет принята его молитва!? Ставлю вопрос об отстранении протоиерея Павла от служения до определения Богословской комиссии о написанной им книге.

Участник Епархиального Совета: Книга вышеназванного автора с первых страниц свидетельствует о его духовном кризисе. Сразу бросается в глаза отсутствие благословения священноначалия на издание труда. «Почитающий епископа, почтен Богом; делающий что-либо без ведома епископа, служит диаволу» (свт Игнатий Богоносец). Автор подписал книгу «иерей Павел Адельгейм», что вызывает недоумение. поскольку он является протоиереем. В книге «Догмат о Церкви» автор выводит образ вымышленного епископа Урюпинского и Ангорского Акакия. В этом очевидна кощунственная издевка над нашей церковной иерархией. Святое имя употребляется в книге более десяти раз, всегда с ехидством и насмешкой.

Цитируя Священное Писание, о. Павел вырывает нужные ему места из контекста, произвольно трактует их. Во всей книге нет ни одной цитаты Святых Отцов, зато цитируются Ленин, язычник Талейран, масон Шиллер и другие нецерковные люди В главе «Пределы архиерейской божественности» автор доходит до ереси, разделяя харизму апостольства и архиерейства: «Харизма епископа — «священника по чину Ааронову», в отличие от апостольской, не связана с харизмой чудотворений, с личным подвигом и личной святостью». В главе «Единство Церкви» он кощунственно сравнивает Церковь с мафией, концлагерем и корпорацией, а епископа — с генералом и «крестным отцом». По его определению, правящий архиерей — это «преосвященный администратор», «казуистик», «преосвященный вертоградарь», «карательный богослов», «преосвященный деспот», «сановник областной Администрации».

В главе о послушании отец Павел заявляет, что Священное Писание не дает категорической заповеди о послушании, забывая при этом, что первая заповедь в раю нашим прародителям Адаму и Еве была именно о послушании, о подчинении старшим говорит и пятая заповедь Закона Божия. Отвергая это, о Павел разрывает связь со Священным Преданием Святой Церкви, становится в один ряд с безблагодатными протестантскими богословами, которые много рассуждают о любви к Богу и ближним, по сути оставаясь «ветхими человеками».

Участник Епархиального Совета: После прочтения книги иерея Павла «Догмат о Церкви», первое, что рождается во мне — это сознание полного несовпадения моего личного опыта и представления с личным опытом автора в вопросе о Архиерейской власти и личности Архиерея. Вторым возникает вопрос: какова цель написания книги? Не совсем ясно, что это вызов на откровенный диалог по вопросу абсолюта Архиерейской власти? Но тогда это де-

лается совсем не так и не в такой форме. Или эта книга — желание отомстить правящему Архиерею за него лично? Тогда книгу стоило назвать совершенно иначе и тем самым определить для читателя враждебность данного издания. Неточности, отсутствие корректности, недостаточное изучение решений Владыки (каждое решение Архиерея имеет свое обоснование), личная обида, — вот тот контекст, в котором поставил автор правовую сторону Архиерейской власти Книга, вероятно, писалась несколько лет, и автор ждет последовательного опровержения. Составление такого труда считаю для наших отцов необходимым.

Участник Епархиального Совета: Книга священника Павла Адельгейма «Догмат о Церкви в канонах и практике» является вредной для всех времен и народов, а особенно для нашего, когда люди начинают воцерковляться. Автор поставил себя в ряд Иуды, нераскаявшегося разбойника, Демьяна Бедного и других «ревнителей» Церкви

Участник Епархиального Совета: Прежде всего я хотел бы обратить внимание на то страшное состояние, в которое впал о. Павел, потеряв любовь и почтение к правящему священноначальнику. Он забыл слова Священного Писания «Начальника в народе твоем не поноси» (Исх. 22, 28) Все недовольство автора книги вызвано тем, что ему не удалось реализовать личные амбиции, основанные на своевольном желании расширить сферу своего влияния не только на благословленные ему приход и Православную школу, но и на детский приют, на строительство дома и свечное производство, еще на один приход.

Рассуждая о прещении, наложенном на о. Зинона, автор книги утверждает, что правящий наш архиерей не понимает канонического смысла собственных действий и высказываний, что он поставил себя самого под осуждение канона. Здесь у о. Павла видится страшная дерзость и оскорбление, а также непомерная гордость. Может быть, я здесь чего-то и не понимаю, поскольку первый раз в жизни своей сталкиваюсь с подобным произведением.

Участник Епархиального Совета: Книга протоиерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви» претендует на роль учительную, свои личные убеждения и взгляды о. Павел пытается возвести в ранг догматов. Очевидно стремление автора посеять раздор и смуту среди духовенства нашей епархии, внести раскол между клиром и архиепископом, который Богом поставлен пасти Христово стадо. Разве может клирик так бесстыдно, с такой ненавистью и злобой судить архиерея, называя его «антихристом», «Каиафой», «Пилатом»!? По всей видимости о. Павлу неведомо чувство христианского смирения и послушания, да и просто человеческой порядочности. Он пишет, что хочет сохранить свою свободу, индивидуальность и человеческое достоинство. Но разве мы во Христе не свободны? Если он не обрел своей свободы в Церкви Христовой, то пусть ищет ее в другом месте. Если протоиерей Павел пытается войти в роль религиозного диссидента или мученика, или вопиющего в пустыне, так для этого существуют иное место политические или театральные подмостки.

Судя по книге протоиерея Павла Адельгейма, ни правящий архиерей, ни Епархиальный Совет, ни Епархиальное Собрание ему не указ. Возникает воп-

рос: так кто же указ? Кто для него авторитет? Налицо полное неподчинение Матери-Церкви и церковной иерархии.

Участник Епархиального Совета: Тяжелая книга, она направлена на подрыв авторитета Церкви, призвана посеять сомнение в душах людей, духовно неокрепших и недавно пришедших к вере. Возможно, что она является своеобразной платой за финансовую поддержку от западных общин. Рассуждая об установлении церковной иерархии и разбирая уставы 1988 и 2000 годов, автор, хотя и выводит его под вымышленным именем епископа Акакия, обвиняет во всем архиепископа Евсевия, начиная от созыва Поместных Соборов и кончая организацией приходской жизни, Как ни вуалирует он злобу и месть, они очевидны даже на уровне словоупотребления автор называет митру архиерейской шапкой, архиерея Православной Церкви ставит в один ряд с крестным отцом мафии, епархию сравнивает с концлагерем.

Дерево познается по его плодам. Какие плоды принесла и принесет эта книга? Добра от нее никакого.

Мне пришлось в течение трех лет служить с протоиереем Павлом. Могу сказать, не скрывая, с болью в сердце, что у этого человека нет слова правды. И мне пришлось это испытать на себе.

Участник Епархиального Совета: Десять лет служения под омофором Владыки Евсевия дают мне повод сказать, что он — страж и ограда нашей Церкви от поползновения всего антицерковного или лукаво и хитро подрывающего наше родное, каноническое Православие. Клеветническая книга «Догмат о Церкви» одновременно может расцениваться как свидетельство того, что наш Владыка не дает свободу никаким обновленцам и реформаторам. А автор книги «Догмат о церкви» при мне лично высказывал мнение, что целесообразно передать приходов двадцать Зарубежной Церкви; а о том, что богослужение следует перевести на русский язык, он говорил на одном из Епархиальных Советов. Считаю, что необходимо временно отстранить от служения протоиерея Павла Адельгейма, назначить беспристрастную комиссию, по результатам работы которой судить о возможности его дальнейшего служения.

Участник Епархиального Совета: «Книга — антицерковная! Она подрывает соборность Церкви, которую мнимо защищает священник Павел Адельгейм. Эта книга особо опасна для неофитов, не утвержденных в вере. Она подрывает авторитет Церкви. Боюсь, что отец Павел делает это умышленно, как враг Церкви. Такие сочинения способствуют отпадению людей от веры. А «горе тому, кто погубит одного из малых сих».

Участник Епархиального Совета: Ни для кого не секрет, что отец Павел выставлял свою кандидатуру на выборах в органы законодательной власти. Видимо, *ему* очень хотелось приобщиться к антицерковной деятельности таких личностей, как Глеб Якунин. Отец Павел считает себя страдальцем за веру, только непонятно, к какой конфессии он сам принадлежит? Пылая ненавистью к Православию, он очень благосклонно относится к католикам, протестантам, получает от них материальную помощь, которая неизвестно как расходуется, а деньги шлют немалые. Например, только одна зарубежная организация перечислила ему, как разовую помощь, 1200 тысяч немецких марок.

Выливая столько ненависти и желчи на все Православие, автор книги «Догмат о Церкви» по сути отрекается от него, ставит себя вне Церкви, вне ее иерархии.

Участник Епархиального Совета: С болью в сердце прочитал книгу протоиерея Павла Адельгейма. Считаю своим христианским и пастырским долгом поделиться своими мыслями по поводу прочитанного. Книга по своей сути антицерковна и оскорбительна для сознания верующего человека, так как подрывает доверие к священноначалию. Как можно издеваться над своим архиереем? Зачем сеять в душах людей недоверие к епископату Русской Православной Церкви? Зачем клеветать на наше священноначалие? Это вражее дело. Внутри Церкви есть проблемы, но разве решать их нужно способом злопыхательства и очернительства всех и вся? Почтенный протоиерей не только льет грязь на правящего архиерея, но и оскорбляет своих собратьев-священников, в том числе и членов Епархиального Совета, называя их «попугаями», «любовниками». Это неправда, что духовенство не смеет высказывать свое мнение перед епископом. Владыка всегда внимательно прислушивается к мнению священнослужителей, и все решения принимаются соборно. Одни люди рождаются для славы Церкви, другие — для ее позора. Книга протоиерея Павла позорит нашу Церковь.

Участник Епархиального Совета: Книга «Догмат о Церкви» — актуальная и нужная для церковного самосознания — отнюдь не является персональной инвективой против правящего архиерея, как это может показаться при поверхностном знакомстве с нею. В XX веке под угрозой исчезновения оказались структуры, на которых веками строилась жизнь: уничтожены общественные классы, на наших глазах разрушается семья. В результате коммунистического террора и апостасиса исчезает одно из важнейших свойств Христовой Церкви — соборность, волей-неволей подменяемая ныне корпоративной властью епископата. Нужно воспользоваться той исторической передышкой, какую нам предоставляет нынешнее время, чтобы возродить в церковной жизни дух свободы и творчества, преодолеть опасное дистанцирование интеллигенции от церковной деятельности. Как верно отметил в свое время Н.А. Бердяев в «философии свободного духа»: «Церковь, выявляясь и воплощаясь в мире природном историческом, может принимать формы, свойственные этому миру». К его словам можно добавить: «и язвы этого мира». «Духовный сталинизм» — одна из язв этого мира, которой болеет Церковь.

Участник Епархиального Совета: Ваше Высокопреосвященство, свою книгу о Павел послал священноначалию, фактически во вторую инстанцию церковного суда, поскольку в книге затрагивается вопрос управления епархией Вашего Высокопреосвященства, с указанием на отрицательные моменты этого управления. В этой деликатной ситуации священнику Псковской Епархии не уместно обсуждать действия своего Архиерея. В связи с этим, я воздержусь высказывать личное мнение по положениям книги, где затрагиваются отношения Архиерея и священника. Мое же личное отношение к правящему Архиерею остается неизменным: благоговейное и уважительное (Рим. 7,13).

Остальное содержание книги произвело на меня хорошее впечатление. Автор затронул актуальные проблемы современной церковной жизни, четко изложил свою позицию и убедительно ее аргументировал.

Участник Епархиального Совета: Новый Арий явился! Братия, в нашем стаде появились волки. После этой книги не считаю протоиерея Павла христианином.

Участник Епархиального Совета: Книга протоиерея Павла говорит о том, что он не любит святую Мать-Церковь: кто на мать свою выливает помои? После написания книги он — враг Церкви. Он никогда и не был сыном Церкви. В книге он приводит три указа, написанные в его адрес еще покойным митрополитом Иоанном (Разумовым), представляет себя страдальцем, гонимым архиереями. А дело обстояло так, и я был тому свидетелем. Прихожане храма, где он служил, выгоняли его из храма за его обновленческие и прокатолические взгляды, и архиерей вынужден был принимать меры. На каком бы приходе ни появлялся отец Павел, везде возникали нестроения, смуты и скандалы. Через него пострадало несколько священников. По своим убеждениям он ярко выраженный обновленец.

Участник Епархиального Совета: Судя по книге, протоиерей Павел — человек духовно больной. Но ведь эта болезнь заразительная. Поэтому нельзя дать ей распространиться.

Участник Епархиального Совета: Я глубоко возмущен книгой отца Павла. Он поступает, как предатель. Он идет против Владыки, духовенства епархии, а значит и всей нашей Церкви. Тем самым подает соблазн верующим, колеблющимся. Горе ему! О таких сказано:»лучше было бы ему не родиться». Когда митр. Антонию Сурожскому предложили перейти в Константинопольскую Церковь, он отказался, хотя живет за границей, вдали от Родины. Похоже, отец Павел не дорожит своим общением с Русской Православной Церковью, если поступает как враг ее.

Участник Епархиального Совета: Я не обладаю полнотой информации, есть там клевета на владыку или нет, но обида явно сквозит в этой книге. Это не по-братски. В первой части книги, посвященной догматическому богословию, никаких особых отклонений от православного вероучения нет.

Участник Епархиального Совета: автор назвал книгу «Догмат о Церкви». О догматах Церкви писали святители, учителя Церкви на особом богословском языке. Богословис — наука. Жанр, в котором написана книга, — литературный, не научный. Это жанр памфлета. Допустимо ли о догматических истинах Православной веры писать в сатирическом жанре? Это вопиющее кощунство.

В своей книге отец Павел пишет: «Православные, католики, протестанты читают одно Священное Писание, исповедуют общий символ веры, но разорвали общение. Содержание веры мы ценим так горячо, что малейшее различие в понимании разделяет нас. Может быть, в нас оскудела любовь?» как все это понимать? Отец Павел во всеуслышание заявляет о себе этими словами, что он — экуменист и обновленец в духе протестантизма восточного обряда. Это недавно разоблаченная ересь протоиерея Георгия Кочеткова, о котором были

определения нашего священноначалия. Как известно, он был отправлен под запрет до покаяния. Отец Павел считает себя духовным отцом местной интеллигенции. Куда он заведет свою паству? В ересь, а не в Православие. Эту паству нужно оградить от разлагающего влияния на нее священника, впадшего в столь глубокое заблуждение о догматах веры Православной.

Всем известно, что правящий архиерей нашей епархии — человек глубоко благочестивый по жизни, глубокий молитвенник и неустанный делатель на ниве Христовой, ревностный поборник чистоты веры Православной, истинный ее защитник. Видимо это и вызвало столь злобное клеветническое нападение священника-обновленца на архиерея. Это злоба не человеческая, это злоба вражия, ибо сам отец Павел — пойманный в сети врага. Уловленный через свою гордыню, он стал игрушкой в руках врага нашего спасения — диавола. И, как человек, достоин всякого сожаления. Но таким людям очень трудно прийти в покаяние перед Богом, а покаяние должно быть публичным.

Сотрудник Псковской Классической гимназии: Прочитав книгу иерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви» хочу внести ясность в главу 13.1 стр., 143 о «расколе школы», предмет о котором я знаю наверняка. В 1992 году, когда о. Павел открыл Православную школу, где был один пятый класс, я привела туда свою дочь. В августе 1994 года, когда группа родителей решила открыть другую православную школу, я была в их числе. Инициатива создания гимназии принадлежит исключительно родителям, а я, как одна из них, была на приеме у Владыки. Мы просили благословения Владыки на открытие православной гимназии. Первый учебный год учащиеся Псковской классической гимназии занимались в храме «Старое Вознесение». Родители весь учебный год обивали пороги Областной и Городской администраций, и в 1995 году гимназия получила половину детского сада.

Участник Епархиального Совета: Все, написанное в книге о Владыке — клевета. Наш Владыка в своей жизни и в служении Святой Церкви являет образ доброго пастыря, отдающего все свои силы для того, чтобы прославлялось Имя Божие, что бы люди укреплялись в вере и добродетельной жизни. За десять лет своего служения на Псковской кафедре им были открыты более 100-а храмов, восемь монастырей, духовное училище, организованы воскресные приходские детские школы. Его частые поездки на приходы епархии, его встречи с разными общественными лицами привлекли к нему огромное внимание.

Во всех своих действиях он усматривал только пользу для церкви, для народа и нашего родного Отечества. Мы крайне обеспокоены той клеветой, той сатанинской провокацией, с которой выступил о. Павел Адельгейм. Мы обращаемся к Вашему Святейшеству с нашей душевной просьбой предать о. Павла Адельгейма церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию против нашего Владыки, да и против всего Епископата нашей Русской Церкви, а его книгу считать как душевредную, подлежащей уничтожению.

Выписка верна 30.12.2002 г. *Секретарь Епархиального Управления прот. Иоанн Муханов* (печать и подпись)

•

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
архиепископу Псковскому и Великолукскому

настоятеля храма святых Жен Мироносиц
священника Павла Адельгейм

Прошение

«В чем вы обвиняете Человека Сего? Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали Его тебе»

/Ин.18, 29-30/.

Ваше Высокопреосвященство!

Что совершилось некогда как трагедия, вновь повторяется на уровне фарса. 07.01.03 г. я получил документ от 30.12.02 г. под названием «выписка из протокола Епархиального Совета Псковской епархии». Никакого сопроводительного письма в конверте я не нашел и потому вынужден понимать этот документ на основании конкретного текста и доступной мне косвенной информации.

Документ сообщает тему обсуждения, которая касается лично меня.

«Слушали: о книге иерея Павла Адельгейма «Догмат о Церкви» (Псков, 20.12. 2002 г.)». Обсуждение содержит 23 текста, начинающиеся безымянной преамбулой «*Участник Епархиального Совета:*», далее следует текст выступления, содержащий оценку автора и его книги. Маловероятно, чтобы один «участник» выступал 23 раза. Вероятнее, что все «участники» были обезличены общим псевдонимом. Конфиденциальную оценку книги можно понять. Апостол Павел пишет: «Некто негде засвидетельствовал: «что значит человек, что Ты помнишь его?»»/Евр.2,6/. Совсем другой смысл приобретает анонимное свидетельство о лице, особенно, когда оно высказано как основание для его осуждения и последующих репрессий..

Когда Советская власть преследовала Ахматову и Зощенко, Пастернака и Гинзбурга, Синявского и Солженицына, уважаемые писатели, поэты, журналисты вынуждены были открыто выступать на собраниях и подписывать своим именем осуждающие и «разоблачающие» высказывания. Чтобы есть хлеб с маслом, им пришлось принять ответственность и нести пятно позора за свое малодушие.

На «Епархиальном Совете» собрались благочинные, уважаемые пресвитеры, настоятельницы монастырей, миряне. Спрятавшись за безличный псевдоним «участника», они безответственно чернили и порочили злодея-автора и осудили его книгу как «душевредную, подлежащую уничтожению»/См. Протокол стр.9/ . Я просил Ваше Высокопреосвященство пригласить меня на обсуждение моей книги. Вы не ответили на мое прошение. Сохранение безымянности понятно: «участники» стесняются высказывать свои обвинения, глядя в глаза собрата. Инкогнито позволяет им есть хлеб с маслом и сохранять незапятнанным свой авторитет. Такая позиция признается безнравственной в любом обществе, тем более в Церкви Христовой. Только два человека открыли свое имя и приняли на себя ответственность за протоколы псковских мудрецов:

Правящий архиерей, по благословению которого проводилась акция, и секретарь Епархиального Управления, прот. Иоанн Муханов , подписавший протокол и скрепивший печатью Псковской епархии.

Безымянная роль прочих «участников»: тридцати священников, мирян и монахинь подчеркивает неканонический состав «Епархиального Совета» и ставит под вопрос законность его канонического статуса, не отвечающего требованиям Устава РПЦ гл. 10, ст.34-44. Ни «участников», ни гостей Епархиального Совета Устав РПЦ не предполагает и «образуется...не менее, чем из четырех лиц в пресвитерском сане, половина из которых назначается архиереем, а остальные избираются Епархиальным Собранием на три года». Этих лиц Устав РПЦ называет «членами Епархиального Совета». Протокол не отразил присутствие законных членов Епархиального Совета, поскольку их там не было. Прошедшее собрание не имело канонического статуса Епархиального Совета и не может выражать мнение местной Церкви. Мнение епархиального духовенства разделилось. Из священников, окончивших Духовную академию, трое присутствовавших на собрании дали книге положительную оценку, остальные не пришли, сказавшись больными.

Прошедший 20.12.02 г Епархиальный Совет отправил свой Протокол Святейшему Патриарху и поставил перед ним вопрос об осуждении и наказании автора книги «Догмат о Церкви»:

«Ставлю вопрос об отстранении прот. Павла от служения»;

«Считаю, что необходимо временно отстранить от служения прот. Павла Адельгейма»;

«Нужно оградить паству от разлагающего влияния на нее священника, впадшего в столь глубокое заблуждение о догматах веры Православной»;

«покаяние должно быть публичным»;

«Обращаемся к Вашему Святейшеству с нашей душевной просьбой предать о. Павла Адельгейма церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию...» /См. Протокол/.

Епархиальный Совет нарушил не только канонические требования действующего Устава РПЦ, но сознательно пренебрег целым рядом Вселенских канонов, предъявляющих определенные условия к обвинениям, когда их полагают в основание суда и наказания. Канонические правила не признают анонимных свидетелей против пресвитера, прячущих за конфиденциальностью моральную безответственность. Эти правила предъявляют конкретные требования к обвинителям:

1. «Обвиняемый в чем-либо, необходимо сам должен быть призван» /Ап.74/.
2. Могут обвинять не безымянные свидетели, а «только люди вероятия достойные» /Ап. 74; 75; Четв. 21; Карф. 8; 28 ; 70; 143; 144; 145/.
3. «...не иначе, как письменно поставив себя под страхом одинакового наказания с обвиняемым, если окажутся клевещущими» /Втор.6/.
4. Аще ничем не опороченные доносители «скажут, яко имеют нечто донести,.. таковым святый собор повелевает представити свои обвинения всем епископам области и пред ними подтверждати доводами свои доносы». /Втор.6/.
5. «Аще доноситель удалится и сокроется... сам доноситель да изринется от общения» /Карф. 28/.

Такую цену назначают древнейшие церковные каноны за анонимный протокол, требующий от Высшей Церковной Власти осудить и наказать клирика.

Когда легитимная власть нарушает законы, положенные в основание ее легитимности, она превращается в разбойную власть.

Ваше Высокопреосвященство! Как назвать законную церковную власть, которая сознательно нарушает святые каноны Церкви и преследует тех, кто защищает ее каноническое устройство?

Ваше Высокопреосвященство! Я не храню вражды за причиненные Вами обиды. И Вас прошу простить меня, примириться и благословить, чтобы мы могли вместе предстоять Святому Престолу, в единомыслии и любви умоляя Господа оставить нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим.

Сознающий свое недостоинство и всегда готовый признать свою конкретную вину перед Богом и перед Вами,

священник Павел Адельгейм. 08.01.03 г. Псков.

•

О. Павлу Адельгейму.

Зачем же вы просите прощение в письме, после напечатанной вами книги «Догмат о Церкви» с клеветой на меня? Ведь это же полное фарисейство, на подобие того, когда в советские годы, богоборцы заставляли улыбаться и в ладоши хлопать с благодарностью палачам говоря «но что здесь такого».

Оставайтесь уж клеветником, лжецом и лицемером до конца Неужели вам не понятно, что вы как лжец исполняете волю сатаны? Ведь он во Истине не стоит и вы ему служите. Вы умело, как клеветник интерпретируете Православный Символ Веры, и правила Апостольские и Вселенских Соборов, и изощряетесь в неправде, тем самым показываете свое подлинное лицо фарисея и лицемера.

Как только ваши руки писавшие ложь на архиерея могут подниматься в молитве к Богу — Чистому, Живому и приносить жертву хваления и благодарения Ведь еще в Ветхом Завете сказано Богом в законе: «Не лжесвидетельствуй». Вы же законопреступник, восставший на Церковь Христову и в частности на Русскую Церковь и ее служителей

Мог ли я позволить вас обидеть, как вы пишете, унизить, преследовать и уничтожить плоды и перспективы социальной вашей работы? Покажите мне хотя бы один документ, ограничивающий вашу церковно-приходскую и общественную деятельность? Удивляюсь, как вы позволили избрать путь клеветы и правакаций и пользоваться сатанинским методом лжи и обмана. «Савле-Павле, Павле-Савле, что мя гониши?» (Деян. 9,4)

Как бы вы не преподносили свои суждения и сколько бы вы не приводили цитат о соборности, о единстве Церкви, и как бы вы лукаво не изощрялись в своей правоте, все-таки вы лжец и слуга отца лжи — диавола.

За такую вашу подлость и лукавство, не выношу вам никакого приговора и церковного прещения. Наверное, епископ Акакий, определил вам место со всеми клеветниками и диаволу уготованное им от вечности, от меня же вам пожелание принести всенародное покаяние за свою клевету, через СМИ т. к. ложь и провокация в адрес Архиерея озвучена всенародно, или пусть вас судит Бог и ваша совесть пусть вынесет вам приговор.

30 декабря 2002г. Евсевий. Архиепископ Псковский и Великолукский

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Евсевию,
архиепископу Псковскому и Великолукскому

настоятеля храма святых Жен Мироносиц
священника Павла Адельгейма

Прошение

Только что мне принесли Ваше письмо. Оно выплеснуло на меня поток оскорблений, которые я нахожу ничем необоснованными, грубыми, унижающими достоинство Православного Архиерея.

Документов, подтверждающих Ваши преследования и ограничение моей церковно-приходской и общественной деятельности, о которых Вы спрашиваете, у меня немного, но все-таки есть и, если угодно, я могу их представить. Их немного, поскольку Вы предпочитаете устные запреты, неофициальные распоряжения, которые не оставляют следов. Так били в известных тюрьмах, чтобы экспертиза не зафиксировала побои и не могла подтвердить нарушение прав человека..

Вы уволили меня из Писковичей, но отказывались давать об этом Указ. Только мой категорический протест сдавать имущество без Вашего Указа вынудил Вас официально отстранить меня от Свято-Матвеевского храма.

Вы отобрали у меня Богдановский храм без всяких документов. До сих пор храм, построенный мной в областной психиатрической больнице, ни на чьем балансе не числится и юридически остается в моей частной собственности. Несколько лет назад я безвозмездно передал его Вам, и не имею к нему никакого отношения, согласно Вашему устному категорическому требованию.

Вы требовали отдать Вам созданный мной свечной завод без всяких бумаг с Вашей стороны. Я должен был по Вашему устному приказу безвозмездно передать всё производство, все материалы, оборудование и готовую продукцию согласно акту приема-сдачи, назначенному Вами директору и самоустраниться. Только физическая неосуществимость поставленных Вами крайне жестких условий воспрепятствовала мне передать Вам это производство.

Вы отказали мне, разумеется устно, в организации общегородской просфорни, для которой я закупил оборудование, и оно частью законсервировано уже 10 лет, частью используется для нужд Вашего Кафедрального Собора.

Вы приказали мне, конечно устно, уничтожить библиотеку, созданную мной при храме святых Жен Мироносиц. В отчаянии я выступал с этим материалом по Псковскому радио в январе 2000 г.

Вы отобрали у меня здание, которое я хлопотал в Администрации Пскова много лет под Среднюю общеобразовательную церковно-приходскую школу при Свято-Мироносицкой обшине. Муниципалитет выменял с этой целью здание из федеральной собственности. У меня сохранилась переписка с Администрацией и с Вами.

Вы препятствовали мне вводить ежедневное богослужение в храме Святых Жен Мироносиц. Тоже устно. Много лет отказывали в священнике для храма, хотя кандидатов было достаточно. Я тянул два храма вместе со вторым священником при ежедневном богослужении, еженедельном служении в тюрьме, 12 часах в неделю школьного преподавания и еще два года преподавал в

Духовном училище. 10 лет я не ходил в отпуск, понимая, что за месяц моего отсутствия все будет разрушено.

Вы запретили городским и областным властям оказывать поддержку социальных проектов священника Павла Адельгейма, и привлекать его к общественной работе. Разумеется, устно. Такое объяснение было дано руководству Евангелической церкви Германии официальными представителями псковской Администрации в ответ на просьбу германской стороны помочь с помещением для школы.

Стоит ли мне напоминать о назначении Вами священника Евгения Найдина в качестве неофициального настоятеля храма святых Жен Мироносиц при живом настоятеле? Три года я сносил издевательства, доходившие до рукоприкладства и непечатных оскорблений в Алтаре перед Св. Престолом. Сколько документов мной было послано Вашему Высокопреосвященству? Десятки. Вы отвечали: «продолжайте служить в братской любви и единомыслии». Все эти факты поддаются проверке.

Нет смысла, Владыка, продолжать этот перечень. Для этого пришлось бы написать еще одну книгу. Едва ли этого Вы требуете. Христос предлагает другой путь: «мирись с соперником твоим скорее» /Мф.5, 25/.

Примирение вовсе не означает капитуляцию безо всяких условий, как Вы предлагаете в своем письме. Это не примирение, а уничтожение. Я по-прежнему прошу Вас простить мне то, что Вы восприняли как обиду, забыть и благословить. Я также готов забыть обиды. Мне кажется, что именно этого ждет от нас Бог. Мне не трудно «поднимать руки в молитве к Богу», потому что в моем сердце нет зла, а в моей книге нет ни слова лжи, ни слова клеветы. Проблема, по поводу которой написана книга, слишком серьезна, что бы я мог от нее отречься, согласно Вашему пожеланию. Это невозможно.

Еще раз прошу простить и благословить меня, как Бог нас всех прощает.

Неизменно помнящий вас в своих молитвах
священник Павел Адельгейм. 12.01.03. г. Псков.

•

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

Настоятеля храма Святых Жен мироносиц
священника Павла Адельгейма

Прошение.

Ваше высокопреосвященство!

В своем прошении от 08.01.03. я обосновал формальными признаками не каноничность созванного Вами для обсуждения книги «Догмат о Церкви» «Епархиального Совета» от 20.12.02 г.

1. Состав Епархиального Совета противоречит требованиям действующего Устава РПЦ.

2. Анонимность состава собрания и его итоговые решения противоречат постановлениям десяти перечисленных мной святых канонов Вселенской Православной Церкви.

В настоящем прошении я хочу ответить по существу на конкретные возражения «участников» против автора и его книги и неотступно просить Вас о личном примирении. Полученные мною протоколы отражают церковное сознание псковского клира, его нравственные установки и богословское умозрение. Удивительно, как «участники» не заметили проблему соборности, исследованию которой посвящена книга «Догмат о Церкви» и не отозвались на нее ни единым словом. Содержание протоколов отражает личную обиду архиепископа Евсевия, многократно повторенную участниками Епархиального Совета.

Из хора «участников Епархиального Совета» выпадают три голоса, поддержавшие книгу. Они обретают ценность героического поступка. Они посмели не согласиться с общим мнением и — самое опасное — с мнением архиепископа. «Нет места для внутренней очевидности истины, если большинство оказывает давление на меньшинство» /ЖМП №8 1968г. стр.78 «О третьем свойстве Церкви»/. В. Лосский пишет, что «обязанность защищать истину лежит на каждом члене Церкви, как на епископе, так и на мирянине, хотя епископы ответственны за нее в первую очередь в силу принадлежащей им власти. Мирянину даже вменяется в обязанность противиться епископу, который предает истину и перестает хранить верность христианскому Преданию» /Там же, стр.75/. Эти три голоса несут в себе не только отвагу. Они выражают соборный принцип Церкви. Предание, охраняемое каждым, нельзя заменить подчинением внешнему принципу: авторитету большинства или старшинства, иначе внутренняя достоверность истины теряет свою силу. Высказанная мысль имеет высокую цену. Она может стоить жизни, поломанной судьбы, невидимых слез.

Остальные 20 голосов, поданных против книги и ее автора, ничем не рискуют. Их конъюнктурная позиция гарантирует им расположение архиепископа, награды и продвижение по службе. Они похожи между собой по эмоциональному настрою и субъективным оценкам. Невозможно возражать против эмоций и оспаривать субъективные оценки: сердцу не прикажешь.

К субъективным оценкам и эмоциям применим только один критерий — искренность, которую ставит под сомнение конъюнктурность позиции.

Не стоит оспаривать диагнозы, вынесенные автору «участниками»: «душевное нездоровье», «духовный кризис», «страшное состояние, в которое впал о. Павел», «протоиерей Павел — человек духовно больной» и проч. Для диагноза требуется экспертное заключение психиатра.

Не станем рассматривать обвинения в клевете, лжи, оскорблениях и прочие. Это правовые понятия. Констатировать и оценивать их может только суд. Вторгаясь в компетенцию суда, «участники» нарушают презумпцию невиновности и вступают в противоречие с уголовным кодексом РФ.

С позиции логики можно оценивать только суждения, поскольку они могут быть обоснованы как истинные или ложные. Рассматривать все суждения «участников» обременительно и неинтересно, поскольку среди них много предвзятых суждений, и есть опасность увязнуть в казуистике.

Например, один «участник» не обрел в книге Духа Христова, отвергнув повеление Христа: «покажи, что худо» /Ин.18, 23/. Невнятно ссылаясь на «сложную тематику частных богословских мнений», он допускает логическую ошибку, которая называется «подменой тезиса»: «Автор призывает к спору, полагая,

что в споре рождается истина» /Протокол, стр.1/. Загляните в книгу: там автор «приглашает к диалогу», ссылаясь на повеление Христа Спасителя и Святых Апостолов. /«Догмат о Церкви», стр. 5 /. Может быть, помимо диалога этот «участник» знает другой способ общения между людьми? Альтернативой диалогу может быть драка или капитуляция.

Богословские возражения «участников» вызывают сострадание. «Участники» либо не прочли книгу, либо не поняли. Они не видят поставленную в книге проблему соборности Церкви, не осознают ее значимости, не переживают ее актуальности. Детский лепет их богословствования касается незначительных частностей, оставляя без внимания существенные идеи книги.

«Во всей книге нет ни одной цитаты из святых отцов». /Протокол, стр. 2/.

Анализу цитаты из свят. Киприана Карфагенского посвящена вся 5-я глава. Стр.30-33. Цитируются множество канонов, принятых святыми отцами на Вселенских Соборах. Цитируются слова свят. Василия Великого из Божественной Литургии, стр.125, Каноническое послание Василия Великого стр. 205; Цитируется святой митр. Кирилл Смирнов, стр.57; 178 и проч.

«Автор доходит до ереси, разделяя харизму апостольства и архиерейства».

Автор действительно указывает объективный признак, различающий апостольское служение от архиерейского: дар чудотворения. Этот дар апостолы приняли как заповедь: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте»/Мф.10, 8/. Ни Священное Писание, ни чин хиротонии во епископа, ни Устав РПЦ и древние каноны не возлагают на епископа повеления творить чудеса. Если хиротония наделяет каждого епископа властью воскрешать мертвых, почему епископ никогда этого не делает? /«Догмат о Церкви», стр.28/. В чем здесь ересь?

«Кощунственно сравнивает Церковь с мафией, концлагерем, корпорацией, а епископа — с генералом и «крестным отцом».

«Идею единства выражает не только Церковь Христова. Армия, мафия, концлагерь или епархия одинаково обретают свое структурное единство в общине. Уклад общины становится соборным, когда «Дух, дышащий идеже хощет, пребывает в общине, оживотворяя ее благодатным дыханием». /«Догмат о Церкви». Стр.35/. Церковь имеет земную организацию, как любое общество, но живет благодатной жизнью Тела Христова. Сравнение указывает, что утрата соборности искажает принцип церковного единства. Единство, лишенное соборности не будет церковным.

«о. Павел заявляет, что Священное Писание не дает категорической заповеди о послушании, забывая при этом, что первая заповедь в раю... была именно о послушании, о подчинении старшим говорит и пятая заповедь».

Бог заповедал в раю определенное повеление: «не ешь,.. умрешь» /Быт.2,17/. Эта заповедь запрещает конкретное действие. Частному запрету нельзя придавать общее значение и выводить из него общий принцип. Когда мы читаем надпись: «Не влезай, убьет!», мы не рассматриваем такое повеление в качестве принципа гражданского повиновения. Принимая предостережение об опасности, мы осознаем его конкретные границы и не возводим в категорию «послушания». Повелений множество, а заповеди о послушании нет. Пятая заповедь го-

ворит не о послушании, а о почитании родителей. Опасная ошибка — смешивать послушание с почитанием. Почитание родителей имеет безусловный смысл и потому определено заповедью. Послушание родителям имеет смысл условный, поскольку его содержание меняется с возрастом, семейным положением, личными особенностями детей и родителей. Поэтому Священное Писании не содержит заповеди о послушании.

Подробно проблема послушания рассмотрена в книге «Догмат о Церкви» гл. 14 стр. 156-168.

«льет грязь на правящего архиерея и оскорбляет... членов Епархиального Совета, называя «попугаями», «любовниками». В другом месте: «называет архиерея «антихристом, Каиафой, Пилатом»

Автор нигде не обзывает архиерея, сохраняя должное уважение к его сану. «Участники» не указывают страницы книги, подтверждающие их обвинения. Обвинения возникают из передергивания авторского текста. Например: «Все они оказываются в унизительном положении архиерейских попугаев» /«Догмат о Церкви, стр.135/. Автор не ставит «участников» в унизительное положение. В такое положение их ставит епископ. Автор только констатирует такое положение. Разве можно сердиться на термометр, если он показывает высокую температуру? Следует не сердится, а лечиться.

В своей книге отец Павел пишет: «...содержание веры мы ценим так горячо, что малейшее различие в понимании разделяет нас. *Почему мы не плачем о нашем разделении?* Может быть, в нас оскудела любовь?» — как всё это понимать? — спрашивает «участник».

Добавляю (курсивом) одну фразу к тексту в надежде, что она отвечает на поставленный вопрос.

Бросается в глаза отсутствие благословения священноначалия на издание труда.

Надо понимать, что «участник» осуждает за это автора? Разве можно высказывать свои суждения, не спросив мнения начальства? Снова мы встречаемся с католической идеей непогрешимости иерархов в исповедании Истины. История Церкви оставила нам достаточно свидетельств о неверности иерархов Преданию: ариане, монофелиты, иконоборцы — многие иерархи оказались не на высоте в те бурные дни. Как оценить позицию преп. Максима Исповедника с точки зрения «участника»?

«Участнику» грезится славное время католического средневековья, когда составлялись индексы отреченных книг и костры auto-de-fe, на которых горели осужденные инквизицией книги и авторы, писавшие без «благословения священноначалия». Всего десять лет назад скончалась другая тоталитарная идеология, порабощавшая свободу совести 70 лет и вот,

Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.

В синодальную эпоху католическая идея двух мечей восторжествовала в церковной практике. Святейший Синод во главе с Обер-прокурором уверенно опирался на мощь государственного аппарата в борьбе с раскольниками и еретиками. Духовная цензура была одним из элементов противостояния. Мно-

гие установления Синодальной эпохи были оценены неоднозначно и пересмотрены Поместным Собором 1917-18 года. Вопрос о духовной цензуре не решается однозначно. С одной стороны, цензура защищает от соблазнов и развращения, а с другой — пресекает развитие творческой мысли, без которой увядает богословие. Папство — несущественно кто является его выразителем, Римский первосвященник на Западе, корпорация епископов на Востоке, епархиальный епископ в местной Церкви — или духовная свобода, остаются дилеммой, которую можно обойти только покривив совестью. Истина не имеет внешних непреложных признаков, отличающих ее от заблуждения. Постигать и отстаивать Истину приходится духовным, нравственным и умственным трудом, «содействующу Святому Духу». Этот труд может быть только свободным. Благословение следует рассматривать не как разрешительно-запретительную санкцию, а как молитву об успехе дела. Следует очистить это слово от юридического подтекста и восстановить его духовный смысл.

Устав РПЦ определяет пределы полномочий епископа: «Архиереи пользуются всею полнотою иерархической власти в делах вероучения, священнодействия и пастырства» /Устав РПЦ гл.10 ст. 11/. Устав не дает подробного перечня действий, в совершении которых свобода клириков и мирян ограничена условием архиерейской санкции. Устав не вводит в полномочия епископа духовную цензуру. Епископ предъявляет требования к дисциплине, точности обряда, догматических формул, духовного руководства, которые иерархия должна контролировать, поскольку они лежат в области канонического права.

Но есть Божественные установления, на которые никто не должен посягать: жизнь, которую дает Бог и духовную свободу, которая запечатлевает в человеке образ Божий. Бог принимает всерьез свободу, дарованную человеку. Заповеди Божии не содержат прещений и угроз. Человек принимает их сознательно и свободно. Иначе они не имели бы нравственной ценности.

Духовная свобода является ценностью, которую заповедует отстаивать святой Апостол Павел: «Стойте в свободе, которую даровал вам Христос» /Гал.5,1/ . Она дана как заповедь: «К свободе призваны вы, братия» /Гал.5,13/. Она имеет только нравственные пределы: «Для чего моей свободе быть судимой чужой совестью?» /1Кор.10,29/.

«Благословение» является проблемой, которая подробно рассматривается в книге «Догмат о Церкви» в гл. 15 на с. 174-176 «Смысл благословения». Удивительно, как «участники» видя не видят, слыша не слышат, и не разумеют» /Мф.13,13/.

Вот и все конкретные возражения, которые я смог обнаружить в протоколе. Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о богословском качестве критики. Богословский язык потребовался для того, чтобы выразить архиепископу свои верноподданнические чувства. Вступать в диалог с таким «богословием» — бесперспективное занятие.

По прежнему умоляю Ваше Высокопреосвященство о личном примирении, ибо быстротечны дни, и скоро мы с Вами предстанем перед судом Владыки всех владык.

Остаюсь Вашим недостойным сомолитвенником.
свящ. Павел Адельгейм. 17 января 03 г.

•

Святейшему Алексию,
Патриарху Московскому и всея Руси

Псковской епархии
священника Павла Адельгейма

Прошение.

Ваше Святейшество!

08.01.03 я получил «Выписку из Протокола Епархиального Совета Псковской епархии» от 20.12.02 , посвященную обсуждению моей книги «Догмат о Церкви». Из Протокола следует, что идентичный документ отправлен в Московскую Патриархию «с душевной просьбой предать о. Павла Адельгейм церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию...». «Выписка» подписана секретарем Епархиального Управления 30.12. 02. прот. Иоанном Мухановым.

Со своей стороны я обращаюсь к Вашему Святейшеству со встречным ходатайством оставить «душевную просьбу» Епархиального Совета без последствий по следующим основаниям:

1. Протокол не отражает мнение клира Псковской епархии и является канонически ничтожным. Протокол отражает личную обиду, тиражированную «участниками Псковского Епархиального Совета». Такое утверждение правомерно, поскольку «Епархиальный Совет», собравшийся 20. 12. 02. созван с нарушениями Устава РПЦ по составу и процедуре. Не избранные и не назначенные «участники», созванные архиепископом по принципу личной симпатии, не являются членами Епархиального Совета и могут быть только эхом Правящего Архиепископа, а не голосом церковной соборности.

2. Протокол «Псковского Епархиального Совета» приводит анонимные свидетельства против клирика в качестве основания для его осуждения и прещения, нарушая 10 канонов Вселенской Церкви: Ап. 74; 75; Втор. 6; Четв. 21; Карф. 8; 28 ; 70; 143; 144; 145/.

3. «Епархиальный Совет», превысив свою компетенцию, вторгся в компетенцию суда, нарушая презумпцию невиновности и устанавливая факты преступлений вопреки прямым запретам Уголовно-Процессуального кодекса РФ /УПК РФ Ст. 1-2; ст.14, 1/ и действующего Устава Русской Православной Церкви /гл.7, 1/.

Повергая к стопам Вашего Святейшества свои суждения, испрашиваю Вашего святительского благословения,

священник Псковской епархии Павел Адельгейм. 24 января 2003 г.

Приложения*:

1. «Выписка из Протокола Епархиального Совета» от 20.12.02 г.
2. Прошение Архиепископу Евсевию от 08.01.03
3. Письмо Архиепископа Евсевия от 30.12.02 г. «о. Павлу Адельгейму»
4. В ответ на письмо Прошение Архиепископу Евсевию от 12. 01. 03 г.
5. Прошение Архиепископу Евсевию от 17.01.03.

---

* Тексты перечисленных материалов в хронологическом порядке приведены выше. — *Прим. ред.*

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященному Евсевию,
Архиепископу Псковскому и Великолукскому,
Успенской Псково-Печерской обители
священноархимандриту

Его высокопреподобию
священноархимандриту Тихону, наместнику
Успенской Псково-Печерской обители

Духовному Собору Успенской
Псково-Печерской обители.

Обращение

Ваше Высокопреосвященство!
Высокопреподобные отцы!

«Вы ищете доказательства на то,
Христос ли говорит во мне» /2 Кор.13, 3/

Благоговейное отношение к Псково-Печерскому монастырю, его духовному авторитету, насельникам и традициям побуждают меня выразить огорчение по поводу дискредитации Духовного Собора монастыря, прозвучавшей в выступлении одного из «участников» Епархиального Совета Псковской епархии от 20.12.02 г.

Скрыв свое собственное имя по побуждениям совести ли, малодушия или корысти, некий «участник» анонимно выступил от имени Духовного Собора Псково-Печерского монастыря с соблазнительным заявлением по поводу некоей «книги». Из слов «участника» неясно о какой книге идет речь, поскольку в своем выступлении он не указал название книги, имя автора, не пояснил ее содержание. По косвенным признакам можно предположить, что неопознанным объектом обсуждения является моя книга «Догмат о Церкви», анализирующая противоречия в понимании соборности Церкви между Символом Веры и современной епархиальной практикой. Обозвав эту актуальную проблему «сложной тематикой частных богословских мнений», «участник» безапелляционно утверждает, что в них «не обретается Дух Христов». «Участник» полагает, что высказанная им оценка снимает проблему, поскольку опирается на авторитет Духовного Собора. Поторопившись исключить дальнейшее обсуждение, «участник» допускает серьезную ошибку.

«Что есть истина?» — спросил Пилат (Ин.18, 38). Христос не ответил. Пилату ответил «участник». Он самоуверенно дал определение истины:

«нам известно, что Истина есть Дух Христов».

Обожествив истину и отождествив ее с духовной природой Богочеловека, «участник» разделяет божественную природу Христа от Его человеческой природы. Так богословствовали Арий, Несторий, Аполлинарий и Евтихий. Каждый из них по-своему проводил тончайшую грань, различающую Нетварную природу от сотворенной.

Дохалкидонское определение «участника» не подтверждают слова Божественного Откровения ни Ветхого, ни Нового Заветов. Мы не найдем такого

определения во всем Священном Писании. В Слове Божием «истина» пишется с маленькой буквы, поскольку «истина» не отождествляется с Божественной полнотой и не может ее исчерпать, как любое катафатическое понятие. В свою меру эту полноту выражают истина, жизнь, святость, любовь, красота, не отождествляясь с ней. «Аз есмь путь, истина и живот» (Ин.14, 6); «Аз есмь свет»(-Ин.8,12). «Дух есть истина»(1Ин.5,6); «Аз есмь Свят»(Лев.11, 44); «Бог есть истина»(Иер.10, 10); «Бог есть дух»(Ин.4, 24). Такие утверждения необратимы. Развернув утверждение в обратную сторону, «участник» извращает истину, отождествив ее с Богом, и вместо Бога обретает идола. «Истина есть Бог» или «дух есть Бог» — ложные суждения. Обратные определения неверны. Достоевский ошибается, противопоставляя истину и Христа. Вне Христа не может быть истины, «так как истина в Иисусе»(Еф.4,21). Однако, истина не тождественна Духу Христову и в Слове Божием не пишется с большой буквы. Слово Божие признаёт подлинность обоих путей истины:

1. «Слово Твое истина есть»(Ин.17,17); «Все пути Господни — милость и истина»(Пс.24,10); «Дела рук Его — истина»(Пс.110, 7); «Все заповеди Твои — истина»(Пс.118, 86); «Закон Твой истина»(Пс118, 142); «Благодать же и истина Иисус Христом бысть»(Ин.1, 17).
2. «истина от земли воссия»(Пс.84,12). «истина преткнулась на площади»-(Ис.59, 14); «и не стало истины»(Ис.59, 15).

Утверждение «участника» естественно для арианина, исповедующего Сына Божия Демиургом, посредством которого Бог творит Космос.

Утверждение «участника» естественно для монофизита, исповедующего поглощение человеческой природы во Христе Божественной славой. Крайности сходятся.

Православное сознание отвечает утверждением о подлинности и полноте вочеловечения Сына Божия: не только Дух Христов, но Тело Христово «исполнь благодати и истины»(Ин.1,14). «В Нем обитает вся полнота Божества телесно»(Кол.2,9). «Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие»(Ин.6, 55). Самоуверенный ответ Пилату ставит «участника» перед трудной альтернативой: определив Истину как Дух Христов, «участник» ставит под сомнение либо Божественность Иисуса Христа, либо подлинность воплощения Слова и подпадает осуждению апостола: «Иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть: и сей есть антихристов»(1Ин. 4, 3).

* * *

«Участник» укоряет автора книги в

«духе самоутверждения. Автор не скрывает этого и в самом начале книги призывает к полемике, к спору, полагая, видимо, что в споре рождается истина».

Предисловие книги называется «Приглашение к диалогу». Автору известен именно такой способ общения между людьми. Не думаю, что «участник» может предложить иной, принципиально новый способ помимо словесного общения между людьми. Автор не оригинален в этом способе общения. Другого нет. Христос благословил диалог в Церкви, сказав «повежды Церкви» (МФ.18, 17). «Участник» прав, указывая, что диалог может приводить к полемике или спору. Конструктивный диалог требует соблюдения этики. О ней Христос говорит в

5-ой главе от Матфея. Поэтому автор книги призывает признавать свои ошибки и раскаиваться в них: «Христианское общение ведет не к разрыву отношений, а к взаимопониманию». Разрыв отношений может выливаться в обиду и насилие. Когда служитель ударил Иисуса за сказанные слова, Христос остановил его, указав допустимые границы полемики(Ин.18, 23).

Христианину подобает следовать в диалоге завету Иисуса Христа.

* * *

Так и не обмолвившись ни словом о содержании книги, «участник» обвинил ее в апостасийности, а ее автора в «величайшем хамстве».

1 «если в книге нет Духа Христова, то там Его антипод, то есть дух противления, всякой неправды и клеветы».

Формальные отношения между суждениями подчиняются неумолимым законам логики. Если общеотрицательное суждение «участника» — «в книге нет Духа Христова» — признать истинным, то обще- или частноутвердительное суждение — «там его антипод» — может быть только ложным. Если общеотрицательное суждение признать ложным, то общеутвердительное суждение окажется неопределенным. Суждение, отрицающее в книге то, чего там нет может иметь только мнимое содержание.

Не сумев привести из книги подтверждения для своего отрицательного вывода, «участник» предлагает читателям выполнить за него работу, с которой он не справился:

«Внимательный читатель, знакомый с жизнью Псковской епархии, найдет подтверждение этому на многих страницах книги».

2. Хамство выражает грех непочтения родителей, «откровение наготы отца», осмеяние его немощи. «Участник» напрасно вменяет автору обличение епископа в личных грехах. Это голословное обвинение не подтверждено цитацией конкретного текста, поскольку книга не содержит обличения личных грехов епископа и «не является персональной инвективой против правящего архиерея, как это может показаться при поверхностном знакомстве с нею»(См. «Выписку из Протокола»). Автор протестует против разрушения конкретных норм церковной жизни, определенных действующим Уставом РПЦ, канонами Вселенской Церкви и Символом Веры.

Книга отстаивает подлинность нашей общей Матери-Церкви, полнота которой определена на Вселенских Соборах четырьмя признаками: «верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Церковь, лишенная соборности, не может быть Православной, «назданной на основании апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу»(Еф.2,20). Дух Христов пребывает не в «сложной тематике частных богословских мнений». Дух Христов пребывает в Церкви, Невесте Христовой, которую нельзя предавать поруганию. Упразднение соборности Церкви является не «частным богословским мнением», а екклезиологической ересью, разрушающей самое существо Тела Христова.

Трудно представить, чтобы Духовный Собор Псково-Печерского монастыря назвал хамством апологию соборности Православной Церкви. Невероятно, чтобы Духовный Собор ставил под сомнение Божественность Иисуса Христа или Воплощение.

Гораздо более вероятно, что от имени Духовного Собора Псково-Печерского монастыря выступил самозванец, не имевший ни полномочий, ни достаточных богословских знаний, чтобы сформулировать и обосновать мнение, достойное высокого авторитета Собора.

Обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству, как священно архимандриту обители и председателю Духовного Собора.

Обращаюсь к Его Высокопреподобию, наместнику обители священно архимандриту Тихону.

Обращаюсь к Духовному Собору Псково-Печерской обители с настоятельной просьбой отмежеваться от соблазнительных и некомпетентных высказываний анонимного «участника», что бы они не послужили поводом для обоснованного укора.

Настоятель храма святых Жен-Мироносиц
священник Павел Адельгейм 18.02.03 г.

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ, ИСТОРИОСОФСКАЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ

в русской периодике третьего квартала 2002 г.

Философы обнаруживают явное неудовольствие: их беспокоит ***нынешнее состояние дел в философском королевстве***. Опостылела необходимость пренебрегать старыми истинами и смотреть на все ироническим взором текстолога. Горше смерти стали все эти постмодернистские «резомы» и «симулякры».

Позывы консервативного философствования ощутимы у **А. Кутырева** в статье **«Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования)»** («Вопросы философии», № 9). По-видимому, вызваны они ностальгией по древним временам, когда люди жили, действовали и думали в одном-единственном соразмерном им мире. Сегодня сфера деятельности людей шире сферы их жизни, она преодолела чувственные и мысленные границы и мы пребываем в состоянии постчеловеческом. Сначала Научный Разум преодолел обыденное восприятие реальности, данной в ощущениях, свел ее к количественным математическим характеристикам — никаких чувств, мифов и ценностей, голая объективная истина, из которой полностью исключены антропоморфные (человекоразмерные) представления. Потом, в XX веке, революция в естествознании породила «обратное движение» к возвышению субъекта до самого апогея — чистого мышления, способного создавать новые мысле/техно/генные миры. Все выводится из свойств и активности субъекта. Оказывается миллиарды лет это самое бесконечное *«Всё»* (галактики, метагалактики, квазары и «черные дыры», гравитационные поля, темная и светлая материи) образовывалось ради появления двуногого. Эта мания величия провозгласила человека саморазвивающимся демиургом, человекобогом в противоположность кенотической (самоуничижительной) идее христианского богочеловека. Троеточие, оставленное автором в последней строке, предполагает вывод: усилия прогресса обращены к созданию антихриста.

Чтобы внести ясность в представления читателей о месте и роли философии в современной культуре, «Вопросы философии» (№ 4) предлагают статью **С. Половинкина «Всё»**. Автор утверждает, что, несмотря на титанические усилия, никакой общей основы философствования так и не было создано: сколько философов, столько и философий. Философов становится все больше и больше, и недоразумения в сфере умозрительной жизни усугубляются. По ходу дела выявляются несвязность суждений внутри каждой философии и отсутствие осязаемых преимуществ одной перед другой. Каждый философ сам по себе, каждый наделен неограниченной свободой, орудием же этой свободы стал тотальный скепсис, который предполагает исключение предпочтений или выбора чего-то определенного (но принять «всё» означает отрицать «всё» — всепреемлемость тождественна всеотрицанию). И в этом отсутствии опреде-

ленности автор усматривает прозябание хаоса. Онтологическую причину неудачи «человеческой» философии он видит не в слабости человеческого разумения, а в неумении пользоваться дарованной свободой. И дарованной ему Богом свободой Половинкин Бога ради от свободы отказывается. Сила разумения — в смирении. Прочь категорические суждения! Упование на чудо и осознание сути мышления как дара Божьего — вот единственное, что может привести к истине.

А.Зотов, автор статьи **«Вот и всё...»** («Вопросы философии» № 4), замечает, что выступление Половинкина больше напоминает воскресную проповедь, которая, конечно же, не обязана следовать строгой логике доказательных утверждений. Однако Половинкин не чужд философской и научной культуре и претендует на то чтобы обнаружить фиаско философского рационализма. Оппонент полагает, что его хотят убедить в том, будто ни образование, ни наука, ни ориентированные этически современные технологии, а единственно противостоящая им истинная православная вера есть путь ко спасению человеков. Но во-первых, Зотову обидно за другие конфессии. А во-вторых, он считает, что именно сейчас, в пору массового оккультно-астрологического психоза следует противостоять тотальному разрушению философского и научного рационализма. Несомненно, тема веры вообще и религиозной, в частности, является предметом серьезного исследования многоразличных наук. Но наук рациональных.

Зотов выражает удивление: как это редакция сугубо рационалистического журнала (доверила определение роли рацио в культуре мыслителю иррационального настроя. Любопытно, что сам Зотов состоит членом редколлегии именно этого журнала и, казалось бы, поводов для удивления быть не должно. Выходит, экзистенциальное (фактическое) положение Зотова не смогло удовлетворить его умственный строй (теоретическую позицию). Возникло противоречие, и породившее, видимо, психологический эффект удивления.

Замечу кстати, что противоречия практики (жизненного опыта) и теории вызывают подобный же эффект удивления — и не только у участников журнальной диалектической драмы, но и у наблюдателей (у нас с вами). Приведу пример. В «Социологическом журнале» (2002, № 2) помещены автобиографии фигурирующих в моих обзорах Л.Гудкова и Б.Дубина. Оба пишут о российской интеллигенции, обоих вполне можно отнести к той же социальной страте. И невольно тянет сравнить их жизнеописания с их же научными исследованиями. Судя по статьям, которые я представлял в обзорах, оба автора приходят к прискорбным выводам. Ну, например: полная импотенция образованных слоев общества, неспособность задать ни целей, ни ориентиров общественного развития, а тем более осуществлять что-либо на практике; атрофия социального творчества, отсутствие интересов к ценностям мирового опыта, к более продвинутым представлениям о человеке, о его сложности и многообразии. В автобиографиях же и сами герои, и их коллеги (старшие и младшие), и учителя — социально активны и творчески деятельны, круг профессиональных интересов широк настолько, что непостижим уму непрофессиональному. Такое несоответствие жизненного опыта и результатов научных исследований Л.Гудкова и Б.Дубина говорит явно не в пользу их науки и вызывает сомнения в подлинности ее выводов.

Еще в 1941 году **Питирим Сорокин** вынес социологии и общественным наукам приговор, «не подлежащий обжалованию» (**«Декларация независимости общественных наук»** — «Социологический журнал», №2). Их успех он оценил на три с минусом. Вина этих дисциплин в том, что они пожелали уподобиться естественным наукам. Навязчивая идея имитации помешала им выработать собственные непротиворечивые принципы и методологии, а полученные результаты оказались малосодержательными и далекими от реального познания социокультурных феноменов. Социология и общественные науки пытались построить все свои заключения на сенсорных (внешних) наблюдениях. Логика была заменена семантикой, математика — нумерологией. Интуиция (и это главнейшая ошибка) была названа простым суеверием и глупым пережитком прошлого. В результате общественные науки и социология стали складом разнородных фактов, механически собранных и механически же обрабатываемых различными техниками социального измерения. Океан собранных фактов дал очень мало разумных обобщений и корректных формул. Убеждение в том, что научное исследование сводится лишь к поиску и коллекционированию фактов, П. Сорокин считал ошибочным, а изгнание всех форм интуиции как источника знаний и истины — разрушительным. С практической точки зрения, общественные науки и социология оказались не способными ни покончить с социальными бедствиями, ни улучшить человеческую жизнь. Необходимо кардинально пересмотреть систему знания. Сенсорное знание должно быть заменено более адекватной интегральной системой, органически синтезирующей истины чувств, разума и интуиции. Истина чувств должна дать понимание нерационального (эмпирического) аспекта социокультурного многообразия; истина разума — понимание рационального аспекта; истина интуиции — прямое мгновенное понимание реальности, всего того, что является сверхчувственным и сверхлогическим.

С тех пор как Питирим Сорокин декларировал независимость общественных наук, прошло много лет. Возможно, и наши ученые услышали своего знаменитого земляка. Во всяком случае на интуицию, а также воображение (фантазию) в своих трудах они стали полагаться смелей и чаще.

Модернизация — слово, навязшее в зубах всех реформаторов и истертое до потери значения. Анализируя мнения многих выдающихся социальных и политических философов современности, **И. Кравченко («Модернизация мира и сегодняшней России. Выход из кризиса»** — «Вопросы философии», №9) с подлинным просветительским энтузиазмом возвращает этому понятию смысл. Модернизацию автор трактует как составную часть естественноисторического развития, не зависящую ни от произвольного решения отдельного государства, ни от частной инициативы отдельных лиц. Модернизация интернациональна. Это управляемый процесс, но он политически нейтрален и не предполагает никаких принудительных и тем более насильственных действий. Это органический процесс выравнивания неравномерно развивающегося мира и реорганизация прежней мировой системы в новый, более однородный и справедливый мировой порядок — не только экономический, но и политический, культурный и моральный. Руководящую роль в процесс модернизации долж-

но играть государство. Основная роль государственной власти в этом случае заключается в достижении общего блага. Государство оказывается политическим центром, к которому обращены растущие притязания общества, и именно оно (государство) осуществляет экономические, политические, социальные и другие реформы, направляющие ход общественного развития.

Плод рациональной фантазии — статья **А. Цыганкова «Несостоявшийся диалог с Ф. Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов»** («Вопросы философии», №8). Свою основную идею «конца истории» Ф.Фукуяма сформулировал в конце 1980-х годов. Ее суть: западный либерализм универсален, западное общество превосходит все остальные — и совершенством организации, и нравственным авторитетом. Только западные ценности подлежат глобальному распространению. Остальные пути социального развития абсолютно исчерпаны, все и вся должно поглотиться Западом. Цыганков проследил, как главный тезис Фукуямы был воспринят в России до и после распада СССР. Оказывается, его идея всегда отвергалась. Она исключала возможность актуализации российского исторического опыта и отказывала России в праве поиска своего собственного национального интереса. Кроме того радикальные антизападные силы в России получили возможность выдавать проект Фукуямы за якобы подлинные и всеобщие намерения Запада, «ненавидящего все русское». Из желанного, но не состоявшегося диалога с Фукуямой необходимо извлечь моральный урок — и извлечь его должны интеллектуалы, ибо именно они ответственны за эгоистический этноцентризм, препятствующий обоюдному взаимопониманию народов. Западным интеллектуалам следует осознать, что этноцентристские проекты в незападных контекстах неизбежно усиливают позиции националистов и ослабляют позиции либералов. Незападным же интеллектуалам следует преодолеть культурный национализм и разрабатывать стратегии культурной адаптации, а не изоляционизма.

Не может не вызвать ответной реакции и проект доброго дядюшки **Дж.Ролза**, знаменитого американского политического философа. Говорят, что из всех умерших и еще живых философов его толкуют и комментируют больше, чем кого бы то ни было. Ролз (**«Закон народов: неидеальная теория»** — «Неприкосновенный запас», №4) развивает либеральную концепцию справедливости во взаимоотношениях обустроенных (либеральных и добропорядочных) народов. Долгосрочная цель обустроенных социумов состоит в том, чтобы каким-то образом привести государства-изгои («обремененные общества») в лоно *Сообщества Обустроенных Народов*. При оказании им помощи нужно уяснить, что обустроенное общество — не обязательно богатое общество. Количество денег, требуемых для создания справедливых (добропорядочных) государственных институтов, зависит от конкретной истории данного народа и от его понимания справедливости. Главное воплотить в жизнь и сохранить эту справедливость, а вовсе не увеличивать до бесконечности благосостояние среднего гражданина. Богатство народа и формы, которые это богатство приобретает, зависят от политической культуры, религиозных, философских и моральных традиций, положенных в основу политических и общественных институтов. Финансовые

вливания не могут побороть политической и финансовой несправедливости. Основное желание обустроенных народов — жить в мире. И они пытаются законодательно защитить себя от народов не обустроенных («обремененных»). Эти законы могут не отвечать рациональным интересам режимов государств-изгоев. Однако их рациональные интересы — не обязательно разумны. В этом случае обустроенные (либеральные) режимы имеют право на военные действия, но исключительно в целях самообороны. Цель справедливой войны — прочный мир между народами. Обустроенные народы не воюют друг с другом, но только с не обустроенными. Война ведется против режима, но не против гражданского населения или солдат (они не несут ответственности за свое правительство). В обхождении с представителями воюющей стороны должны соблюдаться права человека. В ведении справедливой войны никогда не следует руководствоваться прагматической установкой — «цель оправдывает средства». Во время ведения войны обустроенные народы должны в словесных заявлениях дать понять не обустроенным, к какому мирному соглашению они стремятся и внушить им необходимость признания Закона Народов (идеальное либеральное законодательство, пока существующее лишь в мечтах) и пригласить в ряды респектабельных членов Сообщества Обустроенных Народов.

Мечтательным либерализмом напоен и проект **П. Розанваллона («Утопический либерализм»** — «Неприкосновенный запас», №3) — извлечение из книги «Утопический капитализм. Кризис экономической идеологии». Рынок здесь рассматривается как истинный регулятор не только экономических, но буквально всех общественных отношений. Рынок — архетип либерализма, он идеально воплощает автономию индивидов, устанавливая внеличностные социальные связи, создает неиерархическую систему, в рамках которой принимаются решения, независимые от чьей-либо воли. С этой точки зрения либерализм — не доктрина, а еще незавершенная культура Нового времени. Экономический либерализм (рынок), политический либерализм (торжество прав человека) и моральный либерализм (каждый сам себе судья) — триединство, которое французский политолог называет «абсолютным либерализмом». Последний так же, как и его составляющие, носит утопический характер, нигде не был осуществлен и вряд ли будет.

Чрезвычайную силу воображения в своем историософском этюде **«Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе»** демонстрирует и **А. Неклесса** («Новый мир», № 9). Для него, как и для многих чувствующих пульс истории, ***11 сентября 2001 года*** стало датой, от которой начинается отсчет новой эры. Христианская цивилизация к концу второго тысячелетия оказалась в состоянии кризиса и трансмутации. В начавшейся глобализации просматриваются черты некоей неопознанной культуры, претендующей заменить собой христианскую. Неклесса полагает, что этот, зреющий в недрах общества плод имеет очень древнее происхождение. Его предок — гностицизм, двойник-оборотень христианства, с которым церковь боролась на протяжении всей своей истории. Гностицизм свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле. Неклесса уверен, что именно гностические ереси оплодотворили идеи Реформации и породили

капитализм. Так, например, финансовая деятельность стала прообразом будущих транснациональных банков и корпораций, а формулы и схемы современных финансовых операций удивительно напоминают оперативную нумерологию и кабалистику. Экономика нынешнего капитализма стала универсальной геоэкономической системой и объектом глобального управления, осуществляемого неким «невидимым штабом». Строители глобальной цивилизации уже теперь говорят на едином для всех языке финансовых операций. А сами эти операции приобрели смысл и непреложность «естественных законов» бытия. Финансовая состоятельность и успех стали не только признаком благодати, но ею самой. Благодать эта исходит из единого источника — Международного Валютного Фонда — этой квазиплеромы, подобной гностической плероме (трансцендентному источнику божественного блага). Модель современной планетарной геоэкономической конструкции выстраивается по аналогии гебдомады (модели гностического космоса). Таким образом изменяется весь миропорядок и ясно просматриваются две его окончательные версии. В случае послушания — мирное образование тотальной эмиссионно-налоговой системы; в случае сопротивления — силовой контроль рынка и финансов, масштабное насильственное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии. В этой драме мирового переустройства США получает ведущую роль. Об этом тот же Неклесса пишет в статье **«Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей»** («Россия — XXI век», № 4). Итак, образуется глобальный субъект экономического универсума Нового Севера. Это своеобразное порождение «штабной экономики» в результате транснационализации элит. Элиты всех стран объединились. В создавшемся положении Неклесса определяет внешнеполитические позиции России в ключе сотрудничества с США — как в сфере оперативно-тактической политики безопасности, так и в сфере стратегического партнерства в энергетике (нефтегазовый комплекс).

Обращает на себя внимание статья **Н. Шастика «Рим и Константинополь: две концепции жизнеустройства»** («Человек», № 4). Автор рассматривает ***истоки различия между восточным*** (православным) ***и западным*** (католическим, а затем и протестантским) ***мировоззрением***. Рим и Константинополь формировали различные идеалы социального поведения и стали духовно-идеологическим фундаментом для различных политических систем. На православном Востоке реализовалась (не осуществившаяся на Западе) имперская модель государственного устройства. Уже в IV в. в византийской политической доктрине утвердился примат идеи царства по сравнению с идеей царя. Именно здесь кроется существенное отличие восточнохристианской концепции монархической власти от западнохристианской. Авторитетом православной церкви освящалась не личность конкретного императора, а монархическая власть. Власть императора несла особое божественное покровительство в своем сотериологическом (спасительном) предназначении, поэтому мыслилась не как стоящая над государством, обществом и церковью, но как неразрывно слитая с ними. Так родилась идея византийской духовности — принцип симфонии. Идея симфонии породила теократическую утопию священного государства, в котором мирское (экономическое, правовое, административное) должно гармонически сочетаться с религиозным (благодатным, аскетическим, литургическим).

В этом принципе — отличие восточного христианства от западного, где утвердилась идея автономии светскости и духовности. На Востоке политическим и нравственно-религиозным идеалом признавалось органическое (соборное) единство государства, церкви и общества. На Западе утвердилась идея самостоятельности Священства и Царства (церкви и государства) и на ее основе — идеал мирской активности, зиждущийся на образах христианина-воина и воительницы-церкви, сражающейся со злом. Отсюда же рождается идея святой войны (крестовые походы, рыцарские монашеские ордена), чуждая мировоззрению восточных христиан. Православная церковь выработала совершенно иной идеал социального поведения. Активное противостояние злу понималось как борьба с его проявлениями в своей душе, а не во внешнем мире.

Исторические медитации вызывают мысли ***о вечности, о смерти и бессмертии***. Вот-вот удастся средствам генной инженерии обессмертить человека, втащить его в вечность. Естественно возникает вопрос: всем ли там место? **С. Неретина** в статье **«Смерть как условие бессмертия»** («Человек», №4) обращается к опыту средневековой мысли. Тогда этот вопрос был не менее актуален, чем теперь. Так, Блаженный Августин полагал, что бессмертие допустимо лишь по свершении суда над прожитой жизнью, т.е. смерть есть непременное условие для определения качества человеческого бытия. Средневековые представления в качестве нравственного образца выдвигали Иисуса Христа. Современный же человек при наличии денег, которые, как известно, не пахнут, может «заказать» себе другую (а чуть погодя, по усовершенствовании технологии, и вечную) жизнь. Неретина убеждена, что для нового технологического бессмертия потребуется новая этика, которая научит нас существовать здравомысленно. Интересно, что (или кого) предожит она нам в образец?

Для того чтобы рационализовать смерть, сделать ее понятной (и, может быть, поэтому приемлемой), существует наука танатология — это отрасль научного знания, изучающая смерть в ее биологическом, медицинском, психологическом, духовном и многих других аспектах. Танатология стремится дать максимально полную картину, однако достичь целостности и должной глубины трактовки смерти ей не удается. Во всяком случае именно так считает **В. Сабиров**, автор статьи **«О мировоззренческих основах современной западной танатологии»** («Человек», № 5). Практическая работа танатологов ставит их перед проблемой посмертного существования человека. А это уже прерогатива религии, или, на худой конец, метафизики. Научное доказательство потустороннего мира, осуществленное эмпирическим путем и отраженное в море западной литературы, является величайшей нелепицей и свидетельствует о вырождении позитивистской методологии. Светские критики считают, что представленные доказательства строятся на некорректных выборках и вообще-то свидетельствуют лишь об изменении процессов в коре головного мозга. Религиозные критики видят в этих доказательствах духовный соблазн, ибо для науки (позитивного знания) потусторонние сферы недоступны. Для танатологов главное зло — страх смерти, поскольку он причиняет страдания и искажает гуманистический идеал. В танатологии страх не преодолевается силой духа, а ликвидируется медико-фармакологическими технологиями. Танатологи стремятся устранить умирание.

Пусть смерть неизбежна, но можно умереть без страдания и мук. Христианский опыт искупительного значения страданий и смерти отбрасывается и заменяется иллюзией легкого и общедоступного обретения рая.

Всеми силами своих наук современная культура пытается избавить или, по крайней мере, отвлечь нас от вразумительных страданий. Статья доктора медицины **Л. Гримака** так и называется — **«Терапевтические функции культуры»** («Человек», № 4). Автор разработал концепцию, согласно которой психика человека подчинена адаптационной программе системообразующего гипноза. Гипноз (измененное состояние сознания) контролирует все процессы обучения человека и в том числе стереотипы культурного поведения. Следовательно, определенные социальные недуги можно пользовать средствами культуры. К терапевтическим средствам культуры Гримак относит: стимуляторы проявления экзистенциального обладания (подъем духовных и физических сил); непроизвольную медитацию (восприятие литературы, музыки, пластических искусств); катарсис — трансовое воздействие произведения искусства («отпад»); культурный феномен народной медицины; терапию творческим процессом. В условиях стагнации культуры, в условиях «гибельной скуки», когда стимулирующие гипногенные эффекты отжившей культуры теряют действенность, активизируются элементы гипноза антикультуры. По аналогии с Ницше, гипноз культуры (торжество света, гармонии истины добра и красоты) Гримак назвал аполлоновским, гипноз же антикультуры (тьма, хаос и бесстыдство) — дионисийским. По своей терапевтической сути первое не может существовать без второго, все дело в преобладании одного из них. А преобладание это, оказывается, зависит от нейтрализации или активизации тех отделов мозга, которые достались нам — о ужас! — от рептилий. Нежелательное дионисийство активизируется, по мнению доктора медицинских наук, вследствие насильственного «дьявольского» внушения, эндокринации и алкоголя. Будьте бдительны!

Спорт тоже, в некотором смысле, ***терапевтическое достижение культуры.*** Философ **В. Шестаков** отдает предпочтение теннису (**«Философия и теннис»** — «Вопросы философии», №8). Динамический образ этой довольно древней игры (ей не меньше восьми веков), быстрая смена побед и поражений, связанная с этим резкая смена контрастных эмоциональных состояний, во все времена делали теннис притягательным для философов и поэтов (Чосер, Шекспир, Свифт, Рабле, Монтень, Паскаль, Эразм Роттердамский и т.д.). Эта игра создала гуманистический идеал человека не только образованного, но и играющего (homo ludens). Теннис — метафора идей о предопределении, свободе воли и назначении человека. Это символ человеческого существования, борьбы со своей судьбой и возрастом, борьбы за свое истинное предназначение. Великое, но бесцельное занятие. Действительно, практический утилитарный результат игры, на которую тратится так много усилий и энергии, равен нулю. С точки зрения здравого смысла игра в теннис алогична, иррациональна: огромные усилия тратятся на ничтожные цели. Очевидно, теннис нельзя понять с точки зрения утилитарной этики, он заключает в себе иной, более высокий смысл. Это аллегория человеческого предназначения. Один американский остроумец написал: «Среди всех достижений культуры, которыми гордится человечество, среди всех духовных ценностей и сублимированных желаний самыми главными являются секс и теннис».

Общее социальное неблагополучие вызывает ***беспокойство и необоснованные подозрения,*** заставляет искать скрытые структуры и резидентов «тайного мирового правительства». Всюду чудятся злокозненные масоны или что-то вроде этого. В число подозреваемых попали и рыцари Мальтийского ордена. В статье **«Суверенный Мальтийский орден — европейская реальность или исторический рудимент?»** («Россия — XXI век», №4) **В. Захаров** пытается восстановить их репутацию.

Мальтийский орден — это современное европейское государство. Располагается оно в Италии, имеет экстерриториальный статус. Конституцией Ордена предполагается государственный суверенитет, гражданство (существуют специальные паспорта) и правопреемство от Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского. Государственное устройство — монархия. Во главе стоит Великий Магистр, имеющий титул Князя Священной Римской Империи (увы, несуществующей). Он управляет Орденом при содействии Суверенного Совета. Совет избирается генеральным Капитулом и состоит из Великого Командора, Великого Канцлера, Великого Госпитальера, Держателя Общего Казначейства и еще из шести членов. Орден является суверенным субъектом международного права, с одной стороны, и институтом католической церкви, с другой. Это важный международный клуб, где встречаются на равных бывшие монархи и представители старой и новой мировой элиты. А вот конспирологической сети Орден не имеет. Есть официальные представительства во многих международных организациях. Последние сто лет основная деятельность Ордена — благотворительная медицинская служба. В России она официально зарегистрирована в 1998 г. Кроме медицинской, никакой другой, и в частности экономической, деятельностью в России госпитальеры заниматься не желают, хотя крупные бизнесмены и рвутся в члены Ордена. Видимо, хотят получить статус посла или сотрудника посольства Ордена, а значит дипломатический паспорт и соответствующие привилегии. Но мальтийцы берут к себе неохотно. Конечно же, появились и «самозванцы», ложные приорства и национальные ассоциации рыцарей Мальтийского ордена. Они незаконны. Законным рыцарский орден считается только в случае учреждения его сувереном или главой государства.

Обзор подготовил Александр Денискин.

Олег ПАВЛОВ

ГЕРОЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Фигура умолчания в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина

Монгольский отряд с ханскими послами и тысячью воинов в 1374 году объявился в Нижнем Новгороде — уделе князя Дмитрия Константиновича Суздальского... Главным в отряде был мурза, то есть знатный ордынец, Сарайка. Монголы в Нижнем якобы оскорбили жителей города и самого князя, но самосуда жестокого и мгновенного, однако, не произошло. Карамзин сообщает, что Дмитрий Константинович монголов «велел или приказал умертвить», а Сарайку с его особенной дружиной заключил в крепость, — то есть заключением это было уж очень особенным, слишком щадящим, как будто мурза и его приближенные были взяты в заложники, а жизни их берегли с каким-то расчетом. Прошло около года, и заложников решают всего только разъединить — «расселить по разным домам», и тогда, испуганный этим известием, мурза в страхе смерти пытается бежать; при этом монголы «обороняются», «пускают стрелы», то есть при них и спустя год после заключения в крепость было свое оружие. Здесь остаток монголов уничтожают с их мурзой, и только тогда уже они становятся, как пишет Карамзин, «жертвой народной злобы».

Нижний Новгород и Дмитрия Константиновича должна была ожидать лютая месть, какой всегда отвечала орда на убийство своих послов. И что-то начинается похожее: монголы опустошают берега Киши и Пьяной... Происшедшее в Нижнем Новгороде — это не отдельный исторический факт, а то событие, что дало начало огромному трагическому сюжету русской истории, который завершается со смертью великого князя Дмитрия Донского. Истребление татар в Твери в пору правления Ивана Калиты окончилось тем, что тогдашний московский князь и ханский наместник — сам похожий на ордынца — с ордынским войском разорил и опустошил Тверское княжество. На этот раз история не повторилась. Она вышла совсем другой, неимоверно долгой и кровопролитной схваткой русских с монголами, окончившейся не победной Куликовской битвой, а разгромным нашествием Тохтамыша на Москву.

Дмитрий, великий князь, соглашался быть — и был — данником ордынского хана; а случившееся в Нижнем можно объяснить только тем, что помимо воли великого князя удельный князь суздальский отказался повиноваться монголам, но действовал при этом весьма непрямодушно и расчетливо.

Олег ПАВЛОВ — родился в 1970 г. в Москве. Закончил заочное отделение Литературного института. Автор книг «Казенная сказка», «Степная книга» и «Повести последних дней». Лауреат премий журнала «Октябрь» и «Новый мир».

Князь суздальский Дмитрий Константинович известен в истории был до этого только тем, что искал после смерти Ивана II великого княжества — и даже делался на короткое время великим князем, получив ханский ярлык, не имея по родовым законам никаких на то прав. Дмитрий Иванович Московский был в ту пору еще ребенком, и ребенка этого сделала великим князем московская сила — поднявшиеся при отце его родственным своим кругом воеводы и бояре, что сошлись отовсюду служить к московскому царю, во главе с самым сильным из них — митрополитом Алексеем. Алексей добыл в орде ярлык для этого ребенка; а воеводы силы московской принудили Дмитрия Константиновича Суздальского отступить. Между суздальцами и москвичами не было сражений, как сражалась после за великое княжество московская сила с тверской: суздальский князь обнаруживает здесь в своих чертах человека малодушного, который пугается одного вида московских полков, не пробуя испытать их на крепость. Но за ним и не стояло такой силы, какая стояла впоследствии за Михаилом Тверским, зятем которого был Ольгерд Литовский, самый сильный из военных вождей своего времени. Когда же в Москве решают, на ком женить своего князя, что достиг совершеннолетия, выбор падает на дочь Дмитрия Константиновича Суздальского, так что, обделенный великим княжеством, тот становится для московского правителя родней, свояком. Брак этот — был решением политическим. Однако после молодой Дмитрий всегда поддерживает и прощает суздальского князя, делаясь заложником своего с ним родства. Но интерес удельного суздальского князя — это интерес и всех удельных князей, и всей московской силы. Великий князь отдает дань орде, собирая ее для начала с них, с удельных и со служивых; он отдает не свое многое, а их малое, притом от его власти над теми же князьями вовсе не убывает — отдавая дань орде, он для них страшен как наместник ордынский, как сам ордынский хан. А они еще должны терпеть ханских послов, кланяться чуть не в пояс каждому Сарайке. И потому назревал этот новый великий передел: царство московское окрепло, люди силы московской хотели власти и земель больше, чем имели; низовые же русские люди терпели одинаково от своих князей да бояр, как от ордынцев.

После событий на берегах Киши и Пьяной, опустошенных монголами в ответ на убийство ордынцев в Нижнем, мы читаем у Карамзина: «сия месть не могла удовлетворить гневу Мамаеву: он клялся погубить Дмитрия». Отчего же Дмитрия, если ордынцев умертвили не в Москве и не по воле великого князя? Монголы, после произошедшего в Нижнем Новгороде, небольшой своей силой совершают карательный набег только на окраины нижегородской области. Покарать преступника, князя удельного, по условиям того времени должен был наместник ордынского хана — великий князь. Потому монголы медлят, ожидают, но спустя время и оказывается куда как ясно, что Дмитрий Иванович берет под свою защиту суздальского князя — и вот покарать должны теперь уже его самого. Не будучи виновником преступления, единственно Дмитрий и делается ответственным за содеянное в Нижнем как преступник.

Перво-наперво, что и происходит, его должны разжаловать — и грамота на великое княжество уходит в Тверь к Михаилу Александровичу. Михаил Александрович, потомок великих тверских князей, которых казнили в орде одного

за другим за непокорство, в прошлом княжил в Микулине — был удельный князь в княжестве тверском. Отмеченный немалым достоинством и той гордостью княжеской, что давно извелась на Руси, Михаил посмел когда-то восстать против Москвы, не желая быть униженным в своем достоинстве. В истории Михаила мы находим, что готов он был принять с Дмитрием Ивановичем отношения братские, христианские, но не терпел над собой произвола пришлых московских людей. Война между тверским и московским княжествами длилась, то вспыхивая, то затухая, много лет; и получение Михаилом ярлыка на великое княжество послужило искрой для новой вспышки.

Войска противников в тот раз встречаются для битвы под Волоком. Тверской князь действует не как ордынский каратель: он не приводит для помощи себе на московскую землю монгольских отрядов. Карамзин пишет, что Михаил «легкомысленно не дождался» этой помощи, но была ли она на подходе? Нет, и это самый важный факт. Монголы на помощь к нему так и не пришли — а, стало быть, он и не обращался за их помощью: тверской князь был воинственно заинтересован в установлении порядка на Руси, но не был карателем для русской земли, даже имея ханский ярлык.

Московский князь собрал под Волоком все свои силы: князей суздальского, ростовского, смоленского, ярославского, можайского, кашинского, белозерского, стародубского, брянского, тарусского, новосильского — там, на Волоке, впервые восстает московская сила против ордынского правления; на Куликовом поле добавятся к этой силе только новгородский и уже тверской полки. Войско московское нахлынуло на Тверское княжество, как читаем мы у Карамзина: «Михаилу осталось умереть или смириться». Тверской князь терпит военное поражение и подчиняется.

Только тогда, после заключения этого мира, и вмешиваются в русские события ордынцы, а родственник московского князя Дмитрий Константинович Суздальский в 1377 году вновь прославляется своими подвигами. Царевич Арапша с ханскими полками, соединясь с мордвой, входит в нижегородские пределы. Читаем у Карамзина, что «Дмитрий Суздальский известил о том великого князя, который немедленно собрал войско защищать тестя». Но немалое это войско, собранное под началом Дмитрия Константиновича, оказывается погубленным: «поверив слухам, что Арапша ушел», то есть не проверив эти слухи разведкой, суздальские князья стали тешиться охотой, так что и войско утратило боевой дух, и нагрянувший Арапша устроил ему на реке Пьяной резню.

Не было с войском тех, кто правил обычно московской силой — не было Дмитрия Михайловича Волынского. Мы и после обнаружим, что Волынский — военный гений этого войска. Такой человек не просто приносил тогда военную победу своему князю, но был и сам князем, первейшим из всех: только под рукой этого человека становилось московское войско силой, а стало быть, только его рука и была в царстве — крепкой рукой.

Суздальский князь бежал из Нижнего Новгорода, когда к городу его подступили монголы, а жители, брошенные на произвол судьбы, спасались сами кто как мог. И месть за убийство ханских послов отчасти свершилась — город был Арапшой дотла сожжен. Читаем у Карамзина, что в то же время монголы взяли и Рязань: «князь Олег Рязанский, исстрелянный, обагренный кровью,

едва мог спастись». И вот что важно: Олег Рязанский — князь, что будет проклят в русской истории как Иуда, защищает от монголов свой город, а в то же время суздальский князь спасает только свою жизнь.

В 1378 году Нижний Новгород снова становится жертвой монгольских карательных отрядов. На этот раз суздальский князь пытается откупиться от монголов, однако те не вступают с ним в торг. Дмитрий Константинович ищет сделки с монголами в обстоятельствах, когда отряды их соединяются и готовятся покарать великого князя, идти на Москву. Он не заодно с Дмитрием, своим «старшим братом» и защитником, а ищет снова спасения только для себя. Дмитрий Иванович встречает соединенное ханское войско в области Рязанской, у реки Вожи.

Мы не читаем этого у Карамзина, однако, такую возможность — упредить вторжение монголов в московские земли — мог дать только сам рязанский князь Олег. Рязань — обособленное княжество. Олег — еще именуется как самостоятельный правитель своей земли «великим князем». Входить в пределы его княжества великий князь московский только по своей воле не мог — это было равносильно вторжению. Стало быть, Олег Рязанский впускает его с войском на свои земли, соединясь сам с тем войском, а не откупается от монголов или, пользуясь случаем, не потворствует им. Русские разбивают на Воже мурзу Бегича, празднуя свою первую победу. И здесь мы читаем у Карамзина, что монгольский хан, узнав о разгроме своего войска, «собрал новое и столько быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь, Олег, не имел времени ни ждать вспоможения от великого князя, ни приготовиться к отпору». Рязань была разорена. Зная о будущей размолвке между Олегом и Дмитрием накануне Куликовской битвы, в будущем поведении Олега угадываешь еще не успевшую зажить обиду на Дмитрия: рязанский князь мог именно что не дождаться помощи от великого князя, хоть после Вожи имел все основания, как союзник, рассчитывать на нее. Это поведение — расчетливое, жадноватое — московской силы проявляется во всем, что не касается ее собственной пользы. На князя рязанского могли порешить не тратиться, уже воспользовавшись его помощью, да к тому же Москве было выгодно, чтобы после подчинения Твери ослабела от набегов монгольских и подчинилась ей Рязань. Олег — не родственник и не свойственник этой силы, как трусливый и малодушный князь суздальский.

Он — чужой.

В том, что мы знаем о битве русских с монголами на Куликовом поле в 1380 году, большее — это великая сочиненная историческая повесть. Событие это окружено мифами и сказаньями. Пролог повести и в сказаниях и в «Истории государства Российского» — это предательство рязанского князя Олега. Мы читаем у Карамзина о том, что Олег Рязанский вступает в сговор с Мамаем, надеясь предательством «не только спасти свое княжество, но и распространить его владения падением московского». Дмитрию, однако, становится известно, что замысливается его врагами, и тогда рязанский князь якобы спешит скрыть свою измену. Но если он предупреждает его, то предупреждает о том, что грозит им обоим, — это и есть его свершившийся выбор. Олег Рязанский

сообщает Дмитрию, что «Мамай всем царством идет в землю Рязанскую против тебя и меня». Иначе сказать, Олег знает, что не выслужил милости ханской, а произойти это могло только в том случае, если бы он отказался заключить с ханом военный союз.

Но притом оказалось, что не хочет он соединяться и с Дмитрием — рязанские полки будут ждать чего-то на границах княжества, не принимая ничьей стороны. Здесь поведение Олега почти в точности повторяет поведение Мстислава Торопецкого, храбрейшего русского князя, что при битве на Калке, не поделив с русскими князьями старшинства, остался стоять со своими полками в стороне. Такое поведение, сам такой князь — это и есть тип русский во время междоусобицы, борьбы за старшинство. Иначе сказать, между двумя князьями произошло то, что произошло когда-то и на Калке. История не дала нам возможности убедиться, что было бы, окажись русские полки на Куликовом поле уничтожены; а оставшись с Мамаем один на один, Олег неминуемо бы принял бой, но защищая только свое княжество, свою сторону. До сражения между Олегом и Дмитрием не чувствуется враждебности — ясно чувствуем мы, что они чуждаются друг друга, действуют поврозь, но при этом старательно друг друга не задевая. Олег не препятствует Дмитрию. А Дмитрий приближается к месту сражения, не пересекая границ обособленного рязанского княжества.

После битвы, нам известно, рязанцы нелюбезно встречали возвращавшиеся с Дона остатки московского войска. Здесь, опять же лишь на рязанских землях, нагруженных военной добычей московских людей останавливали, разоружали, хотя Карамзин нам внушает, что рязанского князя, как предателя, объял после победы Дмитрия над Мамаем панический ужас. Олег действительно скрывается в Литве, но это происходит, когда в том же году московское войско идет боем на Рязань. Рязанцев карают не за предательство — так их принуждают к подчинению, а иначе сказать, завоевывают наконец-то их земли, покоряют, лишают независимости.

И повторилось то, что произошло с князем тверским: лишившись опоры в своем княжестве, не имея возможности найти справедливость (притесненные в своих правах князья взывали по обычаю или к суду ордынского хана или к церковному, но законов старых некому исполнять, так как еще не заступил воспреемник на место умершего митрополита Алексея, а иго монголов над Русью на время это пало), изгнанник смиряется перед тем, кто его изгнал, признавая себя перед Дмитрием «младшим». Но это ли наказание для «предателя»?

Ключевым приемом исторической повести о Куликовской битве является, что видно уже и на этом примере, превращение небывшего в бывшее. В истории православного народа должно было воплотиться представление о князе-христианине и богоугодности кровопролитнейшего из сражений. Мы читаем у Карамзина, как Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми князьями и воеводами совершает накануне сражения паломничество в Троицкую обитель, чтобы принять благословение Сергия. Сергий предрек Дмитрию «кровопролитие ужасное, но победу» и «дал ему двух иноков своей обители в соподвижники». Сообщение о Пересвете и Ослябе является в поздних русских летописях, когда и творился миф о Мамаевом побоище. Многое из этих мифов

Карамзин не взял в свою историю, не доверяя как «историческим басням»; но все, освященное именем Сергия Радонежского, повторяет вслед за сказаниями.

Если такого соборного благословения от церкви и не было, то надо было сказителям его выдумать. Благословлять русское войско и его князя накануне Куликовского сражения было некому: митрополит Алексей умер, а преемник его, Митяй, отбыл за утверждением своим в Константинополь. Но когда всплывает имя Митяя, то именно в связи с ним открывается неожиданное отношение молодого великого князя Дмитрия к Сергию Радонежскому: мы можем сказать, что Дмитрий глубоко не понимал святости Сергия, и вообще опекунство митрополита Алексея, что назывался его «отцом», должно было внушить Дмитрию неприязнь к такому складу сильных и строгих, повелевающих даже государством церковников. Таков был, к примеру, в будущем Никон. Никоном же той Руси был митрополит Алексей, даже в большей мере: Алексей, без сомнения, соединял государственную и духовную власть, был стержнем и двигателем всей московской силы.

Готовясь к смерти, Алексей назвал своим преемником Сергия Радонежского, но воля его не была исполнена. Карамзин сообщает о двух причинах, но при этом не указывает ясно, по какой же именно: потому ли, что Сергий отказался исполнить волю митрополита, или потому, что волю эту отказался исполнить великий князь, Дмитрий. Карамзин старается убедить нас, что все дело было в добровольном отречении Сергия, воспевая отчего-то его кротость да скромность. Но мог ли Сергий и вправду не исполнить воли над ним стоящего Алексея? Как раз восстать душой, а не смириться? Мы читаем у Карамзина, как Дмитрий упрямо вынуждает умирающего митрополита принять своим преемником Митяя, что был попом в Коломенском, в царском селе. Митяя Дмитрий выбрал своим духовником и хранителем печати, хоть летопись сообщает об этом Митяе только то, что он был любителем всяческого роскошества. Легкомысленный, с остатками детства в душе, Дмитрий выбирает духовника по себе, будто игрушку, боясь видеть на том месте или близко личность сильную, каким был Сергий Радонежский. Возможно ли, чтоб, отвергнув Сергия не иначе как своей душой, Дмитрий спустя самое малое время осознал для себя всю важность его благословения, да так бы им дорожил, что помчался в Троицкую обитель? Это почти невозможно. Сказители сделали за молодого князя то, чего он не сделал сам: понимая все значение и личности, и личной святости Сергия, они небывшее церковное событие такого масштаба, как благословение русского войска и военных его вождей русским же духовных вождем, сделали бывшим, ставя Сергия на место этого духовного вождя в отсутствие законного митрополита.

Мы читаем у Карамзина, что Дмитрий принял еще одно благословение — от епископа коломенского Герасима — и тогда выступил со всем собравшимся в Коломне войском к устью Лопасти, — и этому факту верится куда больше, чем чудесному уклонению великого князя в самый разгар военных сборов в Троицкую обитель. Возможно, что Сергий благословил войско, когда то было уже в пути, о чем сообщается многими историками; но могло стать возможным именно потому, что Дмитрий так и не побывал у Сергия, отчего игумен Троицкой обители, молясь за победу русского воинства всей душой, послал князю вослед эту свою горячую молитву, а гонцами его были два инока.

Выйдя из Коломны, шестого сентября русское войско достигло берегов Дона. Мы читаем у Карамзина: «и князья рассуждали, там ли ожидать монголов, или идти далее? Мысли были несогласные». Решили все же сражаться за Доном. Это решение Карамзин приписывает воле Дмитрия. Утром следующего дня русское войско перешло за Дон, — и Дмитрий «все полки устроил к битве». В шестом часу монголы и русские сошли с холмов на Куликово поле.

Создавая героический образ Куликовского сражения, Карамзин следует во всем за сказаниями, не воспринимая всерьез только сюжет с любимым княжеским воеводой Бренком: в сказаниях Дмитрий велел тому облачиться в свои доспехи, поставил его под стяг княжеский, а сам вошел в сражение простым воином в передовом полку. Эта легенда, взятая в свою повесть уже Костомаровым, дала тому повод утверждать, что Дмитрий проявил себя в сражении не героем, а трусом: понимая, что делается самой желанной мишенью, он вместо себя приносит в жертву своего любимца. Однако все эти метафоры, и наводящие тень на Дмитрия, и славящие его как «начальника и вождя», прямо расходясь с поведением самого русского войска, имеют одно общее — всем важно представить, будто бы Дмитрий принимал участие в сражении как воин. Ни трусом, ни героем не может он быть, если не увидим мы его с мечом в руках.

Читаем у Карамзина: «Дмитрий, пылая ревностью служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем». За этими «густыми рядами» главного полка не пусто место. Если же мы поверим, что Дмитрий участвует в гуще сражения как простой воин, то это означает одно: у русских не было ставки, русское войско никем не управлялось, сражение происходило стихийно. Но поведение русского войска и до сражения и в самом сражении — это поведение войска управляемого, да при том еще и с немалым умением. Зная о продвижении ордынцев, наблюдая за тем продвижением, избрали место, что учитывало военную стратегию ордынцев: Куликово поле с трех сторон было пронизано реками — Смолкой и Нижним Дубиком (теперь этих рек не существует), — так что ордынская конница лишилась простора для маневров, а от лобовых ее ударов русские полки скрывали овраги и перелески. Русское войско уже в силу своей организации требовало единого управления, поскольку это были не собравшиеся по своей прихоти полки самостоятельных князей, где каждый был сам себе голова, — а полки князей подчиненных, управляемых, что и собраны были в войско не в первый раз. Это войско прошло рязанскую и тверскую войну. Было разбито на Пьяной и сокрушило монголов на Воже. Так кто же им управлял на момент сражения? Ответ один — это мог быть только тот человек, чей талант полководца уже вполне проявил себя в прошлых делах; кто и в прошлом стоял во главе тех же самых полков.

Мог ли это быть сам Дмитрий? Дмитрий до сражения на Куликовом поле участвовал только в двух заметных военных операциях: в осаде Твери в 1370 году и битве на Воже. И в том и в другом случае он появляется во главе всего войска и всей той силы, которую только способна была собрать в один кулак Москва. Если же такой силы с ним нет, то он всегда или просит мира или спасается бегством. А собственный свой великокняжеский полк, если возникает нужда, *посылает* воевать. Ясно совершенно, что он не любит воевать и участвует

в военных действиях только тогда, когда собираются все подчиненные князья, а потому присутствие его становится просто необходимым. Или «любимец воевода», Бренок: кто же заводит себе любимцев в войске — полководец или далекий от войска в своих мыслях юноша? Мы знаем — на примере Митяя, — кто мог стать его любимцем, какого эта склада люди; баловни, любящие всяческое роскошество, к таким и тянется Дмитрий. Потому что он — уже вельможный московский царь, а не военный вождь, и воюют за него давно другие — те, кто ему служит верой и правдой. Этого служивого человека — и гения войска русского на Куликовом поле — и скрывают от нас сказители, видя персонажем своих сказок только московского царя. Испрямим же прелесть сказания: Дмитрий, вовсе не пылая ревностью служить для всех примером, не хотел сражаться в передовом полку (даже легенда не силах обозначить хоть сколько-нибудь серьезную рану, после которой остался бы заметный в его будущей жизни шрам, не говоря уж об увечьях, а ведь передовой полк, где отыскали ему достойное место сказители, судя по списку павших в нем князей и воевод, был сплошь уничтожен ордынским натиском), об этом молили его и усердные бояре, — а потому остался вместе с теми боярами за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем, в своей ставке, безопасность которой к тому же обеспечивал отборный великокняжеский конный полк.

Полководцем и стратегом русского войска на Куликовом поле мог быть только один воевода из служивых царских людей — князь Владимир Михайлович Волынский, имевший достаточный военный опыт, а также бывший в силу родства своего с Дмитрием (Боброк-Волынский был женат на его сестре) еще и самым сильным из сановников. В духовной грамоте Дмитрия, то есть в его завещании, — подпись Владимира Михайловича будет стоять первой; он первый, после великого князя, человек в московском царстве, а такое место он мог занять уже по смерти митрополита Алексея, потому что от смерти Алексея и до известия о степени власти Волынского из духовной грамоты царя не слышно в истории никакого другого столь же веского *первого* имени.

Кульминация повести о Куликовской битве — появление засадного полка. Здесь достигает своего неимоверного напряжения повесть о сражении — но исход его в реальности могли решить и другие действия Волынского. Иначе сказать, засадный полк является нам в самой повести и по ее же законам; Волынский является как бы *вдруг*, потому что у повести свой герой, Дмитрий, и действие ее строится вокруг него. Появления Волынского *вдруг* снова оставляет нас с мыслью, что русское войско было неуправляемо на протяжении всего сражения, но такой мысли допустить мы и не можем. Но можно ли относиться к появлению засадного полка на Куликовом поле как к «исторической басне», считая, что легенда о его появлении — есть только поэтический символ произошедшего перелома в ходе сражения; что даже летописцам и сказителям было уже неизвестно, когда, в каком направлении, под воздействием каких сил произошел в реальности этот перелом?

Исход сражения, если понимать, как оно развивалось, мог решить, однако, только засадный полк. Весь натиск монголов, лишенных маневра, пришелся на середину русских полков, — если бы монголы прошли русский центр насквозь, то сражение не было б столь кровопролитным и столь упорным по времени;

количество павших в сражении — при том, что русское войско не было обращено в бегство (более половины вступивших в сражение) — и число павших в полках начальников (князей и воевод в передовых полках и на левом крыле), говорит о том, что русские уперлись в середине, а войско от монгольского натиска кренилось на левое крыло, оказавшееся почему-то слабей. Оно могло быть не рассечено на половины и рассеяно, а перевернуто и обращено в тыл. Но здесь и произошел перелом: накренившееся вместе с левым русским крылом и смешавшееся в своих порядках, монгольское войско открыло свой тыл под удар засадного полка, что посеял на поле сражения панику и обратил монголов в бегство.

Но понимая, что легко в повести могли быть переставлены только фигуры действующих лиц (к примеру, перестановка Дмитрия из ставки в передовой полк), скорее можно предположить следующее: засадный полк не был легендой, но Волынский был переставлен в засадный полк с какого-то другого важного места сказителями, все же знавшими и понимавшими, что исход сражения решил, как полководец, именно он. В засадный полк с Волынским переставлен был и Владимир Андреевич, верный брат Дмитрия и второй сказочный герой повести; и случайно или нет, но отправлены в засаду, на задний план сражения, все те, кто заслоняет героический образ Дмитрия, — теперь это еще и младший его брат, коему положено быть и в повести второстепенным, младшим. Но легенда о засадном полке раскрывает ненароком характер отношений Волынского не столько с Владимиром Андреевичем, сколько с царственными братьями, ведь Владимир Андреевич был со своим братом — как одно тело, будучи и младше всего на три года. Мы читаем у Карамзина то, что должно было бы потрясти своей откровенностью: «Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Дмитрием Волынским». Волынский, оказывается, принимает решения, а не царский брат! Если читать эту сцену в толковании Соловьева, то ощущение становится еще прочней. Волынский удерживает князя, отвечая на его нетерпение, что еще нельзя выходить из засады, потому что «ветер дует прямо в лицо русским». Как это понять? Князю неведомо, что нельзя посылать конницу против ветра, чтоб та не задохнулась, а Волынскому — ведомо. Владимир Андреевич при нем как дитя. А все великое сражение решается одним словом Волынского: «Теперь пора!».

Развязка повести о Мамаевом побоище, с ее нагромождением затрудняющих, удлиняющих сюжет подробностей, впрочем, весьма неправдоподобных, обнажает неприкаянность на поле сражения, покрытом трупами, фигур Владимира Андреевича и Дмитрия Ивановича. Первый герой занят тем, что встает на костях и рассылает всех искать второго, а тот герой лежит в иссеченных доспехах и без единой раны где-то в стороне от побоища под свежесрубленным дубком, чтоб услышать, когда его найдут: «Государь! ты победил врагов!», а после вскакивает на ноги живой и здоровый так стремительно, как стремительно оба брата, теперь уж Храбрый и Донской, провожаемые боярами, объезжают устланное трупами поле — и никакого Волынского, того, кто отдавал такие-то приказы по русским полкам, уже и рядом нет; не для его славы пробил час!

Чего не касаются поэзия и сюжетные затруднения, томительно приближающие к нам героя повести о Мамаевом побоище, так это единственно двух

чужеродно чувствующих себя в этой легенде фактов: что Дмитрия нашли в стороне и что он нисколько не пострадал. В неразберихе и опустошении, что царило на Куликовом поле, Дмитрия, действительно, могли бы не найти так уж сразу, чтоб сообщить об окончательной победе — а нашли там, где он оказался, но только не иссеченный мечами. Кто окружал его и Владимира Андреевича до битвы, тот окружал их и после, — те самые бояре, что уговаривали заняться царским делом и глядеть на побоище с холма. Русские гнали монголов до реки Мечи, но после отпустили, не пытаясь преследовать дальше и окончательно истребить в степях. Это могло произойти только по одной причине: уж такова была воля кроткого боязливого Дмитрия и его окружения, что не отпустили от себя войско дальше Мечи. Вождь военный, воинственный неминуемо бы оказался с войском — именно в момент истребительной атакующей лавины, и сам бы гнал своих воинов, притянутых близкой добычей, докончить дело; а вельможного Дмитрия пришлось сказителям, для оправдания его же слабого и пугливого решения, на некоторое время упрятать бесчувственным под дубок.

Потери русского войска при таковом упорстве сражения были громадны, но потому, что малочисленным было само войско. Возможно ли поверить до конца, что со стороны русских в бой вступило более ста тысяч человек? Ведь собрано было в Коломне войско, какое собиралось и обычно, но число осаждавших, к примеру, Тверь, не затмевало воображение летописцев так, чтоб дорасти до сотни тысяч. От численности русского войска зависела стратегия его в сражении. Засадный полк, укрытие своих флангов реками и то, что войско не обрушилось само на противника, а ожидало удара, — это стратегия не для стотысячного воинства. И победа на Куликовом поле оказалась похожей для русских на разгром. Ради единовременной выгоды (отказ от выплаты дани), московские правители в одном сражении погубили все войско, весь людской свой невеликий резерв, а спустя два года платили за нашествие Тохтамыша четверную цену. Это нашествие — развязка уже в той исторической повести, что писана не чернилами историка, а кровью русских людей. Трагическая, но в чем-то похожая на абсурд или фарс. Но у Карамзина в его повести Дмитрий так и остается героем русской истории, разве что на этот раз — трагическим ее героем.

Мы читаем у Карамзина, что летом 1381 года новый хан орды, Тохтамыш, послал к Дмитрию царевича Ахозу с требованием, чтоб князья явились в Орду. Царевичу, у которого было поручение от хана не иначе как к Дмитрию, ответили очень странно: что не могут обеспечить сохранность его жизни, если тот направится в Москву. Разговор же с ним происходит в Нижнем Новгороде, и кто-то опять говорит от лица великого князя — или озвучивая его решения, или решая бесцеремонно за него. Кто же мог говорить от лица великого князя в Нижнем, если не сам Дмитрий Константинович? И почему говоривший предупреждает от лица великого князя, что тот не в силах обеспечить царевичу безопасный путь до Москвы? Неужели возможно поверить, чтоб великий князь не мог обеспечить в своем царстве безопасность ханских послов? Дмитрий Константинович — чересчур опытный провокатор в отношениях велико-

го князя с Ордой, чтоб не задаться этими вопросами. Но так или иначе, итогом этого несостоявшегося ордынского посольства к Дмитрию — было нашествие Тохтамыша на Москву.

Войска больше не из кого собирать, оно лежит костьми на поле Куликовом. Есть свои силы в Москве, но только на них в минуту решения Дмитрий боится опереться и бежит с семейством в Кострому; бегство это паническое, да и малодушное — не оставляет он в городе даже своего воеводы, так что взявшийся оборонять от монголов город странствующий литовский князь Остей сколачивает свою оборону из ополченцев, то есть из самих же брошенных на произвол судьбы жителей Москвы. О малодушии бегства Дмитрия говорит и паника, что царила в Москве до появления в ней князя Остея, о которой сообщают летописи: город оказался в один миг без мало-мальски за что-то ответственных людей — известно, что бросился в бегство даже новоявленный митрополит.

В своей повести, вслед за сказителями, Карамзин обеляет бегство Дмитрия предательством и вероломством других князей. Но князья, Тверской и Рязанский, принужденные силой к покорности, не предавали Дмитрия, а спасали свои княжества, в сознании своем, вероятно, все еще считая себя лично ответственными за их судьбу. Обязанные выступать в поход, если выступает в поход и Дмитрий, они не вступили в противоборство точно так же, как решил избегнуть его сам великий князь. Но Дмитрий, если бежал в Кострому, то бежал со всей своей казной, не оставляя Москве средств даже на откуп. Это ведь прежде всего он, великий князь московский, бросает своих поданных на произвол судьбы.

Князь рязанский спас свое княжество тем, что указал Тохтамышу броды на Оке — не те, что были безопасней других, а что были отдалены на безопасное расстояние от земли рязанской. Он сопроводил Тохтамыша мимо границ своего княжества, но дальше с ним не пошел. Так же поступил и Михаил Александрович Тверской — откупился, удаляя Тохтамыша от своих земель. Предательство же в который раз совершил Дмитрий Константинович Суздальский. Не дав помощи Дмитрию, он откупился от монголов, но двух сыновей его мы неожиданно встречаем с монголами у стен Москвы, когда они убеждают москвичей сдаться на милость Тохтамыша, давая клятву на кресте, что хан, будучи врагом только великого князя, хочет пощадить жителей. Москвичи, поверив сыновьям суздальского князя, вышли приветствовать хана. Но, обманутые, жители Москвы были подвергнуты жесточайшим мучениям и почти полному уничтожению, а Москва — разграблению и сожжению. Считается, что без учета сгоревших и потонувших, в Москве погибло двадцать четыре тысячи человек, и вся эта народная жертва была расплатой за предательство суздальского князя и малодушие Дмитрия.

Суздальские князья, однако, шли в обозе Тохтамыша на Москву, вовсе еще не изготовясь лгать — необходимость в этой лжи возникла потом, неожиданно для самих монголов, когда приступом взять Москву все же не удалось. Да к тому же им, Василию и Симеону, сохранили жизни уже после того, как они исполнили, казалось бы, свою миссию, предав на смерть москвичей. Ни один из русских непокорных князей — ни Олег, ни Михаил — не оказался в обозе карательного войска Тохтамыша, так что усердие сыновей Дмитрия Константиновича объяснить возможно только одним: сыновья суздальского князя шли

в обозе Тохтамыша, чтобы выслужить и успеть перехватить ханский ярлык, исполняя мечту своего отца о великом княжестве.

Мы читаем у Карамзина: «Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, к князю суздальскому». Но что это было за посольство — остается в истории совершенно без объяснений. И о судьбе ханского ярлыка не знаем мы ничего до весны 1383 года — тогда только появляется сообщение, что Михаил Александрович Тверской и Дмитрий Донской через сыновей своих тягались в Орде о великом княжении, что могло произойти, однако, если бы кто-то на Руси по смерти своей этого ярлыка лишился. Известий же о том, что хан ордынский сам призвал русских князей тягаться за ярлык мы в истории не имеем — а, значит, до этого момента он, ярлык на великое княжество, все же кому-то на Руси принадлежал... Из князей русских, что имели бы основание им владеть, в 1383 году умирает суздальский князь Дмитрий Константинович. Никто не мстит ему за предательство, он умирает своей смертью: так обезопасить Дмитрия Константиновича мог лишь ханский ярлык на великое княжение — нарушить волю ордынского хана никто уж на Руси снова не смел.

Последние годы правления Дмитрия Донского не добавляют к его портрету новых ярких красок.

Он умер в тридцать девять лет, и если действительно делом его жизни было избавление народа своего и родины от рабского ига, то умирал бы глубоко сокрушенным, потому что не достиг этой цели. Но духовная грамота Дмитрия, его завещание, не говорит нам о той высокой цели, которую бы он осознавал: завещание его есть простая скрупулезная передача имущества, как это и заведено было у жадноватых московских князей. Он не завещал своим потомкам всего того, что мог бы завещать, имей и вправду такой же глубокий ум правителя, как Мономах, и доблесть воинскую, как Александр Невский. Этих достоинств Дмитрий в себе не соединял.

Он рано остался без отца, а после лишился матери и единственного брата, воспитанный уже круглым сиротой. Сиротство, вероятно, наложило на него самый глубокий отпечаток: обилие опекунов, жалость к самому себе, тяга душевная к тому, чего лишен был сам, к семье и семейной жизни — вот что могло создать его мягкий и слабый характер.

Он, должно быть, походил на своего отца, Ивана, прозванного в народе «кротким», но ему пришлось сделаться заложником обстоятельств в большей мере, чем отцу. До сих пор Дмитрия Ивановича на картинах и в изваяниях изображают с мужественным могучим профилем, «мужая» до тех лет, до которых он даже не дожил. Истории известно доподлинно только об одной казни, что свершилась по его царской воле: на Кучковом поле средь стечения народа казнен был за измену на ордынский манер (четвертовали) сын тысяцкого Вельяминова. В свой жестокий век этот русский князь даже не был жесток.

Работа над «Историей государства Российского» ставила перед Карамзиным как писателем вопросов куда больше, чем как перед историком. Впервые, как литературный, пробовался такой материал. Впервые надо было обнаружи-

вать в русском языке возможности для такого, эпического по своей сути, повествования. Но тот, кто прочитывает произведение Карамзина, а не учится по нему русской истории как по учебнику, вправе задаться вопросом, а есть ли в нем правда историческая? Можно внушать читателю, как Карамзин, что, отказываясь от уплаты дани монголам, тот же Дмитрий руководствовался исключительно высокими помыслами. А можно, ставя это под сомнение, видеть в таком поступке самое низменное проявление жадности: отказался, потому что просто пожалел денег, понадеявшись, что сборщики дани стали уже слабы. Исторический романтизм Карамзина породил отторжение у самих историков, — и здесь интересно, как даже историки, а не писатели, меняли подход к русскому историческому материалу, что сразу же сказывалось и на их стиле. Костомаров сделался пророком низменного исторического сюжета, осознавая, как часть истории, психологизм, — вникая в драму историческую, как в сплетение самых разных психологий, и создавая жанр исторического портрета. Ключевский отказался от эпического стиля в передаче исторического материала. Соловьев, до предела насыщая свою историю фактами, самим материалом историческим, писал в историко-бытописательском стиле.

Вопрос исторической правды отчего-то неминуемо отражался на художественных способах изображения, будто бы только научными способами невозможно оказывалось этой правды достичь... Мы же попытались представить себе механизм умолчания, обращая внимание только на отсутствие связности и смысла, где это есть. Если история князя Дмитрия Константиновича Суздальского, которую мы посмели осмыслить как историю провокатора и предателя, добившегося высшей власти в атмосфере московского царства — полной несправедливости и гнетущей, а вовсе не праведной и зовущей к новой жизни, — была таковой и в самом деле, то вся русская история этого героического времени, включая и повесть Карамзина, сделавшая суздальского князя фигурой умолчания, умалчивала уже о чем-то большем.

Ольга СЕДАКОВА*

«НЕ СМЕРТНЫЕ, ТАИНСТВЕННЫЕ ЧУВСТВА»
(О христианстве Пушкина)

Одно из самых торжественных и финальных стихотворений Пушкина — построенное как своего рода «последнее слово», обозревающее не только весь совершенный труд и его смысл, но и посмертное будущее этого труда[1], — завершается удивительной финальной строкой:

И не оспоривай глупца.

Удивительной, потому что в последней строке мы привыкли ожидать смысловой точки, итога, разрешения. В своих законченных лирических вещах Пушкин, как правило, следует этому композиционному принципу. Что же тогда значит этот жест, как будто не подготовленный торжественным, триумфальным тоном предшествующих стихов? Такой финал склонял некоторых интерпретаторов понимать весь «Памятник» как пародию на Державина. «Глупец» в таком случае — это тот, кто примет высокий слог всего сказанного выше за чистую монету. В самом деле, может ли Пушкин всерьез гордиться тем, что он будет «любезен народу» — Пушкин, так уверенно декларировавший независимость поэта от народного суда («Поэт! не дорожи любовию народной»; «Зависеть от царя, зависеть от народа — Не все ли нам равно?»).

Однако ироничность и двусмысленность Пушкина не безграничны. Вряд ли можно усомниться, что и в первых строфах «Памятника» с нами говорят всерьез. Говорят всерьез и в последней. Так неужели этот несчастный «глупец» столь важен для Пушкина, чтобы на нем, на его ненужной «хвале и клевете» кончилось прощальное стихотворение? Конечно, мы знаем, какой драмой были отношения Пушкина с читающей публикой в его последние годы (стоит перечесть рецензию на «Памятник» в переписке Карамзиных), и таким образом можем обосновать этот финал биографическими обстоятельствами. Но мы знаем и другое: через какой фильтр обыкновенно пропускаются биографические обстоятельства Пушкина, чтобы войти в художественное создание.

Эта финальная строка не будет так неожиданна, если помнить, какое место *глупость* занимает в пушкинском мире. *Глупость* — это не уточняемое до

---

* Биографические сведения см. на стр. 296

[1] Вообще говоря, будущее до скончания века:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Представить себе мир, в котором не осталось *ни единого* поэта, Пушкин, вероятно, не мог. Впрочем, и Гораций, определяя собственную меру бессмертия, вряд ли мог представить, что римский понтифик когда- нибудь перестанет всходить на Капитолий с безмолвной девой :

Crescam laude recens, dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex (Hor. Carm. III, 30).

Несомненно, это dum (доколе) значило: пока мир стоит.

конца, не рационализируемое представление, подобное по своему масштабу тому, чем предстает *пошлость* у Блока: все самое враждебное, безнадежное. То лицо, которым повернулось к поэту само зло.

Перед лицом *глупости* (иначе: «буйности», «слепоты», «ребячества», «сонливости» и под.) Пушкин предписывает — и не только в финале «Памятника» — единственно *умную* тактику: молчание, отказ от ответа, превосходительное равнодушие. Можно заметить, что до конца поза невозмутимого аристократизма ему никогда не удается и снисходительное laissez-faire, «делай что делаешь», «пусть себе!» не может прикрыть страшную боль или, словами Пушкина, «неизмеримую печаль»:

Доволен? так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Да, все это не более чем глупость, «детская резвость», но игры этих взрослых детей страшноваты, да и играют они в каких-то совсем неприличных для этого местах! «Procul este, prophani!» — вот более откровенная реакция Пушкина на азартные забавы глупости.

Идите прочь! какое дело
*Поэту **мирному** до вас.*

Глупость, в пушкинском изображении, всегда кощунствует и «ругается» (совершает надруганье) над достойным:

Над кем ругается слепой и буйный век.

Она кощунствует и тогда, когда врывается в алтарь и оскверняет святыню и жреца (как в приведенных стихах, где изображен условный поэтический алтарь, по образу языческого), — и тогда, когда охраняет святыню (как часовые у Распятия в «Мирской власти»[2]). Она делает это не потому, что «не верит», но потому, что, как обычно, *не понимает*, в чем дело:

Иль мните важности предать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим...
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила...

Одно из этих двух поведений по отношению к святыне, открытое глумление и нелепое охранительство, не исключает другого. «Слепой и буйный век» легко переходит от безоглядного глумления к нелепому охранительству, неожиданными свидетелями чему в последние годы мы оказались.

---

[2] Так, одинаково неприязнен для Пушкина и осквернитель искусства, «художник-варвар»:

Художник-варвар кистью *сонной* (еще один синоним неразумения, «хладный сон»)
Картину гения чернит,

и «праведный гнев» Сальери на слепого скрипача, выраженный через тот же образ:

Мне не смешно, когда маляр презренный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля.

Тема христианства и вообще «религиозности» Пушкина больше других грозит нам опасностью впасть в *глупость* именно в пушкинском смысле: то есть в нескромность, прямолинейность и морализм, в самоуверенные перепевы ходячих истин, которые «новы» только «для нас»[3]. В сопоставление Пушкина с некоторым эталоном благочестия и нравственности, которому не хуже его, если не лучше, будет отвечать Фаддей Булгарин. Получится у нас при этом хвала или обвинение («клевета»), не так существенно. Глупая хвала оскорбляла Пушкина сильнее укоров.

Я надеюсь, что тема «глупости» и «ума» больше скажет нам о душевном строе Пушкина, чем сверка его взглядов со школьным катехизисом или описание его нравственного пути по образцу «возвращения блудного сына»[4]. Известно, что первая причина, побудившая Пушкина отстраниться от атеизма, — не «зов сердца» или «муки совести», а потребность ума. Атеизм представлялся ему неудовлетворительным в умственном отношении: «Не допускать существования Бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге» (из рукописи 1927–1928 гг.[5]) . Борьба его *сердца* с *умом* с лицейских лет происходила прямо противоположным привычному образом: «Ум ищет Божества, а сердце не находит» («Безверие», 1817); и почти то же самое в дневниковой записи 1821 г.: «mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse».

Еще одна возможность говорить о христианстве (или «религиозном духе») поэзии Пушкина — та, которую наметил С. Л. Франк: «формальный анализ»,

---

[3] Поверьте мне, Фиглярин-моралист
Нам говорит преумиленным слогом:
«Не должно красть: кто на руку нечист,
Перед людьми грешит и перед Богом;
Не надобно в суде кривить душой,
Нехорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже нам всего!»
Но что ж? Бог с ним! все это к правде близко,
А может быть, и ново для него.
Е. Баратынский «Эпиграмма».

[4] Когда мы слышим истории о покаянии и обращении художника, мы не можем не признаться, что эти истории звучат печально — и, тем самым, в самом серьезном смысле не поучительно. Обращение к личному спасению, обыкновенно лихорадочное, паническое — несет на себе отсвет какого-то большого крушения. Печаль этих историй в том, что на месте художника — человека представительного, говорящего не от себя и не о себе, — появляется частное лицо. Творчество же каким-то образом покрывало это частное, в общем-то не интересное другим лицо совсем другим покровом, светом самозабвения. И вот мы слышим голос раздетого «я», голос заботы совсем не высокого страха за себя.

Слава Богу, это не пушкинский случай. И если думать о том, что такое христианское искусство — а не искусство на христианские темы — то это, прежде всего, дарящее искусство. Я надеюсь, что меня не поймут так, будто я отрицаю ценность раскаяния или смирения. Просто художественная форма их не так уж, вероятно, близка к бытовой.

[5] *Модзалевский Б.* Письма Пушкина, т. 1. 1926, с. 314.

анализ поэтической формы[6]. Однако это не так просто: это предполагает какое-то представление о том, какая *форма* светского — не храмового — искусства отвечает критериям «религиозности». Обладаем ли мы такого рода представлением? Боюсь, что нет. И однако, в самом общем очерке, еще до анализа, мы можем сказать, что неуловимая характерность пушкинской формы самым близким образом связана с той же, избранной нами темой, с темой *ума (здравомыслия)* и *глупости*. Среди русских писателей мы вряд ли чью-нибудь еще манеру увереннее назовем *умным* письмом.

Остановимся еще немного на самых общих свойствах *глупости* у Пушкина. Прежде всего, эта *глупость* — отнюдь не отсутствие интеллектуализма («дерзкий умник» у Пушкина тоже «глупец»: ср. его известное недоверие к отвлеченной мысли; его явное предпочтение английской прагматической стихии германскому любомудрию). *Глупость* — скорее душевное, в каком-то смысле эстетическое, чем интеллектуальное заблуждение, своего рода онтологическая бестактность, неуместность или безвкусица (о связи *вкуса* и *ума* у Пушкина мы еще скажем). Исходя из такого представления, Пушкин и отказывал в *уме* (то есть здравомыслии) герою «Горя от ума».

Интересной и важной мне представляется такая черта. Пушкин — человек своего времени, «нового», «просвещенного века», послепросвещенческой эпохи, скептической и рационалистской. Байроновский период, как ясно чувствовал Пушкин (сравнивая круг чтения Татьяны и Онегина), был еще одним шагом в этом последовательном отсечении «прекрасных иллюзий», миролюбивого благодушия сентиментализма (путь, который и в наши дни продолжает «демифологизация» и «деструктивизм»). Пушкин — ранний читатель скептиков, насмешников и пессимистических моралистов вроде Ларошфуко. *Глупость* и *ум* в этом умонастроении — едва ли не центральная тема. «Современный человек» понимал себя прежде всего как *просвещенный* и *мыслящий* и в этом видел свое превосходство над «простодушной стариной». *Мыслить* значило уметь посмотреть на вещи (в том числе, и на себя) отстраненно («метафизически», на языке времени), критично, не принимая ничего на веру, но сохраняя дистанцию сомнения. В этом смысле говорится о «мыслящем человеке» в «Онегине»:

> *Кто жил и мыслил, тот не может*
> *В душе не презирать людей.*

Глупость здесь понимается достаточно определенно (заметим: это бытовое представление о *глупости* остается тем же и в наши дни): это прежде всего наивность, идеализм, неискушенность. Отсутствие навыка рефлексии. Отсутствие травматического опыта,

---

[6] «Исследование религиозного духа поэзии Пушкина во всей его глубине и в его истинном своеобразии требовало бы эстетического анализа его поэзии — анализа, который был бы «формальным» в том смысле, что направлялся бы на поэтическую форму, но который выходил бы далеко за пределы того, что обычно именуется «формальной критикой». — *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. 3 -е издание. YMCA-PRESS Paris, с. 10.

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Умным в таком случае можно назвать того, кто *уже* знает, что все в нашем мире обстоит чрезвычайно плохо, что это и есть последняя правда, а все хорошее и высокое только «кажется» — и согласился на это как на нормальный ход вещей. Того, кто знает, что человек не ангел (довольно мягкая формулировка этой антропологии) и его не исправишь («Наши добродетели суть замаскированные пороки», Ларошфуко).

Чтобы представить себе всю разницу времен, Нового и традиционного, вспомним, что у Данте дело обстоит *прямо* наоборот: пороки и грехи в его трактовке — только неправильное употребление все той же любви, которая движет творением. Порок в его этической системе — это, так сказать, гримаса или гротеск любви, добродетели богословской: любовь, которая ошиблась в выборе своего предмета, в мере и т. п. Ошиблась же она потому, что утратила «благо разума», il ben dell'inteletto.

Далее, *умный* человек Нового времени исходит из необсуждаемой предпосылки, что истина — травмирующий опыт: истина видит в основании вещей низкое, элементарное, грубое. Она срывает покровы прекрасных возвышающих иллюзий. Для Данте, как для всякого его мыслящего современника, и это обстояло точно наоборот: «Истина, которая так нас возвышает», la verita che tanto ci sublima (Par. XXII, 42). «Низкое» по определению не может быть истинным, поскольку неизмеримо высок замысел Творения. Не видит этой высоты глупец, тот, кто «отдал разум за влечение».

Ум «современного человека» выражается и в его решительной разочарованности: он в собственном мнении давно перерос ребячество надежды. Сгоревшее не может загореться вновь. Умершая любовь не оживет. Это болезненно знать, но такова правда — для того, «кто жил и мыслил». Считать иначе малодушно. Таков общий тон лирики Баратынского. Не нужно говорить, что безумная надежда этого рода и представляет собой мудрость у Данте. Больше того, «Комедия» и рассказывает нам историю такого второго загорания. Малодушным и низким (vile) Данте назовет того, кто согласился с безнадежностью, кто не берется за невозможное.

Конечно, это далеко не полный свод свойств *ума* и *глупости* в расхожих представлениях Нового времени, но я остановлюсь на этом и попробую описать пушкинские отношения с этим мировоззрением. Самым привычным представлением, связанным с *умом*, стал холод: таким образом, теплому неразумию противопоставляется холодный — беспощадный — ум.

Пушкинскую позицию («ум» и у него чаще всего появляется в сопровождении того же эпитета) никак нельзя назвать простым и однозначным противостоянием такому взгляду на вещи. Пушкин не отказывает скептицизму (и фатализму, второму лицу «просвещенного времени») в их правде. В некоторых моментах он полностью присоединяется к нему: особенно в том, что касается человека социального; на этого человека он смотрит достаточно безнадежно:

О люди, жалкий род, достойный слез и смеха,
Жрецы минутного, поклонники успеха...

«Слепой и буйный век» всегда останется «слепым и буйным», и этим обоснованы политические взгляды зрелого Пушкина.

Такой взгляд на «людей», «детей ничтожных мира» был бы обыкновенной мизантропией, если бы Пушкин не знал другого, не социального человека — человека, «забывшего мир» и заботы о «презренной пользе», человека, возвращающегося к себе, к пенатам, к «часам неизъяснимых наслаждений», к «силе гармонии». Человека, погруженного в «чудный сон» или чудесным образом «пробужденного» (у Пушкина это два описания того же состояния забытья-сосредоточенности: ср.

Душа поэта встрепенется,
Как ***пробудившийся*** *орел. —*

и

Я забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко ***усыплен*** *моим воображеньем.*

Человека, проходящего странную школу, где его

любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства.[7]

Пушкин, в отличие от скептиков, не только знал такое несоциальное состояние человека, но его-то имел смелость почитать истинным, родным домом человека, его «сердечной глубью» (в первую очередь, конечно, собственным родным домом, пенатами). Несомненно, он скептически относится к возможности того, чтобы такое состояние было доступно каждому: как говорит его Моцарт,

тогда б не мог
И мир существовать.

Мир («заботы суетные света») существует как отвлечение от гармонии, от пенатов, от вещего сна, от глубины сердца. Но кто-кто, а не Пушкин пожелал бы этому миру скорейшего конца! Он любит представлять продолжение обыденной жизни и в собственном отсутствии — той же, в сущности, где его внук

С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон...

---

[7] Удивительным образом «первая наука» Пушкина («И нас они науке первой учат — *Чтить самого себя»)* совпадает с аскетическим учением Антония Великого: «Я пишу вам как разумным людям, способным узнать себя. Ибо тот, кто знает себя, знает Бога» (Послание 4); «Ибо тот, кто знает себя, знает всех. ... И тот, кто может любить себя, любит всех» (Послание 6). Знать себя, по Антонию, значит знать в себе то самое «не смертное чувство», вложенное от создания: «Все, кто знают себя, знают, что они причастны бессмертному началу». Итак, «Отцы-пустынники», о которых Пушкин писал в последний год своей жизни, каким-то образом оказались ему знакомы ближе, чем историкам пустынножительства! Послания Антония Великого — недавняя находка, и я цитирую ее по английскому переводу: «The Letters of St. Antony the Great». Transl. by Derwas J. Chitty. SLG Press, Oxford 1995, pp. 12, 20-21, 21.

Отметим, однако: «*мыслей* полон»! Обыденный мир вовсе не глуп, у обыденного человека — каждого — «есть свой ум»[8]. Художнический труд (я имею в виду, конечно, зрелого Пушкина) состоит в том, чтобы обнаружить в этих суетных заботах «смиренную прозу» — то есть, инобытие поэзии.

Далее, Пушкин в споре с «веком» не говорит, что истина высока (как это говорил Данте). Он говорит только, что возвышающий обман *ему дороже*. Он соглашается, таким образом, на репутацию «глупца» в глазах века (и в собственных глазах тоже, ибо и он «дитя света»):

Но я любя был глуп и нем.

Вообще, безнадежная любовь, в верности которой провансальские поэты видели высочайшую мудрость, для Пушкина — «глупость несчастная». Социальная лицензия на подобное поведение кончилась; тем не менее, от этой «глупости несчастной» Пушкин не может и не хочет отказаться.

Такой же *глупостью* он мог бы, вероятно, назвать собственную неспособность разочароваться — по-баратынски — до конца, перестать надеяться на какое-то чудесное оживление, пробуждение от «хладного сна» («Я думал, сердце позабыло»). Невероятные оживления разного рода, как известно, составляют один из архисюжетов пушкинских сочинений[9].

Итак, Пушкин не опровергает открыто скептического представления о глупости, он только вносит в него коррективы. Например, он требует разрешения «глупости» («глуповатости») для поэзии и поэта:

Как жизнь поэта, простодушна.

В этом же смысле и красота, и красавицы не нуждаются в «уме», то есть, мысли[10]. Это значит: чистое присутствие выше труда мысли.

Но существеннее другое. Пушкин отчетливо видит асимметричность скептического представления — и напоминает о другой, полярной стороне *глупости*, которую скептик совершенно упускает. Пушкин напоминает о том, что

---

[8] По воспоминаниям А.О. Смирновой-Россет: Пушкин, признаваясь ей, что читать «терпеть не может», потому что «чужой ум гнетет», завершает свою мысль так: «Я такого мнения, что на свете дураков нет. У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя.» — А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. В двух томах. Т.2. М., Художественная литература, 1985, с. 175.

[9] См. классическую статью Р.Якобсона: «The Statue in Pushkin's Poetic Mythology.» — in: *Jakobson R.* Selected Writings, V (On Verse, Its Masters and Explorers). The Hague — Paris — New York, 1979, pp. 237-280, а также работу автора: *Седакова О.* «*Медный Всадник*: композиция конфликта». — сб. Россия — Russia 7. Marsilio Editori, 1991, pp. 39-55.

[10] Сходным образом о «правде красоты» как освобождении от «мысли» говорит Джон Китс:

Thou, silent form, dost tease us out of thought,
As doth eternity: Gold Pastoral!
(*«Ode on a Grecian Urn»*)

(Ты, молчащая форма, воистину выманиваешь нас из мысли, как это делает вечность: Золотая Пастораль! — *«Ода греческой вазе»*).

можно назвать *глупостью негативизма*, или неприятия, или неверия, или тотальной критичности. Словами Пушкина: о «глупости осуждения, которая менее заметна, чем глупость хвалы».

Прибегая к известному евангельскому совету, можно сказать, что Пушкин напоминает о том, что глупо не только не *быть мудрыми, как змеи,* — но и *не быть простыми, как голуби.* Это глупо, потому что не отвечает положению вещей в мире — и, значит, обречено на неудачу (пушкинские сюжеты часто показывают, как права и в конечном счете удачлива оказывается благородная простота, а расчет и коварство проваливаются — хотя бы в «Выстреле» или в отношениях «хитрого» Савельича и простодушного Гринева с Пугачевым, который, как и Петр у Пушкина, представляет собой род стихии, «Божией грозы»).

Глупо бездумно очаровываться — но еще глупее не поддаться очарованию, не прийти «в восторг и умиленье». Два этих вида глупости можно проиллюстрировать беседой Онегина и Ленского о сестрах Лариных: Ленский совершает первую глупость, очаровываясь Ольгой; Онегин, отстраненно понимающий цену Татьяне и остающийся бесчувственным, — вторую.

Глупо бездумно доверять — но еще глупее быть «тонким», то есть расчетливым и недоверчивым (примеры этому можно найти в сюжетике Пушкина); такая тонкость, говорит он, несовместима с великой душой.

Глупо бездумно принимать — но еще глупее необдуманно отвергать. Вопрос *вкуса*, то есть отбора и установления иерархии, важнейший для Пушкина, решается им как вопрос ума, «соображения понятий», а не безотчетных предпочтений. И здесь его суждение необыкновенно оригинально не только на фоне привычек его времени — но и нашего, не в меньшей мере. Ведь и мы назовем «безвкусным» и «неумным» того, кто будет восхищаться Ильей Глазуновым, — но не того, кто скажет, что он ничего особенного не находит в Леонардо! И мы если в чем откажем Зоилу, то скорее в доброте или в порядочности, чем в *уме* — как это сделал Пушкин в эпиграмме хулителю:

«Затейник зол», с улыбкой скажет Глупость.
«Невежда глуп», зевая скажет Ум.

Занимательный пример характерно пушкинского, не спорящего опровержения скептицизма мы обнаружим в следующей записи из «Table-Talks»:

«Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиавелли, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т.п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или «Историей» г. Полевого, и на него смотрят с презрением, хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для *человека мыслящего*» («Table Talks»).

Заметим: не для человека добродушного — но для человека мыслящего! По видимости продолжая скептическое суждение Макиавелли, Пушкин кончает по существу выпадом против «великого знатока природы человеческой». Причем оружие, которым Пушкин поражает скептицизм, — мысль, то, чем тот более всего гордится! Мысль, которая знает о человеке одно — его немощь, — неглубокая, неполная мысль. Полная мысль знает другое:

Они дают мне знать сердечну глубь
В могуществе и немощах его.

Скептицизм — в данном случае, антропологический скептицизм — выглядит недомыслием, то есть, глупостью. Он ничего не узнал о «могуществе» сердца. Понимание *ума* как исключительно критического, негативного начала выставляется как *недостаточно умное*, непродуманное! Что же до знания «природы человеческой», то Пушкин, как обычно, невзначай и мимоходом сообщает нам собственное знание (под покровом антологической стилизации):

Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь ***оно ж и легче****.*[11]

Легче, поскольку соприроднее! Но при этом: такой соприродности можно только «сподобиться» и об этом «должно молить».

Именно поэтому Зло у Пушкина глупо, порок глуп, и своей глупостью, в сущности, они исчерпываются[12]. С особенной наглядностью это изображено в сказках: ненасытная Старуха в «Сказке о рыбаке и рыбке», скупой Поп в «Сказке о попе и работнике его Балде». Глупо и недальновидно так себя вести. Признак глупости — самочувствие хозяина положения, и настоящего, и будущего. Я решаю, я сужу, ход вещей в моих руках. *Глупость* не понимает, где кончается область, с которой можно иметь дело, где начинается иррациональное, с которым не поспоришь (уж это Пушкин, назвавший себя «усталым рабом», знает отлично: «Делать нечего, так и говорить нечего»).

Данте, говорящий о душах «Ада», что они утратили il ben dell'inteletto, не шел против своего времени. Он просто следовал Фоме и всей той огромной традиции понимания «безумия» (дурости), библейской и античной, которая стояла за ним. Когда же Пушкин *глупым* и *слепым* представляет, как в Библии, ум утилитарный («не подвижуся без зла») и ничничный («рече безумен в сердце своем: несть Бог»), он идет против основного движения своего времени. Опирается он при этом, вероятно, только на собственный опыт *самостояния*, на опыт уединенных бесед с собою:

Дабы стеречь ваш огнь уединенный,
Беседуя с самим собою,

на те самые«не смертные таинственные чувства». Своего Аквината у Пушкина явно не было. Его духовное знание получено экспериментальным путем: опытом на себе.

Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства...

---

[11] Невозможно удержаться от еще одной ссылки на послания Антония Великого: «Воистину, дети мои, если бы мы и всей силой своей отдали себя стремлению к Богу, какой благодарности мы заслуживаем? ... ведь мы стремимся всего лишь к тому, что природно нашей сущности. Ибо каждый человек, который ищет Бога или служит Ему, делает то, что природно его существу. Но всякий грех, в котором мы повинны, чужд и неприроден нашему существу» (7. ibid., p.26).

[12] Ср. в воспоминаниях А.П.Керн: «тут кстати заметить, что Пушкин говорил часто: «Злы только дураки и дети». — «Пушкин в воспоминаниях современников». Т.1, с. 420.

Здесь нам необходимо отказаться от привычного для современного языка понимания «чувства» как эмоции, как чего-то постороннего разуму и психологического. В пушкинском употреблении в этом, как и во многих других случаях (как в уже упомянутой «клевете» — «Хвалу и клевету приемли равнодушно», — которая означает обвинение, а не ложь), еще живет более старое, церковнославянское и древнерусское значение. «Чувство» — общая способность воспринимать («чуять»), одновременно и интеллектуальная, и эмоциональная: открытость. Вот библейские примеры этого значения: «*Благочестие же в Бога, начало чувства; безумнии же досады суще желатилие, воненавидеша чувство; устне мудрых связуются чувством: сердца же безумных не тверда*» (Притч. 1, 7; 22; 15, 7). Такому «чувству» противоположно *нечувствие, окаменение нечувствие*: утрата всякого восприятия, невменяемость[13].

Поразительным образом пушкинское представление об «уме» или «здравомыслии» как о правильном или чистом «чувстве» сближается с аскетическим учением о sophrosyne, «здравомыслии», которое переводится также и как «целомудрие». Впрочем, быть может, это сближение и не так странно, если представлять себе, что опыт аскетики его знатоки сближают с «художеством», «умным художеством»[14]. Здравомыслие, иначе — чуткость, иначе — чувство: прямое и живое, *чистое*[15] отношение со своим предметом. «Расположение души... к быстрому соображению понятий...» Умник, или глупец у Пушкина — человек нечувствующего, то есть закрытого, не входящего в отношения, не знающего вдохновения ума (которое, как заботливо отмечено,«До слуха *чуткого* коснется»).

Сменой предметов и объясняется знаменитый «протеизм» (или полистилистика) Пушкина. Глупо, то есть бесчувственно обращаться к мельнику так же, как, скажем, к другу кн. Вяземскому.

Бесчувственна, то есть глупа в пушкинском мире любая декларация, любое окончательное решение. Заменим, например, в нашем стихе «не смертные чувства» на более решительное «бессмертные»: стало явно *глупее*. Почему? Ушел труд называния и постижения, ушло возражение себе — или чему-то еще. Ушла «беседа с самим собой». Говорящий как бы вглядывается в то, что перед ним: смертные? нет, не смертные. То же движение — возвращение к высказанному прежде и возражение ему — звучит в утверждении: «Нет, весь я не умру» (ответе на раннее: «Я скоро весь умру»). Таким образом расширяется *время* высказывания, смысл предстает не как изречение, мгновенное и вечное, а как

---

[13] По справедливому устному замечанию В.А. Геронимуса, в пушкинском «чувстве» можно видеть и французское, сентименталистское происхождение. Это, однако, не отменяет моего «славянского» толкования. У Пушкина мы нередко встретим такой двойной исток значения, французский и славянский (или простонародно-русский). Именно так обстоит дело с пушкинской «печалью», о чем мне приходилось писать.

[14] *Прот. А. Геронимус.* Исихастское богословие: поэзия и поэтика. — в сб. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., Дидик, 1995, с.151 — 176.

[15] Любимые эпитеты Пушкина — *живой* и *чистый*. Это самое похвальное, что он может сказать о чем-нибудь в мире. Слишком многим две эти вещи — живость и чистота — представляются несовместимыми и противоположными. Но врозь и в противопоставлении друг другу они просто неинтересны!

реплика в беседе с собой, в разговоре настоящего с прошлым. Обобщающий характер высказывания у Пушкина всегда мерцает: никогда нельзя сказать, универсальное перед нами суждение — или частное мнение:

На свете счастья нет, но есть покой и воля

(ср. в письме Онегина:

Я думал: воля и покой
Замена счастью. Боже мой,
Как я ошибся, как наказан!)

Ср. с этим безусловно универсальную амбицию подобных высказываний у других поэтов:

Есть в близости людей заветная черта

Есть бытие, но именем каким...

Есть три эпохи у воспоминаний...

В глубине пушкинских «таинственных чувств» (которых он никогда не называет и не описывает) и его знания «сердечной глуби» мы можем различить *почтение к свободе.*

Никто из лириков так мирно не воображал себе мир в собственном отсутствии. Без тоски, без желания вновь явиться (как Лермонтов): с единственной надеждой быть помянутым:

Но пусть мой внук (...)
И обо мне вспомянет;

Скажи: есть память обо мне;

Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет...

Примеры этого — вероятно, самого уникально пушкинского мотива — привета миру, в котором его давно нет, можно вспоминать и вспоминать. Пушкин оставляет мир свободным от себя. Пушкин оставляет от себя свободной любовь:

Как дай вам Бог любимой быть другим.

В своем письме, антидидактичном и неуловимом, Пушкин оставляет нас свободными от себя. Он оставляет свободными от себя собственное слово, композицию, сюжет своих вещей и их «мораль». Нет, не оставляет: он дарит всему этому свободу, которой они прежде не обладали. Пушкин нашел самый редкостный аргумент теодицеи:

За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Это почти декларация. Но само вещество, самая словесная и ритмическая плоть его сочинений (зрелых сочинений) и представляет собой это «дарование свободы».

Чтобы даровать свободу другим (или другому), нужно обладать каким-то ее избытком. Этот избыток в случае Пушкина обеспечен здоровьем, гибкостью, быстротой ума и чувства. Пушкин менее всего страстный из русских поэтов — в старинном смысле «страсти». Над ним не тяготеет инерция одного ощущения, одного настроения, стиля, идеи — он проходит по ним быстрым шагом, как по воде, не проваливаясь. Другие российские авторы кажутся рядом с ним обуянными каждый своим: кто меланхолией, кто раздраженностью, мечтой или разочарованием. Они в плену своего стиля — Пушкин ускользает из всех своих стилей.

Многие сочинения в мире (Пастернак считал, что все), кроме своего непосредственнного, «сюжетного» предмета, одновременно и неявным образом излагают второй, и главный: «Науку поэзии». Пушкин несомненно предполагал, что задает некоторые законы русской словесности, дает образцы. Возможно, он и остался единственным , кто смог их исполнить.

Средневековые латинские учения о поэзии часто именовались не Ars poetica, а Ars amandi, «Наука любви». Пушкинскую «Науку поэзии» можно было бы назвать «Наукой чтить свободу».

И если никто из наших поэтов с таким совершенством не исполнил преподанную Пушкиным науку, сам этот «закон свободы» навсегда остался непререкаемым и интимно любимым для всех, кто писал после Пушкина по-русски. Потомки вносили в этот закон некоторые уточнения: Блок сказал о «тайной свободе», Мария Петровых в своем «Завещании» — вполне в пушкинском духе — сказала о ее «тишине»:

Не шум газетной оды,
Журнальной ботовни,
Лишь тишина свободы
Прославит наши дни.

Мандельштаму принадлежит осмысление этой таинственной свободы — пушкинского *не смертного чувства* — как особого дара России, ее религиозного дара, который стоит созидательного и исторического дара Запада[16]: «туда, где всё — необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный» («Петр Чаадаев», 1914).

---

[16] Многое склоняет видеть в Пушкине не представителя русского гения, а скорее преодоление этого духа. В зарубежной пушкинистике нередко можно встретить замечания об исключительности пушкинского письма в русской словесности: «самый нерусский из русских писателей». Изящество пушкинского гения может показаться совершенно чужеродным российским пространствам, «косности русской», тяжести, лихости и сентиментальности «таинственной русской души», если не помнить о предыдущих веках нашей культуры, о раннем зодчестве и иконном письме, о древнерусском языке, в котором *грубость* означала «все дурное», «грех» (*сотворил грубость*), а *изящный* значило «превосходный»: *воинъ изящень*...

Евгений ЕРМОЛИН

ЧАСТИЦЫ БОЛИ

Michel Houellebecq (Мишель Уэльбек) и его русские читатели

Книга об отсутствии любви. Книга о присутствии страдания и боли.

Книга об отсутствии смысла. Книга о присутствии смерти.

Приговор современной цивилизации Запада. Приговор современному человеку.

Это — роман Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы» (1998; далее в тексте — ЭЧ).* Пожалуй, главная пока что книга нынешнего европейского поколения сорокалетних. Роман, способный вызвать отвращение — и способный заразить.

Говорят, что литература уже неспособна ни на что влиять. То ли-де общество отупело, то ли словесность поглупела, то ли наш мир вообще куда-то съехал с рельсов. ЭЧ — очевидное опровержение этого тезиса. Своим появлением роман произвел неожиданно сильное воздействие на европейское общество. Уэльбеку удалось впечатлить западный мир.

Сначала он произвел фурор во Франции. Такого по поводу изящной словесности там, по отзывам наблюдателей, не было с 60-х годов. Только за первые три месяца после появления книги было продано 300 тысяч экземпляров. Однако коммерческим успехом дело не кончилось. Автор очутился в эпицентре дискуссий, получивших название l'affaire Houellebecq — дело Уэльбека. Вот характерное суждение: «"Расширение пространства борьбы", первый роман Уэльбека, уже известного своими эссе и стихами, был встречен в 1994 году с одобрительным любопытством, кое-кто называл его даже культовым. Во всяком случае стало ясно, что появился новый яркий писатель. Его второго романа с нетерпением ждали. Но к такому удару по нервам не был готов никто... Уэльбек неожиданно совершил то, что уже давно никому из литераторов не

* Мишель Уэльбек. Элементарные частицы. Роман. Перевод с французского И. Васюченко и Г. Зингера. «Иностранная литература» №10, 2000 (отдельное издание: М.: Иностранка; Б.С.Г.—ПРЕСС, 2001).

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в деревне Хачела Архангельской области. Окончил факультет журналистики МГУ. Доктор искусствоведения, профессор Ярославского университета. Автор ряда литературно-критических статей, нескольких книг по культуре и истории Ярославля. Постоянный автор «Континента». Живет в Ярославле.

удавалось: он действительно шокировал своих соотечественников. Оценки роману давались полярно противоположные, нейтральных практически не было, но и сторонники, и хулители сходились в том, что этот сорокалетний ниспровергатель основ необычайно талантлив... Заголовки рецензий звучали почти на истерической ноте: "Уэльбек — герольд конца света", "Мишель Уэльбек, или Кривое зеркало поколения", "Апокалипсический итог сексуальной свободы в конце столетия"» (И. Кузнецова). ЭЧ получили премию — Гран-при в области литературы, редакция литературного журнала «Лир» признала роман лучшей книгой года.

Но воздействие романа на умы и кошельки не замкнулось национальными границами. Уэльбека читают в материковой Европе. Роман переведен на два с половиной десятка языков. Михаил Золотоносов, посвятивший книге аж две статьи, не знает, то ли иронизировать, то ли ужасаться тому, что о романе «уже написаны шаманские статьи, в одной из которых, самой пафосной, автор поставил это произведение в один ряд с Новым Заветом, "Капиталом", "Заратустрой" и "Майн кампф"».

Прочитали роман и в России. Не все. Пока, пожалуй, даже немногие. Критики в Сети и бумажных изданиях дают роману довольно разные оценки. Александр Носков: ЭЧ — «великолепный и пугающий, как извержение вулкана, роман». Семен Левин: «Тотальная деконструкция литературы... абсолютная точность пропозиций, обоснованность и доказательность описаний и мотивировок, скрупулезная прописанность мелких деталей (марки машин, цвета платьев, количество мегабайтов на дискете, имена статистов и их истории) — все это у писателя обозначает продуманное и виртуозное мастерство, литературную выучку, заключающуюся во владении не только приемом и интонацией, но и контекстом, сюжетом и идеей». Это «добротный роман, пусть этот талант немного холодноват и чересчур рационален». «Проза Уэльбека — продукт болезненно развитого, разочарованного и безжалостного ума» (анонимный рецензент «Коммерсанта—Сибирь»).

Много и усталого скепсиса, как будто такие книжки, как ЭЧ пекутся в мире каждый месяц и нет повода удивляться. Александр Шаталов: несмотря на популярность, которая обрушилась на Уэльбека, «его роман ни в коем случае нельзя отнести к произведениям великим, эпохальным или даже выдающимся». Шаталов слегка удивлен: почему вполне обыкновенный текст вызвал такой резонанс, полемику, раздражение: кривое зеркало поколения, литературная помойка, порнографическое убожество? Он в итоге решил, что причиной всему удивительная наивность и инфантильность современного французского общества, которое верно светлым воспоминаниям о юношеских томлениях и первых совокуплениях, поцелуях, приведших к первым и оттого таким милым и невинным венерическим заболеваниям, о коллективных оргиях... Михаил Золотоносов: «Как литература — это довольно слабо... писатель создал некий «манифест», в котором идеологии гораздо больше, чем литературы»; литературных достоинств в «эклектичном месиве идей и фрустраций нет». Станислав Бенецкий: «если в недра некоего сумасшедшего компьютера заложить романы Ивлина Во, сочинения Огюста Конта, подборку СПИД-инфо за апрель 93-го года, курсовую работу очень старательного китайского студента (тема: "Кри-

зис западной культуры сегодня, вчера и завтра"), да еще несколько страниц Брокгауза и Ефрона, а потом и задать программу "добротный роман о любви и смерти", как раз и получатся "Элементарные частицы"». Николай Клименюк: «Одним не хорош Уэльбек — очень скучно его читать». Дмитрий Ольшанский: «Что еще сказать об этой мрачной книге? "Потолочек-то — два двадцать!" — характеризовали в свое время советскую серость в фильме "Такси-блюз". Именно так: потолок два двадцать».

Довольно кисло рассуждают критики и о том, имеет ли роман какую-то значимость для отечественного читателя и насколько он соответствует нашей культурной ситуации. Тот же Золотоносов считает: «Чтение романа показало, как далеки мы от Европы... На фоне успеха этого пессимистического романа физиологический оптимизм современной русской жизни, полной вожделения и убийства... выглядит как чистая подростковость. Прочитав роман, я вдруг понял, что Европа смотрит на нас как на подростков и, может быть, втайне нам завидует. И потому ненавидит». Шаталов пишет так: русское издание книги «прошло практически незамеченным. Возможно, что темы, которых касается Уэльбек в своем романе, актуальны прежде всего для развитого общества, к которому Россию пока отнести трудно, а может быть, погруженная в свои беды дремучая страна просто чужда тонких словесных и психоделических построений». А Николай Александров и вовсе предположил, что роман имеет значение для невежественного в проблемах людей Запада русского читателя исключительно как мастерски сделанная вещь.

Забегая вперед, скажу, что с такими выводами едва ли можно согласиться. Но сначала нужно, наверное, немного рассказать об Уэльбеке.

Кто такой вообще этот Уэльбек? Пока что информации о нем на русском языке очень немного. Вот суждение снисходительного Клименюка: «Есть во Франции такой писатель — Мишель Уэльбек. У них там, в Западной Европе, он — главный интеллектуал. Пишет про психические расстройства программистов тридцати с чем-то лет, про сексуальную неудовлетворенность, фобии, беспорядочные половые связи, тяготы их отсутствия, про мастурбацию и ужасы обесчеловеченной западноевропейской жизни: охрана труда, страховка, новые технологии, равнодушие».

Родился писатель в 1958 году на Мадагаскаре. По сведениям А. Шаталова, его отец был гидом, сопровождавшим туристов в походах по горам, мать медиком; своих родителей писатель относит к поколению хиппующих шестидесятников. У них не было времени серьезно заниматься ребенком, и в шесть лет его отправили к бабушке в Париж. Когда Мишелю исполнилось восемнадцать, обнаружилось его болезненное пристрастие к морфию, благодаря чему ему было отказано в службе в армии. Он окончил институт и получил диплом инженера сельского хозяйства. Что-то делал в науке. Работал программистом. Писал стихи и эссе. Его первый, неизвестный нам, роман — «Расширение пространства борьбы» — был отмечен премией Общества литераторов. Ныне Уэльбек со своей второй женой живет в Ирландии, в окрестностях Дублина в доме с видом на море, воспитывает сына от первого брака. Выпустил диск с записями музыкальных композиций в собственном исполнении. В Париже

бывает несколько раз в году; как режиссер снимает эротический фильм для телеканала Canal Plus.

Рассказывает Виктор Кирхмайер: «Худощавый, невысокого роста, слегка меланхоличный, он выкуривает сигарету за сигаретой, бубнит что-то нечленораздельное, когда его допрашивает очередной журналист, вздыхает или же просто молчит. Своему душевному состоянию он дал определение маниакальной депрессии, из которой он выходит только приступая к работе над очередным романом». Впечатлениями от общения с Уэльбеком делится интервьюировавшая его Татьяна Щербина: «Мишель Уэльбек — человек аутичный, некоммуникабельный, говорящий в минуту по одному слову. Увидев диктофон, он посоветовал мне записывать от руки, поскольку "на пленке вы не услышите ничего, кроме невнятного бормотания" — так и вышло. Говорит он тихо и сбивчиво, непривычно держа сигарету между третьим и четвертым пальцем, производя впечатление человека бесстрастного и депрессивного, но при этом — сильного и авторитарного. Некоторые видят его искренним и трогательным, другие — мрачным и злобным. Уэльбек, по самоопределению, циклотимик — этим он объяснил то, что все время противоречит себе, что не имеет мнения ни по какому вопросу. В одну минуту ему кажется так, в следующую — подругому. В разговоре на любую тему он высказывает несколько взаимоисключающих суждений». На видевших его в Петербурге Уэльбек произвел «впечатление законченного и неисправимого маргинала, с отсутствием основного количества пуговиц, с незастегнутыми молниями и проч.».

Специфичны и впечатления наших квалифицированных читателей о романе ЭЧ. Суммирует самые распространенные мнения Т. Щербина: роман — «крайнее выражение мерзости бытия... Дело не в том, что с его страниц не сходят "бесчувственные" онанизм, гомосексуализм, групповой секс, порноклубы, а в том, что вся интимная сторона жизни описана, выражаясь юридическим термином, "с особым цинизмом"». Она вспоминает «не самую шокирующую сцену»: «герой входит в спальню к матери, где она спит рядом со своим любовником, раздвинув ноги. Он рассматривает ее влагалище, подходя все ближе, но дотронуться не рискует. Выходит, мастурбирует, видя, как на него в это время смотрит кошка. Кончив, он хватает камень, и, размозжив кошке голову, отмечает, что ее мозги забрызгали все вокруг».

...Сцена. Да, сцена. Может быть, в литературе вовсе не нужно изображать некоторые вещи?.. Но уж если изображение существует, нужно понять, зачем оно появилось.

ЭЧ — роман о двух братьях-горемыках. Мишель Джерзински и Брюно Клемент. Один — воплощение самодовлеющего рацио, иссушившего душу. Другой — жертва страстей, проще — вожделений, поддающийся каждому из своих влечений и не знающий от них покоя. Биолог, биофизик с признаками гениальности (таким он представлен автором) — и преподаватель литературы, на досуге писатель. Один без конца размышляет и живет лишь своим умом, едва касаясь всего остального. Другой без конца ищет удовлетворения — не с партнершей так хотя бы с самим собой, старым испытанным способом. Бруно в итоге попадает в психушку (дружеский привет героям Маканина), Мишель совершает

грандиозное открытие, которое помогает людям стать счастливыми. Впрочем, о сути открытия поговорим чуть ниже.

Мишель и Брюно — два полюса современной цивилизации. Два символа, в которых новый мир Запада раскрывает свою природу. И те две крайности, между которыми, по Уэльбеку, расположено пространство души и пространство жизни всякого современного западного человека.

«Фигаро» назвала метод Уэльбека «депримизмом», то есть «депрессионизмом», «теперь роман становится просто инструментом для демонстрации противоречий современного общества». «С гуманистического дискурса постмодерна сорвана маска. На свет предстало его истинное лицо, и оно ужасно». Сам Уэльбек называет свой подход неореалистическим («я — реалист, я пишу то, что есть»). А что же *есть*? А есть, по Уэльбеку, вот что: «Буржуазной, иудео-христианской морали больше не существует. Противопоставление сексуальности и чувства, нарциссизма и любви... ушло... Золотой век любви — 50-60 годы — прошел. Индивидуализм, воцарившийся, по крайней мере, в западном обществе, это неспособность принадлежать к чему-нибудь, что превосходит ваше личное понимание. Энтузиазма стало гораздо меньше. Человек, как элементарная частица — это одна из клеток общества, которые ничем между собой не связаны... Сегодня объединяют не идеи, а места, в которых люди проводят время. Нынешний мир холоден, геометричен, депрессивен. Его содержание — это прилаживание в нем временно существующей материи. После смерти нет ничего».

Итак, индивидуализм, гедонизм на сексуальной основе, одиночество. Новое неравенство — в возможностях удовлетворения своих влечений. Новая борьба — *за это*. Новое отчаяние: короткие радости, долгое страдание, неизбежный конец всего.

...Не сразу поймешь, что же во всем этом волнует сильнее всего. Чем вообще берет тебя этот роман, написанный почти протокольным языком, или по крайней мере в тональности сухого отчета, с длиннейшими рассуждениями социологического свойства, с научными справками (в регистре от биологии до математики), с образцами творчества персонажей (текст в тексте)... Со всем тем, чему в романе, по расхожему мнению, нет места. Русский прозаик Владимир Шаров весьма удивлен: «В романе очень много эротики или порнографии: где и как проходит водораздел, я определять не умею... И вот, идет эпизод из жизни того или иного героя, написанный реалистически, и часто совсем неплохо, также неплохо и переведенный, а дальше следует подробный социальный, психологический плюс естественнонаучный комментарий, сделанный занудливо и без всякого вдохновения. Когда-то мне попался учебник по сексопатологии, так вот роман и по содержанию, и по построению очень его напоминает. Там тоже петитом шли случаи из жизни, а ниже нормальным шрифтом объяснение и анализ».

Один из критиков сравнил Уэльбека с беспристрастным летописцем, ученым у микроскопа, который, однако, «не может скрыть презрительной гадливости, с которой относится к героям». И писатель, наверное, дает основания для такого прочтения. Уэльбек приходит к выводам, которые не всегда новы, но весьма

правдоподобны, если пытаться ухватить не толщу жизни, а ее вектор, ее передовые силы и средства. Тогда действительно мы, двигаясь следом за писателем, увидим пустыню духа, в которой бродят чудовища и воют иногда на луну.

Тогда протокол становится оправданным, и Уэльбек объясняет тональность своего повествования тем соображением, что «роман не в состоянии описать безразличие или ничто. Для этого необходимо создать новую форму, упрощенную и одуряющую». (С. Левин даже решил, что название романа скорее всего отсылает не к содержанию, а к его форме: текст смонтирован из отдельных, порой афористичных отрывков, представляющих собой как бы «атомы», «элементы», и многочисленные отвлеченные рассуждения об атомах (как в физическом, так и в метафизическом смысле слова) лишь иронически намекают на саму структуру романа и художественного мышления его автора.)

Тогда и вправду ждать от человечества больше нечего. «Расправа с иллюзиями делает нас более счастливыми», — сказал писатель в одном из интервью, — «люди с иллюзиями глупы». Не поможет ни левый бунт, ни политическая корректность. И мейнстрим, и маргиналы равно бесплодны и лишь имитируют способность к творчеству жизни. Человек безнадежен, таков диагноз Уэльбека. Он скорее мертв, чем жив. Его нельзя перевоспитать, его можно только пересоздать...

Тогда сквозь протокольность услышишь, стоит только настроить ухо, сухой холодный смешок, результат иронического дистанцирования от жизни. Правда, услышали это не все. Скажем, Ольшанский с присущей ему самоуверенностью объявлял, что в ЭЧ «нет ни достоинства, ни юмора, а все одна только суетливая пошлость». И. Кузнецова заметила, что читатели Уэльбека попадаются в ловушки скрытой иронии, которыми изобилует текст. Обманутые внешне простой повествовательной манерой, они поняли буквально и приняли за чистую монету то, что на самом деле было просто насмешкой. Но и Кузнецова не поясняет, при чем тут ирония. И как она связана с общей логикой повествования. Между тем, ирония Уэльбека не есть игра со смыслами, не есть взгляд свысока, а есть больше всего формула отчаяния. Лампочка перекалилась и лопнула, разлетелась на осколки — вот ирония Уэльбека. Писатель — и диагност, и диагноз. И скальпель, и боль.

Наверное, справедливо мнение, что именно критический запал Уэльбека так сильно подействовал на западное общество. Европа, оказывается, ждала такого беспощадного критика современного общества потребления. Как пишет Золотоносов, «Европа настроена в резонанс именно на эти проблемы. Она потрясена собственным несоответствием своим же идеалам».

Но что же является предметом критики? Характерно, что для писателя главный объект критики — не государство, не социальные машины. Не полиция. Уэльбек думает о людях и обличает людей.

Судя по всему, это задело. Кирхмайер говорит, что те, кто являются объектом критики Уэльбека, становятся его самыми непримиримыми противниками, уличающими романы Уэльбека в реакционерстве, заигрывании со сталинизмом, женоненавистничестве, нигилизме и порнографии. А сам Уэльбек рассказывал про отношение к себе так. Сначала на него подала в суд организа-

ция, в которой он проводил много времени, — «Пространство возможного». «Это такое место отдыха, каких сейчас появилось много. Они были недовольны, что я раскрыл их назначение (групповой секс — уточняет интервьюер)». Во втором издании он переправил реальное название на вымышленное, и все успокоилось. Следующий эпизод был связан с присуждением Гонкуровской премии. Уэльбек был номинирован, и лицеисты, которым каждый год предлагают сделать выбор из списка номинантов, предпочли его роман. «Тут восстали учителя и школьная инспекция — сочтя мой роман безнравственным, они потребовали исключить его из списка. Так мне не дали Гонкуровскую премию». Его изгнали из редколлегии журнала «Перпендикуляр». «Странно, что после выхода этой книги... мои коллеги и, как казалось, единомышленники по «Перпендикуляру», стали обвинять меня в расизме и сталинизме». Уэльбека, свидетельствует наблюдатель, обвинили в недостатке политкорректности, в коммунистическом отношении к сексу (кто-то назвал его «Карл Маркс секса», и это определение некоторое время кочевало по страницам газет), в симпатиях к католицизму, а также к сталинизму... Уж не оттого ли, думаешь, Уэльбек и покинул пределы прекрасной Франции? Но по этому перечислению видишь, что оппоненты у него разные. Вероятно, и мотивы критики разнятся.

Один план — критика отцов. Роман в какой-то смысловой проекции можно читать как французский (современный западный) вариант тургеневских «Отцов и детей». Отцы — постаревшее, сильно сдавшее, изношенное контркультурное поколение 60-х. Апологеты либерализма без берегов, тотальные индивидуалисты, практики гедонистически трактованной свободы, путешественники за край долга и ответственности, в нежную и жестокую страну сладострастных наслаждений, в наркотический рай. Они так и не достигли зрелости, и до старости ходят в коротких штанишках своих идей и комплексов. Став отцами и матерями, они не захотели отвечать за своих детей. Составив истэблишмент, они лишены и малейшего желания искать общественную пользу, да и просто не умеют думать об обществе. «Общество не освободилось, оно развалилось на отдельные эгоистические индивидуумы — элементарные частицы» (В. Кирхмайер).

Это, по Уэльбеку, поколение банкротов, которое больше всего виновно в том, что современная цивилизация зашла в тупик, виновно в гибели объединяющих общество идеалов и моральных ценностей. Такова мать героев, Жанин-Джейн, по сути, бросившая своих детей. Таков ее «гуру» Ди Меола, шарлатан и сладострастник.

Здесь начинаешь размышлять: а действительно ли этот роман нас совсем не касается? Действительно ли у нас нет такого поколения? И если его нет, то почему же и современной российское общество состоит из таких же самых элементарных частиц, из атомов, лишенных существенной духовной связанности?

История отечественной контр-культуры не написана. Но то, что явление такое имело место, это факт. Иной вопрос, какова наша, местная специфика феномена. Дело в том, что первое поколение нашей контр-культуры сильно отличалось от своих западных ровесников. Это поколение (шестидесятники советской ковки) было до предела общественно ангажированным поколением социалистов-идеалистов, не лишенных, конечно, рефлекса пробуждающейся

индивидуальности, но и не абсолютизировавших личное в ущерб коллективному. Главная беда этого поколения — еще не саморастрата в вихре сладострастных удовольствий, а утрата общественного идеала, разочарование в нем. (Хотя и здесь уже обнаруживались, конечно, красноречивые задатки и обещания — почитаем хоть мемуары Кончаловского...)

Гораздо больше похоже на героев Уэльбека следующее поколение, семидесятники. У них уже не было общественного идеала. Зато было сознание вполне самодостаточной индивидуальности. И если одни пошли отсюда путем плодотворных духовных исканий, то другие (и их было, судя по всему, гораздо больше) отдались именно гедонистическим настроениям и искали наслаждения — где угодно, в том числе в искусстве, политике, коммерции и бандитских разборках. Позднесоветская геронтократия сильно ограничивала возможности самореализации этого поколения. Оно развернулось на общественной арене уже в 90-е годы. Последствия очевидны. Это фиаско культурной и политической элиты, провал реформ, духовная невменяемость современного общества. Это имеющая быть квазиреставрация и очень туманные перспективы России.

Наши критики, как видим, не смогли или не захотели увидеть этой параллели. Оттого никто из них даже не попытался всерьез соотнести роман Уэльбека с актуальной отечественной проблематикой. Характерно, между прочим, что А. Шаталов даже берет обличаемое Уэльбеком поколение под защиту. На каком-де основании тенденциозный писатель отбирает у своих родителей «право на собственную реализацию»? За что такая цензура? Почему детям (Брюно) можно заниматься групповым сексом, а родителям — нельзя? Шаталов уличает Уэльбека в пошлом чувстве зависти. Тот изобразил в своем романе сексапильного красавчика Давида с длинным хоботом и волосатыми шарами для того, чтобы привести его по пути порока к жутким сатанистским преступлениям. Но, ловит Шаталов писателя, тот описывает развлечения Давида «с завистью и любованием». «Автор хотел бы быть таким же и кичиться своими столь же явными достоинствами. Но если их нет, то такая красота становится по понятным причинам Уэльбеку антипатична (был бы писатель сексуально толерантен, это бы не вызвало такого раздражения и одним отрицательным типом в книге стало бы меньше...)».

В замечаниях Шаталова есть доля правды. Намерения Уэльбека, вероятно, противоречивы. Но это не основание для столь безоговорочной защиты (самозащиты?) поколения гедонистов.

Напрасно и Валерий Липневич в одной из лучших работ о романе, появившихся в России, склонен скорее локализовать проблемы на сравнительно отдаленной западной почве, допуская лишь небольшую оговорку: «Если личность имеет право на все, то как может существовать общество? Этот вопрос актуален в сегодняшней Франции. Впрочем, как и в России. Или все-таки мы должны признать, что эта свобода, как всегда и было, — не для всех?.. Уэльбек фиксирует в современном обществе тот предельный уровень личной свободы, следующим шагом которой будет всеобщая гибель. Общество потребления производит анархизм в таких объемах, что это уже создает реальную угрозу прекращения не только культуры, но и западной цивилизации в целом. Достаточно напомнить, что существуют американские клубы ядерного уничтожения,

объединяющие тех, кто предпочитает именно такой вариант Апокалипсиса... Мир, в котором невозможна любовь, неудержимо катится к отрицанию жизни и человека. То, что именно французское общество и является таким миром, стало для многих читателей романа болезненным открытием». И далее критик добавляет, что именно Париж стал центром мировой деструкции. Может быть, и Париж. А может быть, и Москва. Не вижу принципиальной разницы. Мы причастны к плачевной судьбе Запада, к той логике ее, которая проявила себя во второй половине XX века. Эта причастность уже сегодня чувствуется достаточно остро. Она будет ощущаться еще острее завтра.

И добавлю, что русские читатели Уэльбека, по этой логике, в большинстве своем, наверное, еще слишком молоды. Или слишком мало читают, по самой актуальной моде. Это то поколение, которое стоит на пороге самоосознания. Когда этот порог будет преодолен, Уэльбек еще будет востребован в России.

Уэльбека все-таки больше волнует судьба не поколения отцов, уже почти списанного с корабля современности, а — поколения детей, Брюно и Мишеля, Давида тож, своего поколения. Про них роман, и про себя. И это волнение уже гораздо менее рассудочно-концептуально и гораздо более лирично и экзистенциально.

Я бы не стал редуцировать проблему поколения, проблему романа, импульс творчества Уэльбека до пресловутого комплекса среднего возраста, как сделали это Золотоносов и Шаталов. Аргументы же наших великих психоаналитиков таковы. Простодушный Шаталов решительно и однозначно детерминировал роман «физиологией», дефинировав его попыткой мужчины взглянуть на бессмысленно прожитые годы и ужаснуться: «дело в... том, как начинают седеть волосы на груди, появляться морщины под глазами. Мужские функции, извините, начинают напоминать о себе и т.п. ... Сегодня люди сорока лет еще в полной форме, их физическое состояние великолепно; первые признаки, говорящие как по внешнему виду, так и по реакции организма на нагрузки, что вот он, порог, от которого сейчас начнется долгий путь вниз, к могиле, все чаще настигают человека ближе к сорока пяти, а то и пятидесяти годам. К тому же этот пресловутый кризис сорокалетия зачастую ассоциируется с феноменами сексуальными, с внезапным лихорадочным вожделением к телам очень юных девиц. Вот он, лейтмотив книги. Кризис сорокалетия... является для Уэльбека кризисом именно сексуальным...Заложенные в детстве сексуальные комплексы мужчины становятся главной идеей книги»... В качестве аргумента Шаталов привлекает и собственные впечатления от общения с обласканным европейской славой автором: Уэльбек «выглядит не счастливым, а издерганным, нервным, постоянно изгибающимся под вспышками фотокамер, гоняющим по лбу три светлых волосинки... Ну если отнести к нему все то, что относится в романе к Мишелю Джерзински я имею в виду медленное угасание, ощущение заката и т.п., то его поведение и смятение понятно. Богатый старикашка, одержимый сексуальными расстройствами. Представляю, как он боится увидеть себя именно таким».

У Золотоносова мы найдем еще одну мысль, логически связанную с такой интерпретацией романа. Выходит, что Европа увидела себя именно в таком зеркале — и с ужасом себя опознала. Роман оказался подобен сеансу психо-

анализа. Европейское общество так и застыло на кушетке Уэльбека, сокрушенное грузом почти невыносимых истин. Позволю себе большую цитату. «Успехом романа Уэльбека Европа проговорилась: она ощущает себя измученной последствиями сексуальной революции, своим несоответствием стандартам масскульта и рекламы, где фигурируют только юные... "прямым текстом" выражен страх перед старостью, немощью тела и одновременно — ненависть к юности как к "жизни без нас". Сорокалетние герои книги ворчат: "Ребенок — это ловушка, которая захлопывается, враг, которого ты обязан содержать и который тебя переживет"... По мысли Уэльбека, именно страх перед разрушающимся телом привел в отчаяние поколение, сформированное "эпохой шестьдесят восьмого"... которая утвердила на Западе культ секса и превосходство юности над зрелостью. "...Культ тела, который они некогда столь яростно провозглашали, по мере увядания их собственной плоти неминуемо приводил их ко все более острому отвращению к самим себе..." "Мир, не уважающий ничего, кроме юности, мало-помалу пожирает человеческое существо".

...Тело, которое не может быть источником радости и счастья, не должно жить и должно быть уничтожено — эту сверхидею западной культуры Уэльбек трактует и так и сяк, натуралистично и символически, то описывая самоубийства, то педофилические вспышки, овладевающие Брюно, то давая жуткие картины палаты интенсивной терапии и эксгумированного после двадцати лет пребывания в земле трупа. Главной культурой Запада оказывается "культура молодых", жизнь безусловно предназначена исключительно ей, в то время как другим возрастам она позволена лишь при определенных условиях, в противном случае применяются аборты и эвтаназия».

В самих этих рассуждениях немало правды. Но Уэльбек вовсе не эту правду сообщает как главную. И ведь понять намерения автора нетрудно. Он сам начинает с того, что кажется ему самым важным. ЭЧ, — пишет Уэльбек в прологе, — это «прежде всего история человека, большая часть жизни которого прошла в Западной Европе второй половины XX столетия... Чувства любви, нежности, человеческого братства в значительной мере оказались утраченными; в своем отношении друг к другу его современники чаще всего являли пример взаимного равнодушия, если не жестокости».

Дети без отцов, дети без матерей, отданные во власть причин и обстоятельств. Бродячая беспризорная поросль в мире, слетевшем с оси стараниями тех, кто должен был оберегать порядок и строить гармонию. Интернатское воспитание, журналы для подростков с либеральной заботой о половом просвещении, комиксы и фильмы...

Дети вырастают разные. Изначально индивидуалисты поневоле, в ситуации, когда им никто не навязывает никакого чувства общности. Они выбирают, идут на поводу, что-то с ними происходит. Но чаще они становятся похожи на гедониста Брюно, и гораздо реже — на аскета и моралиста Мишеля, к которому, кажется, сам автор стоит чуть ближе. Закон жизни Собственно, Брюно — это тот социальный тип, который становится средним, обычным, заурядным. А настоящий антипод далеко не стандартного кабинетного затворника Мишеля — порочный красавец Давид. Сын одного из партнеров его беспутной мамаши и, кажется, ее любовник. Так сказать, со-брат. Или вице-отец? Неудавшаяся поп-

звезда, настоящий сексуальный маньяк. Один хранит девственность, другой имеет все, что движется. Один весь в интеллектуальном поиске. Другой ищет славы и денег, чтобы купить ту же славу и все прочие удовольствия...

И женщины в этом поколении — несчастны и одиноки, забытые и брошенные, востребованные только для одного: раздвинуть ноги.

Они свободны и безнадежны. Валерий Липневич вполне убедительно рассуждает об антитезе секс — любовь в романе. «Порнографический пласт романа» — это данность. Любовь — это лишь задача, которую современный человек не может решить. «Секс — такой же товар, как и все остальное. Платишь — получаешь. Единое природное чувство цивилизация сумела расщепить на телесную и духовную составляющие. При этом с сожалением отбросила последнюю — как нерыночную. Свобода быть товаром, дарованная обществом потребления, отменяет все, что товаром быть не может. И прежде всего любовь, которая не может быть свободной по определению... роман Уэльбека прежде всего — о невозможности любви в современном мире... Читатель постепенно ощущает весь ужас тупика, в котором оказался Брюно, ставший заложником своей сексуальности. Обилие секса не приносит ему счастья. А надежда на любовь, которая мелькает перед окончательным крахом героя, исчезает так же быстро, как и появилась. Брюно не способен к любви — к тому, чтобы как-то тратить себя на другого». Мишель «тоже оказался обделенным. Даже любовь прекрасной девушки не могла открыть ему мир этих волнующих и изматывающих Брюно чувств. Только ее смерть спустя годы дала Мишелю некоторое представление о любви». Я думаю, правда, что приговор Липневича слишком суров. Все-таки в романе есть непланируемый автором исход в душевную близость, в единение двух одиноких душ. Это трогательные, щемящие страницы краткой радости, отравленной прошлым опытом и предзнанием будущего.

Но правда и то, что Уэльбек не вполне доверяет этому исходу, ведь впереди всех все равно ждет смерть.

Все они сходят в небытие. Их точат болезни. С. Левин подметил, что автор методично, можно сказать, садистски уничтожает персонажей женского пола, используя во всех случаях неизлечимые, фатальные болезни. Возлюбленная Брюно становится жертвой некроза копчикового отдела позвоночника, у подруги Мишеля — рак. «Возможно, все это немного в пику феминисткам», — рассуждает критик. Возможно. Но и мужчины кончают не менее печально. Если даже оставить в стороне Давида, картина мрачная. Брюно — в сумасшедшем доме; Мишель уходит в воды Атлантического океана — в Ирландии, на мысе Оргус Пойнт — «в крайней точке западного мира», отмечает автор. География здесь тождественна с хронологией.

Портрет своего поколения, который дал Уэльбек, суров и нелицеприятен. Хотя иногда, возможно, писатель как бы слишком снисходителен. Или это не недостаток? Разве к себе снисходителен писатель?

Все-таки из гораздо большей глубины идет у Уэльбека другое настроение: щемящая жалость. Бесконечное, буддийское сострадание к заброшенным в бездну бытия одиночкам, обреченным неудачно, несчастливо жить и бездарно умирать навсегда, без воскресения. Эта потаенная волна отчасти сбивается и гасится упорным рассудочным стремлением к объективизму, бальзаковским

настроением познать социум, произвести экспертизу социальных отношений. Но она тоже есть.

Есть в этом и нота исповедальности, есть пауза вместо молитвы о себе самом, есть остановка тоскующего сердца, не умеющего, не ждущего, не верящего. Но все-таки кому-то адресующего свое послание. Надежда и здесь умирает последней. Надежда быть кем-то услышанным.

Беда, однако, в том, что Уэльбек не верит. Мир без Бога для него не допущение, а данность. Нищая душа Брюно ищет вечности вслепую и находит ее только в моменты оргазма. Голова Мишеля забита скептическими выжимками агностицизма. Дидро, Гольбах и все такое. Острый галльский ум, оказавшийся на великой мели. Может быть, верит Давид. Но его божество — Сатана...

На этом основании Левин даже находит роман «обезоруживающе циничным». Он полагает, что «вся основная идеологическая риторика романа, хотя и травестийно, но воспроизводит риторику постструктуралистских авторов, направленную против «фаллоцентризма» и «иудео-христианской традиции», а также против всех религий «откровения» вообще, включая сюда не только иудаизм и христианство, но и ислам. Лишь буддизму остается некоторая толика уважения...»

Идеологическая риторика — может быть. Но роман Уэльбека в принципе не риторичен, чем и интересен. И Левин не случайно начинает поправлять сам себя, стоит ему только коснуться художественной ткани. Ну а то, что Уэльбек — еще и задорный идеолог, показали годы после появления романа. За это время он успел объявить, что испытывает отвращение к монотеизму. Не факт, правда, что это произошло без влияния того обстоятельства, что мать Уэльбека приняла ислам. «Когда я посетил Синай, где Моисей получил от Бога 10 заповедей, я испытал своего рода откровение. Оно состояло в полном отторжении монотеистических религий, самая тупая из которых — ислам», — приводит «Le Monde» цитату из его интервью. «Я сказал себе, что верить в единого Бога — это кретинизм, другого слова я подобрать не мог», — добавляет Уэльбек. В его новом романе «Платформа», канвой сюжета которого является сексуальный туризм в Таиланде, много страниц посвящены критике «бессмысленного ислама». В «Платформе» герой Уэльбека с удивлением ловит себя на желании мести и смерти мусульманам.

Социальные последствия таких жестов предсказуемы. Из прессы мы извлекаем отрывочную информацию. Имам центральной мечети Парижа Далиль Абу Бакр заявляет, что писатель должен предстать перед судом. Имам выдвинул два обвинения в адрес автора «Платформы»: в том, что он, выражая свою ненависть к исламу и Корану, оскорбляет многомиллионное мусульманское население, и в том, что он призывает врагов арабов совершать преступления против мусульманского палестинского народа. Абу Бакр подчеркнул, что во Франции проживают более шести миллионов мусульман. Марокканская «Liberacion» публикует его фото на первой полосе и подписывает его: «Этот человек вас ненавидит».

Комментарии к этим эскападам увели бы нас слишком далеко. Может быть, правы те, кто говорит о том, что Уэльбек знает об эффекте скандала для современной писательской репутации. Но очевидно, что он в принципе искре-

нен — сын «пострелигиозной, постхристианской эпохи» (о ней ныне говорят едва ли меньше, чем в XVIII или в XIX веке о смерти Бога).

Проблема в том, что по-разному одна и та же личная правда выбалтывается в непритязательном интервью и выговаривается в исповедальной прозе. Взгляд писателя прикован к предельным фактам бытия. «Углубляйтесь в темы, о которых люди не хотят слышать. Показывайте изнанку жизни. Напирайте на болезнь, агонию, уродство. Настойчиво говорите о смерти, о забвении. О ревности, равнодушии, фрустрации, отсутствии любви. Будьте отвратительны, и вы будете правдивы», — так говорит Уэльбек. Николай Александров точно замечает, что в мире Уэльбека прогресс, демократия и сексуальная революция опустошили человека и единственная реальность, которая остается, — смерть, мучительный страх смерти и не менее мучительные попытки ее забвения.

С предельной остротой невыносимость и безнадежность бытия как фактическая данность личного опыта запечатлены в эссе-манифесте, эссе-трактате Уэльбека «Оставаться живым. Руководство для начинающих». Страдание, по Уэльбеку, является способом жизни художника, стоически опирающегося на этот, единственно несомненный факт. Это звучит так же сильно, как «Миф о Сизифе».

«...Вам не грозит счесть страдание целью, к которой надо стремиться. Страдание есть, следовательно, быть целью не может... Нанося нам рану за раной, жизнь чередует коварство с открытой жестокостью... Прочувствовать до конца всю беспредельность отсутствия любви. Культивировать ненависть к самому себе. Ненависть к себе, презрение к другим. Ненависть к другим, презрение к себе. Все перемешать. Обобщить. В любых ситуациях заранее считать себя проигравшим. Мир как дискотека. Накапливать разочарования, чем больше, тем лучше. Научиться быть поэтом значит разучиться жить... Жизнь — серия испытаний на прочность. Выдержать первые, срезаться на последних. Погубить свою жизнь, но не до конца. И страдать, всегда страдать. Научиться чувствовать боль всеми клетками своего тела. Каждый осколок мира должен ранить вас лично. Но вы обязаны остаться в живых — во всяком случае, на время... Если вам не удастся выразить свое страдание во вполне определенной, четко структурированной форме, вам крышка. Страдание сожрет вас живьем изнутри, раньше чем вы успеете что-либо написать. Структура — единственное спасение от самоубийства... Главное — заполучить передышку, чтобы что-то написать. Передышки будут краткими, постарайтесь ими воспользоваться... Счастья бояться не надо: его нет... Общество, в котором вы живете, имеет целью вас уничтожить. Вы готовы с ним сразиться. В качестве оружия оно использует безразличие. Вы не можете позволить себе того же. Следовательно, нападайте!.. Ваша стезя — несчастье. Ваша сторона жизни — темная... По мере приближения к истине ваше одиночество будет все более и более полным... Продолжайте. Не бойтесь. Худшее позади. Конечно, жизнь еще потерзает вас, но вас с ней уже мало что связывает. Помните: вы, в сущности, уже умерли. Теперь вы один на один с вечностью».

Вечность, упоминаемая в последней строке манифеста, это у Уэльбека нечто непостижимое и невыразимое. Он ничего не может о ней сказать. То ли там свет, то ли темень. Метафизическая форточка распахнута, но в нее ничего не видать. Туда вытягивает душу, а рассудок остается с бренным телом.

И когда помнишь об этом, иначе читаешь его прозу и стихи. Иначе относишься и к проекту Мишеля, описанному в ЭЧ.

В финале романа выясняется, что текст приписан Уэльбеком хронисту конца XXI века. Он — представитель нового человечества, которое пришло благодаря научным открытиям Мишеля и заместило современных людей. Закат современной Европы оборачивается рассветом новой. Это новое человечество, созданное по рецептуре Мишеля, не страдает. Оно бессмертно, счастливо, размножается бесполым путем и состоит исключительно из женских особей. «У всех людей будет в итоге одинаковый генетический код и одинаковый пол (женский), они превратятся в неотличимые «элементарные частицы», притом вечные, так как каждая их клетка будет бесконечно репродуцироваться по мере своего старения» (М. Золотоносов). «При этом корпускулы Краузе, отвечающие за сексуальные ощущения и у современного человека выстилающие только головку полового члена и клитор, у этого нового человека распространены по всему телу для постоянной мастурбации».

Русские критики не сходятся во мнениях, что такое описано, как способ изменить человечество и дать человеку бессмертие и счастье.

Это утопический проект мечтателя Уэльбека — или антиутопия? Возможно, и сам Уэльбек не ответит на такой вопрос.

Одна точка зрения: писатель дает прогноз, в который чуть ли не верит. «Физически несовершенное, эгоистическое, ненасытное и жестокое общество на исходе 20-ого века стоит на грани гибели и было бы лучше, если бы оно полностью исчезло. "Элементарные Частицы" — это роман-памфлет, развернутое эссе, едкая сатира и одновременно утопия» (Э. Володина). «Обозлившийся писатель-левак, раскритиковав современное общество потребления, предлагает проект идеального утопического общества, но с явно тоталитарными антидемократическими тенденциями» (С. Дубин). Уэльбек — не фантаст, а скромный популяризатор обозримых научных перспектив. «Собственно, по нашим временам, фантастики тут не так и много: все мы современники овечки Долли. А к приходу сверхчеловека готовы со времени Ницше. Наконец-то его появление поставлено на твердую материальную основу. Тем более, что сама идея бессмертия, будущего воскрешения, заложенная в коллективное бессознательное, постоянно извлекается оттуда всеми религиями» (В. Липневич). «В будущем, по Уэльбеку, человеческий род тихо угаснет, уступив место андрогинным существам, появившимся не из космоса, как в каком-нибудь голливудском суперхите, а прямиком из пробирки. Уравновешенным, спокойным и абсолютно счастливым» (С. Бенецкий). «Люди (или клоны) нового времени просто по-другому произведены на свет. Смерть, таким образом, оказывается преодолена. Уничтожен главный страх человека» (Н. Александров). И при этом без участия Бога.

В журнале «Знание — Сила» всерьез обсуждается, насколько реален проект Джерзински-Уэльбека. Григорий Зеленко утверждает, что биологическая основа этих построений достаточно уязвима («...половые клетки в процессе своего созревания как раз проходят специальный контроль на наличие мутаций. В то же время соматические клетки, то есть клетки тела, не имея такого кон-

троля, за время своей жизни накапливают мутации в наследственном веществе, и их «бесконечное репродуцирование» приведет к бесконечному росту вредных аномалий в этом веществе, а, стало быть, и к неизбежной смерти»). Он разъясняет, что и пол, и смерть — неизбежное следствие существования сложно организованных многоклеточных организмов. Не «всякий вид, имеющий пол, смертен», а всякий многоклеточный организм и смертен, и обречен размножаться половым путем. Одноклеточность хотя и дарует его обладателям формальное бессмертие, обрекает их на вечное пребывание в жесткой эволюционной клетке. А многоклеточность открывает пути эволюционного развития. Смерть — оборотная сторона сложности нашей организации.

Другая точка зрения: Мишель Уэльбек написал *антиутопию*; разработанная им «технология клонирования создает человека нового типа, бессмертного, бесполого и совершенно индифферентного. Новый прекрасный мир населяют бесчувственные, а потому незнающие различия между добром и злом, страданием и счастьем клоны, похожие друг на друга как две капли воды» (В. Кирхмайер). В. Шаров и вовсе замечает: «То будущее, которое вгоняет автора «Элементарных частиц» и весь Запад в целом в такой ужас, мы уже давно оставили позади. С начала двадцатых годов правильное, точное воспроизведение клонирование партийных кадров... было основной задачей нашего общества».

По сути, этой рецептурой Мишеля подменяется реальная проблема личного спасения. Индивидуальное взыскание упраздняется вместе с индивидуальностью. Возможно, нужно понять плоский проект Уэльбека не просто как специфический вывих ума, а как материализацию тотального отчаяния. Как говорящее страдание, лишенное реального выхода. Как плач безбожника.

Человек становится элементарным, когда лишается связи с Абсолютом. Но до конца упростить себя он не сможет даже при огромном желании. Точка разрыва будет кровоточить вечно. Человек не сможет достичь самоудовлетворенной полноты. Мастурбирующий Брюно остается несчастным. Частицей боли.

Начиная в 113-м номере эту рубрику, мы исходили из того, что в контексте нынешних нескончаемых критических споров о современной литературе нашему читателю, может быть, особенно интересно будет узнать, что думают о ее судьбах те, кто эту литературу именно и создает — сейчас, сегодня, своим собственным талантом. В прошлый раз мы предоставили слово Андрею Дмитриеву и Олегу Павлову. Сегодня перед читателем выступают известный публицист, поэт, прозаик и литературный критик Дмитрий Быков — и эстонская писательница Рээт Куду, наблюдения которой над современной эстонской литературой наводят на мысль, что есть, пожалуй, что-то удивительно сходное во многих литературных процессах, протекающих сегодня на самых разных постсоветских национальных территориях нашего недавнего общего литературного пространства...

Считаем не лишним напомнить при этом, что предлагаемые ниже тексты — тексты специфические, особые именно потому, что каждый выражает взгляд *художника* на область, где сосредоточены интересы *его собственной творческой деятельности.* Отсюда — неизбежный и часто острый, резкий субъективизм, неотделимый от творческой самобытности писателя, от его писательского «верую», — субъективизм, который редакция — в данном случае — может только приветствовать как неоспоримое свидетельство художнической искренности. В ипостаси литературного критика, ежели таковая кому-либо из нынешних или будущих гостей нашей рубрики окажется не чужда, для них, мы уверены, будет гораздо органичнее стремление к куда большей объективной взвешенности..

Дмитрий БЫКОВ

СВОЯ ПРАВДА

Главная проблема современной литературной (и не только литературной) ситуации заключается в упразднении или, по крайней мере, вырождении всех прежних оппозиций. Признавать этот факт довольно страшно — новые могут оказаться грубее и жестче, и не каждому по плечу будет выживание в мире, заданном другими координатами. Однако ничего не поделаешь — спорщики давно уравнялись в неправоте, и вместо старых дискуссий о почвенничестве и западничестве, демократизме и элитарности, либерализме и консерватизме приходится вести новые. В которых ни за кем нет пока априорной правоты.

Так что на поверхности литература по-прежнему делится на «почвенную» и «тусовочную», причем и та, и другая достаточно условны и крайне некаче-

Дмитрий БЫКОВ — родился в 1967 г. в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Служил в армии. Прозаик, поэт, литературный критик. Автор книг стихов «Призывник», «Отсрочка» и др.; романов «Оправдание» и «Орфография». Живет в Москве.

ственны, — а внутри назревает новое и более радикальное деление на литературу простую и сложную, хорошую и плохую; критерии этого нового размежевания пока не сформированы, но предсказывать их уже можно.

Дело в том, что всякая революция ведет прежде всего к катастрофическому упрощению жизни; вследствие этого упрощения первым погибает то, за что боролись. Я совершенно согласен с Львом Аннинским, еще в 1995 году провозгласившим, что и в 1917-м, и в 1985 году наружу вырвались одинаково подземные и одинаково черные по своей природе силы. И пролетарская, и либеральная революции по сути своей были проявлениями социальной энтропии: и та, и другая привели к затяжной разрухе. Первая разруха, впрочем, оказалась покороче, поскольку было зачем ее преодолевать; сегодня такой силы нет, поэтому разруха длится до сих пор. Коснулась она, само собой, не только производства, но и психики, и всех решительно навыков, какими обладали так называемые деятели культуры. Сегодняшние рассказы и фильмы, стихи и картины примерно так же соотносятся с искусством семидесятых, как Пильняк — с Андреем Белым, а Безыменский... ну, не с Блоком, конечно, но по крайней мере со Скитальцем. Люди, заставшие обе эпохи, вынужденно упрощаются и деградируют — я нежно люблю Маканина, но Маканин-2000 с Маканиным-1980 находится примерно в тех же отношениях, что и Чуковский-1930 с Чуковским-1915. Все это — лучшее доказательство того факта (для многих давно уже очевидного), что и 1917-й, и 1985 год, готовившиеся и приветствуемые огромной частью интеллигенции, были на самом деле не освобождением культуры, а освобождением ОТ культуры. Кино, литература, театр делают первые шаги и учатся заново держать ложку. Только в этих условиях можно всерьез рассматривать, допустим, прозу Андрея Геласимова, пишущего на уровне очень слабой Токаревой — но ведь поздняя Токарева иногда не дотягивает и до этого уровня. Потому что тоже прошла через девяностые годы и давно не равна себе. Только в «Своей правде» («Новый мир», № 10, 2002) чем-то таким запахло. Только в условиях Всеобщей Деградации Всего можно всерьез говорить о том, что «Кысь» Татьяны Толстой — выдающееся произведение (тогда как в действительности это — не очень удачная калька с «Улитки на склоне», в которую Толстая — остроумный публицист в жанре дамского язвительного трепа — добавила памфлетности, сильно проиграв, однако, в фабульной изобретательности). Очень может быть, что Олег Павлов — Солженицын нашего времени (во всяком случае, претензия именно такова); но Павлову до Солженицына — как Солженицыну до Льва Толстого. Вероятно, почвенник середины наступившего века будет еще хуже Павлова.

Взаимное и синхронное вырождение «архаистов» и «новаторов» идет ускоренными темпами. Главной интригой нынешнего Букера было противостояние «либеральной тусовки» в лице Сергея Гандлевского и «черноземной правды» в лице Олега Павлова. Генетическими чертами «либерального» романа являются: крайняя литературность (в положительном контексте это называется интертекстуальностью), зацикленность автора на себе, на жизни своего круга, на собственных мелкотравчатых лирических переживаниях; стилистически все это изложено очень ровно. Генетическими чертами романа «почвенного» являются: угрюмый эсхатологизм, ожидание последних дней, бурчание по по-

воду повсеместного падения нравов, ужасные картины быта, наличие полюродивого положительного героя — носителя морального, не испорченного разумом начала, — и отвращение к интеллигенции, продажной и давно ни на что не способной. Роман Гандлевского «<НРЗБ>» вовсе никаков, то есть совершенно нейтрален, — роман Павлова «Карагандинские девятины» довольно плох, и это, наверное, лучше, чем «никаковость», то есть нейтральность. Я всегда любил людей, умеющих подставляться, а Павлов подставляется по полной. Так что его победу в букеровском турнире можно было бы только приветствовать... если бы не мгновенно последовавшая реакция Павла Басинского: да, большинство болело за Гандлевского, но победили НАШИ! Победила русская реальная жизнь... Что и говорить, Басинский довольно далеко уже зашел по пути мрачного обструкционизма (причем жертвой обструкции, как все несостоявшиеся тираны, он почему-то считает в первую голову себя самого и своих единомышленников). Можно бы и порадоваться павловской победе, не ликуй так вся «почвенная» компания: наш! наш! Ваш-то он ваш, но лучше от этого не становится. Прямо хоть начинай за Гандлевского болеть... но кто за Гандлевским? и какая за ним литературная реальность? Акунин, может быть, и Ирина Прохорова? Вот тут и выбирай. Это тебе не между Распутиным и Аксеновым в 1979 году...

Досада, впрочем, в том, что литература в самом деле утратила контакт с реальностью — однако, обретая этот контакт, она действует в рамках прежних парадигм, которые сегодня уже не работают вовсе. Почему надо непременно рыдать, стенать или брюзжать, когда сталкиваешься с историей вроде той, что изложена в «Карагандинских девятинах», и все это проделывать на двухстах страницах, — тогда как можно написать отличный «скверный анекдот» страниц на двадцать и без всякого надрыва, и без этого квазиплатоновского издевательства над языком, выдаваемого «павловской клакой» за скорбное бормотание? Современный писатель, кто бы он ни был, — на мой вкус, недостаточно холоден. Происходит же это потому, что ему недостает историзма, того знания (с этим у почвенников вообще плохо) и исторического чутья (с этим еще хуже у либералов), которое только и обеспечивает всякой серьезной книге мощный второй план. Но воспринимать реальность в историческом контексте, дистанцироваться от нее, встать выше — можно только при наличии собственной исторической или социальной концепции. Этим, к сожалению, могут нынче похвастать немногие. Некоторые попытки такого плана предпринимает Владимир Шаров, чей последний роман «Воскрешение Лазаря» — особенно в первой части — обещает чрезвычайно многое, хотя и не все выполняет во второй. Но тут по крайней мере виден автор, всерьез размышляющий над учением русских космистов, над особенностями русской истории и над нашим общенациональным будущим. Без цельной концепции, без «своей правды» сегодня в литературе, по-моему, делать нечего — вот почему прирожденный, казалось бы, беллетрист Михаил Веллер одну за другой публикует интересные теоретические работы, и расходятся они лучше его же романов. Можно спорить о философии Веллера и о качестве его изложения — очевидно одно: общественный запрос на осмысление. Осмысления не видно.

Что мешает ему? Всеобщая расслабленность? Да, отчасти. Коммерциализация культуры? Безусловно: когда выживаешь изо всех сил — тебе никак не до

вечности. Но есть и еще один весьма важный аспект: трусость, отсутствие интеллектуальной честности. Чтобы прямо признать тот факт, что в Чечне нам противостоит архаическое сознание, а оно понимает только язык силы, — надо пойти против леволиберальных и политкорректных норм, посягнуть на святыни девяностых, победить в себе последствия истинно геббельсовской пропаганды горбачевских времен. Но без осмысления чеченской войны (и — шире — исламско-западного противостояния нашего времени, если уж отказывать Западу в праве называться «христианским»), нужно не просто наблюдать войну, как делают сегодня все пишущие о ней, а встать на точку зрения, которая несколько выше окопной и даже командной. Надо видеть исторический контекст и свободно чувствовать себя в метаистории, надо освободиться от гипнозов «рыночной идеологии» и по-новому, без априорной расстановки акцентов, оценить и крах советской империи, и печальный финал либеральных девяностых. Надо отчистить от патины понятия «либерализм» и «патриотизм». Иными словами, сегодняшний писатель должен стать мыслителем. Именно такую попытку предпринимает Василий Аксенов в «Кесаревом свечении» — и хотя это далеко не Аксенов «Ожога» или даже «Острова Крым», но это литература. С ней можно спорить, о ней можно говорить. Кстати, одним из главных литературных событий 2003 года наверняка станет публикация нового романа Бориса Стругацкого «Бессильные мира сего», намеченная на январь: мне уже посчастливилось прочесть эту книгу, сложную и крайне мрачную, трудную даже физически — при всей стремительности фабулы; подозреваю, что Стругацкий — единственный писатель из генерации шестидесятников, кого деградация не коснулась или коснулась в наименьшей степени. Пусть с выводами писателя (укрывающегося под псевдонимом «С. Витицкий») можно и хочется спорить — до того они беспросветны; однако автор ставит себе задачу разбудить читателя любой ценой — и достигает этого с прежним блеском.

В поэзии ситуация ничуть не лучше, только здесь деградация еще наглядней: в прозе легче пустить читателю пыль в глаза, а в стихах все-таки проще понять — умеет автор их писать или не умеет. То, что публикуют в последнее время наши былые кумиры (в особенности это касается Евг. Евтушенко), заставляет краснеть не только за них, но и за бумагу, которая все терпит; читать поэтов из круга журнала «Вавилон» (Дмитрий Кузьмин только что получил премию Андрея Белого «за вклад в литературу») невозможно с момента основания «Вавилона», причем даже те из них, у кого просматривался проблеск таланта — Т. Милова, Д. Воденников, — демонстрируют деградацию еще более быструю, чем почвенники. Да и нет сейчас никаких почвенных поэтов — у них это дело еще с тридцатых годов, с самой гибели П. Васильева, очень плохо поставлено.

Из новых оппозиций, на мой взгляд, главной является оппозиция сложности и простоты, утонченности и прагматизма. Новый век, если только нам повезет и человечество сохранится, станет бунтом против прагматизма, ограничивающего мысль и редуцирующего жизнь. По идее, он должен стать веком прекрасных и бесполезных вещей, но такие вещи, как правило, процветают только при диктатурах, болезненно разрастаясь в их теплицах. Если это состоится, у нас будет классная литература; если нет, может не быть никакой. Чтобы обеспе-

чить нормальное литературное развитие, я также полагал бы полезным если не запретить, то значительно ограничить продажу сочинений Д. Донцовой, Т. Устиновой, Т. Поляковой и других клонов И. Хмелевской. Покупатель, конечно, волен приобретать некондиционный продукт, но когда им завалены все прилавки — он попросту теряет представление о кондиционности.

Чтобы НЕ стать личностью, сегодня есть тысячи оправданий и вполне уважительных причин. От невыплачиваемых зарплат до заедающего быта, от выматывающей работы до плохого здравоохранения. Вдобавок планка обрушена, и если раньше у человека, потакающего своим слабостям, было хотя бы чувство, что он что-то делает не так, — сегодня у него есть все, чтобы чувствовать себя щедринской Торжествующей Свиньей, достойным гражданином нового общества. Тем ценнее опыт тех немногих, кто все-таки осмеливается быть. Я с удовольствием назову этих людей: в поэзии это — Михаил Щербаков (Москва), Виктория Измайлова (Чита), Кирилл Анкудинов (Майкоп), Игорь Караулов (Москва), Андрей Дмитриев (Харьков), Марат Шериф (Новосибирск); в Петербурге по-прежнему очень достойно работает Кушнер, но мэтров и без меня есть кому похвалить. Мне продолжают нравиться стихи Кублановского. К сожалению, петербургская поэзия слишком скучна и культурна, зато там работают сразу два не старых еще и весьма перспективных прозаика, чьи книги только что вышли в «Амфоре»: это Ксения Букша (ей почти 20) и Дмитрий Горчев (он старше примерно вдвое). Букша, на мой взгляд, служит недурным примером для примитивных и однообразных, хотя не лишенных наблюдательности бытописательниц вроде Ирины Денежкиной. Очень интересно мне все, что делает в критике и публицистике Дмитрий Ольшанский, и я любуюсь его способностью вызывать огонь на себя. Как ни относись к убеждениям Лимонова, следует признать, что две его последние книги написаны отлично. Я продолжаю многого ждать от Виктора Пелевина.

И последнее. У меня есть подспудное ощущение, что великая литература всегда начиналась с дневников, с интимного разговора о том, о чем вслух пока сказать нельзя. Бурный русский расцвет «Живого Журнала» (www.livejournal.com), оживленные и подчас ожесточенные дискуссии, которые кипят там и на форумах, скажем, «Русского журнала» (www.russ.ru), заставляют надеяться, что вскоре мы действительно получим незаурядную словесность. Надо только смелости набраться и сказать вслух то, что сегодня проговаривается шепотом и в тусовках. А именно — что Бог есть (и если даже нет, то правильней думать, что есть). Что человек жив надличными, внеположными ему ценностями, а не только страхами и желаниями своего брюха. Что есть вещи поважнее жизни и поинтересней настоящего времени. Вот когда обо всем этом станет можно говорить в открытую, не боясь попасть в фашисты, — у нас и будет литература.

А пока у нас есть суррогат. Пустая порода, в которой, впрочем, сейчас уже начали попадаться первые блестки.

Рээт КУДУ

ЛИТЕРАТУРА КАК ОПАСНАЯ И ГРУБАЯ ШУТКА

Сегодня у нас много радостей. Свобода России — это большая радость; свобода Эстонии — тоже. А у меня как эстонской писательницы и журналистки всегда была своя маленькая радость — думать и писать по-эстонски. Из маленьких радостей эта для писателя самая важная — писать и думать на материнском языке.

И всё-таки эти заметки я хочу написать по-русски, хотя чувствую себя при этом, как речка, которая никак не могла понять, где у нее хвост, а где голова. Наконец, она так устала, что свернулась клубком и превратилась в озеро. А у озера — ни хвоста, ни головы, кругом одна вода!

Свободная Россия, свободная Эстония — это великолепно. Но кто же есть лично я? Река, ищущая свой хвост? Или озеро, у которого нет ни хвоста, ни головы? Кто я — свободная эстонка или просто бывший советский человек со всеми бедами бывшего Советского Союза?

По бывшей территории бывшего Союза гуляют слухи куда фантастичнее, чем мои сказки. Например, в Москве одна симпатичная пожилая журналистка спрашивает, не возьмусь ли я передать письмо ее эстонским друзьям, — а то говорят, что в Эстонии тоталитарный режим и письмо из враждебной России может принести адресатам много горя. И уж если мои коллеги так говорят, действительно начнешь сомневаться: чем думают многочисленные пресс-центры бывшей нашей страны — хвостом или головой. Напуганных людей вообще найти гораздо легче, чем истинно свободных и достойных свободного государства. Люди боятся всего, всегда и почти везде. Но больше собственных бед и неприятностей они боятся того нового, что может завестись у соседа.

А что у нас нового? Много чего разного. Но есть кое-что и такого, чего и нам самим стоило бы поопасаться. Например то, что для современных писателей словно табуирована тема современной Эстонии, хотя недавнее прошлое и современность — едва ли не самые интересные этапы в нашей истории. Зато сейчас очень модна так называемая чистая литература, у героев которой как

Рээт КУДУ — родилась в Тарту, окончила факультет эстонской филологии и журналистики Тартуского Государственного университета. Автор ряда книг сказок, новелл и пьес, а также многих литературно-критических статей. Ее сказки переведены на болгарский, русский и литовский языки, новеллы — на русский, немецкий и французский. Журнальный вариант романа «Свобода и любовь. Эстонские вариации» в авторизованном переводе Бориса Туха напечатан в № 112 «Континента». Живет в Таллинне.

будто нет и не было родины. Разумеется, они где-то живут — в каком-то месте земли, но единственное, что их интересует, — личные переживания. Общественные и исторические события занимают их меньше всего.

Первым известным представителем «чистой литературы» стал Тыну Ыннепалу (Эмиль Тоде). Он начинал как поэт, но знаменит стал после того, как в 1993 году его роман «Страна-граница» был издан во Франции (на средства автора и на очень плохой бумаге). Действие этой книги разворачивается в Париже. Герой романа — гомосексуалист, ненавидящий не только женщин, но всех людей без исключения. Особенно он ненавидит собственного любовника, богатого француза, которого и убивает в конце романа.

Когда стало известно, что роман был издан во Франции, его начали охотно раскупать и в Эстонии. Сейчас эта книга переведена на восемь языков, и в Эстонии Тыну Ыннепалу может издать что угодно — любым тиражом и на самой лучшей бумаге. Меня заинтересовала причина такого успеха, тем более, что весьма уважаемый мной прозаик Яан Кросс сказал о Тыну: «Он пишет хорошо, но ни о чем. Он не пишет о главном, о важном».

Не могу согласиться с этим отзывом вполне. Все же Тыну Ыннепалу стал в Эстонии первым, кто открыто написал о гомосексуализме — о людях, которых в СССР считали преступниками и сажали в тюрьму. Тыну Ыннепалу стал также одним из тех, кто впервые сумел описать это чувство — *ненависть*. И не просто ненависть к соседу или врагу, а ненависть *ко всему*. Я перевела название романа как «Страна-граница», а можно было бы и по-другому — «Пограничная страна». Эта страна, конечно же, Эстония, о которой в романе говорится очень мало, — как и в большинстве новейших бестселлеров. А самому роману суждено было стать своего рода «гнигой-границей»: сразу после Ыннепалу некоторые наши литераторы исключительно ряди популярности стали открыто превозносить ненависть.

Многие известные писатели бывшей Советской Эстонии стали сейчас журналистами. Когда-то Мати Унт, Михкель Мутть, Вийви Луйк были м о и м и писателями — смелые, современные, остроумные. Сейчас Михкель Мутть стал главным редактором газеты «Sirp» и несколько лет писал только статьи (впрочем, один роман в 2001 году он все же издал), молчит Мати Унт, а Вийви Луйк с мужем-послом и вовсе живет в Италии. А ведь все трое писали не просто хорошо — они писали о том, что волновало нас всех. Этим мастерам психологического романа был абсолютно чужд социалистический реализм, где идеология была важнее литературы. В советское время все трое были полудиссидентами. В первом романе поэтессы Вийви Луйк «Седьмая мирная весна», уникальном романе о послевоенных сталинских годах,, мир был увиден глазами маленькой девочки. Где эта девочка сегодня? А вышедший в 1991 ее роман «Красота истории», посвященный чехословацким событиям 1968 года! Что же случилось теперь? Почему же писательница Вийви Луйк не хочет или не может так же остро написать о новом времени? Почему Михкель Мутть за последние выпустил только один роман? Почему молчит Мати Унт? Казалось бы: нет цензуры, пиши, о чем хочешь, — а они молчат! Почему? Осуществилась мечта всех троих: Эстония — свободна. Эти трое больше не полудиссидентские писатели, они друзья нашего первого президента Леннарта Мери. Многие клас-

сики были великими критиками общества. Но кого критиковать, если у власти — друзья? Это Гете хорошо писал, даже когда был советником при дворе. Однако, видно, не все писатели так могут...

Самые популярные писатели сегодняшней Эстонии таковы, что, честно говоря, мне иногда стыдно, что я эстонская писательница. Сейчас «самый-самый» у нас уже не Тыну Ыннепалу, а разбогатевший Каур Кендер. Свой первый роман он тоже издал за свой счет за рубежом. Название этого романа напоминает заголовок политучебника — «День независимости», но о политике там ни слова. Кендер — это своего рода эстонский Эдуард Лимонов. В своих последних романах он пишет об Америке — и ни строчки об Эстонии. Но дело даже не в этом. Лимонов в своем первом романе «Это я — Эдичка» описывает чувства покинутого мужчины. Несмотря на то, что роман вызывает некоторое ощущение брезгливости, все же нельзя не признать, что он очень эмоционален, в нем есть настоящая боль и мука. А в первом же романе Каура Кендера (переизданном уже трижды) нет ни любви, ни боли, здесь описаны только люди, которые хотят стать богатыми. Герой Кендера всячески унижает женщину, с которой живет, — бьет ее, отбирает деньги и машину, а под конец еще и насилует вместе со своим другом.

Меня тревожит не столько сам «День независимости», сколько популярность книг Каура Кендера в Эстонии. Причем популярность не только у обывателя, но и у критиков. Кендера хвалит даже сам Мати Унт (нельзя же завидовать успеху нового богатого писателя! Или можно?), уверяя, что уровень Кендера достаточно высок и писатель сознательно пишет вульгарным языком. Я могу согласиться только с одним: большая часть новой популярной эстонской прозы достаточно вульгарна.

А что делают наши писательницы, в то время как в популярной «мужской» прозе эстонскую женщину бьют, насилуют и обирают? К сожалению, лучшие из эстонских писательниц сейчас молчат или пишут очень редко. Великолепный стилист Аста Пылдмяэ руководит отделом прозы нашего старейшего и очень престижного журнала «Looming»(«Творество»), но сама пишет мало (она уверяет, кстати, что главному редактору журнала хорошая женская проза не интересна; Удо Уйбо предпочитает печатать «мужские» новеллы Пеэтера Саутера). Такие интересные писательницы, как Майму Берт или Кярт Хеллерма слишком «старомодны» и не могут составить конкуренцию «мужской» литературе с ее грязной бранью и насилием. И самое важное, на мой взгляд, что все женщины-писательницы боятся обвинения в феминизме. А может, и не боятся — просто не умеют писать о том, что действительно волнует и всех женщин, и общество в целом. Так что и среди женщин наблюдается тяга к «чистой» литературе, ведь такая литература оторвана от эстонской почвы и не опасна для автора. Увы, современная свободная Эстонская Республика наших писателей либо не интересует совсем, либо интересует, но очень мало. Наши классики и некогда популярные писатели либо вообще молчат, либо пишут о прошлом. Новые писатели лишь бранятся, как на рынке, или прячутся за свои фантазии, занимаясь «чистой» литературой. Но от чего она «чистая» — от жизни, от значимости?

Как-то получается, что почти вся эстонская проза — о том, как «не надо». А как «надо»? Во все времена читатели любят классиков именно за то, что те

хотели понять, «как надо». Но в нашей литературе, к сожалению, нет таких «идиотов», как князь Мышкин, — в ней все очень «умные». И самый главный признак «ума» — ненависть и презрение к другим людям. Новых идолов нет, героев тоже нет, есть только антигерои...

Нет, хорошего все-таки тоже хватает. Издается — пусть и за счет авторов — много эстонских книг. Особенно популярны у нас юмористические книги и пьесы Андруса Кивиряхка. Новый остроумный драматург Ян Тятте популярен уже не только у нас, но и в Германии, и в Латвии. К тому же есть еще детская и юношеская литература, где открытая брань пока что не стала нормой.

Давно уже прошел самый черной год эстонской литературы, когда не было издано ни одной детской книги (именно оригинальной книги от живого автора) и когда наши писатели уже мрачно шутили, что лучше быть покойником — или, еще лучше, западным писателем. И не просто западным, а эмигрантом из Эстонии. Не зря тартуская газета «Ростимээс» опубликовала следующий «прейскурант»: дороже всего ценятся эстонские эмигранты, сортом пониже — просто западные люди, третий сорт — эстонцы в Эстонии, четвертый — русские в Эстонии. И самый последний, самый дешевый — эстонцы, живущие в России. Такой вот прейскурант, и эти ценники очень легко приклеиваются к писателям. Как-то увидев на книжной ярмарке в Москве изданные на прекрасной бумаге «Произведения пациентов психиатрических клиник» (М., «Милосердие», 1992), я обнаружила, что существует еще одна возможность добиться успеха: не хочешь сразу умереть или эмигрировать, — постарайся хотя бы попасть в сумасшедшие! Да — время такое... (Кстати, обложку «психиатрических произведений» почему-то украшает репродукция картины эстонского художника Юри Аррака. Вообще-то довольно странная реклама для эстонской живописи.)

Общие поветрия сказываются и в детской литературе. В 2000 году главный приз среди романов для подростков получила двадцатидевятилетняя Айди Валлик. Ее роман «Как живешь, Анн?» — о том, как отличница, девочка из благополучной семьи нашла дневник собственной матери — настоящее собрание всяких мерзостей. Девочка сбежала из дому, после чего жизнь ее стала не лучше материнской. Правда, как и положено в молодежном романе, последние страницы украшены моралью о том, что пьянствовать не хорошо. Но эти страницы малоубедительны и не могут тягаться с дневником, написанным в стиле Каура Кендера.

Не так давно в Лондоне вышла для детей «Книга бессмыслиц». Такое название дети могли бы дать всей нашей сегодняшней жизни. В самом деле, родители получили великолепное образование — но вдруг выяснилось, что никакое это не образование. Они жили честной и благородной жизнью — но оказалось, что жизнь эта не честна и не благородна. Ощущение такое, словно сидишь в зрительном зале, а тебе в середине сеанса вдруг начинают показывать совершенно не тот фильм, на который ты пришел, — фильм ужасов. И эти ужасы уже не кончаются. И эти ужасы мы начинаем внушать своим детям, хотя, казалось бы, именно детям предстоит осваивать светлую сторону нынешних перемен. Лучше бы детские писатели хоть чуть-чуть помогли в этом своим юным читателям, а не солидаризировались бы со всеми остальными взрослыми — такими же унылыми и безнадежными.

Меня, например, родители всегда упрекали в том, что вместо того чтобы делать уроки я слишком много читаю. Но теперь выяснилось, что мое поколение выучило очень много ерунды, а самое лучшее образование, то что осталось с нами, — это именно литература. И поэтому мне очень жалко ребят, которые привыкают читать только тексты комиксов. Книга — лучший друг и защита ребенка. Но сегодня подобные вещи и высказывать-то смешно. Одна дама рассказывала мне, что в детстве ненавидела занятия музыкой и однажды глубоко разрезала себе пальцы ножом — чтобы больше никогда не играть. Так же как эту даму музыке, нас когда-то учили литературе: после школьных уроков глаза резать, конечно, не хотелось, а вот засунуть все эти книги куда-нибудь подальше.

Кстати, наш бывший министр образования и культуры поэт Пауль-Ээрик Руммо, видимо, согласен со мной. Только он считает, что бороться за внимание школьника нужно любой ценой, даже превращая литературу в шутку. В 2002 году вышел новый учебник для гимназий «Эстонская литература», написали его три молодых филологини: Пилла Рийсмаа двадцати трех лет, Астрид Ряпсеп — двадцати четырех и двадцатипятилетняя Тийна Нунапуу. В этом учебнике нет ни мэтра эстонской литературы Оскара Лутса, ни нашего живого классика, поэта и эссеиста Яна Карлинского, в 90-е годы получившего больше всего международных призов и много писавшего о правах русских и представителей других национальностей. Да и вообще учебник больше всего напоминает сборник анекдотов, если не сплетен.

Но вернусь к собственно детской литературе. Этим летом у меня была огромная радость: вышла моя первая книга на русском языке. Не на такой хорошей бумаге, как вышеупомянутые (и довольно кошмарные!) «Произведения пациентов...», но зато с прекрасными иллюстрациями. Вообще должна заметить, что великолепные художники делают сегодня фантастические усилия, чтобы современная детская книга имела бы хоть какой-нибудь внешний вид. Но куда нашим изданиям до тех же комиксов или произведений безумцев! И поэтому мне так нравится маленькая книжка Дагмара Нормета, изданная, как рождественская сказка. Эта книжка поможет детям перейти реку, полную всяких ужасов, и мостом для них станет радуга радостей и надежд. По-моему, именно такую радугу должен дарить сегодня детский писатель, чтобы юные читатели не утонули в реке сегодняшней жизни, где так много жестокости и цинизма. Просто это мы, взрослые, преувеличиваем ужасы современности, слишком быстро забыв, что были и войны, и сталинский террор и что время великих поворотов — всегда неблагополучное время. И если нам хочется быть слепыми жертвами — и только, тогда будет страдать и следующее поколение.

Конечно, жизнь стала другой. Русскоязычные (именно «русскоязычные», а не «русские») оказались вдруг национальным меньшинством в Прибалтике. Есть такая загадка: что такое большое-большое, которое жалуется, что оно маленькое-маленькое? Ведь страдающий член национального меньшинства может сразу стать счастливым членом национального большинства — стоит только проехать какие-нибудь двести километров, которые отделяют столицу Эстонии от российской границы. Такая маленькая Эстония — вместе со всеми своими эстонцами, со всем своим национальным большинством... Очень быстро и легко проехать ее насквозь. Но не быстро и не легко из нее уезжают. И я

считаю: это самый лучший комплимент Эстонии — то, что даже «русские патриоты» не желают из нее уезжать. И тем не менее большинство русских и эстонцев предпочитают страдать, обвинять друг друга в неправильном мышлении, хотя о том, как мыслит другой, и эстонцы и русские знают все больше по слухам. А слухи часто бывают фантастическими — преувеличенными, а то и страшноватыми. Но факт остается фактом: русские, как правило, эстонских газет не читают, а эстонцы охотнее общаются с русскими из России, чем с местными. Так что мысли одного о мыслях другого — как правило, не более чем сказка.

Вот и закончить я хочу еще одной сказкой. Это сказка о том, как в наши сложные времена скрипка без конца нервничала и постоянно забывала где-нибудь свой смычок. И однажды смычок пропал окончательно, а скрипку постигла безработица. Тогда барабан предложил скрипке поработать у него в качестве барабанной палочки. Скрипка согласилась, но стучала по барабану так уныло, что хозяин рассчитал скрипку: вместо зарплаты он подарил ей новый смычок — простой ивовый прут, какая разница! Но хитрый прут недаром был ивой, он сразу же запрыгнул в скрипку и начал там расти и процветать. Ведь скрипка — очень возвышенная почва и хорошо подходит для процветания...

Конечно, легче и веселее всего в наше время живется тем, кто умеет запрыгнуть куда угодно и тут же начать там процветать. Для таких людей родиной становится та страна, где проще и уютнее жить, а культурой — то, что можно продать и перепродать.

Сегодня самые большие обиды среди русскоязычного населения Эстонии возникают именно потому, что многим не хочется учить новый государственный язык: всю жизнь прожили без этого ненужного языка, и вдруг — на тебе, учи! Всем гражданам довоенной Эстонии известно, что когда-то обслуживающий персонал должен был знать три языка — эстонский, русский и немецкий. Продавец должен был знать — а не клиент...

А эстонцам тоже обидно: ведь отказываясь от языка, люди отказываются от той земли, на которой живут и которую считают своею, раз не хотят из нее уезжать, — отказываются от ее культуры и особенно от литературы. А литература у нас есть, и я надеюсь, что со временем эта литература будет становиться все более интересной.

Евгений ЕРМОЛИН

ПИСЬМО ОТ ВОВОЧКИ

Около года назад против маргинального сочинителя Владимира Сорокина было возбуждено уголовное дело по статье 242 УК РФ — по факту распространения порноматериалов. Некая экспертиза обнаружила в его книге «Голубое сало» отрывки порнографического содержания. Иск, как известно, был подан по инициативе молодежного движения «Идущие вместе».

История наделала много шума. (Как всегда: чем меньше смысла, тем больше шума.) Сорокин, влачивший призрачное существование на тусовочной обочине литературного процесса, проснулся знаменитым. «Пожар способствовал ей много к украшенью». Из героя тусовки наш сочинитель, получивший бесплатную рекламу, стал героем толпы. Правда, в какой-то момент он слегка, кажется, заволновался и голос его предательски дрогнул, выдавая тревожные опасения автора, привыкшего к комфорту и удобствам. Однако очень скоро Сорокин оправился и перешел от защиты к нападению. Его издательство «Ad Marginem» даже попыталось прижать недругов в юридическом порядке. Сбылся прогноз тех, кто предвидел (иногда с нескрываемым злорадством, а иногда и с тихим унынием) рост известности Сорокина и тиражей его книг. Наш герой разом приобрел скандальную славу как бы против воли, не прибегая по своей инициативе ни к одному из тех внелитературных средств, коими звезды масскульта обычно куют себе имя. На какое-то время он стал известен не меньше Задорнова и Жванецкого.

Судебные тяжбы длились несколько месяцев, ни к чему существенному не привели, но на публику впечатление произвели. Публика заволновалась. Так, три русских литературных критика, проживающих ныне за океаном, недавно призвали своих коллег открыто выступить с коллективным заявлением: поддержать гонимого *литератора*, осудить атаки на него, травлю мастера.

Рефлекс солидарности, однако, не сработал. И, кажется, прежде всего потому, что слишком у многих существуют сомнения именно относительно *литературного* статуса Сорокина. С Сорокиным не все ясно.

Мир наш, как известно, разнообразен и непрост, культура — или то, что называют этим именем, — цветет самыми разными цветами. Так по какому же, собственно, департаменту культуры проходит наш странный герой?

Этот вопрос трудно себе не задать, замечая некоторые явные нестыковки, шум в сети.

Те, кто Сорокина знают близко, обращают внимание на то, что эпатажный сочинитель, заполняющий свои творения описаниями насилия, разврата, пыток, дефекаций и прочих анально-генитальных актов, сексуальных оргий, телесного и словесного блуда и всякого рода перверсий, в жизни — добропорядочный московский обыватель. Есть такое популярное народное недоумение: хороший, вроде бы, человек, на ковер не сморкается, матом не ругается, вслух

не пукает, — а пишет мерзости. Как это так? Откуда столь явный разрыв неромантического характера?

Другая странность: от иска Сорокин как будто совсем не пострадал. Скорей наоборот. То обвинение, которое легло бы, кажется, несмываемым пятном позора на репутацию всякого приличного человека, произвело страшно маленький эффект. Факт наличия или отсутствия в сорокинском тексте порнографии даже не обсуждают, как будто заранее согласившись — одни с тем, что она есть, другие с тем, что ее нет и не бывает в литературе вообще. А репутация... Она вместила в себя без всякого ущерба весь этот бред.

На Сорокина смотрят даже с поощряющим ожиданием теперь, когда слава побежала впереди него, так что любое упоминание о нем вызывает в кругах, далеких от современной окололитературной суеты, живую реакцию узнавания. Узнаванию обычно бывает придан благодушно-комический тон: *как же-как же, бородатый юноша, сочинитель всяких штук и, вероятно, сам — большой проказник*. (Заметьте: я эту реакцию только добросовестно фиксирую. Но за точность в передаче — отвечаю.)

Этот *комизм* — он ведь на сей раз не от душевной черствости. В реакции подобного рода что-то угадано. Каким бы наивно-жестоким ни выглядело юмористическое выражение сорокинской славы, в нем есть, мне кажется, грубая сермяжная правда, есть разгадка сорокинской тайны, рассекречивание его статуса балаганно-ярмарочной достопримечательности. Сорокина — как феномен — ждали. И он, наконец, дал о себе весть.

А литература? Литература в случае с Сорокиным все-таки не особенно при чем. Сорокин — производитель текстов, имеющих только самые *внешние* приметы литературного произведения. Они в весьма незначительной степени выдерживают испытание теми критериями, которые обычно применяются к литературе. Их возможные достоинства — совсем в другом месте.

Сознаю, что сказанное требует дополнительных комментариев. Слишком уж часто апологеты объявляли Сорокина новатором и революционером в литературе.

Революционер — это может быть. Но революция революции рознь. Бывают такие революции, которые сродни пародии и карикатуре.

Мне кажется, мы пропустили тот решительный момент, когда произошла утрата литературной преемственности, и у нас появились самые разные словесные явления, которые лишь по инерции все еще называются литературой.

1. Искусство при свете вечности

Начнем, пожалуй, с азбучных истин. В ситуации тотальной варваризации, когда некоторые из них оказались прочно забыты, это едва ли будет лишним.

Что такое искусство, литература в частности? Чем она является по своей сути?

Литература — это ведь не просто слова. Это — что бы ни говорили иные продвинутые наши современники — всегда попытка свидетельства об истине. И только тогда это — литература, область человеческой культуры. Во все времена художник традиционно исходил из убеждения, что есть бытийная подлинность и есть истина как цель творческих устремлений. В этом смысле в искусстве всегда является Бог. Искусство — орудие познания Бога, средство выяв-

ления Бога, Логоса, в триединстве истины, добра и красоты. Художник актуализирует вечное, соотносит с ним момент истории, и потому и главный критерий качества искусства — это именно глубина постижения двух этих предметных сфер. Средства постижения, условности и приемы — это уже дело второе. Реализм в высшем смысле заключается не в банальном подражании житейской эмпирике: реализм и проблема наружного сходства художественного образа и того или иного объекта реальности — это вещи разные. Реализм есть выражение сущности бытия, а прорыв к сущности далеко не всегда приводит к жизнеподобной форме. Важно то, что любая форма оказывается формой искусства лишь тогда, когда несет в себе стремление познать Бога и человека. Это такая грандиозная задача, которую невозможно решить до конца. Даже и начать-то ее решать — огромный риск, дерзость и искус. Нужно, пора уже заново прочувствовать вечную актуальность, вечную свежесть этого познавательного усилия. Неисчерпаема глубина божественной жизни. Неповторим, уникален человеческий опыт «с точки зрения вечности». Здесь каждый шаг познания — потрясающе интересная авантюра. Каждый шаг мистичен и просто фантастичен. Интереснее и важнее в искусстве вообще ничего нет и не будет, потому что если истина есть в мире, то никуда от нее не деться. Она настигает на каждом шагу сплошь и рядом. От нее не скрыться. Истина актуальна. Она уникальным образом является в каждый момент каждому человеку, хотя увидеть ее и опознать дано не всякому. Но художника без этого не существует, потому что это его дело — заново открывать истину здесь и теперь. Раскрывать осмысленность бытия, обозначать горизонт, на котором относительное переходит в абсолютное, временное — в вечное и человек раскрывается в его отношении к Богу и к миру. Вечное является в искусстве ежемоментно актуальным. И все это означает, что писатель, создающий словесный образ истины, сам ею и является. Художник в такой же мере здесь и сейчас творит истину, в какой истина творит его.

Но если писатель и думать об истине забыл, если он даже сам на это не претендует, то какое мы имеем право прописывать его в чужом для него доме?

Поэтому давайте все-таки прежде всего и посмотрим, как Сорокин в его сочинительских занятиях соотносится с архетипической логикой искусства. Где протекают его боренья? Какие открытия он сделал?

Есть разные уровни и разные слои, где всякий раз по-своему разворачивается мистерия творчества. Вот и возьмем несколько таких слоев.

2. Изобретение зубочистки

Наиболее популярна среди авторов, которые поощрительно писали о Сорокине, та точка зрения, что его сочинения — это, так сказать, *искусство для искусства*. Сорокин пишет не о жизни, он просто играет словами, причем играет виртуозно, как не умеет играть никто.

Самодовлеющая технология, самоценное мастерство. Я не горячий поклонник, но не хочу и отвергать возможность такого искусства. Потому как об истине в принципе может свидетельствовать и открытая художником *красота внешней формы*. В этом смысле есть мистика Кандинского и Клее. Об истине — более косвенно — может свидетельствовать *разрушение прекрасной внешней формы* у

кубиста Пикассо — жестокий опыт парабытия (вспомним взаимодополнительные рассуждения на сей счет Бердяева и Булгакова). Есть, наконец, диалектическая мистика Малевича. Есть таинство «Черного квадрата».

А что есть у Сорокина?

Он, говорят, создает эстетскую прозу, призванную демонстрировать возможности русской речи, манипулирует блестяще освоенными стилями, «чужими словами», создавая в итоге «нефункциональное» письмо, просто говорение. За это его и нужно ценить. Примерно так писали о нем Вайль и Генис, Рыклин, Курицын и Новиков.

Думаю, они мало в Сорокине поняли. Хотя, возможно, им удалось в чем-то убедить даже самого нашего героя.

Одни предлагали Сорокиным просто наслаждаться. Курицын — тот даже уверял: «Сорокина можно читать, абсолютно не понимая значения слов»... Другие видели тут более тонкий ресурс. Петр Вайль писал о «Падёже», фантастическом гротеске, тематически связанном с жизнью советской деревни: «читательское сердце останавливается от жалости и боли перед этими строками, сконструированными холодным расчетом мастера-виртуоза». О расчете тут сказано верно. О читательском сердце — пожалуй, неполно. Персонажей этой страшилки действительно жаль, и в душе действительно свербит, но тлеет там и возмущение манипулятором-автором, который с азартом безумца-маньяка теребит струны и нажимает на педали. Но к тому, отмечал Вайль, и ведет Сорокин. Невинно-старомодного, обжившегося в мире литературного жизнеподобия читателя он, что называется, дефлорирует, вскрывая условность любого текста.

Вопрос о том, можно ли получить от текстов Сорокина чистое наслаждение, оставляю пока открытым. Не касаюсь и того, сколько может стоить «просто говорение» и что дает читателю чтение на уровне простого физического действия. Но все-таки о возможном содержании предполагаемого наслаждения я еще скажу.

А вот идея Вайля о Сорокине-педагоге, объясняющем аудитории азы художественной условности, заслуживает нескольких слов. Тут есть безжалостная проговорка. Ведь художественная условность известна нам как данность и без Сорокина. Наивных простаков, готовых отождествить искусство с жизнью, слишком мало, чтобы принимать их в расчет. Наш сочинитель оказывается в этой системе координат только популяризатором банальностей.

Но у Вайля и других подобного рода теоретиков сквозит и мысль о том, что условность есть в принципе антипод достоверности. Выходит так, что искусство вообще не имеет отношения к жизни. Оно — само по себе: игра воображения, тотальная мнимость.

На мой вкус, такая логика примитивно-топорна. Она, эта идея, кажется мне мертворожденным продуктом критической озабоченности сугубой злобой текущего дня, суетливой заботой о конъюнктурных выгодах. Тоже мне, изобретение велосипеда. Секрет искусства в том и состоит, что оно может условно говорить о безусловном. Конечно, искусство есть плод воображения, зачастую и неправдоподобный — с точки зрения житейского обихода. Но помимо этого в нем есть высшая достоверность. Искусство открывает и транслирует истину, иногда даже неизмеримо более глубокую, чем то, что может предоставить нам наш по-

вседневный опыт. Это путь к истине «в обход» — но иногда обходный маневр оказывается прямее и ведет к цели даже короче, чем движение напролом.

Где, в каком месте выдумка становится правдой? Чем обеспечена такая уникальная возможность? Очевидно, тем, что и жизнь, и литература восходят к общему, универсальному истоку бытия, растут из одного корня. Существование этой единой точки схода, нефиктивность бытийной истины позволяет придуманной в искусстве реальности стать столь же реальной, как сама действительность.

Мнимостность возникает там, где сочинитель отказывается быть свидетелем истины, где он занимается другими делами, лишь внешне напоминающими литературное творчество. Пожалуй что, именно это и происходит у Сорокина. Он берет и изображает мир на уровне клише, штампа. Его образы не имеют никакой глубины. Это только знаки, собранные отовсюду, на что-то похожие, но лишенные непосредственной связи с реальностью.

Текст конструируется как игра с этими штампами. Предмет манипуляции — не жизнь, а некие обессмысленные субстраты, фактоиды, симулякры. Причем никакой сверхъестественной изобретательности, которая заставила бы восхититься мастерством художника-манипулятора, я у Сорокина не нахожу.

...Я преодолел свое упрямое нежелание материально поддерживать издателя и автора, пошел в книжный магазин, что в начале Остоженки, напротив храма Христа Спасителя, и купил книжки Сорокина. Я честно забыл о своей предубежденности и сел читать неторопливо, в надежде найти эффекты и освежить старые впечатления. И что же? Приученный к похвалам экспертов, чьи мнения хотелось бы уважать, в адрес сорокинской техники, я с нарастающим удивлением обнаруживал, что Сорокин многого как раз не умеет. Незашоренный взгляд легко обнаружит явные дефекты формы.

Так, ему дается далеко не всякий стиль. Филологически настроенное ухо, конечно, узнает у Сорокина и Достоевского, и Чехова. Но в принципе письменные, литературные стили, стили известных исторических лиц (художников или политиков) он имитирует очень внешне, грубо и плоско. Как-то даже небрежно, — но в чем смысл такой небрежности?

И ясно, почему это так. Стиль крупного, самобытного художника не существует как самодостаточная данность. Он не изобретается сам по себе, а есть только «материальное» запечатление своеобразного духовного опыта, опыта общения с абсолютными началами. Не имея такого опыта, можно навострить инструменты, обеспечивающие только внешнее сходство. Но как не повторить личность в ее диалоге с Богом, так не повторить и стиль. А зачем тогда стараться? Ладно — честные эпигоны, которые невольно подпадают под власть и обаяние чьей-то манеры. Но имитация ради имитации... Чем-то сомнительным в духовном и в культурно-историческом плане веет от таких стараний.

Лучше всего Сорокину дается самое банальное — анонимный стиль соцреалистической прозы. Тут он весьма и весьма мастеровит, ничуть не хуже былых гертрудов. Но это едва ли можно считать крупным достижением.

С головой выдают Сорокина стихи, которые он вставляет в свои прозаические повествования (скажем, в «Норму»). Соединить умелую версификацию с живописным обезьянничаньем ему удается далеко. далеко не оптимально. Стихи, как правило, просто слабые, неталантливые.

Основной сорокинский прием — метаморфоза, точнее — *мутация*. Так, на уровне стиля автор вдруг начинает внедрять в словесную ткань, знакомую по тому или иному направлению русской, преимущественно реалистической литературы, «чужие» слова и выражения. Постепенно их становится все больше, и стиль сначала плывет куда-то, а потом деформируется, разлагается и заменяется на откровенную ахинею грубо-брутального свойства (с неизбежными элементами лексического хулиганства, насилия, разврата или другого непотребства) или на репортерско-хроникальную сухомятку. Иногда же такая деформация настигает читателя внезапно, в один момент. Как бы ошеломляя.

Вот, к примеру, что происходит в одном из рассказов, включенных в «Норму». Сорокин здесь довольно грубо стилизует ностальгическую прозу с лейтмотивом возвращения к истокам, к корням. Герой приезжает на родину, вспоминает здесь о детстве и ранней молодости. Все это преподнесено нарочито слащаво, насыщено высокопарными пошлостями, но в одном месте Сорокин «разрушает условность»:

«Антон вошел под крону и погладил ствол яблони.

Кора была шершавой, грубой, глубокие трещины рассекали ее, и в них светилась молодая кожа старого, как жизнь, дерева. Как крепко оно держалось за землю! Как широко и просторно росли ветви! Сколько свободы, уверенности, силы было в их размахе! Каким спокойствием веяло, ой блядь, не могу, как плавно плыли над ним облака!

«Милая, милая яблоня, — думал Антон, подняв голову и пытаясь охватить глазами всю крону разом, — помнишь ли ты меня?...» и т.д.

Вот и вся игра. Один, другой раз это еще можно как-нибудь переварить. Но такое примитивное яство быстро приедается. Форма у Сорокина не звучит. Или звучит не интересно. Ни при какой погоде он не может считаться виртуозом чистой формы. Мало собственно наслаждения. Почти вовсе его нет.

А его «изобретения» подаются им иногда так упорно и настойчиво, что успеваешь душой выспаться прежде, чем автор перейдет наконец к чему-то другому. Такие длинноты — вообще-то одна из главных бед Сорокина. Признаюсь, я регулярно оторопело застревал на сорокинских описаниях внешности и интерьера, так похожи они на первые, неумелые пробы начинающего сочинителя: и длинно, и банально, и смысла не имеет никакого. (Но немало, впрочем, у нашего героя и скороговорки самого сухого тона, особенно в романе «Лед».)

Перейдем, однако, на следующий — сюжетно-композиционный — уровень. Оказывается, и здесь Сорокин — совсем не мастер. Он слишком грубо кроит, слабо сшивает. Он не умеет строить свои повествования композиционно, прибегая обычно к самым банальным решениям. Он умеет начать, но далеко не всегда знает, чем нужно закончить, если только пишет текст, выходящий по объему за пределы нескольких страниц.

Его «Норма» — это вовсе не роман. Это сборник случайных текстов, которые соединяются произвольно, лишь на том основании, что входят в некую рукопись, попавшую в КГБ. Первая часть: подробно развернутая ситуация, зерно которой в том, что, по логике сатирического гротеска, каждый советский гражданин обязан поедать ежедневно порцию расфасованного говна. Затем идет

вторая часть: 44 страницы книги, заполненных расположенными в столбик словосочетаниями; определение «нормальный» привязывается к самым разным предметам и явлениям (роды, мальчик, крик и т.п.) — выстраивая тем самым как бы историю жизни или модель сознания некоего среднего, стандартного, «нормального героя». Затем — набор из двух рассказов (об Антоне и «Падёж»), о них я уже говорил. Потом идет стихотворный цикл «Времена года», 12 стихотворений, связанных с месяцами года: имитация разных поэтических стилей с элементами деструкции. Следующая часть — комплект писем, автор которых постепенно сходит с ума, а параллельно прорываются из недр бессознательного затаенные комплексы, разрушается синтаксис, теряется смысл сообщения... Шестая часть — игра со словом «норма»: набор выражений, где слово употребляется в разном смысле («Я свою норму выполнил!», «У Васи с Леной все в норме!» и т.п.). Седьмая часть — комплект рассказов, в которых происходит *материализация метафоры*; это еще один коронный прием Сорокина. Вот, например, рассказик «Самородок»: лейтенант докладывает полковнику о парнишке, у которого золотые руки (ключ сделает, кофейник запаяет...), — и через отбивку следует пассаж: «Через четыре дня переплавленные руки парнишки из квартиры № 5 пошли на покупку поворотного устройства, изготовленного на филиале фордовского завода в Голландии и предназначенного для регулировки часовых положений ленинской головы у восьмидесятиметровой скульптуры Дворца Советов»... Ох, и это еще не конец...

Лишь путем рассудочного отвлечения можно пытаться объяснить если не композицию, то хотя бы присутствие столь различных «кусков». Например, можно сказать (и говорят!), что главным героем «Нормы» является советская литература (ее «жанровые и стилистические коды»). Тогда хоть что-то в логике производства текстов можно понять. Но и тогда не все.

Беспомощно связаны отдельные фрагменты и в «Голубом сале». Причем ни один из них не выстроен сам по себе, как цельность. Вообще, «Сало» разочаровывает больше «Нормы». Несколько забавно придуманных подробностей на целую книгу — не слишком ли этого мало?

Разве только «Лед» поначалу кажется более стройным, но ближе к финалу автор и тут теряет след.

...Конечно, господа доброхоты могут мне возразить. Такова де сознательная установка нашего автора. Он осмысленно разрушает логическую связность своих пространных повествований. Он нарочно пишет хуже, чем может. Он, так сказать, остраняет таким способом фактуру текста...

Что-то мне в это не верится. Количество очевидных ляпов, в моем представлении, переходит у Сорокина в качество. И я не понимаю, почему ему нужно извинять то, что у других мы называем художественными слабостями, признаками дилетантизма или даже графомании.

На самом деле перед нами сочинитель, которого можно считать виртуозом только в очень узком смысле.

Итак, — что же все-таки Сорокин умеет?

Несколько вещей.

Во-первых, он умеет придумать завязку. Изобретает фишку. Конструирует прикол.

Обычно это некое фантастическое допущение. Или, как говорилось, материализация метафоры. Например, что все граждане СССР ежедневно обязаны съесть свою порцию *говна* (*«норму»*). Или что есть некое чудесное вещество, которое не меняется, что с ним ни делай, и которое непонятно как использовать, но, может быть, получится (*«голубое сало»*). Или что существует особая, высшая раса существ в облике людей — и они ищут на земле друг дружку (в романе «Лед»)...

Прикола такого хватает на некоторое время. Но текст растет, а повод к нему довольно скоро себя исчерпывает. И Сорокину приходится параллельно вводить в него еще несколько более или менее удачных завязок. Потом он пытается соединить в одно целое то, что родилось врозь. Так возникает некий уродливый гибрид, коему и присваивается ответственное наименование «роман».

Во-вторых, у Сорокина очень хороший слух. Жизнь он — слышит. Ходит и слушает. А услышанное запоминает и потом переносит на бумагу. Лучше всего у него получается живая речь современной улицы. Тут Сорокин действительно имеет мало конкурентов в нашей словесности. Особенно врезается в память достоверно переданная у него речь приблатненных братков, современных люмпенов (и даже ведут эти персонажи себя... правдоподобно на редкость). Но и гетеро- и гомосексуальные пары выведены в их речевом обиходе тоже убедительно (хотя их акты во всем остальном, уже неречевом, содержании изображены вполне банально). Иногда интересно введено в текст современное просторечие (впрочем, Сорокин берет скорее количеством, а не качеством — и может удивить разве только некоторых московских гимназисток да западных славистов).

Как говорится, данке шон. Но достаточно ли этих двух примет, чтобы назвать продукт сорокинской деятельности литературой?

Все-таки — вряд ли.

В сухом остатке: Сорокин претенциозен, малооригинален, повторяется. Он ничего особенного не открыл, не создал ни новой формы, ни — в принципе — нового содержания. И это мы сейчас увидим, поднявшись на следующий уровень — от технологии к миросозерцанию.

3. Реализм В. Г. Сорокина

Было время, когда Сорокин был вписан в антисоветский андеграунд, когда его тексты воспринимались в качестве соц-артовской антитезы самодовольному и лицемерному советскому официозу. В Сорокине искали чуть ли не обличителя и разоблачителя, который с тайным гневом уравнивает нормальную советскую жизнь с регулярным *говноедством* и за счет столь сильной копрофагической образности будит притерпевшихся к такой жизни людей. Хотя правильнее, наверное, говорить о разоблачении Сорокиным секрета Полишинеля: демонстрации относительности официоза со всеми его мифами и ритуалами, практиками и дискурсами. Разрушение очевидности. Вот формула Сорокина.

Это характерная тогдашняя игра нашего андеграунда. На излете той, уже почти неправдоподобной, жизни соратник нашего автора Лев Рубинштейн

писал про очистительное воздействие коронного сорокинского трюка, когда стандартная советская речь у него вдруг взрывалась фонтаном сквернословия. Притом, что сам такой ход мысли был в те времена довольно банальным и матерщина элегантно восполняла стерильность официальной речи и официальной жизни не только у Рубинштейна и Сорокина. Способ был столь же распространенным, сколь и элементарным выражением лишенного какой бы то ни было основательности глумления над тем, что казалось тогда уже смешным и глупым.

Можно, пожалуй, согласиться: в те отдаленные времена Сорокин был актуален. Он был типичным представителем самодовлеющего социального критицизма, распространенного тогда почти повсеместно и не испытывавшего никакой нужды в позитивном противовесе. Тотальные претензии официоза вызывали тотальный отпор. Все позитивное было записано на счет официоза — и вместе с водой бунтари-юмористы без усилия выплескивали и ребенка. Отсюда — комические гротески позднесоветской поры.

Классическим памятником такого критицизма являются «антисоветские» анекдоты — сфера почти тотального социального отрицания, обсмеивания и вышучивания. И сочинения Сорокина тех времен — это, по сути, нечто анекдотическое. Иногда яркое до оторопи, иногда — скучное. Смеялся и шутил Сорокин, маски срывал не всегда так уж успешно, и в той же «Норме» есть слабые по замыслу и воплощению части. Так, только неловкость вызывает посредственная имитация «почвенной», лирической прозы с целью ее разоблачения путем вставки матерной брани — в знак отвращения к мертвой, эпигонской художественной ткани.

Эпоха ушла, а Сорокин остался. Все его тексты были напечатаны уже в другое время, совсем в другом социокультурном контексте. Смена исторических декораций обнажила локальность сорокинских заданий. (Потому, кстати, поначалу почти никто на них и внимания не обратил.) Но не таков наш автор, чтобы легко сдаться, и не такова его тусовка. В этой резко набравшей влиятельность компании возникает глобальный проект: придать соцартовским текстам некое более общее значение. Сорокину, Пригову и иным насмешникам была присвоена новая квалификация.

Новый и важный тезис апологетов Сорокина состоял в том, что он — автор большой концептуальной пародии. Он де в своих сочинениях демонстрирует изжитость «Реализма» — как на уровне стиля, так и на уровне содержания. Есть де такая вот старая большая ненужность, гидра «Реализма». Давно пора было с нею расквитаться, но все никто не решался или не справлялся, решившись, с этой задачей. И лишь нашему Владимиру свет *Георгиевичу* удалось, наконец, вонзить копье в пасть дракона и освободить деву-словесность от цепей и пут. Прикол как подвиг. Тем самым он обновляет наше видение, провоцирует закосневших литераторов и публику и вообще открывает новые горизонты творчества. Не захочешь, а следом за критиком Дмитрием Бавильским, восторженно причитавшим над Сорокиным, перефразируешь пушкинское: «Ай да Вовка, ай да сукин сын!».

...Заметим, что эту революцию все-таки не Сорокин начал. Были фигуры и покрупнее. И споры с реализмом бывали в истории искусства куда более со-

держательные, смыслонесущие. Где они, те спорщики?.. Но от экскурсий в прошлое я здесь воздержусь; вернемся, читатель, к Сорокину.

Малейшее движение мысли вглубь не оставляет камня на камне от идеи об упразднении Сорокиным реализма. Мутация стиля, материализация метафоры... Хотелось бы искренне понять, что можно доказать такими вот приемами? Все-таки сама по себе медленная или быстрая рукотворная «деконструкция» авторитетного стиля еще ни о чем не может сказать, то есть не является аргументом в пользу того, что стиль этот «умер». Умирает стиль — только в сознании сочинителя, не более того.

Парадокс, сознательно или бессознательно выносимый за скобки многими апологетами Сорокина, заключается в том, что он работает, по сути, именно в пределах реализма. То есть — мутации происходят у Сорокина на содержательном уровне. Он как будто бы не прочь показать нам, насколько близорук был традиционный реализм, как мало он знал о человеке — и как, следовательно, устарел, изжил себя. (Правда, такое предположение изначально противоречит отстаиваемому и нашим автором, и его клакой принципу игры и тотальной мнимости. Но хоть ради теоретической вероятности попробуем пойти и этим путем.)

О чем, если коротко, два последних романа Сорокина? Это что-то близкое к фэнтези. Игра с историческим фактом, игра воображения. Причем игра с затеями, этакий каскад аттракционов, так что пересказать романы не так уж и легко. В них есть яркие детали. Но они, как уже говорилось, не сшиваются в единое целое.

В «Голубом сале» довольно причудливым образом в некоей китайско-русской цивилизации будущего получено вещество, не меняющее своих свойств. То самое «сало». Только им и связана эта цивилизация, где практикуются разнообразные изощренные наслаждения, с сектой «землеебов», а уж та по чудесному каналу времени — с эпохой Сталина, которой также придан гротескно-фантасмагорический колорит. Ну, а где Сталин, там и Гитлер.

«Лед». Роман о том, как среди людей появляется группа неких сверхчеловеков, присланных из космоса, причастных какому-то изначальному Свету. Теперь они ищут друг друга по опознавательным признакам: все они блондины с голубыми глазами. А чтобы опознать своего, нужно привязать блондина или блондинку покрепче и вдарить ему или ей в грудь ледяным молотом. Если выживет и притом чего-то там прохрипит «сердцем», значит, свой. Тут его начинают обихаживать, дальше общаться с ним тем самым куском плоти. А невыжившие, чужие, идут в отсев. Одна часть имеет местом действия современную Москву, которая изображена в довольно ярком социальном разрезе. В другой — рассказ идет от имени крестьянской девчонки, которая в годы Второй мировой войны попадает в Германию, где ее и опознают белокурые бестии-светоносцы...

Каковы тогда те принципиальные открытия, которые сделаны для нас Сорокиным в его романах? А вот каковы.

Бога у Сорокина нет. И даже представить Его там нельзя. В сфере социального взаимодействия доминируют сексуальные и прочти садомазохистские контакты и влечения/увлечения. Кажется, еще похоть власти. Другой социальной реальности нам в сорокинском мире не дано.

На этом основании я бы мог еще понять, если бы в Сорокине увидели критика нашего больного общества, критика современного человека, которого шатает из стороны в сторону. Если бы мне сказали, что он проводит очистительную работу. Сомнительный и неправдоподобный — но аргумент. Но чего нет, того нет. Никто почему-то не верит в этакий пафос нашего героя. Да и сам Сорокин в это не верит. Так что правильнее считать его не врачом, а болезнью. Болезнь же нужно, наверное, лечить.

Кстати, лишь безжалостные к чужакам юберменши из «Льда», кажется, испытывают друг к другу что-то вроде любви, предполагающей телесное асексуальное слияние и разговор сердцем, состоящий из 23 слов. И думаешь: лучше уж так, чем никак. Все ж любовь. Но как она бедна, как убога, если всерьез оценить то, что происходит в этих эпизодах. И как вообще небогат сам фантастический вымысел. И не будем же забывать о том, что логикой этого вымысла все человечество сходит в небытие.

А ведь кто-то вычислил отсюда, что Сорокин стал добрее...

Благородный герой оказывается мерзкой гнидой. На чистой барышне к финалу негде поставить клеймо. Ну, и так далее. Отсюда можно вычитать мысль о том, что традиционный герой литературы XIX — первой половины XX века ушел. Нет таких героев. Нет таких людей. Человек изменился. И вообще он гораздо более причудливое существо, чем казалось тургеневым и гончаровым.

Что и говорить, человек в XX веке действительно становится другим. Возникают новые допуски. Да и писатели иногда умеют рассмотреть в своих героях то, что не удавалось их предшественникам. Открываются новые ресурсы свободы. Однако, мнится мне, это та же самая свобода, которая в принципе уже была дана героям Достоевского и Толстого.

Что открыл Сорокин? Легкость перехода от добра ко злу и обратно? Как будто мы этого не знали, в том числе и из русской, вполне реалистической литературы! Мы знали оттуда даже гораздо, гораздо больше, чем сообщает нам Сорокин, всякой всячинки. Например, про двойные мысли. Или про надрыв как способ существования... Многие персонажи Сорокина кажутся только до крайности упрощенными, сведенными к схеме изводами Свидригайлова, Ставрогина, или там Настасьи Филипповны.

Сорокин в школе Достоевского — жалкий троечник. Куда ему до Камю или Сартра.

Все-таки все мы живем в эпоху цинического разума (по Слотердайку) и давно без Сорокина знаем, что ныне все на свете может быть выведено из аксиоматического ряда, поставлено под вопрос, подвергнуто ироническому переосмыслению. Мы к этому заранее готовы и вооружены средствами разума, чтобы не впадать в панику, наткнувшись на новую мерзость или расступившись в свежий глум.

Еще раз: этот, содержательный, аспект сорокинских сочинений, если воспринимать его всерьез, вполне, выходит, реалистичен — если не по результату, то по гносеологической направленности, по стремлению к постижению человеческой сущности. Тут не «опровержение реализма», а его утверждение. Пусть не углубление по результату, но хотя б конкретизация применительно ко времени и месту — по задаче. С чем же и с кем же тогда борется наш сочинитель?

Но если всерьез, то искать сведения про современного человека у Сорокина — зряшный труд.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у Сорокина всегда (всегда!) движение героя, развитие, так сказать, образа идет от хорошего к плохому. От благородства к низости, в грязь. От хороших манер к садизму и прочим кровавым прелестям, описывать которые я не любитель. Особенно не нравятся нашему автору русские писатели. Что ни классик у него — то монстр ходячий, зловещий ублюдок или вонючая тварь. Классикам от этого, мне кажется, не убудет, но вопросы в адрес Сорокина рождаются. Почему это так? Отчего бы не деформировать традиционное повествование таким образом, чтобы Анатоль Курагин уходил в монастырь, Плюшкин раздавал свое имущество крестьянам и отправлялся странствовать по святым местам Руси, а Евгений Онегин кончал маяться дурью и начинал... ну, хоть стихи писать? Ведь и эдак можно *усложнять* человека-то, от дурного к хорошему. Вон у Толстого: русский барин Нехлюдов идет на каторгу следом за некогда совращенной им горничной Катюшей... У Сорокина такой вот Нехлюдов пойдет сначала в кабак, потом в бардак, а после, ради стеба, — в гэбню, где он и служит, — и запытает там нашу Катюшу *до продриси*. А потом еще сам и съест эти *говна*. (Прошу прощения у читателя. Но нужно же хотя б вполнамека показать нехитрый способ работы Сорокина. Такие тексты можно, уверяю вас, писать километрами. Большого труда не составляет. Как и стилистический выпендреж.)

Однажды прозвучало, что Сорокин «вскрывает разрушительный потенциал национального архетипа». Так это или не так, но Россия в текстах Сорокина — страна немытая, грязная, вонючая, глупая, грубая и т.п. Вот то ли дело Европа, особенно Германия! Хотя и там бывают монстры, но они хотя бы тщательней таятся, чище моются.

Есть ли хоть где-то у Сорокина сердечное отношение к предмету изображения? Зиновий Зиник в заметке к сборнику сорокинских рассказов почувствовал авторское сочувствие и участие в том, с какой тщательностью регистрируются все особенности речи персонажей. Я, признаться, так востро не смотрел.

4. Онтологический скандал

«Какая-то неведомая сила влечет писателя «заглянуть в бездну»», — деликатно выразилась одна ученая дама. В этой тенденции нет случайности. Так долго и так стабильно случайность не живет. Тут нужен устойчивый внутренний мотив. И если искать объяснение такому изгибу, то нужно, очевидно, войти в мир сознания автора (бери глубже — его подсознания).

Этим путем уже ходили и апологеты Сорокина. Социального типа пересмешничество волевым усилием некоторых из них было переведено в бытийный план. Пыточные камеры и общественные туалеты должны были стать образом мироздания. Характерно вообще, что некоторые критики любят в связи с Сорокиным поднимать *онтологические* пласты. Оказывается, цель Сорокина — объявить относительными не социальные условности, а всякий вообще смысл. Юморист был за уши притянут к таким фигурам, как обериуты, Добычин и Кржижанов-

ский. (Примерно на том же основании, на каком в экзистенциалисты можно записать и за кислую мину по причине несварения желудка.)

Перевод такого рода можно без труда осуществить только за счет упрощения представлений о бытии. Если, скажем, представить его как абстрактную оппозицию космоса и хаоса, то выйдет, что Сорокин — проводник в хаос. Марк Липовецкий, к примеру, замысловато замечал по поводу сочинений Сорокина: «путем погружения в хаос не достигается ничего, кроме хаоса. Именно абсурд и хаос и оказываются конечным означаемым любого возможного дискурса». Сорокин хорошо укладывается в матрицу наивно-материалистического (или, может быть, наивно-языческого) мифа о грубом и неприятном, но неизбежном хаосе, который дремлет под тонкой пленкой культуры. Такой хаос предстает неким чудищем, дальше коего воображение и мысль просто не движутся. По сути же, речь просто идет о формально обозначенной логической антитезе гармонии, порядку, норме, закону. (Абсурд здесь не у места, поскольку связан скорее не с идеей хаоса, а с идеей пустоты, небытия.)

Вячеслав Курицын по старинному рецепту приписывает качество бытийности воле к власти, чтобы объяснить тягу Сорокина к «теме насилия» примерно так. Всякое письмо есть насилие, есть выражение воли к власти. Сорокин не может преодолеть этот закон, но он превращает «эту тотальную онтологию во что-то внешнее, поверхностное». То есть свою волю к власти он отдает, как можно понять, героям. Сам же остается по этой части невинным, аки агнец. Не властитель дум, а творец бездумья. Вообще не автор, а выражение пресловутой «смерти автора».

С другой стороны, Павел Басинский однажды говорил об «онтологическом антипафосе» и «измененном онтологическом пространстве» в прозе Сорокина и ему подобных авторов. Но имел в виду, кажется, все-таки только моральный аспект, указывая на «патологическую страсть гадить именно в тех местах, где отечественное сознание больше всего болит и нуждается в очищении и просветлении».

Насчет онтологии — я теряюсь. Слишком ответственный выбор. Дружит Сорокин с врагом рода человеческого сознательно — или его водит чертушка, как слепого кутенка. Что, например, имеет в виду константинский мудрец Игорь Смирнов, когда невразумительно вещает: «Другое выбрало его своим резонатором как таковое. Можно назвать это Другое апофатическим»?..

Насчет патологии — тоже поостерегусь. С психиатром по поводу данного пациента я не советовался.

А вот о мотивации в принципе — почему бы и не порассуждать, в предположительном плане.

Уже находились охотники вникнуть в подсознание Сорокина и найти в нем тяжелые фобии. Возможно, и в этом есть доля правды. После текста 2002 года, «Льда», мне тоже стало казаться: нашего автора отличает глубокое, манихейское отвращение к сущему (и лишь в частности — презрение и отвращение к России). Сорокин не любит мир. Бог не дал. Мир — дерьмо и человек — дерьмо. Мир и людей он воспринимает, судя по всему, лишь как субъектов насилия, направленного на него, Сорокина. И потому данное ему в опыте разнообразно сервированное насилие становится его главной темой.

Этот мир бесконечно жесток и повседневно страшен. Уйти из него — благо. Убить человека — все равно что выручить его. Потому в «Льду» столь благородными изображены белокурые и голубоглазые убийцы из тайного ордена юберменшей, вколачивающие в грудь своих жертв ледяной топор. Уничтожить мир — высокая миссия. Уже в «Сале» Сорокин в финале, по сути, уничтожал мир, сметал его поганой метлой. Но там это выглядело немотивированной случайностью. В последнем же своем опусе наш автор всю довольно простую логику повествования строит с учетом развоплощения и уничтожения здешнего мироздания, лишь в самом конце давая осечку.

Между прочим, неплохи спецслужбы (ГБ и СС): там есть порядок и там людей освобождают от бремени бытия. Ну а лучше всего жизнь в ордене «избранных», «лучей света», где царит взаимное благоговение. Большая часть романа «Лед» посвящена истории некоей сверхженщины по имени Храм, которая сама о себе рассказывает, уже в глубокой старости. И вот что даже занятно. В молодости она о своей избранности не знает. Она — простая грубоватая деревенская девчушка. Ля рюс. И рассказ об этом периоде жизни ведется примитивным языком, с активным употреблением самого непритязательного просторечия. Но стоит героине пройти посвящение, как язык резко меняется. Никакого психологического правдоподобия тут в итоге нет, а просто наш автор не желает рассказывать о злоключениях девчушки тем же возвышенным языком, которым повествуется об орденских трудах и днях. Ибо не стоит того наш мир, чтобы искать для рассказа о нем такие благородные слова.

Сорокин не понимает людей, он чужд глубинам духа, удовлетворяясь очень внешними наблюдениями. Он и жизни не понимает, толкуя ее банально и, в общем-то, глупо. Но он и не стремится к глубине. Он, можно сказать, пребывает в неком столбняке, завороженный своей длительной и исключительно сильной эмоцией отвращения. С долей кокетства Сорокин однажды признавался: «Каждое утро, открывая глаза, я испытываю крайнее удивление от того, что втиснут в это тело и опять просыпаюсь в этом мире, которое постепенно перерастает в состояние удрученности (...) Это проблема психики, и решить ее для меня возможно лишь при помощи письма»...

Субъективная истина Сорокина, даже если предположить сам факт ее существования, — небытие. Нет ничего. Это у него константа, а не каприз. И создать ничего нельзя. Можно только балансировать на грани небытия, создавая условные тексты и тут же обнажая их полную условность, безосновность, беспочвенность. Нет смятения. Нет даже сомнения. Упорный мрачный взгляд.

Отсюда избыточность бессмысленного глумления. Отсюда низведение истории, культуры и души к примитиву. Отсюда даже его некоторые прежние достижения, когда в контексте соц-арта Сорокин приобретал значительность, придавая своей эмоции заостренно социальное, «антисоветское» выражение (кое-что по этой части и сегодня впечатляет в «Норме»); давно это было.

...Впрочем, можно все эти рассуждения о мрачном миросозерцании нашего героя принять за праздный домысел. И это будет, наверное, правильнее всего. У Сорокина, конечно, есть железное алиби. Он вовсе не солидаризируется со своими персонажами. Вы можете даже предположить, что тут задействован механизм тотальной иронии. Характерна эстрадная шутка автора: в секту из-

бранников космоса он записал и общеизвестного Анатолия Чубайса — «братом Уфом». Но ирония все-таки вычитывается из текста с трудом, а фактом является то, что в «Льду», например, Сорокин эмоционально все время с теми, «избранными», а не с их жертвами — «мясными машинами» и «ходячими мертвецами». Возможно, бессознательно ему хочется быть не банальным человеком, а вот таким посланцем из глубин вселенной.

5. Амплуа. Социальная маска

Все-таки кажется, что Сорокин — личность очень неглубокая. И что вовсе не онтологические эксперименты — его конек. Говорить о нем нужно бы в ином контексте. В каком? Был такой фильм — «Как вас теперь называть?». Как теперь называть Сорокина? Хорошо бы найти для него наиболее убедительное место в сфере искусств и умений.

Похоже, что весь его тщательно скрываемый секрет состоит все-таки лишь в том, что он умеет талантливо подхихикнуть. Шутит шутки. Прикалывается. (На это в свое время указал Бахыт Кенжеев в одном из самых внятных отзывов о сочинениях Сорокина, в «Знамени», 1995, №4.) Тексты Сорокина переполнены эстрадного пошиба юмором — грубо-легковесным, иронически-бессмысленным. Есть там и элемент скоморошины, элемент клоунады. Шутки эти, каламбуры эти упрощают персонажа и жизнь в целом. Все в них переводится в основном на человеческие выделения. Человек у Сорокина — это то, что он выделяет, в сугубо физическом смысле. Думается, нашим теоретикам пора уже изобрести для этого явления особое понятие (паралитература? вербальный массаж? словоизвержение? шутейство?).

Другие с таким талантом шли в эстрадные юмористы-пародисты и преуспели. Но нашему герою этого было мало. Да и конкуренция там велика. Кто-то однажды сказал про Сорокина: «Жванецкий в любом случае смешней». *В любом*! Это ужасно. И это почти правда.

И Сорокин пошел своим путем, апеллируя не к массе, а к узкому, но влиятельному слою околохудожественной богемы, слегка свихнувшейся на моде сезона — соблазнительной французской мудрости, легковесной, но выраженной со всем возможным галльским обаянием. (А в придачу почти не требующей и интеллектуальных усилий.) Он шалит и шутит не для всех. Свои нехитрые шутки Сорокин адресует «элите», людям начитанным, образованным, подверженным всем модным болезням современной культуры и способным оценить... нет, не какую-то особенную даже тонкость, а лишь самый простой смысл шутки — но все ж таки на основе своих каких-никаких познаний в истории литературы и просто истории. Вообще, Сорокин, конечно, знает побольше нашего среднего прозаика и умеет поразить целым калейдоскопом имен. Сразу видна начитанность, особенно знакомство с мемуарной литературой.

Все здесь либертины, все воспитаны если не эстрадными репризами Задорнова и Петросяна, так богемными припадками Пригова. И кто у нас нынче в этой вот среде всерьез оскорбится за гнусно изображенную в «Сале» (с привлечением некоторых реальных деталек из жизни — для опознания) Анну Ахматову? Оскорбится разве лишь какая-нибудь сельская училка. Ну так не

для нее сие и писано. Кто возопиет и разорвет на груди красную рубашку, прочитав про интимную сексуальную связь Сталина и Хрущева? До недавнего времени казалось, что разве лишь депутат от КПРФ Шандыбин. Но он почему-то промолчал. А заговорили отчего-то «Идущие вместе», хотя, вроде бы, у них-то руки до интимных отношений древних вождей не должны были дойти в принципе, за великими созидательными их трудами.

Аудитория, на которую вышел Сорокин, оказалась, судя по всему, весьма благодарной. Хотя и не самой многочисленной. Она оценила такую щекотку, эту апелляцию к собственной эрудированности и к собственной внутренней раскрепощенности. Приятно же, когда в тебе предполагают знатока не самых общеизвестных фактов и ценителя не самых расхожих практик и мнений! Именно в этой среде обитают самые горячие приверженцы Сорокина. И именно в качестве эстрадника, автора своего рода гиперскетчей, он, пожалуй, наиболее убедителен. А что такое эстрада, если не оптимизация наших взаимоотношений с миром? Вот и объявляет Ирина Скоропанова, что Сорокин сублимирует наше коллективное бессознательное, объективируя элементы разрушения и распада и порождая «механизм отстранения и отталкивания от монструозно-противоестественного».

Мне кажется, *Сорокин — это амплуа*. Во всяком случае — теперь. Да, собственно, и давно уже — амплуа. События минувшего года просто обнажили то, что существовало прикровенно. Оказалось, что речь все время шла не о серьезном литераторе, а об актере, о паяце, о фигляре. Какой-то существеннейшей частью своей активности, своей игрой Владимир Сорокин уже давно (иной вопрос, до конца ли осознанно) вляпался в миф масскульта. Он, можно сказать, стал звездным героем нашего социального бреда и, может быть, даже удачно совпал с фольклорным недорослем *Вовочкой*, анекдотическим фулиганом, эротоманом и матершинником, фигурой глубоко народной и остро актуальной, люмпенизированным вариантом Иванушки-дурачка.

Проблема, однако, в том, что Сорокин, что называется, с суконным рылом ломится в калашный ряд. Он — по всему видно — хочет быть писателем. Таковым его числит группа поддержки. Но тогда его опусам придают иную значительность, отчего и возникают те недоразумения, которые мне пришлось фиксировать в статье. Опять же, в литературе, в традиционном ее пространстве, грубый эстрадный механизм сублимации волей-неволей включается в иной контекст. Одно дело фривольно пошутить насчет гениталий где-нибудь на концерте в намерении рассмешить публику своим наивным шутовством, тут с тебя и спрос невелик, а другое — взбираться с таким легкомысленным багажом на Олимп. Читатель начинает думать и гадать и как-то вдруг вчитывает в твои опусы то содержание, какого в них отродясь не ночевало. Да и сам ты предстаешь неадекватным своей эстрадной простоте. (Как если бы в дамской болтовне Регины Дубовицкой начали вдруг искать экзистенциальные подтексты.)

6.Вместо

Последний вопрос: насколько значителен Сорокин как творческая личность, как духовная монада?

Последний ответ: Сорокин — великий и ужасный — был и, увы, остается посредственностью. Магистр словесных забав. Способ, которым он приобрел

себе славу, — лишнее тому свидетельство. Тексты Сорокина реально ничего не дают в современном духовном поиске. Дурно пахнут мертвые слова. Это какая-то зловонная (запах спермы и фекалий), но не бесплодная смоковница, размахнувшаяся в пол-Москвы, заполнившая прилавки непитательными, неудоваримыми плодами. Картон и фанера плюс слуховые галлюцинации. Бедный ущербный человек. Как бы так про него написать, чтобы он изменился?.. Нет, едва ли удастся.

Между тем, наш мрачный баловник уже принес и еще принесет много конкретного вреда. Для репутации литературы, которая его трудами теряет свою значимость, фактически уравнивается с цирком, с варьете, со скабрезными шоу в ночных клубах. Для репутации художественного эксперимента. Для реноме творческой свободы.

Вот Д. Пригов, например, в послесловии к книжке Сорокина многословно рассуждая о значимости Сорокина, приходит к тому едва ли сколько-то убедительному выводу, что Сорокин наблюдает культуру («пленку») и хаос, не вставая ни на ту, ни на другую сторону — и в этом де новаторский смысл его искусства: позиция незаинтересованной свободы.

Н-да, свобода. Раньше это назвали бы как-то так: «к добру и злу постыдно равнодушны...». Свобода неучастия. Позиция над схваткой. Человек без пафоса. Таков приговский миф о Сорокине (и, возможно, о себе самом). Миф, во-первых, лживый, поскольку слишком хорошо известно, что неучастия в моральном, да и в бытийном аспектах — не бывает. Мнимым неучастием мы всегда участвуем, со-участвуем, содействуем той или другой стороне. И слишком видно, во-вторых, что на самом деле сорокинская свобода весьма тенденциозна. Свобода, например, гадить. Прямой аналог тому хулиганству, которое превращает ваш подъезд в отхожее место. Свобода шкодничать, озорничать. Тут нет ни дерзости, ни смелости, ни риска. Риски сведены к минимуму.

Налицо чудовищная дискредитация самой идеи творческой свободы. Идеи творчества и идеи свободы. Общество, и без того не слишком умеющее ценить и ту, и другую, усилиями Сорокина призывается и обучается их ненавидеть и презирать.

Шум вокруг Сорокина мешает услышать настоящие голоса настоящей современной литературы. Те, что собраны в наших лучших «толстых» литературных журналах, взявших на себя бремя заботы о сохранении литературы, о том, чтобы не прерывалась нить литературной преемственности. Те, что звучали и на недавних форумах молодых литераторов в подмосковных Липках. Не все в нашем обществе так уж фатально замерло и опреснилось. Кроме равнодушия и цинизма есть еще — пусть невнятные — симптомы духовного брожения, есть, наконец, даже живая культурная традиция.

И вот — Сорокин. Противник и без того страшно трудного сегодня дела — художественного прорыва в пространство настоящей свободы и нефиктивной истины. Его выросшая до патологических размеров фигура заслоняет настоящие горизонты искусства и творчества.

От редакции

В декабре 2002 г. в московском издательстве «Грааль» вышла антология «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», где собраны стихи сорока авторов из российской глубинки. Мы попросили составителя сборника поэта и эссеиста Юрия Беликова и активную участницу проекта, известную поэтессу Марину Кудимову рассказать о том, что это за культурный феномен — дикороссы. Так получился тот своеобразный коллаж, который мы предлагаем читателю, — коллаж, составленный из выступлений на круглом столе, писем, разговоров и, разумеется, стихов из этой книги.

Марина КУДИМОВА, Юрий БЕЛИКОВ

ДИКОРОССЫ

«Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Книга стихов. Составитель — Юрий Беликов. — М.: ИД «Грааль», 2002 — 352 стр.

В декабре минувшего года в Центральном Доме журналиста прошла акция газеты «Трибуна» — большой поэтический вечер «Дикороссы идут на Москву, или Такое вот Пыталово!» и презентация книги «Приют неизвестных поэтов». Выйдя на подмостки ЦДЖ, московский (но без промедления примкнувший к племени дикороссов) поэт Сергей Строкань сказал:*

— Мы живем во времена раскрученных неталантов и нераскрученных талантов...

Вот эти «нераскрученные», называющие себя дикороссами, и явились в Москву из Новосибирска и Красноярска, Иркутска и Перми, Норильска и Екатеринбурга, Самары, Ярославля и даже теплолюбивого Ставрополя. Столица была им отдана, словно победителям, на три дня. Больше Москва бы не выдержала, да и они бы не выдержали Москву.

Разумеется, три дня участники акции не только читали стихи и отмечали выход книги, в которой многие из них увидели свои первые серьезные подборки, но и разговаривали. В гостинице «Арктика», где жили. В подмосковном Переделкине, куда приехали, преодолевая высокомерие. В конференц-зале «Трибуны», где проходил круглый стол «Известность — подруга таланта, но талант ей не друг. Дикороссы — прихоть или новая реальность?». Говорили о поэзии и судьбе, русской истории и информационной революции, о славе и бесславье сегодняшней литературы. О правах и свободах «дикорастущего» таланта в условиях рынка и — в целом — о явлении дикороссa народу

* Такое значащее имя носит городок на Псковщине, где живет один из дикороссов — Геннадий Кононов.

Олег Балезин, Екатеринбург

Три года назад пермский поэт, собкор «Трибуны» Юрий Беликов открыл в газете постоянную рубрику — «Приют неизвестных поэтов». «Трибуна» расщедрилась: в своеобразной «приютской комнате», занимающей целую полосу, умещались обычно предисловие и стихотворные подборки авторов. Обретшие «Приют...» приводили к Беликову друзей и знакомых...

Беликов — опытный вожак. В разные годы он создавал и возглавлял у себя в городе две литературные группы: в конце восьмидесятых — «Политбюро», в конце девяностых — «Монарх». Управляться с компанией норовистых литераторов по-своему труднее, чем с «Уралмашем». Но то — Пермь, а тут — огромная Россия. Ни один художник в истории отечественной словесности никогда даже не пытался создать сообщество пишущих, покрывающее всю нашу безразмерную географию. В этом смысле Брюсов, Бурлюк, Гумилев на фоне Беликова — отдыхают. К нему двинулись из подворотен, забегаловок, из «пяток глухих городов», из деревенских изб, вставая с жестких или уютных лежанок, — бородатые, нечесаные, похмельные, щеголеватые, упертые — всякие. Они проступали из пучины под названием «Россия», будто потрепанное в боях войско. Рядовые отечественной поэзии, «непризнанные гении» шли на честный огонек «Приюта...».

Ефим Бершин, Москва

Поэт Юрий Беликов под эгидой газеты «Трибуна» составил и издал книгу стихов «Приют неизвестных поэтов» и вместе с Валентином Курбатовым и Мариной Кудимовой явил этот «приют» миру. И, честно говоря, страшновато стало от этой пока еще неизвестной, но совсем не бесславной поэзии. Подлинно русской поэзии, не имеющей почти никакого отношения к московскому псевдопоэтическому бомонду, оградившему себя железобетонной стеной от всего, что силится выжить (и выживает, несмотря ни на что!) за пределами экранов TV, забывшему, что поэзия — не игра в стихи, а сражение на грани жизни и смерти.

Юрий Беликов, Пермь

Однажды, работая над очередной подборкой для рубрики «Приют неизвестных поэтов», я наткнулся на слово, которое поразило меня емкостью. Это было слово «дикороссы» Не просто какие-то дикие растения, проросшие самосевом. Речь шла о людях, причем принадлежащих к одному племени. И я понял, что это слово очень вместительное, вбирающее в себя целое явление, и написал потом в предисловии к одному из разделов: «Не сеятель взращивал книгу, но книга взращивала сеятеля. Нужно было только приглядеться к граням проступившего кристалла, его рисунку, понять заложенный в нем код, чтобы выносимые в заголовок строки каждого автора в сумме своей выстроились в некую смысловую последовательность, оборачивающуюся кардиограммой дикоросса, подобранного на стыке леса и поля, веси и града и помещенного под капельницу». Создатель слова «дикороссы» — поэт Андрей Канавщиков.

Андрей Канавщиков, Великие Луки

Слово это появилось в начале 90-х из теоретической задумки, которая была точно развита в статье Юрия Беликова, опубликованной в нашей книге. Когда

я формулировал понятие «дикороссы», я, конечно, не рассчитывал, что оно будет так адекватно воспринято и многопланово развернуто. Я только пытался найти некий вербальный выход из тупика постмодернизма, этой тотальной игры, где всё похоже на всё, линии размыты, очертания потеряны. Я хотел оформить идею русского литератора, человека, органически связанного с этим миром, не раздвоенного, не на всё похожего, который выстрадал свое право говорить. И его речь — не элемент филологической игры. Пусть то, что я скажу сейчас, воспринимается как банальность, и всё же стихи пишутся кровью — и лишь тогда, когда поэт находится в гармоническом единстве со своим народом, со своей землей, с предками. Поэзия — это очень серьезно, очень глобально. Что и доказывает наша книга.

Олег Балезин, Екатеринбург

Всего в «Приюте...» поселились 40 поэтов. Получился солидный том в 352 страницы — не столько даже книга, сколько акция. Вернее, так: книга-акция. Это не антология провинциальных авторов, наскоро сколоченная из творений литературных генералов регионального масштаба или на основе дружеских связей составителя. Эта книга — не антология вообще. «Приют...» не имеет под собой фундамента в виде общей эстетической платформы, но в творениях его обитателей ощущается некое нутряное сродство. Поскольку ощущение это далось мне лишь на подсознательном уровне, то формулировать ничего не буду. Пусть попробуют другие, более искушенные. За три года, что делалась книга, появилось название этого сообщества — «дикороссы». За три года ушли из жизни шесть авторов.

Сергей Тамилин, Москва

Есть что-то символичное в том, что этот сборник появился именно сейчас: зима, лежащая за окнами белым пятном, принесла на своих крыльях книгу, открывающую нам белые пятна поэтической России. По определению самого составителя, «в эти белые пятна, лежащие в стороне от литературных магистралей, чаще всего не ступала нога ни вдумчивого и расторопного издателя, ни благодарного читателя, ни храброго, приметливого критика». Предвижу недоуменный вопрос: «А почему она, собственно, должна была ступать?» Рассуждая так, кто-то не преминет напомнить, что в литературе много званых, да мало избранных. И, стало быть, «дикорастущая поэзия» — нечто глубоко маргинальное по своей сути, недостойное внимания. Представляю снисходительную ухмылку на лице живого классика постмодернизма: «Приют поэтов? Значит, поэтические детдомовцы, безотцовщина-рубцовщина? Ну-ну, пусти их в приличное общество». Не менее отчетливо вижу и гримасу скуки на лице литературного «пенсионера союзного значения», при всех режимах умевшего оказываться в нужное время в нужном месте, полагая, что это и есть единственный способ остаться в большой литературе.

Бог с вами, адепты «актуального искусства», писающие в форточку или сжигающие торт у памятника Маяковскому. В новой антологии собрана другая литература. Не созданная для декламаций, презентаций и номинаций. Другое искусство. Неактуальное. Не придут поэтические дикари на ваши тусовки,

господа постмодернисты. Не выпьют ваш виски с содовой, не съедят ваши бутерброды с осетриной и черной икоркой. Не сделают этого даже не потому, что в дверях «приличных заведений» сегодня стоит дюжая охрана, не пускающая внутрь всякую «шантрапу», а из чувства собственного сохранения. Ибо, подобно сказочному герою, помнят предостережение: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь...» Наблюдаемое с начала 80-х годов повсеместное падение интереса к поэзии стало одним из проявлений тотального отхода от творческого поведения в сторону прагматики и рационализма.

Юрий Беликов, Пермь

Я заметил, что у многих авторов «Приюта» в стихах присутствуют образы невидимости, неизвестности. Потому, наверное, интуитивно, так и назвал рубрику. Рукопись покойного пермяка Бориса Гашева так и называется: «Невидимка» — по стихотворению:

Я почти не видал невидимок.
Двое-трое — всего ничего.
Сохранился любительский снимок —
Удивительное существо!
<...>
Я опять пристаю: «Существо ты?
Или ты, — говорю, — вещество?»
Наконец отозвался он: «Кто ты?» —
Побоялся узнать не того.

Или вот стихи Юлиана Надеждина из Ярославля:

я, неизвестный автор,
умудрившийся осточертеть
своему, тугому на ухо,
столетью.

А строки новосибирца Константина Иванова дали название одному из разделов книги:

Ни клобуков, ни мантий, ни регалий...
Рассеянные по лицу земли,
Невидимы держатели скрижалей,
Затерянные по степям кремли...

Константин Иванов, Новосибирск

Когда я кому-либо говорил о нашем проекте и объявлял его название, народ сразу реагировал на слово «неизвестные» — с некоторой ехидцей. Тогда я начинал им петь три строчки, которые на меня снизошли с газетных полос:

Неизвестные поэты,
Неизвестные солдаты,
Неизвестная война.

И я не знаю, как продолжить эти строчки, но знаю, что война против поэзии точно продолжается.

Ефим Бершин, Москва

У нас всегда было две России: Россия созидающая и Россия убивающая. Убивающая не только автоматами и концлагерями, убивающая чудовищным небрежением к собственным талантам. Странно, но в категорию этих вторых россиян, вопреки, казалось бы, природе, сегодня попали и «собратья по перу». Слесарь Черепаныч (Виктор Черепанов), о котором толком не известно, ни когда родился, ни когда помер, но известно уже, слава Богу, что был талантлив, не зря написал:

Вы — поэты, мы — поэты,
Отчего ж, ядрена мать,
Вас печатают газеты,
Нам — заказана печать?
Блокам вы и мы — не пара,
Отчего ж и почему
Вам за слово — гонорары,
Нас — за жопу и в тюрьму?

Так называемая провинциальная жизнь русского стиха отнюдь не затихла. Скорее, наоборот. Провинциальная, корневая поэзия рвется из такого сора, какой и Ахматовой не снился, — из бродяг, бомжей, воров, из шахт, из навоза. А что мы хотели? В условиях, когда столичная поэзия все больше превращается в игрушку или подсобное средство для мимолетной популярности и получения сомнительных премий, разве могло не появиться такое вот письмо одного из обитателей «приюта», дикоросса Андрея Канавщикова: «Приходит, хотите вы того или не хотите, время новых варваров, дикороссов, чертополохов от литературы. Предмет, положенный Москвой на провинцию, будет ей однажды возвращен с прибавлением необходимых процентов. На каждого крестного отца всегда найдется парнишка с огнестрельной рукописью за пазухой». И ведь найдется! И Москва в этом противостоянии не сдюжит. Потому что, по словам того же Канавщикова, «любая жизнь для бомонда крашеных сосисок — бомба». До какой границы следует пропагандировать поэзию? В какой момент «популяризации» она превращается в попсу? Стремление к популярности любой ценой, это, как правило, стремление получить компенсацию за недостаток таланта. Соотношение здесь обратно пропорциональное. Судьба настоящего поэта выходит за рамки его земной жизни. О чьей популярности можно было говорить при жизни? Мандельштама? Ходасевича? «Дикороссы» — не прихоть и не новая реальность, а продолжение старой истории: мир, занятый массой своих проблем, до поры до времени держит своих поэтов на обочине. Во многих стихах сквозит обида провинции на Москву. Но поэтическая граница между провинцией и центром проходит внутри нас. В нашем мире поэты — всегда провинциалы.

Марина Кудимова, Переделкино

Если любого из крупных поэтов мира поставить перед выбором: или тебя будут каждый день показывать по телевизору, или ты будешь невидим, но у тебя будет возможность свой культурный продукт — стихи — представить тому количеству потребителей, то бишь читателей, которое сможет им плодотворно воспользоваться, что поэт выберет? На мой взгляд, последнее. Нет ничего более противоестественного, чем «известность» поэта, сравнимая с популярнос-

тью поп-звезды: автографы, узнавание на улице и пр. Феномен поэзии в том, что она «существует — и ни в зуб ногой». Что она пишется независимо от состояния культуры, вымирания самих поэтов, социальных и политических факторов. В конечном счете, независимо от того, слышит ее общество или нет. Поэт существует в волшебном мире: ведь поэзия — это иноговорение, некий надчеловеческий язык. Как — и зачем — его популяризировать? Чудо не нуждается в пиаре. Провинциализм? Да мы забыли, что Александр Пушкин ровно половину жизни просидел в провинции. Правда, как и Овидий, не по своей воле, но, в сущности, какая разница? Можно смело опереться на региональный принцип: Пушкин — псковский поэт.

Поэзия — продукт, рассчитанный на длительное хранение и на случай голода, — своего рода стратегический запас, консервы. Как только иссякновение языка — а этот процесс активно идет — достигнет критической точки, доберутся до НЗ. «Трибуна» и все участники проекта, возможно, сами не подозревая, воплотили некие общественные ожидания. И как бы на сегодняшний день, с точки зрения рынка, проект ни был невыгоден, в нем заложена определенная надежда на будущее.

Сергей Кузнечихин, Красноярск

Меня коробит от разговоров о том, что Москва, дескать, бросила провинцию. А так ли провинция хороша? Там идут те же войны, только на совершенно другом уровне. Мы в Красноярске работаем, в общем, в русле проекта «Трибуны». Издаем журнал «День и ночь» и серию «Поэты свинцового века». Оба издания столько врагов нажили! Каждый приходит с претензиями: меня надо печатать, я от «свинцового века» пострадал, мне недодали. Я по натуре человек скептичный. Года четыре назад по Красноярску ходила опереточная группка мужичков в медалях и лампасах. Казаками себя называли, права качали. Поэты — племя вымирающее. Очень я боюсь, чтобы мы не превратились со своими страданиями, с чувством ненужности в таких опереточных мужичков. Дело вовсе не в известности, а в ее цене.

Юрий Беликов, Пермь

Никогда нельзя сопоставлять то, что делает поэт и, например, рок-музыкант. У поэта иная стезя, хотя он без сомнений хочет, чтобы слово его было услышано. Я стал замечать в поэзии катакомбные тенденции. В Перми появился целый клан молодых поэтов, которые сами себя называют катакомбными — по аналогии с церковью. Мы, дескать, вообще не выходим на публику. Нам достаточно находиться в наших нетях, подвалах и т.д. Константин Иванов обронил фразу: «Россия — это шахта духа». Все мы шахтеры.

Сергей Тамилин, Москва

Это осознанный выбор. Принадлежность к так называемому мейнстриму способна принести земную славу. Но дикороссам эта слава ни к чему — они понимают, что, хотя известность и подруга таланта, талант ей не друг. И земную славу, как доллары или евро, нельзя конвертировать в заоблачном обменном пункте в славу небесную. Земная слава ложится в дорогой гроб вместе с ее носителем

(вместе с которым, по большей части, умирают и его тексты). Явление «дикороссов» существует не одно десятилетие. В новой антологии, состоящей из трех частей, собраны поэты разных поколений — от 70-летнего Юрия Влодова (автора знаменитых изустно эпиграмм и малоизвестных стихов) до 20-летних Арсения Бессонова и Кати Цыпаевой. Между ними — 56-летний Сергей Лузан, вместе с Леонидом Губановым входивший в СМОГ — Самое Молодое Общество Гениев, 43-летний Сергей Строкань, в молодости посещавший семинар Кирилла Ковальджи при журнале «Юность» — лабораторию российского метаметафоризма, 39-летний Николай Пальчевский, выпестованный Ольгой Татариновой в московской студии «Кипарисовый ларец», и другие.

Ксения Гашева, Пермь

Пастернак сказал, что поэтом владеет не карьера, а судьба. В конце книги «Приют неизвестных поэтов» приведены судьбы поэтов, ее авторов. О какой обиде провинции на Москву можно говорить, прочитав их? Это судьба страны. Цветаева писала в одном письме — и о центре, и об окраинах, и о поэзии: «Я никогда не поверю в прозу. Ее нет! Я ни разу в жизни этого не видела — ни кончика хвоста ее. Какая может быть проза, когда все на вертящемся шаре, внутри которого огонь». Я не думаю, что с поэзией происходит что-то особенное. Читателей стихов всегда было мало. И слишком большая страна, и дороги у нас плохи. Искусственная пропаганда процессов духовных мне кажется вещью совершенно ненужной. Мы все равно дорожим мнением только тех людей, которые нам интересны. Если стихи, как сказала Марина Кудимова, это консервы, которые где-то хранятся, чтобы в нужный момент утолить духовный голод, то голодный человек их найдет.

Мне эта книжка особенно дорога тем, что в ней есть стихи моего отца, который не дожил ни до какой вообще известности. Если же отвлечься от личных судеб, обид и недоразумений, то существует литературный процесс. Я девять лет преподавала литературу в школе и могу сказать, что литература, во всяком случае, XX века, преподносится с огромным искажением, как изображает мир кривое зеркало. На протяжении по крайней мере столетия происходила подмена лидера поэтического поколения. В замысле — один, а на поверхности оказывается другой. Так происходит последовательная деформация литературы, истории, духовной жизни поколений.

Ефим Бершин, Москва

Слава богу, поэзия и Россия — до сих пор синонимы. Поэтому, когда нам повествуют, что в стране больше нет настоящей поэзии, меня передергивает: кто-то настойчиво хочет убедить нас в том, что больше нет России. Ну что ж, когда у вас поэзия кончается, приходит бывший вор, уральский уркаган и даже, по его собственному утверждению, потомок знаменитого одесского Мишки Япончика Юрий Влодов:

Собутыльник лапотных кудреев —
Я кружу — с котомкой — налегке,
Самый беспробудный из евреев,
Мыслящих на русском языке.

Вы что-нибудь слышали об этом поэте? Нет? Как и о тех, совсем юных «выкормышах» Марины Кудимовой, ею же в «приюте» и представленных, — Анне Павловской, Кате Цыпаевой, Павле Чечёткине и других. Они еще не знают, что с ними потом сделают за стремление следовать судьбе и таланту. А может, уже предчувствуют? Ведь главный мотив их стихов (уже!) — отчуждение. От мира, от людей, от нас с вами. Впрочем, и у них уже потери: гениальный мальчик Илюша Тюрин погиб в 19 лет. Утонул, успев написать: «Я счастлив, что нащупал дно ногой».

Олег Балезин, Екатеринбург

Кудимова в одном из московских разговоров сказала красиво, страшно и беспощадно: «Приют...» — последняя «алкогольная» книга в русской поэзии. Следующая будет «наркотической». Сборник и впрямь пропитан алкоголем — так что особо тонким натурам рекомендуется перед прочтением обрызгать его духами. Это только для страны в целом дикороссы — «неизвестные поэты» (хотя что такое «страна в целом»? Мне порой кажется, для нее и Бродский — терра инкогнита). Там, где они живут, дикороссы в большинстве своем — люди очень даже известные, во всяком случае в литературных кругах. А порой — легендарные. Как тот же Кузнечихин в Красноярске. При советской власти двадцать лет писал «идеологически неправильные» стихи. За все время — две куцых подборки в открытой печати (на первый гонорар, совсем по-шукшински, купил жене сапоги — за долготерпение). Но теперь-то, кажется, цензоры удалились на покой? Однако жизнь сама по себе — цензура. Слоняться по редакциям, мешаться под ногами, облизывать сомнительных спонсоров — да ну, к лешему, — натура не та.

Думаю, пьющие дикороссы водку не любят. Более того, от их имени, хоть и без поручения, ответственно заявляю: водку они ненавидят. Мой сосед по номеру в московской гостинице «Арктика» пермяк Юрий Асланьян за восемь месяцев «завязки» успел создать роман. Ранним утром второго дня пребывания в столице позвонил по телефону знакомой и ушел. Вернулся часа через четыре, говорит: «Мне сейчас Битов водки налил». Оказалось, Асланьян отвез свой роман Андрею Битову. Классик заглянул в начало и конец, пообещал издать к марту. По такому случаю слегка вспрыснули. Уже уезжая из Москвы, всё думал: «И зачем Битов налил Асланьяну?».

Марина Кудимова, Переделкино

«Приют» образует своеобразную систему сообщающихся сосудов с проектом «Илья-премия», где Юрий Беликов — постоянный член жюри, а я — его председатель. Премия названа в память навеки 19-летнего поэта и философа Ильи Тюрина, имя которого уже возникало в разговоре. Третий год проект осуществляется на средства родителей Ильи. Многих авторов Юра «подарил» нашей премии, другие пришли в «Приют» от нас и стали дикороссами уже в ранге лауреатов, как Аня Павловская из Минска, Катя Цыпаева из Алатыря (Чувашия), пермяк Павел Чечёткин, однофамилец Ильи Вячеслав Тюрин из бамовского поселка в Иркутской области или тонкий, философичный Ваня Клиновой из Красноярска.

В той или иной степени дар — тайна, прихотливо сочетающая свободу и амбицию, до поры до времени ведет «дикороссов» в дебри абсолютно русского сусанинского комплекса, который я бы назвала социально-метафизическим. Для того, чтобы объяснить, что я имею в виду, достаточно привести полностью стихотворение той же Павловской:

Я перестала плакать, перестала
Читать стихи, чтоб слышала родня.
Я, кажется, сама в себя врастала,
И поняла — нет близких у меня.

Тогда к друзьям свои простерла руки,
Но, слыша равнодушный разговор,
Я поняла, что я врастаю в звуки
И что людей не знала до сих пор.

К любимому вела меня дорога,
Но, видя виноватый взгляд его,
Я поняла, что я врастаю в Бога,
И больше в мире нету никого.

Бершин прав в своих рассуждениях об этих действительно юных поэтах. Попытка единения с миром лишь убеждает их в абсолюте одиночества, и метафизическое превращение, «врастание в Бога» происходит на фоне абсолютной пустоты, хотя все питомцы «Илья-премии» — очень разные по направлению, так сказать, дара. Поэтическое юродство Павла Чечёткина так же не схоже с трезвой кротостью Кати Цыпаевой, как самобичевание Павловской — с ними обоими. Чечёткин абсолютно барочный, игровой, восходящий к обэриутам и Веничке Ерофееву поэт. В нем так же прихотливо совмещаются русское и европейское начала на грани кощунства, эстетического фола, ныряния в безобразное с целью добыть в этой бездне жемчужину:

И как всегда, один пиит
В разорванном на части мире
Над страшной бездною стоит
И о любви гремит на лире!

Цыпаева — полная противоположность — словно демонстративно избегает всего внешнего в поэтике. В ней есть что-то сологубовское, какое-то нарочитое обезличивание бездны, которая не уступает чечеткинской, зачастую и превосходя бездонностью. Стоя пред такой глубиной, бессмысленно форсировать голос и представляться: в случае срыва никто уже не вытянет обратно. Временные пределы воплощения поставлены этой девочкой пугающе неукоснительно:

Но горное эхо запело: «Вас нет!
Вы — жители старого века.
Идите назад: за моря, за леса,
За синие горы, за реки.
Вам дальше нельзя. Здесь другая стезя.
Другим здесь расставлены вехи».

«Вас нет!» — диагноз, который беспощадно поставлен самому себе врачом, не уповающим на исцеление извне. Но дерзновение простирается дальше и выше самоотрицания. Скоморошествующий Чечёткин пересекается с самым — возможно, и единственным — духовно трезвым русским поэтом Владиславом Ходасевичем, в классической «Балладе» бившим ремнем «ангелов наотмашь». Чечёткину и ремня, и ангелов мало:

Хватаю светило за волос и бью
Его, ненавистное, палкой.

Дерзновение Кати Цыпаевой тише и конкретней: «Я в поисках. Мои глаза не спят, Они всегда глядят поверх закона». Но за ее трагической неэкзальтированностью прячется смиренное и бесстрашное знание Великой Вседозволенности, ничего общего не имеющей с расхристанностью. Это сверхзнание дает право без малейшего ущерба умещать Вселенную в пространстве родного городка Алатырь и спокойно декларировать в своей антидекларативной манере — с аллюзией на Селинджера — особое свойство, не замеченное или неумеренно гипертрофированное у Катиных сверстников:

Но — мой провинциальный русский дух,
Но — эта рожь над пропастью рассвета, —
Вот постраничный труд мой и досуг.

Все, о чем я говорю, надеюсь, проявится во втором выпуске альманаха «Илья». Поэты растут и развиваются как Бог на душу положил — не особо озабочиваясь оценками своих «кураторов». В то же время каждый отмечен в рамках теперь уже достаточно масштабного проекта «Илья», что называется, «особой метой». «Наших», братьев и сестер Ильи Тюрина, можно без труда узнать в любой толпе. Не стушевались они и в проекте газеты «Трибуна».

Олег Балезин, Екатеринбург

Собственно, если бы всё закончилось только трехдневной тусовкой в «Арктике», никто бы ни о чем не пожалел. Но был еще вечер в Домжуре с вызывающим названием «Дикороссы идут на Москву, или Такое вот Пыталово!». Поначалу показалось: столица просто не заметила кучки «новых варваров». И зал-то маленький, а людей и вовсе кот наплакал. Но потом из закутков старинного особняка начали подтягиваться: дамы бальзаковского возраста, критики из столичных газет, актер с абсолютно голым черепом (он часто снимается и, как правило, играет «гадов», потому показался чуть ли не родственником), друзья и знакомые дикороссов. Вечер получился одновременно стильным и душевным. Умный, слегка ироничный конферанс Беликова и Кудимовой. Пронзительная гитара и чистый, как тибетский воздух, голос новосибирца Дмитрия Литасова время от времени проветривал зал от тяжелых реалий корневого русского стиха. Дикоросс, кинорежиссер Сергей Князев, живущий в Подольске, показал фильм об ушедших. Он двое суток, не отрываясь, монтировал ролик. Когда на экране сквозь рябь помех появилось лицо погибшего поэта Сергея Нохрина, у режиссера вздрогнули плечи — они были друзьями. Чего в зале не было, так это телекамер. А значит, для «страны в целом» дикороссов попросту не существует. Даже к футболу пропадает интерес, если его не пока-

зывают регулярно по ящику. А поэзия — достояние узкого круга лиц. Все всё понимают. Никто не в обиде. Тем не менее явление дикороссов представляется покуда самой значительной литературной акцией в наступившем столетии. Я рад, что как-то в этом участвовал.

Ефим Бершин, Москва

Дед поэта Бориса Гашева, Николай Владимирович, священник, погиб на этапе. В 2000 году на Архиерейском соборе в Москве вместе с другими страдальцами за веру он был канонизирован в сонме новомучеников российских. Внука незадолго до этого какая-то чужая женщина убила ударом ноги в висок. Просто так. «Просто так» поэта Николая Бурашникова представители поколения next забили до смерти на пермской улице. А Анатолий Култышев не стал дожидаться — вышел через балконную дверь 11-го этажа. Вы знали этих поэтов? Бродягу и бомжа, семнадцать лет находившего себе пристанище на чердаках, в подвалах, на теплотрассах, звали Аркадий Кутилов. Его тело обнаружили в скверике Омска. Это он написал:

...И все ж не громче яблока
Когда-то упаду.
Естественно, небрежно:
Тук-тук — и тишина...
Прошу! Возьмите! Съешьте...
И сплюньте семена.

Житие русских поэтов продолжается. Со всем канонизированным набором: странничеством, веригами, мученической смертью и едва заметным пока извлечением из небытия.

Сергей Тамилин, Москва

Постмодернисты чутко уловили появление постсоветского человека и тонко на этом сыграли. Мы не заметили, как практическая мораль стала превращать общество в стадо, водимое «культовыми фигурами», возвращая личность в дохристианское языческое состояние и предвещая смертельно опасное истощение культуры.

В этот весьма драматический для отечественной духовности момент и оказывается востребованной «дикорастущая» поэзия. Сегодня это не просто совокупность пробившихся невесть как одиноких травинок, а новая поэтическая реальность. Впрочем, новой ее можно назвать весьма условно. Скорее, это попытка возвращения к незаслуженно забытому старому. К изящной корневой словесности, которая строит речь в речи и, соответственно, человека в человеке, делая его лучше. Дикорастущее разнотравье, настой которого способен вывести из организма культуры переполняющие его шлаки и токсины. И тем самым уберечь ее от гибели.

А вот ниже еще несколько избранных текстов из книги, чтобы читатель получил о ней чуть более полное представление.

Илья ТЮРИН (1980-1999)
Москва

Е. С.

Что я тебе напишу на коленях у сумерек,
Страшная девка без адреса и без примет?
Смейся, пора: я почти объясняюсь в безумии.
Будем считать, что и это сойдет за привет.
Вся моя комната в ужасе — если б ты видела! —
От перекрестных шагов. Или мы не вдвоем
Бедное чувство с шестым миллиардом в делителе
По единице секундам теперь отдаем?
Или один я? И некуда с эдакой бездною
Деться: всерьез не покинешь себя-старика.
Разве что память спасет: ты не самая честная,
Я же не гений. Ну вот мы и квиты пока.
Как назову? Хоть по первой строке, если хочется.
Не принимай за стихи: это только прием.
Стихотворение ждет. И пока оно кончится —
Кто бы мне высчитал, сколько мы лет проживем.

Елена ХЛЁСТКИНА (род. 1975)
Новосибирск

* * *

Вот любил бы, допустим, меня сумасшедший художник,
Рисовал бы мне разные ноги и синюю грудь,
Глаз всего лишь один, но довольно хороший,
И без рук, словно я и без них обойдусь как-нибудь.
Я стерпела бы всё — и согнутое набок колено,
И отсутствие полное рук, и ресниц, и бровей,
Только б он говорил, всем-всем-всем говорил непременно,
Дескать, это портрет самой-самой любимой моей.

Анна ПАВЛОВСКАЯ (род. 1977)
Минск

* * *

У вас там пиво и ночной Арбат,
А у меня под окнами колхозный,
Рабоче-пролетарские е...онат
Орет всей глоткою туберкулезной.

Что, это жизнь?! На околотку груш
Ушло два дня, сороковой — окурок.
Довольно скоро пьяный бывший муж
Расскажет мне про володарских урок...

Мне в семь подъем, как только протрубит
«Горшок пи-пи» мой сонный ангелочек,
А я не сплю, и так душа болит,
Что отдается чуть пониже почек...

Аркадий КУТИЛОВ (1940-1985)
Омск

Варвар

Идет полями и лесами,
Идет ромашковым ковром —
Мужик с невинными глазами,
С фамильным тонким топором.
Душа в лирической истоме,
В мазутной неге сапоги...
Под ним земля тихонько стонет,
Пред ним дрожат березняки.
Он понимает птичьи вопли,
Он любит беличью возню...
Он колья, жерди и оглобли
Считает прямо на корню.
Легко живет топорным счастьем,
Листает весело рубли...
Трудолюбив, хороший мастер, —
И тем опасней для земли!

Ксения ГАШЕВА (род. 1967)
Пермь

* * *

Похоже, что всё возвращается к хаосу:
Буфет достается проворному маусу,
На шторе пятно засыхает от соуса,
И в доме не слышно любимого голоса.
Да, время не станет делиться секретами —
О прошлом забудь, а что будет — неведомо.
То в смутной надежде любуешься парусом,
То долгой зимы надоевшим стеклярусом —
То видишь в окне очертания глобуса,
То, словно во сне, пассажиром автобуса
Становишься. Ежели жить на окраине,
Покажется, всё это только окалина,
А жизнь где-то там, за таинственной дверцею,
Где Прадо, Ла-Манш или «Колокол» Герцена.
Но Шар не имеет ни края, ни пропасти.
И славно, пожалуй, не выжить на плоскости!

Завоешь в тоске, уподобишься страусу
И больше не сможешь способствовать хаосу.

Николай БУРАШНИКОВ (1952-1999)
село Калинино Пермской области

* * *

Залаяли собаки в темноте.
Кому не спится в этакую пору?
Вот скрипнула доска, и над забором
Мелькнула по-кошачьи чья-то тень.
За ней — другая.
Быстрый шлепоток
Ребячьих ног.

Свет вспыхнул, как солома,
В избе,
Откуда выскочил в кальсонах
Мужик Иван.
В руке его сапог.
«Ну, чертенята, нет на вас креста!
Мать-перемать, как трахну из двустволки!»
И голову задрал:
«Ух, звезд-то сколько.
Вот это да-а, вот это красота...»

Константин ИВАНОВ (род. 1949)
Новосибирск

Серебряный век

Молодая, последняя ветвь
Европейского старого сада,
Русь готовила третий завет
И стези до небесного града...

Но вставали сквозь глохнущий сад
В бессознательной мгле обновленья
В дикой силе глухие леса —
Заземленные поколенья...
И наука — в пустых небесах
Узурпаторша и воровка —
Начала на аптечных весах
Назначать добра дозировку.

Победили слепцов голоса —
Клич в беспамятное уродство!
И Россия, как прежде Исав,
Отдала первородство.

Павел ЧЕЧЁТКИН (род. 1978)
Пермь

Сказка о рыбаке и рыбке

Сидишь себе на сходнях, хоть бы чё,
Мой влажный воздух ножками пиная.
Смотри: я вынимаю свой зрачок,
Насаживаю прямо на крючок
И прямо в омут удочку кидаю!
Ну, как оно?
Смотри: на этот глаз
Не позже третьей четверти второго
Поймается полуденный карась...
Ты видела когда-нибудь такого,
Наполненного влагой и икрой,
Случайно не отметанной в апреле?
Он ляжет на помост перед тобой,
Как первенец желанный — в колыбели.
Оценишь ли младого рыбаря,
Ходящего по водам пред тобою?
Я слышал, и апостол втихаря
До старости не брезговал удою.
Смотри: она изящна и легка!
Смотри, каким изысканным движеньем
Я ею протыкаю облака,
Лакающие наши отраженья,
Как вечность прогулявшие коты,
С оглохших крыш упавшие в сметану...
А хочешь, я придонные цветы
У них из животов тебе достану?
А может, хочешь жемчуга на грудь,
В корсете из усов речной улитки,
И ножки эти в лилии обуть,
Которые добудем как-нибудь —
Не с первой, так с пятнадцатой попытки?

Скажи, и я отвечу...

Юрий ВЛОДОВ (род. 1932)
Москва

* * *

Сердце зашлось от вороньего плача.
Пьяненький дождь похромал.
Сивая туча — сивушная кляча —
Слепо скользит по холмам:

Я же твердил вам, бухие разини:
«Крест под собой не руби!..»
Молча курю на поминах России,
Как на поминах Любви.

Геннадий КОНОНОВ (род. 1959)
Пыталово Псковской области

* * *

Тяжелее похмелье, и сердце неправильней бьется,
и уже не утешат ни Нобель, ни Букер, ни Сорос.
Есть немало у боли имен, и одно из них — совесть...
С нею я не хочу разбираться — Господь разберется.
Жаль, не с ней, а со мной... Погадай мне на баксах, цыганка,
расскажи, получил я уже, иль еще получу воздаянье,
назовется ли чувство, которому нету названья,
и удастся ль прыжок, если сызнова поднята планка?..
Ох, немало по жизни я слышал пророческой чуши,
получал на прямые вопросы — кривые ответы...

Выпив невельской водки с добавкой цикуты и Леты,
встречу гостя.
— Налить Вам, Иосиф?..
Бессмертные души
не бухают, известно. Лишь клены на улицах сонных
пьют дождя самогон... Так далёко схоронен Ваш остов —
что же Вы не пришли умирать на Васильевский остров,
обещанье пустое швырнув в тиражах миллионных?..
Вам — сияющий рай. Мне — земля и земные отравы.
Скоро, скоро, Иосиф, под ангелов светлых напевы
погуляем в посмертных садах, там, где яблони Евы,
свет без тени, и ветер святой, и душистые травы.
Там покойно, небось, после игр нашей родины грешной,
где останутся бедность, любовь, дураки и дороги.
Поболтаем неспешно об Анне, о ямбе, о Боге
и о питерской хмари, когда-то почти безнадежной.

А пока Ваша тень растворяется в ливне полночном,
Я шепчу: «Погадай, погадай мне, цыганка...»

И мучительно медленно падает сбитая планка.

Валерий ПРОКОШИН (род. 1960)
Обнинск Калужской области

* * *

Выйти из дома, пройти мимо старой котельной,
Школы, церквушки — и дальше, такая идея.
И заблудиться — и выйти на берег кисельный,
Господи, где я?

Вечер — на вдохе — густой, словно каша из гречки,
Сотни июльских мурашек промчались по коже?
Девушка с парнем лениво выходят из речки —
Голые, Боже!

Медленный танец и ангельский звук песнопений,
Краски смешались и стали почти неземными.
Что это с ней?.. Почему он встает на колени?..
Что это с ними?

Мне этот мир недоступен... отравленный воздух —
Выдох... Вжимаюсь всем телом в березу, как дятел,
И наблюдаю за тайными играми взрослых.
Я — наблюдатель.

— Кто это там, в голубом полумраке прищура
Целится взглядом безумным, как камень в полете?
— Тише. Смотри, этот мальчик похож на Амура,
Только из плоти.

Сергей ЛУЗАН (род. 1946)
Норильск

АРГИШ

Ловля оленей для упряжек. Перекочевка в пургу. Окончание пурги и появление солнца.

В белых бокарях вышел бригадир
Елачи Береговой из балка*.
— Арть-усь! — натравил оленегонок.
— Арть-усь!
Елачи молчаливый
И сильный, как черный волк.
Визжат собаки, сгоняя стадо.
Пестрый вожак, закинув рога,
Мчится по кругу, огибая стойбище.

* Балок — легкий домик на санях из реек и оленьих шкур. — *Прим. авт.*

— Арть-усь! — снег поет.
Полторы тысячи детей ветра
Летят и скрипят застругами.
— Арть!
Пестрый вожак в упряжку не хочет.
Работать не любит.
Пестрый вожак жадно свободу
Глотнул на ходу.
Закинув рога, летит,
А по следу, когтями касаясь снега, —
Собаки.
— Арть! Арть!
Спины — кочки. Рога — кусты. Водка — ветер.
Желтый ветер. Белый ветер.
Голубой ветер.
Желтый — в малице Елачи.
Маут летит на шею оленя.
Дым сорвался с трубы балка.
Тундры олень не убегает — застыл.
Только шкурой пурги шевелит
Белый ветер — Хиус.
Смотрит в лоб — лоб замерзает.
А голубой ветер — время жизни
От первого шага
До звона колокольчика.
— Арть-усь!
Пока собаки работают,
Пока сила в руках,
И олени летят вокруг стойбища.
— Арть-усь!
Пока Гошка семилетний
С маутом в руках.
Сильный олень. Тащит Гошку
По твердым сугробам,
А Гошка упрям — оленя не отпускает.
Так жить надо.

Пурга, однако, пурга, ой!
Ветер с юго-востока, из-за Варнгэяхи.
Шевелит снег ветер из-за Варгнгэяхи, ой!
Наискось в лоб.
Задевает ухо. Больно.
Зря сакуй не надел. Хэ-эх!
Бьет, бьет по нартам снег.
Балок тянут пять оленей.
Нарты тянут три оленя.
Жизнь тянет один человек.

Скрипит снег.
Свистит ветер.
Поет время.
В буране балки большими кажутся,
Как городские дома.
Снег крутится.
Стадо оленей, как черный бугор живой.
Хромой отстал.
Кричат пастухи.
Визжат собаки.
Пугают оленя.
Жизнь тянет один человек.
Семью тянут два человека.
Вечность — люди тащат.
Пурга, однако, пурга, ой!
Ветер. Ветер. Сердцу холодно.
Шевелит заструги
Ветер из-за Варнгэяхи.
В сумерках стадо остановилось.
Лаяли псы.
Ветер, как сахар,
Хрупкий и сладкий,
Тает во рту.
Голые ветви.
Крупные звезды.
Утренний снег.
Стадо лежит, отдыхает.
Белый пастух
Стадо пригнал от холмов
Варнгэяхи.
Белый пастух
В малице белой
С красным лицом.
Всё.

Юлиан НАДЕЖДИН (род. 1936)
Ярославль

Чернец Андрей

Татьяне Воскресенской

Мальчишки булкой кормят скакуна,
Киргизы рислинг дуют без закуски,
И стрелы их в наличнике окна
Толсты и безобидны, как указки.

Им пять минут, кочевникам, дано
На передышку. А потом осада.
Сгорит Владимир. Мне пора давно,
А я никак не выберусь отсюда.
Вот камера вошла вперед и вспять,
Пошла по кругу посреди пожара.
Тебя здесь нет, ты ждешь меня опять
На лавочке у старого базара.
Придет сейчас Рублев Андрей, чернец,
По наши раны, к нам, живым и мертвым.
На паперти падет он, черный, ниц,
На паперти под тяжким снегом мокрым.
И пробормочет, мимо проходя,
Чернец Андрей: «Писать не буду. Зряшный...»
И сгинет он немного погодя
И станет он безгласный и незрячий.
Вот вижу, прочь бредет, один, как перст.
Пустая торба. Чуни из мочала...
Горячий пепел сыплется окрест.
И хватит бы. Но всё пойдет сначала.
И пять веков разлуки нам, хоть режь.
В набег трубит осипший рупор сбора.
И вынет валидол лихой помреж.
И выбьют дверь Успенского собора.

Борис КОСЕНКОВ (род. 1934)
Самара

Небесный поцелуй

Шедевры пишутся шутя.
Короткий вздох, разбег недолгий —
И вот вам дивное дитя,
И мир заходится в восторге.
Шедевры пишутся легко,
Без мук, потений и пыхтений.
Тряхнул башкой, махнул рукой —
И ты уже бессмертный гений.
Шедевры пишут на бегу:
В столичной буче очумелой,
В бою,
С косою на лугу
И за минуту до расстрела.
Шедевры пишут кое-как:

И на песке,
И на дискете,
И жженой спичкой на клочках,
И свежей кровью на манжете...
Не лез из кожи,
Пуп не рвал,
Не изводил годами стружку —
А просто Бог поцеловал
Тебя, везунчика, в макушку.

Алексей ШМАНОВ (род. 1959)
Иркутск

Волшебное слово

Управлять лошадью я научился в четыре года.
Это совсем не сложно.

Моему двоюродному дядьке
вдарило тогда лет пятнадцать по белобрысой морде.
Как я теперь понимаю,
он был остроумным подростком.

— *Чтобы управлять лошадью,* — говорил Вовка...

Никто не называл его дядей.
Он был моложе на два года,
чем его старший племянник.
Вовка морщился и сплевывал горькие крупинки табака
С вечно треснутых кривых губ.
Зубы уже тогда пожелтели,
А в щель меж заячьих резцов
он мог плюнуть на восемь моих шажков.
Я мерил.

— *Надо знать волшебное слово.*

Телега грохотала по проселочной грунтовке.
От станции до деревни пять километров.
Напрямки пешком вдвое короче и быстрее...

Еще он был чемпионом.
Он пердел громче всех своих племянников,
даже того, кто старше.
Все его уважали.

— *Хочешь, я научу тебя править?*

Вовка закуривал новую «приму».
Он курил непрерывно.
Я привык и почти не кашлял.
Я подвинулся ближе.
Кто же не хочет править?
Я хотел очень-очень.

— *Чтобы она повернула направо, надо сказать волшебное слово: «»*
И он говорил это слово,
и лошадь его понимала,
и, умная, шла направо!

Для «лево» и «прямо» были свои слова,
тоже волшебные.
А чтобы остановиться, надо было сказать всего-то:
— *Тпр-р-р-ру, бля!*
А чтобы пошла:
— *Н-но-о-о, сука!*
Управлять лошадью совсем не сложно.
Я всё запомнил с первого раза.
Я до сих пор всё помню.

И не надо про вожжи, не надо.
Сначала-то было Слово, вожжи придумали позже.

У меня получалось, я правил!
Вовка и лошадь смеялись,
курили и грызли удила,
и, хвост поднимая, пердели.

Какой замечательный вечер!
Какое волшебное слово!

Сергей НОХРИН (1958-2001)
Екатеринбург

Крест

Мы, ненавидя и любя,
на сотни верст окрест
Крест подгоняем под себя,
а не себя — под Крест.

Из года в год несем свой Крест,
работаем, едим...
А Крест для всех времен и мест
далек, высок, един.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Четвертый квартал 2002 г.)

1. Художественная литература

А. «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир»

В журнальной прозе сезона можно нащупать несколько ярких линий. Одна из них — это, говоря условно, **ЖЕНСКАЯ ПРОЗА.** Гендерное это определение не вполне, конечно, научное. Но речь в нашем случае идет просто о писателе-женщине, которая рассказывает о героине-женщине. Такой вот антипод прозы *мужской.*

А самое, кажется, интересное явление в этой области — **повесть Марины Вишневецкой «А.К.С. (опыт любви)»** в «Знамени» (№ 11). Это очень удачная вещь, может быть, вообще вершинная на сегодня у этой писательницы. Текст вписан автором в книгу «Опытов» — задуманную уже довольно давно и потихоньку растущую книгу признаний и откровений от первого лица (в каждом «опыте» это первое лицо — новое). Такая циклизация вполне уместна, она правильно ориентирует читателя, хотя трудно сказать, как будут смотреться отдельно публикуемые тексты под одной обложкой. Итак, создается книга рефлективно-психологической, социально-характеристической прозы. Новая повесть замечательна уже сочетанием этих двух аспектов. Горожане, москвичи, на переломе от советской к постсоветской эпохе. Их обиход, их душевные метания и шараханья. В некоторых своих текстах Вишневецкая уже пыталась выходить и в экзистенциально-философскую сферу, вводила масштаб вечности. Новый опыт — самый, может быть, удачный в этом смысле. О себе здесь рассказывает москвичка Алла, и это, по сути, жанр предсмертной исповеди. Еще нестарая героиня умирает от рака в хосписе и надиктовывает на магнитофон «урок» своей жизни. А главное в ней — история роковой любви, разломившей эту жизнь на две части и в конце концов надорвавшей ее. Преуспевающая бизнесвумен Алла ушла из семьи, но в какой-то момент оказалось, что ее друг вполне способен ее бросить. В сущности, именно от этого героиня и умирает... О любви Вишневецкая рассказывает, по-моему, замечательно, так жгуче и ярко, что поневоле и ты становишься соучастником в этой истории страсти. Но особое, пронзительное качество рассказу придает то, что еще не погасшее сердечное чувство соотнесено героиней с ее новыми убеждениями, со свежим опытом христианской веры и этики. Христианство Аллы — такое наивное, детское. Она начинает понимать жизнь очень просто и очень сурово судит себя. Может быть, слишком просто, слишком строго? Не знаю. Этот опыт трудно рецензировать, да наспех и не получится. Но трудно и не впечатлиться этой исповедью неофитки.

Другие произведения о женщине и по ее поводу выглядят менее убедительно.

Ирина Полянская в **романе «Горизонт событий»** («Новый мир», № 9, 10; журнальный вариант) вывела круг лиц, связанных отношениями родства и

соседства. На первом плане — учительница Шура и ее дочь Надя. Основной фон — перипетии советской жизни, от 40-х годов начиная (ленинградская блокада, затопление Мологи). Появляются и пропадают исторические фигуры: Гаврила Принцип, Меркулов, Дзержинский... Роман довольно рыхлый, он разваливается на фрагменты и эпизоды, некоторые, однако, занятны. Ну а самое привлекательное — авторская эрудиция (не она ли является причиной того, что романная форма иногда преобразуется в эссеистическую?) и культурный, красивый слог. Не сразу понимаешь, к чему клонит автор романа. Может быть, к тому, что книги — важнее и интереснее, чем люди.

Публикуемый в «Москве» роман **Маргариты Сосницкой «София и жизнь»** (№ 11, 12) — ученические, не всегда умелые упражнения сочинительницы, имеющей, впрочем, писательский стаж аж в 11 лет. Писательница полна благородных намерений, но ее представления о жизни выдают книжность опыта, а практикуемый способ повествования, мне кажется, безнадежно устарел... «Москва» ищет молодых авторов. И это хорошо. Но поиск не всегда успешен.

Два **«Рассказа для Анны»** мюнхенской жительницы **Ирины Стекол** («Новый мир», № 12) — это истории о женском одиночестве, о женщине, впавшей в детство, о собаках — спутниках женщин. В одном рассказе умирает любовь, в другом — собака. В деталях автор убедительна, что-то заставляет предполагать стоящий за этой прозой личный опыт.

Другой вектор — **СОВЕТСКАЯ ЭПОХА** в разных ее планах. **УШЕДШЕЕ ВРЕМЯ И ЕГО УРОКИ** продолжают привлекать внимание литераторов.

Заметная проза такого рода — **роман Леонида Зорина «Юпитер»** («Знамя», № 12). Дневник великого актера Ворохова. В театре готовится к постановке пьеса о Сталине и его взаимоотношениях с крупнейшими художниками его времени. Ворохову поручена роль вождя. Он не понимает, как ее можно сыграть. Как изображать того, кого ты в принципе ненавидишь? Как тут искать в злом доброе? Но потом актер начинает вживаться в образ. Появляются главки из дневника роли, от лица персонажа. В результате Ворохов находит в своем герое некую значительность, некий, пусть зловещий, масштаб, коего лишена современная жизнь, суетная и бытовая. Результат оказывается в буквальном смысле слова убийственным. От сшибки роли и собственного опыта у актера мутится рассудок, и Ворохов умирает. Вот такая опасная игра. Роман написан в традициях культурной, интеллектуально насыщенной прозы, хотя, на мой взгляд, конфликт личности и роли мог бы быть прописан ярче.

В том же номере **Эдуард Кочергин** предлагает новую серию своих замечательных нравоописательно-характеристических **очерков** ленинградского дна середины минувшего века: **«Из опущенной жизни»**. Нищенская артель похоронной помощи с паперти собора Николы Морского; старый вор Василич и его подруга чухонка Анюта с острова Голодая... В названии чудится претензия на обобщение. Возможно, таковое действительно имеет право на существование. Ярко изображенные персонажи, каждый — натура по-своему незаурядная, все-таки в чем-то ущербны. Изломаны, схрумканы эпохой и бытом.

Другая проза номера — посмертная републикация мемуарного **рассказа Феликса Светова «Воля»** (ссылка на Алтае) и отрывок из его незаконченной

повести «Рязаночка» (рассказ о сестре, которая всю жизнь читает «Трех мушкетеров»).

Людмила Синянская в том же номере «Знамени» (№ 12) вспоминает о том, как она в 60-х годах работала в министерстве культуры СССР, выпускала «вредную продукцию» (то есть отбирала пьесы западных драматургов, продвигала их в театры страны вопреки сопротивлению всевозможных цензурных инстанций). Перипетии довольно мрачные, а воспоминания — веселые. Синянская много рассказывает о «солдатах партии»: Фурцевой и прочих, не столь крупных деятелях; раскрывает бюрократические механизмы «руководства культурой». Попутно становится видно, что может сделать один человек, если бесстрашно пытается вдвинуть советское общество в мировую культуру.

«Повествование в рассказах» Евгения Рейна «Призрак среди руин» («Новый мир», № 10) — это воспоминания широкого профиля. События и персонажи памяти. Маститый поэт рассказывает о себе, о своих учителях (Ахматова, Штейнберг), о Бродском, о других знаменательных событиях и встречах, а заодно и делится кое-какими мыслями.

В № 11 «Москвы» публикуется **«Мертвая зыбь» Александра Семочкина**, директора музея-усадьбы Набокова в Рождествено. Это **исповедь** мракобеса. (Правда, мракобеса умеренного и осмотрительного, если это кого-то утешит.) Автор противопоставляет себя «разрушителям»-шестидесятникам. Он — «семидесятник», то есть — «воцерковленный». Этакий православный коммунист... России свобода не нужна. От нее народу один вред. От сытости в голове у русского народа заводятся тараканы, а беда и отчаяние ему сугубо полезны. Таковы положительные думы Семочкина.

А в «Нашем современнике» (№ 9 — 12) закончена публикация масштабного **романа** бывшего дипломата **Юлия Квицинского «Отступник»**. Это сатирико-разоблачительное повествование о политическом деятеле Тыковлеве, имеющем легко угадываемого прототипа. «И решился Саша не размениваться на мелочи, а начать с того, чтобы разгромить марксизм-ленинизм...» Делает он это на деньги — кого бы вы думали? — евреев.

Там же в № 10 еще одна порция **воспоминаний Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»**. Кульминация их — рассказ о встрече с палестинским террористом, участником теракта в Мюнхене в 1972 г., когда арабы расстреляли израильских спортсменов. Об этой встрече Куняев повествует с пиитическим восторгом.

И в том же номере — **повесть Валерия Хайрюзова «Льготный билет»** («Наш современник», № 10). Летчик Поротов из Сибири стал депутатом в конце 80-х. Не нравилось ему, куда идут события. «Поставь рядом бревно и Ельцина, я бы проголосовал за бревно. Меньше вреда принесет», — так он выражается. Но избиратели его не понимают, ругают. Иные из корысти. Много потом претерпел доблестный «консерватор». И на работу его не брали, и в семье не все ладилось, но на Балканы он тем не менее ездил, и в Америку — везде отметился. Аморфная, несобранная проза.

Еще тема — **СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ**.

Повесть Леонида Бородина «Бесиво» («Москва», № 11) — относится к разряду программных вещей у этого автора и в редактируемом им журнале.

Примечательное произведение. Удачный, трудолюбивый фермер теряет все и становится шестеркой у районного олигарха. Таков закон жизни, по Бородину. Закон этот, правда, отчего-то опирается на случайности и совпадения авантюрного плана, и если глубоко задуматься, то можно автору и не поверить. Слог, выбранный Бородиным, несколько нарочит. (Ср.: «Внезапный страстный монолог Федора Кондратьевича поверг меня в истинное смятение и смущение».) В нем много от беллетристики XIX века, что ныне выглядит слегка комично. Впрочем, возможно в том и состояла цель автора. Бородин создает прозу жизнеподобную, но рассудочную, а оттого реальность в его повести отдает исчисленным гротеском, писатель нажимает на все клавиши до упора. Ружья у него стреляют, герои превращаются в представителей социального типа, но в сильном укрупнении. Пенсионер-правдолюб Лытов, к тому же сочинитель — готовый автор журнала «Москва», единомышленник записного журнального идеолога, «евразиата» и юдофоба Панарина (в том же номере публикуются красноречивые размышления солженицынского лауреата о «белом расизме» и «еврейском фашизме»). А местный олигарх Черпаков выглядит дельцом-интеллектуалом столичной мерки, идеологом и философом, новейшим инженером человеческих душ, куда там Ходорковскому с Потаниным. Таких хватких современников, как Черпаков, Бородин не любит. Но и альтернативы им не видит. Народ у него спивается, вымирает, идет в тотальный исторический расход. Это прописано особенно убедительно. В повести выведен писатель (весьма близкий к автору), который собирает материалы, изучает жизнь. Но он только рассуждает о том, о сем, никакой социальной активности не развивает, предпочитает поудить рыбку. На жизнь он смотрит без иллюзий, отстраненно и не без иронии. Так что нотка надежды в финале звучит у Бородина весьма принужденно. Пафос Бородина совпадает с пафосом «коллективного автора» журнала «Москва»: какофонический сплав уныния и веры в чудо.

Насквозь тенденциозен и притом устрашающе актуален **рассказ Виктора Дьякова «В ста сорока километрах от Москвы»** («Наш современник», № 12). Молодой русский парень Андрей в электричке наблюдает кавказцев, видит их хозяйские замашки, их безнаказанную хамоватость. Болит у него душа за русских. Такие они слабые, такая размазня и бестолочь. Потом на берегу озера те же кавказцы издеваются над беззащитным семейством, на глазах мужа и маленького сына пытаются изнасиловать женщину. Андрей приходит на помощь, уводит кавказцев, те пускаются за ним в погоню, и один из преследователей попадает в какую-то трясину. Благородному Андрею приходится его еще и вытаскивать. В финале старший кавказец предлагает Андрею примкнуть к их мафии, потому как сила-то — у них, через тридцать лет вся Россия достанется им безо всякой войны, ведь русские и рожать-то не хотят. А к тому времени и вся Европа станет исламской. Андрей отказывается и потом, в разговоре с подругой, убеждает ее завести ребеночка... Что тут комментировать?

Но не все герои наших дней столь цельные натуры.

В повести Ильи Кочергина «Помощник китайца» («Знамя», № 11) молодой москвич явно мается дурью, не зная, куда податься, кем быть. Сшибает деньгу, служит у китайского коммерсанта, ни во что не верит. Тростник, колеблемый

ветром. Мечтает герой о Монголии, а живет в Москве. Вот те и проблема. Ближе к финалу он выбирается на Алтай и доволен такой переменой. Чувствует себя «необходимым для дальнейшей жизни». В Москву приезжает лишь в отпуск. И знаком его чуждости бессмысленной столице становится регулярная — по три раза в день — проверка его документов алчными ментами. Как-то не весьма содержателен этот довольно культурный текст. Или молодому писателю Кочергину уже нечем занять читателей?

В **повести** другого недавно прошумевшего молодого литератора **Романа Сенчина «Нубук»** («Новый мир», № 11, 12) выведен еще менее симпатичный юноша — с автобиографическими чертами. (Впрочем, эта вещь едва ли вполне исповедальная.) Персонаж по имени Роман, чьими глазами мы видим мир, из глухой сибирской деревни, где осели его родители, перебирается в Петербург. Там процветает его друг, мелкий предприниматель. Роман служит у дружка на подхвате, а попутно причащается всех радостей жизни в современном мегаполисе: ночные клубы, доступная любовь, веселые дружки. Всем доволен. Дальше начнутся драматические осложнения, но они мало что изменят в душе героя. Перед нами очень плоский и очень скучный человек, полная посредственность. Такой человеческий слив и отстой, какого и в современной прозе встретишь нечасто. И вся жизнь, выписанная Сенчиным, скучна и посредственна. И рассказано о ней неинтересно. Если это социальный, критический реализм, то он поверхностен и неоригинален. А других пристойных объяснений такой прозе нет.

Повесть в новеллах Петра Образцова «Колесо обозрения. Рассказы о Жене Троицком» («Знамя», № 12) — это собрание историй, рассказанных легко, занятно, умно. Изображен предприимчивый и талантливый журналист — гуттаперчевый герой, который легко применяется к обстоятельствам. Прагматичное время, несентиментальные типы жизни. Авантюры с душком. Послевкусие от всего этого довольно грустное. Единственный шрам в душе героя — от давней любовной неудачи.

Антипод этого беспринципного Жени — героиня студентки Литинститута **Светланы Рыбаковой (рассказ «Приходский библиотекарь»**: «Наш современник», № 10). Ее Вика — девушка с идеями. Работает в библиотеке при храме, рассуждает о жизни, что тебе твой профессор Михаил Лобанов, напутствовавший юную сочинительницу. Публицистическая зарисовка, да.

В **повести Владислава Артемова «Художник Верещагин»** («Наш современник», № 11) художник в новые времена становится сторожем. Он очень недоволен эпохой, однако и кисти давно не касается. Пытается торговать, еще как-то мается. Но в финале ноги приносят его в монастырь. Вещь «правильная» и скучноватая.

В «Новом мире и «Знамени» такой не слишком умелой прозы, конечно, не бывает. Но попадаются вещи довольно мелкотравчатые.

В **рассказе Александра Яковлева «Домашние люди»** («Новый мир», № 11) изображена анекдотическая ситуация. К интеллигентному соседу по очереди ходят соседка-дочь и соседка-мать. Одна предлагает себя замуж, другая просто стосковалась по мужчине. Остроту ситуации придает то, что обо всем, чего хотят, эти героини говорят прямым текстом, что, очевидно, должно зафиксировать характерное качество нашего нежеманного времени.

Анатолий Гребнев в **«Ограблении века»** («Знамя», № 10) рассказал о питерском бездельнике-бонвиване и донжуане, который в новые времена вошел слишком уж беззаботно, а потому однажды почувствовал, что беден и это не нравится женщинам. Герой задумал и почти осуществил ограбление. Другой **рассказ**, **«Как так получилось»**, завязан на историческом факте, который всплыл в современном таблоиде. Якобы в войну на фронт в радистки-санитарки намеренно призывали девушек для того, чтобы решить физиологические проблемы воюющей армии. На этом фоне — взаимоотношения матери-фронтовички и сына, и переоценка ценностей старшим поколением... В общем, картинки жизни.

Борис Екимов в новой подборке **рассказов** («Новый мир», № 10) фиксирует народные разговоры, делится впечатлениями от родной природы, наблюдениями над жизнью в южнорусской глубинке. Часто писатель балансирует на грани очерка и рассказа. Наиболее интересен рассказ **«Охота на хозяина»**. Это своего рода римейк Хемингуэева «Старик и море». Дед и внук рыбачат — и встречаются с большой рыбой, сомом. Вывод автора: человек должен бы знать меру и быть поосторожнее в отношениях с природой, у которой еще есть свои тайны и таинства.

Дальше — о ***прозе пестрой, но чем-нибудь да интересной***.

«Письма без конвертов» Евгения Бестужина («Знамя», № 10) — первая публикация автора. Это изысканные вещицы в эпистолярном жанре, письма от разных лиц, стилизующие манеры разных эпох и культур. Тонкие чувства, занятные мысли (иные так просто умны и задевают!), хорошее историко-культурное оснащение, виртуозная игра словом — блестящие способности, которые, надо думать, не останутся без реализации в более масштабно-значительной прозе.

«Три повествования» Асара Эппеля в том же номере «Знамени» (№ 10) — три **рассказа**, отмеченных характерным для этого автора пристальным вниманием к деталям и подробностям жизни. В них-то и концентрируется суть. Иногда эти случайные подробности становятся судьбоносными, как в рассказе **«В паровозные годы»**: девушке искрой от паровоза выжгло глаз. При этом Эппель умеет наворотить композиционных усложнений, разной чехарды, чтобы скучно не казалось. Выходят у Эппеля вещицы затейливые, мастерские. Особенно удаются эротические повороты. Один из рассказов, **«Кастрировать Кастрюльца!»**, — только этому самому и посвящен. У героя нестандартный половой орган, и вот уж любая женщинка от него без ума. Так и падают под героя дамочки. А он — человек добрый, всем готов услужить.

Виртуозные вещицы вышли и из-под пера **Алексея Слаповского** («Новый мир», № 12; из «Книги для тех, кто любит читать»). Иногда **рассказы** — забавные безделки. Иногда они претендуют на нечто большее. Самая серьезная вещь, **«По венам»**, — история самоубийства девочки, которая не может найти общий язык с миром.

Роман Анатолия Рогова «Выбор» («Москва», № 9, 10) — это исторический панорамный обзор. Речь идет о начале XIV века, эпохе великого князя Василия Ивановича. Нестяжатели и иосифляне. Умело выполненная историческая беллетристика.

Не совсем понятна целесообразность публикации **отрывков из ненаписанного романа Сергея Боровикова «Крюк»** в «Знамени» (№ 11). Да, интересные

детали. Но, кажется, и только. Автор забросил работу над текстом лет 10 — 15 назад. Тогда кого-то могли впечатлить некоторые рассчитанные шоковые эффекты (например, первая часть этого романа в набросках названа «Б...»).

«Видение Азии» Василия Голованова («Новый мир», № 11) — современный **путевой дневник**, записки путешественника по Тыве. Много колоритных деталей.

Текст оренбуржца **Петра Краснова «Победит любовь»** («Москва», № 10) — это новый опыт в жанре **миниатюры**. Что-то отдаленно напоминающее «Камешки» Солоухина, но у Краснова свои тараканы в голове. Есть, например, рассуждения в таком роде: «...грязные рты демпропаганды, неиссякаемая ныне журналистская эта нечисть — "имя же им легион". Жесткой волей управляющей ими — всеми — руки нам не оставлено, кажется, ни единого шанса знать правду о происходящем...» «Черным мессам» Радзинского и Сванидзе на ТВ автор противопоставляет «русский здравый смысл, русскую волю к правде». Публикация обличает довольно зашоренный ум и остаточную наблюдательность; самое интересное у Краснова — схваченные жизненные наблюдения, фразы, — впрочем, тут же и брошенные. В этом номере, кстати, напечатана подборка других текстов оренбургских авторов. Увы, взгляду остановиться особенно негде.

Краснодарец **Виктор Лихоносов** же решил предложить читателям свои **дневниковые записи** (**«Записи перед сном»**: «Наш современник», № 11, 12). Общее в них: «Пропала Россия». Очерки патологии — угадайте, чьей. Нет уже на Кубани настоящего казачества. Власть сгнила. Братья-писатели погрязли в интригах и исторгли Лихоносова из руководящих рядов. «А по русским городам хозяином разъезжает г-н Бейкер! К улицам Свердлова и Луначарского прибавилась улица Мандельштама. На двуглавого орла надели ельцинскую шапку. Конец света наступил».

В **рассказе Евгения Логинова «Батальон экстремистов»** («Наш современник», № 12) базирующаяся в Биробиджане десантура шуткует незлые шутки с местными евреями. Энэсный юмор.

О **ПОЭЗИИ** в БСК обычно не пишется, но ради одной публикации сделаем исключение. В «Нашем современнике» (№ 12) напечатана **поэма Юрия Кузнецова «Сошествие в ад»**. Вещь характерная для журнальной политики, для особого миросозерцательного склада. Поэма — это рифмованное путешествие по аду, куда Кузнецов (следуя, видимо, за образцом Данте) отправил всех, кого он не любит, и подробно изобразил, каким пыткам его недругов там предают. Ленин, например, горит на броневике. Сочинитель окликнул его и получил такой ответ: «Что тебе нужно, товарищ? Я занят. Горю». Из современников поэт записал в ад Солженицына, Горбачева, Ельцина, Чубайса, Лихачева, Астафьева и др. (Кстати, поэма сопровождена подробным комментарием: кто есть кто.) Ад Кузнецова — заведение довольно бессмысленное. Одни там просто страдают физически. Другие существуют в новом качестве, «горят»... В этом описании есть неожиданно яркий контраст к болезненно остро пережитому опыту одного из персонажей, сообщенному Вишневецкой в повести, с которой был начат этот обзор. У Вишневецкой ад — это вечное одиночество, вечная боль отринутости.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Б. «Дружба народов», «Октябрь», «Урал»

На этот раз *главной* темой в обследуемой нами журнальной нише оказалось **ПРОШЛОЕ**, уловить и запечатлеть которое авторы пытаются самыми разными средствами — от непосредственных ***воспоминаний о былом*** до попыток работать в ***архаичной стилистике*** или ***анахроничной поэтике***.

Центральной фигурой **мемуарного романа Людмилы Бубновой**, вдовы Виктора Голявкина (**«Стрела Голявкина»**: «Октябрь», № 10), естественно, выступает ее муж. В тексте возникает узнаваемый портрет питерской богемы 60–70-х, где слишком много пили и с легкостью отвешивали друг другу как комплимент «старик, ты гений», так и звонкие оплеухи. Хотя автор, кажется, далек от задачи ретушированного для парадных целей портрета (Виктор Голявкин предстает человеком весьма проблематичным в быту и в отношениях с людьми вообще), по тексту красной нитью проходят сетования о недооценке истинного масштаба личности Голявкина (как прозаика и художника) ни при жизни, когда он пользовался славой детского писателя, ни после смерти. По мнению вдовы и приводимым ею отзывам друзей, его «взрослая» проза, почти не публиковавшаяся прижизненно, заслуживает гораздо большего. От себя посмеем заметить, что детские книги (по оставшимся в памяти впечатлениям) действительно приметные, что же до остального, то, например, упоминающийся в мемуарах прижизненный сборник коротких рассказов «Привет вам, птицы!» столь же глубокого впечатления не оставил. Впрочем, все как всегда зависит от того, с чем сравниваешь...

Анатолий Азольский в **повести «Белая ночь»** («Дружба народов», № 10) как всегда оглядывается в свое излюбленное время — 30–50-е годы (в данном случае, диапазон у́же — конец 40-х, плюс ретроспекции в недавнее прошлое). Снова блестящие военные, обжигающая любовная страсть, запутанная интрига... Пристрастие автора к теме шпионов и диверсантов в этом тексте претворилось с несколько неожиданной стороны: на родину из долгой эмиграции нелегально проникает полковник французской армии и личный друг Де Голля Жорж Дукельский, но с целью, сколь далекой от политики, столь и сентиментальной — узнать о судьбе двух отбывших из эмиграции теток. Он пользуется внезапной смертью другого авантюриста — советского офицера, с которым накануне познакомился совершенно случайно, — и берет себе его имя, деньги, одежду и документы. Впрочем, органы достаточно скоро его вычисляют, но, поскольку фигура слишком заметна, дают возможность снова уйти за кордон. Несмотря на изысканный стиль, особенно большого смысла в этом сочинении обнаружить не удается.

Елена Гилярова в **ретро-романе «Учитель с царским именем»** («Дружба народов», № 9, 10) пробует воссоздать пропитанную революционными настроениями атмосферу начала века. В тексте много от авантюрных жанров — все повороты сюжета обусловлены случайными встречами, знакомствами и совпадениями, неизменными спутниками главного героя — провинциального учителя, прибывшего в Москву развеять грусть по недавно умершей жене. Волею обстоятельств этот добропорядочный гражданин оказывается в самом центре событий, связанных с деятельностью бомбистов, и пытается вывести на чис-

тую воду провокатора, который выступает главарем этой организации. Как ни странно, ему удается заставить негодяя бросить «дела» и отбыть за границу. Впрочем, не удается предотвратить взрыв, в котором гибнет его высокопоставленный родственник (самое неприятное, что в организации теракта принимает участие дочь жертвы, не подозревающая, на кого будет направлена социальная месть). Между тем, автору этого *ретро*-романа не хватает самого главного — чувства эпохи. Персонажи во многом мыслят и действуют как люди гораздо более близкого к нам времени. Сними с них карнавальные костюмы — увидишь типично советских людей среднеинтеллигентского слоя...

Совсем в ином ключе решен **рассказ Андрея Ефремова «Любовь и доблесть Иохима Тишбейна»** («Октябрь», № 12), повествующий о роковой страсти немецкого офицера, находящегося на дипломатической службе в Петербурге, к таинственной русской красавице и авантюристке. При том, что дело, как уверяет автор, происходит в XXI веке — главный колорит повествованию придает нарочитое «извлечение» происходящего из контекста современности (или, если угодно, прогнозируемого будущего). Рассказ написан так, будто литературы XX века (по крайней мере, на русском языке) не существовало в принципе. Текст подан от лица немца, «вспоминающего» поворотный для всей его будущей судьбы момент, когда драматические взаимоотношения с женщиной и так до конца и не объясненное ее исчезновение, сделали его писателем. Текст представляет интерес, скорее, как методологический эксперимент, чем собственно художественное произведение.

К прошлому в значительной степени обращен и **рассказ Марины Вишневецкой «Опыт принадлежания»** («Октябрь», № 10), посвященный вечной теме русско-еврейских отношений. Текст оформлен как письмо матери сыну, где та излагает историю семьи. В центре повествования — фигура бабушки, которая едва не погибла в гетто, потеряв там дочь, мать, сестру и многих других родственников. Сюжетной кульминаций текста служит собеседование в немецком фонде, где та бесстрастно отвечает на вопросы, касающиеся смерти ее родных, ради получения компенсации жертвам нацизма. Идейным ядром выступают ремарки «корреспондентки», где она, политкорректно оговариваясь в симпатиях к христианству, предъявляет довольно агрессивные претензии к христианам (в том числе даже к апостолу Павлу) и христианскому мировосприятию в целом за негативное (сознательное или бессознательное) отношение к «народу, распявшему Христа». Образ бабушки, с поднятой головой переживающей любую трагедию, выступает тем самым как символ гонимого, но несгибаемого народа.

Антитезой ретроспекции выступают попытки запечатлеть **НАСТОЯЩЕЕ**, уловить те или иные черты, присущие **СОВРЕМЕННОСТИ КАК ТАКОВОЙ**. По большей части эти опыты фиксируют ***либо прямо абсурдные, либо подчеркнуто профанированные свойства современной действительности***.

Сергей Тютюнник в повести «Кармен и Бенкендорф» («Дружба народов», № 10) помещает действие в Чечню. Однако текст никак не касается военных действий. Действующих лиц трое — рассказчик, майор из пресслужбы, возглавляющий ее генерал, бывший начальник Главлита, и проститутка, яркая женщина с изломанной судьбой, вознамерившаяся отомстить тому, кто когда-то не пропустил в печать ее повесть о пребывании в зоне. Сюжет почти целиком укладывается в

одну ночь: пьянка в гостинице, спорадические драки, истеричные откровения, наконец, попытка застрелить генерала из украденного в соседнем номере пистолета... и покаяние старика, и неожиданное взаимопонимание, объединившее этих троих, и внезапная смерть генерала под утро от сердечного приступа... Автора подводит слишком заметная просчитанность текста — сюжет годится скорее для динамичного кино, чем для более рефлективной литературы.

Повесть Юрия Петкевича «Бессонница» («Октябрь», № 11) — довольно хаотичное повествование с рваным сюжетом, усложненное подачей через восприятие как минимум трех персонажей — средних лет мужчины неопределенных занятий, любящей (?) его женщины, которая страдает галлюцинациями, и мальчика, которого тот случайно встречает на вокзале. Текст построен как бредовая мозаика, призванная выразить абсурдность — или, во всяком случае, — иррациональность бытия.

Повесть Юрия Графского «Как звали лошадь Вронского?» («Октябрь», № 11) описывает вышедшего на пенсию специалиста по Льву Толстому, который страдает от неблагодарности и бытового хамства со стороны жены и взрослой дочери. Когда-то он был вершиной иерархии в семье, поскольку обеспечивал материальное благополучие, теперь с ним никто не считается. Он уезжает в провинциальный городок, где родился, и изливает накопившуюся желчь до сих пор влюбленной в него однокласснице, к которой когда-то питал возвышенные чувства. Одноклассница приводит его в компанию местной богемы, где царит разврат и бездуховность, там он сперва морально, а после и физически побивает законодателя провинциальной моды. В тексте присутствуют обильные и довольно жалкие рассуждения о Толстом, с семейным положением которого герой ищет (и находит) постоянные параллели, также представлено и собственное поэтическое творчество героя — иронические стишки, которыми тот необыкновенно гордится. В поезде, увозящем его к родному очагу, герой приходит к неожиданному открытию — он напрасно потратил жизнь на изыскания в чужом творчестве, тогда как мог бы плодотворно заниматься своим. С первой частью не согласиться невозможно...

Александр Хургин верен себе. В подборке **рассказов «Маленькие трагедии. Или не трагедии»** («Дружба народов», № 12) он со свойственной ему любознательностью разглядывает в лупу тоскливые до тошноты житейские ситуации (например, жена стала изменять мужу-бизнесмену, тот некстати вернулся, схватил пушку и давай палить. Никто, впрочем, не умер, медицина всех спасла. Он от жены ушел, а квартиру отобрать не смог, поскольку сам же и записал ее в свое время на имя жены, — **«Для души»**).

Персонажи **рассказа Ольги Шевченко «Зывезда»** («Октябрь», № 12) — обитатели студенческого общежития, но вовсе не обязательно студенты. Это повсякому обиженные жизнью люди, так или сяк прилепившиеся к жилью. Снова острая потребность в спиртном и хоть мнимом интересе противоположного пола. Сюжет заканчивается нелепой дракой, после которой двое вышибленных за дверь убогих примиряются и глядят на звезды.

Марианна Гейде ищет (и находит) причину еврейских страданий в фигуре «Ивана Григорьева» (в тексте — соученика рассказчика), которой придан явный аллегорический смысл (**рассказ «Иван Григорьев»** — «Октябрь», № 12).

Дарья Варденберг в **рассказе «Механика»** («Октябрь», № 12) дает несколько картинок с натуры, свидетельствующих как о некоторой бессмысленности жизни, так и о том, что это не является трагическим открытием для персонажей. В **рассказе «Случаи медвежат»** настроение примерно то же, но героями выступают дети, нарисованные, кстати, весьма правдоподобно.

Персонажи **рассказов Дмитрия Новикова** («Дружба народов», № 12) тоже ничего особенно не делают. Матросы треплются друг с дружкой, то не без интереса наблюдая дамочек на пляже, то употребляя тюльку с крымским портвейном, — все в ожидании погрузки бочек с карбофосом и хлоркой. И так ленивопрекрасен солнечный мир вокруг, и так диссонирует с ним все это внешнененужное — распорядок, дисциплина, какая-то хлорка... И годы спустя, под занавес намекает автор, этот день остается светлой точкой в по-разному сложившихся судьбах каждого, потому что все они ощутили тогда — смерти не будет (**«Муха в янтаре»**). Мужчина, получив нежданные деньги, проводит странный день — сперва забредает в ресторан, потом — в детский сад на праздник. По пути домой рассказывает дочке грустно-нелепую сказку, из которой ребенок верно улавливает главное — что-то не совсем так сложилось в жизни ее родителей (**«Там, где зимуют тритоны»**). Сюжет в этих рассказах строится не столько на событиях, сколько на образах, подстерегающих персонажей в самые обыденные моменты.

Повесть Александра Щербакова «Пах антилопы» («Октябрь», № 12) производит впечатление брошенного на середине романа. Герою — бывшему инженеру — на голову сваливается счастье заработать денег на сценариях к рекламным роликам. Довольно грамотно, хотя и совершенно предсказуемо, описан мир околотелевизионной шушеры и пользующихся ее услугами деловых людей. После разных нелепых и по большей части унизительных сценок, герой понимает, что он тут все равно не приживется. И возвращается к прежнему образу жизни.

Естественно, что авторы не могут обойти вниманием и ***тему любви***. Как это свойственно современной прозе, она решается преимущественно в негативном ключе.

В **рассказе Галы Рудых «Такой устойчивый мир»** («Октябрь», № 12) героиня (компьютерный дизайнер) страдает от любви к коллеге. Совершает разные безумства, но ответного чувства не добивается. Интерес представляет попытка подать повествование как внутренний диалог между разными сторонами личности рассказчицы.

Алла Боссарт сталкивает в провинциальной гостинице поэта и деловую женщину, ночь любви не приносит радости ни тому, ни другому. Автору этого кажется недостаточно, и она сталкивает их еще раз уже в Петербурге через несколько дней, куда московский поэт сбежал от другой любовницы, — впрочем, безрезультатно. В финале поэт играет в слова с сожительницей только что покончившего с собой друга, причем друг так и висит рядом, никем не вынутый из петли (**рассказ «Скрэббл»**: «Дружба народов», № 11).

Более эстетский вариант «любовной драмы» — в постмодернистском антураже — предлагает **Дмитрий Бавильский** в **романе «Едоки картофеля»** («Урал», № 10, 11). Дама бальзаковского возраста служит смотрительницей в музее, но к

искусству в общем-то равнодушна. У нее муж — композитор на злобу дня — и сын-студент. С другом и ровесником сына завязывается сперва платонический, а потом и настоящий роман. Параллельно дама выслушивает жалобы молодой сотрудницы, возлюбленный которой тяготеет исключительно к анальному сексу. При случайной встрече в музее выясняется, что возлюбленный сотрудницы и ее собственный — одно и то же лицо. Даму поражает догадка, что юноша — латентный гомосексуалист, и ее персона для него — лишь субститут фигуры ее сына, к которому тот на самом деле вожделеет. В результате душевной драмы она проникается понимаем живописи и в финале вдруг растворяется на полотне соответствующей картины Ван Гога.

Однако материальный мир — ни в ретроспекции, ни в современном состоянии — не способен удовлетворить всех потребностей писательского сердца. Некоторые настойчиво ищут сюжетов **В СФЕРЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО, СРЕДИ СУЩНОСТЕЙ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО СВОЙСТВА**.

Ольга Белова отправляет героя своего **рассказа «За голубыми небесами»** («Октябрь», № 12) — прямиком на тот свет, где два ангела-проводника дают ему возможность убедиться в его собственной скверне. В финале бывший алкоголик, помещенный в тесную клетушку с крошечным окном, где, как на экране, он может наблюдать постыдные эпизоды своей жизни, постигает, что это и есть ад.

Гораздо масштабнее размах у **Бориса Евсеева**, по воле которого персонажи **романа «Отреченные гимны»** («Дружба народов», № 11, 12) лабораторным способом исследуют «зарождение души, ее прижизненное и посмертное существование». Некая фирма, отпочковавшаяся от Минобороны, разными аппаратами просчитывает и фиксирует моменты зачатия и физической смерти, отправляет добровольцев в «полеты» (клиническую смерть), содержит целые бордели совокупляющихся красоток, снимает на пленку расстрелы... Параллельно ей почему-то принадлежат и настоящие бордели, а заодно игорные дома и прочие увеселительные заведения в разных географических точках. Кроме того, она продает видеоряд специальному телеканалу. На фирму покушаются иностранные спецслужбы, а также местные воротилы бизнеса и политики. Текст представляет собой мозаику из эпизодов, характерных для криминального боевика, и сцен, навеянных экстатическим визионерством, экспонирующих посмертные мытарства души — с бесами в духе соответствующих эпизодов Александра Проханова. Бесы, впрочем, фигурируют и в основном тексте. Чем ближе к финалу, тем яснее автор формулирует «месседж»: пока Запад изобретал технику и прогресс, Россия изобрела душу, русская душа — самая ценная и т.д., и т.п. В финале главный герой после разгрома фирмы отдает записанную у него в подсознании информацию некому Судии, распределяющему души по категориям. И отдается частной жизни с любимой женщиной, в прошлом — жрицей любви в интересах фирмы. Автор уверяет, что свой роман он считал с таинственных пленок, переданных ему этой обворожительной женщиной...

Несколько иначе разворачивает тему **Лариса Ванеева**. В **рассказе «Мечта»** («Октябрь», № 12) один брат помещает другого за магическую стену, которую тот не в состоянии преодолеть, поэтому живет в плену у него на даче, лишь однажды вырвавшись на один час по случайно найденному «отпускному би-

летику». Он молит мать запереть его в собственном доме, но та убеждена, что все случившееся — лишь следствие его очередного запоя... В **рассказе «Горькое врачество»** спившаяся супружеская пара сначала третирует и выгоняет из дому собственного ребенка, потом продает квартиру и переходит на положение бомжей. Благополучная сестра алкоголички забирает девочку к себе, потом обе сестры воцерковляются и начинают ходить «на могилку к Блаженной Матроне». Некая учительница, принимавшая участие в судьбе девочки, утешительным словом поддерживает нетвердую волю алкоголички...

Тамара Ветрова в **повести «Сгоревший идол»** с подзаголовком **«Правдивая повесть о художнике с привидением»** («Урал», № 12) в основной корпус натуралистического текста дозу за дозой вводит пласт сверхъестественного, решенного здесь как вторжение в обыденность архаических пантеистических сущностей. В глухом таежном захолустье проживает замечательный художник, увлекающийся языческой символикой и убежденный в одушевленности природы. Вдруг кто-то похищает у него эскизы, а другого художника — бездарного — находят мертвым. Хотя все подозрения падают на талантливого, убийцей и похитителем оказывается третий, тоже бездарный. Он обнаружил в тайге клад, а на эскизах вдруг узнал то самое место и испугался, что его могут опередить. Убийство же он совершил не единственное: в роковой поход он ходил не один и тогда же прикончил приятеля, не пожелав делиться найденным. Убить другого художника ему пришлось потому, что тот случайно знал об их совместном походе. Сверхъестественное врывается в эту историю через явление призраков, языческих и природных духов, в частности, некоего Овса, который и выступает конечным орудием возмездия. Вознамерившись убить в третий раз, преступник умирает от ужаса, узрев в доме намеченной жертвы нечто, над чем рассказчица в смущении опускает занавес...

Несколько неожиданный поворот находит и **Александр Фуфлыгин** в **повести «Возвращение в клетку»** («Урал», № 11). Впрочем, текст скорее пограничный — между ирреальностью и фантастикой. Основной пласт опять-таки сугубо бытовой: мальчик из провинции послан родителями поступать в институт в Москве, но вместо того едет в Питер к двоюродному брату — полубандиту-полубизнесмену, смертельно влюбляется в его пассию, которая пытается использовать его для собственных целей — облапошить братца и скрыться с деньгами. В результате побеждает, естественно, бизнесмен, девица исчезает в неизвестном направлении, ее помощник лежит с проломленной головой, а неудачливый любовник отправляется назад к родителям... Сюрреалистический пласт разрабатывает тему клетки — сугубо индивидуальной, которой от рождения пользуется главный герой и ради избавления от которой и рванул наперекор родителям в Питер. Ее назначение — личный оберег героя, избавиться от нее не хватает ни решимости, ни воли... Очевиден лежащий на поверхности символизм образа.

Обзор подготовила Мария Ремизова

В. «Звезда», «Нева»

Конец года ознаменовался для питерских журналов несколькими заметными романами и повестями. Как всегда, некоторых авторов влечет к себе

ЯРКОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ, пусть даже насильственно привнесенное в самую затхлую обыденность.

Своей необычностью выделяется **роман Михаила Панина «Камикадзе»** («Звезда», № 10). Эта фантастическая — в прямом смысле слова — история военного летчика палубной авиации, написанная живо, с солеными выражениями и грубоватым юмором. Валера Кравцов сначала терпит бедствие дома — жена была ему неверна (но возможно, это ему показалось), а потом — в воздухе, когда в самолете отказывают сразу оба мотора. Он успевает выпрыгнуть с парашютом — и приземляется на роскошном острове в океане, где туземцы избирают его вождем. Впоследствии туземцы оказываются сильно загоревшими англичанами, которых когда-то завезла сюда телевизионная компания для съемок сексуального шоу «Любовь в тропиках», а потом забыла забрать. Жизнь на острове — нескончаемая радость: ручьем течет спирт, растут хлебные и прочие плодоносящие деревья, у Валеры появляется дама сердца и преданный друг Майкл, которого он зовет попросту Минькой (впрочем, тот никакой не англичанин, а советский разведчик Михаил Иванович, прибывший на остров с секретной миссией). Островной быт — как бы слепок с жизни заштатного российского городка, только что среди роскошной природы и в идиллических красках. Его Жаклин, даром что англичанка (а может, француженка) изъясняется типичным слогом вечно недовольной и сварливой российской жены. Две строчки объявления в газете, которыми кончается роман — «ушел из дома и не вернулся... десять лет водителем большегрузных машин... страдает потерей памяти...», — ставят точку в этой фантасмагории. Подкупает живой и остроумный стиль романа.

Уютный модернистский **роман** под названием **«Пришелец»** создал эстонский писатель **Э. Ветемаа** (пер. А. Томберга, «Звезда», № 11). Действуют в нем одинокий «пришелец», наблюдающий за царящими на Земле беспорядками, подвыпившая девица легкого поведения с шерстью на загривке и ее отец. «Пришелец» ходит в городской музей, ибо он — искатель мировой гармонии. Он же избавляет девицу от шерсти. К нему вваливается разгневанный отец девицы, решивший, что он и есть тот, кто лишил дочь невинности. Впрочем, все они — герои-марионетки, и даже смерть отца оказывается ненастоящей: как ни в чем ни бывало он воскресает. Читателя это совершенно не удивляет: к таким чудесам романа он привык.

Некоторые авторы строят свою прозу как своего рода **ПРИЕМ «ВСПОМИНАНИЯ»**. Делают они это, впрочем, по-разному.

Роман Ольги Кучкиной «Голос золы» («Нева», № 10) тоже отправляет читателя в океан, на судно, изучающее перемешивание водных слоев. Герой романа, увы, уже умер. Он — «зола в урне», которую бросают, согласно воле покойного, в океан, с которым он всегда ощущал родство. От лица этого человека («зола в урне — это я») и ведется рассказ, обращенный к возлюбленной героя. Задействованы его первая и вторая жены, оставленный им ребенок, а также его любовница и мать. Вспоминая свою жизнь, герой спускается все ниже и ниже по ступенькам собственной биографии, чтобы в конце концов прийти к страшному финалу. Немало места уделено семейным неурядицам, а также жизни то в одной, то в другой семье, военному и послевоенному детству. Видимо, этим при-

емом автор стремился поддержать внимание читателя, поскольку повесть довольно монотонна, да и скучна. Мотив обретенной, пусть даже после смерти, свободы — слишком общий: не прояснено, что же мешало ее осуществлению раньше.

А **документальная повесть Нины Катерли «Сквозь сумрак бытия»** («Звезда», № 12), напротив, совершенно достоверна, и не только потому, что рассказывает о реальном человеке, но прежде всего психологически. Автор повествует о судьбе своей матери, известной в прошлом писательницы Елены Катерли, друга Ахматовой, человека по натуре прямого и честного. Но вынужденного то и дело ломать себя в угоду времени и литературному начальству (дело происходит в начале 50-х). Долг любящей дочери и мучительное ощущение вины перед матерью, с которой она, увы, не так уж много общалась, меж тем как мать, разумеется, страстно хотела более тесного контакта... Елена Катерли — автор книг «Бронзовая прядка», «Стожары», «Некрасов» — пережила за них и разносы, и проработки, надломившие ее. Воспоминания дочери перемежаются письмами Е. Катерли к мужу, некогда высланному на Урал за отказ сменить еврейскую фамилию на псевдоним, со страницами ее журналистского дневника. В. Шефнер, М. Дудин, В. Саянов, О. Берггольц, И. Меттер, С. Воронин, М. Довлатова, А. Мариенгоф, Ю. Герман — вот круг общения Е. Катерли. Многоплановость книги создает не только зримый облик журналистки и писательницы, некогда ярой энтузиастки строительства социализма, но и своеобразный портрет времени.

Вспоминает свою жизнь герой **повести Владимира Холкина «Во мне»** («Нева», № 11). Текст состоит из отдельных картин-состояний едущего в электричке одинокого человека. Наплывом одна за другой встают в его памяти картины детства, новогодней елки, острых детских радостей, от чего неотделимы и позднейшие воспоминания. Частью их становятся размышления о русской литературе — и, в частности, о Грибоедове, который свой «автопортрет» «истерично и свербяще» назвал «Горе от ума». От Анны Григорьевны Достоевской мысли героя перекидываются к Аполлинарии Сусловой, сумевшей обворожить и Достоевского и Розанова, потом — к Кюхельбекеру. Повесть интересна зримым воплощением известного тезиса о «персоносфере» русского человека, в душе которого персонажи литературы существуют на тех же правах, что и сугубо личные воспоминания.

В 12-м номере «Звезды» опубликована повесть **Марка Зайчика «В нашем регионе»**. Ни о чем особенном как будто не рассказывается — перед нами обыденная российская жизнь начала 90-х гг., когда автор, давно эмигрировавший в Израиль, приехал ненадолго на родину. И бытие, которое он успел изрядно подзабыть, властно накидывается на него. Перед читателем раскручивается драматическое время, когда судьба страны висела на волоске, а люди, занятые поисками самых необходимых вещей, не знали, на что им опереться и чего ждать. Автор навещает родственников, по уши окунается в быт, встречает друзей по журналистскому и писательскому цеху, среди которых немало известных, — и уезжает домой. Повесть интересна массой правдивых и точных деталей, также свидетельствами того, как причудливо и болезненно соединяются в душе эмигранта любовь к отечеству и горечь от происходящего в нем.

Во времена далекие и земли неблизкие отправляет читателя **Станислав Лопинцев в повести-были «Поморская свадьба»** («Нева», № 11). События про-

исходят в старинном поморском селе Кандалакша в 1917 г. Описал все это внук одного из участников брусиловского прорыва 1916 г. Рассказывается о самой обычной поморской свадьбе, со всеми ее обрядами — сватовством, «заплачкой», скорбными и заунывными песнями, с венчанием в церкви. Описания живые, интересные, нисколько не «музейные».

К прежним временам обращено внимание и **М. Головенчица**. В **рассказе «Помогала»** («Нева», № 11) он добрым словом поминает послевоенные годы, когда работал в Мурманске помощником машиниста и встречал участие хороших людей. **«Верхний свет»** — о впечатлении, которое произвели на него зэки, перевозимые в вагонах с зарешеченными окнами.

Рассказ Л. Романкова «Дождь в городе» (там же) — о допросе, учиненном герою сотрудниками госбезопасности. Причиной допроса стало его знакомство с англичанкой по имени Элис, литератором, милой поэтичной женщиной...

Леонид Жуховицкий делится **воспоминаниями-размышлениями** о знаковых фигурах российской интеллигенции — Сахарове, Галиче, Окуджаве (**«Возьмемся за руки, друзья»**: «Нева», № 11). Надежду на спасение автор доверяет людям именно такого — поэтического — склада (хотя непонятно, почему сюда причисляется Сахаров), а не «заумному философу» или «велеречивому священнику»...

Две **повести** из **СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ** в той или иной степени затрагивают ***жизнь «новых русских»***. **Юрий Поляков** в **«Подземном художнике»** («Нева», № 11) рассказывает о юной женщине, приехавшей в столицу из провинции, — спутнице, как водится, пройдошливого бизнесмена. В ней как бы соединяются две натуры: одна — типичная, как написано в повести, «оторва», другая — чистая и порядочная. Верх в ней одерживает то одна, то другая. Обе спорят друг с другом, соперничают между собой, однако в воображении читателя в единый облик так и не складываются, ибо соединение их — механическое. Портрет юной красотки Лидии рисует талантливый уличный художник, потом этот портрет висит на стене в роскошном особняке ее «спонсора», укоряя оригинал, так как в глазах нарисованной женщины появляется «блудливая поволока» (видимо, отсылка к Гоголю). Впоследствии мужа Лидии убивают сотоварищи по бизнесу. Она совершенно разорена. Особняк отбирают «братки». Лидия возвращается домой, в добропорядочный и честный, по мнению автора, мир русской провинции. Видимо, автор хочет показать, что добродетель, пусть и поневоле, но берет-таки в ней верх.

Другая **повесть** о «новых русских» — **«Красный гроб, или Уроки красноречия в русской провинции» Романа Солнцева** («Нева», № 12). Впрочем, бизнесмен Игорь Ченцов появляется в тексте лишь время от времени, знаменуя собой воцарение нового жизненного уклада. А рассказывается тут о старом учителе, человеке заслуженном, талантливом и даже отмеченном особой премией первого президента России. Заявка, что и говорить, неслабая. Ему-то и предлагает Ченцов позаниматься с его 16-летней дочерью, дабы повысить уровень ее красноречия, а также интеллигентности. Бедный (в любом смысле слова) Валентин Петрович соглашается, и Ксения начинает делать кое-какие успехи. Однако в какой среде ему суждено теперь вращаться! Чего стоят издевательские похороны живехонького и невредимого Ченцова, с ухмылкой лежащего в ярко-красном гробу! Похоро-

ны он устраивает, чтобы послушать пафосные речи о себе еще при жизни. Так ли все это достоверно? Слишком уж много ерничанья и мало психологизма. Главное действующее лицо — талантливый учитель — так и остается фигурой непроявленной, как бы виртуальной. Впрочем, и бизнесмен тоже. В сущности, обе повести во многом схожи. Прежде всего — голословным утверждением, что русская провинция есть кладезь целомудрия, а российские бизнесмены — сплошь пройдохи и жулики. Можно предположить, что происходит это от неспособности авторов создать живое, полнокровное человеческое лицо. Хоть бизнесмена, хоть учителя, хоть провинциальной простушки.

Некоторой антитезой им выступает **повесть** молодой писательницы **Анны Матвеевой «Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера»** («Звезда», № 11) и в этом отношении выгодно отличается от прочих. Тема вроде бы банальна: внезапное обеднение интеллигента (действие происходит в Севастополе), вынужденного податься в неведомые края, лишь бы что-то заработать. Но автор наполнил повесть массой точных и острых психологических деталей. Стержень повествования — даже не мытарства несчастного Голева в далекой Португалии, а его искренняя и горячая любовь к жене, которая и толкает его на самые отчаянные поступки. Танька, самое близкое Голеву существо, словно незримо охраняет его и не дает пропасть. А жизнь «гастарбайтеров» и в самом деле, как рисуется в повести, тяжела. Это люди без прав и документов, брошенные на произвол судьбы: кто выплывет — тот и будет жить. Кто-то спивается, кто-то нищенствует, кто-то всеми правдами и неправдами умудряется вернуться на родину. Голев, твердо решивший без денег домой не возвращаться, умудряется стать даже продавцом в магазине (редчайший случай!). Однако все заработанное отбирает у него грабитель. Случайно — не иначе как Танькиными молитвами — он находит в древнем монастыре немалые деньги (за надгробием женщины, похожей на Таньку) и возвращается домой.

Страшная жизнь — объект внимания **Б. Краснова**. **Рассказ «Геня утренний. Геня вечерний»** («Нева», № 10) о пьющем сельчанине, потребляющем все, что есть — самогон или чистящее средство на спирту. «День без водки — потерянный день» — философия всего пьющего населения деревни (а другого, как указано в рассказе, считай что и нет). Драки, полная бессмыслица существования, одурение, самоубийство. **Рассказ «Иафет»** — уже о бомжах, обитателях городского подвала, финал — предсмертные видения отравившегося алкоголика. Ощущение тупости, бессмысленности даже писательского существования, временами охватывающее героя, — идея **рассказа «Красный дом»**. Разве что таинственный «голос муэдзина», раздающийся на улице, утешает его: значит, поет чья-то душа.

Рассказ М. Тульчинской «Пятачок» («Нева», № 10) — об исполнившейся наконец-то мечте съесть целый торт. В детстве есть много сладкого ей не разрешала мама, а когда девочка выросла, оказалось, что есть сладкое она уже не может по состоянию здоровья. **«Вера»** — о борьбе 36-летней женщины с надвигающейся старостью. **«Ноги»** — о том, как женщина припоминает свою жизнь по купленным когда-то туфлям (отчетливая картинка неизбывной отечественной бедности). **«Подружки»** — о четырех немолодых женщинах, сидящих в уютном кафе. В кои-то веки они позволяют себе расслабиться и помечтать.

Рассказ покойного **Михаила Чулаки «Некролог»** («Нева», № 10) написан за две недели до гибели автора. Герой, обедневший писатель, пишет некролог, посвященный себе самому. Пусть-ка люди обратят на меня наконец-то внимание. Жить в круто изменившейся обстановке ему не по силам: охлаждение издателей, отсутствие читателей, всеобщие мечты о том, как бы разбогатеть на халяву...

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

Газета «Дело», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Известия», альманах «Лебедь», «Москва», «Наш современник», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», Урал», Сеть

В Конференц-зале «Знамени» (№ 10) обсуждали вопрос о поэзии и гражданственности. Обсуждение получилось какое-то вялое. Одним поэтам это близко (**Рейн**, **Бек**), другим — нет (**Амелин**, **Пригов**, **Рубинштейн**), третьи и вовсе так замысловато формулируют позицию, что трудно их понять (**Николаева**). А между тем, связь литературы и общества становится постоянной темой критической рефлексии.

Наиболее заметным событием в критике стала статья **Бориса Дубина**. Он бросает взгляд социолога на современную «литературную культуру» («Знамя», № 12). Дубин рассуждает о «нынешних способах организации литературных коммуникаций в России и, соответственно, тех представлениях о литературе, которые эту коммуникативную деятельность опосредуют». Особых открытий в статье нет, но автору удается аккумулировать существенные тенденции литературной жизни. Общая мысль — движение в культуре России от идеологии и цензуры к рынку и развлечению. Впрочем, Дубин замечает и наличие институтов социального заказа и поддержки определенных образцов — через разделение финансовых потоков, распоряжение ими, их регулирование и т.п. Сложилась влиятельная группа, которая задает, нюансирует образ современной российской культуры и литературы в расчете на ближайшие к ним культурные группы, структуры масс-медиа. Мрачно смотрит Дубин на состояние «толстых» журналов. Он интерпретирует их как единственный реликт государственной системы литературных коммуникаций. Значение журналов падает. Они были органами рефлексии над окружающей жизнью и современной литературой. Но в момент журнального бума этот уровень в журналах оказался низким. «Популяризаторская профессорская публицистика тех лет... рассчитывала на троечников и, при всей полезности намерений, исчерпала свои возможности буквально за год-другой. Иных интеллектуальных ресурсов, за пределами привычной и, в общем, уже архаической для конца XX века просветительской роли, у отечественной интеллигенции не нашлось». Сегодня журналы оставляют за своими пределами литературный авангард и не подвергают рефлексии современные формы литературы. Литературная критика в них, по большей части, сменилась рецензированием, косвенными формами рекламы. Они либо поддерживают литературный истеблишмент, либо отмечают «правильных» канди-

датов на пополнение этого круга. Вот и получилось, что журналы и стоящие за ними кадры литераторов потеряли поддержку сколько-нибудь широких и влиятельных читательских групп. Узлами литературных коммуникаций становятся клубы и салоны, издательства. В этих приватных сообществах не обсуждаются принципиальные вопросы — «что такое литература», «как быть писателем». Подобного уровня и масштаба проблемы здесь неуместны и несвоевременны. Важно подавать знаки принадлежности. При резком разрыве между писателями и читателями, при распаде литературно-образованного сообщества, в ситуации защитной литераторской закапсулированности техникой утверждения в культуре становится «самоназначение» явочным порядком, а ведущим способом создания культурного «события» — скандал. В центр организации культуры и выходит фигура умелого, решительного пиаровца (случай назначения в бестселлеры романа Проханова). В литературном сообществе начали кристаллизоваться роли писателя-профессионала (включая фигуры символических лидеров — «звезд»); сетевого рецензента, рекламиста, пиарщика, литературного менеджера. Чаще всего в последней роли выступает издатель, задающий такие формы организации литературы, как проект, серия. Немногие ищут опосредование дистанций между литературным сообществом и широким читательским контингентом (Б. Акунин). Но в этом, по Дубину, и состоит будущее русской словесности («соединять стереотипы массовых словесных жанров (в основном детектива) с ретростилистикой (традициями "хорошей литературы") и обращением к материалу прошлого, прежде всего дореволюционной истории (с учетом массовой ностальгии по воображаемым "старым добрым временам" как воплощению утраченного порядка»).

Мысль **О КРИЗИСЕ ЛИТЕРАТУРЫ, НЕПОРЯДКЕ В ПИСАТЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ** у критиков возникает нередко. Ее сильно катализировал случай с Прохановым, получившим Нацбест за роман «Господин Гексоген», несмотря на гневные протесты некоторой части критиков, при полном, впрочем, одобрении другой части. Проханов теперь стал поводом для обличений и усмешек в адрес литературного истеблишмента.

В альманахе «Лебедь» (№ 294, 20 октября; № 295, 27 октября) **Надежда Кожевникова** аж дважды рассуждала об этой ситуации (**«В России остался один инакомыслящий писатель, и тот — антисемит»**, **«Мой соперник — Проханов»**). Из Америки Кожевникова видит дело так: Проханов «взорвал зеленовато-серую ряску болотной сонливости, в которой непростительно долго пребывали его коллеги. "Новая лучшая книга" — люди с безупречным вкусом, профессионалы, интеллигенты такие, как, скажем, Лев Аннинский, выказали свое восхищение». «...На фоне стряпни "донцовых-марининых", скучных мерзостей Т. Толстой, "посмодернистской" невнятицы объявленных модными авторов, чьи личности заретушированы настолько, что не угадывается даже их пол, писателя с собственным, незаемным лицом, явной гетеросексуальной, то есть нормальной, ориентацией и, извините, с позицией, которую он готов защищать, биться насмерть хоть с кем, замалчивать больше было нельзя. "Господин Гексоген" прогремел как выстрел». «Создатель, сумел себя преодолеть, развернувшись всей грудью к народной беде, в отличие от других, сладкоежек. Суть романа — поиск героя тех, для кого государственные интересы выше личных. Но таковых не

обнаружилось нигде. И еще сокрушительнее: выяснилось, что и государства-то не существует, одна видимость, "структуры", предназначенные для сбора мзды, взяток. Катастрофа в сознании человека, воспитанного на служении родине. Полное, беспросветное одиночество. Диагноз: никаких иллюзий. Все растоптано, продано, разворовано. Нет государства, нет граждан, нет общества — криминальный сброд. Из положительных персонажей: валютная проститутка, юродивый и наивный парнишка. "Образ счастья" — война, где было ясно против кого сражаться. Коллапс». Этот пейзаж после битвы, полагает Кожевникова, отвечает российской действительности. А главный недостаток в романе, по Кожевниковой, — декларативные шовинизм, расизм, антисемитизм — оскорбительное нарушение норм человечности. Гневным словом бичует Кожевникова «либералов-демократов», не способных противостоять черносотенцу и антисемиту; «...среди почти поголовного отступничества, прохановская вера, иступленно-раскольничья, истовая, с элементом бесовства, может обратиться в соблазн, опасно влекущий». Далее Кожевникова вспоминает, как она «сводила» своего отца (в былые времена редактора «Знамени») с Маканиным (неудачно) и Прохановым (успешно), печалуется о той жертве, какую принес ее папа семье, пустившись в «сознательную саморастрату». «Если пафосно, я не прощаю и не прощу советской власти убийство дара моего отца. Сам-то он уцелел. На посторонний взгляд, даже преуспел. Но какой ценой, я-то знаю». Она не понимает, зачем Проханова потянуло тогда «на дорогу, вымощенную убиенными в зародыше талантами». Привилегии? Нет, ему нужен был масштаб, вот и выхватил эстафету, знамя, чужое, заплесневелое. Ну, а в новые времена «либеральная общественность» — вот кто загнал Проханова в угол, заставил прибиться к сволоте. «Сволота-то и наградила его, как сифилисом, антисемитизмом». Зато именно благодаря гласности Проханов не стал бесплодной смоковницей, чинушей, а «написал роман, востребованный временем, народом».

В «Урале» № 12 роману Проханова посвящены две статьи — с диаметрально противоположными оценками. **Сергей Беляков** взял на себя редкий по грандиозности труд — прочел 80 (!) откликов на роман «Господин Гексоген». В своей статье **«Пейзаж после взрыва — с Немзером, Бондаренко и исчезающей радугой»** он главным образом полемизирует с теми, кому роман категорически не понравился. Основной довод — те, кому Проханов люб, обильно цитируют текст, кому не люб — ругают, а самого текста не показывают. Осмелимся поспорить. Например, Мария Ремизова, Беляковым помянутая, об этом романе писала дважды (негативно — см. ниже), и оба раза цитировала *абзацами*, не считая отдельных фраз. Что до остальных аргументов, то автора несколько подводит владение методологией анализа художественного текста — из «позитивной части» можно вынести лишь то, что он лично от «Гексогена» в полном восторге. Впрочем, по его собственному признанию, он в литанализе не специалист.

Возражает ему **Василий Чепелев («Каждый охотник желает знать, где сидит фазан»)**. И что примечательно, тоже не стесняется приводить обширные пассажи из прохановского шедевра. Там, где Беляков предельно серьезен, Чепелев от души веселится, давая возможность повеселиться и читателю. Он подмечает, например, странное свойство протагониста опровергать своими поступками щедрые авторские характеристики: Проханов аттестует его как опытнейшего

практика, прошедшего огонь и воду, с острейшим умом и отточенными реакциями, на деле же мы видим, что «он туго соображает... пугается крови и боли... совершенно не может представить последствий собственных действий». «Он производит впечатление контуженного, как обухом по голове огретого человека, движущегося по инерции, пляшущего всю дорогу под чужую дудку.» В финале автор приходит к интересному умозаключению: поскольку лучшими в романе оказываются сцены охоты и сцены «питания», то, если бы Проханов, не отвлекаясь на политические частности, пошел в свое время этим путем, сейчас он заслужил бы почетную премию имени Похлебкина...

В статье **«Гексоген + пиар = осетрина»** («Новый мир», № 10) **Мария Ремизова** замечает, что, выйдя в издательстве «Ad marginem», «Господин Гексоген» был просто обречен стать *национальным бестселлером*. Во-первых, сработала (пусть и с поворотом на 180 градусов) гениальная ленинская формула: слишком сильно уйдешь налево, придешь направо. Во-вторых, общество, давно соскучившееся «по ощущению всемирно-исторической значимости» и большому стилю в искусстве, нашло все это в романе Проханова, написанном, по язвительному выражению критика, в духе «сталинского ампира» — вроде «девушки с веслом». И третье — «ни новое, ни старое поколение на самом деле ничего не выбирает. Потребляет то, что PR-технологии выберут за него», а пиар «Гексогена» сравним разве что с акунинским. Забавляя же читателей рассказом непосредственно о тексте, Ремизова не обнаруживает в нем сколько-нибудь значительных примет русской идеи, зато искренне восхищается прохановскими описаниями банкетов, усматривая в таких описаниях и неподдельную любовь и несомненное знание предмета — качества, этому автору вообще-то не свойственные.

О нежданном взлете «соловья Генштаба» к вершинам литературного Олимпа пишет и **Е. Мороз** в статье **«Гексогеновые сказки»** («Звезда», № 11). Жадный интерес к литературной новости он объясняет, в частности, щекочущим ноздри запахом скандала. Роман Проханова «отрава», специфический галлюциноген, главные политические идеи которого — страстная любовь к карающим органам и ненависть к евреям.

На сайте «Топос» внезапный единомышленник Кожевниковой **Лев Пирогов** в статье **«Скажи «проект». Почему свободное искусство антидемократично?»** (18 октября) развивает мысли о провале традиционных литературных иерархий. «Литературные элиты» исповедуют «мировую политкорректность и ВТО», «общество потребления с унифицированными и управляемыми потребностями». Это «культ серости и мещанства: если ты против «среднего класса», значит — за резню и мор во всем мире». Эти сытые «элиты» вытравливали «национально-историческую идентичность» российского общества и отвергали «национально (то есть гражданственно) ориентированных авторов». Типа Проханова. Но пришел Проханов, пришли ненавидимые «элитой» Акунин, Крусанов, Ван Зайчик. За ними, по Пирогову, будущее, а не за жирными котами из Академии РСС: «Напрашивающийся вывод прост, как топор Раскольникова. Такие оценки, как литература "плохая" и литература "хорошая", значения не имеют. Степень успеха книги прямо пропорциональна степени ее актуальности. Актуальность же для затраханного проигрышами в футбол читателя прямо пропорциональна возможности прислониться к чему-то Свет-

лому и Большому. И никакими деньгами этому не поможешь (или не помешаешь). Давайте уже любить Родину, идиоты».

Кстати и о Павле Крусанове. **Евгений Иz** на сайте «Топос» 8 октября (**«Стрекоза как орел, муравей как решка»**) одобрительно пишет об его новой прозе (**«Бом-Бом»**). Содержательно в романе декларируется имперское сознание с его вожделениями. «Судя по последним произведениям, «имперское сознание» вожделеет ни много ни мало самой бесконечности, слияния с надмирным-сверхматериальным... И в таком Вожделении Края, Жажде Предела есть раскаленное русло саморазрушения». Критик считает, что отличительной особенностью Крусанова осталось умение удерживать свою прозу на том поп-уровне культуры, на котором автора не относят к попсе, но заботливо окружают резонансом. Его направление называют магическим реализмом. Квазимистика, прием эпического повествования, эдакого генеалогически-родового мифа. Когда в романе возникает день сегодняшний, Крусанов выглядит как петербуржский ответ таланту Пелевина. Модные мысли обо всем — от социал-дарвинизма до новейших воззрений на вегетарианство, хлесткие и явно слабогуманистические характеристики иных персон, изящное сюжетное хулиганство.

Кирилл Анкудинов, автор статьи **«Другие»** («Октябрь», № 11), сетует, что литературная слава распределяется не соответственно действительному уровню таланта, а в зависимости от репутации писателя, что множество литераторов незаслуженно несут наказание невниманием. По мнению Анкудинова, подобная ситуация — примета исключительно нашего времени: «Эпоха Белинского — все авторы отслежены, никто из них не забыт. Серебряный век — появляются считанные единицы персонажей из запределья. Советский период — этих персонажей все больше и больше... Современность — отдельные зримые островки сколько-нибудь известных личностей в устрашающем океане забвения...». А ведь когда-нибудь потомки призовут к ответу: «в ваше время свершалось *такое*, а вы занимались *фигней*». Но выход из ситуации есть: надо смотреть на литературу непредвзято, глазами провинциала.

Есть ли что-то ответить на выпады Кожевниковой-Пирогова и пр. у критиков, традиционно позиционировавшихся в качестве либералов? Если и есть, то в жанре констатации.

В петербургской газете «Дело» 2 декабря **Михаил Золотоносов** (**«Избодаем рогами врагов наших. Анализ языка власти»**) на основе анализа книг и статей современных авторов утверждает, что главной константой российской идеологии вновь становится образ врага. «Прошло 15 лет, и старая фауна стала возвращаться. Вернулась, например, давно забытая ненависть к либерализму и либералам, к правозащитникам, вообще к тем, кто произносит слова критики в адрес государства и государственных деятелей или не совпадающие с тем, что произносит Главный». За этим поиском замечен приобретший уже вполне одиозную репутацию Г. Павловский. Но интереснее претензии Золотоносова к почтенной Р. Гальцевой. Она, считает питерский критик, сделала идеологический кульбит и главным врагом назначила либерализм, для чего создала его страшный макет, который затем растерзала. Второе рождение испытывают все старые обвинения, в том числе, конечно, и обвинения евреев — «врагов России». Симптом: в книге Героя Советского Союза писателя В. Карпова «Генера-

лиссимус» реабилитируется Сталин. Основой для реабилитации выбрана его готовность воевать с «международным еврейством». Карпов пояснил в интервью, что истинная цель сионистов — Россия. «Они мечтают захватить ее и основать на ее месте свое государство». А тов. Сталин хороший, потому что хотел вместе с тов. Гитлером их скопом уничтожить. Но что-то не заладилось... Глобальная причина такого махрового ренессанса, по Золотоносову, это отсутствие у правящей элиты «языка, на котором она могла бы объясняться с населением». «Враги кругом и Спаситель в центре — это и есть язык власти, это ее «новая» идеология. Поэтому каждый, кто найдет нам нового врага, — власти друг».

Масштабное размышление о прозе 90-х — статья **Ильи Кукулина «Про мое прошлое и настоящее»** («Знамя», № 10). Автор анализирует «способ письма», то, что связано с усилением в прозе автобиографизма и особого рода репортажности. А случилось такое усиление оттого, что произошел кризис романа из-за крушения готовых жизненных сценариев. Сюжетом становится переосмысление собственной жизни, воспринимаемое как сопротивление безличной и надчеловеческой истории. Временами прошлое воссоздается в модальности «ностальгия по идиллии». У старшего поколения происходит изживание военных и послевоенных травм. А молодое ищет в непостижимом мире «субъективность», осознавая свое положение и его противоречивость. (Об этом в статье сказано много, но очень размыто.) У Кукулина есть интересные мысли, но жует он их с огромным трудом, критику, ей-богу, стоило бы поработать над стилем своих журнальных простыней. И еще: в статье он как-то уж слишком эстетически нечуток, ему важен текст как предмет рассудочной сборки-разборки, а не его художественное качество.

Елена Иваницкая в статье **«Negotium»** («Дружба народов», № 10) задается вопросом, отчего в современной литературе нет или почти нет внятно запечатленных свидетельств трудового опыта персонажей. Совершив краткий экскурс в историю вопроса — русскую классику и советскую прозу (и обнаружив в первой — за редчайшими исключениями — установку на то, что трудом праведным не наживешь палат каменных, а во второй — то, что яркие и запомнившиеся тексты, где запечатлен человеческий труд, «как на подбор созданы антисоветчиками»), критик переходит к дню сегодняшнему и довольно едко (и справедливо) отмечает, что герой текущей прозы, как бы ни уверял каждый конкретный автор в обратном, работать не любит, не хочет и попросту не умеет. На примерах романов Михаила Бутова, Александра Гольдштейна, Леонида Зорина критик показывает, что писатели награждают своих персонажей чем-то вроде «ярлыка» на профессию (ни к чему не обязывающего свободно-гуманитарного плана) и в дальнейшем не показывают ни единого порыва заняться ни вдохновенным, ни необходимым трудом. Еще большее раздражение критика вызвали прозаические опыты Спайкера и Сабакки и в особенности Романа Сенчина, где персонажи демонстрируют презрение к любым формам позитивной активности, обрушивая на окружающий социум проблемы удовлетворения личных потребностей, ограниченных сферой материального. Единственной областью, где читатель может насладиться трудовым горением персонажей, «которые увлеченно, напряженно, с профессиональными приключениями и озарениями работают руками, ногами и головой», — оказался детек-

тивный масскульт. Во всем бы верная статья, не сквози сквозь текст личная обида трудящегося человека, вынужденного выгрызать у жизни ступени к личному успеху и необходимому минимуму материальных благ, «изо всех сил работая, чтобы их оплачивать». Критик хочет, наконец, «в реальности реалистических романов» прочитать правду о современном труженике, в поте лица добывающем свой хлеб и удостоенном за это уважения (хотя бы от автора). Позволим себе напомнить, что стратеги соцреализма призывали своих подопечных к тому же. Сама же Иваницкая еще в начале статьи заявила, что ни один из романов тех лет «на производственную тему» не оставил «в памяти ни малейшего следа». Возможно, такому подходу противится сам дух русской словесности?..

Премиальные сюжеты.

Цикл рецензий на произведения, *выдвинутые на премию Андрея Белого*, появился в «Русском Журнале» — далее РЖ («Круг чтения»).

Александр Уланов («Полет на крюке крана», 5 ноября) пишет о сочинении Андрея Башаримова «Инкрустатор», находя у автора демонстративную брутальность, поиски энергии и витальности любой ценой. Цитата из книги: «...любовь — это божественный диссонанс, тупое лезвие бесконечности, так давай же он усрет твое небо тонким божественным пафосом, любовь — это жемчужная рать, шелковая аура в закатной дымке, реликтовые пульсары, зависшие на пределе существования, руническая прелюдия в руках, золото дыхания флейты, иными словами, любовь — это улыбающееся г... плюс маисовая водка». Уланов: так говорит подросток, перемежая красивые слова, услышанные с эстрады, руганью, потому что чувствует, что все эти слова чужие. Ругань тоже. А других у него нет.

Состоялось в РЖ обсуждение книги Эдуарда Лимонова «Книга воды», которая в итоге и была отмечена премией. В обсуждении 20 ноября участвовали своими рецензиями **Александр Уланов**, **Олег Дарк** и **Петр Павлов**. Уланов: о Лимонове трудно писать плохо. Предмет забавен, интересен, хотя и несложен. Уланов реанимирует идею о вечном подростке Савенко, на которого оружие действует как обостряющий восприятие наркотик. Море, к которому Лимонов выходит с автоматом в руках, выглядит гораздо красивее. Повествовать Лимонов может только на основе событий, с ним произошедших. Чтобы оставаться писателем, он вынужден продолжать делать свою биографию, не останавливаясь ни на секунду. Многолетний перформанс нон-стоп. Но материала все равно не хватает, и новая книга местами выглядит конспектом предыдущих. Далее — об аморальном эстетизме, эгоцентризме, упрощенчестве. И более общий вывод: «Популярность Лимонова связана с общим ростом популярности культа силы и власти, со стремлением к жизненной энергии любой ценой, к упрощению культуры до уровня крыс и тараканов, которым никакая радиация не страшна... мрачная ирония в том, что культ силы делает Лимонова родным тем, кто держит его в тюрьме».

Дарк видит в Лимонове отличного рассказчика, русского Киплинга или Вальтер Скотта. У него можно учиться мании величия, мужскому началу, бесцельному подвигу. Это почвенник. У него «восстанавливается — в одном отдельно взятом характере — взгляд, давно, кажется, умерший, русского на самого себя как на старшего, чуть снисходительного и добродушного брата, которому меньшие (ев-

реи — маленькие), естественно, помогают при случае. Взгляд, кому-то обидный, но уводящий от расправ (бой — не расправа)», поэтому книжки Лимонова лечат от агрессивности и гарантируют от погромов. Такова логика Дарка.

Петр Павлов ближе к Уланову. «Шумят, шумят неувядаемые пубертатные лавры подростка Савенко, и сквозь стеб просматривается корневое желание автора "Книги воды" доказать себе и другим, что он еще парень хоть куда... В духе времени, мальчик смешивается с мачо, и возникает образ этакого русского мачика... Русские мальчики, как помним, думали о вечном, перекраивая карты звездного неба, — русские же мачики плавают по волнам своей вечной памяти, играя в войнушку и имея в виду если не грохнуть, то трахнуть все, что движется». Психологически все вполне объяснимо, но по-человечески не очень симпатично.

Примерно в том же ключе рассуждал о Лимонове на сайте «Новой Сибири» **Сергей Самойленко** (**«Страна Лимония»**). Подростком Савенко (так называлась одна из его книг) Лимонов, как кажется, так и остался, так и не повзрослел — в его поседевшей, коротко стриженной голове бродит такая же адская смесь эротики, насилия, ненависти к миру, мании величия и комплекса неполноценности. Литературно-культурных игр Лимонов не любил да и не умел их затевать. Литература для него была не самоцелью, а средством — средством получения известности, славы, независимости. Инструментом воздействия на мир. Отсюда один шаг до воздействия нелитературными методами — допустим, политикой или террором. Лимонов этот шаг и сделал. «Признают ли Лимонова виновным в приобретении оружия для своей партии и в подготовке переворота в Казахстане — скоро станет видно. То, что судьбу свою он строил как художественное произведение, — вряд ли будет принято во внимание в качестве смягчающего обстоятельства. Писателю не мешает, конечно, немного посидеть в тюрьме — особенно в смысле улучшения его имиджа».

И вот уже в самом конце года в РЖ 18 декабря **Петр Павлов** в статье **«Праздник урожая, или Реклама литератур-операторов»** подводит некоторые итоги «премиальному гону» 2002 г. Очень захотелось ему пустить «несколько незлых тихих слов как вослед премии А. Белого, так и по адресу лично Букера с родительницей». Критик даже перечитал «Книгу воды» Лимонова, чтобы понять, чем она приглянулась жюри. «Увы, фокус не удался; выявилось то же, что и раньше: триста страниц бормотухи Э. Лимонова про подвиги Э. Лимонова же. И сюжет сложился, увы, тот же: проигрался человек в войну, по старинке корчит из себя молодогвардейца-команданте и попутно публично выясняет отношения с женами-любовницами-возлюбленными. Снаружи бойкий говорок молодцеватого бонвивана, а под одеялом (сиречь в подтексте) — банальное кокетство стареющего мужчины». Не нашел Павлов у Лимонова и никакого художественного изыска. «Вспомнил автор на досуге все, что знает про воду, баб и войну, приклеил одно к другому, а их обоих — к третьему, простегал глубокомысленными банальностями, и вышла "Книга воды"; вот и вся "композиция"». Одолел Павлов и отмеченную букеровскими лаврами повесть своего однофамильца «Карагандинские девятины». Пишет он о ней ядовито: «Оказалось — про мышей, солдат и мертвецов. Страшилка о том, как плохо жить в глубокой Караганде и как всякие гады-грызуны "гоняют" практически святого солдатика Алешу Холмогорова». Автор «очень многословный,

до потрохов окультуренный, внутренне безрелигиозный, но изо всех сил старающийся натянуть на себя мифологическое сознание... Человек, разумеется, начитанный — завсегдатай словарей и энциклопедий, вроде "Мифов народов мира". Ну, и классику знает — того же Андрея Платонова .... И вот сидит себе за клавиатурой, как композитор Чайковский, и тюкает: метафорку к метафоринке, образочек к образиночке. Оттого во всей книжке — ни кубика воздуха и ни грамма живой жизни; и все это, говоря детским языком, "выдумано из головы"». «Родилась, так сказать, гора мышей. Громыхнул кокетливый Апокалипсис для красного словца». И еще добавляет Петр про Олега: «По-простому это называется — литература для начинающих литературоведов».

Вероятно, в качестве такового в РЖ представлен **Геннадий Серышев** («**Мышиная железная дорога на тот свет**», 4 декабря), который пишет о повести Олега Павлова «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней», привлекая немалое количество литературных и культурных ассоциаций, чтобы полнее определить место этой вещи. Статья в жанре «как это сделано». Повесть анализируется с точки зрения мотивно-образной технологии. Серышев полагает, что вещь перегружена рассудочной символикой. Павлов усиленно окунает читателя в глубокомысленный (хоть и не без игрового начала) подтекст, не остается ничего иного, кроме как подчиниться и смиренно идти куда ведут, попутно фиксируя возникающие литературные ассоциации. «Готовьтесь, граждане, ко всеобщему дембелю: грядет (собственно, уже стоит на пороге) полный карагандец. Хтоническое, подземное, инфернальное начало проникло везде, и все персонажи повести уже пребывают, по существу, в потустороннем мире». Серышев объявляет Павлова профессиональным беллетристом без чувства юмора.

Так что неласково встретили в литературной среде присуждение Букера Павлову. «Неужели тяжелая, депрессивная, натуралистическая проза, как у Олега Павлова, и есть сегодняшний день нашей литературы?» — задается вопросом **Юлия Рахаева** («Известия», 7 декабря).

Критично смотрит на историю Букеровской премии и итоги Букера-2002 и **Михаил Эдельштейн** (РЖ, «**Утешительный Букер**», 24 декабря). Он отозвался обо всех финалистах. Сорокин уже ничем не удивляет: «Главный копрофил новейшей российской словесности по-прежнему в строю». «Синдром Фрица» Бортникова — «калединский "Стройбат", изукрашенный словесными завитушками». Явственно ощутим привкус кокетства, постоянно пробивающийся сквозь натуралистические описания и физиологические откровения. Роман Месяца «Лечение электричеством» элементарно скучен, как скучно любое произведение, построенное на бесконечном клонировании одного и того же приема. Мелихов — писатель по-своему неплохой, хотя и несколько вяловатый. Он рассуждает о жизни — человечества вообще и своей в частности — и эти рассуждения выдает за художественную прозу. Основная черта Олега Павлова, по Эдельштейну, — «неизбывная убежденность в том, что жизненный опыт легко и беспрепятственно конвертируется в литературное мастерство. Обрабатывается материал по давно известным рецептам, и в целом ощущение вторичности от прозы Павлова посильнее, чем от романов Мелихова». Не убеждает критика метафизика в прозе Павлова, он считает ее надуманной. Гандлевский в «<НРЗБ>» говорит о неосуществимости мечты. Эта тема главная, а

сюжетные ходы (банальные) — лишь подспорье. «Гандлевский написал самую беспощадную русскую прозу последних лет». «Роман об аде, персональном аде каждого человека, аде, который всегда с тобой».

Исправно добавляется новая порция текстов в «Немзересски». Касался **Андрей Немзер** и премиальных тем. Анализируя шорт-лист премии Юрия Казакова (за лучший рассказ года), он предсказуемо отдает все лавры Марине Вишневецкой с рассказом «Опыт принадлежания» (**«Бог троицу любит»**, 10 декабря). Очень критик досадует, что уже два года премия обходит Вишневецкую стороной, а ведь равных ей, «одному из лучших писателей современной России», считай что нет.

Бросим взгляд на критику, анализирующую ***отдельные произведения или фигуры отдельных писателей***.

Валентин Курбатов в статье **«"Роман" о счастливой России»** («Москва», № 11) создает вдохновенный реквием «дивным высоким журавлям русской прозы» — Астафьеву, Носову, Можаеву, Абрамову. Между тем, критик все-таки не вполне принимает позднего Астафьева (который «доискивался в прошлом до тяжкой стороны и не давал нам... заживить сердце»). Курбатов дает этому поиску психоаналитическое объяснение: Астафьев де компенсировал свое былое благодушие, мстил самому себе. Носов Курбатову понятен больше — за то, что «светом любви к своим героям преображает прошедшее, заживляя его». Если додумать курбатовские околичности, то выходит, что лучше бы о проклятом прошлом и вовсе забыть, чтобы сердце не болело. А если не забывать — так и «матушке-истории никуда бы и не подвинуться»... Но, наверное, мы неправильно поняли этого изощренного мастера витиеватой фразы.

«Система Станиславского» Марии Ремизовой («Новый мир», № 10) — о «Звездочке» Алексея Варламова и «Крайней хате» Елизаветы Романовой. По утверждению критика, первый текст — не более чем литературный эксперимент, автор которого совершенно равнодушен к собственным героям, а потому, читая повесть Варламова, «обязательно надо иметь в виду — все это немножко неправда». Напротив, в «Крайней хате» — все настоящее, и не потому, что могло бы случиться в действительности. Просто «Варламов предлагает в лучшем случае пищу для ума, а Елизавета Романова — для сердца».

О сходстве художественного мира Григория Кановича и Асара Эппеля **Владимир Холкин** в статье **«Грамматика жизни в обстоятельствах времени и... местечка»** («Звезда», № 10). Объединяет их не только тема жизни еврейских местечек, к которым оба питают давнюю и горькую любовь. Общее — это тема дома как философской постоянной. Оба писателя изображают мир, где герои живут без оглядки на «предшествие» и без загадки на будущее. Их «бездомное» время оторвано и пущено по ветру.

Немзера под конец года явно заела текучка. Он ограничивается весьма частными суждениями по весьма частным поводам. Повесть Романа Сенчина «Нубук» критику не понравилась («Немзересски», **«И все же мы любим читать»**, 17 декабря). Он полагает, что Сенчина испортил присвоенный ему статус самородка. А сам-то он еще ничего не умеет, все у него картонное. «Предсказуемость — сто процентов. "Новый Вавилон" на Неве, мелкие бизнесмены, имити-

рующие бизнесменов крупных, пьянки, обманы, зависть к тем, кто дорвался до большего, проститутки, клубы, закулисные "хозяева", наркотики, пропавшая любовь, исчезающие деньги, утраченные иллюзии. Только не тянет герой-рассказчик на Люсьена де Рюбампре». Персонажи не просто мелки — безлики. Само письмо — насквозь вторичное и ученическое. Малые умения Сенчина противопоставлены Немзером мастерству давнего его фаворита Алексея Слаповского. Вопреки очевидности Немзер выдает Слаповского за уединенного творца, не верящего в читателей. И более правдоподобно пишет о культивируемой писателем свободе. Другой хороший прозаик — Александр Хургин, в своих новых вещах он «по-хургински изящен, остроумен, непредсказуем и обаятелен».

В статье **«Все мы немного летчики»** (2 декабря) **Немзер** пишет об опубликованном в «Звезде» романе Михаила Панина «Камикадзе». Это невероятная, забористая, смешная — и трагическая проза. По мнению Немзера, «Камикадзе» великолепно придуман, «вкусно» написан и по-настоящему человечен.

Виктор Никитин в статье **«Меня зовут Хокинс, Джим Хокинс»** («Москва», № 11) критически оценивает роман Анатолия Азольского «Диверсант». Невкусный это пирог. Или огромная, бесформенная, расползающаяся каша. В книге Никитин видит сагу о мытарствах двух честных мушкетеров по штабам полков и фронтов. Время военное, а там идет изнурительная битва за место под солнцем. «В общем, не с теми мы воевали, а надо было поворотить оружие в обратную сторону...» Азольский старается рассмешить, считает критик. Но тут не до смеха. Никитин находит в романе знамение момента распада, неопределенности во всех сферах жизни. (В «БСК» было дано другое истолкование романа Азольского.)

Андрей Урицкий (**«Чувство полета»**: «Дружба народов», № 10) рассматривает посмертно опубликованную прозу Павла Улитина, который дважды сидел в лагерях и уже после этого при новом обыске лишился рукописей. Его творческая судьба, однако, никак не связана ни с сопротивлением режиму, ни с его разоблачением. Его проза была чем-то вроде побега из действительности — в «вязь, узор, словесное кружево, сотканное из автобиографических подробностей и цитат, из аллюзий и намеков, из реплик и стенограмм разговоров». Создавая как бы один непрерывный «поток сознания», единицей текста писатель воспринимал лишь печатную страницу, поэтому этот поток — дискретен. Он был концептуалистом без концептуализма, вообще, вне всяких рамок и школ, однако, уверен критик, его влияние на современную литературу еще скажется — и в самом недалеком будущем.

Этот же автор рецензирует книгу прозы Сергея Солоуха (**«Торжество ритма»**: «Дружба народов», № 12). Основное качество — виртуозный стиль. У этого прозаика главенствует метафора — «порой вычурная, чаще выразительная и красивая». В людей он всматривается без иллюзий, они для него — «физиологическая бурда», «организованный белок». «Энергия текста рождается от столкновения, сочетания чернушной фактуры и эффектной, взвихренной, музыкально организованной прозы. Видимое несовпадение не позволяет читателю погрузиться в безнадежность...»

Александр Генис в статье **«Душа без тела»** («Звезда», № 12) касается творчества Владимира Сорокина, недавно «запрещенного» молодежным движением «Идущие вместе». Интерес к нему автор выводит из того, что в России

литература всегда была «уголовно наказуемым занятием». По мнению Гениса, факт преследования Сорокина неожиданно обозначил необычность писателя. (Хочется спросить: кто бы в том сомневался?..) Сорокин, утверждает Генис, разделяет общую тенденцию постсоветской культуры, утратившей оптимистическую веру предшественников. Его творчество характеризуется «безысходностью» — расплатой за грехопадение, совершенное в советскую эпоху как в литературе, так и в жизни.

Галина Ермошина рецензирует книгу прозы Ольги Ильницкой (**«На границе диалога»**: «Дружба народов», № 11), к сожалению, не сообщая жанровых характеристик — роман это или сборник рассказов? Видимо, все-таки какой-то единый текст, во всяком случае, нечто целостное, объединенное как темой — страдательной и замкнувшейся в себе женской любви, так и общей поэтикой. Ильницкая берет на себя смелость доверять бумаге самые интимные оттенки переживаний — «Это проза ночи. Про такое разговаривают в темноте...» Кажется, дело не в каких-то скользких подробностях, а в типично женском способе говорения в критической ситуации — с «раненым сердцем» — сбивчиво, невыносимо подробно, а главное — донельзя эмоционально. Героиня находится в состоянии, похожем на остановку жизни, когда «противостояние себя с собой» достигло точки, где возможно лишь бесконечно перебирать подробности, как и почему «ничего не вышло». Она живет в постоянной жалости к себе — не способная, в всяком случае, в данный момент, жалеть никого другого — ни детей, ни мужа. Критик осторожно поднимает вопрос об автобиографичности этой прозы, задав и оставив открытым другой вопрос: способен ли автор — в пределах *такого* текста помочь своим персонажам — или себе? Впрочем, некоторую щелку критик писательнице все же оставляет — обнаружив в этой прозе пласт жизнеприятия на уровне почти абсурдистской детали: морковки в кармане, например...

Она же описывает поэтику Евгения Попова (**«Способ деконструкции»**: **«Знамя»**, № 10), признавая, что ценность художественных средств как таковых никто не отрицает. Однако остается вопрос о цели высказывания, которая в данном случае не ясна...

Прелюбопытный опыт ставит **Анна Кузнецова**, рецензируя роман этого автора «Мастер Хаос» (**«Мастер на химии»**: «Дружба народов», № 10). Критик создает собственный текст, целиком и полностью имитируя поэтику описываемого текста, воспроизводя даже его структуру. Отдав дань остроумию рецензента, позволим себе заметить, что, убив одного зайца — наглядно представив своего героя, не нуждающегося после этого уже ни в каких дополнительных описаниях, второго — и главного — зайца он оставляет живым: из этого рабски-подчиненного состояния никакого *личного* «послания» критику передать не удается. Видно, что Кузнецову «Мастер Хаос» чем-то зацепил. Но чем именно, остается категорически не ясно. Следовательно, зацепить кого-то еще не удается уже критику. А это — серьезный профессиональный просчет. Но чей изначально?..

Сергей Бочаров в статье **«Лирика ума, или Пятое измерение после четвертой прозы»** («Новый мир», № 11) лестно отзывается об эссеистике Андрея Битова. Битов у нас оригинален, ибо мыслит, фигура редкая. Книга к тому же получилась лирическая.

Валерий Липневич в статье **«Энкиду не возвращается»** («Новый мир», № 11)

подробно характеризует содержательное наполнение романов Александра Эбаноидзе. Городской человек в деревне: сшибка ментальностей. Советско-имперский эпилог в Грузии: расстрел мирной демонстрации. Картина в пропорциях реальности и фон народной крестьянской мудрости.

О повести Д. Каралиса «Роман с героиней» пишет **В. Соболь** в статье **«Тут Родос...»** («Нева», № 12). Автор находит в ней нешуточные глубины, хотя и отмечает, что с писателем хочется спорить. Глубина же повести в том, что вялый и апатичный герой не кто иной, как потомок тургеневских персонажей, а неожиданное его бессилие при встрече с незаурядной женщиной происходит оттого, что он ее боится. Вся беда в том, что отдыхающий на Родосе богатый писатель загнал себя в «психологическую ловушку».

Критика **О ПОЭЗИИ И ПОЭТАХ**.

Владимир Губайловский в ставшем для него традиционном жанре — связке рецензий — сопоставляет три книги стихов: Татьяны Бек, Равиля Бухараева и Виктора Куллэ («Дружба народов», № 11). Первая произвела на критика впечатление освобождения от прежних оков — и в тематике и в самом строе стихов Губайловский как главную черту отметил волю к свободе. Это, по его мнению, может служить залогом качества ее будущих стихов. Книга Бухараева, изданная в Татарстане как юбилейный фолиант, кажется, в кои-то веки критика разочаровала: поэт, освоивший несколько иностранных языков и предавшийся самопереводам, утратил нечто необходимое — ощущение ценности поэзии, в чем, между прочим, сам постоянно и признается. Это сознание, видимо, и определило неутешительный итог. Критик готов прочитать ее как «книгу судьбы». В книге Куллэ Губайловский выделил неоконченную поэму, в которой «поэт собирает детали и детали — и они режут руки, как осколки разбитого зеркала». Несмотря на то, что в целом критик оценил ее положительно, общее ощущение он сформулировал так: «речь не оборвана окончательно, а только прервана ненадолго, может быть — чтобы перевести дыхание».

Зато весьма одобрительно о главном редакторе «Старого литературного обозрения» том же Викторе Куллэ (**«Rara avis»**) в отделе «nomenclatura» «Знамени» (№ 12) отзывается **Владимир Новиков,** вспоминая его еще студентом Литинститута, и находит у него изначальное эмоциональное сродство с Бродским, изначальный же интерес к собратьям-литераторам. Идеал литературного братства — вот что двигало и стихи Куллэ, и его статьи, и затеваемые им литературные акции. Он имеет свою иерархию понятий, свою духовно-творческую «номенклатуру», что заметно по политике редактируемого им журнала и по стихам Куллэ. По всему видно, что эта «номенклатура» близка и Новикову. Или, по крайней мере, принцип «эстетического плюрализма в сочетании с человеческим дружелюбием и толерантностью». «Это, извините за выражение, подлинный постмодернизм», — так декларирует Новиков. Куллэ — он и в стихах постмодернист, потому как «был нацелен на поиски неиндивидуалистической этики».

Губайловский же в РЖ 30 декабря (**«Еще два «Гамлета»**) ругает зарифмованного «Гамлета» Б. Акунина. Неудача Акунина в том, что он взял поэтическую форму и ошибся в размере трагедии. «Как бы стремительно ни развивалось действие, как бы ни поторапливал своих героев Акунин, у пятистопного

ямба есть свой темп — и быстрее он не может. И потому действие затягивается. И в какой-то момент читатель начинает нервничать». А в финале, где вскрывается детективная подоплека происходящего, Губайловскому «смешно и интересно не становится. Сюжет не переворачивается. Этот ключик не работает. Герои как были, так и остаются шекспировскими, только очень сильно урезанными и плоскими. Нам пересказали Шекспира, да и плохо». Зато хорош «Гамлет» работы Владимира Строчкова. Это — пародия, жесткая, ерническая, блестящая. Написано стихотворение тем же самым пятистопным ямбом — куда от него? Но пародирование начинается с первой строки, и пародируется не только шекспировская пьеса, но и советский фильм «Гамлет» Козинцева. Сюжет представляет собой протокол допроса Горация спецоперуполномоченным и комментарий последнего к показаниям свидетеля. Весь сюжет укладывается в 65 строк (а не в два полноценных сценических акта, как у Акунина). «Строчков пишет это стихотворение так, как будто опускает руку в мусорную корзину и достает из нее все, что захватит, никак не «фильтруя базар», то бишь не поверяя языковой сор по стилевой и ценностной шкале. Вы живете на свалке? Ну, так и получите по полной. — *Огня!* — *кричит.* — *Огня!* — *Пришли с огнем*». Губайловский подбирает вкусные цитаты. Трудно удержаться (следом за ним) от еще одной. Это финал:

...многие по делу эпизоды
и фигуранты отдают туфтой,
как будто шиты из другого дела,
и требуют еще оперативной
проверки.
Но означенный Гораций
божится и в натуре зуб дает
в правдивости им данных показаний
и говорит, что в мире есть такое,
что и не снилось нашим операм.
Я думаю, он гонит.
Подпись:
Старший
оперуполномоченный Шекснин.

Он же и там же пишет о поэзии Алексея Цветкова — о книге «Дивно молвить» (25 ноября, «**MIRABILE DICTU**»). Читая Цветкова, веришь, что стихи пишутся, чтобы заговорить чудо, чтобы чудом выговорить. У Цветкова очень много от лубка. От плоской и броской банальной фразы, у которой нет ни двойного дна, ни глубокого подтекста; фразы, сказанной в простоте и непосредственности. Банальность — это лист бумаги, но и его можно попробовать поставить на ребро. И если это удастся, то окажется, что все сказано и нет ничего лишнего, никаких подпорок и уточнений, никакой страховки — все по правде.

«Виноградная косточка» — так **Владимир Губайловский** озаглавил свою рецензию на сборник Всеволода Некрасова «Живу и вижу» («Новый мир», № 10). Используя образ, заимствованный у Витгенштейна, автор статьи уподобляет стихи Некрасова даже не изюму, выковырянному из кекса, а косточкам из этого изюма. Поэт, освобождающий стих от значимых слов, сводящий его к чистому синтаксису, перестает быть художником, становится скорее рационализатором, от-

чуждающим себя от собственного изобретения. Ведь если ты можешь писать так же, как кто-то другой, резонно вопрошает Гуйбаловский, то какая разница читателю, чье именно творение он держит в руках. И все же рецензент по доброте душевной находит у Некрасова некоторые признаки индивидуального почерка.

Андрей Немзер высоко оценил новую книгу Михаила Поздняева «Лазарева суббота» — это стихотворения и поэма «Кармен» («Немзересси», **«Второе рождение»**, 20 декабря). Маневр Поздняева — отход. Самоумаление. Попытка (неудачная, что в итоге и осознано) эмигрировать из поэзии. Называя «Кармен» повестью и лишая стихи «привычного» графического обличья, Поздняев пытается заговорить судьбу, утаить от мира свое назначение — быть поэтом. «У главного адресата книги много имен. Одно из них — неназванное, но угаданное — Вера. Верой, как однажды было замечено, быть трудно. Быть с Верой не легче. А без нее — невозможно. Но обеими руками воскресший обнимает все же не только ее. И не только четырех детей, слово к которым Поздняев по праву нарек своим Exegi monumentum. Но и всех нас, бредущих по Канавке, тропе Богородицы».

На сайте «Топос» за подписью **Дениса Иоффе** появляются под рубрикой «Литературная критика» тексты, подобные вот такому — по поводу тель-авивского журнала «Зеркало» (28 ноября, **«Пернатый всхлип междучувствия»**): «Последний номер, листаемый автором сих бравад в данную секунду, амебийно открывается пушистым очкаристым кудрявцем, под чьей физией подписано "михаил гронас". Букворяд, впрочем, заглавный, а не так, как у меня. Но, и то хорошо. Из неивритского сопутствия узнаем, что автор — филолог. Графиня была девочкой, ее хлясти... Декларируемый целанизм вязло тонет в сургутной омонимичности буквально каждого сострочия, жалобно тявчит из мнимых подстраничных подворотен. Не знаю, кого как, а меня — воротит, — это если прет в безносую гортанную(?) лимфорифму» и т.п.

Между тем, о стихах Михаила Гронаса пишет и **Александр Самойлов** (**«Пригласительный билет ни для кого»**: «Знамя», № 10). Критика особенно занимает то, что поэт ни к кому не обращается, у него нет адресата.

Критика в журнале «Наш современник» практически всегда является в первую голову идеологизированной риторикой. Характерный образчик — рецензия **Алексея Кожевникова «Слово, молвленное в срок...»** в № 10 на книгу стихов Валерия Малышева «Рассечка». Стихотворные цитаты здесь — иллюстрация к заветным думам Кожевникова. В литературно-критической форме можно позволить себе быть более откровенным, чем в ином жанре более прямого действия. К тому ж и сам сибирский поэт тяготеет к рифмованной публицистике. Лишь несколько красноречивых пассажей: «Поэзия В. Малышева — живой, оголенный нерв, чутко реагирующий на события: будь то война в Чечне, русофобская политика властей, нравственный распад страны. Но при этом поэт всегда обращается к России, как к некой высшей Правде и силе». «Народ бесправен, унижен, уничтожаем шайкой политических прохвостов вкупе со взращенным ею кланом "новорусских" дельцов. Население страны поделено на два неравных, противостоящих друг другу лагеря. И противостоянию этому (пока еще мирному) — не видно конца». «В нынешнюю "измельчавшую" на политиков, народных борцов, лидеров "эпоху перемен" изможденные и униженные русские люди живут в ожидании пришествия своего Вождя, Освободителя, который избавит

их от фашиствующей нечисти. И из уст народных (на митингах, в частных ли разговорах) все отчетливее слышится лишь одно имя — С т а л и н . В Чечне, в российских полках, еще прибавят — Ж у к о в ». «Ну а если все же случится такой поход на Москву униженной, но непокоренной российской армии? Если поднимется народ, прервав затянувшееся свое молчание, "паузу в одну шестую света"? Что ждет тогда властвующих в стране русофобов и бандитов?» Валерий Малышев предлагает: «Надо бы изолировать от человечества Самых отпетых негодяев и выродков... И, поселив их на необитаемом острове, На всех картах мира отметить: "Осторожно! Остров отпетых негодяев!"».

Поэзии Александра Городницкого посвящает статью **«Время Городницкого» Александр Кобринский** («Дружба народов», № 11). Пафосно-восторженный тон, щедрые сопоставления творчества известного *барда* — с Лермонтовым, Гумилевым, Мандельштамом, Пастернаком и другими (без тени сомнений в их соразмерности), поиски историософских прозрений на шестидесятнических кухнях, благодаря которым (плюс дружеские беседы с Эйдельманом) Городницкий смог особенным образом постичь время как категорию, выводит текст из области литературной критики прямиком в жанр оды. *Поэзию* же, как таковую, в пределах БСК мы, как правило, не рассматриваем...

Олег Дарк в РЖ 28 декабря (**«В жанре встречи»**) пишет, в частности, о стихах Дмитрия Воденникова и прозе Вячеслава Курицына (в связи с их вечерами в ОГИ). Нахваливает Воденникова Дарк весьма двусмысленно. Цитата: «Когда слушаешь Воденникова, хочется ему отдаться, причем тут же, на усилителях, расставив ноги... Воденников соблазняет. Он хорош собой, ну, согласитесь, мальчики! Активен и наступателен. Изобретателен в образности и однообразен интонационно. В красноречии с монотонностью — успех всякого любовного объяснения... Он неврастеничен... и откровенен до бесстыдства. Все время кажется, что выдает свои тайны, а доверие подкупает. Он любуется собой. В нарцисса естественно влюбляться нимфам. Воденников — новый, еще молодой Кинчев. Но кинчевские поклонники — с "красным на черном" на устах взяли бы Смольный, если б пришлось, а возбужденные Воденниковым молодые люди выпьют лишнюю бутылку "Пепси-колы"... Воденников — звезда. Он ею родился. Но звезда уже разочарованная. А нет ничего прекраснее разочарованной звезды. Я одинаково не сомневаюсь и в необыкновенной одаренности его, и в том, что то, что он *делает*, — не поэзия. Да и почему *поэзия* — обязательно *хорошо*? Но поэзия не может держаться одним напором соблазна, только личной сексуальной энергетикой такого рода, что заставляет прощать то чрезмерность образности, то ее тривиальность». Ну а книга Курицына «Семь проз» хороша тем, что автор ее умеет писать смешно. Кое-какие подробности развлекли критика.

В РЖ **Дмитрий Бавильский** (**«Цыганский роман»**, 24 декабря) тоже пишет о сборнике Вячеслава Курицына. «396 страниц голой экзистенции». «Главным персонажем его поэзии и прозы был всегда он сам, Вяч. Ник. Курицын, думающий и страдающий в том или ином виде, жанре, дискурсе, подмятом под себя, перестроенном, перекроенном, переделанном под нужды конкретного момента». Сборник Бавильский называет семичастным «романом-воспитания», а заодно и классическим романом карьеры, сагой о духовных и нравственных исканиях. В чем же состоят эти «искания»? Об этом Бавильский не сообщает. Но

подробно рассматривает эволюцию стиля и жанра в творчестве почитаемого им мэтра. Как открытие и пример для подражания оценивает Бавильский манеру Курицына-критика («говорить о фактах литературы и искусства изнутри себя. Не как о событиях культурного контекста, но как о фактах личной жизни»). Манеру вкусовую и ощущенческую.

Критика **О САМОЙ СЕБЕ И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЯХ**.

В РЖ **Роман Ганжа** 1 декабря многословно и занудно рассуждал о современной литературной критике (**«Дело о Критике, или Опасный талант. Чревовещательный текст»**). Ганжа обозревает ход семинара «Литература, рынок и литературная критика» в рамках 4-й Международной ярмарки интеллектуальной литературы. У него вышло, что хороший критик — это тот, кто внятно обнародует суждения, независимо от позиции и темы. «...Стать толкачом или остаться чистым, заниматься чистым творчеством? Обозначать свою политическую позицию в рецензии или не обозначать? Быть тенденциозным или не быть тенденциозным? Да ведь и то, и другое, и пятое и десятое можно сделать талантливо, а можно грубо, фальшиво, неинтересно». Итог ганжевской рефлексии таков: «сегодняшний "критик" нуждается в четко дефинированном статусе и желает занимать совершенно определенное место относительно Больших Сущностей, которые, как он чувствует, проплывают мимо него. Он хочет, чтобы ему указывали его место. Он истосковался по корпоративности, по ощущению Большой Семьи. Ему надоело на свой страх и риск в полном одиночестве продираться сквозь тексты. Он не желает больше сознавать. Он жаждет функционировать. Так помогите же ему, господа Большие Люди! Ограничьте ж его, наконец!». Наверное, эти выводы хорошо передают мироощущение автора РЖ.

Евгений Ермолин подробно разбирает книгу Марины Абашевой, посвященную современной прозе (**«Переходя на личности»** — «Дружба народов», № 12). Отдавая должное автору — прежде всего за честную попытку литературоведческого, а не литературно-критического подхода, предполагающего известный субъективизм и «градус душевного чувства», Ермолин находит повод и к возражениям. Для начала его не вполне устраивает интерес к «персоналиям» в ущерб интереса к их текстам. Становление современной творческой позиции видится Абашевой как переход от условных форм к формам «наиболее открыто представляющим рефлектирующего автора». «Почему-то это сочетается с небрежным кивком в адрес реализма», — недоумевает критик. Генеральная идея Абашевой — болезненность для современного писателя утраты традиционной идентичности: был всем, стал ничем... Эту, не ею, кстати, сформулированную мысль, она старательно педалирует, сужая угол обзора до единственной точки — писатель сегодня мазохистски соглашается с уничтожением литературы и даже сам развивает эти идеи — и ссылается на прозаические опыты Евг. Попова и Владимиа Маканина (тексты последнего, по Ермолину, дают повод и к иным интерпретациям). Философия нынешнего письма, по Абашевой, — это «философия черновика» (как аргумент приводится проза Битова). Это теперь, по ее мнению, «главный стилевой закон». Отдельная тема — бытование отечественного постмодернизма, в котором Абашева видит псевдоним модернизма. Критик соглашается с ней, что российское общество оказалось «довольно тради-

ционалистским», и «наш постмодернистский авангард воспринимался именно в качестве нового дадаизма». Однако протестует против слишком прямолинейного заявления, что возрождение модернизма связано в первую очередь с тем, что «в первой половине XX века он у нас был придушен, не прошел всего цикла развития». По мнению Ермолина, в XX веке модернизм «конституировал себя как орудие творческой свободы — и в этом качестве уже не истребим, по крайней мере, в культуре неуверенности и непредрешенности». Абашева сетует на кризис, Ермолин же уверенно смотрит вперед: кризис — есть «перманентная среда творческого поиска». Так надо ли его бояться?

Статья **Л. Арсеньева «Заметки усомнившегося»** («Октябрь», № 10) посвящена пусть небольшим, но все-таки победам автора на пути к Истине: не раз и не два, а трижды в жизни случилось Арсеньеву языковым чутьем ощутить досадную опечатку в классическом тексте. И каждый раз довелось получить подтверждение своей правоты! Из скромности автор собственных заслуг не комментирует, предоставляя слово авторитетнейшему текстологу А. Э. Хаусману. Вот каким требованиям, по мнению последнего, должен отвечать человек, умеющий делать поправки: «Читать внимательно, думать правильно, не упускать ни одного относящегося к делу обстоятельства, подавлять самовольство — уже и эти требования далеко не обыкновенны, хотя человек, исправляющий текст, нуждается в еще большем: в точном понимании читаемого, в конгениальной близости к автору, опыте, который должен быть получен в исследовательской работе, и природном уме, приобретенном в утробе матери». Читаешь, читаешь литературоведов и все не устаешь удивляться, как умеют иные из них в любой сюжет ввернуть похвалу себе.

Впрочем, в гораздо большей степени это свойственно статье **«Алексия: десять лет спустя»** («Новый мир», № 10). Автор ее **Владимир Новиков** возвращается к проблеме, о которой писал еще в 1992 г. Алексия — утрата способности читать или понимать прочитанное; лечение и профилактика этой болезни, по мнению автора, «должны начинаться внутри самого литературного процесса», с литераторов и филологов (которые по неизвестной причине названы «солью соли земли»). Обличая критиков и литераторов, Новиков указывает: «человек, по-настоящему понимающий Достоевского, не только способен читать современную прозу, но и не может не испытывать к ней интереса». В равнодушии к современникам кроется секрет того, почему наши филологи излагают свои мысли «дубовым языком, хаотично и нудно». А вообще, если додумать до конца, выходит, что не в этом даже и дело — просто все эти филологи не очень-то «соль соли». То ли дело сам автор, признающийся, что ему «невыносимо скучно... участвовать в солидных разговорах о заработках, о летнем отдыхе, о количестве звездочек на дверях испанских и турецких гостиниц» или что он «имеет несчастье принадлежать» к тому «странно-специфическому меньшинству, которое любит читать только серьезную литературу». Со скромным достоинством Вл. Новиков заверяет нас: «чтение — это для меня всегда духовная работа... читать Маринину — не удовольствие, а самоистязание». Правда, читал он в свое время «Агату Кристи эту» — но «с полным равнодушием к тому, кто там убийца, только для языковой практики...»!

Замечательно, однако, что через две страницы сам же автор и показывает с

полной убедительностью, почему серьезный читатель не особенно жалует «трудную литературу». А причина, по Новикову, проста: если мысленно провести первенство между чемпионами в трех иерархических разрядах — элитарным Михаилом Шишкиным, беллетристкой Людмилой Улицкой и массовым Борисом Акуниным, абсолютный эстетический пьедестал почета будет выглядеть так: 1. Акунин. 2. Улицкая. 3. Шишкин. Иными словами, высший уровень масскульта гораздо изобретательнее, интереснее и талантливее элитарной прозы. Вот, собственно, и все. Это замечательно здравое наблюдение с обеих сторон окружено таким количеством лирических и автобиографических отступлений, ядовитых уколов то достоеведам, то Алле Латыниной, то «вечно уязвленному Анатолию Генриховичу», что не всякий читатель сквозь них продерется. Есть в этой статье и еще одно безусловно, на наш взгляд, верное утверждение: «критика по природе своей требует самоотверженности, преимущественного внимания не к "себе, любимому", а к чужим текстам». И этим, по мнению Новикова, отличается от собственно писательского труда, ведь «в наше суровое время литераторы, достигшие, скажем так, шестидесятилетнего возраста... могут интересоваться только собой». Не ясно, правда, в каком качестве выступает сам Новиков — критика или прозаика, однако, по мере чтения, все нарастает и нарастает ощущение, что пишет он для собственного удовольствия и внимание читателя ему совершенно неинтересно. Все равно читатель этот — профан и глупец, не знающий ни английского, ни латыни (эдак небрежно цитируемой и не переведенной), ни текущей «трудной» словесности. Скорее всего, это вообще потребитель беллетристики, а то и масскульта, «обслуживающего простейшую читательскую похоть». И чего, в самом деле, перед ним бисер метать! Ведь «если ты сам — часть современной литературы, значит, и она есть, и ты еси». Стоило бы так и назвать статью: «Аз есмь» — а то «Алексия» какая-то...

Книге критических статей Андрея Немзера, опубликованных в свое время в газете «Сегодня» и приуроченных к юбилейным литературным датам, посвящена рецензия **Александра Уланова «Сложность напоминания»** («Дружба народов», № 12). Находя некоторые недостатки, как то: тяготение интереса не к «как», а к «что», «жестко-патетические фрагменты», склонность к завышенной оценке «отклика на события общественной жизни» в ущерб «свидетельствам о жизни внутренней», — Уланов тем не менее высоко оценивает проделанную работу и «выражает личную благодарность» Немзеру за все, что он сделал на страницах «Сегодня».

Николай Крыщук в статье **«Лидия Гинзбург: В поисках жанра»** («Звезда», № 10) отмечает крайнюю сложность жанрового определения того, что писала Лидия Яковлевна. Сама она утверждала, что создавала не литературоведческие статьи, а прозу. Как уточнила одна из ее учениц, прозу авангардистскую. Крыщук же убежден, что написанное Гинзбург — принципиально новое явление прозы XX века — безотносительно к жанровому определению.

Толстые журналы как среда обитания и «охотничья территория» время от времени начинают волновать критические умы. Дубин своей статьей (см. выше) спровоцировал и обсуждение судеб толстых журналов. **Владимир Губайловский** в РЖ («Круг чтения» — **«О "Журнальном зале"»**: 19 декабря) начинает с

утверждения, что журналы очень мало делают для саморекламы. Низкие тиражи. Нищенские зарплаты сотрудников и слабо отличные от нуля гонорары. Не оставалось бы никаких поводов для оптимизма, если бы не «Журнальный зал» в Интернете. ЖЗ стоит в рейтингах высоко, и его рейтинг довольно быстро повышается, особенно в последние месяцы. Месячное количество уникальных посетителей близко к суммарному тиражу журналов. Это тот читательский ресурс, который журналы потеряли и продолжают терять в офлайне, а в онлайне он непрерывно и устойчиво растет. Читатель ЖЗ — компьютерно продвинутый интеллектуал — очень мало похож на провинциальных пенсионеров — основных читателей литературных журналов в офлайне. Это человек, занятый своим профессиональным делом, который интересуется современной литературой. В общем, это идеальный читатель. Самую большую популярность имеет крупная проза. Тот самый fiction и nonfiction, который печатают толстые журналы. Для того чтобы журналы продолжали выходить, чтобы поднимался их статус, они должны изменить свою онлайновую стратегию. Единственный видимый выход — использовать онлайновый ресурс. «Каким именно образом использовать растущую популярность "Журнального зала" на пользу и ему самому, и тем журналам, которые выставлены на сайте, я не буду обсуждать. Но думать над этим необходимо и редакциям журналов, и редакции "Журнального зала", поскольку никаких других реальных ресурсов у нашей журнальной литературы, насколько я могу судить, нет».

Откликнулась и **Инна Булкина** в своей рубрике в РЖ. В заметке **«"Журнальный зал" рискует погибнуть от того, что станет прибыльным»** (23 декабря) она отмечает, что неладное происходит с толстыми журналами как литературным и культурным организмом, потому как те добровольно перестают влиять на литературную политику. «Едва ли не единственной резонансной и концептуальной в смысле литературной политики статьей был... «Гамбургский ежик в тумане» Ирины Роднянской, и это было почти два года назад». Булкина в целом согласна с цитируемым ею Дубиным: происходит журнальное вырождение. Наверное, литературные журналы пойдут по «библиотечному» пути, то есть побегут вдогонку за издательствами; что же до критики, то она, по всему судя, уйдет в «тонкие» и оперативные рецензионные журналы.

Она же (РЖ, **«Журнальное чтиво: выпуск 107»**, 2 декабря) делится мыслями о журнале «Октябрь». Нигде не найдешь таких романов, бессмысленных и беспредельных, исторических, экзотических и Бог весть каких еще. Но если всерьез говорить о прозе «Октября», то здесь есть тема, и она вполне последовательна и концептуальна: это ленинградский литературный и окололитературный андеграунд 60–70-х (проза Наймана, Бобышева, Бубновой).

Порой современная критика пытается выйти на уровень, вводящий **ОТЕЧЕСТВЕННУЮ КУЛЬТУРУ В МИРОВОЙ КОНТЕКСТ**, или, напротив, ввести **МИРОВОЙ КОНТЕКСТ В РАМКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.**

Весьма любопытные наблюдения над русскими писателями в Германии делает **Галина Ермошина** в статье **«Русская дискотека поколения "Гольф"»** («Дружба народов», № 12). Владимир Каминер, единственный из русских эмигрантов, кто освоил нишу немецкого языка, пользуется в Германии оглуши-

тельным успехом. Секрет его — в том образе «смешавшегося мира», на создание которого работает прежде всего его ломаный и неправильный немецкий (он часто воспроизводит или имитирует фразы из советских учебников). Существенно и то, что возникающая в результате «вторая реальность» абсурдна вдвойне: описывая бывшую родину для иностранцев, он и сам надевает маску «иностранца» в родной стране, обнаруживая незнание самых простых вещей, известных каждому ребенку. Кроме того, обитающие в Германии персонажи постоянно оказываются не тем, за кого себя выдают (что дополнительно поддерживает эту художественную версию) — грек оказывается итальянцем, китаец — вьетнамцем, вьетнамец — монголом, японка — буряткой, турки — болгарами... Для Европы, стремительно теряющей национально-культурную самоидентификацию, тема оказалась как нельзя кстати. Русскоязычный украинец Андрей Курков в Германии известен, а в пространстве бывшего СССР — нет. Ознакомившись с его творчеством, Ермошина огорчилась: он явно заслуживает большего. Он пишет нечто вроде антиутопий — о вымышленном городе, созданном как рай для солдат всех войн. Убежище, естественно, оказывается ненадежным — гражданская война против сепаратистов начинается и там. В результате кровавой бани гибнут тысячи, но посмертно их награждают и называют новые улицы их именами. Александр Мильштейн, тоже проживающий в Германии, разрабатывает тему двойничества. Весь мир вокруг его персонажей расплывчат, они сами часто не понимают, кто из них кто. Но писатель ведет более сложную игру: он сам раздваивается — между полюсами автора и рассказчика, героя и автора, как героя... Этот мотив, по мнению критика, возникает из «лингвистической реальности двуязычия». Ермошина не без успеха вставляет описанных ей авторов в контекст общемировой культурной ситуации, выводя характерологические признаки мировосприятия из теплой застылости 80-х — когда нигде ничего не меняется и ничего не происходит, да и не может произойти. Теперь же, когда иллюзии об устоявшемся на веки веков либерально-гуманистическом мире остались далеко позади, выясняется, что для «поколения Гольф», как обозначил его писатель Флориан Иллиес, боль бытия никуда не делась. Об этом свидетельствуют и романы Мишеля Уэльбека и Дугласа Коупленда.

Фигуре Исайи Берлина посвящена статья **Александра Вяльцева «Гость из будущего у английского камина»** («Дружба народов», № 12). Публикация работ Берлина, чьи научные интересы и личные воспоминания тесно переплетены с Россией, кажется критику закономерной и едва ли не опоздавшей. Однако, перелистывая двухтомник, критик исполняется все нарастающего скептицизма: это смахивает на популярный лекторский курс с изрядной долей общих мыслей. Оценки вялы, амбивалентны, Берлин часто подпадает под влияние обозреваемых им философов. Идефикс Берлина — доказать, что построение гармоничного общества невозможно. Возражения направлены и против правых, и против левых, в общем, против всех, кто хочет нарушить status quo и лишить индивидуальный эгоизм его свободы. Критику это представляется очень английской теорией. Берлин без конца цитирует тех, кто не считает возможным жертвовать личностью ради абстрактных идей или будущего процветания человечества. «Мысль настолько же верная, насколько и банальная», — ирони-

зирует Вяльцев. На подтверждение ее у Берлина работает постоянный круг авторов: Руссо, мыслители Просвещения, их немецкие и русские отрицатели, поклонники и реформаторы, вроде Толстого. Что движет историю, познаваем и направляем ли ее процесс? Где спасение: в цивилизации ли или в «естественности»? Можно ли надеяться на «свет разума» — или лучше на опыт, откровение — или все непостижимо? Этим кругом вопросов Берлин занимается на протяжении 1000 страниц с педантическим упорством. Привлекает кучу западных авторов, множество вдохновленных ими (по его убеждению) и даже в чем-то превзошедших их русских, тщательно излагает их взгляды — а сам, что характерно, от ответа уходит. Кем же он был для русской интеллигенции? — задается вопросом критик. Едва ли не первым человеком с Запада за много лет, удовлетворявшим ее духовный голод. Собеседником Пастернака и Ахматовой, на которую произвел совершенно необъяснимое (даже для него самого) впечатление — и как некий вестник, и как «гость из будущего», и даже мистический возлюбленный, вошедший во всех этих ипостасях во многие поздние ее стихи. Именно в этом литературно-мифологическом качестве Берлин сам стал неотъемлемой частью русской культуры.

Статья **Николая Мельникова «Многострадальный шедевр»** («Новый мир», № 11) посвящена публикации романа Джойс Кэрол Оутс «Дорогостоящая публика». В России с одним из самых интересных произведений плодовитой американской романистки произошла занятная история: «Дорогостоящая публика» уже печаталась в 1994 г. — огромным тиражом! — и при этом роман остался незамеченным. Дело в том, что опубликовало его одно из многочисленных в то время издательств-однодневок, книга вышла с зазывной картинкой на обложке — стандартное оформление слащавой дамской прозы. В итоге роман не попал ни в библиотеки, ни в руки критиков и серьезных читателей. «Типичный российский парадокс: книга одной из самых титулованных... американских писательниц была выпущена стотысячным тиражом, но ее как бы и не было». И только теперь она «получила шанс пробиться к тому серьезному и искушенному читателю, на которого и была рассчитана».

ПОПУЛЯРНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Игорь Ефимов в статье **«Несовместимые миры. Достоевский и Толстой»** («Звезда», № 10) размышляет о принципиальной несовместимости двух национальных гениев, имена которых привыкли произносить вместе, а писать чуть ли не через дефис. На самом деле общим у них является лишь сострадание. Толстой не верит в существование злодеев, в то, что человек творит злодеяния сам по себе. Достоевский исследует глубины человеческой падшести; по Достоевскому, зло коренится в отходе человека от Христа. Два урока извлекает Ефимов из этой драмы несовместимости: нельзя мерить и оценивать мир, созданный художником, указывая на то, чего в нем нет; и какими бы путями ни блуждали мы в духовных океанах, на настоящей высоте выбирать придется не между злом и добром, а между высоким и высоким, любовью и любовью.

Тему странной нелюбви некоторых писателей к Чехову, затронутую Л. Лосевым в 7-м номере «Звезды», продолжает **Александр Кушнер** в статье **«Почему они не любили Чехова»** («Звезда», № 11). Не любил его, например, И. Аннен-

ский, убежденный, что у Чехова «сухой ум», а кроме того считавший, что Чехов хотел «убить в нас Достоевского». Кое-что в нелюбви Анненского и Ахматовой к Чехову объясняется отношением к нему Ходасевича, тоже Чехова не жаловавшего. Возможно, они отворачивались от него, поскольку хорошо знали, что такое болезнь, и боялись ее. А возможно, что причина в том, что XX век делал ставку на сильную личность, которой у Чехова быть не могло.

Обзор подготовили
Ирина Дугина, Евгений Ермолин,
Мария Ремизова, Евгения Щеглова

ЛР № 066469
Подписано в печать 26.02.2003. Формат 60x84/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 30,00. Усл. печ. л. 27,3. Тираж 4000 экз.
Заказ № 7488

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

«КОНТИНЕНТ» № 115, 480 стр., индексы 73218 и 71682 (каталог Роспечати)
и 15706 (Объединенный каталог «Пресса России»)